ISBN 978-5-7576-0396-4

ИСТОРИЯ БАЛКАН

На переломе эпох (1878–1914 гг.)

ИСТОРИЯ БАЛКАН

На переломе эпох (1878–1914 гг.)

inslav

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ИСТОРИЯ БАЛКАН

На переломе эпох
(1878–1914 гг.)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. В. Никифоров

МОСКВА
2017

inslav

УДК 93/94
ББК 63.3(47)
И90

Исследование и издание осуществлено
при финансовой поддержке РФФИ/РГНФ
(грант № 15-01-00145а)

Редакционная коллегия:

К. В. Никифоров (ответственный редактор),
доктор исторических наук

С. И. Данченко,
доктор исторических наук

М. М. Фролова,
кандидат исторических наук

Рецензенты:

О. Е. Петрунина,
доктор исторических наук

А. В. Карасёв,
кандидат исторических наук

История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред.
И90 К. В. Никифоров. — М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 504 с.

ISBN 978-5-7576-0396-4

Представленный труд — четвертый, завершающий том «Истории Балкан в Новое время». На фоне борьбы великих держав рассматривается важнейший период в истории балканских государств — от получения независимости до Первой мировой войны. Этот период, связанный прежде всего с задачами модернизации балканских государств, разделен авторами издания на две части — Эпоха Берлинского конгресса и Эпоха Балканских войн.

Для историков, политологов, широкого круга читателей.

УДК 93/94
ББК 63.3(47)

ISBN 978-5-7576-0396-4
9 785757 603964

© Коллектив авторов, 2017
© Институт славяноведения РАН, 2017
© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2017

inslav

Содержание

Предисловие (*К. В. Никифоров*) 5

Часть первая
ЭПОХА БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА

Восточный вопрос утрачивает приоритет в европейских международных отношениях (*В. Н. Виноградов*) 12

Румыния: от завоевания независимости к рубежу XX века (*В. Б. Каширин*) 26

Политическое развитие Болгарии после освобождения (*В. И. Косик*) 55

Сербия: в поисках внешней опоры (1878–1903 гг.) (*П. А. Искендеров*) 87

Черногория после Берлинского конгресса (*В. Б. Хлебникова*) 110

Пробуждение «албанского фактора» (1878–1908 гг.) (*П. А. Искендеров*) 138

Греция: конец «эпохи романтизма» (*О. В. Соколовская*) 157

Османская империя в правление Абдул-Хамида II: зулюм, модернизация, революция (*Р. Р. Субаев*) 179

Часть вторая
ЭПОХА БАЛКАНСКИХ ВОЙН

Долгий путь к рождению Антанты (*В. Н. Виноградов*) 224

Румынские маневры: 1900–1914 гг. (*В. Б. Каширин*) 231

Болгария: от независимости к Балканским войнам (*В. И. Косик*) 270

Балканский «пасьянс» Белграда (1903–1914 гг.) (*П. А. Искендеров*) 285

Черногория в начале XX в. (*В. Б. Хлебникова*) 319

Боснийский узел (*П. А. Искендеров*) 362

Македония: балканское «яблоко раздора» (*П. А. Искендеров*) 372

inslav

Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.) (*П. А. Искендеров*) 391

Греция: становление европейского государства (*О. В. Соколовская*)..... 413

Младотурки у власти (1908–1914 гг.): от торжества свободы к новой диктатуре (*Р. Р. Субаев*) 435

Заключение (*К. В. Никифоров*) 484

Именной указатель (*А. А. Леонтьева, К. В. Мельчакова*)..... 488

inslav

Предисловие

Книга «История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.)» — четвертая и последняя в серии «История Балкан в Новое время»[1]. Серия была задумана В. Н. Виноградовым, он же являлся ответственным редактором трех первых книг. За подготовкой к печати четвертой книги Владилен Николаевич внимательно следил и сам подготовил для нее два раздела о ситуации в мире и на Балканах после Берлинского конгресса и в начале XX в. Горько сознавать, что ему не удалось поддержать последнюю книгу из серии «История Балкан» в руках. Он ушел из жизни в феврале 2017 г., когда книга была уже фактически написана. Пусть этот труд будет данью нашего искреннего уважения В. Н. Виноградову — крупнейшему российскому балканисту современности и замечательному, глубоко порядочному человеку.

В трудах, подобно написанной серии, определение хронологических рамок исследуемого периода часто представляет собой первую и не всегда легко разрешимую проблему. И если конец Нового времени обычно так или иначе связывают с Первой мировой войной, то его начало у разных историков применительно к разным регионам мира определяется по-разному.

Авторы четырехтомного труда исходили из того, что при всей условности начальной даты Нового времени, для Балкан начинать, по-видимому, надо с рубежа XVII и XVIII вв. Война Священной лиги (Австрия, Польша, Россия, Венеция) против Османской империи 1683–1699 гг. «ознаменовалась крутой переменой в раскладе и расстановке сил, христиане стали стороной наступающей, мусульмане — обороняющейся и отступающей… Роли переменились. … И все это происходило на фоне первых ростков балканского Возрождения»[2]. Воистину будущее обещало большие изменения, настоящее новое время, но его рассвет лишь брезжил.

Не менее важно, что именно в XVIII в. Балканы, по точному замечанию болгарской исследовательницы М. Тодоровой, перестали рассматриваться в Европе только как часть Османской империи[3]. В последней трети XVIII в. Балканы стали частью общеевропейской

---

[1] Предыдущие тома: История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004; История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011; История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М., 2012.

[2] *Виноградов В. Н.* Предисловие // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 3.

[3] История Балкан. Век восемнадцатый. С. 527.

inslav

международной системы в связи с возникновением Восточного вопроса. А сам Восточный вопрос был открыт Кючук-Кайнарджийским миром, заключенным после очередной русско-турецкой войны в 1774 г.[4]. Чуть позже завершилась и последняя австрийско-турецкая война (1788–1791 гг.). А России в XIX в. предстояло воевать с Турцией еще четыре раза (1806–1812 гг., 1828–1829 гг., Крымская война 1853–1856 гг., 1877–1878 гг.).

Великая французская революция и начало наполеоновских войн еще больше ускорили процесс втягивания Юго-Восточной Европы в мировые международные отношения, что не могло не сказаться на судьбах проживавших там народов. Сербский историк Р. Люшич пишет: «Конец XVIII и начало XIX в. представляют собой время войн и революций, и его можно считать переломным периодом в истории Европы и, естественно, Балкан, являющихся ее частью…»[5].

В XIX в. при воссоздании на Балканах независимых национальных государств и попытках их расширения до трактуемых часто весьма расширительно этнически обусловленных границ (именно тогда появились все «великие» балканские планы — «мегали-идеа», «Начертание», Сан-Стефанская Болгария и т.п.) проявилась та самая конфликтогенность региона, о которой столь много написано в историографии. В отличие от Западной Европы процесс национального разграничения на Балканах так никогда и не был полностью завершен. Причем, огромную роль в воспроизводстве межэтнической напряженности сыграло постоянное вмешательство в балканские события великих держав. Во многом именно из-за этого в регионе возникли та самая пресловутая этническая чересполосица и множество территориальных споров.

Так, проиграв борьбу за объединение немецких земель и войну с Италией, Австро-Венгрия стала искать компенсации на Балканах. После Берлинского конгресса 1878 г. она добилась права на оккупацию Боснии и Герцеговины и ввод своих воинских гарнизонов в Новопазарский санджак. Карты на Балканах вновь оказались смешанными. Например, для Сербии путь расширения в сторону Боснии и Герцеговины и Старой Сербии, в том числе и к Адриатическому морю, огибая с одной или другой стороны Черногорию, оказался перекрытым. Оставался путь в противоположную сторону — долиной Вардара до Салоник и с выходом уже в Эгейское море.

Этот период после Берлинского конгресса и до начала Первой мировой войны оказался особенно важным для дальнейшей эмансипации балканских народов. И не только потому, что после Берлинского конгресса многие из них после долгого перерыва получили независимость, а Болгария — самостоятельность. В.Н. Виноградов считал, что после Берлина «в связи со стремительным ослаблением Турецкой державы резко снизилось значение Восточного вопроса в судьбах Европы, под ним

---

[4] См.: *Достян И.С.* Особая позиция России // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 15.

[5] *Љушић Р.* Други српски устанак (1815) // *Љушић Р.* Србија 19. века. Београд, 1994. С. 65.

inslav

стали понимать соперничество держав»[6]. Но и сами они уже не были полновластными хозяевами в любой точке Балкан. «Османское владычество в регионе пришло к концу, — продолжал В.Н. Виноградов. — Вместе с тем отошла в прошлое система международных отношений в регионе, в котором тон задавали великие державы, то соперничавшие, то сотрудничавшие друг с другом. Отныне решающими субъектами международного права здесь стали сами балканские государства, их взаимоотношения и, как скоро выяснилось, их соперничество»[7].

Национальные планы балканских государств не только накладывались на планы великих держав и планы друг друга, но и на вековую региональную отсталость. Образно говоря, из Азии, куда балканские страны попали после турецкого завоевания, они вновь вернулись в Европу. Но вернуться формально было явно недостаточно, нужно было вернуться фактически, то есть европеизировать все стороны своей во многом еще патриархальной жизни, стать настоящими европейцами. Поэтому модернизация (или европеизация) являлась основным содержанием периода в истории балканских государств после Берлина и до Первой мировой войны. Для стран с догоняющим развитием не было более актуальной и насущной задачи. Кстати, и в России этот период связан с той же модернизацией и «догоняющим развитием» в экономике.

Этот же период от Берлинского конгресса до Первой мировой войны был периодом так называемой «первой глобализации», что, казалось, предоставляло балканским государствам новые возможности. Однако этот шанс ни европейскими державами, ни балканскими странами использован не был. Разрыв между Балканами и остальной Европой только увеличился. Балканские страны стали «бедными родственниками» западного мира с угрозой попасть под новую зависимость, но уже не от Турции, а от европейских держав. В случае Сербии, например, таковой державой оказалась Австро-Венгрия.

Р.Р. Субаев смотрит на эти события через призму имперского наднационального наследства, попыток греков (наиболее последовательных), болгар и сербов восстановить свою «Неовизантию», заключенных в концепциях «мегало-идей». Такая тенденция в остаточных формах сохранялась до 1878 г., эволюционировав затем от империи к национальному государству[8]. Так что и здесь Берлинский конгресс стал своего рода водоразделом. Для Турции имперская составляющая была не наследством, а настоящим. Но и здесь происходили решительные попытки модернизации: сначала в виде режима зулюма («третьего Танзимата»), а затем — младотурецкой революции.

---

[6] *Виноградов В.Н.* Последняя русско-турецкая война // История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). С. 325.

[7] *Виноградов В.Н.* Предисловие // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 7.

[8] *Субаев Р.Р.* Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе как методологический принцип изучения истории Балкан: к вопросу о природе «мегало-идей» // Славяноведение. 2015. № 1. С. 3–21.

inslav

В любом случае возрождавшиеся балканские государства все равно оставались в имперском окружении, сохраняя с ним глубинные связи. В связи с этим в современной историографии происходит частичный отход от «канонизации» национального государства. Такая его апологетика существовала и в отечественной исторической науке, хотя и признавалась, например, объективная роль политики Австрийской империи в возрождении национального самосознания сербов, хорватов или румын. Сегодня империи трактуются уже не только как препятствие в нациестроительстве и заведомо устаревшая форма. «В действительности большинство процессов, которые подготовили создание модерного государства, происходили в имперских метрополиях», — пишет А. И. Миллер[9].

Таким образом, XIX век уже не объявляется однозначно только веком наций-государств, а империя перестает трактоваться как нелегитимное образование. Дискуссии продолжаются. И если для одних историков XIX век остался «эпохой на пути предначертанного заката империй и различных национальных возрождений», то другие исследователи «видели в той же эпохе прогрессивную правовую интеграцию, охраняемые конституцией личные права и невиданный культурный расцвет»[10].

В целом Берлинский конгресс сохранял свое влияние на региональное развитие вплоть до Балканских войн 1912–1913 гг., хотя его решения и стали пересматриваться намного раньше. В 1885 г. произошли объединение Болгарии, а затем и сербско-болгарская война. В 1896–1897 гг. разразилось восстание на Крите, переросшее в греко-турецкую войну. В 1903 г. произошел государственный переворот в Сербии, завершившийся сменой правившей династии. В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, закрепив новые балканские переделы со стороны великих держав. В том же году усилиями молодых офицеров произошла младотурецкая революция в Османской империи.

Рост влияния военного фактора, милитаризация политики в истории балканских государств этого периода носили общерегиональный характер. Офицерство пыталось взять на себя ответственность за развитие своих стран. Тогда же, в 1908 г., в Греции возникла панэллинистическая организация Военная лига. В Сербии переворот 1903 г. был также совершен военными. Они создали затем тайную организацию «Объединение или смерть», известную под названием «Черная рука», и претендовали на главную роль в государстве. На определенном этапе развития страны офицерство пыталось заполнить нишу потомственной элиты, уничтоженной в Сербии и некоторых других балканских странах после турецкого завоевания. Известным исключением в силу своей отдаленности от Стамбула оказалась «боярская Румыния».

---

[9] *Миллер А. И.* Империя и нация в «долгом XIX веке» // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 248–249.

[10] *Мирзеханов В. С.* XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени // Всемирная история. Т. 5. С. 13–14.

inslav

Наконец, выбор цивилизационного пути часто означал для балканских стран выбор между Западом и Россией. Еще Ф. М. Достоевский в 1877 г. предупреждал, что «не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! ... Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь именно с того, что выпросят у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают»[11]. И действительно, сразу после Берлинского конгресса Россия ощутила «неблагодарность» со стороны сначала Сербии, затем Болгарии. И этот ряд можно легко продолжить.

Но вернемся к балканским территориальным спорам. Их пытались разрешить по-разному, но прежде всего самым традиционным способом — войной. В 1885 г., уже через несколько лет после Берлинского конгресса, произошла сербско-болгарская война — первая между освободившимися балканскими странами. Стремление к возвеличиванию привело к тому, что именно в этот период балканские князья стали именоваться королями, а болгарский — даже царем[12].

Особое место в переустройстве Юго-Восточной Европы принадлежало Балканским войнам, особенно первой из них. Она оказалась своего рода восточноевропейской Реконкистой, выдавливанием Турции и турецкого населения обратно в Азию. Малые балканские государства впервые в истории выступили вместе и самостоятельно, а не для поддержки тех или иных действий великих держав. Балканских союзников стали даже называть «седьмой великой державой». Однако союз балканских государств продлился, как известно, совсем недолго.

Вторая Балканская война была войной между вчерашними союзниками. Как борьба против мавров не удержала христианские королевства от борьбы друг с другом, так и изгнание османов сопровождалось борьбой новых балканских государств за дележ турецких трофеев.

Балканские войны после Берлинского конгресса 1878 г. «стали хронологически вторым, а по значимости — равным ему этапом становления национальной государственности балканских государств»[13]. Причем, корни Балканских войн как раз обычно и находят в решениях Берлинского конгресса, а непосредственный повод — в младотурецкой революции 1908 г. Принятые в Берлине решения опирались на идею национальной государственности и тем самым вели к реализации идеи раздела османского наследства между новы-

---

[11] *Достоевский Ф. М.* Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать // Дневник писателя. 1877. http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn21.htm

[12] См. также: *Субаев Р. Р.* Балканская модернизация 1878–1914 годов: цели и результаты // Славяноведение. 2015. № 5. С. 6.

[13] *Улунян Ар.* Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 48.

inslav

ми балканскими государствами. «Национализм победил имперскую традицию»[14]. Так или иначе «Балканские войны завершили не только “долгий XIX век”, но и переходную (во многом — переломную) эпоху в развитии всех государств региона»[15].

Именно на Балканах, вместо ожидавшейся эры благоденствия, мир скатился к мировой войне. Соперничество великих держав тоже никуда не делось. Более того, оно неуклонно нарастало. И если после наполеоновских войн европейские державы придерживались определенных правил игры, ограничений во взаимоотношениях друг с другом, то затем эти правила начали меняться. Начало процессу их разрушения положила Крымская война. «Окончательный демонтаж системы конвенциональных ограничений в отношениях между континентальными империями занял несколько десятилетий и со всей силой проявился в ходе Первой мировой войны»[16].

Рассматриваемый в четвертом томе «Истории Балкан» период в 36 лет — от Берлинского конгресса до Первой мировой войны — авторы посчитали целесообразным разбить на два этапа — «эпоха Берлинского конгресса» и «эпоха Балканских войн». Первый этап — относительно мирный (с плавающей границей для разных балканских стран) и второй — период сползания к военному лихолетью, отмеченный аннексией Боснии и Герцеговины, провозглашением независимости Болгарии, младотурецкой революцией и, наконец, Балканскими войнами, которые оказались уже событием, общим для всех[17].

В рамках этого самого общего деления труда на две хронологические эпохи каждый автор имел полную свободу при выборе тем и угла зрения на ту или иную проблему. Точно так же авторы были полностью свободны в изложении своих взглядов и оценок. Необходимо также иметь в виду, что специалисты по отдельным странам иногда начинают смотреть на те или иные события этих стран глазами национальных историков. Пусть не прямо, но косвенно у так называемых страноведов может произойти то, что называется «национализацией истории». Наверное, и наш труд не свободен от этого явления. Но мы надеемся, что в сумме все эти взгляды на отдельные балканские страны, нивелируя возможные перехлесты и крайности, дадут общую объективную картину истории Балкан в 1878–1914 гг.

---

[14] *Субаев Р. Р.* Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе... С. 10–11, 19.

[15] *Шемякин А. Л.* Сербия и сербы накануне балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн. С. 123.

[16] *Миллер А. И.* Империя и нация… С. 262.

[17] Причем, специальной главы о Балканских войнах авторы решили не писать. В противном случае не удалось бы избежать многочисленных повторов, поскольку в страноведческих главах Балканским войнам уделено достаточно места. Кроме того, эти сюжеты были уже отражены в отдельной главе «Балканские войны 1912–1913 гг.» в коллективном труде «В “пороховом погребе Европы”. 1978–1914 гг.» (М., 2003) из предыдущей серии Института славяноведения РАН, посвященной международным отношениям на Балканах.

inslav

Часть первая

ЭПОХА БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА

inslav

Восточный вопрос утрачивает приоритет в европейских международных отношениях

В десятой и последней войне с Турцией 1877–1878 гг. Россия добилась решающего успеха в той миссии освобождения христианских народов Балкан от гнета Турецкой империи, которую она осуществляла с екатерининских времен. Доктрина статус-кво ее основного соперника, Великобритании, направленная на сохранение власти и влияния Высокой Порты на юго-востоке Европы, прекратила существование, ибо мало что оставалось оберегать. А родилась она в эпоху наполеоновских войн, когда в рамках сотрудничества с Великобританией зародилось соперничество с нею. 1812 год вознес на невиданную высоту престиж России. Членам кабинета его величества чудилось уже установление российской гегемонии на континенте.

На Венском конгрессе в 1815 г. был заключен тайный союз Англии, Франции и Австрии против России и Пруссии. Но в марте Наполеон в сопровождении тысячи солдат высадился на юге Франции и восстановил свою власть. Король Людовик XVIII столь стремительно ударился в бега, что позабыл в кабинете экземпляр союзного договора. Наполеон переслал его в Вену императору Александру. Вручение его царю произошло в присутствии министра иностранных дел Габсбургской монархии К. Меттерниха. В историографии бытует мнение, что тот в первый и последний раз в жизни покраснел.

Союз трех распался. Нечего было думать о кознях против России и Пруссии, следовало спешно собирать силы для пленения корсиканца, что и произошло 18 июня того же года в сражении при Ватерлоо. Антироссийский курс британской дипломатии воплотился в противоборстве с Россией по линии ее южной границы, что именовалось в просторечии «большой игрой европейской политики» и выражалось в доктрине статус-кво.

В свою очередь не выдержали испытания временем и отдельные положения Берлинского трактата 1878 г. Так, учиненный раздел Болгарии на две части с оставлением одной под властью Турции рухнул в 1885 г. с согласия всех прежних яростных противников этой меры

inslav

во главе с Великобританией. Но тогда же руководитель Форин оффис маркиз Р. Солсбери выражал сожаление по поводу того, что Турция не воспротивилась принятию решения, сочтя это признаком ее слабости и обреченности: «Ни одно жизнеспособное государство не позволило бы утащить у себя из-под носа провинцию, не протянув руки, чтобы ее сохранить»[1]. Однако его протест против объединения Болгарии ограничился этим ворчанием.

Обретение самостоятельности балканскими державами сопровождалось повышением их воинственности в отстаивании претензий, в том числе территориальных. Полуостров заслужил нелестную славу «порохового погреба Европы». В ноябре того же 1885 г. произошел блицкриг между Сербией и Болгарией. У держав не было желания погружать Европу после бурных семидесятых годов в новое кровавое побоище. Они ограничились тем, что способствовали восстановлению мира на основах статус-кво анте беллум. (Подробно эти два крупных события трактуются в главах книги о Сербии и Болгарии.)

При полном триумфе на поле боя, позиции России на Балканах оказались подорванными. Курс на освобождение христианских земель имел свою оборотную сторону. Свержение и даже ослабление власти Высокой Порты над христианскими народами, достигавшееся при поддержке, часто решающей, со стороны России, давало толчок их развитию, выводило в крепнувших странах на политическую и экономическую арену и приводило к власти молодую национальную буржуазию. Прогрессивные круги, с уважением относившиеся к передовой России, считали самодержавие безнадежно отсталым консервативным строем и обращали свои взоры в поисках примера для подражания в государственном строительстве на Запад, с его парламентским строем, наличием конституций и гражданских прав у населения. России не стремился подражать никто.

Самодержавие, совершая великое дело подрыва власти Высокой Порты в регионе, одновременно подрывало здесь свои позиции. Ф. Энгельс задолго до описываемых нами событий обратил внимание на этот двуединый процесс: «Известно, что в каждом государстве, которое возникало на турецкой территории и достигало полной или частичной независимости, образовалась сильная антирусская партия. И если это имело место тогда, когда русская помощь являлась единственным прибежищем от турецкого гнета, чего же можно ожидать, когда страх перед этим гнетом исчезнет»[2]. Ту же истину выражал злейший враг Ф. Энгельса канцлер О. Бисмарк: «Освобождаемые народы не благодарны, а требовательны».

---

[1] *Bourne K.* The Balkan Policy of Victorian England. Oxford, 1979. P. 425.
[2] *Маркс К.,Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 9. М., 1957. С. 32.

inslav

Предвиденный Энгельсом великий час освобождения наступил в 1878 г. И дипломатия балканских стран отвернулась от России, и, похоже, их историография часто следует тому же примеру. Академик М. Экмечич именовал Берлинский трактат «невозможным» и усматривал в нем угрозу национальным движениям славянских стран и даже «источник всех зол». В том же духе высказывался проф. М. Войводич. Договор 1878 г. он считал «угрозой славянству»[3]. Напомним, что Сербия по нему обрела независимость и увеличила свою территорию на 11 тыс. кв. километров. Первой беглянкой выступила Румыния, метнувшаяся от союза с Россией к вступлению в созданный в 1879 г. военно-политический блок Центральных держав — Германии и Австро-Венгрии. И уж совсем за пределы здравого смысла выходил разрыв дипломатических отношений между объединенной Болгарией и Россией в 1885 г., в коем повинен был не только крутой нравом император Александр III, но и влиятельные круги болгарской элиты прозападной ориентации. Сербский князь (король с 1882 г.) Милан Обренович подчинил свою внешнюю политику Габсбургской монархии. Так тяжело расплачивалась Россия за дурную репутацию царизма.

Все балканские страны осудили решения Берлинского конгресса, руководствуясь своими локальными интересами. Все они обзавелись программами национального объединения, скромностью не отличавшимися, ибо все претендовали не только на свои, но и на чужие земли. Чересполосное расселение народов, наличие значительных очагов одних на основной территории расселения других, сложность исторического развития, в ходе которого этносы проживали в разных государствах, — все это делало проблему разграничения на Балканах, удовлетворяющую все стороны, не только запутанной, но и неосуществимой даже теоретически. При любом ее варианте кто-то всегда оставался обиженным, балканских просторов на всех явно не хватало. Единственный опыт разграничения без вмешательства держав произошел после Второй Балканской войны. По Бухарестскому миру 1913 г. Сербия, Черногория, Румыния и Греция расправились с Болгарией, навязав ей условия, воспринятые в стране как национальная катастрофа. Россия и в то время даже Австро-Венгрия такого обращения с побежденным не допустили бы.

Понадобились годы и годы, чтобы страсти улеглись и балканская общественность убедилась в том, что российские резервы поддержки освободительного движения христианских народов далеко не исчерпаны. К чести министерства иностранных дел России следует сказать, что оно никогда не пыталось распространять самодержавные порядки за пределами империи и на Балканах поощряло склонные

[3] XV Congres des sciences historiques. Bucarest, 1980. P. 308–328.

inslav

к конституционным преобразованиям силы там, где они существовали. Так, немедленно после войны 1877–1878 гг. консульская служба способствовала выработке в Болгарии Великотырновской конституции, передовой для своего времени и предусматривавшей введение для мужчин фактически всеобщего избирательного права. Генерал Э.И. Тотлебен принял меры к тому, чтобы новорожденное княжество обзавелось боеспособной армией, оставив в стране много оружия, военного снаряжения и конского состава. На болгарскую службу перешли некоторые солдаты и офицеры российских войск, болгары по происхождению.

Ориентация на Россию постепенно крепла, и подробно об этом сказано в страноведческих главах книги.

А пока что…

Еще в двадцатые годы прошлого столетия молодой Сергей Данилович Сказкин определял ситуацию кратко и выразительно: у самодержавия не было «ни армии, ни флота, ни денег», и правительство ограничивало свои задачи в 1880-е годы обороной от Англии в случае развала Турции. Оно отнюдь не мечтало получить «ключи от своего дома» (то есть Проливы)[4].

Вовсе не все историки придерживались тогда этой точки зрения. Последователи школы Покровского сводили всю внешнюю политику самодержавия к захватам всегда и везде. Овладение Проливами представлялось основной задачей. На сей стезе еще в царской России подвизались не только академические умы, но и дипломаты в высоких чинах, и среди них первенствовал посол в Стамбуле А.И. Нелидов, отстаивавший эту идею не то что настойчиво, а просто назойливо, изобретая дипломатические комбинации, которые могли бы осуществить желаемую операцию без войны. Император Александр III реагировал осторожно, одобряя замысел, но обращал внимание на отсутствие средств для его осуществления. Броненосный флот на Черном море состоял из одного корабля «Екатерина Великая», и не на судах же Российского общества пароходства и торговли было штурмовать турецкие бастионы на Босфоре! Глава министерства иностранных дел Н.К. Гирс именовал нелидовские прожекты «фантастическими разглагольствованиями» и на чем свет ругал неуместную ретивость представителя в Константинополе[5]. Царской резолюции «Быть по сему», означавшей приказ приступить к действию, так и не появилось на депешах Нелидова. Геостратегическая ситуация в Европе изменилась в корне, для восстановления позиций самодержавия в Османской империи существовало одно реальное средство — новая война без каких-либо гарантий на успех.

---

[4] *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. 2-е изд. М., 1974. С. 174, 213.

[5] *Ламздорф В.Н.* Дневники 1891–1892 гг. М.–Л., 1934. С. 358.

inslav

Уместно привести здесь два высказывания по Восточному вопросу, одно из которых относится к эпохе «после Крыма», а другое — к 90-м годам XIX в. Австрия во время осады Севастополя вела себя крайне подло. Однако император Франц Иосиф, желая восстановить добрые отношения с царизмом на проверенных охранительных началах, молвил: «Мы согласны во всем, кроме одного несчастного Восточного вопроса». Ему ответили, что для России один этот «несчастный» вопрос значит больше, чем все прочие вместе взятые. А 40 лет спустя глава внешнеполитического ведомства князь А. Б. Лобанов-Ростовский так отзывался о Балканах: их «надо бы поставить под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более важными делами»[6].

Первые семь десятилетий XIX в. ознаменовались тремя Восточными кризисами и тремя русско-турецкими войнами, а четвертая, Крымская, переросла в общеевропейскую. В следующие почти 40 лет, вплоть до Первой мировой, — совсем иная картина. Ни одного кризиса общеевропейского масштаба, ни единого вооруженного вмешательства держав в балканские дела. Отошла в прошлое большая игра европейской политики, как именовалось англо-российское соперничество. Раздоры, споры, конфликты на полуострове не прекратились, недаром он заслужил репутацию «порохового погреба Европы», но они ограничивались столкновением внутрибалканских сил.

Восточный вопрос перестал занимать приоритетные позиции в международной жизни Европы. Эта истина далеко не сразу запечатлелась в общественном мнении и нашла отражение в историографии. Даже в 1961 г. В. И. Бовыкин писал о стремлении российских правящих кругов «создать себе благоприятные условия для захвата проливов на случай изменения международной обстановки»[7]. Историография «дальнего зарубежья» и поныне незыблемо придерживается этой позиции: «Установление контроля над проливами являлось главной целью российской дипломатии на протяжении XIX столетия»[8]. Исключения встречаются редко; иной точки зрения придерживалась американская исследовательница Б. Елавич[9].

Детально, с привлечением многих архивных материалов, вопрос исследовала Н. С. Киняпина в монографии «Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века» (М., 1994). Ее вывод: овладение проливами целью российской политики не являлось. Во втором и третьем томах «Истории Балкан» («Век девятнадцатый (до Крымской войны)» и «Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)»)

---

[6] Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 288.

[7] В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 96.

[8] *Machenzie D.* Russia's Balkan Policy under Alexandre II. Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge (USA), 1993. P. 92.

[9] *Jelavich B*. A Century of Russian Foreign Policy. Philadelphia and NY, 1964. P. 276.

inslav

Института славяноведения РАН эта точка зрения прослеживается на протяжении почти всего столетия.

Современники считались с фактами и говорили об уходе России из Европы. В противоречиях с Великобританией недостатка по-прежнему не ощущалось, но центр противостояния двух держав переместился в Среднюю Азию. В 1881 г. М.Д. Скобелев захватил Ахал-Текинский оазис, через три года в состав России вошел Мерв. Окружение вице-короля Индии забросало Уайт-Холл просьбами, иногда истерическими, о защите жемчужины Британской империи от посягательств неуемных московитов. Отпор решено было учинить, используя обученные британцами афганские войска. Те переправились через пограничную реку Кушку, но были остановлены. Положение оставалось напряженным, Англия по-прежнему считалась врагом №. 1.

Царское правительство, одинокое, покинутое всеми, металось в поисках выхода из изоляции и стремясь сохранить мир. Еще с довоенных времен, с 1873 г., оно являлось членом организации, которую подмывает назвать призрачной. Именовалась она громко — Союз трех императоров, Германии, России и Австрии, хотя альянс по сути дела являлся лишь совещательным органом этих держав. Напряженность отношений с Англией, желание обеспечить безопасность хотя бы западных границ побуждали самодержавие искать согласия с немцами. Австро-венгерская дипломатия, после отставки канцлера К. Бейста и прихода к руководству внешними делами ставленника венгерской магнатской группировки графа Д. Андраши, оставила мысли о реванше со Вторым рейхом и хотела заполучить Берлин в союзники в соперничестве с Россией на Балканах. Бисмарк, занятый мыслями о новом сокрушении Франции, к обострению ситуации на полуострове не стремился и полагал, что рамки формального альянса трех ему в том помогут.

Подписанные в 1873 г. соглашения содержали заверения в миролюбии участников и обязательство оказывать друг другу содействие в случае нападения. Декларативность этих заявлений обнаружилась быстро. В 1875 г. Бисмарк спровоцировал новую военную тревогу в связи с возросшим вооружением французской армии. Однако осаживали его дипломатическими усилиями Россия и Великобритания, а вовсе не Австро-Венгрия. Во время последней русско-турецкой войны 1877–1878 гг. венская дипломатия вела себя пакостнее некуда, и лишь мощь российской армии помешала монархии выступить против России на поле боя. В 1879 г. последовало заключение военно-политического блока Берлина и Вены, направленного против Франции и России. А.М. Горчаков признавал, что фактически Союз трех императоров прекратил существование.

inslav

Однако формального роспуска не произошло, в Петербурге, видимо, тлела надежда, что Бисмарк — убежденный противник войны на два фронта, и акт о Союзе трех императоров продлевался. Упования самодержавия имели под собой почву. По истечении срока его действия в 1887 г. последовало заключение так называемого договора о перестраховке России только с Германией, в котором стороны обязывались соблюдать нейтралитет в случае нападения Франции на рейх и Австро-Венгрии на Россию. Интересы последней в Турецкой империи признавались. Подтверждалась незыблемость запрета прохода через Босфор и Дарданеллы иностранных военных судов.

В 1887 г. Англия вступила в Средиземноморскую Антанту (ее участники — Австро-Венгрия и Италия). Целью организации провозглашалось сохранение статус-кво в районе Средиземного и Адриатического морей. В Петербурге встревожились было, усмотрев в этой акции стремление к сближению Лондона с австро-германским блоком. Напрасное опасение. Уайт Холл хотел избежать нового разгрома Франции и превращения Пруссо-Германии в гегемона на европейском континенте. В 1875 г. кабинет ее величества совместно с самодержавием утихомирил Бисмарка, развязавшего против Франции военную тревогу. Ведущая тогда фигура на британской политической арене маркиз Р. Солсбери считал, что пруссаки вообще не признают равноправия участников какого-либо альянса, а всегда стремятся господствовать в нем.

Послевоенное смятение умов в России начало спадать. Уж так ли одинока и всеми покинута была держава? Один из заветов великой Екатерины гласил: Европа больше заинтересована в России, чем Россия в Европе. Вспоминали позицию Франции во время последней войны. Президент республики, генерал М.Э. Макмагон заявил тогда публично, что Франция из состояния нейтралитета не выйдет. А сие означало многое. России угрожала коалиция Турции, Великобритании, Австро-Венгрии и Румынии. Но война без Франции не явилась бы повторением Крымской, и противники России так и не решились ее развязать.

В Париже после Крымской эпопеи взятие небольшого города Севастополя было вписано в скрижали военной славы как достойный реванш за 1812 год. Сравнение выглядело жалким. Тогда была разгромлена великая армия Наполеона Бонапарта, что с фатальной неизбежностью предвестило крах его империи. Теперь ценой большой крови была занята часть небольшого города Севастополя (40 тысяч населения в мирное время) без жителей и даже без домов, они все были взорваны. Только камни и щебень достались победителям. Командующие союзных армий, английской и французской, генералы Симпсон и Пелисье, не помышляли о прорыве из Крыма

inslav

на российские просторы. Последний заявил, что в случае подобного приказа он уйдет в отставку. Но режим императора Луи Наполеона проявил политическую близорукость, взявшись быть главным сторожем постылого и ненавистного для России пункта Парижского мирного договора 1856 г., запрещавшего ей содержать военный флот на Черном море.

И всего через 15 лет Франция потерпела в войне с Пруссией разгром, равнозначный национальной катастрофе. Союзники ее исчезли, друзья разбежались, никто не протянул руку помощи. Без риска ошибиться можно сказать, что судьба ее могла бы сложиться иначе. Будь она в дружеских отношениях с Россией, то, вероятно, не лишилась бы тогда двух провинций, Эльзаса и Лотарингии. Но правительство Франции стало, можно сказать, своего рода главным тюремщиком России. И не случайно царский декрет об отмене пресловутой статьи появился в октябре 1870 г., после военной катастрофы под Седаном и свержения монархии Луи Наполеона. И державы, поголовно протестовавшие против акции Петербурга, на конференции в Лондоне в 1871 г. склонились перед волей России и узаконили отмену запрета. На совещании присутствовал делегат находившегося в бегах и растерявшего авторитет французского правительства, который послушно подписал все требуемые бумаги, и российская дипломатия восторжествовала.

Заявление президента Макмагона свидетельствовало, что в Третьей республике набирало силы стремление сблизиться с Россией. А в Петербурге самым восприимчивым к подобным веяниям был император Александр III (1881–1894 гг.). Его высказывания становились все решительнее и резче: «Нам действительно надо сговориться с французами и, в случае войны между Германией и Францией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им времени разбить сначала Францию, а потом броситься на нас». Ошарашенный Н. К. Гирс, сторонник ориентации на Союз трех императоров, причитал в узком кругу: «Его императорское величество молол такой вздор и проявлял дикие инстинкты»[10]. Но перечить воле царя он не смел.

Французы, наученные горьким опытом, жаждали сотрудничества с Россией, парижский денежный рынок с готовностью предоставлял самодержавию займы, одних винтовок производства заводов Шнейдер Крезо было закуплено на них полмиллиона. Но Париж стремился придать процессу сближения торжественный и даже величественный характер. Летом 1891 г. французская эскадра посетила Кронштадт. Встретили ее тепло, с радушием. Император, стоя на палубе флагманского корабля, выслушал Марсельезу, запрещенную к исполне-

[10] Цит. по: *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891–1892 г. М.–Л., 1934. С. 290.

inslav

нию в России как революционная песня. Офицеров и матросов эскадры адмирала Жервье чествовали в Петербурге, обеды и приемы следовали один за другим. Группа моряков посетила первопрестольную столицу. Во французской печати появилось выражение «кронштадтский год». Вероятно, в первый и единственный раз в истории главным событием года объявили дружественный визит военных кораблей в другое государство. Все понимали — посещение не просто акт вежливости, а предвестник важных политических перемен, способных вызвать изменение всего баланса сил в Европе. На обратном пути эскадра завернула к британцам в Портсмут. И в Петербурге, и в Париже внимательно следили — какова будет встреча. Она оказалась гостеприимной.

Британская реакция на франко-русское сближение не заставила себя ждать. В марте 1892 г. морские лорды подготовили записку на имя премьер-министра Р. Солсбери, и тот выступил в кабинете ее величества с меморандумом, содержавшим важные выводы. Врываться в Дарданеллы и Босфор и следовать далее — отныне опасно, констатировал глава правительства, можно очутиться в ловушке между возрождаемым Черноморским флотом России и подтянутой в Средиземном море к Дарданеллам французской эскадрой, и из этой западни не выбраться. 40 лет защита Константинополя составляла основу британской политики. Продолжать этот курс невозможно и непозволительно. Оборона турецкой столицы не стоила бы тех жертв, которые пришлось бы принести[11].

Вопрос о Черноморских проливах стал сползать со своих приоритетных позиций в международной жизни Европы. В Лондоне из высоких уст раздавались речи, ранее просто немыслимые. Первый лорд Адмиралтейства Дж. Гошен заявил в парламенте: «Мы свободны от каких-либо обязательств по ее (Турецкой империи. — *В. В.*) сохранению». И раздались аплодисменты. Влиятельный министр колоний Дж. Чемберлен полагал, что следует вместе с Россией «прекратить состояние банкротства, в котором находится больной человек»[12]. Кайзер Вильгельм II попытался припугнуть Петербург наличием британского флота в 18 вымпелов вблизи Дарданелл, вполне способного проникнуть в Черное море. Шантаж не подействовал.

А между Парижем и Петербургом шли переговоры о союзе. Французы попытались было заполучить в нем первую роль. Обязательства сторон на случай их войны с немцами в их предложениях были прописаны четко и для России очень весомо; на случай же ее столкновения с Австро-Венгрией обязательства союзницы определялись в общей форме. Опытнейшему Н. К. Гирсу и начальнику Генерального

[11] *Popadopoulos G. S.* England and the Near East. Thessaloniki, 1959. P. 91–96.
[12] *Bourne K.* Op. cit. P. 436, 463.

inslav

штаба Н.Н. Обручеву пришлось потрудиться, чтобы несправедливость была устранена. Обмен документами затянулся до 1893 г.

В англо-русские отношения вплелась и амурная нить. Вспыхнул роман между наследником-цесаревичем Николаем Александровичем и гессенской принцессой Алисой, любимой внучкой королевы Виктории, воспитывавшейся при ее дворе. Старшая сестра Алисы Елизавета была уже замужем за русским великим князем Сергеем Александровичем, перешла в православие, чего не была обязана делать, и завоевала высокий авторитет своей благотворительностью. В признание заслуг она уже в наши дни причислена к лику святых.

Увлекшись противоборством с Россией, Форин оффис упустил появление гораздо более опасного соперника в лице Германии. Второй рейх бурно развивался и вместе с Соединенными Штатами Америки догонял Великобританию в промышленном развитии. Ее репутация мастерской мира меркла на глазах.

Мировая промышленная продукция (в %):[13]

	Англия	Германия	США
1880 г.	28	13	28
1900 г.	18	16	31

В 1896 г. в Лондоне вышла книга Е.Е. Вильямса под красноречивым заголовком «Made in Germany» с горькой жалобой на наплыв немецких товаров, на которые британец натыкался на каждом шагу в доме, начиная с чугунной решетки камина, кочерги для помешивания угля, гравюры с изображением деревенской церкви. Дети играли в немецкие игрушки и читали книги, отпечатанные в Лейпциге[14].

Капитал и военщина Второго рейха приступили к осуществлению Дранга нах Зюд-Остен. В Стамбул прибыла немецкая миссия для реорганизации турецкой армии. В 1885–1895 гг. ее возглавлял генерал К. фон дер Гольц, будущий фельдмаршал. Османские войска в зоне Проливов были подчинены германскому командованию. Подход к южным морским границам России оказался под контролем представителей государства, возглавлявшего военный блок Центральных держав[15].

Не меньшую роль играло вторжение немецкого капитала на Балканы. В Румынии он овладел целыми отраслями промышленности, в Болгарии действовал в партнерстве с австро-венгерскими банкирами, в Сербии приходилось считаться и с французским влиянием. Только в Греции Великобритании удалось удержать позиции в экономике страны.

---

[13] *Виноградов В.Н.* У истоков лейбористской партии. М., 1965. С. 13.

[14] *Williams E.E.* Made in Germany. L., 1906. P. 166.

[15] Подр. см.: В «пороховом погребе Европы». Глава «Дранг нах Зюд-Остен».

inslav

В сложившейся ситуации именовать Россию главным британским соперником на Балканах и Ближнем Востоке стало просто нелепым. В Форин оффис с опозданием спохватились, что они в своем антироссийском аллюре покинули рамки здравого смысла. В 1895 г. морские лорды повторили свой демарш перед кабинетом. Пора было вступать с царским двором в контакты, завязавшиеся родственные связи (вдовствующая императрица Мария Федоровна и принцесса Уэльская Александра были родными сестрами) тому способствовали. Ранней осенью 1896 г. молодая царская чета нанесла визит королеве Виктории в ее шотландской резиденции Балморале. Королева, русофобка со стажем, восходившим к Крымской войне, держалась с воплощенной любезностью, она заявила мужу своей внучки: «Важно, чтобы Англия и Россия шли вперед, ибо они являются самыми могущественными империями и потому гарантами мира». Премьер-министр Р. Солсбери проявлял все признаки доверительности.

Царь в беседе с ним коснулся вопроса о Проливах. Босфор и Дарданеллы — двери в Россию, ей не нужны ни Константинополь, ни какие-либо иные земли Турции, но контроль над входом в свой дом — иное дело. Солсбери в ответ заметил, что России не следует сокрушать Османскую империю, но если та развалится, можно подумать, как пойти навстречу российским притязаниям. Окончательная формула, высказанная Солсбери от себя лично, гласила: «Если Франция, Австрия и Италия отнесутся благоприятно к установлению контроля России над проливами, Англия не станет упорствовать в одиночку в своих возражениях, а займется поиском соответствующей договоренности»[16].

Подчеркиваем: происходили не переговоры, а беседа, обмен мнениями без протокола и принятия обязательств. Но все же их результат выглядел весомо. Вето на обсуждение вопроса о Проливах было снято. Как говорится, лиха беда начало. Тогда самые отчаянные оптимисты не предполагали, что через 11 лет Англия и Россия станут союзниками, а через 19 лет страны Антанты договорятся о передаче России после войны (Первой мировой) Константинополя и зоны Босфора и Дарданелл. Король Георг V предварил это решение, заявив российскому послу: «Константинополь должен быть вашим».

Англо-франко-русскому сближению способствовал своего рода государственный переворот в Германии по окончании эпохи Бисмарка. В 1888 г. скончался в весьма преклонном возрасте (более 90 лет) кайзер Вильгельм I. Его сын Фридрих, больной раком гортани, зани-

[16] *Болховитинов Н.Н.* О позиции лорда Р. Солсбери в Восточном вопросе // Проблемы британской истории. М., 1973; *Jeffersov M.S.* Lord R. Salisbury and the Eastern Question // Slavonique and East European Review, 1980; *Пономарев В.Н.* Свидание в Балморале и русско-английские отношения в конце XIX века // Исторические записки. Т. 99. М., 1987. С. 353.

inslav

мал престол всего 100 дней. Молодого Вильгельма II царь Александр III в доверительной переписке именовал шалым. Старый канцлер ушел в отставку, а потом и умер. Ему на смену пришел кавалерийский генерал Л. Каприви, которого, видимо, считали мастером на все руки. Он побывал в должности морского министра, а потом ему поручили руководство иностранными делами. Вместе со своей командой он быстро пустил по ветру наследство великого предшественника, курс на изоляцию Франции и поддержание лояльных отношений с Россией был предан забвению, время на всякие дипломатические комбинации перестали тратить и бестрепетно и бездумно сочли войну на два фронта приемлемым вариантом.

Молодой кайзер имел самое высокое мнение о собственной персоне и проявлял бестактность в сношениях с иностранными представителями даже самого высокого ранга. С принцем Уэльским Эдуардом, своим дядей по матери, он поссорился, можно сказать, на ровном месте. Прибыв однажды в Вену, он обнаружил там гостящего принца. Пребывание в австрийской столице одновременно трех августейших особ представилось ему чрезмерным, и он настоял на удалении Эдуарда. Королева Виктория, оскорбленная обидой, нанесенной ее сыну и наследнику, целый год не допускала пред свои очи своенравного внука.

* * *

В 1897 г. мир облетела фраза статс-секретаря по иностранным делам Второго рейха Б.Э. Бюлова: пора и Германии занять место под солнцем. В предшествовавшие годы Пруссо-Германия вместе с Австрией нанесла поражение Дании и та лишилась Шлезвига и Гольштейна, затем наступила очередь Австрии, и она была изгнана из Германского союза, у Франции рейх в войне 1870–1871 гг. отторг провинции Эльзас и Лотарингию. Военная группировка Центральных держав была создана в 1879 г. явно не с благотворительной целью. И все это произошло, как оказалось, при пребывании рейха в тени. Чего же можно было ожидать при перемещении его под солнце? Кайзер Вильгельм, в цветистой речи, произнесенной в Стамбуле, объявил себя другом и покровителем 300 миллионов мусульман, считавших своим духовным главой султана.

Германское влияние утверждалось в Османской империи на развалинах российского и в ущерб британскому. В 1898 г. рейхстаг вотировал кредиты на постройку флота, способного бросить вызов британскому. Владычица морей пребывала в этом качестве уже два века и со скипетром Нептуна расставаться не собиралась. В 1906 г. вошел в строй линейный корабль «Дредноут», далеко превосходивший все прежние по водоизмещению, вооруженный 12-ю двенадцатидюймо-

inslav

выми орудиями вместо 4-х, имевшихся на судах подобного класса ранее. Гонка морских вооружений приняла невиданный размах. Британия собиралась спускать на воду четыре подобных гиганта ежегодно. Осуществить замысел не удалось.

Время, когда британскую изоляцию именовали блестящей, миновало безвозвратно. Соперничество с Россией на Балканах прекратилось, верх в нем одержало самодержавие, курс на освобождение христианских народов восторжествовал. Но неприязнь в отношениях двух стран сохранилась, Англия по-прежнему считалась противником № 1. Связи с Францией не являлись ни тесными, ни дружественными. Две страны сталкивались в своих колониальных устремлениях в Африке. В 1899 г. британский кабинет затеял войну с двумя бурскими республиками на юге континента, Трансваалем и Оранжевой. Бурами тогда называли потомков голландских переселенцев. Война, неожиданно для ее зачинщиков, выдалась длительной и тяжелой и продолжалась до 1902 г. включительно. Лишь напряжением всех сил, используя 400-тысячную армию, британцам удалось одолеть бурских фермеров и присоединить к империи Южную Африку. Мировая общественность на редкость дружно поддерживала буров и осуждала учиненную английской военщиной расправу.

В 1903 г. умерла королева Виктория, и на престол вступил ее сын Эдуард VII. Ни сан, ни репутация не отводили ему активной роли в образовании Антанты, но он сам взял ее на себя. Монарх Англии царствует, но не управляет. И притом мальчик рос непослушным сыном, огорчавшим заботливого отца принца Альберта, неохотно учился, отнюдь не блестяще одолел университетский курс, слыл плейбоем, у которого в кармане не залеживался лишний фунт стерлингов. У общественности сложилось мнение, что королеву Викторию сменил доживший до преклонного возраста гуляка.

Подданных ожидал сюрприз. Эдуард (ему было 67 лет) обзавелся обширным кругом знакомств и прочными связями как в придворно-аристократических кругах, так и в деловом и финансовом мире. Злые языки утверждали, что последними он запасся с целью получения кредитов. Но он имел четкие и вполне определенные представления о задачах Англии в области внешней политики. Своего племянника Вилли он презирал всей душой и оказался самой подходящей фигурой для участия в оформлении сотрудничества трех держав и подведения под него законодательной основы. Владычица морей оказалась в полнейшем одиночестве, никакой внешней опоры, ни малейшей поддержки, и в довершение всего явно обозначившееся стремление Германского рейха к установлению господства в Европе. Представлялось, что установление контактов с Францией и Россией — выход из бездны безнадежности. Созрели условия для создания военно-по-

inslav

литического союза Англии, России и Франции, нареченного Сердечным Согласием, Антантой, в противовес блоку Австро-Венгрии и Германии.

Каково было состояние Балкан в это время? Ответ призваны дать главы книги, посвященные истории стран региона после восстаний 70-х годов XIX в. и последней русско-турецкой войны.

inslav

Румыния: от завоевания независимости к рубежу XX века

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. окончательно завершила эпоху многовековой зависимости румынских земель от Османской империи и открыла новую страницу в их политической истории. Поддержав Россию в качестве младшего союзника в военной борьбе с Турцией, княжество Румыния получило в награду давно желанный суверенитет и его международное признание, а также территориальные приращения в виде области Добруджа с ее протяженным морским побережьем и портом Констанца. Независимость Румынии была торжественно провозглашена министром иностранных дел Михаилом Когэлничану на заседании национального парламента 9 (21) мая 1877 г. и затем после войны подтверждена статьей 5-й Сан-Стефанского прелиминарного мира и статьей 43-й Берлинского трактата. Из номинально вассального владения Османской империи, судьба которого до сих пор оставалась частью Восточного вопроса, Румыния стала суверенной европейской монархией, полноправным субъектом международных отношений.

Эти судьбоносные перемены открывали молодому королевству (с 1881 г.) широкие возможности для всестороннего развития и дальнейшего воплощения своих идеалов национального объединения. После завоевания независимости перед Румынией прежде всего стояли задачи промышленного роста, институциональной, инфраструктурной и культурной модернизации, главной помехой чему оставался крайне слабый материальный фундамент в виде отсталой аграрной экономики и архаичной структуры общества, с огромной массой малоземельного и неграмотного крестьянства и сохранявшимся политическим господством бояр-латифундистов в союзе с пока немногочисленной торговой, промышленной и финансовой буржуазией.

После войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса новые вызовы возникли перед Румынией и в области внешней политики. Объединение Дунайских княжеств в 1859–1862 гг. стало возможным в результате Парижского мира и в условиях временного политического пре-

inslav

обладания Французской империи в Европе. Однако франко-прусская война 1870–1871 гг. сокрушила континентальную гегемонию Франции, а русско-турецкая война 1877–1878 гг. покончила с наследием «парижской системы» в балканско-черноморском регионе. Возвращение Россией трех уездов Южной Бессарабии и выхода к устью Дуная, утраченных по Парижскому миру, было воспринято в Румынии как попрание ее суверенитета, посягательство на исконные румынские земли и доказательство реальности «русской угрозы». На юге у границ Румынии появились де-юре независимое княжество Сербия и де-факто независимое княжество Болгария, уступавшие Румынии по площади территории и численности населения, но также имевшие свои собственные национальные амбиции и планы гегемонии на Балканском полуострове. Одновременно в Европе усиливалось соперничество великих держав, начавших формирование военно-политических блоков и продолжавших преследовать свои цели на Балканах и Ближнем Востоке.

Все это побуждало Румынию активно искать собственное место в изменившейся международной обстановке в Юго-Восточной Европе, приобретать влиятельных союзников и готовиться к приближавшимся региональным и общеевропейским войнам, которые должны были решить и судьбу проекта общерумынского национального объединения. Время предъявляло все более высокие требования к институтам государства, политическому классу и военному потенциалу Румынии, от успеха модернизации которых непосредственно зависела участь королевства в начале XX в.

После Берлинского конгресса, подтвердившего приобретение Румынией северной части Добруджи, площадь территории страны достигла 151 353 км^2, из них 59 % составляла территория Валахии, 29 % — Молдавии и 12 % — Добруджи [1]. В течение всей второй половины XIX в. в объединенных Дунайских княжествах и, затем, в независимой Румынии шел бурный демографический рост. Если во время Объединения численность населения Молдавии и Валахии составляла 3865 тыс. чел. (1859 г.), то в 1878 г. она достигла 4486 тыс. чел., а в 1900 г. — 6045 тыс. чел.[2] Кроме того, около 3 млн этнических румын проживало на землях Габсбургской монархии, в основном в Трансильвании, Буковине и Банате[3]. В пределах Российской империи, согласно данным Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., проживало 1 121 669 человек, для которых родным был румынский

[1] *Христиани Г.Г.* Военный обзор Румынии. СПб., 1908. С. 3.

[2] Anuarul statistic al României. Bucureşti, 1912. P. 15.

[3] По данным переписи 1910 г., в Австро-Венгрии жило 3 224 147 румын, или 6,27 % населения монархии. — *Deak I.* Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. NewYork — Oxford, 1990. P. 13.

inslav

или молдавский язык[4]. С точки зрения румынского национального идеала, все они являлись утраченными соплеменниками, а мультиэтническая Бессарабская губерния России — похищенной землей Румынии. То, что почти половина румынского народа жила за пределами национального государства, служило мощным, хотя и неафишируемым мотивом для долгосрочного целеполагания внешней политики Бухареста.

По этническому составу населения Румынское королевство в конце XIX в. было достаточно однородным национальным государством: численность румын составляла 89 % жителей страны. Следующей по величине этнической группой были евреи, численность которых достигала 4,5 %; они жили в основном в Молдавии (11 % населения области) и в большинстве своем оставались поражены в гражданских и политических правах.

В последней четверти XIX в. Румыния имела всецело сельскохозяйственный уклад экономики, притом с весьма архаичной системой аграрных отношений и соответствующей структурой общества[5]. 82 % населения страны были заняты в сельском хозяйстве[6]. К началу XX в. грамотные составляли лишь 22 % населения Румынии[7]. По этому показателю Румыния находилась практически на одном уровне с Российской империей (21 % грамотных), причем в России положение с грамотностью у мужчин призывного возраста было немного лучше, чем в Румынии (69 % неграмотных рекрут в Румынии против 56 % в России)[8].

Важнейшее типологическое отличие Румынии от других молодых национальных государств, освободившихся из-под власти Османской империи и расположенных к югу от Дуная (Сербия, Болгария, Греция и Черногория), заключалось в том, что в бывших княжествах Молдавия и Валахия со средних веков сохранилась автохтонная (с некоторой примесью фанариотской крови) землевладельческая аристократия, традиционно известная в Румынии под обобщающим названием «боярство» (рум. *boierimea*). Экономической основой су-

---

[4] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. С. 4.

[5] На русском языке самое подробное исследование аграрного вопроса в Румынии в конце XIX — начале XX вв. см. в классической монографии ведущего советского и российского специалиста по истории Румынии в Новое время: *Виноградов В. Н.* Крестьянское восстание 1907 года в Румынии. М., 1958.

[6] Общее число крестьян в Румынии в начале XX в. достигало 91,9 % населения страны, однако часть из этого числа жила в городах и не занималась сельскохозяйственным трудом. — *Bulei I.* Viața în vremea lui Carol I. Bucureşti, 2005. P. 43.

[7] Ibid. P. 44.

[8] *Христиани Г.Г.* Военный обзор Румынии. С. 18–19.

inslav

ществования этой знати оставались крупное латифундиальное землевладение и феодальная эксплуатация массы зависимого крестьянства. Кроме того, до середины XIX в. огромные земельные угодья, до четверти всех сельскохозяйственных земель Молдавии и Валахии, находились в церковной собственности.

В правление Александру Иоана Кузы, первого господаря объединенных Княжеств, в Румынии состоялись судьбоносные аграрные реформы. Вначале в 1863 г. была осуществлена секуляризация церковных земель, в результате которой в государственную собственность перешло примерно 20 % территории Румынии — около 3 млн га земли, в том числе 1695 тыс. га пахотных угодий[9]. Затем по закону от 14 (26) августа 1864 г. правительством М. Когэлничану была проведена главная земельная реформа господаря Кузы, подготовленная под непосредственным влиянием и во многом по образцу отмены крепостного права в России 1861 г. По этой реформе в Румынии были уничтожены барщина и другие феодальные повинности крестьянства, и 407 тыс. семей прежде зависимых крестьян получили в собственность наделы пахотной земли, общей площадью 1 654 964 га[10].

Наделение землей производилось в зависимости от уровня достатка каждой крестьянской семьи, который измерялся по числу имеющихся голов рогатого скота: 73 тыс. зажиточных семей получили в среднем по 5,7 га земли, 200 тыс. семей среднего достатка — по 4,4 га и 134 тыс. бедных семей — по 2,9 га. 108 тыс. семей (бездетные вдовы, инвалиды, жители сел, не занимавшиеся сельским хозяйством и не отбывавшие барщину, а также молодожены) получили только приусадебные участки. Реформа не затронула положения свободных крестьян (220–240 тыс. семей), среди которых также было много малоземельных и безземельных. В обмен на освобождение от барщины и полученные наделы земли румынские крестьяне должны были в течение 15 лет выплачивать очень большие выкупные платежи, которые присоединялись к налогам. Размер последних увеличился почти в 6 раз, дойдя до трети годового дохода крестьянина[11].

Аграрные реформы господаря Кузы были восприняты румынским политическим классом как чрезвычайно радикальные и опасные, что стало главной причиной военного переворота и детронизации этого правителя в 1866 г. Однако в действительности Куза так и не решился затронуть основной массив частновладельческих земель, хотя по закону 1864 г. правительство получило право отчуждать до

---

[9] *Гринвальд К.К.* Румыния (Экономический очерк). Пг., 1917. С. 2.

[10] Об этой реформе см. подробно: *Adăniloaie N., Berindei D.* Reforma agrară din 1864. Bucureşti, 1967.

[11] *Мадиевский С.А.* Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. Монархия, парламент, правительство. М., 1980. С. 31.

inslav

2/3 каждого поместья, с оплатой особыми 8-процентными облигациями. В итоге в ходе реформы 1864 г. румынские помещики уступили крестьянам в общей сложности всего не более 15 % своих земель, а треть переданной крестьянам земли была взята из государственного земельного фонда.

В результате естественных демографических и социальных процессов к 1905 г. 83,1 % крестьянских семей в Румынии либо вообще не имели собственной земли, либо владели наделом менее 5 га, что при низкой агрокультуре, рутинных и экстенсивных методах земледелия было меньше прожиточного минимума. В округленных цифрах, к началу XX в. около 1 млн крестьянских семей Румынии владели 42 % пригодных к обработке земель, тогда как 48 % находились в собственности примерно 4,5 тыс. боярских семей[12]. Масса безземельных или малоземельных крестьян была вынуждена арендовать наделы у помещиков, причем использовались разные формы оплаты аренды — денежная, долей урожая (вплоть до половины, то есть испольщина) или же отработочная (то есть возделывание земли помещика, что было особо распространено в крупных латифундиях). Помимо прочего, в результате аграрной реформы в собственности помещиков остались основные лесные угодья, водоемы, луговые земли и пастбища. Их крестьянам также приходилось арендовать, а постоянное расширение пахотных земель вело к сокращению площадей пастбищ, удорожанию их аренды и сокращению поголовья скота в Румынии.

Румынская аграрная реформа 1864 г. и отдельные правительственные мероприятия, продолжившие ее в последующие годы, не решили проблему крестьянского безземелья или малоземелья и не затронули основ латифундиальной системы. С течением времени в персональном составе крупных землевладельцев происходили неизбежные перемены, связанные с разорением одних семей и приобретением их поместий новыми владельцами, в том числе «буржуазного» происхождения. Многие боярские семьи из-за экономической неприспособленности и расточительного образа жизни разорялись и пополняли собой городскую деклассированную среду. Другие, напротив, так или иначе приспосабливались к новым условиям ведения хозяйства. С одной стороны, происходил постепенный процесс обуржуазивания части мелкого и среднего боярства. В то же время наблюдалась и обратная тенденция. Земля и владение ею занимали особое место в укладе жизни и психологии румынского общества, поэтому многие представители молодого сословия городской буржуазии стремились к оседанию на земле и приобретению поместий.

[12] *Гринвальд К. К.* Румыния (Экономический очерк). С. 4.

inslav

Однако общее число помещиков-латифундистов, контролирующих значительную часть сельскохозяйственных и лесных угодий Румынии, и накануне Первой мировой войны оставалось практически неизменным — все те же 4,5 тыс. семей[13].

Характерной чертой румынской землевладельческой аристократии в пореформенный период было отсутствие у большинства ее представителей интереса к самостоятельному хозяйствованию в собственных поместьях. Помимо прочего, это было связано с особенностями национального характера. Иностранные наблюдатели единодушно отмечали склонность румынской аристократии к эпикурейству, роскоши, праздному времяпровождению и азартным играм. Как следствие, румынские бояре тяготели к городской или заграничной жизни, а управление поместьями все в большей мере передавали арендаторам-посредникам, сдававшим ее в субаренду крестьянам. К началу XX в. свыше 60 % имений площадью более 1000 га находились в посреднической аренде[14].

Деятельность крупных арендаторов-посредников зачастую имела характер хищнической эксплуатации крестьян, была сопряжена с ростовщичеством и административным произволом. Значительное число таких арендаторов, в особенности на территории Молдавии, были иностранцами (в основном подданными Австро-Венгрии) либо евреями, как местными, так и из австрийской Буковины. Некоторые из них создавали целые семейные предприятия, которые контролировали огромные площади сельскохозяйственных угодий. Это добавляло этноконфессиональную и антисемитскую составляющую в и без того напряженные отношения между малоземельным крестьянством и крупными арендаторами, что в полной мере проявилось в ходе великого крестьянского восстания в Румынии 1907 г., которое изначально вспыхнуло на землях «агрохолдинга» австрийских подданных братьев Фишер на севере Молдавии.

Основу национальной экономики Румынии в рассматриваемый период составляло выращивание и экспорт зерна — в первую очередь пшеницы и кукурузы. В период с 1880 по 1914 гг. Румыния поставила на мировой рынок 80 млн т зерна, став одним из крупнейших в мире поставщиков злаков (по кукурузе в некоторые годы она занимала первое место, обходя даже США)[15]. Благодаря низкой стоимости крестьянского труда румынская пшеница успешно конкурировала с дешевой американской, которая выращивалась в качественно лучше организованных фермерских хозяйствах. Паровыми, ветряными и во-

---

[13] *Мадиевский С. А.* Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. до 1918 г. Высшие и средние классы и слои. Кишинев, 1996. С. 24.

[14] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии. С. 37.

[15] *Bulei I.* Viața în vremea lui Carol I. P. 29.

inslav

дяными мельницами Румыния была обеспечена в достаточной мере, однако значительная часть румынского зерна перемалывалась на мельницах в Австро-Венгрии, поскольку по условиям кабального для Румынии торгового договора с монархией Габсбургов 1875 г. румынское правительство обязалось не облагать пошлиной ни вывозимое в Австро-Венгрию зерно, ни ввозимую оттуда муку[16].

В крестьянских хозяйствах преобладало выращивание кукурузы, которая была не только главным предметом продажи, но и основным продуктом питания большинства румынских крестьян. Из-за абсолютного преобладания кукурузной мамалыги в бедном и однообразном крестьянском рационе в Румынии была очень широко распространена пеллагра — опасное заболевание, сходное с цингой и вызываемое авитаминозом. В 1883 г. число зарегистрированных больных пеллагрой составляло 4300 чел., а в начале XX в. — уже больше 100 тыс. человек. Пеллагра стала национальным бедствием Румынии[17].

Помещичьи хозяйства были в большей степени ориентированы на товарное производство и продажу пшеницы. Налоги и пошлины с экспортной торговли зерном были важнейшей статьей доходов государственного бюджета, размеры которой из года в год сильно колебались в зависимости от размеров урожая, под влиянием погодных факторов и пр.

Архаичный аграрный уклад экономики Румынии сильно тормозил развитие национальной промышленности. К середине XIX в. она была представлена в основном мелкими и кустарными ремесленными мастерскими и отдельными предприятиями обрабатывающей, легкой и пищевой промышленности. В 1875 г. правительство консерваторов во главе с Л. Катарджиу, столкнувшись с трудностями при продаже на экспорт урожая хлеба, подписало кабальный торговый договор с Австро-Венгрией, согласно 12-й статье которого Габсбургская монархия получила право беспошлинного ввоза в Румынию всех видов товаров, не производившихся в стране. Этот договор, остававшийся в силе до 1885 г., нанес сильный удар по молодой румынской промышленности, которая не выдерживала конкуренции с австро-венгерскими предприятиями, и существенно затормозил ее развитие.

В 1885 г. либеральное правительство И.К. Брэтиану отказалось продлевать торговый договор с Австро-Венгрией, в 1886 г. в Румынии был введен протекционистский таможенный тариф, а в 1887 г. принят закон о поощрении национальной промышленности (предприятий с капиталом не менее 50 тыс. лей или с числом работников не менее 25). Это поспособствовало достаточно быстрому развитию ру-

[16] Румыния. Отдел I. Военный обзор / Сост. М.С. Андреев, под ред. Г.И. Бобрикова. СПб., 1882. С. 201.

[17] *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года в Румынии. С. 57–58.

inslav

мынской промышленности. По данным индустриальной переписи 1901–1902 гг., к этому времени в Румынии существовало 62 188 промышленных предприятий, с общим числом занятых работников 107 тыс. человек[18]. Из этого числа только 236 предприятий были основаны до 1886 г. Огромное большинство отраженных в переписи 1901–1902 гг. предприятий представляли собой полукустарные ремесленные мастерские.

Большая часть крупных и средних промышленных предприятий Румынии в последние десятилетия XIX в. относились к легкой и пищевой индустрии и занимались обработкой сельскохозяйственной продукции и/или природного сырья. Такими предприятиями были мельницы, винокуренные, пивоваренные, сахарные, свечные и мыловаренные заводы, сыроварни, суконные фабрики и сукновальни, канатные, кожевенные, стеклянные заводы, скотобойни, лесопилки. Металлургия была представлена лишь полукустарными литейными мастерскими, машиностроение — ремонтными заводами[19].

Единственной современной и динамично развивающейся отраслью, традиционно относимой к тяжелой индустрии, в Румынии в конце XIX в. была нефтяная промышленность. Наличие нефтяных источников на территории будущей Румынии было известно со средних веков; местные крестьяне кустарным способом добывали нефть для собственных нужд. Промышленная добыча и обработка нефти началась в середине XIX в. В 1857 г. в Плоешти начал работать первый нефтеперерабатывающий завод. Бухарест стал первым в Европе городом с керосиновым уличным освещением. В период до 1895 г. основная добыча нефти велась в четырех жудецах (уездах) Валахии и Молдавии — Прахова, Дымбовица, Бузэу и Бакэу. Объем добычи был еще сравнительно невелик и не превышал 80 тыс. т нефти в год. В то время румынская нефтяная отрасль еще не располагала достаточными капиталами, современными технологиями и оборудованием, но после принятия в 1895 г. нового закона о полезных ископаемых («закон о рудниках») были созданы необходимые условия для прихода в Румынию иностранного капитала и бурного развития добычи и переработки румынского «черного золота» [20].

Слабость и неразвитость местной промышленности были причиной того, что уже в пореформенный период румынская буржуазия формировалась в немалой степени за счет крупных арендаторов, коммерсантов-оптовиков, банкиров. Если помещики-латифундисты в подавляющей массе принадлежали к родовитому румынскому боярству, то городская буржуазия в значительной мере происходила из

---

[18] *Bulei I.* Viața în vremea lui Carol I. P. 25.

[19] *Виноградов В. Н.* Крестьянское восстание 1907 года в Румынии. С. 63.

[20] *Buzatu Gh.* O istorie a petrolului românesc / Ed. a II-a, revăzută şi adăugită. Iaşi, 2009. P. 25–28.

inslav

местных инородцев, представителей еврейской, греческой, армянской и иных диаспор, традиционно занимавшихся ремеслами, торговлей и ростовщичеством. К примеру, стратегически важная отрасль — хлебная торговля — в Валахии в большой степени контролировалась греками и армянами, а в Молдавии — евреями. Автохтонная земельная аристократия, защищая свое экономическое и политическое господство, сознательно ограничивала право этноконфессиональных меньшинств, в первую очередь евреев, на владение сельскохозяйственными землями. Оборотной стороной этого было замедленное развитие собственно румынской национальной буржуазии, а также непропорционально крупное представительство инородцев в буржуазной среде[21]. Кроме того, в силу особенностей социально-политической жизни Румынии, в конце XIX–начале XX вв. представители высшей бюрократии с государственной службы легко переходили в высший эшелон буржуазии, возглавляя крупные акционерные общества, банки и т.д. При высокой политизированности румынского господствующего класса в стране формировалась особая прослойка профессиональных политиков и бюрократов, для которой коррупция, глубоко проникшая во все сферы жизни общества, служила важным источником первоначального накопления капитала[22].

Государственное устройство объединенной Румынии определялось Конституцией 1866 г., принятой после отречения господаря Кузы и остававшейся в силе, с некоторыми изменениями, вплоть до 1923 г. Данный документ был составлен на основе Конституции Бельгии 1831 г.[23],устанавливал основные либеральные свободы граждан и принципы конституционно-представительного правления и считался одной из передовых европейских конституций своего времени. Румынская Конституция 1866 г. венчала собой цикл преобразований (упразднение феодальных повинностей на селе, административная и судебная реформы, принятие новых уголовного и гражданского кодексов), которые фактически ввели в стране буржуазную политическую систему.

По Основному закону 1866 г. в Румынии был установлен режим конституционной наследственной монархии. Престол страны был доверен династии Гогенцоллерн-Зигмаринген (младшая линия католической швабской ветви дома Гогенцоллерн). С 1866 г. и до самой своей смерти на престоле в Бухаресте находился Кароль I[24] (1839–1914), но-

---

[21] *Мадиевский С.А.* Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. до 1918 г. С. 55–56.

[22] *Madievschi S.A.* Elita politică a României (1866–1918). Chişinău, 1993. P. 72.

[23] Из 133 статей Конституции Румынии 1866 г. 101 статья находила прямые аналогии в тексте Конституции Бельгии 1831 г. — *Мадиевский С.А.* Политическая система Румынии. С. 296.

[24] Полное его имя было Карл Эйтель Фридрих Зефиринус Людвиг фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (нем. *Karl Eitel Friedrich Zephyrinus Ludwig von Hohenzollern-Sigmaringen*).

inslav

сивший до 1881 г. титул владетельного князя (рум. *Domnitor*). В начале своего жизненного поприща будущий румынский монарх, второй сын принца Карла-Антона Гогенцоллерн-Зигмарингена, поступил на службу в прусскую армию, окончил Военную академию в Берлине, затем в 1864 г. в чине премьер-лейтенанта добровольцем принял участие в прусско-датской войне в рядах 2-го драгунского гвардейского полка. Уже перед отбытием в Румынию принц Карл был произведен в чин капитана прусской службы.

Прибыв в призвавшую его страну инкогнито, с фальшивым швейцарским паспортом, Кароль I начал свое правление, ставшее самым долгим в истории Румынии. Его первые годы были отмечены бурной политической борьбой, выступлениями республиканцев и молдавских сепаратистов. Кульминация этого движения пришлась на 1870–1871 гг., когда значительная часть политического класса по мере развития событий франко-прусской войны бурно протестовала под франкофильскими знаменами против монарха из династии Гогенцоллернов. По мнению современников, в случае победы Франции отречение Кароля стало бы неизбежным. Политический кризис в Румынии достиг пика в марте 1871 г., когда в Бухаресте произошли крупные уличные беспорядки, спровоцированные празднованием столичной немецкой колонией дня рождения кайзера Вильгельма I. Однако Кароль проявил политическую расчетливость и, шантажируя румынскую элиту возможностью своего отказа от короны, сумел пройти через горячую фазу кризиса и сохранить трон[25]. Вскоре после этого принадлежность к дому Гогенцоллернов, правившему теперь самой могущественной державой Европы, упрочила положение князя Кароля и положила конец антидинастическим выступлениям в Румынии. Примечательно, что некоторые лидеры антимонархического движения в последующие годы стали верными сподвижниками и доверенными приближенными румынского монарха.

После первых беспокойных лет правления Кароль I неуклонно продолжал укреплять свое личное влияние в стране, изучать движущие силы и основных участников ее политической жизни, осваивать методы взаимоотношений и манипуляции ими. В итоге он смог приобрести немалый авторитет и стать одним из консолидирующих факторов государственности Румынии, как в институционально-монархическом, так и в личностном отношении. В ходе войны с Турцией 1877–1878 гг. Кароль I лично предводительствовал румынскими войсками на театре военных действий за Дунаем и даже номинально командовал всеми союзными силами при осаде Плевны. Участие князя в войне и ее успешный для Румынии исход еще больше укрепили авторитет и популярность монарха в стране.

---

[25] *Damean S. L.* Carol I al României. Vol. I (1866–1881). Bucureşti, 2000. P. 119–144.

inslav

Естественным последствием завоевания суверенитета Румынии стало провозглашение ее королевством. После дипломатического согласования с европейскими державами, а также достаточно горячих дебатов в парламенте между сторонниками монархии и республиканцами, в Конституцию Румынии были включены новые 1-я и 2-я статьи, определявшие статус страны как королевства. 10 (22) мая 1881 г. в Бухаресте состоялась торжественная коронация Кароля I и его супруги Елизаветы в качестве короля и королевы Румынии. В ходе церемонии на голову румынского монарха была возложена стальная корона, изготовленная из одного из трофейных турецких орудий с редутов Плевны.

В июне 1884 г. парламент Румынии принял закон об образовании коронных земель, согласно которому в собственность правящего дома перешли 12 имений в разных частях страны, общей площадью 132 110 га[26]. Так бывший небогатый прусский офицер Карл Гогенцоллерн стал одним из крупнейших латифундистов своей новой родины.

Проблему для укоренения династии Гогенцоллернов в Румынии составляло отсутствие детей у королевской четы Кароля и Елизаветы; их единственная дочь принцесса Мария умерла в раннем детстве. Согласно салической системе наследования (по мужской линии) Каролю I должен был наследовать его брат принц Леопольд Гогенцоллерн-Зигмаринген. Однако тот сам в 1880 г., а вслед за ним и его старший сын принц Вильгельм в 1888 г., отреклись от права наследования румынского престола, которое перешло к младшему сыну Леопольда — принцу Фердинанду. Он стал принцем-наследником и в 1889 г. переехал на постоянное жительство в Румынию. После обдумывания перспектив бракосочетания с представительницей одной из местных аристократических фамилий, Фердинанд все же взял в жены принцессу Марию Эдинбургскую, племянницу королевы Виктории. 3 (15) октября 1893 г. у молодой четы родился ребенок — принц Кароль, будущий король Кароль II. Он был крещен в православную веру[27]. Таким образом, династия Гогенцоллернов обеспечила свою преемственность, долголетие и материальное благополучие на румынской земле.

Властные полномочия и реальное влияние короля в Румынии были существенно больше, чем в традиционных европейских конституционных монархиях. Он имел право назначать и смещать министров, однако ни один из его указов не имел силы без контрассиг-

[26] *Scurtu I.* Istoria românilor în timpul celor patru regi (1866–1947) / Ed. a IV-a, revăzută şi adăugită / Vol. 1. Carol I. Bucureşti, 2011. P. 136.

[27] *Stan C. I.* Regele Ferdinand I «Întregitorul» (1914–1927) / Ed. a 2-a, revăzută şi adăugită. Bucureşti, 2011. P. 18–44.

inslav

натуры одного из министров, который в каждом случае и нес всю полноту ответственности [28]. В самом начале своего правления князь Кароль при определении конституционных прерогатив короны добился для себя права абсолютного вето в парламенте. Это было одно из крупных отличий румынской Конституции от бельгийской 1831 г., которая предусматривала для короля лишь отсрочивающее вето. Впрочем, за все время своего правления в Румынии Каролю I так и не пришлось ни разу воспользоваться полученным правом. Вместо этого монарх успешно применял более тонкие механизмы закулисного влияния на парламентские круги.

Представительным органом Румынии, согласно Конституции 1866 г., был двухпалатный парламент, состоявший из Сената и Палаты депутатов (дословно — «Собрание депутатов»). Эта двухпалатная структура парламента, отражавшая наличие в стране традиционной боярской аристократии, в институциональном отношении отличала Румынию от Греции, Сербии и Болгарии с их однопалатными законодательными органами.

Румынский парламент имел нормотворческие, финансовые и контрольные полномочия. Избирательными правами обладали все мужчины старше 21 года, платившие налоги и не пораженные в правах (последнее относилось к евреям и другим иноверцам). Члены Палаты депутатов и сенаторы избирались несколькими коллегиями избирателей, сформированными на основе высокого имущественного и сословно-профессионального ценза. По конституционной реформе 1884 г. число коллегий было уменьшено, однако цензовый принцип сохранился в полной мере.

С 1884 г. Палата депутатов, общим составом 189 человек, избиралась тремя коллегиями. В 1-ю коллегию, напрямую избиравшую 77 депутатов, входили избиратели с годовым доходом свыше 1200 лей (1,5 % от общего числа избирателей); во 2-ю коллегию, напрямую избиравшую 72 депутата, — городские жители и ремесленники, платившие годовой налог не менее 20 лей (3,5 % от общего числа избирателей). В 3-ю коллегию, избиравшую 40 депутатов, входили грамотные владельцы городской недвижимости с годовым доходом 300–1200 лей, а также учителя и священники — все они голосовали напрямую. К этой же 3-й коллегии были отнесены все прочие избиратели (подавляющая масса крестьянства), которые голосовали непрямым образом, через систему выборщиков, по принципу один выборщик от 50 избирателей [29].

Сенат избирался сроком на 8 лет, двумя коллегиями избирателей. К 1-й коллегии, которая избирала 60 сенаторов, принадлежали граждане с годовым доходом свыше 2000 лей в год и высшие чинов-

---

[28] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии. С. 149.

[29] *Iordache A.* Viața politică în România 1910–1914. Bucureşti, 1972. P. 44.

inslav

ники — всего 1 % населения Румынии. 2-ю коллегию, избиравшую 50 сенаторов, составляли граждане с доходом 800–2000 лей, средние чиновники, некоторые представители свободных профессий и коммерции[30].

Таким образом, существовавшая в Румынии система выборов в представительные органы подразумевала абсолютное политическое преобладание в них обеспеченных слоев общества, помещиков и городской буржуазии, тогда как представительство огромной массы крестьянства было ничтожным и фиктивным. Право прямого голоса имели от 0,7 до 1,6 % населения, тогда как в других европейских странах того же времени — от 16 до 28 %.

В отличие от ряда классических европейских «буржуазных» монархий XIX в., парламент Румынии не был органом, формирующим и объективирующим в политических директивах и законах волю господствующего класса, а правительство не было подотчетным и подконтрольным ему исполнительным органом. Эти функции румынский парламент еще на ранней стадии своего существования утратил в пользу кабинета министров и короны[31].

Высшая структура исполнительной власти в Румынии была организована по так называемой «континентальной системе», в соответствии с которой в состав правительства входили все главы центральных ведомств (министерств) с общегосударственной территориальной юрисдикцией. Первоначально в независимой Румынии существовало 7 министерств: внутренних дел, иностранных дел, военное, юстиции, финансов, сельского хозяйства, государственных имуществ и общественных работ, народного образования и культов. В 1883 г. было создано восьмое — министерство сельского хозяйства, промышленности, торговли и государственных имуществ (отделенное от министерства общественных работ), а в 1908 г. девятое — министерство промышленности и торговли (отделенное от министерства сельского хозяйства и государственных имуществ). Зачастую одно лицо совмещало в своих руках два и даже три министерских портфеля. Количественный состав правительства насчитывал от 5 до 12 человек[32].

В рассматриваемый период в Румынии не существовало упорядоченного института объединенного правительства. Это было коллегиальное объединение людей, как правило, принадлежавших к одной партии и имевших общие политические цели и интересы. Однако деятельность правительства как единого органа была мало регламентирована и формализована, а реальная степень ответственности правительства перед парламентом оставалась крайне низкой.

---

[30] *Iordache A.* Viața politică în România 1910–1914. București, 1972. P. 44.
[31] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии. С. 313.
[32] Там же. С. 140–141.

inslav

В отношении представительства региональной элиты, в составе правительства во второй половине XIX в. преобладали уроженцы Валахии, тогда как политический класс Молдовы был представлен значительно скромнее.

На практике в Румынии при Кароле I выработалась специфическая процедура управления страной, при которой монарх получил преобладающее личное влияние на формирование органов законодательной и исполнительной власти. Это влияние осуществлялось следующим образом. Монарх мог отказать правительству в своем доверии, тем самым вынуждая его уйти в отставку, даже если оно в тот момент опиралось на поддержку большинства членов парламента. Формирование нового кабинета обыкновенно доверялось противоположной партии. В Румынии на рубеже XIX–XX вв. были широко известны два афоризма корифея партии консерваторов Петре Карпа: «Ваше Величество, дайте мне правительство, и я дам Вам парламент», и «В Румынии не парламентские правительства, а правительственные парламенты»[33]. Советский молдавский историк С. А. Мадиевский характеризует это явление так: «Придя к власти, новое правительство получало у главы государства акт о роспуске палат и с помощью назначенной им новой администрации проводило «свои» выборы, в исходе которых никто не сомневался»[34]. Подобный сценарий управления государством был достаточно типичен для стран Балканского полуострова в конце XIX — начале XX вв., в частности, для соседней Болгарии. После формирования нового правительства полностью менялся весь состав исполнительной власти в центре и на местах, что подчас затрагивало не только средний, но и низший эшелон[35].

Реализации этой политики благоприятствовала сложившаяся в Румынии де-факто двухпартийная система, которая, при высоком личном влиянии короля, имела большой запас прочности и обеспечивала стабильность внутриполитической жизни и развития страны. К концу 1870-х годов из прежних достаточно непрочных и лабильных группировок внутри политического класса Румынии образовались две основные партийные структуры — Национал-либеральная и Консервативная партии, впоследствии постоянно соперничавшие между собою за власть в стране вплоть до Первой мировой войны. В каждую из них входили и помещики, и буржуа, однако преобладающая часть бояр-землевладельцев поддерживала консерваторов, тогда как крепнувшая буржуазия и обуржуазившиеся помещики в большей степени были на стороне либералов.

---

[33] *Scurtu I.* Istoria românilor în timpul celor patru regi (1866–1947). P. 153.

[34] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии. С. 168.

[35] *Мадиевский С. А.* Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. до 1918 г. С. 106–107.

inslav

Национал-либеральная партия (НЛП) была формально учреждена в мае 1875 г., просуществовала до 1947 г. и затем была воссоздана под этим же названием в 1990 г.; в настоящее время она является старейшей политической партией Румынии. В рассматриваемый период Национал-либеральная партия объединяла умеренно-реформистски настроенное крыло политического класса Румынии: условную «буржуазию», то есть представителей промышленности и торговли, в основном связанных коммерческими интересами с Западной Европой и Америкой, а также либеральную, главным образом франкофильскую, интеллигенцию. Основополагающими пунктами политической программы Национал-либеральной партии были протекционизм, поддержка отечественной промышленности, аграрная реформа (борьба с крестьянским малоземельем, в том числе путем перераспределения части помещичьих земель) и, в более поздние годы, введение всеобщего избирательного права. На международной арене главным образцом для подражания и внешнеполитическим ориентиром для Национал-либеральной партии служила Третья Французская республика, что впоследствии, в начале XX в., во многом подготовило и облегчило сближение Румынии с лагерем Антанты. Однако в 1880–1890-е годы руководство Национал-либеральной партии было всецело ориентировано на союз с Центральными державами; ключевые функционеры партии придерживались русофобских взглядов[36].

С момента учреждения в 1875 г. и до самой своей смерти в 1891 г. бессменным председателем Национал-либеральной партии был Ион Константин Брэтиану, один из выдающихся государственных деятелей Румынии, основатель не только могущественной политической структуры, но и самой влиятельной семьи в новой истории страны. Выходец из валашской боярской среды, И.К. Брэтиану в молодости около 15 лет жил и учился в Париже, где вращался в кругах радикальных либералов, революционеров и франкмасонов; был поклонником Дж. Мадзини, принимал активное участие в революции 1848 г. в Валахии, затем снова жил в эмиграции в Париже; по возвращении на родину в 1857 г. сыграл важную роль в объединении Княжеств, а после возглавил «чудовищную коалицию» консерваторов и либералов, добившуюся свержения господаря Кузы. Затем Брэтиану был одним из главных действующих лиц при подборе кандидатуры и приглашении принца Карла Гогенцоллерна на румынский престол, активно участвовал в антимонархическом движении 1870–1871 гг. и, наконец, создал и возглавил свою партию.

---

[36] *Виноградов В.Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 144, 152.

inslav

И сам Ион Брэтиану, и трое его сыновей получили образование во Франции и в культурно-идеологическом отношении были убежденными франкофилами. Однако это не мешало Брэтиану-старшему быть абсолютным прагматиком в вопросах внешней политики. Именно в период его министерства Румыния в 1883 г. заключила тайный союз с Австро-Венгрией и Германией и тем самым вошла в орбиту влияния Центральных держав.

Одной из главных опор Национал-либеральной партии традиционно была банковская система Румынии, ключевые посты и командные высоты в которой занимал целый ряд партийных функционеров, включая членов семьи Брэтиану. Цитаделями НЛП стали наиболее крупные банки с румынским капиталом — Национальный, Сельский земельный кредит, Городские земельные кредиты, впоследствии — Сельская касса и народные (кооперативные) банки, наконец, Румынский банк. В руководстве банков присутствовали такие важные функционеры НЛП как И. Кымпиняну, Э. Костинеску, А. Карп, Э. Карада, Е. Стэтеску, М. Ферекиде, В. Брэтиану и др. В этом ярко проявлялся более «буржуазный» характер национал-либералов, по сравнению с их главными оппонентами из преимущественно помещичьей Консервативной партии. Одним из столпов Национал-либеральной партии был Эуджениу Карада, основавший в 1880 г. и затем более 30 лет бессменно возглавлявший Национальный банк Румынии[37]. Фактически, контроль либералов над банковской системой страны вел к сращиванию политической и финансовой олигархии и к постепенному ослаблению позиций во власти старой землевладельческой аристократии[38].

Национал-либеральная партия непрерывно оставалась у власти с 1876 по 1888 гг. — беспрецедентно долгий срок в новой истории Румынии. Практически весь этот период правительство возглавлял И.К. Брэтиану (лишь два месяца весной 1881 г. формальным главой кабинета был его брат Димитрие Брэтиану). За время нахождения у власти Ион Брэтиану приобрел огромное личное влияние, в том числе и на короля Кароля I. Политическое могущество Брэтиану снискало ему прозвище «визирь» (в значении «всесильный первый сановник»), а режим его правления многими именовался «визиратом». В тот период, по выражению консерватора Т. Майореску, министры играли роль приказчиков главы правительства[39]. Находясь в плену представлений о незыблемости своего авторитета, Брэтиану постепенно усвоил высокомерно-деспотический стиль поведения в отно-

[37] *Мадиевский С.А.* Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. до 1918 г. С. 73; *Madievschi S.A.* Elita politică a României (1866–1918). Chişinău, 1993. P. 80.

[38] Ibid. P. 50–52.

[39] *Maiorescu T.* Însemnări zilnice. Vol. II (1881–1886). Bucureşti, 1939. P. 119.

inslav

шениях с оппозицией и собственными однопартийцами, что привело к формированию противостоящих ему групп в рядах Национал-либеральной партии.

В марте 1888 г. вручение королем Брэтиану очередного мандата на формирование правительства, после сомнительных по честности выборов, вызвало бурю возмущения в рядах оппозиции всех толков и спровоцировало шумные манифестации протеста на улицах Бухареста, которые были разогнаны конными жандармами и частями армейской кавалерии. В те же дни вспыхнули крестьянские восстания в ряде сел в окрестностях Бухареста и в центральной Валахии[40]. Совокупность этих обстоятельств убедила Кароля I, что он больше не может держать «визиря» Брэтиану у власти, и монарх решил передать мандат на формирование правительства второй из двух главных политических сил страны — Консервативной партии, долго бывшей в оппозиции и ждавшей своего часа[41].

Консервативная партия была образована в 1880 г. путем слияния нескольких идейно близких политических группировок [42]. Главную ее социальную опору составляли крупные землевладельцы, прежде всего старая боярская аристократия, некоторые представители торговой и промышленной элиты, коммерчески ориентированные на рынки Центральной Европы, а также традиционалистски и германофильски настроенная часть интеллигенции, сторонники развития Румынии по «прусскому пути».

Ключевыми пунктами программы Консервативной партии были: защита прав и собственности крупных землевладельцев, сохранение цензовой избирательной системы, свобода внешней торговли, улучшение быта крестьян путем просвещения, развития агротехники, борьбы с пьянством и т. д.; сохранение традиционных национальных ценностей и образа жизни. Для достижения всего этого считалось допустимым и полезным вмешательство институтов государства в социальные вопросы. Главный экономический интерес Консервативной партии заключался в обеспечении максимально широкого и беспрепятственного экспорта сельхозпродукции, в первую очередь румынского зерна, и недопущении роста протекционистских барьеров на пути импорта промышленной продукции из стран Европы.

В идейно-ценностном отношении румынским консерваторам были близки консервативные монархии Центральной Европы, в первую очередь, Германская империя с ее «прусским путем» развития.

---

[40] Подробнее об этом восстании см.: *Adăniloaie N.* Răscoala ţăranilor din 1888. Bucureşti, 1988.

[41] *Scurtu I.* Istoria românilor în timpul celor patru regi (1866–1947). Vol. 1. P. 148–151.

[42] Об идеологии и политической деятельности Консервативной партии Румынии см. фундаментальную монографию И. Булея: *Bulei I.* Conservatori şi conservatorism în România. Bucureşti, 2000.

inslav

Однако, оппонируя своим соперникам из Национал-либеральной партии, консерваторы тактически высказывались за нейтралитет Румынии на международной арене[43]. Исключение составляла группа младоконсерваторов-«жунимистов» (от названия литературного общества «Жунимя» — «Юность»), которые отличались ультратрадиционалистскими взглядами, а в области внешней политики полностью и безоговорочно ориентировались на союз с Германией и Австро-Венгрией и считали приоритетом присоединение российской Бессарабии. С основным ядром Консервативной партии «жунимисты» в разные периоды то расходились, то сближались.

Вскоре после образования Консервативной партии ее председателем стал уроженец Молдавии Ласкэр Катарджиу, ветеран румынской политической жизни, он возглавлял партию до самой своей смерти в 1899 г.

Именно группе «жунимистов», а не объединенной Консервативной партии Кароль I доверил сформировать правительство после падения «визирата» Брэтиану. Оппоненты «жунимистов» в лагере консерваторов назвали призванную к власти группу «милуемой оппозицией» (рум. «*opoziția miluită*», по созвучию с «*opoziția unită*», «объединенная оппозиция») [44].

Придя к власти после падения Брэтиану, Консервативная партия удерживала ее до 1895 г. и сформировала за это время кабинеты Теодора Росетти (1888–1889), Ласкэра Катарджиу (1889), генерала Георге Ману (1889–1891), генерала Иона Эмануэля Флореску и вновь Л. Катарджиу (1895). Консерваторы получили мандат на правление страной в 1888 г., в условиях распространившихся крестьянских волнений, поэтому первоочередной задачей, стоявшей перед ними, было хотя бы частичное снижение остроты аграрного вопроса. Для этого 7(19) апреля 1889 г. был принят закон о продаже крестьянам части государственных земель. В общей сложности по нему 106 714 крестьянских семей было продано 546,5 тыс. га, однако эти мероприятия далеко не решили проблему крестьянского малоземелья в Румынии.

В 1895 г., вследствие разногласий в лагере правящих консерваторов, король Кароль решил отказаться от их услуг и доверил мандат на формирование нового правительства Д. Стурдзе, лидеру Национал-либеральной партии, возглавлявшему ее после смерти Брэтиану-старшего. С этого времени румынский монарх окончательно взял на вооружение принцип регулярного чередования во власти Национал-либеральной и Консервативной партий, которые в дальнейшем поочередно сменяли друг друга вплоть до Первой мировой войны, оставаясь у кормила правления страной в среднем по 4–5 лет.

---

[43] *Виноградов В.Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами. С. 144.
[44] *Мадиевский С.А.* Политическая система Румынии. С. 176.

inslav

В марте 1899 г. король в очередной раз поменял правительство, отдав мандат на его формирование новому главе Консервативной партии князю Георге Григоре Кантакузино (1832–1913). Этот политик, происходивший из старинного боярского рода с фанариотскими корнями, был одним из крупнейших латифундистов страны и владельцем колоссального личного состояния, благодаря чему заслужил прозвище «Набоб». При правительстве князя Кантакузино Румынии было суждено пережить экономический кризис 1899–1901 гг., ставший самым тяжелым в истории страны со времени получения независимости.

Непосредственной причиной кризиса стала сильная засуха и вызванный ею недород основных зерновых культур, урожай которых составил лишь около 35 % от средней нормы тех лет. Как следствие, на 48 % сократился доход страны от экспорта зерна, от которого полностью зависела экономика Румынии. Этот неурожай, совпавший с неблагоприятным состоянием мировых финансовых рынков, подкосил государственный бюджет, дефицит которого достиг огромной суммы в 35 млн лей (франков). Главный внешний кредитор Румынии, консорциум германских банков во главе с «Дисконто-Гезельшафт», отказался предоставить новый заем на прежних условиях. Для покрытия необходимых расходов, а также обслуживания и консолидации взятых ранее займов министерство финансов во главе с генералом Г. Ману было вынуждено разместить на германском финансовом рынке бумаги нового займа на беспрецедентно крупную для Румынии сумму в 175 млн франков. Этот заем, полученный на очень невыгодных условиях, позволил государству пережить пик кризиса, однако усилил зависимость Румынии от финансового капитала Германии.

23 марта 1900 г. русский военный агент в Бухаресте и Белграде полковник Е.А. Леонтович докладывал в Петербург: «Заем в 175 миллионов франков, сделанный в конце прошлого года, не доставил правительству почти никаких ресурсов. Уплатили срочные проценты по займам, из остатков удовлетворили некоторые наиболее насущные нужды, и вот правительство вновь без денег, а между тем срок новой уплаты процентов по займам недалек. Денежный курс, слегка поддержанный небольшими поступлениями золота извне за запроданный будущий урожай рапса, быстро идет на понижение. В таком положении правительство вновь обратилось к берлинским банкам с просьбою ссудить 60–80 миллионов франков. Пока ведутся об этом переговоры, румыны у себя дома стараются урезать себя где и в чем только возможно»[45]. Помимо прочего, кризис заставил сократить тра-

[45] Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 796. Л. 4–5 об. Е. А. Леонтович — В. У. Соллогубу. Из Бухареста. Рапорт. 23 марта 1900 г. № 10/19.

inslav

ты на инфраструктурные проекты и на перевооружение армии, что неблагоприятно повлияло на подготовку Румынии к приближавшейся Первой мировой войне.

Со времени объединения Княжеств главной целью внешней политики Бухареста было достижение международно признанной независимости от Османской империи. Молодая румынская дипломатия искала разные пути к решению этой задачи, но наиболее подходящие условия для этого возникли с началом Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. После долгих колебаний и попыток лавирования, Румыния приняла решение поддержать Россию в ее борьбе против Турции и тем самым сделала правильный выбор, оказавшись на стороне победителя.

Согласно Берлинскому трактату 1 (13) июля 1878 г., Румыния получала международно признанную государственную независимость (ст. 43), при условии дарования гражданских и политических прав религиозным меньшинствам (ст. 44; речь шла, прежде всего, о евреях) и возвращения России трех жудецов (уездов) Южной Бессарабии (ст. 45) [46]. В качестве компенсации за эту уступку Румыния получала значительные территориальные приращения в виде северной части Добруджи, дельты Дуная и острова Змеиный. В общей сложности, Румыния приобрела территорию площадью 15 776 км^2, с населением численностью, по различным данным, 80–100 тыс. человек [47].

Для России возвращение Южной Бессарабии (Измаильский, Кагульский и Болградский уезды) было принципиальным и необсуждаемым условием, поскольку, помимо стратегической важности выхода к Дунаю, вопрос имел и огромное морально-психологическое значение. Потеря Южной Бессарабии после Крымской войны стала первой утратой российской земли со времен Прутского похода царя Петра I в 1711 г.; она воспринималась российскими правящими кругами и обществом как национальное унижение, следы которого нужно было стереть любой ценой.

Еще со времен визита И.К. Брэтиану в Ливадию осенью 1876 г. румынское руководство было прекрасно осведомлено, что в случае войны с Турцией Россия будет добиваться возвращения Южной Бессарабии и не собирается идти в этом вопросе на компромисс [48]. Однако в статье 2-й русско-румынской союзной конвенции от 4 (16) апреля 1877 г. говорилось, что Россия обязуется поддерживать и защищать

---

[46] Берлинский трактат 1 (13) июля 1878 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Под ред. *Е.А. Адамова*, сост. *И.В. Козьменко*. М., 1952. С. 181–206.

[47] *Pătraşcu D.-V., Manea D.-L.* Unirea Dobrogei cu România (14 noiembrie 1878) // Buridava: Studii şi materiale. 2011. Vol. 9. P. 236–242.

[48] Подробнее о споре из-за Южной Бессарабии во время войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса см.: *Виноградов В.Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами. С. 135–140.

inslav

территориальную целостность Румынии. Апеллируя к этому пункту, румынские политики в отношениях с Россией и европейскими кабинетами в 1877–1878 гг. пытались изображать обманутую и оскорбленную сторону, когда Россия открыто заявила о своем намерении вернуть Южную Бессарабию. По версии румынской стороны, об этом желании России им стало известно лишь в январе 1878 г., на заключительном этапе войны. Бухарест до последнего стремился уклониться от выполнения данного требования. К примеру, изучалась возможность заключения более раннего сепаратного мира Румынии с Турцией, чтобы после этого Россия не могла претендовать на приобретение южных бессарабских уездов как де-юре османской территории[49].

В итоге российская сторона была вынуждена дать понять, что она готова даже применить военную силу, если Румыния не очистит три уезда добровольно, и Бухарест был вынужден уступить. 1 (13) октября 1878 г. румынские власти покинули Южную Бессарабию; сам акт передачи не сопровождался подписанием какого-либо документа[50]. Возвращение бессарабских уездов вызвало в румынском обществе шквал возмущения против России, которое было искусно подогрето правящими политическими кругами. Российско-румынские отношения оказались испорчены на долгие годы вперед.

Итоги войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса в значительной мере предопределили курс внешней политики Бухареста на ближайшие годы. Российская империя вызывала у политических кругов Румынии враждебность и страх. У южных границ Румынии появилась де-факто независимая Болгария, которая в тот момент в военном отношении находилась под контролем России и воспринималась всеми как плацдарм политического влияния Петербурга на Балканах и подступах к Проливам. При этом после присоединения Добруджи к Румынии Россия не имела общей границы с Болгарией, и в случае возникновения новой войны на Балканах русские войска могли быть двинуты против Турции по сухому пути только через румынскую территорию. У румынских элит усилились ощущение «окружения», «славянской угрозы» и весь набор связанных с этим предрассудков и фобий; попытки добиться статуса коллективно гарантированного нейтралитета Румынии, по образцу Бельгии, провалились еще перед войной 1877–1878 гг. Поэтому для Бухареста не оставалось иного выбора, кроме поиска могущественных внешних союзников, на роль которых в тот момент лучше всего подходили Центральные державы, заключившие военный союз между собой в 1879 г. 20 мая 1882 г. к их альянсу присоединилась Италия, образовав, таким образом, Тройственный союз.

---

[49] *Damean S. L.* România şi Congresul de Pace de la Berlin (1878). Bucureşti, 2005. P. 53.
[50] *Scurtu I.* Istoria românilor în timpul celor patru regi (1866–1947). Vol. 1. P. 119.

inslav

Первоочередной задачей внешней политики Румынии было международное признание ее независимости. Согласно Берлинскому трактату, последнее было обусловлено обязательством Бухареста распространить гражданские и политические права на еврейское население. В действительности, румынские власти всячески затянули выполнение этого условия; на практике права были дарованы лишь евреям — участникам войны с Турцией. Тем не менее, уже 9 (21) сентября 1878 г. император Франц Иосиф I принял дипломатического агента Румынии Иона Бэлэчану в качестве чрезвычайного посланника и уполномоченного министра; таким образом, Австро-Венгрия стала первой из великих держав, признавших независимость Румынии де-юре[51]. Впрочем, Бухарест продолжал активно сопротивляться попыткам Вены добиться преобладающего положения в Европейской Дунайской комиссии и, фактически, контролировать режим судоходства на нижнем Дунае. Разногласия по этому поводу оставались камнем преткновения в румыно-австрийских отношениях[52].

Когда Румыния под давлением дипломатии Бисмарка согласилась на выгодных для германского капитала условиях выкупить в собственность румынские железные дороги, Берлин снял свой негласный запрет, и в один день, 8 (20) февраля 1880 г., независимость Румынии признали Германия, Франция и Великобритания.

После этого Румыния более активно занялась поиском союзников. В июле 1883 г. премьер-министр И.К. Брэтиану отправился на отдых на курорт в Франценсбад (совр. Франтишкови-Лазне в Чехии), и в ходе этого отпуска состоялась его встреча с канцлером О. фон Бисмарком в Фридрихсруэ. На этой встрече была достигнута договоренность о приглашении короля Кароля в Германию в качестве крестного отца на крестины новорожденного сына принца Вильгельма, будущего кайзера Вильгельма II. В ходе этой поездки румынский король обсудил с руководством Германии и Австро-Венгрии условия союза [53].

18 (30) октября 1883 г. министры иностранных дел Румынии и Австро-Венгрии Димитрие Стурдза и Густав Кальноки подписали в Вене секретный договор об оборонительном союзе между их странами. По этому договору стороны обязались прийти на помощь друг другу в случае неспровоцированного нападения на одну из них, причем Румыния должна была выступить на помощь Австро-Венгрии, если бы та подверглась нападению со стороны одного из граничащих с Румынией государств, то есть Российской империи или Сер-

[51] *Căzan G.N., Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă.1878–1914. Bucureşti, 1979. P. 35.
[52] *Виноградов В.Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами. С. 144.
[53] *Căzan G.N., Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 113.

inslav

бии. А так как Сербия в тот момент находилась полностью в сфере влияния Вены, то направленность союза против России была очевидна. Срок действия договора составил 5 лет, после чего он автоматически продлевался еще на 3 года, если за год до истечения срока одна из сторон не заявила бы об отказе продлить его. В тот же день к условиям австро-румынского договора особым соглашением присоединилась и Германия. Так Румыния фактически вошла в качестве младшего союзника и сателлита в состав Тройственного союза, самого могущественного на тот момент военно-политического блока в Европе. Договор о союзе считался строго секретным; в Румынии единственный экземпляр хранился во дворце, в личном сейфе короля. В 1891 г. премьер-министр генерал Г. Ману в разговоре с Г. Кальноки обнаружил свое незнание факта существования этого договора[54]. Однако слухи о наличии неких союзнических обязательств Румынии по отношению к Центральным державам все равно получили распространение в румынском высшем свете, а политическая ориентация Бухареста на Тройственный союз была очевидной для всех заинтересованных государств.

На Балканах Румыния стала главным объектом проникновения германского банковского капитала. В 1880 г. Румыния была вынуждена пойти на выкуп в государственную собственность железных дорог страны, чего добивались политические и деловые круги Германии. С этого момента присутствие и влияние германских банков в Румынии неуклонно возрастали. Ведущую роль в этом процессе играл банк «Дисконто-Гезельшафт». В 1881 г. он создал банковский консорциум, который должен был заниматься размещением румынских займов, предназначенных для закупок Румынией вооружения, строительства укреплений, развития путей сообщения. В состав консорциума вошли банкирские дома «С. Блейхредер» и «Ротшильд и сыновья» во Франкфурте-на-Майне. В 1881–1888 гг. общая сумма займов, полученных Румынией у синдиката германских банков, составила 400 млн золотых лей; в 1892–1896 гг. — 335 млн золотых лей (при участии французского капитала). К 1895 г. на германском денежном рынке было размещено 3/5 всех иностранных займов Румынии. В 1897 г. «Дисконто-Гезельшафт» и «С. Блейхредер» создали в Бухаресте Всеобщий Румынский банк, первый германский банковский институт на Балканах. Это учреждение активно участвовало в хлебной торговле и всемерно содействовало укреплению экономического и политического влияния Германии в регионе[55].

---

[54] *Виноградов В. Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами. С. 149, 159.

[55] *Туполев Б. М.* «Дранг нах Зюд-Остен» // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. С. 68–69.

inslav

Присоединение Румынии к военно-политическому союзу с Австро-Венгрией и Германией не разрешило застарелые румынско-австро-венгерские противоречия в торгово-экономической области. Заключенная 10 (22) июня 1875 г. торговая конвенция между Румынией и Австро-Венгрией была весьма выгодна для индустриальных промышленников Цислейтании, однако ущемляла интересы аграриев из земель Венгерской короны, в первую очередь из Трансильвании. По истечении срока действия этого договора в 1885 г. возобновлять его на прежних условиях не захотели ни в Бухаресте, ни в Будапеште. После нескольких неудачных раундов переговоров о заключении нового торгового соглашения и об изменении таможенных тарифов власти Австро-Венгрии первыми начали таможенную войну.

С 19 мая (1 июня) 1886 г. все импортируемые товары румынского происхождения были обложены дополнительным 30 % налогом, в дополнение к сборам по общему таможенному тарифу. Кроме того, были введены особые сборы на некоторые виды сельскохозяйственных товаров из Румынии. Наконец, тогда же, в мае 1886 г., был запрещен ввоз и транзит через Австро-Венгрию овощей и скота. Румынское правительство применило ответные меры и 17 (29) мая 1886 г. приняло новый генеральный таможенный тариф, который вводил высокие сборы на большинство видов импортируемой продукции легкой промышленности. Исключение было сделано для чугуна, стали, продукции тяжелой индустрии, машин, локомотивов и т.д. Дополнительным 30 % сбором были обложены товары из стран, введших особые сборы с румынских товаров (то есть — из Австро-Венгрии)[56].

Таможенная война продолжалась до 1893 г., когда был, наконец, подписан новый торговый договор на основе компромисса[57]. Австро-Венгрия не смогла подчинить Румынию путем торгово-экономического диктата. Вместо этого Румынское королевство смогло частично диверсифицировать рынки сбыта своей продукции, в том числе за счет поставок в страны Западной Европы.

Несмотря на экономические противоречия с Австро-Венгрией, в военно-политическом отношении Румыния оставалась прикована к блоку Центральных держав. Большая военная тревога 1887 г., когда высока была вероятность европейской войны, побудила руководство Румынии без колебаний продлить действие оборонительного союза с Германией и Австро-Венгрией. Союз был продлен весной 1888 г., тогда же к нему присоединилась Италия[58]. Падение русофобского «визирата» И.К. Брэтиану ничего не изменило в отношении румынских правящих кругов к России. Русский консул в Яссах в 1896 г. А. А. Гирс

[56] *Căzan G. N., Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă. P. 149–162.
[57] *Виноградов В. Н.* Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами. С. 161.
[58] *Căzan G. N., Rădulescu-Zoner* Ş. România şi Tripla Alianţă. P. 162–168.

inslav

писал: «За время двенадцатилетнего существования министерства Брэтиану… политика Румынии по отношению к нам была открыто враждебною; консерваторы, тогдашняя оппозиция, старались нас убедить, что если они только добьются власти, то первым долгом позаботятся восстановить дружеские отношения с Россией»[59]. Однако уже очень скоро после смены власти в Румынии русская дипломатия убедилась, что консерваторы под влиянием короля и крыла «жунимистов» продолжат прежний недружественный курс[60].

В 1888 г. Генеральный штаб Румынии начал разрабатывать планы военных действий на случай конфликтов с соседними государствами («гипотезы», как их именовали в румынском военном руководстве). Главным вероятным противником Румынии считалась Российская империя, действовать против которой предполагалось оборонительно, по крайней мере, до решительного вмешательства союзных Центральных держав. Исходя из этого предположения, военное и политическое руководство Румынии инициировало и стало воплощать в жизнь беспрецедентно крупные и дорогостоящие, по меркам региона, проекты фортификационного строительства — возведение фортов крепости Бухарест, укрепленной Серетской линии и Черноводского тет-де-пона (предмостного укрепления) на правом берегу Дуная.

Еще летом 1883 г., когда Румыния только вела переговоры о союзе с Центральными державами, в страну по приглашению короля прибыл бельгийский генерал А.-А. Бриальмон, признанное светило европейской фортификационной науки. Он составил общий проект будущих долговременных укреплений в Румынии. По этому проекту, для обороны румынской столицы вокруг нее было решено возвести пояс бетонных фортов. В итоге было построено 18 фортов на расстоянии 12–13 км от центра Бухареста, общим периметром 72 км. В промежутках между фортами (каждый около 4 км) располагались редутные батареи. Стоимость строительства крепости Бухарест составила 111 542 772 лея, или почти три годовых бюджета военного ведомства Румынии (около 40 млн лей в год)[61].

Оптимальной стратегией военной борьбы против России были сочтены отступление румынской армии из Молдавии и упорная

---

[59] Цит. по: *Агаки А. С.* Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в. Кишинев, 1976. С. 16.

[60] См., например: М. А. Хитрово — Н. К. Гирсу. Депеша. 11 декабря 1888 г. № 70 // Rapoarte diplomati ceruse din România (1888–1898) / Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1888–1898) / Ed. *Flavius Solomon, Adrian-Bogdan Ceobanu, Andrei Cuşco, Grigorii Şkundin*. Iaşi, 2014. P. 150–152; М. А. Хитрово — Н. К. Гирсу. Депеша. 14 апреля 1890 г. № 11 // Ibid. P. 226–230.

[61] Istoria militară a poporului roman. Vol. V. Evoluţia organismului militar românesc de la cucerire a independenţei de stat pînă la înfăptuirea Marii Uniri din 1918. România în anii primului război mondial. Bucureşti, 1988. P. 215–218.

inslav

оборона в так называемых «Фокшанских воротах», узкой полосе равнинной местности между Юго-Восточными Карпатами и большой излучиной нижнего Дуная, по линии реки Серет. Здесь была осуществлена постройка укрепленной оборонительной позиции с опорными узлами в населенных пунктах Фокшаны–Нэмолоаса–Галац. Основу оборонительной мощи позиции должны были составить орудия в бронекупольных установках системы М. Шумана, известного военного инженера, специалиста по броневой фортификации и майора германской службы. В итоге броневые башни для Румынии были изготовлены на заводе Грюзона в Магдебурге, а пушки, гаубицы и мортиры поставлены заводом Круппа в Эссене[62]. Работы по строительству укрепленной линии Фокшаны–Нэмолоаса–Галац были начаты в 1888 г. и завершены в 1893 г., общая стоимость их составила 26 422 640 лей, более половины всего годового бюджета военного министерства Румынии.

Совокупные расходы на масштабные фортификационные сооружения были огромными, почти непосильными тратами для весьма небогатой румынской казны. Примечательно, что грандиозное строительство укреплений было начато либеральным правительством И. К. Брэтиану, однако и после его падения в 1888 г. пришедшие к власти консерваторы-«жунимисты» продолжили вотировать ассигнования на завершение строительства, говоря о необходимости этих укреплений для обороны Румынии[63]. Если отдельные представители румынского политического класса выражали сомнения в финансовой разумности столь огромных трат, то военные специалисты из зарубежных стран крайне скептически относились к стратегической целесообразности подобных фортификационных мероприятий.

В обобщающем докладе русского Главного штаба о вооруженных силах балканских государств 1902 г. говорилось: «В общем выводе, вооруженные силы Румынии носят еще более милиционный характер, нежели армии других балканских государств, и, частью малоподвижные (часть артиллерии на волах), обученные в краткие сроки и не вполне обеспеченные личным и конским составом, представят более прочную активную силу лишь в действующей армии… Поэтому-то, быть может, не рассчитывая на одну доблесть своих войск, румынское правительство и загромоздило внутренность страны дорого стоющими и вряд ли оправдываемыми другими соображениями обширными укреплениями»[64].

В итоге скептики оказались правы. По воле судьбы, масштабные военные сооружения, начатые в 1880-е годы, так и не пригодились

[62] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3092. Л. 3–32 об. Секретная записка об укрепленной линии Фокшаны–Немолоаса–Галац. 1912 г.

[63] *Агаки А.С.* Русско-румынские межгосударственные отношения... С. 17.

[64] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 111. Л. 20 об.–21.

inslav

Румынии. Выполненные по последнему слову инженерной мысли и технологий того времени, к моменту вступления Румынии в Первую мировую войну они уже сильно устарели и обветшали из-за плохого содержания. К тому же, в связи с переменой основного вектора военных приготовлений, к 1916 г. укрепления Бухареста и Серетской линии были в значительной мере разоружены, в пользу угрожаемых направлений на границах с Австро-Венгрией и Болгарией. Огромные средства, которые могли быть направлены на модернизацию экономики и мирной инфраструктуры, были потрачены напрасно и легли тяжким бременем дополнительных долгов на государственный бюджет Румынии.

В сентябре 1896 г. состоялся визит в Румынию императора Франца Иосифа I, последовавший после торжественной церемонии открытия судоходства по завершенному каналу у Железных ворот на Дунае, где присутствовали короли Румынии и Сербии. Вслед за этим Франц Иосиф в сопровождении своих министров, иностранных дел и военного, посетил Бухарест и королевскую резиденцию замок Пелеш в Синайе; в честь его приезда был проведен парад румынской армии. Этот пышно обставленный визит демонстрировал всем возросший международный престиж Румынии и прочность ее союза с Центральными державами. Тогда же в Синайе в присутствии обоих монархов премьер-министр Д. Стурдза и министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Агенор Голуховский 18 (30) сентября 1896 г. подписали соглашение о продлении австро-румынского союза еще на 7 лет, до 1903 г. В значительной мере это было вызвано опасениями Бухареста, связанными с ожидавшейся нормализацией русско-болгарских отношений после падения русофобского диктаторского режима Стефана Стамболова в Софии[65].

Однако в целом накапливавшиеся противоречия с Веной и Будапештом по румынско-трансильванскому и экономическим вопросам исподволь ослабляли связи Румынии с Австро-Венгрией и всем Тройственным союзом. Этому способствовала и временная политическая разрядка в регионе. В 1890-е годы, после относительной стабилизации равновесия в Европе между блоками Тройственного союза и русско-французского Сердечного Согласия, основное внимание и усилия великих держав были перенесены на Дальний Восток, а положение на Балканах подверглось временной консервации по русско-австрийскому соглашению 1897 г. В этих условиях в Румынии все больше стихали прежние антироссийские предубеждения и страхи.

Политические круги Бухареста начали изучать возможности восстановления добрососедских отношений с Россией. В июле 1898 г.

[65] *Агаки А. С.* Русско-румынские межгосударственные отношения… С. 22–23.

inslav

Кароль I и наследный принц Фердинанд посетили Российскую империю, что было приурочено к 20-летию совместной борьбы русской и румынской армий во время русско-турецкой войны. Император Николай II торжественно принял высоких гостей в Санкт-Петербурге и Царском селе; монархи поднимали тосты за укрепление дружеских связей между двумя странами. Этот визит, состоявшийся практически на рубеже столетий, знаменовал начавшийся процесс постепенной нормализации российско-румынских отношений[66].

В целом, два десятилетия истории Румынии, прошедшие от завоевания независимости в 1878 г. до начала XX в., стали достаточно благополучным и плодотворным периодом, временем стабильного политического и хозяйственного развития. Экономический кризис 1899–1901 гг. замедлил, но отнюдь не остановил этот процесс. В отличие от других молодых государств Балканского полуострова, королевству Румыния удалось прожить 80-е и 90-е годы XIX века без войн, дворцовых переворотов, крупных мятежей, военных заговоров, громких актов политического терроризма или четнических операций. Единственное исключение составили беспорядки в Бухаресте и аграрные волнения в центральной части страны в 1888 г., повлекшие отставку «визиря» Брэтиану; однако они, несмотря на человеческие жертвы, имели локальный характер и не представляли угрозы для существовавшего в Румынии политического строя. Сделав разумно-прагматичный выбор в пользу присоединения к лагерю Тройственного союза, Румыния временно обеспечила свою безопасность от гипотетических внешних угроз и смогла избежать участия в сколько-либо крупных дипломатических конфликтах на международной арене.

Эта стабильность и благополучное развитие были достигнуты Румынией в первую очередь благодаря консенсусу ее политического класса, установившему стройный порядок функционирования всей системы управления страной. В последней четверти XIX в. были окончательно сконструированы и применены на практике механизмы государственного строя Румынии, получившие, как оказалось, запас прочности на десятилетия вперед. В сфере политики баланс интересов двух основных групп господствующего класса Румынии — помещиков и молодой буржуазии — обеспечивала де-факто двухпартийная система. Дополнительным фактором стабильности и равновесия служили обширные властные полномочия, делегированные румынской элитой короне, а также огромное личное влияние Кароля I, приобретенное им за его почти полувековое правление в Румынии (с 1866 по 1914 гг.).

---

[66] *Scurtu I.* Istoria românilor în timpul celor patru regi (1866–1947). Vol. 1. P. 179.

inslav

В 1880–1890-е годы Румынии удалось в значительной мере колонизировать и освоить новоприсоединенную Добруджу, начать создание портовой инфраструктуры в Констанце, добиться значительного прогресса в области железнодорожного, речного и морского транспорта, приступить к более широкому развитию нефтяной промышленности страны, наконец, упрочить международное положение путем присоединения к Тройственному союзу.

Внешние формы государственной, политической и культурной жизни Румынии, а также светский быт узкого привилегированного слоя успешно копировали передовые европейские образцы того времени. Однако эта «европейскость» и «вестернизация» проникали на очень небольшую глубину и в большинстве случаев были показными и имитационными. Реальное управление страной имело узкогрупповой, клановый и келейный характер, при высоком уровне коррупции и во многом фиктивной роли парламентаризма. Великодержавные амбиции, внешнеполитические фобии и стремление румынской элиты к реализации масштабных военных и инфраструктурных программ, при нестабильности доходов казны от хлебного экспорта, ставили Румынию все в большую зависимость от внешних займов.

Названные достижения, как и общая стабильность королевства Румынии в тот период, основывались, в первую очередь, на вопиющем социально-экономическом расслоении и жестокой эксплуатации огромной массы безземельного или малоземельного крестьянства. С точки зрения своего места в мировой экономике Румыния играла роль сырьевого придатка для ведущих держав Европы, вначале преимущественно зернового, а затем, с конца 1890-х годов, и нефтяного.

Главная проблема Румынии того периода заключалась в том, что самооценка и амбиции румынских элит не соответствовали реальному уровню развития и возможностям государства. За фасадом внешнего европейского благополучия Румынии скрывались обостряющиеся социальные противоречия и стихийный протест огромной массы бедного крестьянства. Уже в близком будущем это должно было привести к страшному по своему масштабу и кровопролитности великому крестьянскому восстанию 1907 г., потрясшему основы румынской государственности. А следом предстоял катаклизм Первой мировой войны, за недостаточную подготовленность к которому Румынии было суждено заплатить огромными человеческими жертвами и разорением большей части страны. Но на пороге XX века никто в Румынии не мог предвидеть страшные события будущего, несущего королевству «неслыханные перемены, невиданные мятежи».

inslav

Политическое развитие Болгарии после освобождения

Война 1877–1878 гг. была завершена. Болгарский народ получал долгожданное право на строительство своей государственности, хотя и в рамках Османской империи.

16 апреля 1879 г. в Тырново в Учредительном собрании была принята разработанная в Санкт-Петербурге, с учетом предложений болгарских депутатов, Конституция, названная Тырновской. Новое княжество, занимавшее территорию Северной Болгарии, заявлялось как «монархия наследственная и конституционная с народным представительством». В стране вводилась однопалатная парламентарная система.

Согласно положениям Конституции, Княжество было самостоятельным во внутренних делах, но не могло вести независимую внешнюю политику; князь имел право формировать правительство, распускать Обыкновенное Народное собрание (парламент), мог накладывать вето на его решения; в экстренных случаях созывалось Великое Народное собрание, рассматривавшее особо важные вопросы, например, изменение Основного закона. Конституция гарантировала широкое местное самоуправление. Провозглашалась ответственность министров не только перед монархом, но и перед Народным собранием.

Во главе нового княжества встал избранный 17 апреля 1879 г. на Великом Народном собрании участник прошедшей войны, награжденный орденом св. Владимира с мечами и лентой[1], 22-летний гессенский принц с «европейской родословной» Александр Баттенберг, племянник российской императрицы Марии Александровны. На его содержание из бюджета княжества планировалось отпускать весьма значительную сумму: цивильный лист включал в себя 500 000 золотых левов (франков)[2]. Родственные узы, соединявшие Баттенберга с русским царским семейством, позволяли Петербургу надеяться, что

---

[1] *Батенберг А*. Дневник. София, 1992. С. 24.

[2] *Иванов М., Тодорова Цв., Вачков Д.* История на външния държавен дълг на България (1878–1990 г.) в три части // *Тодорова Цв.* Първа част. Драматично начало (1878–1918). София, 2009. С. 12.

inslav

молодой князь будет верным и послушным исполнителем воли России в Болгарии.

26 июня (9 июля) 1879 г. Александр Баттенберг в еще пахнувшем гарью Тырново, где накануне с большим трудом потушили большой пожар, прочитал написанный для него латиницей текст присяги на верность Конституции[3].

Почему же в Петербурге, где разрабатывался проект Основного закона для болгар, пошли на введение Конституции западноевропейского образца и не возражали против либерализации ее положений? Здесь может быть две основных причины: дух времени и желание России показать болгарам, что она уважает и принимает в расчет их мнения и пожелания относительно государственного устройства страны.

Правда, немного «портил» братские отношения так называемый оккупационный долг Болгарии в сумме 89 640 млн золотых левов, возникший из расходов, понесенных российской казной, по пребыванию русских военных частей на территории страны и содержания гражданской администрации[4].

В той ситуации, когда болгарская политическая элита разделилась на два лагеря — либералов, группировавшихся под знаменем защиты Конституции и ограничения прерогатив князя, и консерваторов, объединившихся вокруг монарха и выступавших за усиление его власти, от России требовался максимальный такт в сношениях с новорожденным государством. От ее дипломатии во многом зависела форма протекания «детской» болезни национализма, которая свойственна любому народу на определенном этапе его развития. В болгарском варианте это было особенно сложно, учитывая неразрешенность вопроса объединения с Восточной Румелией (Южной Болгарией) и Македонией, равно как и «плотное» политическое присутствие русских представителей в Княжестве вплоть до участия их в правительстве.

В инструкции российского МИД от 7 сентября 1878 г. первому дипломатическому представителю А. П. Давыдову говорилось о том, что его деятельность должна быть «направлена к утверждению нашего влияния в княжестве, которое вызвано к жизни только при нашем содействии и в котором, по всем правам, господствующим влиянием должно быть наше. Весьма важно, чтобы в народе, только что призываемом к самостоятельной политической жизни, правительство его при влиянии вашем сумело поддержать и укрепить те симпатии, которые до сего времени он питал к России»[5].

---

[3] *Мосолов А.* Спомени. София, 1991. С. 37.

[4] *Иванов М., Тодорова Цв., Вачков Д.* История на външния държавен дълг на България (1878–1990 г.) в три части // *Тодорова Цв.* Указ. соч. С. 12.

[5] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 3. М., 1967. С. 222.

inslav

Но если с народом, насчитывавшим в 1881 г. два миллиона человек, было общаться легко, то с политиками, многие из которых прошли турецкую, европейскую и русскую политическую школу, надо было обращаться бережно и уметь рассчитывать и просчитывать политические комбинации и возможные результаты. В болгарской власти, политике наблюдались два течения, которые можно условно обозначить как русофильское и русофобское.

Тут же следует подчеркнуть следующее: оба эти феномена связаны не только с любовью или нелюбовью к России, но и с самим политическим курсом, дипломатией Российской империи. В ней видели силу, которая должна быть поставлена на службу интересов братского болгарского народа. И можно сказать, что строительство Болгарии неразрывно связано с русскими именами. Например, в области военного строительства огромную роль играли 156 русских офицеров, поступивших на службу в Княжестве, армия которого насчитывала чуть более 30 тыс. человек[6].

И все же освободить «задунайскую» территорию было гораздо легче, положив свыше двухсот тысяч солдат, нежели неявно руководить в стране, где болгарский национализм требовал — «Болгарию для болгар». Россия же в их представлении должна была выполнить одно: воплотить в жизнь Сан-Стефано. И если с освобождением у России все получалось хорошо, то с опекунством плохо. В стране ширились проявления русофобства.

Причем, случались и «кульбиты». Так, в 1881 г. после разгона князем либерального правительства и составления им нового, в котором важнейшие посты сосредотачивались у русского генерала Казимира Густавовича Эрнрота, последовала знаменитая фраза видного политического деятеля, бывшего главы правительства (апрель–декабрь 1880 г.) Драгана Цанкова: «Мы не хотим ни русского меда, ни жала». Однако в 1887 г. он «перешел» на русскую сторону, занявшись подготовкой восстания против антирусской власти в Софии и возвращения с помощью «русских штыков» в Болгарию[7].

Русские же дипломаты, оказавшись в совершенно новой для себя ситуации, практически не имели не только возможностей превратить Болгарию в «Задунайскую провинцию», о чем упорно твердили злые языки, но и с трудом, даже в ущерб себе, поддерживали свой авторитет в Княжестве. Причем, «превращения» Болгарии в «Задунайскую провинцию» желал сам князь, особенно в первые годы своего правления. Вот только один пример из дневника болгарского государственного деятеля К. Стоилова, писавшего, что 1 января 1881 г. Алек-

---

[6] *Мангачев П.* Генерал Казимир Ернрот — живот и дело в България. София, 2013. С. 114.

[7] См.: *Косик В.И.* Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе 1886–1894 гг. М., 1993. С. 36–39.

inslav

сандр Баттенберг заявил о своем желании, чтобы «болгарская армия привыкла считать себя частью русской армии»[8]. И еще один «курьез» из записей Стоилова от 16 апреля 1881 г.: во время отсутствия князя, бывшего с визитом в Северной Пальмире, «налоги собирались с вооруженной силой от имени русского царя. Крестьяне хотят стать русскими подданными»[9].

Сюда необходимо добавить, что конституционный вопрос был тесно связан с вопросом о власти, с формированием правительства. Именно в этой сфере шла острая борьба между консерваторами-«монархистами» и либералами-«коммунистами» (именно такого взгляда на последних придерживался князь). Причем, каждая из соперничающих партий — либеральная и консервативная — не желала делиться властью при формировании кабинета министров. Так, уже в процессе создания первого правительства либералы во главе с П. Каравеловым и Д. Цанковым отказались работать с консерваторами, обладавшими меньшей популярностью среди населения. Потом будут наблюдаться обратные картины. В сущности, эти политические «приливы и отливы» станут обычным явлением в княжестве, не задевая глубоко самой народной жизни.

Власти Российской империи, еще не оправившейся после недавней военной кампании, выступали против любых внешнеполитических авантюр. Александр II упорно не хотел идти на поводу родственника своей жены и не реагировал на зондаж болгарского князя в нужном для последнего направлении. В этой ситуации планы Баттенберга и его союзников-консерваторов в их борьбе с побеждавшими либералами были обречены на провал[10]. Сильное разочарование испытал болгарский монарх и тогда, когда новый военный министр, 44-летний К.Г. Эрнрот отказался дать обещание в том, что будет безоговорочно подчиняться всем его требованиям, даже в случае насильственного переворота[11].

Но все же «помощь» последовала из России, точнее, от народовольцев, сумевших в 1881 г. осуществить свой долго лелеемый план по убийству Александра-Освободителя. Свою лепту внесли и правившие тогда в княжестве либералы с их безудержной пропагандой народовластия и политикой подрыва власти монарха. Это заставило Эрнрота в корне изменить свою позицию. Для него — честного слуги монархии — стал неприемлем либеральный «порядок» в стране: он активно подключается к подготовке переворота.

Рассчитывая на поддержку армии во главе с русским министром, болгарский князь решился на разгон либералов. К этому сто́ит до-

---

[8] *Стоилов К.* Дневник. В 2-х ч. Ч. 1. София, 1996. С. 189.
[9] Там же. С. 219.
[10] Там же. С. 260–261.
[11] *Милютин Д.* Дневник. 1878–1880. Т. 3. М., 1950. С. 230.

inslav

бавить, что Баттенберг опередил либералов, готовивших свержение князя[12]. Во главе нового правительства в княжестве становится Эрнрот, одновременно занимавший посты министра внутренних дел, министра иностранных дел и вероисповеданий и военного министра. За время своей деятельности на всех этих постах генерал зарекомендовал себя достаточно жестким, но умелым управленцем[13]. Достаточно назвать ликвидацию разбойничества в Восточной Болгарии, закрытие ряда тюрем[14], защиту статуса Болгарии в отношениях с ее сюзереном, пытавшимся отнести Княжество к числу привилегированных провинций[15].

Полномочия Народного собрания были ограничены утверждением бюджета. Вводилась цензура. Вместо 21 округа (по закону 1880 г.) были созданы 5 областей, во главе которых стояли чрезвычайные уполномоченные.

Судя по строкам из дневника Стоилова от 13 мая 1881 г., простой народ воспринял княжеское нововведение, в основном, в благоприятном духе. В качестве примера приведу одно из высказываний, бытовавших в крестьянской среде, что народ «хочет одного князя, а не много князей над князем»[16].

И последнее: русский дипломат А.С. Ионин, о котором будет речь впереди, придерживался того мнения, что «государственный переворот был собственно выполнен русскими»[17]. А благословение совершенного переворота (27 апреля) монархами великих держав облегчило утверждение 1 июля 1881 г. Великим Народным собранием в Свиштове чрезвычайных полномочий князя сроком на 7 лет.

«Режим полномочий» привел к расколу либеральной партии на «умеренных» во главе с Д. Цанковым и «непримиримых», лидером которых стал П. Каравелов. Такое партийное «почкование» вело к обострению политической борьбы в стране.

Свою роль, и немаловажную, здесь играла Россия, ее представители, работавшие над закреплением русского влияния. В первую очередь, это относилось к предоставлению российской компании подряда на железнодорожное строительство. Однако ни князь, ни поддерживавшие его консерваторы не спешили идти навстречу требованиям М.А. Хитрово, все больше подозревавшего княжеско-консервативный блок в двойной игре. Разумеется, Баттенберг старался заверить русского дипломатического агента в том, что он сам «во что

---

[12] *Стоилов К.* Дневник. В 2-х ч. Ч. 1. София, 1996. С. 241.
[13] См.: *Мангачев П.* Генерал Казимир Ернрот.
[14] Там же. С. 86–87.
[15] Там же. С. 109–111.
[16] *Стоилов К.* Дневник. С. 236.
[17] Там же. С. 315.

inslav

бы то ни стало желает, чтобы постройка болгарской линии попала в руки русской компании, а именно компании Гинцбурга». Но каких-либо твердых гарантий он не мог дать. Сам Хитрово писал в МИД, что имя Гинцбурга было в высшей степени непопулярным в Княжестве и внушало «болгарам какой-то панический страх: им мерещится целое наводнение страны евреями и передача в их руки финансового положения страны»[18].

Но дело было не в том или ином имени, а в стремлении самой болгарской буржуазии принять участие в строительстве и извлечь соответствующую выгоду. Сам болгарский князь обещал выполнить требуемое лишь при условии публичного заявления о том, что таково «непременное желание государя императора». Но в том же Петербурге отнюдь не хотели неминуемых в таком случае осложнений с Веной, желавшей проведения дороги в соответствии со своими планами и к своей экономической и политической выгоде. Да и само финансовое положение России не позволяло предоставить крупный заем на подобное строительство.

В этой ситуации, видя уклончивую позицию князя, Хитрово разрабатывает свой план обеспечения русского влияния и гарантий в том, что поддержка, оказываемая Баттенбергу Россией, не обернется против нее самой. Суть мыслей дипломата сводилась к назначению министров «по совету» российского правительства. Причем, в новом, уже либерально-консервативном, кабинете министров портфель главы ведомства внутренних дел, в чьей компетенции были вопросы железнодорожного строительства, принадлежал бы ставленнику России[19].

Здесь можно говорить и утверждать, что эти «советы» были бы равносильны по своей сути приказам, вели к вмешательству во внутренние дела княжества, чтобы еще жестче связать Болгарию с Россией. Но весь парадокс состоял в том, что этого вмешательства желали как либералы, стремившиеся не допустить господства консерваторов в управлении, так и сами консерваторы, которых серьезно тревожил рост либерального движения, приобретавшего все больший размах. Хитрово рассчитывал, что бушующая в стране политическая борьба со всей ее пеной и грязью убедят Петербург в правильности его идеи. Впрочем, пыл Хитрово был уже нейтрализован готовностью не только политических партий, но и самого князя просить Петербург о приискании кандидатов на министерские посты.

Иного со стороны князя было трудно ожидать. Связав свою политику с консерваторами, Баттенберг вынужден был искать помощи у своего августейшего родственника, зная, что только русское имя еще

---

[18] АВПРИ. Ф. ГА У-А2. Д. 920. Л. 230 об.

[19] *Косик В. И.* Русская политика в Болгарии 1879–1886. М., 1991. С. 55–56.

inslav

раз может спасти страну от либералов. Расчет и здесь оказался верным. Ради устранения столь ненавистного ему либерализма, пустившего корни в Болгарии, Александр III был готов снова помочь Баттенбергу.

Летом 1882 г. в Софии формируется новое правительство, где пост председателя совета министров и министра внутренних дел занял русский генерал Л.Н. Соболев; его сотоварищ генерал А.В. Каульбарс получил портфель военного министра. Любопытна программа нового главы правительства: «1. Строго стоять на почве законности и права; 2. Не склоняться на сторону ни консерваторов, ни либералов, ибо эти партии не много здесь стоят, да и не существуют в строгом смысле; 3. Не душить прессу, а давать ей высказываться; 4. Воздерживать князя от увлечения чрезвычайными полномочиями и склонять его к конституционному образу правления, добиваясь созыва Народного собрания; 5. Поддерживать, елико возможно, политическую и экономическую связь между Болгарией и Россией, нисколько не нарушая, однако, независимости княжества, которое должно выработаться в самостоятельное, крепкое государство при дружеском содействии России» [20].

Однако действительность диктовала свои законы, да и сам премьер в генеральской шинели отнюдь не был настолько наивен, чтобы, играя роль человека со стороны, быть нейтральным. Для Соболева, если говорить прямо, главной целью было создание прочной материальной базы для укрепления русского влияния. И здесь не замедлили открыться старые язвы в русско-болгарских отношениях.

В первую очередь это относилось к железнодорожному вопросу, где Соболев столкнулся с консерваторами по проблеме финансового обеспечения. Как и Хитрово, генерал все больше убеждался в том, что консервативная верхушка вместе с князем преследует свои интересы и даже стремится вовлечь страну в русло австро-германской политики. Как записывал осенью 1882 г. Стоилов, главной целью министров-консерваторов в железнодорожном строительстве было «отнять все из рук русских министров», не уступать им руководства в этом деле[21].

Экономическую карту и решил разыграть Соболев для обеспечения влияния своей страны в Княжестве. Основой плана должен был послужить оккупационный долг Болгарии за прошедшую войну, составлявший примерно 50 млн франков для Княжества и Восточной Румелии. Эти деньги он намеревался использовать для развития Болгарии в прорусском направлении. Генерал решил добиться утверждения конвенции об уплате Софией 25 млн франков. Судя

[20] *Щеглов А.Н.* Русское министерство в Болгарии // Исторический вестник. 1911. Т. 11. С. 554–555.

[21] *Стоилов К.* Дневник. С. 272.

inslav

по его расчетам, Россия в случае благоприятного разрешения этого финансового вопроса «будет в течение 12,5 лет получать от Болгарии по 2 000 000 фр. в год... Когда Румелия сольется с Болгарией, русское правительство предъявит новое требование на 25 000 000 фр. Это будет материальная сила в его руках. Силою этой можно воспользоваться с целью укрепить связь Болгарии с Россией. Можно будет учредить в Софии хорошие высшие школы для мальчиков и девочек и подготовить целое поколение в русском, или, вернее, в общеславянском духе. Можно развить русское и болгарское пароходство на Дунае и ослабить германизацию сей реки. Можно, наконец, на эти потребности затратить всего 15 000 000 фр., а остальные 35 000 000 фр. употребить на сооружение флота на Черном море, словом, на создание могущества близ Босфора»[22].

План был хорош для создания «Задунайской губернии России», однако он не учитывал ряда факторов. Во-первых, это традиционная бережливость болгар, унаследованная ими со времен османского владычества. Даже в вопросе железнодорожного строительства правящие круги прежде всего рассчитывали на дотации из России, и вряд ли можно было предполагать, что правительство согласится на выделение из своего скудного бюджета столь значительных сумм; во-вторых, сам план можно было трактовать как исключительно прорусский, подчиненный прежде всего превращению Черного моря в Русское озеро, где болгарам отводилась бы вспомогательная роль.

Постановка вопроса о «завязывании материальных узелков» лишь усугубила трудности в отношениях Соболева с консерваторами. Взаимное недоверие и подозрительность не раз способствовали возникновению конфликтных ситуаций, вплоть до выхода из правительства в феврале 1883 г. ведущих министров. Разочарование было обоюдным.

Генералы видели в тактике консерваторов лишь одно: желание превратить Болгарию в провинцию Австро-Венгрии. Их политические оппоненты, надо думать, усматривали в политике ими же приглашенных генералов стремление превратить Княжество в вотчину России.

Генералы искали новой опоры в либералах. Консерваторы по-прежнему делали ставку на князя. В свою очередь, Александр Баттенберг видел выход в замене Соболева, как успевшего пропитаться либеральным духом, на испытанного Эрнрота. Однако опыт, приобретенный князем в деле смены российских представителей, на этот раз ему не помог. В Петербурге, где Соболев успел изрядно подпортить имидж князя, отнюдь не собирались больше потакать ему и убирать генералов.

---

[22] *Соболев Л.Н.* К новейшей истории Болгарии: материалы о внутренней политике 1881–1883 // Русская старина. 1886. Т. 9. С. 737–738.

inslav

В Софию направлялся опытный дипломат А.С. Ионин. Он должен был на месте преподать жесткий урок Баттенбергу, не получившему его по дипломатическим соображениям в России. Согласно инструкции МИД, Ионин должен был приложить все усилия к сохранению — на определенный срок — Соболева и Каульбарса в правительстве, равно как и к восстановлению Конституции.

Тот парадокс, что самодержавная Россия выступала защитницей Конституции, имел довольно простое объяснение: император больше не верил в искренность заверений князя в своей преданности России. Но, «теряя» Баттенберга, Россия отнюдь не приобретала опоры в стане недавно гонимых либералов, раздираемом фракционной борьбой. Более того, лидер умеренных либералов Д. Цанков, обуреваемый жаждой власти, пошел на соглашение с консерваторами в вопросе формирования смешанного правительства, где русским генералам уже не нашлось места. По сути, Цанков в мастерстве политической игры явно превосходил Ионина.

В Петербурге отставку генералов внешне восприняли довольно флегматично, но можно думать, что она была внесена в реестр вины и прегрешений августейшего родственника. В конечном счете история с генералами заставила русскую дипломатию занимать более взвешенную позицию при выборе средств влияния в Княжестве и гораздо осторожнее относиться к просьбам о присылке из России очередных кандидатов на министерские посты. Например, уже осенью 1883 г. консерваторы, схватившиеся в очередной раз с Цанковым, попытались добиться от Петербурга «поставки» в страну новых министров, но их просьба не увенчалась успехом.

Как писал Ионин в МИД, настоящей целью консерваторов было стремление «смутить страну возможностью появления новых генералов, а затем ловить рыбу в мутной воде»[23]. На Певческом мосту придерживались такого же мнения. В России совсем не хотели того, чтобы из ее подданных делали «козлов отпущения». Время короткого поводка уходило в прошлое. Наступала очередь длинного. Тот же Ионин в августе 1883 г. заявил Стоилову, что «Болгария должна быть предоставлена болгарам»[24]. Но здесь я бы сделал небольшое уточнение, а именно — болгарам-русофилам.

В сентябре 1883 г. была восстановлена Тырновская конституция. Но уже 5 декабря 1883 г. правительство Цанкова вместе с консерваторами на закрытом заседании, не известив своих оппонентов, провели законопроект об изменениях в Конституции, прежде всего о введении второй палаты, наделенной административными и законодательными функциями, с условием, что его примет или отвергнет Великое

[23] *Соболев Л.Н.* К новейшей истории Болгарии. С. 737–738.
[24] *Стоилов К.* Дневник. С. 315.

inslav

Народное собрание, которое соберется через три года. Поведение Цанкова и способ голосования вызвали бурю возмущения в стране. Прошедшие в мае 1884 г. выборы в Народное собрание привели к победе сторонников Каравелова, который и возглавил правительство после отставки Цанкова.

К этому времени относится и возвышение Ст. Стамболова, связанное с назначением его на пост председателя Народного собрания. Его время еще впереди, а пока скажу, что ученик Одесской духовной семинарии был знаком с трудами Н.Г. Чернышевского, П. Прудона, М.А. Бакунина, К. Маркса. Участник Старо-Загорского восстания 1875 г., он пишет ряд песен, которые распевались повстанческими отрядами по всей Болгарии. После освобождения Стамболов быстро входит в число лидеров либеральной партии.

А пока новое политическое время, события, связанные с «изгнанием» генералов, вели к смене стратегии России в Болгарии. Первоочередной задачей русской дипломатии стала осторожная подготовка дискредитации князя и его смены на престоле. Из положения вечно догоняющей болгарские события русская дипломатия должна была стать самостоятельной силой, способной предвосхищать возможные политические кульбиты в Княжестве. Из опекуна Баттенберга она превращалась в инициатора его удаления из страны руками болгар.

Новая тактика русской дипломатии в Болгарии встретила если не одобрение, то понимание. А.И. Кояндер в начале 1885 г. доносил в МИД о чрезвычайно любопытном мнении Ст. Стамболова по этому щекотливому вопросу. Он утверждал, что «от князя можно отделаться только силою, то есть арестовать его и выпроводить с конвоем за пределы княжества... на время междуцарствия власть должна находиться в крепких и сильных руках какого-нибудь диктатора. Но кто употребит эту силу против князя? и кто явится диктатором? — вот вопросы, на которые ответ может дать Петербург, так как армия в наших руках, а кандидатов в диктаторы среди болгар нет»[25]. Стамболов предугадал форму выдворения Баттенберга, но, видимо, не предполагал, что сам станет ярым защитником князя и более того — диктатором в стране.

Делая ставку на Каравелова, как «вечного оппозиционера» князя, русская дипломатия в лице нового дипломатического представителя А.И. Кояндера должна была поддерживать его в борьбе с «соединенной оппозицией», возглавляемой Стоиловым и Цанковым. Не имея сил бороться с Каравеловым в стенах Народного собрания, лидеры оппозиции намеревались «взорвать» правительство изнутри. Для до-

[25] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1280. Л. 477.

inslav

стижения этой цели было решено использовать одного из популярных лидеров либеральной партии Н. Сукнарова, обиженного тем, что Каравелов не приглашал его войти в состав кабинета министров. Не веря в русофильство Сукнарова, Кояндер все же «посоветовал» Каравелову для обеспечения стабильности ввести его в правительство, где открывалась вакансия, вследствие освобождения по возрасту министра внутренних дел П. Славейкова.

31 января 1885 г. Сукнаров получил вожделенное кресло министра. Войдя в правительство, он, как и надеялись оппозиционеры, начал вести независимую политику. Кризис стал неминуем после публикации Сукнаровым письма в цанковистской газете «Средец» с нападками на политику Каравелова, обвиненного в своеволии и нетерпимости, в стремлении управлять всеми делами, оставляя на долю министров лишь ответственность. Эти обвинения были довольно стандартными и могли быть отнесены к самому Сукнарову или Цанкову, отличавшемуся еще большей нетерпимостью и самовластностью. Тем не менее, брошенный вызов был принят Каравеловым, поставившим перед князем вопрос об отставке Сукнарова.

Конечно, Баттенберг был настроен на защиту нового министра, поддерживаемого консерваторами, рвавшимися к власти в союзе с цанковистами. Но в этой сложной ситуации он не решился брать на себя всю ответственность и обратился, по традиции, за советом к русскому дипломатическому представителю. Кояндер, «ставивший» на Каравелова, высказался за отставку. Заявлявший неоднократно о своем желании следовать советам России, Александр Баттенберг был вынужден 20 марта подписать указ о выходе Сукнарова из правительства.

Этот мини-кризис утвердил, в очередной раз, Каравелова в мысли, что дальнейшее пребывание князя на престоле может привести к возникновению новых осложнений в управлении страной. В начале мая премьер-министр открыто заявил Кояндеру о невозможности правильного развития Княжества, пока Александр Баттенберг занимает болгарский трон[26]. Сам русский дипломатический представитель, отбросив обычную сдержанность, высказался вполне определенно, заявив, что «императорское правительство совершенно потеряло доверие к князю и что оно не поставит препятствий к его отъезду из страны, если бы болгары нашли невозможным долее жить с ним»[27].

Такой же вопрос незамедлительно поставил и Цанков. Соперник Каравелова, увидевший, что без санкции императора все его планы обречены на провал, он сменил тактику союза с консерваторами на курс по завоеванию доверия у русской дипломатии. Получив ответ о слабых видах на примирение императора с князем, Цанков также

[26] См.: *Косик В. И.* Русская политика в Болгарии. С. 97–98.

[27] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1280. Л. 489–490. А. И. Кояндер — Н. К. Гирсу, 8 (20) мая 1885 г.

inslav

высказался за удаление Баттенберга. После таких заявлений Кояндер устроил им 4 мая встречу у себя в дипломатическом агентстве, заявив, что «Россия едва ли может искренне желать объединения Болгарии под скипетром столь враждебного ей князя»[28]. Однако ни Каравелов, ни Цанков, повторив свое мнение о князе, не спешили с заключением письменного соглашения. Эта «бумага», составленная Каравеловым, должна была храниться у Кояндера[29]. Возможно, это условие насторожило Каравелова, понимавшего, что он и его партия могут стать жертвой какой-нибудь интриги как со стороны Кояндера, так и Цанкова, особенно последнего. Вывод здесь может быть один: лишь подозрительность мешала подписать программу о совместных действиях.

Позднее, в июле того же года, Кояндер в присутствии митрополита Климента и военного министра князя М. А. Кантакузина открыто сказал о князе — «надо выгнать его»[30]. Соответственно, у некоторых болгарских политиков, таких, как Д. Цанков, крепло мнение, что болгары «должны делать то, что хочет Россия»[31].

Политическая ситуация в стране «не желала» входить в «нормальное русло». Баттенберг, несмотря на свои заверения в преданности России, по-прежнему жаловался своим приближенным, что она мешает ему облагодетельствовать народ. Правительство Каравелова «отдалилось» от русского дипломата по ряду причин, одной из которых был македонский вопрос, точнее, проявляемое якобы «пренебрежение» болгарской стороной требования русской дипломатии о прекращении перехода в Македонию отдельных чет.

Заостряя вопрос о тактике Каравелова и его сторонников, не сделавших решительного шага к устранению князя, Кояндер писал в МИД, что «можно лишь пожалеть о том, что болгарская так называемая интеллигенция, забыв горькие уроки прошлого, предпочитает лучше опираться на князя Александра, чем идти об руку с ненавидимою ею в глубине души Россией»[32].

В сущности, князь превращался в некий «подгнивший символ» верховной власти. Примером может служить фарс с судебным процессом над редактором газеты «Свирка» в связи со статьей, где князь обвинялся «в краже отпускаемых на содержание дворца и другие подобные расходы денег». По приговору суда редактор был оштрафован на 600 франков, собранных прямо в зале заседаний, причем, первый взнос сделал прокурор [33].

---

[28] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1280. Л. 489–490. А. И. Кояндер — Н. К. Гирсу, 8 (20) мая 1885 г.
[29] *Радев С.* Строителите на съвременна България. Т. 1. София, 1973. С. 447.
[30] *Стоилов К.* Дневник. С. 438.
[31] Там же.
[32] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1280. Л. 249. А. И. Кояндер — Н. К. Гирсу, 17 июля 1885 г.
[33] Там же. Л. 258–259. А. И. Кояндер — Н. К. Гирсу, 20 июня 1886 г.

inslav

В этой непростой ситуации, когда рушились надежды на поддержку болгарами русской линии, Кояндер не находил ничего лучшего, как «простить» князя и таким образом найти в нем опору.

Такой исход дела отвечал бы интересам и Баттенберга, чье положение стало незавидным. Сознание шаткости своего положения заставило князя в очередной раз попробовать искать помощи у России. Рассчитывая на передачу своих слов в Петербург, Баттенберг в разговоре с военным министром М. А. Кантакузином заявил: «В Болгарии есть две силы — Россия и я, и они должны действовать в согласии. При этом условии все здешние деятели, вроде Каравелова, Цанкова, Стоилова и проч., не значат ничего... Ни России, ни мне ни на одну из так называемых партий положиться нет никакой возможности; они обманывают нас и эксплуатируют наше взаимное недоверие и наши неприязненные отношения. Я вполне сознаю, что подобное положение долго продолжаться не может: нужно или чтобы меня пустили в Петербург, или чтобы я ушел из Болгарии»[34].

Мольба о помощи была поддержана Кояндером, считавшим возможным и желательным примирение на жестких условиях, как, например, формирование «русского министерства», «приостановка действия конституции» [35]. В сущности, это был бы возврат к режиму чрезвычайных полномочий в его еще более грубой форме. Путь же примирения с князем, также содержавшийся в варианте Кояндера по «спасению княжества», был лишь флером. В Петербурге донесение русского дипломата по этому «предмету» было положено «под сукно». Видимо, в Северной Пальмире решили воздержаться от «советов», ограничившись обещанием Баттенберга Гирсу, что Княжество не предпримет каких-либо действий, нарушающих статус-кво на Балканах.

В таком состоянии находились отношения между двумя Александрами, российским и болгарским, когда в Петербург пришла весть о восстании в Пловдиве в ночь с 5 на 6 сентября 1885 г., быстро распространившемся на всю Восточную Румелию. Повстанцы, действовавшие под эгидой Болгарского тайного центрального революционного комитета, немедленно провозгласили объединение «обеих Болгарий» под скипетром князя. Последний издал соответствующий манифест и ввел войска на юг страны. В Болгарии царил национальный подъем.

Позволю напомнить несколько фактов из истории движения за объединение болгарских земель.

Весной 1880 г. в Софии с ведома и одобрения князя прошло собрание представителей Княжества и Восточной Румелии, на котором

---

[34] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1280. Л. 499 об. А. И. Кояндер — А. А. Влангали, 4 августа 1885 г.

[35] Там же. Л. 500–501. А. И. Кояндер — А. А. Влангали, 4 августа 1885 г.

inslav

было принято решение о создании в Восточной Румелии центрального тайного комитета «для организации и управления народными силами в Южной Болгарии». Однако деятельность его была заторможена в связи с борьбой по конституционному вопросу. Политика России также не отличалась активностью. В Петербурге не собирались идти открыто на нарушение Берлинского трактата.

Следует учитывать и договор 1881 г. между Россией, Австро-Венгрией и Германией, обеспечивавший нейтралитет двух европейских империй в случае возникновения русско-турецкой войны или русско-английской «боевой схватки». По настоянию русской стороны в протокол была включена фраза о том, что его участники не будут противиться воссоединению Княжества с Восточной Румелией «в случае, если бы этот вопрос был выдвинут силою вещей». Фактически эта формулировка означала, что воссоединение будет возможно лишь в случае войны «за турецкое наследство». К новой войне Россия, перенесшая все тяготы кампании 1877–1878 гг., не была готова. 15 (27) марта 1884 г. соглашение было продлено еще на три года.

После отмены режима полномочий вопрос о воссоединении с новой силой стал звучать в болгарских политических кругах. Весной 1885 г. в Восточной Румелии дело объединения взял в свои руки болгарский революционер Захари Стоянов. Подготовка к объединению шла самым активным образом в обеих Болгариях.

На фоне развертывавшегося движения с целью незамедлительного соединения князь с его недавним обещанием Гирсу попадал в деликатную ситуацию. Зная о намечавшемся восстании в Восточной Румелии, он был не в силах ни предотвратить его, ни отложить. Заговорщики были полны решимости действовать даже без согласия князя Александра. Болгарский монарх оказывался в сложном положении. Любая информация Петербургу означала бы для него политическое самоубийство. В России его обвинили бы в грубом обмане Гирса, в Болгарии — в предательстве национальных интересов. Поэтому князь предпочел отмалчиваться.

Баттенберг, видимо, считал, что император не будет предпринимать каких-либо действий против национального движения болгарского народа. Сами повстанцы были уверены в том, что дело объединения отвечает интересам России. Безусловно и то, что воссоединение давало князю великолепную возможность упрочить свой авторитет в стране: он заявил, что готов пожертвовать короной, «лишь бы совершилось объединение обеих Болгарий». Успех «революционного предприятия» теперь зависел от Турции и России.

В Стамбуле большинство министров выступало за немедленное вторжение войск. Однако великому визирю Камиль-паше удалось склонить султана вначале выяснить позицию России и других вели-

inslav

ких держав, одновременно занявшись концентрацией сил на границе с мятежными болгарами. «Старший брат», в целом, считал, что деятели соединения своей частной акцией нанесли ущерб славянским интересам, в первую очередь, России, как верховному авторитету среди славянских народов. Отчетливо об этом сказано в воспоминаниях дипломата Ю. С. Карцева: «Если и тяжело, временами, приходится славянским народам, они, тем не менее, должны ожидать терпеливо, чтобы Россия подала им знак действовать, а не выскакивать, как это сделали болгары и тем самым Россию поставили в безвыходное положение» [36].

Доля горькой правды была в этих словах, но не следует забывать, что упомянутая «безвыходность» была вызвана прежде всего недоверием царя к Баттенбергу. Известный столп славянофильства И. С. Аксаков писал, что в преследовании Баттенберга царь «руководствовался не соображениями пользы России, а личными чувствами». И что же? Патриот Аксаков получил предупреждение от министерства внутренних дел, в котором его укоряли за отсутствие «истинного патриотизма» [37].

Официальная Россия была поставлена в крайне затруднительное положение в связи с нарушением status quo на Балканах. Безусловно и то, что «истинный патриотизм» требовал не допускать ввода турецких войск на территорию Восточной Румелии. Эту задачу взял на себя посол в Константинополе А. И. Нелидов, заявивший великому визирю Камиль-паше о катастрофических последствиях для Турции, если хоть один турецкий солдат ступит на землю Восточной Румелии. Тот же мотив обнаруживается и в поставках оружия и военного снаряжения для Болгарии осенью 1885 г. и в начале 1886 г. Оружие шло не князю, а болгарскому народу, его армии. В то же время «истинный патриотизм» требовал удаления Баттенберга, столь ненавистного Александру III.

21 сентября 1885 г. в датском Фреденсбурге состоялась встреча Александра III и Гирса с делегатами болгарского парламента. Во время беседы император заявил, что «мысль о соединении обеих частей Болгарии — понятна, его желала и Россия. Но… не может одобрить средства, к которым прибегли болгары, вопреки воле государя… Императорское правительство употребит все старания к предохранению Болгарии от угрожающих опасностей и упрочению в ней порядка, согласно ее интересам»[38]. В то же время болгарам было двукратно заявлено, что «пока у Болгарии настоящее правительство, она не должна рассчитывать ни на какую поддержку со стороны России»[39]. Гирс

[36] *Карцов Ю. С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. СПб., 1906. С. 253.
[37] Там же. С. 259.
[38] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1281. Л. 41. Н. К. Гирс — А. И. Кояндеру, 21 сентября 1885 г.
[39] Там же. Д. 1282. Л. 60. А. И. Кояндер — МИД, 12 октября 1885 г.

inslav

недвусмысленно пояснил делегатам, что под словом «правительство» царь имел в виду князя[40].

Однако позиция императора разделялась не всеми его дипломатами. Как ни странно, в их ряду находился и Кояндер, считавший, что смена болгарского монарха не сможет спасти страну от смут и неурядиц, а Россию от упадка её авторитета. В своем письме от 5 октября он грустно замечал Гирсу: «Поставленный нами князь не замедлил вместе с его клевретами, консерваторами, повернуться против нас, как только заметил, что наши агенты, как дипломатические, так и военные, не считают для себя обязательным служить послушными орудиями его интриг и капризов. Введенный в княжестве конституционный режим имел своим последствием, что страна попала в руки школьных учителей из недоучившихся русских семинаристов, пропитанных ненавистью ко всему русскому, но, как близко стоящих к народу, имеющих на него огромное развращающее влияние. Из этого вышла та аномалия, что в то время когда Россия, Европа и большинство здешнего населения предполагали, что Болгарией управляли мы, — на самом деле Россия имела здесь очень мало значения и все делалось помимо, а часто и вопреки ее воле. Между тем, не имея власти, мы несли ответственность за происходящее, так как все неудачные мероприятия, все ошибки правительства последнее приписывало в глазах народа русскому влиянию, тогда как заслуга всего, что делалось на благо Болгарии, всецело принадлежала стоящим у власти болгарским "государственным людям". Такой порядок вещей не мог повести ни к чему другому, кроме постепенного упадка нашего престижа и возбуждения к нам недоверия». Русский дипломат признавал, что «из настоящих затруднений для нас возможны только два выхода: или полное оставление нами Болгарии и такие же с ней сношения, какие мы поддерживаем с Румынией и Сербией, или возвращение к порядку вещей, существовавшему до прибытия сюда кн. Александра. Восстановление же того положения, в котором мы находились до переворота 6 сентября, представляется… немыслимым и не отвечающим ни интересам России, ни ее достоинству»[41].

Умозаключения Кояндера, разбавленные сентенциями об «антирусской и социалистической пропаганде», о проповеди среди болгар вражды к «государственному строю и ко всей официальной России»[42], только укрепляли решимость царя рассчитаться с князем и показать болгарским правящим кругам и ее интеллигенции всю мощь России, которую они посмели ослушаться.

---

[40] *Радев С.* Строителите. С. 559.

[41] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1280. Л. 389 об.–391. А. И. Кояндер — Н. К. Гирсу, 5 октября 1885 г.

[42] Там же. Л. 385. А. И. Кояндер — Н. К. Гирсу, 5 октября 1885 г.

inslav

Конечно, болгарские политические деятели понимали всю сложность ситуации. Но в своей массе они считали, что, защищая своего князя, они отстаивают принцип национальной самостоятельности. В одной из многочисленных политических программ подчеркивалось, что «мы преклоняемся перед Россией, но Болгария должна быть для болгар»[43]. Консерватор Стоилов выступал за сохранение Россией роли покровителя Болгарии, но он полагал необходимым «определить» их отношения, чтобы каждая сторона знала свои «границы», «права и обязанности»[44]. Все выглядит умно, но с трудом можно представить, чтобы Россия ставила себе «границы» и пр.

В сущности, отстаивая Баттенберга на престоле, болгары защищали себя и свою страну, свободу действий, завоеванную ими в борьбе с князем. Всего этого они могли лишиться в случае смены монарха. Грозный призрак «Задунайской Болгарии» как провинции России не исчезал с болгарского политического горизонта.

Замечу, что в Болгарии продолжала жить идея «вхождения» в Россию. Так, в 1886 г. Св. Миларов, сторонник «русофила» Цанкова, утверждал, что «**Болгария должна стать русской провинцией** (выделено в тексте К. Стоиловым. — *В. К.*), что мы не можем управлять страной, что конституционализм был у нас просто шарлатанство»[45]. Другой болгарин, З. Стоянов, восклицал: «Да бъде проклета оная минута, когато е стъпил руски крак в нашата земя, когато се е произнесла за първи път думата освободителка и покровителка!» («Будь проклята та минута, когда русская нога ступила на нашу землю, когда в первый раз прозвучало слово освободительница и покровительница!»)[46].

Самая резкая реакция на объединение последовала со стороны сербского короля Милана, усмотревшего в выходе Болгарии на второе (после Румынии) место в регионе по территории и численности населения угрозу для своих позиций, идей расширения границ своей страны, равно как возможность поправить свое внутреннее положение и авторитет. В начале ноября 1885 г. последовало нападение его армии на свою славянскую соседку. Однако блицкриг провалился.

Победа обученной русскими офицерами болгарской действующей армии, насчитывавшей около 53 тыс. воинов[47], повысила международный престиж Болгарии и ее князя. По заключенному миру граница между двумя странами осталась без изменений, но конфликт воочию показал всю хрупкость мира на Балканах, представлявших своеобразный этнографический котел, где каждый хотел быть «кашеваром».

---

[43] АВПРИ. Ф. Посольство в Вене. Д. 272. Л. 36 об.–37. Г. В. Игельстром, 12 октября 1885 г.
[44] *Стоилов К.* Дневник. В 2-х ч. Ч. 2. София, 1996. С. 13.
[45] Там же. С. 14.
[46] http://www.Dnevnik.bg/
[47] *Мангачев П.* Генерал Казимир Ернрот. С. 149.

inslav

«Европейский концерт» оказался в неловком положении: поощрять явное нарушение Берлинского трактата было негоже, противиться ему не было ни желания, ни сил. Изменилась позиция главного российского антагониста, Великобритании. На протяжении десятилетий она, в пику России, выступала за сохранение незыблемости европейских владений Османской империи. Однако некоторые английские политики придерживались иной точки зрения, как, например, лидер либералов В. Гладстон. Еще в 1876 г., после подавления Апрельского восстания, он выступил с громким памфлетом «Ужасы в Болгарии и Восточный вопрос», поднявшись на защиту болгарского народа. Гладстон доказывал, что упорное противодействие освобождению Балкан, чем занимались английские кабинеты разных оттенков и направлений, противоречит самим интересам Британии, ибо бросает жителей этого региона в объятия России [48].

В 1886–1888 гг. в Англии возобладала его точка зрения, на что, в частности, повлияла суровость суждений Александра III о деле объединения, совершившегося под скипетром князя. В условиях кризиса русско-болгарских отношений британская дипломатия считала для себя выгодным поддержать воссоединение болгарского народа. Как известно, в конечном счете, великие державы согласились с назначением болгарского князя генерал-губернатором Восточной Румелии, что фактически означало признание результатов национального движения.

Правительство Александра III, осудившее акт объединения, тем не менее, не хотело отдавать столь дорого доставшуюся ей Болгарию в «чужие руки», той же Австро-Венгрии или Англии. Здесь достаточно вспомнить и об Османской империи с ее проектом договора с Княжеством (1886 г.), по которому в случае нападения на Болгарию Порта посылала туда свои войска, передавая их под командование князя; если же нападение было совершено на европейские владения Османской империи, туда высылались бы болгарские части, поступавшие под начало турецких генералов. В этой статье договора, принятой болгарской стороной, Россия усматривала оскорбление памяти ее солдат, воевавших за свободу братского народа. Равным образом он не отвечал ее надеждам на сохранение Болгарии как своего форпоста на Балканах.

Вследствие усилий Нелидова эта статья была выброшена из текста болгаро-турецкого договора. Было отвергнуто и предложение о предоставлении князю пожизненного мандата на управление Восточной Румелией. В окончательном тексте имя Александра Баттенберга как ее правителя было заменено на безликое выражение «болгарский князь». Русская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы об-

[48] *Gladston W. E.* Bulgarian Horrors and the question of the East. London, 1876. P. 51.

inslav

легчить будущее свержение Баттенберга и расширить набор средств для управления страной в желательном для России направлении.

5 апреля 1886 г. в Стамбуле в султанском дворце Топхане был подписан акт о воссоединении Восточной Румелии с Болгарским княжеством.

В самой Болгарии не могли не понимать, что страна с таким князем будет лишена поддержки и покровительства России. Но отстаивание князя болгарами с их слабо развитым монархическим чувством обуславливалось не в последнюю очередь страхом перед гражданской войной, которую могла инициировать армия, где позиции Баттенберга после победоносной войны выглядели сильными.

Напряженность в стране не спадала. В Народном собрании, открытом 2 июня, в первый раз в тронной речи не была упомянута Россия. В среде самих депутатов развернулась острая дискуссия, во время которой русофилы обвиняли Каравелова, указывая на его неудовлетворительные отношения с Россией и другие «промахи». Со своей стороны премьер-министр и сам председатель Народного собрания убеждали своих коллег в том, что Россия и ее император никогда не возненавидят Болгарию[49].

Однако вопрос был не в Болгарии, а в князе: только «жертва» монарха могла сменить «царский гнев» на его «милость». 28 июня император одобрил представленную ему программу А. И. Нелидова по болгарскому вопросу. Назову несколько пунктов: безучастное отношение к правительству Каравелова и князю, как не внушающим доверия, невмешательство во внутренние дела, отказ от «разрешения болгарского вопроса в смысле создания Великой Болгарии»[50].

Однако установка на долгое ожидание была прервана 30 июня неожиданным сообщением из Софии о планируемом заговоре против князя. Толчком к такому «повороту» послужили слухи о готовившейся в Сербии войне, в которой военные заговорщики предрекали поражение Болгарии. Для них виделся только один выход — низложение князя и обретение покровительства России. Причем, министры, в том числе и Каравелов, соглашались на детронацию своего монарха либо через созыв Великого Народного собрания, либо через военное пронунциаменто. Хотя позднее премьер-министр начал колебаться. Оставался второй вариант.

В Петербурге царь был в курсе происходившего. Неодобрения планируемому акту не последовало. 9 августа 1886 г. дворец был окружен, и по требованию детронаторов в офицерских мундирах князь подписал отречение, чей текст включал в себя следующие слова: «Так

[49] *Радев С.* Строителите. С. 748–754.

[50] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 27. Л. 269–271. Программа А. И. Нелидова от 28 июня 1886 г.

inslav

как болгарский народ и войска находят, что мое дальнейшее пребывание на болгарском престоле является вредным для интересов страны, то я отказываюсь от престола»[51].

Один из руководителей заговора, Р. Дмитриев, в своем заявлении для русской прессы подчеркивал: «Мы, болгары, всегда видели в России державу, которой мы обязаны всем и которая одна может обеспечить нашу национальную независимость и объединение... Наши мечты были — достигнуть славянской федерации в форме объединения вооруженных наших сил под общим управлением Великого Царя. Мы сознавали, что к достижению этого идеала было много политических препятствий, и мы стремились к тому, чтоб если не формально, то по крайней мере фактически установилось это объединение. Вначале все шло как следует, и в лице Баттенберга мы видели только представителя русского императора. Но не имея ничего общего с нами, немецкий принц не захотел служить великой идее, связующей нас с Россией... Мы ждали, что Баттенберг образумится и так или иначе возвратит нам покровительство России. Но каково было наше удивление, когда мы, вместо ожидаемого сближения, прочли турецко-болгарское соглашение, по которому в случае нужды Баттенберг был готов преподнести болгарский контингент султану для борьбы против внешних врагов, следовательно, и России. Терпению нашему настал конец, мы видели, что отечество находится на краю гибели... Спасти его, по нашим понятиям, можно было, только удалив из страны принца Баттенберга» [52].

Однако таких людей, как Дмитриев, позднее служивший верой и правдой в рядах русской армии в годы Первой мировой войны, насчитывались единицы. Верхушечный переворот провалился.

Стамболов, имея за собой поддержку армии, во главе которой стоял С. Муткуров, женатый на его сестре, возглавил разгром заговорщиков. 17 августа Александр Баттенберг издал манифест о своем возвращении: он не желал прослыть князем, которого выгнали «солдаты». В тот же день князь послал царю телеграмму, которая заканчивалась словами: «Россия даровала мне мою корону, и эту корону я готов вернуть ее монарху»[53]. Петербург не спешил с немедленным ответом. В нервозном ожидании князь, вероятно, счел, что в Северной Пальмире от него ждут иного заявления. И Александр I князь болгарский решился. 19 августа князь через русского консула в Русе Б. Шатохина известил Петербург, что он «твердо намерен покинуть навсегда Болгарию и что таковое решение его об отречении бесповоротно»[54]. Отринув личное самолюбие,

---

[51] *Радев С.* Строителите. С. 799.

[52] Новое время. 1 (13) октября 1886 г. № 3804.

[53] Цит. по: *Горяинов С.М.* Разрыв России с Болгарией в 1886 г. // Исторический вестник. 1917. Т. 147. № 1. С. 189.

[54] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 92. Л. 641. Б. Шатохин — МИД, 19 августа 1886 г.

inslav

Баттенберг надеялся умилостивить царя и предотвратить возможное вмешательство России во внутренние дела страны.

20 августа пришла долгожданная царская телеграмма, в которой были такие слова: «Не могу одобрить возвращения вашего, предвидя злополучные последствия для страны… Я воздержусь от всякого вмешательства в печальное положение дел, до которого доведена Болгария, пока вы будете там оставаться. Вашему высочеству предстоит решить, что вам надлежит делать. Предоставляю себе судить о том, к чему обязывают меня чтимая мною память моего родителя, интересы России и мир на Востоке»[55].

Иного ответа, зная отношение царя к князю, было нельзя ожидать. Стамболов, узнавший о переписке князя, был в ярости. «Для этого человека, — как он говорил своим близким, — мы подняли на ноги всю Болгарию… брат против брата обнажил нож, и он принимает такое судьбоносное решение, не спрашивая нас; бросает свою корону к ногам иноземного монарха и скрывает от нас?»[56].

В самой стране начались гонения против лиц, замешанных в перевороте 9 августа. В стране было объявлено военное положение. Из русских консульств в МИД летели телеграммы об избиениях и арестах сторонников России. Спасение страны и сохранение в ней русского влияния русские дипломаты видели только в оккупации[57].

Вопрос об оккупации заботил и князя, готовившегося к отъезду. 22 августа в разговоре с русским дипломатом в Софии П. М. Богдановым он просил последнего передать царю, чтобы «партия, преданная ему, была гарантирована, что с отъездом его не будет нарушена самостоятельность народа, точно так же, чтобы партия, противная ему, была убеждена, что Россия согласна на форму, в которую поставлен уход его»[58]. Несколько замысловато, но понятно. Ненавидящий князя Александр III оставил характерную помету на этом донесении из Софии: «Я на все согласен, лишь бы он скорее убирался из страны»[59].

В ответ на запрос участников совещания, в котором приняли участие князь и видные политические деятели страны, включая Цанкова и Каравелова, о взглядах России на Болгарию, Петербург 26 августа сообщал: «1. Россия будет поддерживать временное правительство, лишь бы оно являлось представителем интересов не отдельной политической партии, а руководилось общим благом страны, требующей прежде всего прекращения распри и восстановления спокойствия.

---

[55] *Горяинов С. М.* Разрыв России с Болгарией. С. 189–190.

[56] *Радев С.* Строителите. С. 201.

[57] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 92. Л. 627. П. М. Богданов — МИД, 16 августа 1886 г.; там же. Д. 92а. Л. 7. Г. В. Игельстром — МИД, 20 августа 1886 г.

[58] Там же. Д. 92а. Л. 17 об.–18. П. М. Богданов — МИД, 22 августа (3 сентября) 1886 г.

[59] Там же. Л. 17. П. М. Богданов — МИД, 22 августа (3 сентября) 1886 г.

inslav

2. Не считая своевременным предлагать кандидатуру на княжество, Россия отлагает это до того времени, когда успокоются страсти и установится порядок.

3. Россия будет готова содействовать соединению, но с условием, чтобы болгаре отказались от замыслов и попыток достигнуть это насильственными мерами, которые могут только подвергнуть страну новым тяжким испытаниям.

4. Восстановление прежних тесных сношений Болгарии с Россией будет зависеть от искренних усилий временного правительства, которые заставят забыть прошлое. Всякие теперь условия с нашей стороны признаем бесцельными. По всем другим вопросам произнесемся, когда минует кризис»[60].

С. Радев был прав в оценке этого документа, когда подчеркивал условность его формы, отсутствие твердых гарантий и легкость, с которой эти обещания могли быть ликвидированы[61].

26 августа Александр Баттенберг подписал обращение к народу о своем отречении и назначении регентства из Стамболова, Муткурова и Каравелова. В тот же день Баттенберг покинул Софию и на следующий день пересек границу Болгарии.

Державший власть Стамболов не мог не понимать, что с уходом Баттенберга в политическое небытие главный удар России придется держать ему, как организатору разгрома русофильских сил в стране, устроителю заявленного судебного процесса над офицерами, замешанными в перевороте 9 августа 1886 г. Для Стамболова наступало время испытаний всех его недюжинных политических и бойцовских качеств, столь необходимых, чтобы уцелеть на политическом Олимпе и не дать себя уничтожить ни России, ни своим соперникам в схватке за власть.

Время первых политических баталий обычно связывается с известной миссией генерала Н. В. Каульбарса, посланного осенью 1886 г. с задачей восстановления престижа России, прежде всего недопущения суда над офицерами-детронаторами, нейтрализации вторичного выбора Александра Баттенберга князем, чего так опасались в Петербурге. Обе стороны отнюдь не отличались ни выдержкой, ни тактом. Достаточно упомянуть появление русских военных судов на рейде Варны, с одной стороны, и преследования русофилов, с другой. София не желала поступаться властью, жестоко подавляя антиправительственные выступления, Петербург — ею жертвовать.

В подобной ситуации разрыв был неминуем, что и произошло в начале ноября 1886 г. По мысли Н. В. Каульбарса, отъезд русских дипломатов должен был послужить своеобразным уроком непокорным

[60] *Радев С.* Строителите. С. 225.
[61] Там же.

inslav

и упрямым болгарским политикам. В России считали, что в той ситуации, когда вопрос о кандидатуре на вакантный престол мог быть решен только при ее одобрении, правящие круги в Софии будут вынуждены пойти на поклон Петербургу.

Однако МИД явно просчитался. И как ни странно это звучит, болгарам в этой сложной ситуации помогал вассальный статус страны. Они могли тянуть дипломатическую игру сколько угодно времени. Разумеется, на руку Софии было и то обстоятельство, что в отпоре притязаниям России на Балканах были заинтересованы западные страны, прежде всего Великобритания и Австро-Венгрия.

Все это не замедлило обнаружиться уже в процессе выдвижения Петербургом на престол князя Н.Д. Мингрели. Эта кандидатура была в Софии встречена в штыки. Болгары в нем видели лишь «азиата», добровольно передавшего в свое время владетельные права на Мингрелию Александру II, послушного исполнителя воли российского императора, а не личность, способную проводить самостоятельную политику.

Непримиримость Софии и нежелание Константинополя использовать свое посредничество ради осуществления планов Петербурга сорвали замыслы русской дипломатии. Потерпела крах и мелькнувшая было идея занятия Княжества российскими войсками. Особую активность в этом вопросе проявлял Д. Цанков — ярый соперник Стамболова.

Имя Ст. Стамболова прочно вошло в историю Болгарии как видного политического и государственного деятеля, который был и болгарским Гладстоном, и болгарским Бисмарком, диктатором, тираном и освободителем, апостолом и главным полицейским. При этом, судя по многим документам, всюду он был искренен в своих действиях, всегда направленных на благо своего отечества. Стамболов решил побороться с Россией за «Болгарию для болгар» и громил русофилов и прочих оппозиционеров, имевших отличное от него мнение.

Но не все так просто. В своей дневниковой записи от 6 декабря 1886 г. Стамболов писал: «В нашей борьбе с турками Россия была для нас святая, мы на нее смотрели с полным и беспредельным доверием, от нее мы ожидали, что она нам поможет и нас освободит, и, действительно, наши надежды оправдались! Тогда мы глядели с ненавистью и отвращением не только на турков, но и на австрийцев, на немцев, а больше всего на англичан, потому что они поддержали сторону турков и… кричали, что Россия не идет освобождать христиан от турков, но идет их порабощать и со временем завладеть и поглотить. Какой болгарин верил этим немецко-английским бессмыслицам? Кто не относился к ним с презрением и даже с отвращением как к подлым и бесчестным интригам?

inslav

Сейчас многие болгарские деятели, которые 10–12 лет назад отдали бы жизнь под русскими знаменами в войне с Германией, Австрией и Англией, не подумали бы помогать русским и даже желали бы, чтобы русские были… побеждены, чтобы Болгария могла свободно вздохнуть и укрепиться внешне и внутренне как государство. Одно время турки душили болгарскую свободу и народность, сейчас то же самое хотят делать наши братья-освободители. Одно время всякое зло для болгар шло из Цариграда, сейчас идет из Петербурга. Одно время мы боролись и сторожились турков, сейчас то же самое с русскими. О, как изменились дела: поэтому не странно, что изменились и симпатии болгар. Послушные до вчерашнего времени русским, мы сегодня боимся их как огня и чумы… Когда мы поняли, что Россия хочет уничтожить Царство наше, захватить нашу землю, погубить народность нашу и усесться в нашем доме, мы... собрали силы и началась между Россией и нами страшная и непримиримая дипломатическая война, война между освободителями, сейчас превращенными в грабителей, и освобожденными, между маленьким и слабым Давидом и исполином Голиафом»[62].

Здесь соседствуют правда со страхом, противопоставление России как абсолютного зла с Болгарией, не желающей стать жертвенным ягненком для «русского волка». Могу сказать здесь лишь одно: Россия совсем не собиралась оккупировать Болгарию, чего так опасались Стамболов и его окружение.

Чтобы не пускать в Болгарию Мингрели, Стамболов в декабре 1886 г. разработал на первый взгляд «сумасшедший план» по предоставлению болгарского трона своему номинальному сюзерену турецкому султану Абдул-Хамиду. Судя по строкам из книги Д. Маринова, Стамболов через своего дипломатического агента в Стамбуле ознакомил султана со своим предложением. Однако турецкий повелитель отказался от такого «подарка», грозившего международными осложнениями[63].

В такой ситуации вспыхнувшее в феврале 1887 г. восстание офицеров-русофилов в Русе и Силистре было жестоко подавлено. Несмотря на все их заслуги перед Болгарией, офицеры, участники восстания, были расстреляны новой властью. Но «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением на трон самовыдвиженца Фердинанда. Этот акт и был совершен 25 июня (7 июля) 1887 г. Великим Народным собранием.

Можно упомянуть, что принадлежавший к семейству Кобургов князь Альберт был мужем английской королевы Виктории, а женитьба отца Фердинанда на Клементине Орлеанской — дочери француз-

---

[62] *Стамболов Ст.* Дневник. София, 1991. С. 106–107.

[63] *Маринов Д.* Стефан Стамболов и новейшата ни история. Част втора. София, 1992. С. 63–67.

inslav

ского короля Луи Филиппа — связала дом Кобургов с домом Бурбонов. Католическая вера Фердинанда не смущала цивилизованную Софию. Нового претендента, в свою очередь, не стесняла мысль о судьбе своего предшественника на престоле. Давно лелеявший надежду заменить Александра Баттенберга на болгарском престоле, Фердинанд не замедлил воспользоваться благоприятной для самовыдвижения ситуацией. Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая Петербургом фигура Н. Д. Мингрели.

В Болгарию Фердинанд прибыл с запасом только нескольких болгарских слов и сведений о стране из книги по истории Болгарии Константина Иречека[64]. И с самого начала новый монарх активно «приручал» прессу субсидиями, отличая тех, кто писал против того же Стамболова. Раздавал ордена и подарки на дни именин, рождения и другие даты, несколько надоедливо напоминая награжденным о своих «милостях»[65].

По приезде в «свою» Софию Фердинанд повел себя как ревностный богомолец. Мемуарист Д. Ганчев писал о князе: «Не было праздника, чтобы не пошел в церковь. Крестился, кланялся и на колени падал»[66]. В то же время был несдержан в своих суждениях: в частности, министра иностранных дел Г. Странского назвал в 1887 г. «свиньей», а «всех болгар ворами»[67].

Немного из «скромных» записей: Фердинанд получил известность в придворных кругах как страстный любитель красоты и в женском, и в мужском обличье[68]. Ему также была присуща определенная мания величия, что видно из его портрета в одеянии византийского императора кисти художника Ивана Мырквички[69]. Впрочем, возможно, он хотел польстить и самим болгарам, считавшим свою страну наследницей Византии.

Болгары на первых порах смотрели на него как на некую «временную фигуру». Не всегда и не везде князю оказывались должные знаки внимания: не здоровались на улицах, держали двусмысленные речи, не стаскивали шапки и «не склоняли головы»[70].

Русская дипломатия стала прилагать усилия, чтобы побудить Османскую империю к отказу от признания князя. Однако Порта заявила, что будет следовать в этом вопросе мнению великих дер-

---

[64] *Ганчев Д.* Спомени за княжеско време. София, 1983. С. 23.
[65] Там же. С. 25, 27, 29.
[66] Там же. С. 37.
[67] Там же. С. 36.
[68] Там же. С. 33, 81, 125, 127.
[69] Там же. С. 223.
[70] Там же. С. 97.

inslav

жав. Она ссылалась на Берлинский трактат, где говорилось, что «князь болгарский будет свободно избран населением и утвержден Портой с согласия держав». Таким образом, Россия оказывалась в плену положений Берлинского договора, за сохранение которых она же и выступала.

В вопросе утверждения князя на болгарском престоле создавалась патовая ситуация. Возникали и рушились как карточные домики разнообразные русские планы, идеи, проекты по урегулированию болгарского вопроса, носившие весьма рискованный, если не авантюрный характер. Стремясь использовать любой мало-мальски серьезный шанс для организации контрпереворота в Болгарии, Россия не забывала старую идею о привлечении к этой акции самих болгар — противников власти Стамболова.

В этом ракурсе представляет интерес секретная миссия дипломата Н.Г. Гартвига по координации деятельности эмиграции. Во время своих встреч и бесед (1887 г.) с представителями эмиграции в Константинополе, Адрианополе, Бухаресте он стремился рассеять их надежды на вооруженное вмешательство России в болгарские дела. Эмигрантам внушалось, что освобождение их страны зависит только от них и рассчитывать они могут только на свои силы. Собеседники Гартвига заверяли его в том, что возбуждение населения против софийских правителей возрастает день ото дня, а крестьяне «почти всей северо-западной части княжества готовы будут восстать при первом зареве».

Но оснований для подобных заявлений у эмиграции не было. Александр III не напрасно считал, что Гартвиг «слишком успокоителен и слишком надеется на успех».

К середине января 1888 г. в Петербурге разработали другой план по удалению князя, связанный с именем близкого друга Фердинанда, известного банкира и железнодорожного дельца Морица Гирша. Он обещал главе российского МИД уговорить Фердинанда покинуть Болгарию. Однако и здесь «счастливого конца» не получилось. Гирш отказался от своего намерения на том основании, что положение его друга — ранее славшего ему отчаянные письма — упрочилось [71].

Горькие жалобы на своих министров во главе со Стамболовым отнюдь не мешали князю сознавать, что упорство, с каким его защищал тот же Стамболов на европейской арене, играет ему на руку. Одновременно Фердинанд методично и терпеливо старался завоевать расположение армии, раздавая награды, повышая офицеров в чинах и должностях, чтобы исключить возможность использования военных в любой направленной против него акции, тем самым укрепляя свои позиции в стране.

---

[71] *Ганчев Д.* Спомени за княжеско време. С. 39.

inslav

Замечу, что болгарский монарх «мешал» не только царю. Он начинал действовать на нервы и фактическому властителю страны Стамболову, который ради «независимости» страны от той же России, жертвовал «свободой», свирепо подавляя инакомыслие, преследуя русофилов.

Здесь особенно «отличалась» проправительственная газета «Свобода». В связи с рядом бедствий, обрушившихся на Россию в 1892 г., на ее страницах допускались и такие фразы, как: «в прошлом году — голод, в этом — холера, в следующем — дай Бог и чуму в Россию!»[72]. В прессе встречались и выпады против императора и его семьи. В воспоминаниях английского дипломата Е. Пирса есть объяснение этой газетной травли. Так, в ответ на реплику Пирса о неблагоразумии подобной кампании в печати, Стамболов резко отвечал, что, имея дело с Россией, нужно держать в руках дубину, которой следует наносить удары везде и повсюду[73].

При этом отмечу, что все это не мешало болгарской дипломатии зондировать почву для примирения[74]. И тут необходимо процитировать одну приписываемую Стамболову максиму: «Всегда с Германией и никогда против России». Это утверждение чрезвычайно сложно толковать, зная, что авторство фразы приписывается, с бóльшим основанием, царю Борису III. Гораздо более естественно его никем не оспариваемое изречение: «Россия нас освободила, кто нас освободит от России?!» И здесь Стамболов сам прилагал к этому «освобождению» немалые усилия.

И в то же время политическое русофобство Стамболова могло закончиться гораздо раньше. Будучи умным политиком, он не мог не понимать, что рано или поздно Фердинанд постарается избавиться от него. Причем, здесь необходимо учитывать один непреложный факт, а именно: Стамболов не мог не понимать, что без урегулирования отношений с Россией международное положение Болгарии остается незавидным.

В начале 1888 г. русофоб Стамболов хотел превратиться в русофила, обещая России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии, в том числе материального характера. Тогда Фердинанда спасли, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и ее уверенность в том, что выдворение князя устроится без особых денежных затрат.

Впрочем, и дальше, судя по дневниковым записям Стоилова, сторонники Стамболова открыто выступали против князя, а сам Стам-

---

[72] Цит. по: *Ризов Д.* Разлагающа се и възраждающа се България. София, 1894. С. 34.

[73] *Pears E.* Forty years in Constantinople (1873–1915). London, 1916. P. 193.

[74] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 23. Т. 1. Л. 218–221. А. И. Нелидов — Н. К. Гирсу, 19 (31) марта 1892 г.

inslav

болов надеялся через своего посредника вступить в переговоры с Россией[75]. Все это было своеобразной прелюдией к будущей кровавой драме.

Надо думать, что в стране были и те, кто, зная историю, предвидел конец диктатуры Стамболова, расценивая ее как необходимый, но временный этап по переходу власти в руки «доброго и справедливого» Фердинанда в отличие от «злого и несправедливого» Стамболова.

Повторю, что Фердинанд был для болгар своеобразным символом независимости, для русских патриотов — «узурпатором» болгарского престола, для турок — фигурой, вносившей помехи и сложности в международной сфере, прежде всего в русско-турецкие отношения. Все это весьма ясно просматривается в сюжете, связанном с попытками Болгарии обратить на свою сторону Турцию, которую София стращала объявлением независимости в случае отказа в официальном признании князя Фердинанда. Авантюрный прием Болгарии был основан на страхе Стамбула перед политическими осложнениями, которые могли втянуть Турцию в войну. Расчет Софии, казалось, оправдывал себя. Встревоженная Порта в 1889 г. провела ряд чрезвычайных совещаний и была готова уступить, но не могла, как и прежде, решиться на самостоятельную акцию.

Турецкое правительство с Абдул-Хамидом II предприняли ряд попыток склонить русскую дипломатию к совместному признанию законности пребывания князя Фердинанда на престоле. Султан, объясняя русскому послу в Стамбуле А. И. Нелидову всю вынужденность предполагавшегося шага, обуславливал его интересами европейского мира. Однако его собеседник был непреклонен, заявляя, что угождая «честолюбцам», поставившим Фердинанда в Болгарию, султан забывает, что «Россия есть самая близкая и мощная соседка Турции». После столь недвусмысленной угрозы Нелидов теперь уже «по-дружески» уверял султана, что уступка болгарам отнюдь не прекратит дальнейших притязаний, а наоборот вызовет их рост: требование независимости, присоединение македонских земель, а также территориальные претензии со стороны соседних с Османской империей стран. В конечном итоге, как заключал российский дипломат, эта уступка явится толчком к «окончательному разложению Турции»[76]. Султан уступил и еще раз заявил об отказе в признании Фердинанда.

В сущности, болгарский монарх был своеобразным заложником в сложной игре между Софией и Петербургом. Он все же тогда больше был объектом, нежели субъектом, в международных отношениях

---

[75] *Стоилов К.* Дневник. В 2-х ч. Ч. 2. София, 1996. С. 101, 105, 138.

[76] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 24. Т. 2. Л. 72–79.

inslav

и только начинал вести свою «игру». Причем, как ни парадоксально, ему в этом деле «помогал» Стамболов. Достаточно вспомнить хотя бы сюжет с изменением вероисповедания его сына Бориса, рожденного в католическом браке с Марией-Луизой Пармской. Стамболов специально провел 28 мая 1893 г. через Великое Народное собрание изменение Конституции о праве престолонаследника принадлежать к неправославному вероисповеданию. Однако, как писал П. Н. Милюков, Стамболов, сам того не желая, дал козырь для «будущей торговли с русскими дипломатами» и «ставил самого себя в положение единственного препятствия на пути к примирению»[77].

Впрочем, себя он таковым не считал. Более того, судя по свидетельству Д. Маринова, автора солидной монографии о политике Стамболова, последний мог стать в очередной раз спасителем Болгарии, пойдя навстречу Стамбулу в сфере сближения Софии с Османской империей. Однако Вена и Петербург сделали всё, чтобы сорвать его планы[78].

Заключительные два года правления Стамболова стали тяжелыми для «болгарского Бисмарка». Покушения, заговоры, нападки в прессе, анонимные письма «смутили его сильный дух». В самых обычных разговорах и делах усматривал он злой умысел. Гонениям подвергались не только русофилы, но и колеблющиеся, ставшие его самыми «беспощадными врагами»[79]. Тем не менее, оппозиция не сдавалась, выступая за отставку Стамболова, полагая, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией, покажет ей, что Болгария встала на путь русофильства. Душой оппозиции, как отмечал Д. Ганчев, был известный деятель консервативной партии Г. Начович по прозвищу «Вельзевул» или «Бухала» («Филин»), мастер пера и интриги, «тактик, скрытый за баррикадой приверженцев»[80]. Отлично сыграл свою роль и сам князь, когда в мае 1894 г. болгарский Бисмарк был отправлен «на отдых» с благодарственным рескриптом.

После отставки «тирана» ситуация переменилась. Начались гонения на Стамболова, действия по искоренению «стамболовщины». Сам Стамболов не оставался в долгу и даже нападал через свою газету «Свобода». Однако оставленный большинством, он оказался в неравной борьбе[81].

Во главе нового правительства встал опытный политик и государственный деятель К. Стоилов, понимавший необходимость отмены русофобского курса и недопущения грубого произвола во

---

77 *Милюков П. Н.* Болгарская конституция // Русское богатство. СПб., 1904. № 9. С. 60.
78 *Маринов Д.* Стефан Стамболов. С. 289–392.
79 *Ганчев Д.* Спомени за княжеското време. С. 195, 203.
80 Там же. С. 190, 191, 192.
81 Там же. С. 204, 205.

inslav

внутренней политике. В стране шли многочисленные митинги с требованиями скорейшего восстановления отношений между Болгарией и Россией. Князь, пользуясь предоставленной возможностью осветить свою позицию на страницах «Нового времени», спецкором которого в Софию был прислан А. В. Амфитеатров, выражал желание начать болгаро-русские переговоры, призывал учитывать новые веяния в Княжестве[82].

Но император придерживался прежней жесткой позиции о невозможности примирения, пока Кобург занимает болгарский трон. Тем не менее, окончательное решение было отложено на сентябрь, когда Александр III намеревался вновь обсудить болгарский вопрос[83]. Однако времени на это у самодержца уже не оказалось. Здоровье императора стремительно ухудшалось, и 20 октября 1894 г. он скончался.

3 июля 1895 г. было совершено очередное, на этот раз «удачное», покушение на Стамболова тремя выходцами из Македонии, мстившими за своих близких. В его гибели сестра бывшего диктатора открыто обвинила Фердинанда как главного «инспиратора» убийства. В самой Болгарии смерть Стамболова одними была встречена с «облегчением», других потрясло, но в громадном большинстве народа это известие воспринималось с «нескрываемой радостью»[84].

Существует мнение, что покушение на Стамболова самым непосредственным образом было связано с его политикой в македонском вопросе. По мнению С. Константа, автора книги о «лисице» Фердинанде, Стамболов в своем стремлении поддерживать хорошие отношения с Портой старался избегать обострения ситуации в македонских землях. Такая тактика была воспринята македонскими экстремистами как предательство национальных интересов, что вызвало нападение со смертельным исходом[85]. Но это лишь один из ответов. У Стамболова и его политики было много врагов и соперников. Его смерть «расчищала поле» для других политиков, имевших иное видение настоящего и будущего Болгарии.

Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившего было продолжать политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, играющей отведенную ей роль в стратегических планах России.

Князь Фердинанд ради сохранения своей династии дал согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса Клеменса Роберта Марию Пия Людвига Станислава Хавьера (1894–1943), принца

---

[82] Новое время. 1894. 3 июля. № 6588.

[83] *Ламздорф В. Н.* Дневник (1894–1896). М.–Л., 1991. С. 139.

[84] *Ганчев Д.* Спомени за княжеското време. С. 207.

[85] *Константа С.* Фердинанд лисицата цар на България. София, 1992. С. 181.

inslav

Саксен-Кобург Гота по православному обряду (крестным отцом Бориса стал русский царь). Наложенная на Фердинанда Римским папой суровая епитимья была воспринята им, надо полагать, стоически, но «Париж сто́ит мессы». Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Фердинанда Кобургского на престоле. Многолетняя тяжба окончилась. Русско-болгарский конфликт был похоронен вместе с Александром III.

Наступали новые времена и для Болгарии, и ее князя, награжденного новым императором орденом Св. Владимира I степени.

Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь в одном из своих выступлений заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза»[86]. Более того, тогда он стал выводить свой род по отцу от князей витинских, то есть славянских, а по матери считать себя пра-праправнуком русской княгини, вышедшей замуж за одного из родоначальников династии Капетингов [87].

В его стране прокламировалось наступление «солнца свободы и законности». И, конечно, время «светлых дней» часто связывается в исторических исследованиях с установлением Фердинандом «личного режима». Здесь следует заметить, что согласно Конституции совет министров назначался князем, который мог в любое время сменить кабинет. При этом сами парламентские выборы, как правило, приводили к одному результату — победе партии, глава которой в этот момент возглавлял правительство. Уже по этой причине партии стремились заручиться благосклонностью своего монарха, чтобы войти во власть. И при последующих выборах в Народное собрание новые министры «организовывали» себе большинство в парламенте. Выборы назывались правительственной партией «свободными», а оппозицией, соответственно, — «кровавыми». Потом по воле князя к власти приходили «свежие» министры, организовывались новые выборы, в результате которых проигравшие народные избранники оседали «в оппозиционных и независимых газетах и ресторанах»[88].

При всем этом современники, много и часто писавшие в России на болезненную болгарскую тему, отдавали должное его умению править. Так, в 1900 г. можно было прочесть о князе Фердинанде следующее: «Медленно, но настойчиво и неуклонно превращался этот умный и расчетливый и осторожный внук Людовика Филиппа из безгласной тени, которою он был в железной руке Стамбулова (так в тексте. — *В.К.*), в главный фактор политической жизни Бол-

[86] Цит. по: *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 129.
[87] *Ганчев Д.* Спомени за княжеското време. С. 23, 208.
[88] *И–въ*. // Русское богатство. СПб., 1900. № 4. С. 82.

inslav

гарии. Пользуясь с замечательным искусством слабыми сторонами болгарского конституционализма с его бесплодным партизанством и погонею за властью, поочередно поддерживая и компрометируя в глазах народа то одну, то другую партию и не отнимая окончательно надежды ни у одной, ловко лавируя между местными Сциллами и Харибдами, он, в конце концов, успел добиться своей заветной цели — признания Турции и Европы. С этого момента усиление его значения во внешней и внутренней жизни страны идет все быстрее и быстрее... Он создает вокруг себя обширную клиентелу людей, связанных с ним материальными интересами; он подчиняет себе армию; он забирает в руки всех вождей партий, всех кандидатов в министры, прекрасно понимающих, что без него их мечта никогда не осуществится и поэтому готовых на все ради "княжеского фавора", и, в конце концов, умело сохраняя все конституционные аппараты, становится все более и более неограниченным распорядителем судеб своей страны»[89].

[89] *И–въ*. // Русское богатство. СПб., 1900. № 4. С. 96–97.

inslav

Сербия: в поисках внешней опоры (1878–1903 гг.)

Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор России и Османской империи, подписанный 3 марта 1878 г. в предместье Константинополя, признал независимость Сербии. Ее территория расширялась за счет присоединения Ниша и его окрестностей, а также некоторых районов в направлении Косово и Нови-Пазарского санджака в общей сложности на 8750 кв. км.

Однако договор вызвал резко отрицательную реакцию в Европе, особенно в Австро-Венгрии и Великобритании. Известно характерное высказывание, озвученное британским лордом Солсбери, о том, что задачей его страны на Берлинском конгрессе было ни много ни мало «уничтожить результаты войны»[1].

Столкнувшись с объединенной оппозицией великих держав, Россия была вынуждена пойти на уступки Вене по многим пунктам.

Сербское правительство быстро оценило новую дипломатическую ситуацию на Балканах, значение Австро-Венгрии при решении различных вопросов, касающихся судеб Балканского полуострова, в том числе и Сербии. Уже весной 1878 г. князь Милан был готов к проведению новой политики опоры на Австро-Венгрию. Контакты, установленные с главой австро-венгерской дипломатии Д. Андраши в мае 1878 г., закончились подписанием соглашения Сербии с Австро-Венгрией 26 июля 1878 г.

Берлинский трактат подтвердил основные положения Сан-Стефанского мирного договора относительно государственной независимости Сербии, Черногории и Румынии. Сербская территория была даже расширена посредством присоединения к ней четырех новых округов: Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого. В результате площадь Сербского княжества увеличилась почти на 11 тыс. кв. км, а население — почти на 300 тыс. человек. Впрочем, точные этнографические данные на сей счет получить было невероятно

[1] Цит.по: *Бычков Ю. Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. М., 2008. С. 105.

inslav

сложно, ибо «в балканских условиях любое изменение политической карты и направления границ неизбежно добавляет сложности и пестроты в этническую картину» [2]. Кроме того, следует учитывать активные переселенческие процессы, по причине которых приграничные области Сербии с Болгарией и Османской империей исторически представляли собой «неустойчивый этнический и демографический пояс»[3].

Однако для Сербии — как и для Черногории — гораздо большее значение имело обретение международно-признанной независимости, нежели конкретные территориальные приращения. Глава сербского правительства Й. Ристич, выступая 25 июля 1878 г. на закрытом заседании Народной скупщины в городе Крагуевац, так охарактеризовал значение Берлинского трактата для судеб своей страны: «Не следует думать, что завоевание независимости — незначительный выигрыш. Не нужно это событие оценивать с точки зрения материальной и говорить себе: мы не будем больше платить ежегодно 40 000 дукатов в качестве дани и это все! Мы получили значительно больше! То, что означает свобода для каждого отдельного человека, означает она и для целого государства» [4].

Таким образом, согласно Берлинскому трактату независимость Сербии получила свое юридическое закрепление и международно-правовое признание, а ее территория существенно увеличилась. Наиболее важным приобретением в этом смысле стал город Ниш. Однако многие проблемы, связанные с функционированием и укреплением сербской государственности, остались неурегулированными. Оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины привела к тому, что Сербское княжество с трех сторон оказалось окруженным владениями Габсбургов. Это, наряду с отсутствием собственного морского порта, объективно способствовало экономической зависимости Сербии, основной экспорт которой составляли продукты сельского хозяйства, в первую очередь, свиноводства, — от Вены.

Кроме того, по итогам Берлинского конгресса 1878 г. Сербия лишилась возможности расширить свое влияние и территорию в северном направлении, то есть за счет оккупированных Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, что оставило ей только один путь: двинуться на юг. Данное направление открывало для Сербии важные перспективы в плане возможного обретения выхода к морю через Старую Сербию (Косово) — к Адриатическому, а через Македонию — к Эгей-

---

[2] *Искендеров П. А.* Берлинский конгресс 1878 г.: первый опыт балканского миротворчества // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006. С.127.

[3] Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С.50.

[4] Цит.по: *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М., 1996. С. 37–38.

inslav

скому. В экономическом плане это означало торговлю по морю и новые рынки сбыта.

В конце XIX в. выход к морю имел важное экономическое значение для Сербии. Как справедливо отмечал отечественный исследователь Ю. А. Писарев, «современники не без основания сравнивали Сербию с тюрьмой, обнесенной высокой стеной. Стиснутое с обеих сторон более сильными в военном и экономическом отношении соседями — Австрийской и Османской империями, сербское государство было обречено на экономическое прозябание»[5]. Политическая элита Сербии знала, что Косово «имеет наикратчайший путь к берегам Адриатического и Эгейского морей», а также «находится на перекрестке двух великих путей, которые в Средние века проходили через Балканский полуостров. Каждый, кто владел перекрестком этих путей, мог обеспечить себе доминирующее положение на Балканском полуострове»[6].

Кроме того, правящие круги Сербии, и в особенности князь Милан Обренович, находились под сильным негативным впечатлением от попыток России на протяжении Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. добиться образования и международного признания сильного болгарского государства, призванного играть ту ключевую роль на Балканах, которая в их (сербском) представлении была напрямую связана исключительно с Сербией.

Однако ситуация вокруг будущей экономической и политической ориентации Белграда была далеко не однозначной. Проавстрийские симпатии Милана Обреновича и его окружения, их стремление развивать с Веной тесные торгово-экономические отношения встречали серьезное противодействие со стороны либерального правительства Й. Ристича, симпатизировавшего Петербургу и опасавшегося, в частности, того обстоятельства, что реализация запроектированного промышленными и финансовыми кругами страны плана железнодорожного строительства на Балканах и, в частности, в Сербии, ляжет тяжелым бременем на плечи сербского крестьянства. Кроме того, широкие слои сербского населения чувствовали себя уязвленными австро-венгерской оккупацией Боснии и Герцеговины.

Антиавстрийские настроения в Сербии умело подогревались российскими представителями, а также торговой политикой Великобритании, на долю которой приходилась одна треть сербского импорта и которая укрепила свои экономические (и, соответственно, политические) позиции в Княжестве в результате подписания в январе 1880 г. англо-сербского торгового договора. В ходе сербо-австрийских

---

[5] *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 115.

[6] *Недељковић С.* Србија и Косово и Метохија (1856–1897), културно-просветни и национални рад. Ниш, 2012. С. 17.

inslav

торговых переговоров в том же 1880 г. по вопросам экономических взаимоотношений между двумя странами Й. Ристич, пользовавшийся популярностью в широких слоях сербского населения за свои антитурецкие и пророссийские взгляды, а также за несомненный вклад в укрепление международных позиций Сербии (одним из важнейших достижений в этом плане явилось также провозглашение в октябре 1879 г. независимости сербской национальной церкви), занял решительную позицию, отстаивая экономические интересы своей страны, которые могли быть поставлены под угрозу протекционистскими таможенными тарифами Дунайской монархии.

Позиция главы сербского кабинета вызывала недовольство как австро-венгерской стороны, пригрозившей Белграду экономической блокадой, так и князя Милана. В результате летом 1880 г. австро-венгерское правительство достигло с князем принципиальной договоренности относительно первоочередного сооружения железнодорожной линии, связывающей Белград с территорией Венгрии, — по сравнению с аналогичной линией до Салоник, призванной служить исключительно интересам британской торговли.

Правда, и в этом вопросе сторонам приходилось преодолевать серьезные трудности. Так, подписанное еще в апреле 1880 г. предварительное соглашение о сооружении железнодорожной линии от Белграда на Ниш и Вранье (на границе с Османской империей) не удавалось ввести в действие вследствие существенно различавшихся экономических интересов сторон — в частности, отказа венгерских производителей зерна пропускать конкурирующий с их продукцией сербский хлеб на территорию монархии Габсбургов.

Отставка Й. Ристича в октябре 1880 г. и приход к власти в Сербии партии напредняков-прогрессистов явились ключевыми факторами, способствовавшими поступательному развитию сербо-австрийских отношений в экономической сфере. После отставки Ристича Милан Обренович поручил формирование нового кабинета одному из лидеров напредняков М. Пирочанцу, а состоявшиеся в декабре 1880 г. выборы в Скупщину Сербии завершились победой оппозиционных партий.

Сербия и Австро-Венгрия оперативно заключили соглашение о постройке железнодорожных линий при участии австрийского капитала, предварительная договоренность о котором была достигнута еще во время Берлинского конгресса. Кроме того, 6 июня 1881 г. был подписан сербо-австрийский торговый договор, предоставлявший таможенные льготы сербскому сельскохозяйственному экспорту в монархию Габсбургов и открывавший сербский рынок для товаров австро-венгерской легкой индустрии[7].

[7] *Palotas E.* Az Osztrák-Magyar Monarchia balkani politikája a berlini congress zusután 1878–1881. Budapest, 1982. F. 255–256.

inslav

Вслед за торговым, 28 июня 1881 г. (в знаменательный для Сербии Видовдан — день битвы на Косовом поле в 1389 г.) между Сербией и Австро-Венгрией был подписан секретный политический договор, детали которого стороны обговорили в ходе визита князя Милана в Вену в июне 1881 г. Сербский князь стремился получить дипломатическую опору в условиях проболгарской ориентации России и обострения отношений Княжества с его балканскими соседями вокруг будущего раздела Македонии.

В результате заключения вышеуказанного договора Сербия заручилась поддержкой своих планов территориального расширения в южном направлении («в направлении долины Вардара»[8]), что теоретически охватывало как Македонию, так и Косово (Старую Сербию), взамен своего отказа от претензий на Боснию и Герцеговину, а также на Ново-Пазарский санджак. Сербия взяла на себя обязательство пресекать любую антиавстрийскую пропаганду на своей территории, а также не заключать соглашений с другими государствами без предварительного одобрения Австро-Венгрии (статья 4). Последнее обстоятельство министр иностранных дел Австро-Венгрии Х. Хаймерле охарактеризовал как «наше наивысшее достижение»[9].

Вряд ли будет преувеличением сказать, что именно одобренная Берлинским конгрессом оккупация Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии стала водоразделом и в косовской политике Сербии, поставив воссоединение этих территорий во главу угла ее внешнеполитического курса. На международном уровне этот поворот был закреплен как раз посредством секретного политического договора с Австро-Венгрией. Первым конкретным шагом на пути реализации нового плана стало открытие в 1889 г. ряда сербских консульств в европейских областях Османской империи, приуроченное к 500-летию битвы на Косовом Поле. Особая роль среди этих дипломатических представительств отводилась консульству в Приштине[10]. Впрочем, «великодержавные» программы в это время разрабатывались и в других столицах региона[11].

Одновременно Милан заручился со стороны Вены поддержкой своей династии, а также планов провозгласить Сербское княжество королевством — что и было им сделано 6 марта 1882 г. после того, как

---

[8] *Petrovich M.B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. New York and London, 1976. P. 273.

[9] Цит. по: *Bridge F.R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. New York; Oxford; Munchen, 1990. P. 146. Подробнее см.: *Pribram A.F.* Milan IV von Serbien und die Geheimvertrage Oesterreich-Ungarns mit Serbien, 1881–89 // Historische Blätter. 1921.

[10] *Перуничић Б.* Писма српских конзула из Приштине 1890–1900. Београд, 1985. С. 14.

[11] Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013. С. 15.

inslav

Австро-Венгрия убедила другие великие державы одобрить данный шаг на общеевропейском уровне[12].

В контекст планов Сербии по обретению столь необходимого ей выхода к морю следует также поместить подписанную «железнодорожную» конвенцию. Первые конкретные шаги в данном отношении Сербия предприняла как раз в 80-е годы XIX в., когда благодаря усилиям сербского посланника в Стамбуле Стояна Новаковича сербскому правительству удалось подписать конвенцию с Османской империей о постройке железнодорожной линии, соединявшей Белград и Салоники. Переговоры по конвенции шли непросто, так как Турция долго не давала своего согласия. Всеми возможными способами она старалась если не остановить, то хотя бы на некоторое время задержать процесс ее подписания. У Порты были на то свои резоны, а именно страх перед Австро-Венгрией, которая оккупировала Боснию и Герцеговину, а также имела огромное влияние в Сербии[13]. Австро-Венгрия в свою очередь поддержала Сербию в переговорах, так как для нее новая железная дорога в Салоники стала бы ключом к «успешному развитию торговли на Балканах» и подавлению своих европейских конкурентов[14].

Конвенция в итоге была подписана в 1887 г.: в Стамбуле ее ратифицировали 12 декабря 1887 г., а в Белграде — 30 января 1888 г.

Однако вернемся к комплексу сербо-австрийских документов. Помимо торгового и политического договоров, Сербия и Австро-Венгрия подписали секретную военную конвенцию со сроком действия до 1889 г. С сербской стороны свою подпись на документе поставил также министр иностранных дел страны Чедомиль Миятович, считавшийся одним из самых талантливых государственных деятелей своего времени.

Целый ряд положений секретной австро-сербской конвенции, безусловно, не мог вызвать энтузиазма не только среди широких слоев населения Сербии (которое о ней предусмотрительно не было проинформировано), но даже со стороны тех сербских министров, которые владели — да и то не в полном объеме — информацией о содержании документа. Новый глава кабинета М. Пирочанац в своих переговорах с заместителем министра иностранных дел Габсбургской монархии Б. Каллаи прямо поставил вопрос о толковании наиболее сомнительной для сербов четвертой статьи документа и о подписании специального дополнения к основному тексту конвенции. В результате стороны приняли решение рассматривать ее положения

[12] *Castellan G.* History of the Balkans from Mohammed the Conqueror to Stalin. New York, 1992. P. 330.

[13] *Терзић С.* Стојан Новаковић и железничка конвенција с Турском 1887. године. // Историјски часопис. Књ. XXIII. Београд, 1976. С. 121.

[14] Там же. С. 123.

inslav

лишь как обязательство сербской стороны не заключать каких-либо международных соглашений, идущих вразрез с нормами данного соглашения, что, однако, отнюдь не могло изменить основной сути конвенции[15].

Тем не менее, устойчивость позиций Австро-Венгрии в Сербии по-прежнему зависела от прочности положения Милана Обреновича. Это было связано с тем, что австро-сербский договор не имел глубоких корней в сербском общественном мнении, а пропагандистские усилия Австро-Венгрии среди сербского населения не могли соперничать с аналогичной деятельностью России. Большинство населения Сербии относилось к соглашению Белграда и Вены как к противоречащему национальным интересам, и чувства сербов позднее достаточно адекватно (хотя и в значительной степени греша против исторической правды) выразил будущий сербский король Петр Карагеоргиевич: «Свобода не может и не должна процветать под сенью Австрии по причине феодального характера государства. Австрия устроила все по своему усмотрению в период правления Обреновичей. Сербия сделалась простым данником Австрии. Она полностью перестала быть свободной. По договору 1881 г. она отказалась от всех своих прав»[16].

Развитие сербо-австрийских экономических связей также наталкивалось на серьезную оппозицию в Венгрии, считавшей продукцию сербского сельского хозяйства опасным конкурентом на рынке монархии. Сербские официальные лица подчеркивали, что в условиях отсутствия «единомыслия между Австрией и Венгрией по экономическим вопросам» трудно давать позитивные оценки перспективам австро-сербских отношений в экономической области»[17]. Это позволило венгерскому историку И. Диосеги рассматривать экономические интересы Венгрии (наряду с политическими) в качестве одной из предпосылок внешней политики Австро-Венгрии. Венгерские земли монархии Габсбургов развивались ускоренными темпами — причем это касалось отнюдь не только сельскохозяйственного производства. За период с 1890 по 1913 гг. венгерский капитал вырос почти в 10 раз. В руках венгерских компаний к началу Первой мировой войны было сосредоточено 83,4 % добычи угля, 86,8 % добычи железной руды и 96,4 % производства стали во всей Австро-Венгрии[18].

---

[15] *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. II. Београд, 1934. С. 333–350; *Попов Ч.* Немирне године и везивање за Аустро-Угарску // Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења. 1878–1918. Београд, 1983. С. 50–62.

[16] Цит. по: *Petrovich M.B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. New York and London, 1976. P. 274.

[17] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2086. Л. 210.

[18] *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975. С. 15.

inslav

Что же касается подхода венгерских политических кругов к оценке внешнеполитического курса Бальхаусплатца, то, по словам Диосеги, он определялся двумя основными предпосылками: их антироссийской позицией, а также стремлением сохранить внутренний статус-кво, установленный австро-венгерским соглашением 1867 г.[19].

Хотя общественное мнение Сербии и не было информировано о сербо-австрийской конвенции (ее содержание стало известно лишь в 1893 г.), общая проавстрийская ориентация Милана порождала в стране серьезное недовольство. В октябре 1881 г. в Герцеговине вспыхнуло крупное восстание, вызванное введением австро-венгерскими властями в оккупированных провинциях воинской обязанности и подавленное лишь спустя четыре месяца ценой значительных усилий австро-венгерской армии. Данное событие не могло не сказаться негативно на сербо-австрийских отношениях. Для Вены стало очевидно, что добиться реальной нормализации ситуации в Боснии и Герцеговине невозможно при сохранении над ними формального «оккупационного» суверенитета Османской империи.

Вена подготовила проект закона об аннексии обеих провинций, однако принять его не удалось, в первую очередь, вследствие противодействия венгерских политических кругов. Они негативно относились к планам присоединения и юридического закрепления новых областей со славянским населением. Подобные планы были способны поставить под угрозу внутриполитический баланс Австро-Венгрии, в котором Венгрии принадлежала существенная роль, и, соответственно, привести к пересмотру основ конституционного строя монархии и постепенному переходу к триалистической модели построения государства, что также нанесло бы серьезный удар по статусу и роли Будапешта.

Кроме того, сербский князь недвусмысленно дал понять главе внешнеполитического ведомства Дунайской монархии, что хотя лично он и не имеет ничего против аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, данный шаг неминуемо вызовет взрыв возмущения в Сербии, способный поставить под угрозу как правление его самого, так и судьбу всей династии Обреновичей. При этом сербский монарх подчеркнул, что хотя правительство России и было связано определенными обязательствами в отношении Австро-Венгрии, российское общественное мнение также встретило бы аннексию Боснии и Герцеговины крайне отрицательно и могло бы побудить официальный Петербург форсировать объединение двух болгарских государственных образований (Болгарского княжества и Восточной Румелии) под российским контролем с тем, чтобы поддержать престиж Российс-

[19] Подробнее см.: Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Band 6. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Vienna, 1989.

inslav

кой империи и ее позиций на Балканах путем образования в регионе крупного единого болгарского государства, способного играть ключевую роль в балканских делах по сравнению с проавстрийски ориентированной Сербией.

Со своей стороны, Милан Обренович не поддержал боснийских повстанцев, а также участников акций солидарности с ними в балканских столицах, Венгрии и Ново-Пазарском санджаке. Что же касается антиавстрийских демонстраций в самой Сербии, то они были прямо пресечены властями Белграда.

Столкновение двух принципиальных внешнеполитических ориентаций Сербии — на Австро-Венгрию и Россию — дополнялось персональным противостоянием по линии двух династий в самой Сербии (по сути, олицетворявших два вышеуказанных направления), а также правящих династий двух югославянских государств — Сербии и Черногории, которые обе претендовали на роль исторического флагмана сербской идеи. В сложившейся ситуации черногорский правитель Никола уловил подспудные настроения широких слоев сербского населения и продемонстрировал недоверие по отношению к Милану и в его лице всей династии Обреновичей, выдав одну из своих дочерей, Зорку, замуж за Петра Карагеоргиевича — героя недавнего восстания в Герцеговине и будущего правителя Сербии.

В июне 1882 г. банкротство парижского банка Женераль Юнион, который должен был финансировать строительство железнодорожных линий в Сербии, нанесло сильный удар по экономике страны, так как означало потерю 35 млн франков (что превышало размеры совокупного государственного бюджета), и вызвало серьезный внутриполитический кризис, затронувший не только министров, но и самого Милана. К этому же году относится и конфликт в церковной сфере. Правительство приняло решение сместить митрополита Михаила, однако его преемник не получил поддержки со стороны части сербского клира, и в результате в стране сосуществовали, находясь во враждебных отношениях, «старая» и «новая» церковные иерархии.

Хотя молодой, одаренный и амбициозный Милан Обренович продолжал пользоваться достаточной поддержкой внутри страны, ему не удалось нормализовать ситуацию одними политическими мерами. После роспуска парламента и произошедшего неудачного покушения на жизнь правителя в 1883 г. в Тимокском крае вспыхнуло крупное восстание из-за отказа крестьян сдать находившееся у них оружие. На подавление выступления Белграду пришлось бросить крупные вооруженные соединения. Данное событие имело серьезные последствия для внутриполитической жизни Сербии, поскольку Тимокское восстание поддержала Сербская радикальная партия, образование которой было юридически оформлено в январе 1881 г. Во

inslav

главе партии стоял будущий премьер Сербии Никола Пашич, выступавший за смену династии. Два десятка повстанцев были казнены по приговору военно-полевого суда. Смертный приговор был вынесен и в отношении Пашича, которому в силу этого пришлось покинуть страну. В результате указанных событий армия стала играть роль одной из важнейших опор королевского трона.

Понимая неустойчивость своего положения внутри страны, Милан Обренович летом 1885 г. обратился к Вене с предложением дополнить сербо-австрийский договор положением, предусматривавшим возможность его отречения от престола и последующую оккупацию Сербии австро-венгерской армией в обмен на предоставление ему монархией Габсбургов пенсионного содержания. Однако министр иностранных дел Дунайской монархии Г. Кальноки отклонил эту экстравагантную идею, заявив, что для интересов империи предпочтительнее сохранение в Сербии, являвшейся «ключом к позиции монархии на Ближнем Востоке», дружественно настроенного по отношению к ней режима[20]. По словам министра, которые наглядно отражали существовавшие тогда в Вене панические настроения, «процветающая и независимая Сербия в дружественных отношениях с нами максимально отвечает нашим… намерениям — по крайней мере лучше, чем обладание непокорной провинцией»; если же Австро-Венгрия выпустит Белград из-под своего контроля, этим немедленно воспользуется Россия, и «то смертельное окружение ведущей славянской державой, которое всегда будет оставаться главной опасностью для Австро-Венгрии, будет тогда простираться от Черногории до берегов Вислы; Австро-Венгрия будет отсечена от Ближнего Востока»[21].

Тем временем 18 сентября 1885 г. произошел переворот в Восточной Румелии, в результате которого болгарский князь Александр Баттенберг провозгласил объединение обоих государственных образований и создание единого болгарского государства. Этот шаг вызвал серьезное обострение общеевропейской ситуации и, в частности, оказал непосредственное влияние на положение Сербии и ее отношения с Австро-Венгрией. Первая реакция Вены продемонстрировала ее глубокую озабоченность по поводу дальнейшего развития событий. Как император Франц-Иосиф, так и министр иностранных дел Кальноки подозревали Россию в подготовке переворота с целью создания на Балканах крупного болгарского государства. Одновременно австрийский министр опасался выдвижения Сербией и Румынией собственных территориальных требований в порядке компенсации за нарушение статус-кво на Балканах — особенно в случае обостре-

[20] Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. PolitischesArchiv. I/456.
[21] Ibidem.

inslav

ния ситуации в Македонии. Это создало бы серьезные осложнения для монархии Габсбургов, вынужденной в подобных обстоятельствах поддержать претензии Белграда и Бухареста, которые, как отмечал в своем послании министру иностранных дел Франц-Иосиф, «мы должны любой ценой держать в сфере нашего влияния и в хороших отношениях с нами»[22].

Однако уже 4 октября 1885 г. российское правительство осудило акцию, предпринятую Александром Баттенбергом, и потребовало от него аннулировать свое решение. Предложение Петербурга, доведенное до сведения других великих держав, включало в себя проведение международной конференции в Константинополе и сообщение Александру (через специального делегата) единогласного решения европейских столиц в вышеуказанном смысле.

Вторым шагом — в случае отказа болгарского правителя пойти навстречу воле Европы — должно было, по мнению России, стать заявление о том, что великие державы более не могут «предохранять болгар от последствий их собственных действий»[23], после чего они должны были заключить соглашение с Османской империей о возможных военных акциях.

Наконец, третьим шагом, согласно российскому плану, должен был стать пересмотр тех положений Берлинского трактата, которые имели отношение к Восточной Румелии. В частности, речь шла о статье XIII, гласившей: «На юг от Балкан образуется провинция, которая получит наименование «Восточной Румелии» и которая останется под непосредственною политическою и военною властью Е. И. В. султана на условиях административной автономии. Она будет иметь генерал-губернатором христианина»[24].

Обращение российского правительства было поддержано Германией и Австро-Венгрией, продемонстрировавшими тем самым единство мнений в Союзе трех императоров по данному вопросу. Для обсуждения сложившейся ситуации была созвана специальная конференции великих держав в Константинополе, однако отстоять незыблемость положений Берлинского трактата в том, что касалось Болгарии, не удалось — вследствие, во-первых, негативной позиции Англии, блокировавшей все усилия Петербурга, Берлина и Вены, а во-вторых — из-за нежелания османских властей втягиваться в далеко идущий конфликт.

В ноябре 1885 г., после ряда вооруженных столкновений, имевших место на сербо-болгарской границе, Сербия осуществила воен-

---

[22] Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. Politisches Archiv. XL/55.

[23] *Jelavich B.* Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1991. P. 186.

[24] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 188.

inslav

ное нападение на Болгарию, стремясь своими силами достичь того, чего Союзу трех императоров не удалось добиться в Константинополе. О настроениях, господствовавших среди сербов в то время, дает наглядное представление следующая цитата из выходившего в Загребе издания «Србобран»: «Сербам сама судьба предначертала — поселив их в сердце Балкан — доминировать и в политическом, и в социальном смысле на данной территории, а их культура предоставляет на это полное право»[25].

Вооруженная акция Милана вызвала определенное смятение в Вене, опасавшейся возникновения кризиса в австро-российских отношениях. Однако основной поток критики Бальхаусплатца был направлен против Англии, которая не без оснований подозревалась в стремлении поссорить между собой Австро-Венгрию и Россию.

В политических кругах Дунайской монархии отдавали себе отчет в истинной позиции Лондона. Как отмечал в своем донесении посол Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге, Англия представляла собой более опасного противника для позиций Габсбургской монархии на Ближнем Востоке, нежели Россия, так как «она борется за ликвидацию нашей торговли»[26].

Тем временем 19 ноября 1885 г. Кальноки согласился с предложением российской стороны к великим державам предпринять совместные дипломатические шаги в Белграде с тем, чтобы остановить сербское наступление. Однако в тот же день болгарские войска нанесли сербам тяжелое поражение на реке Сливница и сами вторглись на территорию Сербского королевства, заняв Пирот и вынудив Милана спешно обратиться к Австро-Венгрии за помощью. Кальноки направил 28 ноября австро-венгерского посланника в Белграде в штаб-квартиру Александра Баттенберга с настоятельным советом заключить перемирие и заявил, что он в своих беседах с болгарским монархом может использовать те доводы, которые сам сочтет нужными.

Дипломат сполна воспользовался предоставленными ему полномочиями и без обиняков заявил ошеломленному Александру, что продолжение болгарского вторжения неизбежно вызовет революцию в Сербии, немедленную оккупацию этой страны Австро-Венгрией, последующее вторжение в Болгарию российских войск и смещение самого Баттенберга.

Такие заявления закономерно вызвали недоумение и подозрения в Санкт-Петербурге и Берлине. Однако Кальноки сумел погасить нарождавшийся дипломатический скандал, заявив, что его представитель превысил данные ему инструкции.

---

[25] Srbobran. 1885. 27.10.

[26] Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. Aehrenthal MSS. Karton 4.

inslav

Так или иначе, 3 марта 1886 г. в Бухаресте, при посредничестве Австро-Венгрии, был подписан мирный договор, основанный на принципе status quo ante bellum, между сербским королем Миланом Обреновичем с одной стороны и турецким султаном — как верховным правителем Болгарии — и болгарским князем с другой. В документе подчеркивалось, что «между Королевством Сербия и Княжеством Болгария устанавливается мир со дня подписания данного договора»[27].

Что характерно: сербская пропаганда отнюдь не была склонна рассматривать результаты войны с Болгарией как поражение. Например, в увидевшей свет в 1915 г. в Нише книге известного сербского публициста Тодора Станковича «Записки о Старой Сербии — Македонии» утверждалось, что «Болгария, посредством доносов турецким властям, отправила на виселицы и в тюрьмы большое количество сербских священников, учителей и народных лидеров. И только вследствие этого и занятой ею преступной позиции, а не только из-за Восточной Румелии, вспыхнула сербо-болгарская война 1885 г. И хотя Сербия вступила в войну с малочисленной армией, которую болгарская армия по численности превосходила в два с половиной раза, и хотя при заключении мира эта война была отмечена как война, в которой не было ни побежденного, ни победителя, тем не менее, болгары без стыда и совести хвастались какой-то своей „победой на Сливнице"!»[28]. Характерно в этой связи, что единственной сербской газетой, издававшейся за пределами Княжества и поддержавшей нападение Сербии на Болгарию, оказался уже упоминавшийся «Србобран», который, впрочем, по данному вопросу в первый и последний раз солидаризировался с внешнеполитическим курсом Милана Обреновича, традиционно подвергавшимся на страницах издания беспощадной критике «без всякого выбора выражений» за его проавстрийскую ориентацию.

В условиях обострения ситуации в Сербии политическое содержание приобрела и личная жизнь короля Милана Обреновича, а именно его взаимоотношения с женой Наталией, считавшейся горячей сторонницей России, и инициировавшиеся Миланом многочисленные семейные скандалы. Объявленный королем 24 октября 1888 г. развод усилил оппозицию его власти, ибо отличавшаяся завидными внешними данными и решительным характером королева пользовалась поддержкой влиятельных кругов в стране.

В сложившейся ситуации король, опасавшийся, что Россия при поддержке его экс-супруги может осуществить акцию по его отстранению от власти (наподобие той, которую осуществила группа русо-

[27] Цит. по: *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277.
[28] *Станковић Т.* Белешке о Старој Србији — Македонији. Ниш, 1915. С. 59–60.

inslav

фильски настроенных болгарских офицеров, вынудив болгарского князя Александра отречься от престола в 1886 г.), принял решение, в интересах укрепления своего положения, пойти на сближение с Пашичем и возглавляемыми им радикалами (не поддержавшими военную акцию против Болгарии), осуществить реформу государственного управления, введя в действие новую Конституцию.

Уже 26 октября 1888 г. — через два дня после объявления о разводе — Милан Обренович обнародовал заявление о предстоящем созыве Великой Народной Скупщины и образовании специальной комиссии из представителей трех ведущих сербских политических партий — Радикальной, Либеральной и Напредняцкой — для подготовки проекта нового Основного закона страны.

Выборы в Великую Народную Скупщину принесли убедительную победу радикалам, завоевавшим 500 мест в ее составе (в сравнении с 79 мандатами у либералов и одним у напредняков), а сам проект Конституции включал в себя предложения лично Милана Обреновича.

Проект содержал целый ряд демократических положений. В частности, было значительно увеличено число граждан, обладающих избирательным правом, провозглашались свободы личности, печати, союзов и собраний, правительство было ответственно перед Скупщиной. Полномочия короля в сфере законодательной власти были ограничены правом досрочного роспуска Скупщины и промульгацией принятых парламентом законов. Министры лишь утверждались королем по списку, представленному Скупщиной, и были ответственны перед парламентом. Однако король сохранил за собой право назначать по своему усмотрению часть депутатов Скупщины. Государственный совет Сербии провозглашался совещательным органом при короле и состоял из 16 членов, из которых восемь назначались королем и восемь — Скупщиной. Сама Скупщина провозглашалась высшим законодательным органом. Она состояла из 160 депутатов, избираемых на четырехлетний срок прямым голосованием. Активное избирательное право (право избирать) принадлежало всем совершеннолетним гражданам, платящим не менее 15 динаров в год прямых налогов, что составляло порядка 10 % всего тогдашнего населения Сербии; пассивное избирательное право (право быть избранным) обусловливалось платежом не менее 60 динаров налогов и грамотностью. Для лиц с высшим образованием эта норма снижалась до 30 динаров. Правом голоса, активного и пассивного, не пользовались военные, духовенство и некоторые должностные лица.

На региональном уровне правом местного самоуправления наделялись срезы и общины. Принятый в 1890 г. закон об управлении округов и срезов вводил в округах должность губернатора в качестве представи-

inslav

теля центральной власти в окружной скупщине как органе самоуправления, а в срезах — срезского начальника и срезскую скупщину[29].

Великая Народная Скупщина заседала с 21 декабря 1888 г. по 2 января 1889 г., и на своем последнем заседании одобрила Конституцию «списком» и без обсуждения, а уже 6 марта того же года Милан Обренович, несмотря на возражения Вены, отрекся от престола в пользу своего 13-летнего сына Александра, до совершеннолетия которого власть должна была принадлежать регентскому совету во главе со всё тем же Й. Ристичем и с участием генералов К. Протича и Й. Белимарковича.

Историк М. Петрович дает следующую весьма справедливую характеристику Милану Обреновичу: «Он описывался как человек, во всем подчинявшийся Вене, но настоящей Веной, которая его подчиняла, была не Вена Бальхаусплатца, а Вена кафе и музыкальных салонов. Его неискоренимая любовь к удовольствиям испортила его намного выше среднего уровня интеллект и нанесла большой ущерб его стране»[30].

После своего отречения Милан некоторое время продолжал оставаться в стране, предаваясь традиционным ссорам со своей бывшей супругой. Однако со временем им стала ясна пагубность подобных действий для стабильности государства, и после формального примирения экс-король и экс-королева покинули Сербию. Регентский совет позволил вернуться в страну Николе Пашичу, и, проведя внутрипартийную реорганизацию, радикалы одержали убедительную победу на парламентских выборах, набрав около 80 % голосов и сформировав правительство во главе с генералом С. Груичем. Определенную переориентацию в сторону России начала претерпевать и внешняя политика Королевства, свидетельством чему явилось, в частности, посещение королем Александром, Пашичем и Ристичем Санкт-Петербурга в 1891 г.

Австро-Венгрия немедленно нанесла ответный удар в самое уязвимое место Сербии — по ее экономике, введя ограничения на импорт сербской сельскохозяйственной продукции. Однако правящие круги обеих стран продолжали сохранять втайне (вплоть до 1893 г.) смысл и содержание секретной конвенции; в Сербии она была известна лишь членам регентского совета. В конечном итоге Австро-Венгрии удалось установить деловые отношения с регентским советом и, главное, добиться продления срока действия сербо-австрийского договора на период до 1895 г.[31].

---

[29] Подробнее см.: Устави Кнежевине и Краљевине Србије 1835–1903. Београд, 1988.

[30] *Petrovich M.B.* A History of Modern Serbia… P. 274.

[31] *Castellan G.* History of the Balkans from Mohammed the Conqueror to Stalin. New York, 1992. P. 330–331.

inslav

Однако радикалам не удалось добиться существенного улучшения положения в стране, продолжавшей оставаться ареной внутриполитической борьбы. Суть этой борьбы хорошо отразил в своих мемуарах занимавший в 1897–1900 гг. премьерский пост Владан Джорджевич: «Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что она-то и есть хранительница сербского патриотизма»[32].

К тому же в рассматриваемый период произошло новое обострение ситуации — в связи с внезапным возвращением в Белград сначала Наталии, а затем Милана — вопреки официальному запрету правительства. Это породило новое противостояние как в прессе, так и в политических кругах страны, разделившихся на два лагеря. В сложившейся ситуации Пашич решился на неожиданный шаг: за три млн франков (два из которых были получены непосредственно из королевской казны) он добился от экс-короля согласия на отказ от всех политических прав и даже сербского гражданства (последовавший 12 февраля 1892 г.) и, как следствие, его новый отъезд из страны.

После смерти в 1892 г. одного из членов регентского совета — генерала Протича — внутриполитическая ситуация в Сербии обострилась. Скупщина должна была избрать его преемника, и состав депутатов не оставлял сомнений относительно партийной принадлежности кандидата. В этих условиях лидер Либеральной партии Ристич совершил в августе 1892 г. государственный переворот, сформировал правительство либералов во главе с Й. Авакумовичем, распустил Скупщину и организовал кампанию преследований радикалов.

Состоявшиеся выборы в Скупщину принесли победу либералам — хотя и не такую убедительную, на которую они рассчитывали. Тем временем повзрослевший Александр Обренович, которому оказались не по душе политические комбинации, решил взять инициативу в свои руки и 13 апреля 1893 г., семнадцати лет от роду, при поддержке армии арестовал регентов и членов правительства во время устроенного им же торжественного приема. Он провозгласил себя совершеннолетним, сформировал коалиционное правительство с участием радикалов и напредняков во главе с Л. Докичем (своим бывшим наставником) и королевским указом распустил Скупщину.

Спустя несколько месяцев в развитии внутриполитической ситуации в Сербии возникла новая интрига. После отказа правительства продолжать выделение денежной субсидии бывшему монарху, 21 января 1894 г. в страну вернулся Милан Обренович, несмотря на официальный запрет. Это повлекло за собой отставку кабинета и восстановление всех гражданских прав Милана по прямому указанию

[32] Цит. по: Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016. С. 202.

inslav

его сына Александра. А уже 21 мая 1894 г. сербский король объявил о прекращении действия недавно утвержденной Конституции и вернул силу Основному закону страны от 1869 г., одновременно организовав кампанию цензуры и преследований прессы. На следующий год — в июле 1895 г. — формирование нового правительства было поручено одному из лидеров партии прогрессистов, Ст. Новаковичу. Однако внутриполитический кризис в стране продолжался.

В октябре 1897 г. кабинет Новаковича подал в отставку, а в начале 1898 г. в страну возвратился вновь Милан (в очередной раз уехавший из Сербии за три года до этого) и занял пост главнокомандующего сербской армии. Основным — и, безусловно, позитивным — итогом завершающего этапа политической биографии Милана Обреновича стала его успешная деятельность по реорганизации национальной армии. Он заложил основы победоносной сербской военной мощи, добившейся успеха в двух будущих Балканских войнах 1912–1913 гг.

Однако его появление имело своим следствием кампанию преследований радикалов и пророссийски настроенных общественно-политических деятелей и движений, кульминацией которой явилась организация правительством в конце 1899 г. судебного процесса над лидерами радикалов, обвиненными в организации покушения на Милана в июле 1899 г.

В ходе этого процесса лидер сербских радикалов Никола Пашич, стремясь добиться смягчения своей участи, обрушился с нападками и обвинениями на своих коллег по партии, вызвав тем самым жесткую критику в свой адрес со стороны ряда сербских изданий и общественно-политических сил[33].

Сам процесс и, в частности, требование Милана о вынесении обвиняемым самого сурового приговора, встретили негативную реакцию в Европе и в первую очередь в России (что понятно) и Австро-Венгрии, призвавших официальный Белград проявить милосердие к обвиняемым. Петербург отозвал своих дипломатических представителей из столицы Королевства и попросил австро-венгерскую сторону предпринять самые решительные шаги против Милана Обреновича вплоть до его устранения с сербской политической сцены.

Однако австро-венгерский министр иностранных дел А. Голуховский отказался пойти на это. По его мнению, выполнение вышеуказанных требований представляло бы собой очевидное нарушение принципа невмешательства, содержащегося в австро-российском соглашении от 1897 г. Указанное соглашение было оформлено путем обмена письмами между министрами иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховским (8 мая 1897 г.) и России М. Н. Муравьевым (17 мая

[33] *Artuković M.* Ideologija srpsko-hrvatskih sporova (Srbobran 1884–1902). Zagreb, 1991. S. 202.

inslav

1897 г.). Оба правительства взяли на себя обязательство поддерживать на Балканском полуострове статус-кво. При этом в случае невозможности сохранения существующего положения в указанном регионе стороны предполагали позднее заключить особое соглашение, которое, однако, не должно было касаться вопроса о Константинополе, Черноморских проливах и примыкающих к ним территориях, поскольку этот вопрос имел общеевропейский характер[34].

Кроме того, как неоднократно отмечал Голуховский в своих посланиях на имя дипломатического представителя монархии Габсбургов в России А. Эренталя, любое усиление позиций Санкт-Петербурга в Сербии, которое неизбежно явилось бы следствием предлагавшихся шагов, шло вразрез с принципиальными внешнеполитическими интересами Двуединой монархии, а следование Вены в российском фарватере нанесло бы серьезный удар по ее престижу в других балканских столицах[35].

Находившееся у власти в Сербии в 1897–1900 гг. правительство Владана Джорджевича во внутренних делах активно стремилось достичь политической и финансовой стабильности. Во внешней политике оно продолжало ориентироваться на Австро-Венгрию, что усиливалось проавстрийскими симпатиями Александра Обреновича. Его откровенные декларации о безусловной поддержке Сербии со стороны Вены подчас приводили в замешательство искушенных дипломатов Бальхаусплатца, как это было, в частности, с его публичным заявлением в августе 1899 г. о том, что «враги Сербии являются врагами Австро-Венгрии»[36].

Между тем король Александр Обренович в очередной раз шокировал общественное мнение Сербии, выбрав в качестве своей спутницы жизни Драгу Машин, служившую фрейлиной у его матери, бывшую на 12 лет старше его и как женщина пользовавшуюся дурной репутацией. Ошеломленные отец и мать проявили редкостное единодушие в своем категорическом неприятии этой кандидатуры. Ответ Александра не заставил себя долго ждать, и 5 августа 1900 г. он официально объявил о своей женитьбе. Этот шаг имел своим следствием падение правительства и новую эмиграцию Милана и Наталии, ставшую для экс-короля последней. Милан Обренович скончался в Вене в 1901 г. и был похоронен в Крушедольском монастыре в Среме[37].

В стране была развернута широкая кампания по удалению его сторонников из армии и органов государственного управления. Од-

---

[34] Сборник договоров России с другими государствами… С. 303–308.
[35] Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. Politisches Archiv. I/475. Liasse XXXII, XXXII/h.
[36] Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. Aehrenthal MSS. Karton 2.
[37] *Artuković M.* Ideologija srpsko-hrvatskih sporova… S. 204.

inslav

нако положение монарха оставалось непрочным, и радикалы, завоевывая себе сторонников, использовали непопулярность среди населения новой королевы и обличали на страницах европейской прессы «диктатуру королевских прихотей», установившуюся в Сербии[38].

Тем временем Россия решила использовать подходящий момент, чтобы укрепить собственные позиции в Сербском королевстве. Санкт-Петербург направил в Белград своего дипломатического представителя, который выступил свидетелем новобрачного и первым принес поздравления его жене. Спустя год после свадьбы короля Александра австро-венгерские дипломаты сообщали в Вену, что энергичный посланник России в Сербии Н. В. Чарыков, по сути, приобрел решающее влияние на Александра и наряду с этим налаживал конструктивные отношения с руководством Радикальной партии.

Импульсивность и непоследовательность молодого короля давали о себе знать больше всего во внешнеполитических делах. Прежние заверения в искренней и вечной любви к Дунайской монархии оказались, как и предполагали стратеги Бальхаусплатца, забыты, и уже в 1902 г. Александр именовал Австро-Венгрию «заклятым врагом Сербии»[39].

Однако поворот внешнеполитической ориентации на сто восемьдесят градусов в направлении, более отвечающем настроениям в сербском общественном мнении, не привел к упрочению позиций самого Александра Обреновича. Неудачей окончились и его попытки пойти на сближение с радикалами, используя, в частности, введение в действие в 1901 г. нового Основного закона страны. Как справедливо отмечает в этой связи российский исследователь К. В. Никифоров, «в XX век Королевство Сербия вступило и без конституции, и без парламента»[40].

Новая Конституция была октроирована королем 6 апреля 1901 г. и была разработана на основе конституционного проекта председателя правительства напредняков Ст. Новаковича. Примечательно, что первое формальное предложение о смене Конституции Новакович сделал Александру еще в июне 1896 г., однако тогда произошла смена правительства, и указанный проект не был принят.

Новая Конституция в целом вобрала в себя многие прогрессивные демократические положения Конституций 1869 и 1888 гг. Сербия была провозглашена «наследственной конституционной монархией с народным представительством» (статья 1). Гарантировались свобода совести (статья 33) и равенство всех перед законом. При этом Основ-

---

[38] *Castellan G.* History of the Balkans… P. 332.

[39] *Glaise-Horstenau E. von.* Franz Josephs Weggefahrte. Das Leben des GeneralstabschefsGrafen Beck. Vienna, 1930. S. 391.

[40] *Никифоров К.* Србија на Балкану у XX веку. Београд, 2014. С. 39.

inslav

ной закон 1901 г. содержал в себе и ряд принципиально новых норм. В частности, в Сербии учреждался двухпалатный парламент, состоявший из Скупщины и Сената, что являлось одним из ключевых требований напредняков.

По словам самого Александра Обреновича, новая Конституция должна была способствовать росту «обаяния королевской власти»[41]. Король объявлялся главой государства, обладающим всеми правами государственной власти, которую он вершил в соответствии с положениями Конституции. Королевская личность являлась неприкосновенной (статья 5), при этом в качестве короля Сербии в самом тексте Конституции был указан лично Александр I, V-й представитель династии Обреновичей. Все королевские права провозглашались наследственными в его династии, и сербский престол наследовался его потомками в порядке мужского первородства от законного брака (статья 6). В случае смерти короля совершеннолетний престолонаследник немедленно должен был принять королевскую власть в качестве конституционного короля и объявить прокламацией о своем вступлении на престол. Не позднее 10 дней после своего вступления на престол он должен был созвать двухпалатный парламент с тем, чтобы перед ним принести установленную Конституцией присягу.

Конституция предоставляла королю обширные полномочия в сфере законодательной власти. Статья 43 прямо утверждала, что законодательную власть вершит король совместно с «народным представительством» (парламентом). Король обладал правом предложения законопроектов, которые вносил в Народную Скупщину через правительство. Принятые законы подписывались и провозглашались королем (статья 10), и он же обладал правом в любой момент распустить Народную Скупщину (нижнюю палату народного представительства) и назначить новые выборы в течение трех месяцев (статья 15). Кроме того, в соответствии со статьей 70 король пожизненно назначал 30 членов Сената (плюс к этому членом Сената по должности являлся престолонаследник) из общей их численности в 51 человек[42].

Принятие Конституции не успокоило внутриполитическую ситуацию в Сербии. Что же касается Австро-Венгрии, то на Бальхаусплатце отдавали себе ясный отчет в том, что в случае падения династии Обреновичей и прихода к власти в Белграде пророссийски и панславистски настроенных кругов на повестку дня мог встать вопрос о политическом объединении Сербии и Черногории в качестве первого шага на пути образования сильного югославянского государства под

[41] *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. С. 383.
[42] Подробнее см.: Устави Кнежевине и Краљевине Србије 1835–1903. С. 169–188.

inslav

эгидой Сербии, что, несомненно, имело бы негативные последствия для монархии Габсбургов. А. Голуховский утешался тем, что Сербия «благодаря географическому положению так зависит от нас финансово и экономически»[43].

В 1902 г. в районе Колубары вспыхнуло восстание против правления Александра Обреновича, участники которого обратили свои взоры к представителю династии Карагеоргиевичей князю Петру, способному, по их мнению, вернуть стране былое величие. В ответ Александр в апреле 1903 г. инициировал новую кампанию против радикалов, ввел в стране военное положение, приостановил действие Конституции и развернул преследование всех недовольных. Позднее он вновь объявил о введении конституционных основ, а также заверил сербский народ в своем стремлении руководствоваться в будущем исключительно интересами государства.

Однако этим посулам уже мало кто верил. В придворных кругах процветали интриги и доносительство, королеву Драгу подозревали в стремлении добиться от мужа передачи права престолонаследия ее брату, а любой, находившийся в оппозиции к королевскому дому, не мог чувствовать себя в безопасности.

Тем временем во внешнеполитической ориентации Сербии произошел очередной поворот. Решимость России придерживаться принципа сохранения на Балканах статус-кво побудила Александра Обреновича, вынашивавшего планы раздела Македонии, в начале 1903 г. в очередной раз обратить свои взоры на Вену. Он предложил императору Францу-Иосифу организовать двустороннюю встречу с тем, чтобы обсудить перспективы создания антиболгарской лиги в составе Сербии, Румынии и Османской империи. Однако Франц-Иосиф уже был сыт по горло непредсказуемыми метаниями сербского монарха и отверг предложение о свидании, а Голуховский недвусмысленно заявил Белграду, что в сложившейся ситуации и Австро-Венгрия, и Россия одинаково заинтересованы в сохранении мира и спокойствия в регионе.

Через месяц после свадьбы Александр Обренович официально объявил о том, что его супруга (одного из братьев которой король сделал министром) собирается родить наследника престола. Однако его мать, знавшая, что ее бывшая фрейлина не способна иметь детей, незадолго до ожидаемых родов направила к ней специально вызванного из Санкт-Петербурга врача. Обман раскрылся, и волна возмущения прокатилась как по Сербии, так и за ее пределами. Правда, справедливости ради следует отметить, что, согласно одной из версий, изначально Александр, Драга и их приближенные (в том числе

[43] Цит.по: *Bridge F. R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers… P. 231.

inslav

придворные врачи) отнюдь не хотели обманывать общественность и лишь приняли за проявление беременности симптомы длительного недомогания.

Так или иначе, история с «ложной беременностью» Драги Обренович решила судьбу не только короля и королевы, но и всей династии. В ночь с 10 на 11 июня 1903 г. свыше сотни заговорщиков из числа военных под руководством лейтенанта Димитриевича-Аписа совершили государственный переворот, убив короля и королеву. Вместе с ними также были убиты два брата королевы, премьер-министр Димитрие Цинцар-Маркович и военный министр Милован Павлович.

Лидеры европейских держав, и в первую очередь император Австро-Венгрии Франц-Иосиф, содрогнулись от ужаса, ибо жестокость заговорщиков была чрезмерной даже по балканским меркам: на теле Александра насчитали шесть отверстий от револьверных пуль и 40 сабельных ран, Драгу (которая до последнего защищала супруга) поразили 63-мя ударами сабель и двумя револьверными пулями.

«Королева почти вся была изрублена, грудь отрезана, живот вскрыт, щеки, руки тоже порезаны, особенно велики разрезы между пальцев, — вероятно, королева схватилась руками за саблю, когда ее убивали, что, по-видимому, опровергает мнение докторов, что она была убита сразу. Кроме того, тело ее было покрыто многочисленными кровоподтеками от ударов каблуками топтавших ее офицеров. О других надругательствах над трупом Драги… я предпочитаю не говорить, до такой степени они чудовищны и омерзительны. Когда убийцы натешились вдоволь над беззащитными трупами, они выбросили их через окно в дворцовый сад, причем труп Драги был совершенно обнажен», — так описывал произошедшее в королевском дворце русский журналист В. А. Теплов[44].

Великие державы отозвали своих представителей из Белграда в знак протеста против совершенного кровопролития. К этим протестам присоединился и султан Османской империи Абдул-Хамид. Однако население самой Сербии не высказало особого сожаления по поводу бесславной кончины последнего представителя династии Обреновичей.

В первый момент после переворота Россия доверительно предложила Австро-Венгрии предпринять необходимые шаги — в том числе и военного характера — в целях восстановления законности и порядка в Сербии. Однако в Вене воцарились благодушные настроения. Осведомители заверяли правительство в том, что у них «есть все основания верить в австрофильские чувства» нового сербского коро-

[44] *Теплов В.А.* Сербская неурядица. СПб., 1903. С. 35.

inslav

ля Петра Карагеоргиевича, который родился в Венгрии, был сыном отличавшегося ярко выраженными проавстрийскими симпатиями Александра Карагеоргиевича и неустанно заверял окружающих в любви и признательности к своей родине[45].

Кроме того, по мнению австро-венгерского руководства, для возможной интервенции великих держав в Сербию должен был существовать благовидный предлог, и в данном случае лозунг восстановления общественного порядка, которому ничто не угрожало, явно не подходил. При этом сами военные приготовления или возможный ультиматум монархии Габсбургов могли бы привести к возникновению внутриполитического кризиса в Сербии, в результате которого щекотливый как для Сербии, так и для Черногории вопрос правящей династии мог быть пересмотрен и к власти вместо Петра Карагеоргиевича пришел бы черногорский князь Никола Петрович с одновременным политическим объединением двух югославянских государств — далеко не лучшее решение для Бальхаусплатца!

Проанализировав все вышеперечисленные обстоятельства, Австро-Венгрия приняла решение проявить сдержанность и первой из великих держав признала нового сербского монарха, направив ему официальные поздравления. Следом это сделала и Россия, а история международных отношений «еще раз подтвердила свою репутацию дамы эгоистичной, хладнокровной и к сердечным порывам не склонной»[46].

[45] Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. Politisches Archiv. XL/316.

[46] *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005. С. 290.

inslav

Черногория после Берлинского конгресса

Политика в области экономики и финансов в последней трети XIX в. После 1878 г. географическое и экономическое положение Княжества заметно изменилось. Территория выросла в два раза, были присоединены плодородные равнины Зеты, Белопавличей, Приморья. Появились города — центры ремесла и торговли. Правда, к моменту включения их в состав Черногории там совершенно преобладало мусульманское население, то есть, назвать города черногорскими можно было довольно условно. Получив небольшой участок Адриатического побережья, черногорские власти могли попытаться найти свою нишу в европейской морской торговле. Но еще более важной задачей правительства было дело сплочения старой и новой Черногории, превращение ее в единый хозяйственный механизм. Это наложило особый отпечаток на характер экономической модернизации княжества, в ходе которой предстояло выровнять уровень развития и благосостояния отдельных областей, различавшихся по климатическим (высокогорье и субтропики на побережье), географическим (равнинный и горный ланшафт), этническим (черногорцы, албанцы, турки), религиозным (православные, мусульмане, католики) параметрам.

При всех различиях основная масса населения была занята в аграрном секторе, что автоматически делало сельское хозяйство главной отраслью экономики, а, значит, и приоритетным направлением экономической политики черногорских властей. Сразу после Берлинского конгресса княжеское правительство активно занялось сложной проблемой распределения вновь присоединенных пахотных участков и угодий. Статья XXX Берлинского трактата сохранила за выехавшими из Черногории турками право собственности на землю. Князь Никола много раз публично подтверждал обещание не производить никаких конфискаций. Но оставлять невозделанными плодородные пашни было непозволительным расточительством для постоянно голодавшей страны.

Сразу после окончания военных действий началась раздача турецких земель. Воинские части, штурмовавшие Колашин и Никшич,

inslav

получали в награду скромные наделы. Куда больше турецкой недвижимости оказалось в руках семейства Петровичей, родственников князя, племенных вожаков, крупных государственных чиновников. Это вызвало резкое ухудшение официальных турецко-черногорских отношений, османские власти решительно требовали остановить дележ мусульманских имений. Однако черногорская администрация проявила твердость, продолжая распоряжаться земельными ресурсами страны по собственному усмотрению.

Покинувшим Княжество мусульманам была сделана единственная уступка, — правительство начало выкупать их право собственности и постепенно покончило с землевладением бегов. Трудно сказать, чего больше было в этой последовательности и настойчивости — материальной заинтресованности или политической воли. Но результат очевиден: произошло значительное увеличение введенных в оборот сельскохозяйственных площадей. Власти Княжества не позволили пустовать тем землям, которые раньше принадлежали подданным султана.

К несчастью для страны, даже с учетом бывших турецких имений, пахотных угодий не хватало для всех, занятых в аграрном производстве, да и распределялись они крайне неравномерно. Сложились два полюса, две имущественные группы. Крупными по меркам Черногории землевладельцами стали представители двора, высшей бюрократии и племенной верхушки. Подавляющее же большинство населения владело такими крохотными наделами, с которых едва могло прокормиться. О товарном производстве в этих микроскопических хозяйствах не могло быть и речи. Рядовые черногорцы были обречены батрачить на земле богачей или отправляться в Америку в поисках лучшей доли.

Национальным бедствием для страны почти каждый год становились неурожай и голод. Впечатляет число голодных лет в Княжестве после международного признания — 1887, 1888, 1890, 1892, 1893, 1895 гг.[1]. Следовательно, борьба с последствиями голода и меры по предупреждению неурожаев стали вторым по масштабу и значимости направлением аграрной политики княжеских властей. Они постоянно обращались за помощью к другим странам, чаще всего к России. Как правило, для поддержки голодающих иностранные партнеры предоставляли заем, на эти деньги покупали за границей хлеб и раздавали нуждающимся. Российское правительство многократно занималось вопросами покупки и транспортировки муки в Черногорию, подключая к этому делу светские и церковные благотворительные организации.

[1] Архивско Одељење Народног Музеја Црне Горе (далее — АОНМЦГ). Фонд Књаза и краља Николе; фонд Приновљени рукописи; Архивска грађа Историјског института Црне Горе.

inslav

Пагубным последствием такой политики была проблема стремительно растущего внешнего долга, погасить который Черногория не могла. Превращаясь в должника и банкрота, Княжество теряло последнюю возможность вложить хоть какие-то капиталы в сельское хозяйство. О дешевых кредитах для крестьян, о внедрении передовой техники и развитии кооперации, о приглашении специалистов вопрос даже не ставился. Шаги, сделанные руководителями страны для того, чтобы вывести сельское хозяйство из хронического кризиса и победить голод, были на редкость робкими и непоследовательными.

Еще один способ решения проблемы голода, к которому пришлось прибегнуть в конце XIX в., — это отъезд бедняков из Черногории в другие страны. В начале 1890-х годов экономическая ситуация в Княжестве стала до такой степени трагической, что правительство соседней Сербии согласилось принять у себя несколько сотен страдающих от голода черногорских семей. По словам П. А. Ровинского, занимавшегося организацией этой кампании, «...записались в переселение 12000 душ, а если б не сдерживали, было бы много больше, Сербия однако на этот год ограничила число переселенцев 6000, всего отправилось только 6700; остальные остались, хотя были записаны и, приготовляясь к отправлению, распродали все свое имущество... Теперь это несчастнейший народ... В Баре и Белопавличах открываются специально для этих несчастных гостиницы, в последнем месте князь устроил для этого свой дом на Орбей-луке, кроме прочего здесь будет происходить кормление народа, которое иногда действительнее помогает, чем лекарство... Кое-какие суммы из России уже начали приходить... И таким образом надеются перенести эту зиму, нужду. Но что будет потом?»[2].

С просьбой поселить навсегда в России черногорские семьи власти Княжества неоднократно обращались и к российскому правительству. Наверное, князю Николе казалось, что такие призывы продиктованы гуманными соображениями, желанием спасти земляков от крайней нужды. На деле, это был своего рода «побег» от экономических реалий, хозяйственный тупик, обрекавший страну на упадок. Отток рабочих рук усугублял проблему бедности и застоя. Эмиграция, набиравшая обороты в конце XIX в., превратится в застарелую болезнь в начале XX столетия.

Также неубедительно выглядит политика Княжества в области развития животноводства, которое всегда было важной отраслью черногорской экономики. Стараясь не допустить полного обнищания подданных, князь Никола попытался сохранить остатки коммуницы — общественных пастбищ, где бедняки могли пасти свой скот. В 1883 г. председатель Государственного совета и министр внутренних

[2] Институт русского языка и литературы (далее — ИРЛИ). Ф. 572. Д. 212. Л. 28.

inslav

дел Б. Петрович отдал распоряжение местным властям препятствовать разделам общинных угодий и переходу их в частные руки[3]. Но запреты не помогали, и постепенно луга и лес оказывались в руках богачей. Коммуница исчезала, и сокращалось поголовье скота. Этот процесс наложился на застарелые проблемы — падеж животных из-за сурового климата в горах, нехватки кормов, отсутствия ветеринарной службы и т. д.

Кроме того, мешали старинные предрассудки и хозяйственные стереотипы черногорцев. В народе устойчиво бытовали представления о том, что торговля — занятие малопочтенное, оно подходит албанцу-мусульманину, но не герою-юнаку, вечному воину и борцу. П. А. Ровинский и другие иностранцы отметили странную примету повседневной жизни княжества: в городах имел место дефицит товаров, ассортимент был скудным, а цены на продукты питания непомерно высокими, в селах же у некоторых семей был явный избыток скота и продуктов животноводства, но продавать все это не торопились. Только крайняя нужда и голод заставляли торговать и тем самым ронять достоинство в глазах соплеменников.

Трудно и медленно шло развитие ремесла и промышленности, последняя в европейском смысле слова в Черногории почти не существовала. Фабричное производство было в зачаточном состоянии, найти работу человеку, решившему переехать в город из села, было практически невозможно. Для открытия новых предприятий требовались капиталы, собственных инвесторов в стране не было. Нужно было искать иностранных предпринимателей, которые бы согласились вложить деньги в традиционную отсталую экономику. В первую очередь черногорское правительство постаралось заманить к себе капиталистов из России. Материалы российской дипломатической миссии свидетельствуют о том, что время от времени черногорские министры просили МИД России разместить в газетах объявления о том, что в Княжестве с нетерпением ждут русских промышленников и торговцев, что им будет оказано всяческое содействие со стороны местных властей. Но Княжество было слишком далеким и бедным, чтобы заинтересовать российский бизнес.

Куда целесообразнее было развивать экономическое партнерство с ближним соседом Австро-Венгрией. Однако здесь препятствием стала политика. Во-первых, Австро-Венгрия стремилась подчинить себе славян Балканского полуострова, не приветствуя устремлений к суверенитету. Черногория, позиционировавшая себя в качестве последовательного борца за свободу югославян, становилась естественным противником австрийской короны. Все возможные притеснения

[3] Историјски институт Црне Горе. Архивска грађа. Фас. 314. Бр. 667.

inslav

военного и внешнеполитического характера австрийцы пускали в ход, чтобы ограничить влияние черногорцев на соседей-боснийцев и герцеговинцев. Во-вторых, в странах Балканского полуострова империя видела только рынок сбыта собственных товаров, поощрять развитие славянской промышленности и тем самым создавать конкуренцию ей было невыгодно. В итоге, найти инвесторов и оживить производство в конце XIX в. черногорские власти не смогли.

Повторим, что неудачи хозяйственной жизни коренились не только в непоследовательности властей, но и в упорном нежелании народа отказаться от старинных предубеждений. Престижным считалось положение управленца-чиновника, а не труженика, зарабатывающего на жизнь собственным трудом. Многие предпочитали любую должность в канцелярии предпринимательству и ремеслу. «Поэтому в Черногории ремесленник и торговец — парии, и быть и тем, и другим для гордого черногорца унижение», — писал П. А. Ровинский[4].

И хотя войны не было уже много лет, мужское население Черногории не спешило овладеть мирными специальностями, проводя большую часть свободного времени в кофейнях. Домашнее хозяйство, как и в прежние времена, лежало на женщинах, они же работали по найму, занимаясь совсем не женскими делами. Например, доставка грузов из одного края в другой, дававшая неплохой заработок, считалась женской работой, причем, переноска осуществлялась вручную, а не на лошадях или ослах, и тяжести несли не только взрослые женщины, но и юные девушки, почти подростки.

С огромными трудностями сталкивалось Черногорское княжество, пытаясь наладить свою внешнюю торговлю. Сразу после Берлинского конгресса были заключены многочисленные торговые соглашения с европейскими державами. Большей частью эти соглашения остались на бумаге, регулярных коммерческих связей с европейцами наладить не удалось. Более-менее постоянной была торговля с Австро-Венгрией, Италией и Францией. Австрийцы быстро превратили черногорские рынки в места сбыта своих товаров.

Не только внешнеторговая, но и таможенная политика княжества показывает степень некомпетентности администрации. П. А. Ровинский отмечал, что принятый в 1899 г. таможенный закон механически переносил на черногорскую почву тарифные правила других стран. Пошлины были завышены, вводились лишние формальности, стеснявшие деятельность купцов[5]. После принятия этого закона таможенные ставки постоянно увеличивались, торговцы были вынуждены

---

[4] *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Государственная жизнь (1851–1907). Т. III. Петроград, 1915. С. 68.

[5] Там же. С. 86, 125.

inslav

повышать цены. Доходы населения, напротив, практически не росли, а это заставляло многих отказываться от покупки законных товаров и прибегать к услугам контрабандистов, следовательно, казна несла существенные убытки. Политические обстоятельства, главным образом противодействие Австро-Венгрии, так и не позволили черногорцам в конце XIX в. наладить выпуск собственных денег.

Несомненной заслугой князя Николы стало дорожное строительство, без которого невозможно было развивать ни внутреннюю, ни внешнюю торговлю. В короткие сроки в стране были выстроены шоссейные пути, соединившие Цетинье с Котором, Риекой Црноевича, Подгорицей, Даниловградом, Никшичем и другими населенными пунктами, с их помощью сливались воедино старая и новая Черногория. Успеху дорожного строительства способствовало не только стремление Николы обеспечить свое государство надежными коммуникациями, но и желание ближайших соседей связать Черногорию с европейскими транспортными линиями. Еще в 1873 г. Австро-Венгрия выделила черногорскому правительству ежегодную субсидию в 30 тыс. форинтов на сооружение шоссе между Риекой Црноевича — в те времена важнейшим торговым центром Княжества, и Котором, который издавна был опорным пунктом австрийской торговли на адриатическом побережье[6].

Кроме того, в рассматриваемый период в Черногории еще сохранялась древняя натуральная повинность — кулук. Несколько дней в году крестьяне должны были провести на общественных работах; в конце XIX в. обязательным стало участие жителей в сооружении путей сообщения. Каждый привлеченный к стройке черногорец должен был выполнить норму — 6 метров шоссейного покрытия[7]. В среднем на это нужно было потратить 20 дней. В голодные годы жители сами приходили на стройки, потому что за работу раздавали присланный из-за границы хлеб.

В 1879 г. было создано финансовое ведомство, состоявшее из министра, нескольких помощников и так называемых финансовых капитанов — чиновников, собиравших подати на местах. Никто из сотрудников этого учреждения не имел специального образования, не умел составлять государственный бюджет. Не было ни казначейства в общепринятом смысле слова, ни органов контроля за тратами государственных средств. Князь Никола единолично принимал решения по денежным вопросам, тщательно скрывая от общественности всё, что касалось доходов и расходов страны. Черногорская камарилья усердно поддерживала расхожее мнение о крайней бедности страны.

---

[6] Историјски институт. Арх. грађа. Фас. 54. Бр. 1296.
[7] Там же. Д. 3334. Л. 193а, 193б.

inslav

Но доходы Княжества были не так уж малы. С XVIII в. черногорцы получали материальную помощь из России, размер которой постоянно увеличивался. Особенно активной поддержка стала во время и после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В сентябре 1879 г. Государственный банк России выдал черногорскому правительству ссуду в 900 тыс. рублей[8]. В 1885 г. Александр III распорядился установить пособие черногорскому правительству в размере 100 тыс. рублей ежегодно в течение четырех лет[9]. Возможно, эта неосторожная щедрость российских властей сыграла негативную роль в формировании неверного отношения к деньгам у черногорской элиты. Монарху и его окружению так и не удалось трезво оценить ресурсы Княжества и научиться жить по средствам[10].

Не задумываясь о расплате, правители Черногории заключали слишком крупные для маленькой страны займы, например, у турецких и австрийских банков. К началу 80-х годов XIX в. внешние долги стали непомерными, было очевидно, что избавиться от них собственными силами не удастся. Во время пребывания в России в 1882 г. князь Никола просил помощи у Александра III и получил дополнительную субсидию, из которой черногорцы должны были постепенно погашать свою задолженность. Однако долги продолжали стремительно расти, и через несколько лет Княжество оказалось на грани банкротства. Оно было должно 771 тыс. гульденов австрийским банкам, 600 тыс. франков частному банку в Константинополе и более миллиона рублей России[11].

Чтобы союзник не оказался в долговой кабале, российское правительство в 1889 г. заплатило долги черногорцев австрийцам и туркам. Теперь Княжество было обязано вернуть российской казне 1 млн 890 тыс. рублей. Около половины долга было сразу списано. Вторую половину черногорские власти должны были выплачивать постепенно из русской же субсидии, увеличенной в два раза. Важным условием консолидации долга было обещание княжеского правительства не делать новых займов[12]. Однако это условие, несмотря на подписанный договор, зафиксировавший обязательства черногорской стороны, было быстро забыто: в 1890 г. Черногория заняла в австрийском «Лендербанке» 250 тыс. гульденов, в 1892 г. — в Константинопольском банке 650 тыс. гульденов, в 1893 г. — в австрийском «Боденкре-

[8] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3345. Л. 1–3.

[9] Там же. Д. 3344. Л. 1.

[10] *Ђуровић М.* Црногорске финансије 1860–1915. Титоград, 1960.

[11] Државни архив Црне Горе. Ф. МИД. Фас. 25. Бр. 1832. 1889 г.

[12] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3345. Л. 1–3; *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992. С. 235–238.

inslav

дите» 1 млн гульденов, «и далее уже редкий год проходил без нового займа»[13].

После этого князь Никола снова обратился к российскому императору с настойчивой просьбой урегулировать финансовые затруднения Черногории. Узнав об этом, российский министр финансов С.Ю. Витте не стал скрывать своего раздражения, если не сказать ярости. Он писал бесконечные доклады, в которых было подсчитано всё, что делалось в пользу Княжества: «Денежные субсидии, выдаваемые черногорскому правительству из нашего Государственного казначейства, достигают столь крупных размеров, что дальнейшее увеличение сих субсидий представлялось бы, по моему мнению, решительно невозможным. Помимо постоянных расходов в размере около 220.000 рублей в год на содержание в Черногории учебного батальона и полубатареи, духовной семинарии и женского училища, а также на выдачу черногорскому правительству субсидии для уплаты долга Государственному банку и других пособий, единовременные расходы нашей казны в пятилетие 1894-1898 гг. на снабжение Черногории запасами оружия и патронов и на устройство церкви в Никшиче составили около 2.600.000 рублей. Между тем, у нас самих имеются настоятельные нужды первостепенной государственной важности, которые однако остаются без удовлетворения по ограниченности средств Государственного казначейства»[14].

Протесты С.Ю. Витте не помогли — деньги для князя Николы нашлись, и он продолжил успешно «изыскивать» помощь не только в России, но и в других европейских странах. Как правило, заключались все новые займы и на все более тяжелых условиях. Но с экономической точки зрения успех черногорской администрации был весьма сомнительным. Ни удивительная щедрость российских императоров, ни восхитительная изворотливость Николы не исправили тяжелой ситуации в хозяйстве страны, продолжавшей страдать от технического застоя, бедности, отсутствия современной промышленности и торговли, от постоянного голода. В целом, экономическая политика черногорского двора выглядела малоэффективной, преодолеть традиционную аграрную модель и создать рыночное товарное хозяйство в конце XIX в. не удалось.

* * *

Государственно-политическое развитие Черногории в центре и на местах. Вступивший на престол в 1860 г. Никола Петрович продолжил создание светских органов власти и управления. В 1879 г. вместо Се-

[13] АОНМЦГ. Ф. Књаза и краља Николе. Бр. 64.
[14] Там же. Д. 3347. Л. 21 об.–22.

inslav

ната были созданы Государственный совет, Министерство с шестью отделениями и Верховный суд. Госсовет считался законодательным и надзорным органом, второй после князя государственной инстанцией. Ему подчинялось Министерство, состоявшее из отделений иностранных дел, внутренних дел и строительства, просвещения, правосудия, финансов и армии. Позже все отделения стали самостоятельными министерствами.

В тот момент уже было очевидно, что серьезным препятствием на пути государственного строительства был крайне низкий образовательный уровень населения. В последней трети XIX в. сотрудники всех учреждений, начиная с членов Госсовета и кончая окружными начальниками, были малообразованными или полуграмотными людьми. Известный сербский писатель Симо Матавуль, приехавший в Черногорию в 1881 г., заметил: «Тогда только что были созданы министерства и другие "учреждения" для всех сторон государственного управления, в основном по сербскому образцу. Все эти нововведения производили комическое и весьма трогательное впечатление, потому что выглядели так, как будто дети играли в государство…»[15].

Конечно, черногорцы не были детьми, веками они боролись за право самостоятельно решать свою судьбу. Но когда цель была достигнута, стало ясно, что политическая культура народа сохранила патриархальный племенной дух, готовый вступить в противоречие с принципами государственной дисциплины. Племенные вожди, превратившись в чиновников и составив ядро бюрократической машины, не были готовы к профессиональной управленческой работе.

Поэтому долгое время после международного признания сохранялся прежний привычный догосударственный стиль управления в центре и на местах. Как писал П. А. Ровинский, черногорец «все еще больше руководствуется своими старыми племенными понятиями и инстинктами»[16]. Традиционный взгляд черногорцев на власть выражался прежде всего в особом отношении к монарху. На правителя смотрели как на патриарха, мудрого отца, гаранта общественной справедливости. Он сам культивировал такое отношение к себе. В монографии П. А. Ровинского можно найти романтические описания поездок князя по стране, его открытость и доступность, готовность выслушать любого, кто обращался за помощью. Никола Петрович действительно был хорошо знаком с народной жизнью, знал многих своих подданных в лицо, по-отцовски вникал в их дела.

Это нисколько не мешало монарху быть гневливым и быстрым на расправу, сурово наказывать провинившихся, возвышать одних и отправлять в опалу других. И в то же время, он был харизматической

[15] *Матавуљ С.* Биљешке једног писца. Сабрана дела. Т. IV. Београд, 1953. С. 82.
[16] *Ровинский П.А.* Черногория... Т. II. Ч. 1. СПб., 1897. С. 389.

inslav

личностью, отличался красноречием, артистизмом, был умен и скор в решениях, любил и умел делать широкие жесты. Этим и можно объяснить тот парадокс, что в государстве, где дела шли из рук вон плохо, правитель был очень популярен и его решения не подвергались сомнению. Князь не отличался от любого абсолютного монарха, несмотря на то, что правил полуплеменной страной. «Военная дисциплина, под которой живет весь черногорский народ, устраняет возможность всяких протестов», — считал П. А. Ровинский.[17] Не будет преувеличением сказать, что господарь эксплуатировал старинное уважительное отношение народа к старшему члену сообщества, привычку послушания вождям и митрополитам, чтобы построить в стране вполне современный авторитарный политический режим. Древняя традиция помогала внедрению суровых бюрократических порядков.

Однако старинных черногорских представлений о власти было недостаточно для того, чтобы возвысить никому не ведомый прежде княжеский род. Укрепление монархического режима требовало больших усилий на внешнеполитической арене. После 1878 г. семейство Петровичей-Негошей получило членство в «клубе» европейских монархов, но их статус был, пожалуй, самым скромным из всех августейших семей. Князь Никола считался талантливым политиком и дипломатом, но вряд ли мог рассчитывать на то, что европейские монархи забудут его родословную.

Продвижение дома Петровичей по династической лестнице вверх началось в 1889 г., когда воспитанница Смольного института и бесприданница Милица, дочь черногорского господаря, вышла замуж за русского великого князя Петра Николаевича Романова. Затем ее примеру последовала другая дочь Николы — Анастасия (Стана), ставшая женой Георгия Лейхтенбергского, князя Романовского[18]. И в самой Черногории, и за рубежом оценка этих событий была приблизительно одинаковой. Загребская газета «Obzor» восторженно писала о роли Черногории в истории югославян, напоминая, что когда повсюду на Балканах развевалось древнее турецкое знамя («конски реп»), только на вершине Ловчена «сиял честный христианский крест», и за него проливали кровь «черногорские львы». В Задаре «Српски глас» утверждал, что раньше Черногория была одинока, теперь приобрела мощного друга: «Тем самым русский царь отдал должное сердцу и памяти народной сербской династии», подтвердив, что она не прерывалась на Балканах[19].

---

[17] *Ровинский П. А.* Черногория... Т. III. С. 73.

[18] Брак оказался неудачным, и в 1907 г. Стана снова вышла замуж за русского великого князя Николая Николаевича, брата Петра Николаевича. Этот союз противоречил принятым в Русской Православной церкви нормам семейного права, но для столь высоких особ было сделано исключение.

[19] *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 32.

inslav

В 1896 г., снова не без помощи российского двора, еще одна дочь Николы Елена стала женой итальянского короля Виктора Эммануила III. Браки сыновей Николы тоже расширяли круг семейных связей Петровичей. Удачные династические союзы превратились в специфический ресурс государственного строительства в Черногории, которая была слишком слабой, чтобы обойтись без внешней протекции. Правда, слишком быстрое возвышение династии Петровичей создавало определенную напряженность в политической ситуации на Балканах, так как представители югославянской интеллигенции не видели особого смысла в укреплении черногорского правящего дома.

Многие идеологи сербского национально-освободительного движения были уверены, что черногорцы — это часть «сербства», слияние которого в единое государство превратилось в дело ближайшего будущего. По их мнению, Черногория уже выполнила свою историческую роль застрельщика борьбы за свободу и теперь должна влиться в общую сербскую державу. Сам Никола дал повод так думать, часто заявляя в начале своей политической карьеры о приверженности идеалам сербства. В то время мало кто понимал, что подобные декларации вовсе не означали, что черногорский господарь был готов отказаться от власти. Напротив, он мечтал возглавить объединенное государство всех сербов.

Что касается управления на местах, то до конца XIX в. в них господствовал «вождистский» тип управления («главарски ред»). Это словосочетание использовал в своем труде черногорский исследователь Н. Шкерович, написавший политическую историю Черногорского княжества на основе воспоминаний тех, кто застал правление Николы[20]. В данном эпитете отразилась суть отношений между администраторами, которые нередко были по совместительству вождями племен, и рядовыми черногорцами. Первые опирались на патриархальную традицию подчинения, вели себя как отцы семейства, постоянно выходя за рамки служебных полномочий. Вторые смотрели на местных чиновников как на старейшин, которым необходимо повиноваться в любом случае. Конфликт вспыхивал только тогда, когда власть имущий переходил границы старинного обычая. Возмущение пострадавшей стороны выливалось в протест, чаще всего носивший характер кровной мести.

В монографии П. А. Ровинского содержится богатый материал, позволяющий восстановить картину превращения племенной верхушки в чиновничество. Славист подробно описал, как в далеком прошлом появились воеводы — племенные вожди, сердари — своего рода старейшины, отвечавшие за мир и порядок в братствах и общи-

[20] *Шкеровић Н.* Црна Гора... С. 40, 41, 44.

inslav

нах, кнезы — старосты, ведавшие хозяйственными и общественными делами сел. Он отметил, что все эти лица наделялись властью на народных скупщинах; даже если звание воеводы переходило от отца к сыну, на это нужно было согласие народного собрания[21]. С момента становления светского государства властные полномочия стали довольно быстро переходить в центре к княжескому двору и Сенату, на местах — к чиновникам, назначенным из центра. Окружные начальники — капитаны — стали послушными исполнителями воли князя в племенах, которые постепенно превращались в территориально-административные единицы.

В 1882 г. для помощи капитанам в каждом селе и городе было создано новое подразделение — община. Городская община выбирала комитет, во главе которого стоял назначенный князем председатель. В сельской общине старшим становился выборный кмет (староста). И П. А. Ровинский, и Н. Шкерович отметили «непрестижность» статуса кмета. Население не проявляло интереса к выборам старосты, нередко капитаны лично назначали кметов, так как никто не хотел баллотироваться на эту должность. Такая ситуация отразила падение роли выборных институтов, все большее их подчинение представителям исполнительной власти.

Важным направлением модернизации было развитие судебной системы Княжества на рубеже XIX–XX вв. «Главарский» патриархальный стиль управления был мощным тормозом на пути развития черногорского судопроизводства. До начала XX в. суд оставался неотделенным от администрации, местные начальники одновременно были и судьями. Криминогенная ситуация в стране была уникальной, преступности в общеевропейском смысле практически не было. Кражи, мошенничество, изнасилования и прочие преступления совершались в Черногории крайне редко. Чаще случались убийства, которые происходили на почве ссор и личных обид и влекли за собой цепочку кровной мести, но власть с этим пережитком племенного строя боролась самыми суровыми методами (вплоть до смертной казни).

Судебные инстанции Черногории в конце XIX в. были такими: сельская администрация в лице кмета (мог назначать небольшой штраф и приговорить к 8 дням ареста), городской общинный комитет и его председатель, капитан и Великий суд в Цетинье, как высшая апелляционная и кассационная инстанция. Практически все дела, какими бы незначительными они ни были, попадали в Великий суд, так как авторитет местной власти в судебных вопросах был невысок.

Великий суд был завален делами, с которыми он не мог справиться, несмотря на то, что число его сотрудников время от времени

[21] *Ровинский П. А.* Черногория... Т. II. Ч. 1. С. 158–178.

inslav

увеличивалось. Причем, не только поток исков, стекавшихся со всей страны, делал работу Великого суда неэффективной. Самой главной проблемой было то, что князь был последним и высшим звеном в цепи судопроизводства. Он регулярно посещал заседания Великого суда и был в курсе многих дел. Это породило стремление многих черногорцев обращаться с исками непосредственно к господарю. П. А. Ровинский отмечал тревожную тенденцию: «В народе явилось вообще недоверие к суду, да и не ищет он справедливости и решения по закону, настаивает на своем, угрожая обращением к князю, который, по его понятиям, может решать, не стесняясь формальностями и параграфами законника, так как воля господаря выше закона»[22].

Очевидно, правовое сознание черногорцев еще не сформировалось в общепринятом государственном смысле. В народе считали, что не закон, а князь правит обществом, что Никола волен решать любой вопрос по своему усмотрению, и нужно привлечь внимание монарха к своему делу во что бы то ни стало. Такую позицию нельзя назвать правовым нигилизмом, черногорцы, как правило, соблюдали нормы обычного права и социальные нормы, были дисциплинированны и знали, что за своеволие можно поплатиться жизнью. Вместе с тем, судебная практика рубежа XIX–XX вв. позволяет говорить о правовом инфантилизме, о том, что писаный закон не имел в глазах общества той силы, какой обладал князь, сам до конца не определившийся со своей ролью то ли главы государства, то ли отца семейства.

В условиях почти абсолютной монархии старинные демократические традиции деформировались в привычку не подчиняться среднему звену руководителей и бесконечно апеллировать к монарху, сутяжничать и ссориться друг с другом. Низкая исполнительская дисциплина накладывалась на пережитки племенной розни.

Племена, хоть и стали называться территориально-административными единицами, по-прежнему легче подчинялись «своему» начальнику, а не выходцу из другого племени. Даже если чужак оказывался более успешным специалистом, он мог «провалиться» только потому, что изначально к нему отнеслись враждебно. В такой ситуации руководитель иногда не успевал вникнуть в суть порученного дела и вдруг оказывался в отставке из-за интриг подчиненных. Между выходцами из разных племен шло острое соперничество за высокие посты. Племенное сознание не исчезало так быстро, как хотелось бы центральной власти.

Итогом политического развития и государственного строительства в конце XIX в. было осознание высшим руководством страны необходимости структурных реформ в области управления. Князь ис-

[22] *Ровинский П. А.* Черногория... Т. III. С. 57.

inslav

подволь готовился к новым шагам в этом направлении, посылая на учебу за границу молодых черногорцев. Только накопив «кадровый резерв», монарх мог рассчитывать на улучшение качества управления в стране.

* * *

Социальная политика Черногорского княжества в последней трети XIX в. Помимо политических и административных задач, черногорскому государству приходилось заниматься сложными социальными проблемами, доставшимися в наследство от эпохи вечной борьбы с Османской империей. Анализ исторических документов позволяет выделить три основных направления социальной политики правительства в конце XIX в.: просвещение, церковная политика и здравоохранение.

На первом месте, конечно, была проблема ликвидации неграмотности и культурной изоляции страны. В 60–70-е годы XIX в. был взят демократический курс на повсеместное создание народных школ. Главной опорой в этом начинании считались общинные органы самоуправления, без поддержки которых не удалось бы преодолеть культурный разрыв Черногории с Европой. Война 1876–1878 гг. приостановила на время организацию новых учебных заведений. В 1880-е годы открытие народных школ возобновилось, однако политика Княжества в области просвещения в послевоенные годы выглядела такой же противоречивой, как и государственное строительство.

С одной стороны, борьба с неграмотностью оставалась по-настоящему народным делом. П. А. Ровинский считал, что Черногория рубежа XIX–XX вв. «вступила на новый путь» в культурном отношении, стала «учеником и воспитанником» Европы[23]. Много лет наблюдая ярко выраженное стремление черногорского юношества повысить свой образовательный уровень, славист особо подчеркнул ту поддержку, которую оказывало в этом деле молодым старшее поколение: «Каждому дому приятно иметь хоть одного грамотного, который умел бы прочитать что-нибудь и записать»[24]. То есть, можно сказать, что просвещение было приоритетом не только для юношества, но и для тех, кто большую часть жизни провел в военных походах и никогда не учился в школе.

С другой стороны, прослойка высших чиновников и местные главари быстро поняли, что образованность может стать привилегией отдельных лиц, даст им дополнительные рычаги сохранения особого положения в обществе. Поэтому четко обозначилась тенденция

[23] *Ровинский П. А.* Черногория... Т. II. Ч. 1. С. XXII.
[24] Там же. Т. II. Ч. 1. С. 416.

inslav

давать преимущества детям племенной верхушки. Формировавшаяся новая элита торопилась отправлять своих сыновей за границу для обучения в гимназиях и вузах. Вернувшись на родину, такая молодежь сразу оказывалась в исключительном положении по сравнению со своими сверстниками, в лучшем случае умевшими читать и писать.

Вскоре стало очевидно, что стремление превратить образованность в привилегию верхов противоречило нуждам страны. Для новых управленческих структур постоянно требовались квалифицированные специалисты, которых в Черногории не было. Князю пришлось вернуться к идее всеобщего бесплатного начального обучения, а также задуматься над проблемой развития системы среднего специального образования. В 1879 г. в Черногории приступили к работе 18 школ, в 1881 г. прибавились еще 4, затем их число постоянно увеличивалось, и к 1901 г. было всего 104 начальных государственных школ, из которых 77 — для мальчиков, 23 — смешанных, 4 — женских. Также черногорское правительство финансировало 15 мужских и 1 женскую школу в пограничных районах Османской империи. Одновременно в стране работали 27 общинных школ, 7 из них получали от властей небольшую субсидию[25].

Развитие просвещения требовало эффективной системы управления образовательными учреждениями. В 1870 г. появилась должность главного инспектора школ, в обязанности которого входила организация учебного процесса, контроль за работой учителей, проверка знаний учащихся и т. д. В 1880 г. было создано министерство просвещения и церковных дел, которому подчинялись все учебные заведения страны, в том числе открытые церковью.

На рубеже XIX–XX вв. школы стали жертвой всех финансовых неурядиц в Княжестве и первым объектом экономии для государственного казначейства. В бюджете Княжества на содержание училищ выделялась сумма в 175 650 крон. Для сравнения, на военное ведомство отводилось 260 тыс. крон, и это кроме огромных по масштабам Черногории сумм, которые составляли ежегодную военную субсидию из России[26]. Но и те скромные средства, что были предназначены на образование, не поступали в срок. Учителя месяцами не получали жалования и расплачивались в лавках долговыми расписками.

Кроме бедности и бесправия, черногорская школа страдала от кадрового голода. После перерыва, вызванного войной 1876–1878 гг., в столице Черногории продолжилась работа учительско-богословской школы. В 1880 г. она была переименована в гимназию, директо-

[25] АОНМЦГ. Ф. Принов. рукописи. Фас. XVIX. 1901.
[26] Там же. С. 501.

inslav

ром которой стал Й. Павлович. Правительство Черногории надеялось, что это будет полноценная классическая гимназия, но не смогло обеспечить учебный процесс необходимыми специалистами.

На фоне непреодолимых трудностей, с которыми столкнулись черногорские власти в сфере просвещения, удачным экспериментом стала работа Мариинского женского института — среднего учебного заведения для девочек. Это было смелое начинание в патриархальной стране, где женщины находились на самой нижней ступени социальной лестницы. Институт был основан еще в 1869 г. на средства русской императрицы Марии Александровны, а после ее смерти перешел под патронат императрицы Марии Федоровны. В самой Черногории покровительницей института считалась княгиня Милена, жена князя Николы. Когда в 1876 г. началась война, в здании института был открыт госпиталь.

После войны работа этого уникального женского учебного заведения возобновилась. По уставу в институте могли обучаться девочки из Черногории и соседних стран. Слава Мариинского института вышла далеко за пределы Черногории, жители многих балканских стран хотели бы определить в него своих дочерей. По словам П. А. Ровинского, образование в Цетинском женском институте равнялось хорошему приданому. Вскоре прием иностранок пришлось ограничить, так как не хватало мест даже для юных черногорок. За многие годы работы Мариинский институт, преодолевая невероятные финансовые трудности и старинные предубеждения, выпустил немалое количество образованных девушек, которые наравне с мужчинами могли нести просвещение в народ. Далеко не все выпускницы института стали учительницами, но все они могли передавать свои знания собственным детям. Однако этот очевидный успех следует приписать прежде всего щедрости российских благотворителей и подвижнической работе русских педагогов, особенно С. П. Мертваго.

Практически неразрешимой для черногорского правительства стала проблема создания системы высшего образования. Ни один вуз так и не был создан в Княжестве, во-первых, потому что не было денег, во-вторых, потому что не было преподавателей. Власти Черногории пошли по пути подготовки дипломированных специалистов за рубежом. Османская империя, Сербия, Болгария, Франция, Италия, Австро-Венгрия и главным образом Россия ежегодно принимали десятки черногорцев в свои высшие и средние учебные заведения. Это были и выходцы из зажиточных родов, и талантливые юноши, которым князь Никола выделил стипендию.

Побудительные мотивы, заставлявшие молодых людей получать образование, были разными. Довольно быстро выяснилось, что некоторые юноши мечтали стать высокообразованными не для того, что-

inslav

бы профессионально заняться наукой или просвещением. Диплом представлялся им наиболее подходящим способом достигнуть положения «вожака», «господина», человека, занимающего высокую ступень на социальной лестнице. Страна задыхалась от нехватки образованных людей, но многие получившие диплом черногорцы были нацелены не на культурный подъем своей родины, а на собственный карьерный рост, личное благополучие. «Весь этот контингент шел в ряды чиновников и наполнял канцелярии, благодаря чему на развалинах патриархального быта водворяется канцелярщина, которая и завладела всецело народной жизнью»; «духом чиновничества проникли́сь даже священство и учительство», — писал П. А. Ровинский[27]. Возможно, такой приземленный подход к просвещению тоже помешал преодолевать культурную отсталость страны.

Второе направление социальной политики Черногорского княжества, которое достаточно часто занимало внимание Николы Негоша и его окружения в последней трети XIX в., — это конфессиональная политика. Православная церковь сыграла уникальную роль в формировании черногорской государственности, она стала создательницей полугосударственной системы правления, названной некоторыми учеными черногорской теократией. После провозглашения и признания Черногорского княжества роль церкви должна была измениться коренным образом. Светская власть торопилась занять главное место в политической сфере, не допустить даже намека на конкуренцию со стороны высшего духовенства. Монархи стремились превратить православную церковь в составную часть государственного аппарата, приравнять священников к чиновникам.

В начале правления Николы Негоша митрополитом стал весьма популярный среди черногорцев настоятель Острожского монастыря Иларион Роганович, посвященный в епископы в России в 1863 г. До войны 1876–1878 гг. он был, по оценке современников, «самым деятельным сотрудником» князя[28]. В войне с турками церковь оказала государству всю возможную помощь. Школы, открытые по инициативе митрополита, превратились в военные склады и госпитали, Цетинский монастырь стал резиденцией Красного Креста. Митрополит Иларион лично руководил всей этой работой. Однако после окончания войны он был лишен самостоятельности, а с 1880 г. православная церковь стала подчиняться министру просвещения и церковных дел. Митрополит должен был регулярно докладывать министру о состоянии церковных дел; на проведение некоторых мероприятий нужно было испрашивать специальное разрешение светской власти.

---

[27] *Ровинский П. А.* Черногория... Т. III. С. 62.
[28] Там же. С. 193.

inslav

Если раньше рукоположение в священники было исключительной прерогативой Илариона, то теперь требовалось представление Государственного совета и утверждение князя. Право прямого обращения к монарху у главы церкви было отнято, со всеми вопросами он должен был идти к министру просвещения или в Государственный совет. Особенно неприглядно выглядело решение соединить церковную казну с государственной. Доходы церкви должны были теперь поступать в Государственное казначейство. Нетрудно догадаться, что далеко не все церковные деньги шли на восстановление разрушенных в войну храмов и монастырей.

Эти нововведения испортили отношения между монархом и митрополитом. Иларион Роганович продолжал вести себя независимо, игнорировал высших чиновников страны, не боялся вступаться за тех, кого, по его мнению, власть несправедливо обидела. В ответ княжеское окружение откровенно игнорировало митрополита. Современники замечали, как Иларион Роганович терял веру в себя, все меньше занимался делами и, наконец, умер, когда ему было только 54 года. Двор проявил полное равнодушие к этому печальному событию — покойного митрополита похоронили не по обычаю в Цетинском монастыре, а на простом сельском кладбище. В последний путь его провожала огромная толпа народа, оплакивавшая своего защитника.

По словам П. А. Ровинского, митрополит Иларион был последним владыкой — «носителем старых черногорских преданий». После него этот пост занимали выходцы из Приморья — районов, присоединенных к Черногории после Берлинского конгресса, «люди вполне достойные, но ничем лично не связанные со старым черногорским прошлым и потому более предрасположенные ко всем нововведениям в духе вступления Черногории на новый путь в церковном отношении»[29].

После Берлинского конгресса к Черногории были присоединены территории, населенные католиками и мусульманами. Нужно было безотлагательно разработать конфессиональную политику, которая бы, с одной стороны, спаяла разнородные составные части Княжества, с другой, удовлетворила бы интересы всех подданных Черногории, несмотря на вероисповедные различия. Крайне важно было не допустить повода для религиозной вражды и недоверия между «старыми» и «новыми» черногорцами, ибо это стало бы смертельной угрозой для государства, и без того не преодолевшего прежней племенной розни.

Потенциальную угрозу единству княжества могли представлять мусульмане, бывшие раньше подданными Османской империи. Многие из них, не желая мириться с властью «неверных», покинули Черногорию. Основными местами выселения стали Никшич, Спуж,

[29] *Ровинский П. А.* Черногория... Т. III. С. 193–197.

inslav

Колашин, частично Подгорица и приморские города. Тем, кто остался, власти предоставили неограниченную свободу отправления своих религиозных обрядов. «Их мечети пользуются таким же уважением у христиан, как и христианские церкви», — писал П. А. Ровинский[30].

Главой черногорских мусульман был муфтий. Судебное разбирательство многих дел осуществляли кадии по законам шариата. Уклад жизни мусульман остался традиционным: их дома были закрыты для посторонних, женщины не появлялись в общественных местах с открытым лицом. Дети из мусульманских семей после окончания черногорской школы свободно могли продолжать образование в Константинополе за свой счет. Сторонники ислама были освобождены от воинской повинности, чтобы не оказаться перед необходимостью воевать против единоверцев. Вместо воинской обязанности для мусульман был введен специальный налог — «низамия».

П. А. Ровинский полагал, что мусульмане составляли дисциплинированную и работоспособную часть черногорского общества: «У них есть черты, которые желательно было бы видеть в христианах, это — их трезвость, трудолюбие и умеренность в удовлетворении своих материальных жизненных потребностей, которой не достает черногорцам, считающим это недостатком»[31]. После нескольких первых беспокойных лет привыкания к новой жизни, мусульманская община не доставляла черногорскому правительству особых хлопот. Толерантность властей окупилась сторицей.

После 1878 г. в состав Черногории вошла узкая полоса адриатического побережья. Эти земли населяли католики, считавшие своим главой скадарского архиепископа, то есть сохранившие организационные связи с католической церковью, действовавшей на территории Османской империи. Чтобы добиться лояльности среди своих католиков, князь решил заключить соглашение со Святым Престолом и отдать их под прямое подчинение Папы. В 1886 г. был заключен конкордат с Ватиканом, провозгласивший свободу католического вероисповедания в Черногории. Папа назначил в приморский город Бар архиепископа, который возглавил католическую паству Княжества. Барский архиепископ должен был присягать на верность черногорскому монарху, княжеское правительство платило ему жалование. Конкордат предусматривал появление в приморских школах католических учителей Закона Божьего. Смешанные браки признавались законными. Возможные разногласия между католиками и черногорским правительством должны были «дружески» улаживать Папа и князь[32].

---

[30] *Ровинский П. А.* Черногория... Т. III. С. 271.

[31] Там же. С. 274.

[32] *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. С. 223–225.

inslav

В православной прессе развернулась полемика, высказывались опасения относительно перспективы расширения зоны влияния католической церкви. Однако жизнь не подтвердила мрачных прогнозов некоторых ортодоксов. Как и в случае с мусульманами, веротерпимость и равенство, гарантированные черногорским правительством, принесли самые положительные результаты. После 1878 г. не возникло никаких трений на религиозной почве между общинами православных, католиков и мусульман, следовательно, правительственный курс был выбран верно.

Последним направлением социальной политики Черногорского княжества являлось здравоохранение. Причем, до середины 70-х годов XIX в. медицинского обслуживания в европейском смысле в Черногории не было, в 1870-е годы в стране практиковал только один врач[33].

Медицинские стационары в Княжестве начали создавать русские врачи. Еще до начала войны с Турцией в Княжество выехала община Св. Георгия из Петербурга. Это был отряд российского Красного Креста, который привез с собой 85 тыс. рублей для оказания медицинской помощи местному населению. Эта помощь особенно понадобилась, когда началась война. «Наш отряд производил положительно чудеса, учреждая медицинскую помощь на самой границе под неприятельскими выстрелами», — вспоминали врачи[34].

После окончания войны все медицинское оснащение отряда осталось в Черногории, на этой базе была организована первая в стране больница имени князя Данилы. Значение больницы заключалось не только в том, что она оказывала бесплатную врачебную помощь населению, но и в том, что с ее основания началась история черногорской медицины. С 1881 г. российский Красный Крест ежегодно высылал 2 500 рублей на содержание больницы. Он же заботился о поставке в нее необходимого оборудования. В 1884 г. российская миссия в Цетинье от имени черногорских властей просила руководство Красного Креста прислать новые хирургические инструменты, потому что всё, что осталось после войны, пришло в полную негодность. В 1885 г. из России были присланы три ящика с требуемыми предметами[35].

Само черногорское правительство сосредоточило свои усилия на административной стороне дела. В 1890-е годы оно приступило к подготовке законов, которые должны были регламентировать деятельность медицинских заведений страны. В 1891 г. был издан «Сборник правил, распоряжений и инструкций в санитарной области княжества Черногории».

---

[33] АОНМЦГ. Ф. Књаза и краља Николе. 1881. № 18.

[34] Россия и Черногория. Исторический очерк. 1485–1889. СПб., 1889. С. 94.

[35] АОНМЦГ. Ф. Принов. рукописи. Фас. XXXII. 1884; Фас. XXXIII. 1885.

inslav

К сожалению, подготовленные властями нормативные документы не соответствовали реальным условиям страны. Так, в «Сборнике» говорилось, что черногорцы должны пользоваться услугами настоящих специалистов, а не знахарей, как это было в прошлом. Была установлена норма — 10 окружных врачей. На самом же деле в 1894 г. в Черногории работали только 8 врачей[36]. Еще хуже было с аптеками, существовала только одна государственная аптека в Цетинье, которой заведовали получившие специальное образование в России Й. Дреч и И. Костич.

Такое же расхождение между законодательством и практическим воплощением его в жизнь наблюдалось в деле создания больниц. Ими должно было руководить министерство внутренних дел, но сами больницы существовали только на бумаге. Долгое время больница им. князя Данилы в Цетинье оставалась единственным стационаром. Больные по нескольку дней добирались до нее и попадали на прием к врачу «полумертвыми», выражаясь словами современника. Амбулаторно больница обслуживала в год до 5.000 человек; в стационар, по закону, должны были брать всех нуждавшихся, «имущих и бедных, без различия веры, возраста и народности», но выполнить это гуманное предписание закона больница не могла по причине нехватки мест. Не соответствовала нормам закона и ветеринарная служба, в стране работал только один ветеринар[37].

Российские медики старались помочь черногорским коллегам сдвинуть дело здравоохранения с мертвой точки. В 1885, 1888, 1889 и 1898 гг. из России были доставлены багажи с медикаментами, хирургическим оснащением, постельным бельем[38]. Регулярно поступали специальная литература об организации противоэпидемических мероприятий и популярные брошюры медицинского содержания. Русские сестры милосердия обучали местный персонал профессиональным навыкам. Но этого было слишком мало, чтобы обеспечить всех жителей Черногории полноценным медицинским обслуживанием.

* * *

Дипломатия и внешняя политика Черногорского княжества в конце XIX в. Дипломатическая жизнь Черногорского княжества после международного признания стала более чем активной. Несмотря на то, что в стране не было ни одного профессионального дипломата, а единственное ведомство, которое занималось внешней политикой

[36] *Живковић Д.* Правно уобличавање у области здравства у књажевини Црној Гори // Историјски записи. 1987. № 4. С. 129–131.

[37] *Ровинский П. А.* Черногория... Т. III. С. 469.

[38] АОНМЦГ. Ф. Принов. рукописи. В папках за все последние десятилетия XIX в. есть материалы о русской помощи.

inslav

(Княжеская канцелярия иностранных дел, созданная в 1874 г.), имело только 6 сотрудников, включая курьера, черногорское руководство действовало очень решительно. К концу 1890-х годов были установлены официальные отношения с Россией, Францией, Италией, Великобританией, Османской империей, Австро-Венгрией, Грецией, Болгарией, Сербией. Были подписаны разнообразные соглашения (договоры о мире и государственных границах, о дружбе, торговле и судоходстве, о почтово-телеграфном сообщении, о займах, концессиях и т. д.), свидетельствовавшие о том, что государственное строительство понималось властями не только как создание внутренних политических институтов, но и как укрепление суверенного положения страны на международной арене.

В монографии черногорского исследователя Р. Распоповича скрупулезно восстановлены буквально все шаги, предпринятые черногорцами на дипломатическом поприще[39]. В тот момент местная элита еще только училась вести соответствующую работу, не имела опыта соблюдения дипломатического протокола, создания представительств в других странах и т. д. Поэтому в начале пути происходили досадные недоразумения, выставлявшие черногорское правительство в невыгодном свете.

Но если дипломатические успехи можно считать относительными, то внешняя политика Черногории в конце XIX в. приобрела вполне реальный и практический характер. Быстро определился круг стран, во взаимодействии с которыми Черногория вышла за рамки формальных дипломатических контактов. Это были государства, в отношении которых приходилось разрабатывать и время от времени корректировать внешнеполитический курс, отвечавший конкретным обстоятельствам европейской и черногорской политики в тот или иной момент. На первом месте, само собою разумеется, были связи с Россией, так как без ее материальной помощи не удавалось решать никаких проблем. Россия по сути компенсировала отсутствие черногорских дипломатических служб в разных странах, выступая с 1879 г. в роли официального защитника черногорских подданных по всему миру, за исключением Османской и Австрийской империй, не давших согласия на такую практику[40].

Первый российский министр-резидент в Цетинье А. С. Ионин несколько лет был главным помощником черногорского двора в международных делах, он не только принимал участие в составлении официальных бумаг, но и обучал своих славянских коллег дипломатической работе. Глубокая погруженность в дела Княжества была отражением военно-политического курса Российской империи, имев-

[39] *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе. 1711–1918. Подгорица—Београд, 1996.
[40] Там же. С. 374–380.

inslav

шей вполне конкретные планы в последней трети XIX в.: «В случае политических усложнений черногорская армия может принести нам пользу как отдельно действующий в западной части Балканского полуострова отряд наш, могущий отвлечь часть сил противников наших от главного театра военных действий, и, сверх того, сгруппировать вокруг соседние, сочувствующие нам славянские элементы», — гласила инструкция МИД[41].

В свою очередь далеко идущие внешнеполитические планы Никола Петрович всегда строил на неисчерпаемом ресурсе — на мощи Российской империи. И здесь была заложена мина замедленного действия. На словах послушный воле российских кураторов, на деле черногорский монарх никогда особо не прислушивался к рекомендациям из Петербурга. Он считал, что лучше знает, когда проявить активность и несговорчивость, а когда уступить в спорных ситуациях, регулярно возникавших на Балканах. У правителя сложилось впечатление, что он действительно самостоятельный и успешный руководитель, который шаг за шагом идет к достижению поставленных внешнеполитических целей. Формально для такого убеждения были основания, так как круг международных связей Черногории постоянно расширялся. Однако в реальности дела шли куда хуже, чем это представлялось Николе. Он наделал огромное количество долгов, которые оплачивала Россия, и в конце концов оказался фактически на содержании у Дома Романовых.

С одной стороны, это означало, что «единственного друга» всегда спасут в трудную минуту. Но, с другой стороны, князь не был больше суверенным правителем. Стоило ненадолго приостановить финансирование Черногорского государства, и оно тут же оказывалось парализованным. Это был очевидный итог российско-черногорского сотрудничества в последней трети XIX в.

Вторым по значимости партнером в международных отношениях и первым в контексте региональной политики была Османская империя. С нею изначально было исключительно трудно договариваться, потому что чем шире становились границы Черногории, тем меньше были владения султана на Балканах. В силу этого объективного положения и дипломатические, и политические контакты отличались нервозностью, недружелюбием и подозрительностью сторон. Турецкая администрация всячески препятствовала разграничительным работам между Империей и Княжеством, отказалась признать право России защищать черногорцев на территории Турции, настаивала на учреждении постоянного черногорского представительства в Стамбуле. После затяжных проволочек в сентябре 1879 г. султан принял

[41] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3318. Л. 3.

inslav

черногорскую делегацию, но вел себя крайне неприветливо, почти невежливо[42]. По мнению Г. Вуковича, отношения двух стран от момента окончания войны и передачи Улциня до визита князя Николы в Стамбул в 1883 г. были враждебными: «...мы не были в состоянии войны, но беспорядки и столкновения на границе не прекращались. Причиной тому была распущенность ("разузданост") в Албании, которую поддерживала Порта и лично султан Абдул-Хамид»[43].

Однако не только Черногория доставляла туркам хлопоты, другие балканские страны тоже стремились упрочить свое положение за счет турецких владений. Поэтому Порта изменила свою тактику в отношении Княжества, сменив гнев на милость. Никола получил от султана приглашение посетить империю. Но, несмотря на теплый прием, оказанный ему в Стамбуле, турки не изменили привычной тактики в отношении славянских соседей и ни разу не упустили возможности помешать Княжеству налаживать нормальную мирную жизнь после международного признания. Внешне приличные турецко-черногорские отношения в любой момент могли испортиться из-за пограничных инцидентов, из-за того, что мятежники из владений султана находили убежище в Цетинье, из-за неспособности княжеской администрации вовремя заплатить долги турецким банкам. Османская империя по-прежнему представляла угрозу суверенитету Черногории, и даже визиты на высшем уровне не могли изменить такой расстановки сил[44].

Не менее опасным соседом оставалась и Австро-Венгрия, присоединившая Боснию и Герцеговину и добившаяся на Берлинском конгрессе разрешения контролировать побережье Адриатики, переданное под власть Княжества. Черногорский историк Н. Ракочевич писал: «Постоянная цель Австрии была такой: если не удается сохранять влияние в Черногории, то, по крайней мере, ее нужно удерживать от активной деятельности в соседних областях»[45]. Поэтому все усилия австрийских дипломатов сводились к тому, чтобы получить как можно больше возможностей вмешиваться в дела черногорской администрации в порту Бар и на побережье в целом. В августе 1879 г. Франц-Иосиф пригласил князя Николу в Вену. Формально это был личный визит, никакой программы официальных мероприятий не было. Фактически австрийцы надеялись нейтрализовать слишком

---

[42] *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе... С. 321.

[43] *Вуковић Г.* Мемоари. Т. 1–3. Цетиње—Београд, 1985. Т. 3. С. 60.

[44] Там же. С. 153–186. Кстати, турецкие власти тоже не отказывались от попыток «подкупить» черногорцев. В донесении К. А. Губастова 12 июля 1899 г. сообщалось, что султан повелел Оттоманскому банку выдать князю Николе 20 тыс. турецких лир (АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3330. Л. 20 об.).

[45] *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Аустро-Угарске 1777–1914 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 57.

inslav

боевитого князя. Для черногорской стороны визит стал знаком вежливости, демонстрировавшим желание найти правильный тон в отношениях с венским двором. Посещение Вены не имело особых политических последствий, но австрийское правительство не оставляло попыток сдерживать черногорцев, например, с помощью субсидии, выданной на сооружение дорог.

Расчет не оправдался. В 1882 г. в Боснии и Герцеговине ситуация резко ухудшилась — прокатилась волна выступлений против Австро-Венгрии. Желание черногорского князя дать приют боснийским повстанцам, с оружием в руках выступившим против австрийской оккупации, на целое десятилетие испортило отношения Империи и Княжества, стало почвой для постоянных придирок с австрийской стороны и подстрекательств с черногорской. Итогом этого противостояния было ухудшение военной ситуации на черногорской границе. Российские дипломаты констатировали: «В политическом отношении положение Черногории не изменилось к лучшему от перехода соседних с ней славянских земель — Боснии и Герцеговины — из рук варварской, но беспечной турецкой администрации к австрийцам. Последние умело и быстро распорядились крепко оцепить свою маленькую соседку рядом укреплений, накопить там массу военного материала, построить стратегические дороги по направлению к Черногории и, наконец, тщательно приучают отряды своих войск к действиям в горах»[46].

Таким образом, в конце XIX в. австро-черногорские отношения строились по принципу: «Хочешь мира, готовься к войне». Разница была только в том, что Австро-Венгрия укрепляла границу и готовила войска за свой счет, а Княжество старалось переложить эти издержки на Россию.

Франция и Великобритания были среди тех стран, которые поспешили установить официальные отношения с Княжеством и прислать своих представителей в Цетинье вскоре после Берлинского конгресса, однако не проявили особой активности в черногорских делах и не пытались оказывать на Николу какое-то особое давление. В конце XIX в. дипломаты двух этих держав больше наблюдали и анализировали, нежели предпринимали конкретные шаги. Даже женитьба престолонаследника Данилы на внучке королевы Виктории не изменила этой ситуации. Князь получил приглашение посетить Лондон в 1898 г., когда финансовая ситуация в стране была ужасающей. Понятно, что господарь надеялся получить материальную помощь, хотя официально об этом не говорилось. Встретили его наилучшим образом, но денег не дали.

[46] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 3.

inslav

Не трудно заметить сходство приемов и манеры поведения князя Николы в отношениях с иностранными партнерами. И с русскими, и с турками, и с англичанами он действовал по одной схеме: подчеркивал свою искренность и откровенность, погружал в тайные замыслы, доказывал, что план принесет явную пользу союзнику, старался изобразить себя надежным соратником, а у собеседников создать ощущение, что только от них зависит успех всего дела, что результаты превзойдут самые смелые ожидания. В действительности, это были манипуляции, за которыми стояла отчаянная нужда.

Увлечь по-настоящему и использовать по-крупному Николе удалось только Российскую империю, хотя и от остальных держав время от времени князь получал материальную и моральную поддержку. Однако это был иллюзорный успех. Манипулируя другими, Никола вступил на путь самообмана, убедив себя самого в том, что Черногория вправе рассчитывать на особое внимание великих держав. В конце XIX в. этот самообман толкал господаря на заключение непосильных займов, в начале XX в. привел к авантюре под Скадаром. Выиграв в вопросах тактики, Никола проигрывал стратегически, его держава становилась не сильнее, а слабее.

Еще одно направление внешней политики Черногории в конце XIX в. — отношения с балканскими странами, вышедшими из-под власти Османской империи и решавшими такие же жизненно важные задачи, какие решало Княжество. Сходство национальных целей, приблизительно одинаковый статус в международных делах, близость культур и языков, наконец, ограниченность внутренних ресурсов — все это делало балканские государства союзниками-соперниками. Именно так можно определить сложный характер сотрудничества близких соседей славян и неславян на Балканах. Они не могли обойтись друг без друга во внешней политике потому, что только вместе могли заставить великие державы прислушаться к себе, но были обречены на конкуренцию за внимание, поддержку, помощь европейских стран.

Установив дипломатические отношения, обменявшись официальными представителями, вынашивая планы совместных действий, направленные на окончательное вытеснение Турции с Балкан, соседи никогда не доверяли друг другу, интриговали и даже враждовали, не соглашались идти на уступки в вопросах установления границ, не могли избавиться от искушения навредить партнеру при первом удобном случае. Ярче всего такое состояние союзничества-соперничества проявилось в отношениях Черногории и Сербии.

Черногорская и сербская элиты охотно обращались к общему историческому прошлому, к истории державы Неманичей, чтобы подчеркнуть необходимость совместных действий на Балканах,

inslav

обосновать возможность создания в перспективе единой сербской монархии. Однако этот политический миф о неразрывной национальной связи «двух ветвей сербства» после Берлинского конгресса стал приносить больше вреда, чем пользы делу сближения двух стран. Постоянная нестабильность в Сербии, то скрытое, то явное соперничество Обреновичей и Карагеоргиевичей подпитывали самые смелые мечты Николы Петровича возглавить в будущем объединенное сербское государство. Все предпринимаемые им в отношении Сербии шаги делались именно в этом направлении. В 1883 г. был заключен брак Петра Карагеоргиевича, тогда всего-навсего политического эмигранта, и старшей дочери Николы Зорки. Господарь через российского представителя Шпейера «выразил надежду, что императорское правительство не заподозрит политических расчетов и задних мыслей в этом шаге». На донесении рукой министра иностранных дел Н. К. Гирса было приписано: «Дай Бог, чтобы это было так»[47].

Сомнения российского политика в бескорыстности черногорского монарха имели под собой достаточно оснований. На деле брак Петра Карагеоргиевича и Зорки был составной частью внешнеполитической стратегии Николы. Князь был достаточно дальновидным, чтобы до поры до времени скрывать свои замыслы, но слишком нетерпеливым, чтобы удержаться от последовательных действий в деле возвышения собственной династии.

Однако даже не династические амбиции Николы стали главным камнем преткновения в отношениях двух дворов. Коренная причина постоянного напряжения и враждебности сербских и черногорских правителей была банальной — они никак не могли договориться о разделе «турецкого наследства», о судьбе Старой Сербии. В конце XIX в. делались попытки наметить будущую границу между Княжеством и Королевством, закончившиеся полным провалом. Российский дипломат К. А. Губастов описал итоги пробных переговоров: «В апреле 1897 г. во время пребывания ... короля Александра в Цетинье, передавал мне сам князь Николай, однажды утром государи-братья заперлись в кабинете, положили на стол карту Старой Сербии, облобызались, перекрестились и приступили к проекту дележа достояния предков. Гость предоставил хозяину указать на карте свою будущую часть. Последний отделил ее красным карандашом, стараясь совершить раздел “по-братски”. Когда король увидел, что Призрен должен будет отойти к Черногории, наговорил князю таких дерзостей, что дальнейшее обсуждение раздела было тотчас же прекращено»[48].

---

[47] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1524. Л. 30.
[48] Там же. Д. 3363. Л. 46.

inslav

Как видим, идеи югославизма больше волновали общество, славянскую прессу, интеллигенцию. Они были идеалом, к которому стремились романтически настроенные интеллектуалы. Монархам же было гораздо важнее закрепить за собой как можно больше земель, максимально увеличить ресурсы собственной державы, чтобы преобладать над соседями и иметь решающий голос в балканских делах. Поэтому внешнеполитические осложнения начала XX в., связанные с Балканскими войнами, по большому счету, не были неожиданными для европейской дипломатии.

inslav

Пробуждение «албанского фактора» (1878–1908 гг.)

Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. сыграл ключевую роль в истории всех без исключения балканских народов. Однако особое значение его события имели для албанского национального движения, начало которого тесно связано с созданием в 1878 г. Албанской (Призренской) лиги. Она собралась в косовском городе Призрен на пике общебалканского кризиса и стала непосредственной реакцией на неспособность и нежелание великих держав найти эффективное и долгосрочное решение для албанского вопроса[1].

Делегаты Призренской лиги оперативно приняли программу, содержавшую такие пункты, как «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий» и «объединение всех населенных албанцами территорий в одну провинцию»[2]. Эксперты в целом сходятся во мнении, что данная программа «стала первым свидетельством того, что албанцы стремятся к территориальному объединению»[3]. Впрочем, еще за несколько лет до созыва Призренской лиги один из идеологов албанского движения, Пашко Васа Шкодрани (католик, занимавший в Османской империи пост губернатора Ливана), заявил, что «религией албанцев является албанизм»[4].

Впрочем, тогда о независимости Албании от Османской империи открыто говорили лишь наиболее радикальные представители албанского национального движения. В июле 1879 г. в южноалбанском городе Гирокастра открылось очередное общее собрание Призренской

---

[1] Речь идет именно о национально-политическом измерении албанского национального Возрождения. Что касается культурно-национальных, просветительских и других его аспектов, то их возникновение и становление относятся к более раннему периоду. В частности, согласно одной из концепций, «начало Албанского возрождения было положено деятельностью Наума Векилхарджи и его обращением к православным албанцам, которое, наряду с его первой публикацией в 1845 г., стало первым программным документом албанского национального движения. В нем Векилхарджи потребовал создания албанских школ и развития албанского языка в качестве первого шага к эволюции албанского народа бок о бок с другими балканскими народами» // См.: *Соколова Б.* Албански възрожденски печат в България. София, 1979. С. 11.

[2] *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. München, 1982. S. 18.

[3] Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana/Brussels, 2004. P. 3.

[4] *Искендеров П. А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 38.

inslav

лиги, на котором лидер радикального крыла албанского национального движения Абдюль Фрашери предложил на рассмотрение делегатов программный документ, на деле означавший, что Лига берет на себя функции временного правительства автономной Албании, располагающей собственной регулярной армией. За султаном, который должен был взять на себя обязательство защищать Албанию от внешней агрессии, оставлялось право назначать правителя албанского государственного образования, собирать ежегодную дань, а также получать в военное время в свое распоряжение ограниченный албанский воинский контингент. Деятельность Лиги распространилась не только на Албанию, но и на обширные территории Балкан, которые ее лидеры считали албанскими: сербское Косово, македонские Дебар и Скопье, греческую Янину. «Пусть все мы будем албанцами и создадим Албанию», — говорилось в обращении Абдюля Фрашери к участникам очередного съезда Албанской лиги в Призрене в январе 1881 г.[5].

Многие албанские авторы пытаются отрицать великоалбанский характер деятельности Лиги и подчеркивают, что ее вдохновители стремились к сохранению Османской империи. Албанские историки — в частности, К. Фрашери — выделяют «протурецкий» характер одного из главных требований делегатов Призренской лиги — «общего вилайета» для албанцев, как предусматривавшего сохранение Европейской Турции[6]. Однако ряд турецких исследователей — среди них С. Кюльдже — подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»[7].

10 июня 1878 г. — за три дня до открытия Берлинского конгресса — в косовском городе Призрен с участием 80 делегатов состоялось первое заседание всеалбанского учредительного собрания Албанской лиги (получившей в связи с этим свое второе название — Призренская)[8]. Среди делегатов преобладали крупные албанские феодалы, лидеры влиятельных местных кланов и представители мусульманского духовенства не только из Косово и Албании, но и из Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Новопазарского санджака, а также турецкие чиновники. Они приняли программу, написанную на турецком языке и озаглавленную «Карарнаме» («Книга решений»)[9].

Программа имела достаточно умеренный характер и включала в себя такие основные положения, как «безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану», «борьба до последней капли кро-

---

[5] Краткая история Албании. М., 1992. С. 194.
[6] *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 115.
[7] *Külce S.* Osmanli Tarihinde Arnavutlluk. Izmir, 1944. F. 250.
[8] *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 10.
[9] *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. S. 18.

inslav

ви против какой-либо аннексии албанских территорий», «объединение всех населенных албанцами территорий (Косовский, Битольский, Янинский и Скутарийский (Шкодринский) вилайеты. — *П. И.*) в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором», «придание албанскому языку официального статуса» и «введение национальной армии под командованием турецкого офицера»[10]. «Наша главная цель — сохранение самодержавных прав неприкосновенного его величества султана, нашего господина, — говорилось в одном из пунктов программы. — Поэтому все те, кто этому противится и мешает миру, те, кто стремится ослабить авторитет власти, те, кто этому помогает, будут рассматриваться как враги нации и родины, и если они не изменят свое мнение, и если они будут нападать на лояльных граждан империи, будут изгнаны из нашей страны»[11].

В программе подчеркивалось негативное отношение албанцев к планам территориальных приращений соседних балканских государств за их счет: «Имея перед глазами балканскую землю, мы не позволим ни за что, чтобы иностранные войска топтали нашу землю. За Болгарией мы не признаем даже имя. Если Сербия мирным путем не уйдет с бесправно занятых территорий, то мы пошлем против нее башибузуков (хакинджилеров) и будем стараться до конца занять те территории, и в том же ключе будем действовать против Черногории»[12]. Программа предусматривала и возможное территориальное расширение Лиги за пределы первоначально обозначенных районов: «Представители других районов, которые хотят присоединиться к Лиге, будут охотно приняты, и мы их внесем в список Лиги как друзей власти и страны»[13]. Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения[14].

Особое место в документе заняли и вопросы веры: «На основе высокого религиозного закона Шариата мы будем защищать, как наши жизни, богатство и честь немусульманских религиозных объединений, которые хотят, чтобы правило добро и по законам; но против всех, кто мешает миру, будем бороться в зависимости от условий и места»[15].

Кроме того, участники заседания потребовали от османских властей организовать в Албании систему национальных школ, обучение в которых велось бы на албанском языке с использованием латинско-

---

[10] *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. S. 18.

[11] Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том первый (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 40.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London–New York, 1995. P. 33.

[15] Ibidem.

inslav

го алфавита. Ведь к 1878 г. даже в культурных «столицах» населенных албанцами земель — в Гирокастре, Берате и Влере — отсутствовали школы с преподаванием на албанском языке, в отличие от турецких и греческих. Еще одним решением первого заседания Призренской лиги стало требование к турецким властям предоставить албанцам частичный контроль над местными финансами[16].

Одновременно делегаты направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывавшегося 13 июня 1878 г.), а также Порте и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание на вышеуказанных положениях. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Б. Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами»[17]. В Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери. Кроме того, в Лондоне, Париже и Берлине были распространены петиции с изложением требований Призренской лиги.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось принять участие в работе европейского форума, наравне с представителями их балканских соседей, и даже хотя бы добиться включения в повестку дня обсуждения албанского вопроса. Великие державы отрицали сам факт существования албанской нации (фраза «Албанская нация не существует» принадлежала председательствовавшему на Конгрессе германскому канцлеру О. Бисмарку[18]) и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия.

И хотя решение Берлинского конгресса о сокращении территории Болгарии, предусмотренной Сан-Стефанским прелиминарным договором, объективно было позитивным для Албании (тем самым район города Корча оставался в составе Османской империи), документы, подписанные в германской столице, предполагали передачу Черногории, помимо Бара и Подгорицы, двух городов со смешанным албано-славянским населением — Плава и Гусинье, а Греции — значительной части Эпира, в том числе и районов с преобладающим албанским населением. Афинский корреспондент лондонской газеты «Таймс» сообщал о том значении, которое греческое руководство придавало «албанскому направлению» своей внешней политики,

[16] Подробнее см.: *Стојановић Ђ. Р.* Живети с геноцидом: Хроника косовского бешчашћа 1981–1989. Београд, 1990. С. 47–48.

[17] *Skendi S.* The Albanian National Awakening (1878–1912). Princeton, 1967. P. 45.

[18] *Castellan G.* L'Albanie... P. 10.

inslav

рассматривая присоединение города Янина в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» Албании[19]. Соответствующие карты широко распространялись как в самой Греции, так и в других европейских странах[20].

Впрочем, аналогичные великодержавные программы разрабатывались и в других столицах региона. Более того, «концепция “великой страны”, занимавшая постепенно господствовавшее место во внешнеполитических ориентирах балканских государств, уже была чревата межгосударственными конфликтами, несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником — Османской империей»[21].

2 июля 1878 г. состоялось второе общее собрание Албанской лиги, на котором в числе основных обсуждались вопросы организации защиты албанских земель от их передачи под чужеземное господство. На основании принятых на нем решений, в северных областях Албании создавались вооруженные албанские отряды, призванные оказать сопротивление передаче присужденных Черногории и другим балканским странам земель, — в том числе в Плаве, Гусинье, Шкодере, Призрене, Превезе и Янине. Был принят Статут Лиги, которая приобрела официальное название «Албанская», и был избран новый состав Генерального совета. Во главе этого органа остался богатый феодал из Дибры (Дебара) Ильяз-паша Дибра, однако в его составе усилилось влияние патриотических сил. Одно из положений Статута подтверждало решение Албанской лиги о формировании вооруженных подразделений «для защиты албанских территорий», причем, предусматривалось провести в этих целях в случае необходимости «мобилизацию всех мужчин, которые способны носить оружие»[22]. Именно принятие Статута считается обретением Албанской лигой юридической базы «для постепенного оформления в рамках османского государства албанской автономии», поскольку «у албанцев впервые появился орган защиты военным и дипломатическим путем их национальных прав»[23].

Правда, турецкие власти и на этом этапе деятельности Лиги видели в албанцах своих естественных союзников в борьбе против диктата великих держав и нарушения территориальной целостности империи. Часть делегатов Призренской лиги во главе с представителем

---

[19] *Vickers M.* The Albanians… P. 38.

[20] *Peckham R. Sh.* Map Mania: Nationalism and the Politics of Place in Greece, 1870–1922 // Political Geography. 2002. Vol. 19. № 1.

[21] *Улунян Ар. А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. — 90-е гг. XX вв. М., 1998. С. 78.

[22] Краткая история Албании… С. 176.

[23] Там же.

inslav

Тетово Шейхом Мустафой Рухи Эфенди призывали своих коллег открыто заявить о том, что они «во-первых и прежде всего оттоманы, а уже затем албанцы». Константинополь также снабжал албанцев оружием и боеприпасами. В этой связи справедливыми представляются слова британской исследовательницы М. Виккерс, указывающей, что «одним из главнейших препятствий на пути культурного, национального и политического прогресса албанцев являлся продолжавшийся отказ оттоманской администрации признать, что албанцы — не турки, а особый народ с собственной отчетливой идентичностью. Обращение большого количества албанцев в ислам, а также предоставляемая им Портой безопасность против славян и греков окончательно способствовали тому, что они скорее отождествляли себя в целом с оттоманскими турками, нежели осознавали специфические албанские идеалы и цели. Таким образом, сама природа оттоманского правления отсрочила появление албанского национального самосознания и последующего национального движения и привела к тому, что албанцы стали последней балканской нацией, обретшей свою независимость от Оттоманской империи»[24].

В конце сентября 1878 г. радикальное крыло Албанской лиги, попрежнему группировавшееся вокруг Стамбульского комитета, разработало и приняло новую программу этого общеалбанского объединения, имевшую более радикальный характер по сравнению с предшествовавшей[25]. Ее основные положения были опубликованы 27 сентября на страницах редактируемой одним из активистов албанского национального движения Сами Фрашери стамбульской газеты «Терджюман-и Шарк» («Рупор Востока») и включали в себя следующие пункты:

«1. Его Величество Султан должен защищать все права албанцев и не допустить, чтобы хоть одна частичка территории албанских областей была передана их соседям или другим народам, с которыми они граничат.

2. Все албанские области, в частности, Шкодринский и Янинский вилайеты, должны соединиться в единый вилайет, так называемый «Албанский вилайет»; в его собственной среде должен быть выбран и назначен честный, способный и ученый вали, знающий страну, положение, обычаи и менталитет данного народа.

3. Официальные лица административной и судебной сфер, которые находились бы на службе в данном вилайете, должны знать язык страны, понимать проблемы и требования, которые выдвигает народ; на официальную службу необходимо назначать тех, кто может говорить с местными жителями без переводчика.

---

[24] *Vickers M.* The Albanians… P. 31.

[25] *Pollo S., Puto A.* The History of Alania. London, 1981. P. 125.

inslav

4. Не принимая во внимание религиозные и имущественные различия, демократическим и равноправным образом необходимо провести выборы пленарных советов таким образом, чтобы население нахий выбирало бы пленарные советы нахий, пленарные советы нахий — пленарные советы казы, пленарные советы казы — пленарные советы Санджака, одновременно из состава этих советов избиралась бы Национальная ассамблея.

5. Каждый год Ассамблея проводила бы свои рабочие двухмесячные сессии в столице вилайета. Из числа избранных членов создавался бы Совет, выполняющий национальные требования, рассматривал вопросы улучшения существующего положения и выносил несправедливости и упущения, допущенные чиновниками, на рассмотрение Национальной ассамблеи и представителя правосудия, если речь идет о подсудном деле. В этом случае судебный процесс над подобными чиновниками осуществлялся бы в рамках Национальной ассамблеи, а принятое решение приводилось бы в исполнение центральным правительством.

6. Вилайет поддерживал бы с Высокой Портой почтовую и телеграфную связь, а также вел переговоры на официальном османском языке, в то время как албанский язык использовался бы и применялся бы в суде, на встречах, заседаниях, в школах и гимназиях низшего уровня, которые уже существуют в областях Албании, и в тех, которые будут основаны позднее. Турецкий язык использовался бы лишь в некоторых областях знаний и наук — там, где без этого нельзя обойтись. Почтовая служба, делопроизводство и обучение будут осуществляться на албанском языке, а из доходов вилайета, образующих прибыль, будет выделяться достаточно средств для развития науки и образования.

7. Вне зависимости от религиозных различий, все албанцы должны принять участие в организации и создании национальной армии, которая, несомненно, насчитывала бы свыше двухсот тысяч военнослужащих. Для этой элитной армии, которая будет создана, существовали бы особые военные правила, а к ее подготовке и обучению были бы привлечены офицеры из иностранного государства»[26].

Многие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают в этой связи трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги — о создании общего вилайета для албанцев — как исходившее из сохранения Европейской Турции и потому носившее «протурецкий» характер[27]. Однако многие турецкие исследователи (среди них — С. Кюльдже) подчеркивают, что цели и деятельность

[26] Цит. по: *Hasani S.* Kosovo. Istine i zablude. Zagreb, 1986. S. 284–285.
[27] *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 115.

inslav

Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»[28].

Представляется, что более обоснованной и взвешенной является точка зрения российского исследователя Г.Л. Арша, характеризующего рассматриваемый документ следующим образом: «Это первая в истории албанского национально-освободительного движения развернутая программа политической автономии Албании»[29]. Аналогичную оценку в 1878 г. дала принятой программе российская газета «Голос», подчеркнувшая, что Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»[30].

При этом не следует недооценивать не только конфессиональную и племенную, но и социально-экономическую разобщенность внутри албанского лагеря. Жители северных горных районов Албании традиционно пользовались большей степенью автономии в системе Османской империи, и потому «централизаторская политика Порты возмущала их больше, нежели южан»[31]. С другой стороны, тех и других объединяло стремление воспрепятствовать передаче их земель соседним государствам — Черногории и, возможно, Сербии на севере и северо-востоке и Греции — на юге. Что же касается крупных землевладельцев Центральной Албании, то они менее всего были склонны поддерживать радикальные национальные требования Призренской лиги. Во-первых, они не опасались за свои земли, а во-вторых — имели более широкое «представительство» в высших структурах иерархии Османской империи. Как справедливо указывала в этой связи российский албанист Ю.В. Иванова, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным»[32].

Весной 1879 г. деятельность Призренской лиги первый раз сыграла активную международную роль. Это произошло после того, как в городе Превеза с 6 февраля 1879 г. начались греко-турецкие переговоры по вопросу территориального разграничения между двумя странами. Положение об их проведении было прописано в решениях Берлинского конгресса, предусматривавших передачу Греции Турцией Фессалии и значительной части Эпира, включая населенную

---

[28] *Külce S.* Osmanli Tarihinde Arnavutlluk. Izmir, 1944. F. 250.

[29] Краткая история Албании… С. 179.

[30] Голос. 29.09.1878.

[31] *Vickers M.* The Albanians… P. 34.

[32] *Иванова Ю.В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г., Санкт-Петербург. СПб., 1999. С. 24.

inslav

албанцами область Чамерия. Эти планы встретили противодействие со стороны Албанской лиги, которая в январе 1878 г. провела в Превезе свое заседание и постановила провести всеобщую мобилизацию и оказать вооруженное сопротивление в случае попыток реализации вышеупомянутого решения Берлинского конгресса.

Руководство Османской империи было хорошо осведомлено о позиции албанцев и использовало ее в своих интересах. В марте греко-турецкие переговоры были прерваны по инициативе Константинополя, объяснившего свой шаг опасениями албанского восстания. Руководство Албанской лиги, со своей стороны, решило объяснить великим державам собственный подход к проблеме греко-турецкого разграничения и, в частности, отказ от передачи Эпира Греции. В конце марта 1879 г. Абдюль Фрашери вместе с Мехметом Али Вриони, другим видным деятелем албанского национального движения, посетили, помимо Константинополя, все ведущие европейские столицы, за исключением Санкт-Петербурга, — Рим, Париж, Лондон, Берлин и Вену. Албанские деятели стремились ознакомить правительства и общественность великих держав (в своем подавляющем большинстве рассматривавших Албанскую лигу в качестве творения и политического инструмента турецких властей) с национальными интересами и требованиями албанцев[33]. Они в сжатом виде были изложены в меморандуме, переданном европейским правительствам. В документе, в частности, говорилось: «Албанцы сохранили свою родину, свой язык и свои нравы, отразив в варварские времена нападения римлян, византийцев и венецианцев. Как можно допустить, чтобы в век просвещения и цивилизации нация, столь храбрая и столь привязанная к своей земле, была принесена в жертву, отдана без каких-либо законных оснований алчному соседу?»[34]

Однако в своей аргументации и требованиях делегаты Албанской лиги пошли дальше и поставили вопрос о принадлежности Албании не только Чамерии, но и всего Эпира, включая города Превеза, Янина и Арта как важные экономические и военно-стратегические центры. К тому времени провинция Эпир включала в себя четыре санджака — Берата, Гирокастры, Янины и Превезы. А район, который албанцы называли «Чамерия» (или «Южная Албания»), греки именовали «Северный Эпир». В качестве одного из аргументов авторы меморандума ссылались на понимаемое весьма «расширительно» историческое право: «Албанский народ более древний, чем греческий народ; известно, что в старину Эпир был одной из составных

[33] В ходе этой поездки албанские делегаты имели беседы, в частности, с такими видными политическими деятелями тогдашней Европы, как министры иностранных дел Англии и Франции Р. Солсбери и В. Ваддингтон, а также глава итальянского кабинета А. Депретис.

[34] Цит. по: Краткая история Албании. С. 181–182.

inslav

частей Албании, и никогда греки в какой-либо мере не владели этой страной»…[35] Впрочем, с географической точки зрения, эта концепция имела право на существование в той ее части, что Эпир и Фессалия существовали обособленно: центр Эпира, город Янина, был отделен от Фессалийских пределов горным хребтом Пиндус. С этнической же точки зрения ситуация была намного сложнее. Как свидетельствовали посещавшие данные районы европейцы, «вся страна тосков (жители Южной Албании. — *П.И.*) находилась под сильным влиянием Греции, но еще труднее сказать, является ли Эпир греческим, — или же Северо-Западная Греция является албанской».

Тем временем развитие албанского национального движения в рамках Призренской лиги шло по нарастающей. Дополнительным катализатором этого процесса стал обнародованный летом 1879 г. отказ султана пойти навстречу требованиям албанцев об образовании единого албанского автономного вилайета. Он сослался при этом на вышеуказанные положения Берлинского трактата, предусматривавшие проведение в Османской империи ограниченных административных реформ в рамках существовавшей территориально-государственной структуры.

Данный шаг Константинополя ознаменовал собой фактический раскол между албанским национальным движением в рамках Призренской лиги и турецкими властями. В сложившейся ситуации отделения Лиги стали по собственной инициативе организовывать на местах албанские административные и судебные органы, что привело во многих районах к фактическому двоевластию албанских и турецких структур. Албанское население отказывалось платить налоги Константинополю и вступало в национальные вооруженные отряды. К этому времени подчинявшиеся Призренской лиге вооруженные албанские формирования насчитывали не менее 16 000 человек. Особого накала противостояние комитетов Албанской лиги и турецких властей достигло в Призрене, Дебаре, Джяковице и Люме, где оно подчас принимало вооруженный характер. Как сообщал российский генеральный консул в Салониках М.К. Ульянов, албанские органы власти — в частности, в Дебаре — фактически осуществляли судебные и полицейские функции: «Здесь члены лиги строго преследуют разбойничество и убийства, приговаривая нередко преступников к смертной казни или сожжению домов и имущества их, тогда как турецкое правительство в своих провинциях никоим образом не может прекратить разбойничество и обеспечить жизнь мирных селян»[36].

---

[35] Цит. по: Краткая история Албании. С. 182.
[36] Там же. С. 184.

inslav

23 июля 1880 г. в южноалбанском городе Гирокастра открылось очередное общее собрание Призренской лиги, на котором лидер радикального крыла албанского национального движения Абдюль Фрашери предложил на рассмотрение делегатов из всех албанских областей еще более радикальный программный документ. Он на деле означал, что Лига берет на себя функции временного правительства автономной Албании, построенной на принципах равенства и гражданских свобод и располагающей собственной регулярной армией. За султаном, который должен был взять на себя обязательство защищать Албанию от внешней агрессии, оставлялось право назначать правителя албанского государственного образования, собирать ежегодную дань, а также получать в военное время в свое распоряжение ограниченный албанский воинский контингент. Данная программа была в целом одобрена делегатами общеалбанского собрания, однако под давлением более умеренной их части ее реализация была поставлена в зависимость от возникновения ситуации, когда Османская империя подвергнется внешней агрессии и не сможет ей эффективно противостоять.

Тем временем отношение турецких властей к проблеме реализации решений Берлинского конгресса относительно территориального разграничения с соседними государствами претерпевало изменения. Испытывая все возраставшее давление со стороны европейских держав и понимая нежизнеспособность Османской империи в условиях внешнеполитической изоляции и возможных военно-силовых акций, султанское правительство решило форсировать выполнение наложенных на него обязательств. Это вынуждало Константинополь идти на конфликт с Албанской лигой. В начале декабря 1879 г. в Призрен прибыла очередная турецкая военная миссия во главе с губернатором Битольского вилайета Ахмедом Мухтар-пашой с тем, чтобы обеспечить, наконец, передачу Черногории округа с городами Плав и Гусинье.

Однако решительные действия албанцев, заблокировавших продвижение турецких отрядов, в очередной раз сорвали планы «цивилизованной» Европы и Османской империи. Более того, подчинявшиеся Призренской лиге албанские вооруженные отряды нанесли 8–10 января 1880 г. в районе сел Велика и Пепич тяжелое поражение черногорским войскам, попытавшимся явочным порядком оккупировать присужденные Черногории Берлинским конгрессом области.

В этих условиях правительства и дипломаты великих держав признали необходимым внести коррективы в уже подписанные ими договоренности. 18 апреля 1880 г. посланники европейских государств в Константинополе по инициативе итальянской стороны договорились о передаче Черногории вместо Плава и Гусинье североалбанс-

inslav

ких горных округов Хот и Груда к северо-востоку от Шкодера, жители которых исповедовали католицизм. И вновь попытки перекроить политическую карту Балкан без учета исторических и национальных реалий натолкнулись на решительное противодействие «несуществующей» (по мнению Европы) нации, в очередной раз получившей тайное содействие со стороны турецких властей, передавших албанским отрядам оружие и боеприпасы и позволивших им занять оборонительные позиции турецкой армии.

Так произошло, в частности, в городе Тузи, расположенном в районе, подлежащем передаче Цетинье. Турецкие власти 22 апреля 1880 г. позволили албанским отрядам занять этот стратегически важный пункт до подхода черногорских войск, оставив им также оружие и боеприпасы, включая пушки. Организацию обороны Тузи взяли на себя Шкодринский комитет Призренской лиги, а также руководство племенного военно-политического союза Горной Малесии, в состав которого входили Хот и Груда. К маю общая численность оборонявших район Тузи албанских отрядов достигла 12 тыс. человек, включая отряды албанского племени мирдитов во главе с Пренком Биб Додой — будущим министром в правительстве князя Албании Вильгельма Вида «образца» 1914 г.

В сложившейся ситуации в июне 1880 г. Великобритания и Австро-Венгрия убедили своих коллег по «клубу великих держав» «окончательно» пересмотреть свое же предыдущее «окончательное» решение. Теперь разменной картой в большой европейской политике стал населенный преимущественно албанскими мусульманами стратегически важный портовый город Улцинь (Дульциньо) вместе с прилегающей к нему территорией, а исполнителями — турецкие войска под командованием Дервиш-паши. А чтобы турецкое руководство на сей раз не помышляло о «двойной игре», великие державы пригрозили ему оккупацией важнейшего порта Смирна (Измир).

В результате штурма Улциня, осуществленного значительно превосходящими по численности турецкими силами 22 ноября 1880 г., героическое сопротивление защищавшего город по распоряжению Шкодринского комитета Призренской лиги вооруженного албанского отряда под командованием Юсуф-аги Соколы было подавлено, 23 ноября в город вошли турецкие войска, а 26 ноября в него были беспрепятственно пропущены черногорские силы. Несмотря на такой исход, албанская историография традиционно трактует все события во взаимоотношениях Черногории и албанцев в 1878–1881 гг. как «войну между Черногорией и Албанской лигой Призрена», вызванной «территориальными претензиями Черногории в отношении Албании»[37].

[37] *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 274.

inslav

Действительно, за период 1878–1880 гг., то есть уже после завершения работы Берлинского конгресса, черногорская территория увеличилась вдвое. Она получила стратегически важные выходы на Адриатическое море через портовые города Бар и Улцинь, и в целом «Черногория использовала ситуацию, возникшую «вследствие ослабления объятий Оттоманской империи на Балканах»[38].

Вошла в состав Черногории и ее нынешняя столица — город Подгорица, хотя его население тогда было лишь на треть черногорским, а на две трети — албанским. Вот как описывал албано-черногорские коллизии британский исследователь Эдвард Найт, посетивший спорные районы как раз летом 1879 г. и сетовавший на плохое знание европейскими политиками и дипломатами «подлинной» Албании: «У Албании — больное имя, данное ей теми, кто ее не знает. Она — “козел отпущения” Адриатики, причина всех затруднений здесь, о которых только и говорят. Черногория, с другой стороны, пользуется высокой репутацией. Субсидируемая или подкупаемая державами и являющаяся их же любимицей, она играет хорошую игру и содействует представлению, что она является более добродетельной и цивилизованной, чем ее соседка, чью территорию она после этого страстно желает получить. У несчастного албанца нет своего князя Николы, его грабит так называемое правительство Турции в те моменты, когда оно достаточно сильно, чтобы любым путем навредить ему, у него нет друзей, но зато он окружен хитрыми врагами, голодными до его земель»[39].

Неудивительно, что Э. Найт весьма критически оценивал решение Берлинского конгресса о передаче Черногории албанонаселенных районов: «Представлялось подходящим делом передать ей округа и села, населенные наиболее фанатично настроенными мусульманами Албании. Результатом этого станут кровопролитие и будущие проблемы, которые мог бы предсказать любой, знающий эту страну»[40]. Впрочем, и сохранение турецкой власти британский автор оценивал весьма критически — по причине ее фактического отсутствия: «Позиции правительства (Османской империи. — *П.И.*) здесь очень слабы, его не боятся и не уважают, а всего лишь терпят. Албания находится в состоянии “позитивной анархии”, жандармерия бастует, солдаты отказываются отдавать честь своим офицерам, месяцами не получая жалования, в то время как местные жители открыто и беспрепятственно проводят мятежные собрания в мечетях в гарнизонных городах, во время которых бесстрашно выступают за восстание против Порты. Нигде в других районах условия для Порты не

[38] *Morrison K.* Montenegro. A Modern History. London–New York, 2009. P. 28.
[39] *Knight E.* Albania, A Narrative of Recent Travel. London, 1880. P. 84–85.
[40] Ibid. P. 68.

inslav

являются более отвратительными, а ее абсолютная беспомощность — более заметной, чем здесь»…[41].

Убедившись на собственном опыте в решимости албанцев отстаивать свои интересы, правительство Османской империи еще до силового решения вопроса об Улцине заняло более жесткую позицию и в вопросе о греко-турецком разграничении. Оно отклонило коллективную ноту, подготовленную состоявшейся в июне 1880 г. в Берлине конференцией послов великих держав и включавшую подтверждение положения Берлинского трактата о передаче Греции Фессалии и Северного Эпира. Основными поборниками интересов Афин на данной конференции стали Великобритания и Франция, предложившие «провести новую греческую границу от горного массива Олимп на востоке до реки Каламас на западе с включением в состав ее новых владений города Янина»[42]. В своей ответной ноте Константинополь указал 26 июля, что изменение государственной юрисдикции областей, населенных албанцами (в том числе Чамерии и Янины), неминуемо вызовет серьезные внутриполитические осложнения в Османской империи. Это привело к резкому обострению отношений между Турцией и Грецией, вновь оказавшихся на грани войны: греческая армия даже провела мобилизацию.

Тем не менее, хотя «Берлинская конференция оказалась для Греции более удачной, чем конгресс 1878 г.», греко-турецкое разграничение вновь застопорилось. Негативную роль для Афин сыграло изменение внутриполитической ситуации во Франции и рост противоречий между Парижем и Лондоном[43]. Однако напуганная ростом албано-турецких противоречий и все более активной деятельностью Призренской лиги Высокая Порта вскоре по своей инициативе согласилась на передачу Греции всей Фессалийской области, а не только ее южных областей (что предполагалось ранее), в обмен на сохранение в своем составе большей части Эпира (исключая округ Арта). Соответствующее решение было озвучено турецкой делегацией на состоявшейся в марте 1881 г. конференции послов великих держав в Константинополе, посвященной вопросам греко-турецкого разграничения. Как сообщал британский посол в Османской империи Дж. Гошен, «турки согласились на уступку Фессалии (которую Греции ранее так и не удалось взять под военный контроль. — *П.И.*) с целью сохранить Эпир и покончить с албанским вопросом, который, как я неоднократно сообщал, беспокоит их больше, чем какое-либо дав-

[41] *Knight E.* Albania, A Narrative of Recent Travel. London, 1880. P. 117.
[42] *Улунян Ар. А.* Политическая история современной Греции… С. 78–79.
[43] Там же. С. 79.

inslav

ление со стороны шести держав»[44]. Правда, несмотря на все усилия британской дипломатии, ей не удалось заставить Османскую империю передать Греции Превезу.

В конечном итоге, греко-турецкая конвенция по территориальным вопросам была подписана сторонами в Константинополе 2 июля 1881 г.

В октябре 1880 г. на состоявшемся в городе Дебар очередном общем собрании делегатов Албанской лиги произошел принципиальный раскол. Группа радикалов во главе с Абдюлем Фрашери в количестве около 130 человек призвала добиваться реализации положений программы широкой автономии Албании, принятой в Гирокастре. Немного превосходившая ее по численности группа умеренных делегатов (около 150 человек) поддержала резолюцию об обращении к турецкому правительству с просьбой о предоставлении албанским землям ограниченной автономии. Обе группы потребовали создания отдельного албанского вилайета. Наконец, небольшая группа участников форума — примерно 20 делегатов — была против какой-либо автономии в принципе, выступив с позиций сохранения в неприкосновенности существующего административно-территориального устройства Османской империи.

Однако в Константинополе отказались даже обсуждать направленные туда резолюции, а султан Абдул-Хамид II заявил о полной неприемлемости образования отдельного албанского вилайета, назвав сторонников указанной идеи «опаснейшими врагами» Османской империи и пригрозив им репрессивными мерами[45]. В ответ по призыву Абдюля Фрашери в Призрене в январе 1881 г. состоялся чрезвычайный албанский съезд, собравший сторонников радикального крыла Лиги. На нем был пересмотрен состав его Генерального совета, который теперь объединял в своих рядах исключительно сторонников широкой албанской автономии, а Национальный комитет Призренской лиги, возглавлявшийся Юмером Призрени, был наделен правительственными полномочиями. В своей речи перед делегатами съезда Абдюль Фрашери заявил, в частности, следующее: «Порта ничего не сделает для албанцев. Она относится к нам и нашим меморандумам с величайшим презрением. Порта не предприняла ничего для того, чтобы уничтожить в албанских районах старый порядок вещей и огромную нищету, и, возможно, под давлением Европы откажется от части Албании… Давайте думать о себе и работать для себя. Пусть не будет разногласий между тосками и гегами (этнические группы албанцев, населяющие соответственно южные и северные районы страны. — *П.И.*), пусть все мы будем албанцами и создадим Албанию»[46].

---

[44] Цит. по: Краткая история Албании… С. 193.
[45] Там же. С. 194.
[46] Там же.

inslav

С этого времени вооруженные отряды, подчинявшиеся сформированной верховной албанской власти, перешли к активным боевым действиям непосредственно против турецких войск, в том числе в Косовском вилайете, Дебарском санджаке и в Македонии, где им удалось занять основные центры, включая города Дебар и Скопье (Ускюб). Однако попытки Лиги распространить вооруженную освободительную борьбу на другие албанские земли окончились неудачей. Шкодринский комитет Албанской лиги был разгромлен сразу после падения Улциня, а Янинский комитет занимался исключительно вопросами обеспечения выгодного для албанцев греко-турецкого разграничения в условиях отсутствия между Афинами и Константинополем формального соглашения[47].

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев, во главе которого встал печально известный своими карательными экспедициями против албанских повстанцев Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабоорганизованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено в генеральном сражении у села Штимле; в том же месяце под контроль турецких властей перешел Скопье. В конце апреля 10-тысячная турецкая армия взяла штурмом Призрен, а вскоре восстановила контроль над остальными районами Косово. На всей территории, населенной албанцами, осуществлялись массовые репрессии против участников национального движения и депутатов Призренской лиги. Лидер ее радикального крыла Абдюль Фрашери был схвачен в районе албанского города Эльбасан и переправлен в Призрен, где был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной пожизненным заключением.

Однако Дервиш-паше (остававшемуся со своими войсками в Албании вплоть до конца 1881 г.) удалось «умиротворить» лишь население городов и сел, расположенных на равнинной местности. Горные территории по-прежнему оставались вне досягаемости османских правителей. Это вынудило некоторых европейских дипломатов все-таки задуматься о новых моделях обустройства албанских земель. В частности, этот вопрос был поднят британским секретарем по иностранным делам графом Гренвилем в депеше на имя британского посла в Константинополе Дж. Гошена от 2 октября 1880 г. По его словам, правительство Османской империи уже было проинформировано о том, что ряду районов Северной Албании «может быть гарантирована определенная форма местного самоуправления»[48].

---

[47] Соответствующая двусторонняя конвенция была в итоге подписана лишь 2 июля 1881 г. — после военного разгрома Призренской лиги.

[48] *Chekrezi K.* Albania… P. 55.

inslav

Разгром турецким правительством Призренской лиги ознаменовал собой начало нового этапа в истории албанского национального движения, которое отныне было тесно связано с Косово. Как справедливо указывает К. Фрашери, «Албанская лига Призрена в качестве патриотической организации, действовавшей в условиях Восточного кризиса в 1870-е годы, идентифицировала себя в качестве национального албанского движения», в связи с чем ее деятельность «развивалась в рамках политической, общественной и культурной триады»[49].

Одновременно одобренная Берлинским конгрессом оккупация Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии стала водоразделом и в косовской политике Сербии, поставив воссоединение этих территорий во главу угла ее внешнеполитического курса. На международном уровне этот поворот был закреплен посредством секретного политического договора, заключенного 28 июня 1881 г. с Австро-Венгрией. Через этот документ Сербия заручилась поддержкой своих планов территориального расширения в южном направлении («в направлении долины Вардара»[50] — что охватывало как Косово, так и Македонию) взамен от своего отказа от претензий на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Первым конкретным шагом на пути реализации нового плана стало открытие в 1889 г. ряда сербских консульств в европейских областях Османской империи, приуроченное к 500-летию битвы на Косовом поле. Особая роль среди этих дипломатических представительств отводилась консульству в Приштине[51].

До начала XX в. ситуация в Косово не претерпела серьезных изменений. После разгрома Призренской лиги центр албанского национального движения переместился за границу — в те страны и города, где имелись многочисленные албанские колонии, прежде всего в Константинополь, Софию, Бухарест, Южную Италию, Египет[52]. Особо благоприятные условия для албанского национального движения в эмиграции были в Италии, во-первых, вследствие существования в этой стране значительной прослойки так называемых итало-албанцев — потомков 200 тыс. албанских эмигрантов, покинувших свою страну в XV в., после подавления турецкими властями восстания Скандербега, нашедших убежище в Неаполитанском королевстве, на

---

[49] *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare… F. 419.

[50] *Petrovich M. B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. New York and London, 1976. P. 273.

[51] *Перуничић Б.* Писма српских конзула из Приштине 1890–1900. Београд, 1985. С. 14.

[52] Активная деятельность албанских землячеств в различных странах — прежде всего в Италии, Турции, США, не говоря уже о балканских государствах, — продолжается и в настоящее время. Что же касается данных о количестве албанцев, проживающих за пределами современных границ Албании, то, как отмечалось в 1976 г. на Национальной конференции этнографических наук в Тиране, оно составляло на то время около 5 млн человек // *Castellan G.* L'Albanie... P. 19.

inslav

Сицилии и особенно в Калабрии и на протяжении веков сохранявших и развивавших родной язык и родную культуру, а во-вторых — благодаря моральному и материальному покровительству премьер-министра Ф. Криспи, тоже итало-албанца по своему происхождению. Так, в 1900 г. в Неаполе при местном Восточном институте была открыта кафедра албанского языка и литературы[53].

Ключевая роль в развитии албанского движения в Соединенных Штатах Америки принадлежала священнику Фану Стилиану Ноли (1882–1965), который в 1906 г. прибыл из Египта в американский штат Массачуссетс по призыву местного албанского землячества, ведшего борьбу за церковную автономию против местного греческого духовенства. 8 марта 1908 г. архиепископ Русской православной церкви в США посвятил 26-летнего Фана Ноли в сан священника. В результате юрисдикция греческой Патриархии в Константинополе была заменена формальным главенством Русской православной церкви в США; однако фактически албанская церковь пользовалась широкими суверенными правами, главным из которых было право использования албанского языка в церковных литургиях[54].

В 1884 г. Наим Фрашери основал албанское периодическое издание «Дрита» («Свет»), а через два года подготовил целый ряд сочинений, рассматривавшихся им в качестве учебников по истории, географии и другим наукам для будущих албанских школ. Первая из них — частная албанская школа для детей как из мусульманских, так и православных семей[55] — была открыта по инициативе Наима и Сами Фрашери в Корче в 1887 г.; вслед за ней албанские школы появились также в городах Эльбасан, Влера, Тирана и в ряде деревень[56].

Продолжавшие же действовать на косовской территории албанские объединения перешли к решению культурно-национальных задач. Это относилось, в частности, к Печской лиге, созданной в городе Печ в январе 1899 г. одним из активистов Призренской лиги Хаджи Зекой. Благодаря его стараниям, деятельность новой Лиги также стала приобретать политический характер под лозунгом предоставления автономии албанонаселенным районам Балкан[57]. В течение последующих месяцев в других районах Османской империи,

---

[53] *Castellan G.* L'Albanie... P. 11.

[54] Ibidem.

[55] Ibidem.

[56] *Norris H. T.* Islam in the Balkans. University of South Carolina Press. Columbia, S.C., 1993. P. 164, 166; *Reti Gy.* Mit kell tudni Albaniarol? Kossuth Konyvkiado. Budapest, 1981. F. 30.

[57] Вопросам территориальной целостности и неприкосновенности албанских земель отводилось первоочередное место в документах, принятых Лигой, в отличие от требований и путей достижения албанцами автономии, по которым участникам форума не удалось прийти к взаимному согласию вследствие противостояния между радикальными и консервативными элементами.

inslav

населенных албанцами, проходили собрания в поддержку решений, принятых в Пече, кое-где учреждались местные органы власти, замещавшие турецкую администрацию, и даже вооруженные отряды. Однако деятельность Лиги не приобрела столь необходимый ей для успеха албанского национального движения общеалбанский характер из-за исторически существовавшей разделенности албанцев по географическому, культурно-национальному и религиозному признакам. Турецким властям, использовавшим метод «кнута и пряника», попеременно проводя военные карательные экспедиции и подкупая крупных албанских феодалов денежными суммами и высокими государственными должностями, удалось подавить разрозненные и неорганизованные выступления албанцев.

В 1900 г. Печская лига была распущена по требованию Константинополя, а сам Хаджи Зека в 1902 г. был убит в результате покушения. По албанской версии, его осуществил «сербский агент» при поддержке властей Османской империи[58].

Сама Сербия в это время переживала серьезные внутриполитические трудности, объективно ограничивавшие ее возможности проводить активную внешнюю политику. Что же касается великих держав, то они, продолжая политику поддержания статус-кво на Балканах, после разрешения вопроса о территориальном разграничении между балканскими государствами на основе решений Берлинского конгресса на какое-то время перестали открыто проявлять интерес к албанским делам.

В частности, они оставили без ответа меморандумы, содержавшие проекты будущего государственного устройства албанских земель, которые в период обострения македонского вопроса и греко-турецкой войны на рубеже XIX–XX вв. направлялись в адрес Порты и правительств великих держав албанскими организациями, действовавшими за пределами самой Албании. Албанский вопрос признавался хотя и теоретически существующим, но находящимся даже не на втором, а на третьем плане актуальной балканской политики.

[58] *Myzyri H.* Kriza lindore e viteve 70 dhe rreziku i copëtimit të tokave shqiptare // Historia e popullit shqiptar: për shkollat e mesme. Prishtinë, 2002. F. 182–185.

inslav

Греция: конец «эпохи романтизма»

Разразившийся в 1870-х годах очередной Восточный кризис вселил в греков большие надежды на реализацию, хотя бы частично, «Великой идеи» («Мегали идеа»). Однако даже в последний месяц войны правительство бездействовало, что возбуждало недовольство общества. Это заставило греческого короля Георга I (1863–1913 гг.) перейти к активным действиям, чтобы не потерять престиж монархии в глазах народа и молодого офицерства, призывавшего к восстанию.

Несмотря на то, что Греция вступила в войну тогда, когда русский император Александр II уже подписывал мирный договор с Портой, восстание греческих патриотов против турецкой власти[1] в феврале 1878 г. в Фессалии, Эпире, Южной Македонии и на Крите, при поддержке из Афин, оказало, безусловно, влияние на позицию великих держав — Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России и Франции, заседавших на мирном конгрессе в Берлине летом 1878 г. Все великие державы, за исключением Великобритании (получившей Кипр), пообещали Греции исправление ее северных границ.

В результате трехлетней упорной дипломатической борьбы в июне 1881 г. была подписана греко-турецкая конвенция, по которой Греция получала всю Фессалию и округ Арта в Эпире[2]. Находясь в госпитале среди раненных повстанцев, греческая королева Ольга[3] писала отцу, великому князю Константину Николаевичу, руководившему русским флотом и игравшему заметную роль во внешней политике России: «Наконец-то наступил светлый день для этих несчастных.

---

[1] Формирование национальных независимых государств на Балканах (Конец XVIII — 70-е годы XIX в.) М., 1986. С. 85.

[2] The Foundation of Modern Greek State. Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens. 1999. P. 57–58. В 1882 г. великие державы-покровительницы подкорректировали границу в пользу Греции.

[3] Ольга Константиновна (1851–1926), русская великая княжна, королева эллинов, жена Георга I, дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. Несмотря на обвинения ее со стороны греческих историков в панславизме, она изо всех сил стремилась защитить интересы маленькой Греции и монархии, и, конечно, к ее голосу прислушивались в России.

inslav

Вообрази себе, что за счастье для моих раненых, что их кровь не понапрасну текла!»[4] Расширение территории укрепило позиции Дома Глюксбургов среди населения королевства. Однако за пределами Греции оставалась еще большая часть населенных греками территорий.

Не случайно, пишет российская исследовательница О.Е. Петрунина, «в эти годы патриотические организации стали играть все большую роль в жизни страны»[5]. На их базе в конце XIX в. было создано «Национальное общество» («Этники этерия»), ядро которого составило молодое офицерство, вскоре ярко проявившее себя. При этом задачи внешней политики не исключали доктрину «органической работы», то есть внутреннего развития и укрепления греческой государственности.

В последней четверти XIX в. в Греции быстрыми темпами развивается капитализм: работает 860 промышленных предприятий, расширяется морская торговля — основа национальной экономики. В сельском хозяйстве основной упор делается на развитие экспортных культур — коринки, инжира, маслин, пряностей, позже — табака; расширяются посевные площади. Ускорению этого процесса способствовало присоединение к Греции 13 тыс. кв. км плодородных земель Южной Фессалии и Эпирского округа с населением в 300 тыс. человек[6].

Быстрое экономическое развитие и освоение присоединенных областей требовали притока капитала, в основном иностранного происхождения, что вело к экономической зависимости страны от великих европейских держав, соперничавших между собой, облегчало их вмешательство в политическую жизнь государства. Американский исследователь Н. Калчас отмечал, что нигде не было так ярко продемонстрировано влияние внешних факторов на конституционное развитие, как в Греции[7].

К концу 1870-х годов население Греции достигло 1 млн 680 тыс. человек. По религиозному признаку оно представляло в целом однородную массу — подавляющее большинство греков принадлежало к православной церкви (Греческой автокефальной, подчинявшейся Константинопольскому патриарху); исключение составляли католики, проживавшие на островах, и небольшое число албанцев-мусульман[8].

---

[4] *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга — «Под молотом судьбы». М., 2011. С. 66.

[5] *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М., 2010. С. 423.

[6] *Соколовская О.В.* Греция на путях становления буржуазного государства. 1878–1918 гг. // Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 215.

[7] *Kaltsas N.* Introduction to the Constitutional History of Modern Greece. N.,-Y. 1940. P. 13.

[8] *Соколовская О.В.* Греция на путях становления буржуазного государства. С. 216.

inslav

Внутриполитическая жизнь Греции на рубеже веков характеризовалась крайней неустойчивостью: с 1881 по 1910 гг. сменилось 39 правительств[9]. По выражению русского дипломата Ю.Я. Соловьева, служившего в афинской миссии, король Георг I «ловко маневрировал между различными партиями, легко расставаясь со своими премьерами»[10]. Один из приближенных греческого короля датский историк В. Христмас писал, что в Греции «не существовало почти ни одного кабинета министров, который бы успел осуществить выдвинутую им программу развития страны»[11]. Одной из характерных черт было дальнейшее размежевание политических сил, обострение партийной борьбы, разворачивавшейся по проблемам внешней и внутренней политики, постепенное усиление позиций растущей греческой буржуазии (наиболее сильной на Балканах).

Греческие правительства, сменявшие друг друга, не умели четко формулировать идеи панэллинизма («Великой идеи»), которые они все разделяли, а диапазон мнений был чрезвычайно широк. Для одних венцом являлось воссоздание Византийской империи со столицей в Константинополе. Недаром наследника престола в угоду грекам назвали Константином в честь последнего византийского императора Константина XI. Для иных политиков, более реалистично мысливших и считавшихся с устремлениями других христианских народов на Балканах, смысл «Великой идеи» заключался в расширении границ греческого государства на север в Эпире и Македонии, а также на юг — на острова, включая Крит, «Великий остров Средиземноморья», как его называли греки. Сменявшие друг друга правительства и их лидеры постоянно сталкивались с проблемой выбора направления панэллинских устремлений.

История Греции в течение XIX века после ее освобождения — это история борьбы между ирредентизмом и необходимостью внутренней реконструкции и модернизации страны. Чрезвычайно ограниченные ресурсы Греции, постоянная задолженность по иностранным займам, столкновения великих держав по Восточному вопросу, в том числе критскому, делали весьма сложным последовательное и одновременное решение этих двух задач. Как пишет греческий историк Т. Тациос: «Настоящее греческой нации было во власти будущего, а ее активность была парализована ее надеждами»[12].

Особенно острым было соперничество двух наиболее ярких государственных деятелей, происходивших из семей старой политичес-

---

[9] *Κοκκινως Δ.* Ιστορια της Ελλαδος. Τ. 1. Αθηνα. 1970. Σ. 678.

[10] *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 119.

[11] *Christmas* W. Ring George I of Greece. L., 1914. P. 104.

[12] *Tatsios T.* The Megali idea and the Greek-Turkish war of 1897. The impact of the Cretan problem on Greek irredentism. 1866-1897. N.-Y., 1984. P. 16.

inslav

кой элиты, попеременно возглавлявших правительства, — Харилаоса Трикуписа (1832–1896) и Теодороса Делиянниса (1820–1905), возглавлявших партии прогрессистов и националистов[13]. В то время как Х. Трикупис, лидер партии «настоящего», хотел направить усилия страны на внутреннее развитие с помощью ограничения или отказа от немедленного воплощения «Великой идеи», его постоянный оппонент и соперник Т. Делияннис, лидер партии «будущего», стремился к немедленному претворению в жизнь идеалов панэллинизма в максимальном варианте.

Между маем 1875 г. и январем 1893 г. Х. Трикупис много раз возглавлял правительство. Получивший юридическое образование в Афинах и Париже, он был наиболее европеизированным государственным деятелем Греции. Первоочередную задачу греческого государства Трикупис видел в немедленном осуществлении внутренних реформ по оздоровлению политической, экономической, финансовой, военной и всех других сторон жизни страны, которые могли бы способствовать дальнейшему развитию капитализма, укреплению государственности и приданию ей современных форм, наподобие западноевропейских. В 1875 г. Трикупис добился формального признания со стороны Георга I конституционного принципа: король обязывался доверять создание правительства политическому деятелю, за которым было большинство в парламенте. Однако принцип этот не был оформлен законодательно, что являлось постоянной причиной конфликтов между правительством и короной и вело к правительственной чехарде, создававшей политический хаос.

При Трикуписе греческое государство и общество сделали значительный шаг вперед в направлении западных идеалов и прогресса. Европейские державы оказали также значительное влияние на развитие в стране идеологических течений. В конце XIX — начале XX вв. Х. Трикупис, Г. Теотокис, А. Заимис, Э. Венизелос были вождями конституционализма, пропагандистами западной идеологии и западного образа жизни. Некоторые политические группировки требовали изменения системы государственного управления в сторону ее бюрократизации по образцу бисмарковской Германии. Существовала даже «японская» партия, выбравшая за образец Японию, быстро развивав-

[13] Соперничество между этими двумя партиями продолжалось на протяжении многих лет и усугублялось взаимной неприязнью, вылившейся в личную трагедию. Обожаемая братом, красавица София Трикупи случайно познакомилась в Лондоне с Делияннисом, и они полюбили друг друга на всю жизнь. Их брак, однако, не состоялся из-за политической вражды двух непримиримых политиков. В результате никто из троих так и не создал своей семьи. София пережила и смерть брата в изгнании, и убийство Делияннса сторонником Трикуписа. В наше время памятники двум выдающимся, но непримиримым политическим дуэлянтам, одинаково пострадавшим за судьбы эллинизма, находятся недалеко друг от друга — перед старым зданием парламента в центре Афин.

inslav

шуюся как капиталистическое государство, но не изменявшую своим национальным традициям.

С именем Х. Трикуписа связывают начало завоевания греческой буржуазией политической власти в стране, ограничение экономической мощи крупных землевладельцев. С конца 1870-х годов рабочему классу Греции (в это время на промышленных предприятиях, в ремонтных мастерских работало 2,5 % дееспособного населения страны) разрешено было создавать свои первые профессиональные союзы. Бурно развивались торговля и промышленность, широко внедрялась система образования, внушавшая уважение к законности и порядку. Под руководством Трикуписа в 1882–1895 гг. были проведены реформы по улучшению государственного управления, судебной власти, полиции и др., было построено около 1 тыс. км железных дорог. Усилия греческого правительства были направлены также на укрепление армии. В 1884–1887 гг. по приглашению Трикуписа в Греции работала французская военная миссия.

Осуществление разнообразных программ требовало самого широкого притока в Грецию иностранного капитала, и западные государства не без выгоды для себя использовали этот шанс. Франция, Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, Россия и некоторые другие страны широко осваивали греческий рынок. В 1879–1893 гг. было заключено 6 иностранных займов на сумму 640 млн франков, причем, все на тяжелых условиях. В Греции открывались иностранные банки: в 1893 г. при участии французского капитала был создан Афинский банк и завершено строительство Коринфского канала. К 1893 г. выплаты процентов по займам иностранным державам составили 50% национального бюджета, и не удивительно, что Трикупис вынужден был объявить Грецию банкротом.

Греческое общество того времени, особенно молодежь, было насквозь пронизано идеями эллинизма, компромисс с Османской империей воспринимался как отказ от исторических прав и задач эллинизма. Вместе с тем вся история греческого государства, начиная с революции 1821–1829 гг. и до Восточного кризиса 1870-х годов, должна была бы убедить греческих патриотов и националистов в слабости их позиции, в бесперспективности конфронтации с Османской империей без серьезной внешней поддержки. Разрыв между идеалом и возможностями государства сознавали немногие политические деятели. Х. Трикупис, Г. Теотокис, Д. Раллис, А. Заимис понимали, что даже ограниченные цели внешней политики недостижимы без внутренней реорганизации и реконструкции всех греческих государственных институтов, с одной стороны, а с другой — без основательной дипломатической подготовки почвы на международной арене.

inslav

В конце XIX в. судьбы «Великой идеи» находились под еще большим, чем ранее, влиянием внешних факторов. Заметнее всего это проявлялось в решении тактических задач. Торгово-финансовая буржуазия активно пропагандировала тактику мирного проникновения эллинизма, что гарантировало мир и спокойное экономическое и политическое развитие Греции и соответствовало интересам великих держав, стремившихся к сохранению status quo в регионе.

Во внешней политике Х. Трикупис следовал, как правило, советам из Лондона о необходимости занять уступчивую позицию в отношении Османской империи, что откладывало на неопределенное время разрешение критского и других вопросов. Под натиском оппозиционных партий и не имея поддержки короля, правительство Х. Трикуписа в 1895 г. ушло в отставку, а сам он оказался в изгнании и вскоре умер в Каннах[14].

Главным оппонентом Трикуписа в политической и государственной жизни Греции в течение последней четверти XIX в., как отмечалось выше, был Т. Делияннис, выступавший против налогового бремени, засилья иностранцев и требовавший немедленного разрешения критского вопроса путем восстания на Крите и военных действий против сильно ослабевшей Османской империи. Делияннис был премьер-министром Греции в 1885–1886, 1890–1892, 1895–1897, 1902–1903 и 1904–1905 гг. Стоило ему оказаться у власти, как он отменял многие решения и законы, принятые его предшественником, а мирные реформы сменялись воинственным кличем. Ведь главной цементирующей силой греческого общества продолжала оставаться «Великая идея», так как большинство территорий с греческим населением оставались по-прежнему под османским владычеством. Самым важным в этом списке в конце XIX в. был Крит.

В 1895 г. на Крите вспыхнуло очередное восстание греческого населения. Как и предыдущие, в 1841, 1856, 1858, 1866–1869, 1878, 1887 гг., восстание 1895–1897 гг. носило ярко выраженный националистический и религиозный характер, а главной задачей было решить так называемый критский вопрос, который в различные исторические периоды имел в целом одинаковое содержание: любыми доступными путями осуществить присоединение («Ενωσις») острова к матери-Греции.

Взаимные жестокие убийства христианского и мусульманского мирного населения на острове вызвали незамедлительную реакцию великих держав — Великобритании, Италии, России, Франции, а также Германии и Австро-Венгрии, которые в самом конце 1896 г. прислали в критские воды свои эскадры. Каждая из эскадр могла высадить на Крит внушительный морской десант в 1/5 общей

[14] После его смерти главой партии прогрессистов стал Г. Теотокис; в 1910 г. многие члены партии влились в либеральную партию Э. Венизелоса.

inslav

численности ее судовых команд, а именно: итальянская эскадра — 900 человек, британская — 890, русская — 850, французская — 300, а германская — 150[15].

Прежде всего державам-покровительницам пришлось решить вопрос с тысячами беженцев, скопившимися на набережной Канеи Ханьи, главного города Крита. Всего за два дня — 24 и 25 января 1897 г. — на иностранных судах с Крита было увезено, то есть спасено, около 5 тыс. критян (на русских судах — около 1500 человек)[16]. Гуманитарная акция военно-морских сил великих европейских держав, предпринятая в январе–феврале 1897 г. в целях прекращения кровопролития на острове и эвакуации пострадавшего мирного населения[17], положила начало «миротворческой операции» европейских держав на Крите, продлившейся до середины 1909 г. Выполнив задачу эвакуации мирного критского населения (без различия вероисповедания), великие державы встали перед еще более сложной проблемой в связи с активизацией Греции, где премьер-министром был Т. Делияннис, который не замедлил воспользоваться ситуацией.

В Греции наблюдался национальный подъем: по всему королевству проходили бурные манифестации, на которых звучал настойчивый призыв оказать военную поддержку критскому восстанию. Большую роль во внешней политике Греции сыграла тайная всегреческая офицерская националистическая организация «Национальное общество», которая к весне 1896 г. насчитывала более 3 тыс. человек. По всей Греции действовали 50 ее филиалов и 80 — среди греческой диаспоры. Деятельность «Национального общества» вскоре охватит не только Крит, но также Эпир и Македонию[18]. Похожая организация была создана на Крите — «Комитет реформ». Они ставили своей целью разжечь войну между Грецией и Турцией, в ходе которой рассчитывали осуществить великодержавные замыслы — решить критскую проблему, присоединить весь Эпир, Македонию и сделать Грецию крупнейшим на Балканах государством.

Такие цели полностью совпадали с государственными планами, а также с чаяниями всего греческого этноса. Греческие патриоты обратились с воззванием к филэллинам за границей и получили живой отклик. В результате на Крит из Греции тайно были отправлены большое число добровольцев и значительные партии оружия и пат-

---

[15] Морская хроника // Морской сборник. № 3. СПб., 1897. С. 3–5.

[16] Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 350 об.–351.

[17] Морская хроника // Морской сборник. № 3. СПб., 1897. С. 3–5; *Мельников Р.М.* «Рюрик» был первым. Л-д, 1989. С. 110, 118.

[18] См.: *Никитина Т.В.* Критское восстание 1895–1897 гг. и внутриполитическое положение в Греции в освещении русских дипломатов // Балканские исследования. Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции. Вып. 11. М., 1989. С. 163.

inslav

ронов. Среди хорошо вооруженных и организованных христиан-повстанцев на Крите насчитывалось немало греческих офицеров, многие из которых принадлежали к высшему обществу[19]. Большинство греков, мечтавших об осуществлении «Великой идеи», сочувствовало усилиям критян к объединению с Грецией, несмотря на существовавший в самой Греции сильнейший экономический кризис. Экономические трудности были связаны не только с постоянной помощью Криту, но и с полным закрытием в это время европейских рынков для основного экспортного продукта — греческой коринки (сухого изюма без косточек), принесшим стране большие убытки[20]. В Афинах, как пишет историк, принц Майкл Кентский, правнук греческого короля Георга I, «горячие националисты во главе с премьером Т. Делияннисом и молодые армейские офицеры по глупости дали своим патриотическим чувствам вытеснить дипломатию»[21].

Даже Георг I, по словам российского посланника в Афинах М.К. Ону (1889–1901 гг.), после своего 32-летнего «осторожного и благоразумного царствования» увлекся идеей немедленного присоединения Крита (что грозило возникновением греко-турецкой войны) и говорил об обязанности Греции прийти на помощь восставшим критянам. Под воздействием нараставших волнений афинского общества, Георг I, хотя и понимал, что международная ситуация этому не благоприятствует, был вынужден объявить мобилизацию своего небольшого военного флота. Он направил из Саламина (Греция) на Крит броненосный крейсер «Гидра», а через несколько дней флотилию миноносцев под командованием принца Георга Греческого (второго сына короля Георга I и королевы эллинов Ольги), получившего морское образование на родине отца — в Дании. Броненосец «Гидра» и греческие суда «Микали» и «Алфиос» для перевозки беженцев-критян прибыли в греческие воды 25 января (6 февраля) 1897 г. Затем в Ираклион был направлен еще один корабль — «Адмирал Миаулис». Греческие суда, вслед за европейскими, забрали последних критских беженцев[22].

Однако только гуманитарной акцией греческое правительство не собиралось ограничиваться, а имело цель прийти на помощь восстав-

---

[19] *Никитина Т.В.* Критское восстание 1895–1897 гг. С. 161–162, 164–165.

[20] *Louri H.*, *Sokolovskaia O.* Greek Diaspora merchant communities of the Black sea and the sea of Azov and the Greek-Russian Trade: 1870–1917. Report. Research Center of the University of Economics and Business. Athens, 1994. Россия выручила Грецию и начала закупку больших объемов коринки, несмотря на то, что это осложняло конкуренцию российским виноделам.

[21] *Prince Michael of Greece, Alan Palmer.* The Royal House of Greece. L.N.d.; L. P. 30; *С.Т.* Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг. // Известия МИД. 1913. Кн. 4. С. 199.

[22] *Соколовская О.В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. С. 20–21; *Никитина Т.В.* Критское восстание 1895–1897 гг. С. 161–162, 164–165. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 351; Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Νεώτερος Ελληνισμός απο 1881–1913. Αθηνα, 1977 (далее — ΙΕΕ). Τ. ΙΓ(13). Σ. 118.

inslav

шим и намерение — силой помешать прибытию на Крит турецких подкреплений из Константинополя. Именно с этой целью Греция постепенно увеличивала свои военно-морские силы возле острова. Несмотря на скромные ресурсы, Греция сумела за вторую половину XIX в. сформировать вполне современный флот, который в начале 1897 г. состоял из трех маленьких башенных броненосцев, одного крейсера, двух транспортов, четырех канонерок и 12 миноносцев и др. Костяком греческого флота являлись построенные во Франции в 1889–1891 гг. броненосцы «Гидра», «Псара» и «Спеце», а также броненосец береговой охраны «Базилевс Георгиос», построенный на британских верфях в 1868 г. В числе малых судов были пять миноносцев, спущенных на воду в Германии в 1885 г.[23].

В начале февраля 1897 г. критский «Комитет реформ» и восставшие объявили о своем союзе с Грецией, тем самым еще более обострив международную обстановку. Христианские депутаты Народного собрания обратились к королю Георгу I с просьбой о вмешательстве и большей частью ушли в горы.

Восточнее Канеи греческий транспорт высадил от 300 до 400 вооруженных добровольцев и выгрузил 400 ящиков с военными припасами. Как сообщали русские моряки своему морскому министру, «критяне ждут еще привозки орудий». Прибыла также яхта «Сфактерия» и 4 миноносца с о. Милос, но вскоре они ушли по требованию великих держав. Еще через несколько дней, 2 (14) февраля, в Колимбари, близ Крита, также с благословения Георга I, бросили якорь три греческих коммерческих судна. С них на берег на помощь восставшим высадился добровольческий отряд в 1465 человек во главе с подполковником, адъютантом греческого короля Т. Вассосом при восьми, а по другим источникам, тринадцати орудиях. Единственным требованием афинского кабинета было не вступать в конфликт с десантом великих держав. В отряде находилось, в том числе, 120 студентов-волонтеров, хорошо обмундированных и обученных в одной из патриотических организаций Греции — «Эллинизмос»[24]. Сразу после высадки греческих войск генеральный консул на Крите Геннадис поднял греческий флаг над консульством, как символ греческого суверенитета над островом. Греческое королевство, как и критские повстанцы, решили действовать таким образом, чтобы привлечь внимание международного сообщества к проблеме Крита, а, если получится, то и присоединить остров к Греции силой.

---

[23] *Широкорад А. Б.* Россия-Англия: неизвестная война. 1857–1907. М., 2003; *Харботл Томас*. Битвы мировой истории. Словарь. М., 1993; Britanika. 1911; *Charles K*. Tuekerman. The Greeks of Today. N.-Y., 1878.

[24] *Μανουσάκης Γ.* Ένας κόσμος σε δυναμική πορεία. Η Κρήτη στις Αρχές του Αιώνα μας. Αθήνα, 1988. Σ. 14.

inslav

Высадившийся отряд Вассоса провел два успешных сражения с турками, а повстанцы одновременно попытались занять некоторые аванпосты, высоты и форты Суды, близ Канеи. Действия Вассоса получили полное одобрение греческого правительства, и он встал лагерем возле Канеи, а затем продолжил движение по критской земле[25]. Восставшие нанесли ряд новых серьезных ударов по турецким войскам и отступили в горы. Из рапорта капитана эскадренного броненосца «Император Николай I», находившегося в критских водах, следовало: «28 января (9 февраля. — *О.С.*) греческие суда "Гидра" и "Алфиос" ушли в Ретимно и Кандию. Горцы ждут прибытия из Греции орудий, чтобы начать бомбардировать Канею». Греческий крейсер «Миаулис» даже стрелял в турецкий транспорт «Фуад», который перевозил из Канеи войска в Ситию, где происходили кровавые события, и заставил его вернуться. Известие вызвало всеобщее негодование представителей великих держав[26].

Соединенными морскими силами держав и их десантами командовал, как старший по чину, начальник итальянской эскадры вице-адмирал граф Н. Каневаро. Он же принял на себя роль председателя созданного «совета адмиралов». В него вошли также контр-адмиралы: французский — Эд. Потье (вскоре ставший вице-адмиралом), русский — П.П. Андреев (затем, с 1898 г., контр-адмирал Н.И. Скрыдлов), австрийский — фон Гинке и британский — сэр Р. Гаррисон (затем Ноэль), а также германский капитан 1-го ранга Кельнер. Все мероприятия великих держав на острове, последовавшие вслед за прибытием сюда их представителей, предпринимались с их общего согласия и носили в целом миротворческий характер. Адмиралы получали инструкции от своих правительств лишь в самом общем виде, а стремительно сменявшие друг друга события на острове заставляли их действовать быстро — на свой страх и риск[27].

Понимая, что устные предупреждения не оказывают должного впечатления на восставших критян и греческие войска, 9 (21) февраля, по решению «совета адмиралов», граф Н. Каневаро приказал открыть огонь с судов по повстанческому лагерю в Акротири, который в этот момент был атакован турками[28]. Германский крейсер «Императрица Августа» первым открыл огонь, и на этом участие Германии в решении критского вопроса закончилось. Эта бомбардировка, хотя

---

[25] ΙΕΕ. Τ. ΙΓ(13). Σ. 159.

[26] РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1083. Л. 352 об.–354 об.

[27] См. подробнее: *Соколовская О.В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006.

[28] *Miller W.* A History of the Greek People. 1821–1921. N.-Y. n.d. P. 105; греческие историки с удивительной частотой, несмотря на факты, пишут о том, что великие державы бомбили Акротири в поддержку турок и с одобрения турецкого правительства. См., например, ΙΕΕ. Τ. ΙΓ(13). Σ 118.

inslav

и обошлась без жертв, наделала много шума в Европе, так как была воспринята как помощь туркам. Адмиралам пришлось оправдываться перед общественным мнением Европы, особенно перед греческим, убеждать, что они «поступили так, чтобы избежать кровопролития на острове, не покровительствуя туркам более, чем инсургентам»[29]. Адмиралы особо подчеркивали, что все их решения принимались сообща и единогласно. Это не увеличило доверия греков к европейцам, и восставшие решили идти до конца.

В конце февраля — начале марта 1897 г. в Константинополе состоялась судьбоносная для Крита, Греции и Турции конференция послов великих держав-покровительниц. Главной ее целью была попытка предотвратить назревавший военный конфликт между Грецией и Турцией путем активного противодействия политике Греции на Крите. Был подтвержден вариант «умиротворения» острова путем высадки морского десанта и блокады Крита.

В ответ на действия повстанцев и греческих войск совет адмиралов [протокол от 15 (27) февраля] приступил к поставленной задаче. Вскоре была осуществлена высадка на канейский берег смешанного отряда численностью в 500 человек, сформированного из судовых команд европейских эскадр (по 100 человек от Великобритании, Франции, России, Австро-Венгрии и Италии).

Десант должен был защитить столицу Крита, если ее атакуют инсургенты и греческие войска. На бастионах Канеи были подняты флаги великих держав. 16 (28) февраля адмиралы сообщили грекам, что с этого дня они берут под свою защиту Канею, а также Ретимно и Кандию. Целью держав было, оставаясь нейтральными, решить критскую проблему без кровопролития на острове. Поэтому адмиралы заявили, что любое действие со стороны греков или турок против этих городов будет встречено десантами и флотами держав[30]. Однако 18 февраля в самой Канее снова была стрельба и беспорядки. В тот же день российский морской министр отдал приказ направить броненосец «Император Николай I» из бухты Суда в Канею, где для усмирения беспорядков был высажен на берег судовой десант.

Высадка греческих добровольцев на Крите в феврале 1897 г. и их действия означали попытку одним махом разрубить критский гордиев узел. Но это вызвало озабоченность европейских держав в связи с возможной реакцией Турции на критские события. Фактически Греция и Турция были на волоске от войны. Европейские державы не могли не учитывать слабость Греции как в экономическом, так и особенно в военном отношении (особенно ее армии), а

[29] Морская хроника // Морской сборник. № 3. Л. 4.

[30] *Prince Michel of Greece. Alan Palmer*. The Royal House of Greece… P. 31; *Stavrianos L. S.* The Balkans since 1453. P. 95.

inslav

также были уверены, что «союз острова Крит с Грецией приведет к соответствующим просьбам и требованиям других балканских государств»[31]. Это, по их мнению, могло еще больше осложнить неспокойную международную обстановку, так как в случае греко-турецкой войны «горячие головы» постарались бы предпринять новые акции в Македонии. Объединение Княжества Болгарии с Южной Болгарией в 1885 г. создавало очень опасный прецедент. Поэтому европейские державы попытались остановить помощь Греции восставшему острову и готовы были силой заставить Георга I вывести с Крита греческие войска.

С этого момента начался новый этап миротворческой операции великих европейских держав, связанный со стремлением предотвратить греко-турецкую войну и во что бы то ни стало сохранить спокойствие в данном регионе. Американский историк С. Вудхауз подчеркивает в своем труде «История современной Греции», что греки сами вынудили великие державы начать активные действия на Крите[32].

Эскадры европейских держав приступили к блокаде критского побережья, чтобы помешать грекам вести дальнейшие военные действия на Крите, перекрыв канал доставки оружия на остров из Греции. Из-за активных совместных действий великих держав полковник Т. Вассос был вынужден остановить движение греческих войск и отступить со своим отрядом в горную Сфакию, известную твердыню повстанцев, и связался с греческим правительством[33]. Одновременно с активными мерами военного характера и установкой блокады критского побережья державы-покровительницы приступили к выработке основ автономного, фактически независимого от Константинополя режима управления островом, который должен был его «умиротворить» и наладить мирную жизнь населения.

Трудная задача по устройству будущей жизни острова значительно облегчалась для великих держав их правом распоряжаться на Крите, не обращая никакого внимания на претензии Порты. Это право было основано на положениях международных актов и прежде всего Протокола от 22 января (3 февраля) 1830 г. Лондонской конвенции по греческим делам трех держав-покровительниц — России, Англии и Франции[34]. Для того, чтобы приступить к реорганизации управле-

---

[31] *Baron Rozen*. Forty Years of Diplomacy. V. 1. N.-Y., 1922. P. 144. До 1896 г. Греция воздерживалась от каких-либо активных действий в Македонии. После присоединения к Греции в 1881 г. Фессалии и округа Арта в Эпире во внешней политике Греции на первый план выходят одновременно критский и македонский вопросы. См.: *Цехмистренко С.П*. Греция и македонский вопрос // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 195–201.

[32] *Woodhouse C. M.* The story of Modern Greece. L., P. 182.

[33] АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 737. Л. 14.

[34] Там же. Л. 23.

inslav

ния, необходимо было вначале навести порядок на острове. Главное и первое условие — греческие войска должны покинуть Крит, и чем скорее, тем лучше.

Одновременно во всех главных городах Крита высадились морские десанты великих держав, которые объявили, что берут остров под свой контроль и покровительство. Греции и Турции была предъявлена совместная нота. В ней державы сообщали Георгу I, что не допустят присоединения Крита к Греции, что при настоящих обстоятельствах Крит ни в коем случае не может быть аннексирован, и потребовали отзыва с острова греческого отряда и всех военных судов. 6 (18) марта 1897 г. совет адмиралов в соответствии с решением Константинопольской конференции великих держав провозгласил на острове автономный режим, что являлось важнейшим этапом в решении критского вопроса.

Большую роль в умиротворении Крита великие державы отводили своим военно-морским силам. В Судской бухте с февраля постоянно находилось большое число военных судов держав-покровительниц (иногда доходя до двадцати и больше).

Между тем восставшие критяне не приняли автономный статус и требовали союза с Грецией, подчиняясь только полковнику Т. Вассосу. Вскоре Греция отозвала свой флот с Крита, но стала концентрировать его возле западного побережья Греции (Эгейского моря) и засылать все больше греческих диверсантов в Македонию. Хотя, в целом, греческое общество согласилось с планом великих держав, считая, что с помощью оккупации Крита международными силами вопрос будет решен и державы предстанут перед fait accompli, греки не собирались эвакуировать свои войска с острова.

Вскоре по решению держав, европейский морской десант был заменен сухопутными войсками. Первые батальоны стали прибывать и высаживаться в различных пунктах побережья Крита, разделенного заранее на пять секторов, еще в начале марта 1897 г. Целью международных оккупационных войск было, во-первых, предотвращение назревавшего военного конфликта между Грецией и Турцией, во-вторых, установление и поддержание порядка на острове и помощь в создании автономного режима, провозглашенного 6 марта 1897 г., который фактически означал конец господства Османской империи. Для умиротворения острова великие державы направили войска во все города, где было многочисленное мусульманское население, чтобы не допустить столкновений.

Действия Греции, пославшей свои войска на Крит в феврале 1897 г., носившие авантюрный характер, настолько возмутили Порту, что она уже в начале марта отправила на греко-турецкую границу в Фессалии 6 турецких дивизий, приблизительно 58 тыс. человек,

inslav

хорошо вооруженных, во главе с опытным командующим генералом Эдем-пашой, воевавшим еще против русских в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Были среди турецких генералов и другие ветераны. Премьер-министр Греции Т. Делияннис, сторонник немедленного осуществления «Великой идеи», горячо поддерживал не только авантюристическую «флибустьерскую» экспедицию греков на Крит, но также необдуманно приветствовал появление на греко-турецкой границе в Фессалии иррегулярных войск, что создало угрозу войны. Его нисколько не останавливало то, что султан мог легко отправить на фронт до 1 млн человек, хорошо вооруженных и обученных германскими военными инструкторами. В Османской империи к концу века проживало 28 млн человек, в Греции — всего 4,5 млн. Султанская регулярная армия насчитывала 400 тыс. человек, а греческая — всего 100 тыс.[35]. Несмотря на это, в апреле 1897 г. греческие силы перешли греко-турецкую границу в Фессалии, где вступили в бой с турецкими войсками, также стянутыми к границе. 5 (17) апреля 1897 г. Османская империя объявила Греции войну. Однако, по мнению большинства греческих историков, виновниками греко-турецкой войны были сами великие державы, не сумевшие оценить важность момента, вызванного Критским восстанием 1896–1897 гг.[36].

Греческой армией командовал кронпринц Константин, ударной силой греческого флота — миноносцами — принц Георг. Державы-покровительницы выступили против войны. Сотрудник русского генштаба К. Шильдбах писал: «Имея столь плохую армию, Греция, разжигаемая крайними партиями, вступила на скользкий путь авантюристической политики». Греческие правительственные и националистические газеты всячески преувеличивали силы греческой армии, умаляя при этом боеспособность противника. «Тем горче, — заключал Шильдбах, — было разочарование»[37].

Длившаяся всего месяц греко-турецкая война закончилась поражением греческой армии, а «положение, в котором оказался Константин, было трагическим — ни армии, ни штаба, ни организованного тыла». После того как турецкая армия быстро вошла в Фессалию и ей 23 апреля открылась дорога на Афины, в Греции произошла смена правительства во главе с новым премьер-министром. Умеренный Д. Раллис наследовал кресло ярого националиста, рвущегося в бой, Делияннниса, а новое правительство поспешило восстановить порядок, что спасло Грецию от династического переворота[38].

---

[35] *Michel of Greece.* The Royal House of Greece. L., P. 30.

[36] Например: *Tatsios T.* The Megali idea and the Greek-Turkish war of 1897. P. 5.

[37] *Шильдбах К.* Греко-турецкая война 1897 года. СПб., 1898. С.134.

[38] См.: *Соколовская О. В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг. К 100-летию присоединения Крита к Греции. М., 2013. С.119.

inslav

Новое греческое правительство согласилось вывести войска с Крита. Гарибальдийцы (по выражению М. К. Ону, «опасные анархисты»), возвращавшиеся с фронта, куда они отправлялись на помощь грекам, также вскоре покинули Афины и направились, по указанию генерала Риччиотти Гарибальди, домой[39]. Уход отряда Вассоса способствовал умиротворению острова, и вскоре блокада была ослаблена. Сама же Греция в результате неудачной греко-турецкой войны была отстранена от решения критского вопроса, что привело к еще большему влиянию на дела Крита политики великих держав.

Новое правительство Д. Раллиса, при посредничестве великих держав, 19 мая 1897 г. заключило перемирие, а 4 декабря 1897 г. уже правительство А. Заимиса подписало Константинопольский мирный договор. Греческие войска были выведены с Крита. Великим державам удалось сохранить за Грецией ее прежние территории, однако контрибуция в 4 млн турецких лир была непосильной ношей для страны.

Греки были возмущены неумелым командованием кронпринца Константина армией, а принца Георга — флотом, который, по указанию великих держав, бездействовал во время войны. В результате поражения, а также затяжного финансового кризиса в Греции начались антимонархические волнения. 26 февраля 1898 г. было совершено первое покушение на Георга I, и только чудом король и его дочь, принцесса Мария, остались в живых. Для умиротворения народа Георг I совершил длительную поездку по стране, чем снова вызвал к себе симпатии. Королева Ольга писала вскоре русскому генералу А. А. Киреев: «Но Господь сжалился над нами, и, как вы говорите, из этого преступления вышло добро. Проявление преданности, любви и благодарности к королю со всех концов Греции и где только живут греки — в высшей степени трогательно!»[40].

После этих событий Георг I выразил поддержку реформаторским начинаниям А. Заимиса по улучшению работы государственного аппарата, суда, чиновничества, по увеличению полиции и жандармерии, дальнейшей реорганизации армии и завершению работ по постройке дорожной связи между Западной Европой и Грецией и др. Премьерство весьма опытного политика А. Заимиса совпало с заключением унизительного мира с Турцией, и он проиграл новые выборы. Король, отправив Заимиса в отставку, поручил формирование правительства Г. Теотокису (наследнику идей Х. Трикуписа), который выступил с новыми предложениями о реформах во всех сферах жизни греческого общества. В 1900 г. при Трикуписе была начата

[39] *Miller W.* A History of the Greek People… P. 106.

[40] *Соколовская О. В., Чуркина И. В.* Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Киреевым // Славяноведение. 1995. № 6. С. 70.

inslav

существенная реорганизация армии и флота. Эта и все последующие реформы подвергались нападкам в парламенте со стороны партии Делиянниса, и в 1904 г. он объединился с Раллисом для противодействия программам Теотокиса.

В 1905 г. смена правительства происходила дважды. В марте был убит оппозиционерами Делияннис, а его партия раскололась. Борьба за власть, а также за приобретение доходных и почетных мест в государственном аппарате сопровождалась ожесточенными схватками в парламенте, взяточничеством. Обструкционистская тактика враждующих группировок тормозила принятие законов или каких-либо серьезных решений.

Поражение в войне с Турцией сильно ударили по самолюбию греческой нации, послужив в то же время благотворным уроком. Как пишет греческий академик Д. Коккинос в своей двухтомной «Истории Греции», «поражение 1897 г. положило конец периоду романтизма»[41]. Была осознана неадекватность великодержавных замыслов и реальных возможностей их осуществления без повышения боеспособности и дисциплины армии, увеличения флота, перестройки всей государственной жизни страны.

После ухода отряда Вассоса и всех греческих войск, а также отъезда греческого консула Геннадиса с Крита в конце мая 1897 г. была ослаблена «строгая блокада» острова. Жесткие меры адмиралов, казалось, возымели действие, что позволило державам приступить к совместной с критянами выработке modus vivendi для противоборствующих партий с целью окончательного умиротворения острова. Участники Генеральной ассамблеи Крита, состоявшейся в июне–июле 1897 г., согласились на автономное устройство острова, предложенное великими державами, но только при условии вывода с Крита турецких войск и администрации.

Августовский меморандум великих держав 1897 г. включал в себя пункт о введении новой системы управления на острове. Великие державы гарантировали, что берут на себя переговоры с Портой о судьбе острова. Это была коллективная гарантия критскому населению, и в результате критяне приняли хартию доброй воли и сложили оружие. Реальная власть на большей части острова находилась в руках адмиралов великих держав — Потье, Ноэля, Беттоло (в июне он сменит Каневаро), Скрыдлова, которые командовали как морскими, так и сухопутными силами, высадившимися в течение 1897 г. на Крит. Координацию усилий сухопутных отрядов великих держав осуществляли генеральные консулы держав-покровительниц. Местные органы власти были поставлены полностью под контроль держав, несмотря на сопротивление османских властей.

---

[41] *Κοκκινος Δ.* Ιστορια της Ελλαδος. Τ. 1. Αθηνα, 1970. Σ. 762.

inslav

Летом 1898 г. дипломаты великих держав приступили к обсуждению четырех проектов реформ автономного Крита. Момент для этого был выбран весьма удачно, поскольку Фессалия была уже очищена турецкими войсками, и население Крита настаивало на скорейшем введении автономного управления[42].

В связи с событиями 1898 г. в английском секторе, когда мусульманами (башибузуками) было убито более 15 английских солдат и офицеров, великие державы приняли решение увеличить международный экспедиционный отряд, а также убрать турецкие войска и турецкую администрацию с Крита. Последние турецкие солдаты были вывезены с острова в ноябре 1899 г. Параллельно с эвакуацией турецких войск на острове шло разоружение повстанцев-христиан. Эвакуация турецких войск в целом прошла достаточно спокойно, хотя и не была завершена в указанный срок. И, тем не менее, это являлось главным залогом дальнейшего мирного развития Крита в русле традиционной христианской культуры и укрепления суверенитета, который постепенно должен был привести к присоединению острова к Греции, о чем так мечтали греки во всем мире. Сложная военно-политическая операция фактически поставила точку в более чем двухсотлетнем господстве турок на острове[43].

После вывода с острова турецких войск наступил самый трудный период для международного экспедиционного отряда, так как для завершения поставленной задачи державы-покровительницы должны были приступить к созданию на острове местной и центральной административной власти. Прежде всего, был назначен, не без участия российского императора Николая II, верховный комиссар четырех великих держав (губернатор). Им стал принц Георг Греческий. Для христиан Крита назначение верховным комиссаром члена греческой королевской семьи, тем более после успешного вывода всех турецких войск и отъезда турецких высших чиновников, представлялось важным этапом на пути присоединения Крита к Греции. (Хотя не все греки, даже историки до сих пор, готовы это понять и признать.)

Прибытие принца Георга на Крит стало праздничным днем греческого календаря, так как знаменовало собой появление первого греческого правителя после венецианских, египетских и турецких завоевателей. Греки-критяне, естественно, встретили его с большой радостью и в полной уверенности, что через три года Крит станет частью Греции[44]. Действительно, разделение Крита и Греции стало носить более формальный характер. Это было весомой компенсацией

---

[42] АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 246. Л. 438.

[43] *Соколовская О. В.* Россия на Крите. С. 56–57.

[44] *Κορδάτος Γ.* Μεγάλη Ίστορια της Ελλάδος. Ίστορια της Νεώτερης Ελλάδος (1900–1924). Τ. 13. Αθήνα, 1958. Σ. 46.

inslav

христианам Крита за вывод греческих войск с острова весной 1897 г., после поражения Греции в «30-дневной» греко-турецкой войне. Прибытие принца Георга и прекращение блокады Крита кораблями великих держав означали, что критский кризис 1896–1898 гг. миновал и начинался переход к новому этапу в жизни острова. Совет адмиралов завершил свою работу, и адмиралы покинули остров.

Однако расходы на восстание на Крите, на военные нужды во время греко-турецкой войны, на покрытие долгов и необходимость уплаты контрибуции поставили греческие финансы на грань катастрофы. Для обеспечения финансовой ситуации в соответствии со ст. 2 предварительного греко-турецкого договора в 1897 г. была создана Международная финансовая комиссия из представителей Англии, Франции, России, Австро-Венгрии, Германии и Италии, которой поручался контроль над доходами и расходами Греции.

Теснейшие династические связи петербургского и афинского дворов, незаинтересованность России в увеличении Грецией платежей по старым долгам (в основном западным державам) способствовали тому, что российское правительство заняло самостоятельную позицию в комиссии. Выход, по мнению министра финансов России С. Ю. Витте, был один: «Ввиду необходимости сохранения за Грецией возможности экономического развития в будущем представлялось бы желательным не настаивать на слишком тяжелых условиях введения контрольной комиссии»[45]. Заключенный вскоре 3 % заем для уплаты контрибуции был выпущен по цене, близкой к нарицательной. Несмотря на то, что международный контроль ограничил финансовый суверенитет греческого правительства, уже на следующий год финансовая ситуация улучшилась, а через несколько лет были полностью восстановлены равновесие финансов и курс драхмы. Греция превращалась в одно из самых динамично развивающихся балканских государств.

Реформаторская деятельность премьер-министра Теотокиса, происходившая в самом конце XIX столетия, была прервана почти революционными событиями в Афинах, вызванными языковым вопросом, получившим политическую окраску. Проблема эта была чрезвычайно важной в Греции в XIX — начале XX вв., так как сразу после создания новогреческого государства в 1830 г. встал вопрос о едином языке для управления и объединения нации. Однако даже к началу XX в. его все еще не было. Разница между языком образованной части греков, на котором велось все делопроизводство, обучение, печатались газеты и книги, и языком большинства малограмотного греческого населения была огромна.

---

[45] *Соколовская О. В.* Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 248.

inslav

С начала века существовало движение за демократизацию греческого языка и признание норм новогреческого языка — «демотики» как языка греческой нации (так называемые демотикисты). В основном это были «новые греки», разбогатевшие благодаря социальным и экономическим изменениям в новогреческом государстве, и представители многочисленной греческой диаспоры, составившие свои капиталы со времен Крымской войны 1853–1856 гг. Они считали, что застывший язык только тормозит развитие страны, были сторонниками борьбы за «Великую идею» и нуждались в поддержке широких слоев населения Греции. Для «архаистов» (пуристов) отказ от старого языка означал отказ от национальной идентичности. Они призывали бороться с теми, кто «совершает преступление против эллинизма и дискредитирует язык, на котором говорил Святой Дух, а также дух эллинский»[46]. Частью языковой проблемы стал перевод Евангелия на простой язык, который решила предпринять греческая королева Ольга.

Как известно, три из четырех Евангелий: от Луки, от Марка и от Иоанна — были написаны на общегреческом языке поздне-эллинистической эпохи койне, а Евангелие от Матфея очень рано было переведено на греческий язык. Греческие националисты рассматривали, таким образом, Грецию как единственную хранительницу истинных заветов православной церкви перед лицом остальных единоверных ей христиан и, в частности, ненавистной им «болгарской схизмы»[47]. Однако древний язык Евангелия был труден даже для очень образованных греков и практически недоступен для большинства населения Греческого королевства[48].

Во время греко-турецкой войны 1897 г., проводя много времени среди больных и раненых, королева эллинов Ольга обратила внимание, что молитвы и сам текст Евангелия, который она им постоянно читала, желая облегчить боль, плохо понимают простые греки. Греческая королева, будучи человеком деятельным, в октябре 1898 г. решила сделать перевод Нового Завета, получив устное одобрение афинского митрополита Прокопия, а также правительства. Готовый к декабрю 1898 г. перевод был отдан на одобрение греческой православной церкви (всем членам Синода) и на факультет богословия Афинского университета. К великому огорчению королевы, Синод сообщил ей, что никогда не одобрит перевод Евангелия «на вульгарный язык низов»[49]. Однако отрицательный ответ не укротил реши-

[46] АВПРИ. Ф. Политархив. 1901. Д. 3532.

[47] Там же. Л. 160.

[48] *Karolou I. H.* Ολγα, η Βαςιλισσα των Ελληνων, Αθηνα. Σ. 125–126.

[49] *Carabott Philip*. Politics, Orthodoxy and the Language Question in Greece. The Gospel Riots of November 1901 // Journal of Mediterranean Studies. 1993. Vol. 3. N 1. P. 123–124; Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Νεώτερος Ελληνισμός απο 1881–1913. Αθηνα, 1977. Σ. 174–175, 124.

inslav

мость Ольги, так как она считала, что «народ должен понимать Евангелие — это воля Божия». Редактирование текстов было продолжено специально созданным для этого комитетом, состоящим из профессиональных филологов, историков и самой королевы. «Совесть моя не позволяет мне больше быть праздной свидетельницей той нравственной тьмы, в которой находится народ, — писала она в июле 1899 г. брату, великому князю Константину Константиновичу. — Пусть в деревнях, тюрьмах и в госпиталях начнут читать Евангелие и черпать утешение и учиться из него, как христианин должен жить! ... Здесь страна произвола с свободой печати, кот[орой] я и воспользуюсь!»[50].

В октябре 1899 г. началась «озлобленная газетная полемика касательно перевода Евангелия», которая, постепенно разрастаясь в течение полутора лет, привела к кровавым событиям в Афинах. Книга была издана в начале февраля 1901 г. и состояла из оригинального текста Евангелия, его перевода, а также предисловия, написанного самой королевой. Весь тираж предназначался для раздачи в госпиталях и тюрьмах, а также для продажи населению по самой низкой цене — в одну бумажную драхму. Через два месяца почти всё издание было распродано, что, по мнению королевы, «служило лучшим доказательством действительной надобности населения в общепонятном тексте Св. Евангелия». Ольга подумывала о дополнительном тираже или даже о новой редакции текстов. Отзывы, присланные ей, были самыми разными: от поздравлений и поддержки до крайнего возмущения[51]. В октябре–ноябре 1901 г. афинская газета «Акрополис», разделявшая взгляды демотикистов, сообщила читателям, что в продолжение дела греческой королевы будет печатать на своих страницах перевод, сделанный членом религиозного общества «Анапласис» А. Паллисом, одобренный Константинопольской патриархией и представлявший собой образец еще более упрощенного народного языка.

Все это вызвало гнев студентов Афинского университета, действующих под влиянием отчасти профессоров богословского факультета, отчасти некоторых политиков. Переводы были признаны вульгарными, антинациональными и антирелигиозными; в них видели деградацию и унижение греческого языка, нации, буквы и духа значения Евангелия. Оппозиция усмотрела в деле перевода руку России, которая якобы стремилась отрешить греческую церковь от главного ее достояния — оригинала Нового Завета. Паллиса называли предателем, человеком без родины, агентом панславизма и т. д.[52].

---

[50] ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2.Д. 229. Л. 104, Л. 38 об.–39. № 8. Татой. 8 (20) февраля 1899 г.; там же. Л. 273–274. № 229. Афины. 1 (13) ноября 1899 г.

[51] *Augustinos Gerasimos*. Consciousness and History: National Critics of Greek Society. 1897–1914. N.-Y., 1977. P. 31–32.

[52] АВПРИ. Ф. Политархив. 1901. Д. 3532. Л. 162. Обзор афинской прессы за 1901 г.; *Carabott Ph.* Op. cit. P. 126.

inslav

Как и любой другой вопрос в Греции, религиозный или философский, вопрос о переводе Евангелия принял политический характер. Националистически настроенная оппозиция во главе с пуристом И. Делияннисом воспользовалась моментом, чтобы выступить против первого кабинета премьера Г. Теотокиса, последователя Х. Трикуписа. Агитация против обоих переводов Нового Завета привела в Афинах к уличным беспорядкам, в которых, по разным источникам, 5–8 ноября 1901 г. приняло участие от 25 до 50 тыс. человек (то есть чуть меньше половины тогдашнего населения Афин)[53]. К студентам присоединились и другие слои населения, были закрыты магазины и фабрики.

По приказанию городского начальства в дело вмешались войска, которым, однако, не удалось остановить волнения. Российский посланник барон Р.Р. Розен сообщал из Афин: «Хотя войска вообще очень плохо дисциплинированы и не выказывали никакой охоты действовать против толпы, но... поощряемая окриками и сабельными ударами плашмя своих офицеров, пехота дала несколько залпов (впрочем, холостыми патронами), а кавалерия ходила неоднократно в атаку». В ответ на это войска были осыпаны градом камней и осколков бутылок, причем некоторые из толпы пустили в ход револьверы. В результате погибло 8 молодых людей, а 60 человек было ранено»[54]. На следующий день, когда вновь начались манифестации, в Пирее был высажен десант с греческих судов, который, заняв все подступы к дворцу, остановил дальнейшее кровопролитие[55]. Покушению подвергся и премьер Теотокис, «который вышел, однако, невредимым из-под осыпавших его экипаж пуль и камней»[56]. Его кабинет вынужден был немедленно уйти в отставку, а волнения продолжились до конца 1901 г.[57].

Вопрос об официальном языке и связанный с ним вопрос о переводе Евангелия на более понятное для простого народа наречие были вновь подняты в 1911 г., во время обсуждения новой Конституции Греции. Оно происходило после прихода к власти правительства реформаторов-либералов во главе с Э. Венизелосом, стремившегося перевести развитие страны на современные рельсы. Однако вновь

---

[53] *Carabott Ph.* Op. cit. P. 117.

[54] *Miller F.* History of the Greek People. P. 115–116.

[55] События 1901 г., в которых искренняя вера греческой королевы Ольги тесно переплелась с «языковой проблемой» и политическими интригами, стали достоянием истории и вошли в нее под названием «Эвангельяка» — «Евангелического конфликта» и являются предметом научного исследования до сих пор.

[56] АВПРИ. Ф. Политархив. 1901. Д. 3532. Л. 161–162. Сегодня Греция говорит и пишет на едином новогреческом языке — «димотики», но церковные службы ведутся по-прежнему на древнем наречии, приятном для слуха, но малопонятном по содержанию для большинства греческого народа.

[57] Там же. Л. 201.

inslav

«народные страсти разыгрались в такой степени, — передавал из Афин российский посланник С.С. Свербеев (1910–1912), — что, если бы Венизелос… не уступил общественному мнению, то дело могло бы разрастись до грандиозных размеров и дойти, пожалуй, до кровопролития. Парламент подавляющим большинством принял две статьи, гласящие, что официальным признается язык, на котором написана конституция, и что текст Евангелия объявляется не подлежащим изменениям»[58].

[58] АВПРИ. Ф. Политархив. 1911. Д. 328. Л. 27.

inslav

Османская империя в правление Абдул-Хамида II: зулюм, модернизация, революция

Формально, в рамках системы международных отношений, установленной Берлинским конгрессом, Османская империя продолжала оставаться великой державой. Только великие державы принимали участие в его заседаниях и в выработке решений. Но уже наступало время, когда не площадь территории и численность населения, влиявшие на военный потенциал государства, определяли статус великой державы. В дело вступали более значимые факторы: уровень экономического развития в целом и уровень капитализации экономики в частности; сбалансированность финансов и свободный доступ к рынкам капитала; место страны в системе мировых хозяйственных связей и степень экспортной ориентации ее экономики. По всем указанным параметрам Османская империя серьезно отставала от своих конкурентов.

Патриарх турецкой историографии Юсуф Хикмет Байюр в своей многотомной «Истории турецкой революции», вышедшей первым изданием в 1949 г., писал: «Период правления Абдул-Хамида II был для османского государства временем огромного отставания от остального мира. На первый взгляд, такое утверждение может показаться преувеличением — ведь за 30 лет, с 1878 г. по 1908 г., был построен ряд железнодорожных линий, доходы государства выросли вдвое, в судебную систему были внесены видимые изменения, открывались новые учебные заведения и т. д. Однако в те же годы другие государства, в том числе соседние с империей, настолько стремительно продвинулись в своем развитии, что если его сравнить с нашим развитием, то станет очевидным, что это — вовсе не развитие, а значительное отставание»[1].

Труд Байюра был создан в период позднего кемализма и носит его отпечаток. Сегодня эта точка зрения нуждается в пересмотре и активно пересматривается. Не так уж катастрофично и безнадежно было

[1] *Bayur Y. H.* Turk İnkilabı Tarihi. Cilt I, Kısım 2. Ankara, 1983. S. 240.

inslav

положение Турции, если бы остальной мир проявил к ней толерантность и добрую волю. Но их-то как раз и не было. Османская империя была обречена на расчленение и раздел. Попытки противостоять им и составляют основное содержание истории Турции 1878–1908 гг.

Известно, что «европейский больной», то есть Османская империя, хотя и ненадолго, но все же пережил своего главного наследника и потенциального могильщика — Российскую империю. Но в чем Турция действительно намного опередила Россию, и что обычно замалчивается отечественной историографией, — это то, что Турция вступила в конституционную эру своей истории *на 30 лет раньше*[2].

Попробуем разобраться в этом комплексе вопросов: чем была Турция в 1878–1908 гг. — великой европейской державой, вернувшей себе этот статус в Париже в 1856 г., или полуколонией европейских государств[3]; чем была эпоха правления Абдул-Хамида II — реакцией, застоем или модернизацией, своего рода «Третьим Танзиматом»; что представлял собой режим «зулюма» в политологическом аспекте — султанский абсолютизм или доминирование Дворца в системе других институтов власти; и, наконец, кем был сам Абдул-Хамид — фанатичным кровавым деспотом или тонким и искушенным интриганом, мастером политических компромиссов?

1. Политическое положение Османской империи 1878–1908 гг.

Режим Абдул-Хамида

В современной туркологии утверждается точка зрения на режим Абдул-Хамида как на очередной этап османской модернизации. «Парадигма реформ» приходит на смену «парадигме отсталости» в изучении истории Турции.

Радикальные изменения в экономическом, политическом и идеологическом положении современной Турции не могли не отразиться на методологии исторической науки (ибо история всегда пишется из дня сегодняшнего) применительно к историческому прошлому османского общества и государства. Вместо описания жестокостей турецкого режима, безусловно, имевших место, но акцентируемых ранее главным образом на базе культурно-исторического отторжения

---

[2] Или хотя бы на пять, если всерьез относиться к записке графа Лорис-Меликова, оставшейся лежать на столе Александра II утром 1 марта 1881 г., как к проекту российской конституции.Текст турецкой конституции 1876 г. см.: *L'Orient*. 25 juillet 1908. P. 9–13.

[3] В современной отечественной тюркологии присутствуют полярные точки зрения на эту проблему. См.: *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2005. С. 87; *Шеремет В.И.* Османская империя в международных отношениях на Балканах // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 30.

inslav

чуждой цивилизации, сегодня общим местом стало обязательное упоминание (вплоть до умиления им) фактора турецкой толерантности[4]. Между тем, немногим более столетия назад, в конце XIX в., издания, выходившие под патронажем, главным образом, американских методистских церквей и английских диссидентских сект, фиксируя реальные преступления абдул-хамидовского режима в отношении армянского населения, делали далеко идущие выводы о невозможности сохранения османской державы в принципе: «Правление турок безнадежно и неисправимо отвратительно везде, куда бы оно ни простиралось… Не остается ничего, кроме как покончить с ним»[5].

Произошедшее парадигмальное изменение в отношении истории Турции отмечает германский турколог К. Нойман: «Экономическая и военная слабость, территориальные потери и растущее влияние европейских держав на ее внутреннюю политику побудили многих историков Османской империи XIX в. описывать эту фазу ее существования как эпоху «упадка». Главной функцией этой концепции «упадка» было дать объяснение конечному распаду империи. Но с середины 70-х годов все шире стала распространяться другая парадигма — рассмотрение османской истории XIX в. как эры реформ… Парадигма реформ… повлияла на изменение представления об Османской империи XIX в. как о чем-то немного большем, чем просто объект презрения со стороны Европы»[6].

Отметим, что отдельные голоса в пользу пересмотра устоявшейся точки зрения на абдул-хамидовский режим, и в частности на его отношения с движениями христианских народов, раздавались и раньше. Наиболее значительным вкладом в отход от крайностей оценок было основательно документированное исследование американского историка У.Л. Лэнджера, не замеченное отечественной историографией. Лэнджер показал, что «армянская резня» в значительной степени была преднамеренно спровоцирована армянскими революционерами, добивавшимися «вмешательства Европы», и вышедшими из-под контроля османских властей курдскими племенами, используемыми султаном в качестве «стражей порядка»[7]. Позже и отечест-

---

[4] См., например: Turkish Toleration. The American Forum for Global Education. http://www.indiana.edu/~global/resources/forum.php (31.12.2014).

[5] *Clark F.E.* The Blot of the Century (Ch. XXIII) // Armenian Massacres or the Sword of Mohammed. Philadelphia–Chicago, (б/д). P. 365.

[6] *Neumann Ch.K.* Bad Times and Better Self. Definition of Identity and Strategies for Development in Late Ottoman Historiography (1850–1900)// The Ottomans and the Balkans: A Discussion of Historiography. Leiden–Boston–Köln, 2002. P. 57–58.

[7] *Langer W.L.* The Diplomacy of Imperialism. New York, 1935. Vol. I. Chs. V, X. При этом примечательна реакция на армянские события Румынии, парламент которой проголосовал за запрет въезда в страну армянских беженцев. См.: *Berl A.* Modern Greece: what she represents in Eastern Europe // *Abbot G.F.* (ed.). Greece in evolution. Studies prepared under the auspices of the French League for the Defense of the rights of Hellenism. NewYork, 1910. P. 253.

inslav

венная историография сумела выработать более взвешенный подход также и к балканским событиям — «болгарским ужасам» 1876 г. и Илиденскому восстанию 1903 г., признав, что и в их основе лежали расчетливые провокации болгарских революционно-националистических организаций[8]. Впрочем, никакие провокации и неповиновения не могут оправдывать акты геноцида, и султан безусловно несет немалую долю персональной вины во всех этих событиях.

Взойдя на трон, молодой султан не мог не понимать необходимости дальнейших реформ, что должно было означать продолжение политики его предшественников в духе Танзимата[9]. В то же время дилемма «зулюм или Третий Танзимат» некорректна, потому что, несмотря на все усилия и явные успехи в сфере технократической модернизации, абдул-хамидовский режим игнорировал суть реформ Танзимата — тенденцию к уравниванию прав мусульман и христиан, и уже в силу этого являлся колоссальным откатом назад[10]. Это причудливое сочетание модернизма и реакции являлось, пожалуй, главной особенностью внутренней политики Турции в 1878–1908 гг.

Действительно, в течение первых двух десятилетий своего правления Абдул-Хамид провел серию важных реформ в области образования, здравоохранения, гражданской администрации, армии, коммерции и торговли, прессы и законодательства[11]. Но все прогрессивные инициативы Абдул-Хамида имели один сдерживающий момент — ни в малейшей степени не нарушать сложившееся в 1877 г. доминирование Дворца и лично султана. Султан сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Формально конституция 1876 г. была не отменена, а приостановлена. В ежегодном альманахе, выходившем на французском языке, по-прежнему публиковался ее текст, здание палаты, бывшего медресе, примыкающего к мечети Айя-София, поддерживалось в образцовом порядке, оно демонстрировалось иностранцам и, казалось, было готово в любой момент принять в свои стены депутатов. Но, разумеется, это было не более, чем политической мимикрией.

Режим Абдул-Хамида может быть охарактеризован как режим исламского авторитаризма. Впервые с 1839 г. маятник политической и религиозной толерантности в Османской империи качнулся в сторону ислама. Великий кризис 1870-х годов, в основе которого лежали проблемы зарождавшегося национализма христианских народов, убедил султана в том, что решение проблемы сохранения целостности империи следует искать на пути ее исламизации. Исламизм на-

---

[8] *Макарова И. Ф.* Апрельское восстание 1876 года в Болгарии: две версии одного события // «Studia Balkanica» (К юбилею Р. П. Гришиной). М., 2010. С. 83–95; *Ямбаев М. Л.* Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». С. 306.

[9] *Lewis B*. The Emergence of Modern Turkey. London, 1961. P. 179.

[10] *Psilos Ch*. The Young Turk Revolution and the Macedonian Question. Leeds, 2000. P. 11–12.

[11] *Zurcher E. J.* Turkey: A Modern History. London,-New York, 1993. P. 78–79.

inslav

долго стал официальной идеологией империи. Османизм, как идеология надконфессиональная, ставящая во главу угла гражданскую лояльность подданных независимо от их веры, пришла ему на смену при младотурках.

Сделав ставку на мусульман, на их религиозный фанатизм и стремление сохранить свое господствующее положение, а также на их численное преобладание в империи, Абдул-Хамид рассчитывал одолеть трех своих главных противников: конституционное движение, европейскую дипломатию, активно вмешивавшуюся в дела империи, и национальный сепаратизм различных неисламских этнических групп[12].

«Кровавость» Абдул-Хамида получила такую оценку в западной прессе в связи с армянскими событиями 1895–1896 гг. Имя «кровавый султан» («*redsultan*») на долгие годы стало визитной карточкой Абдул-Хамида II. В целом, нет достаточных оснований для пересмотра психологического портрета султана, нарисованного отечественным историком В.И. Шпильковой: «Будучи по-своему умным и хитрым дипломатом, Абдул-Хамид II в то же время был недоверчивым, трусливым, подозрительным, вероломным и очень жестоким человеком»[13].

Опасаясь покушений на свою жизнь, султан вел замкнутый и уединенный образ жизни во дворце Йылдыз-Киоск, представлявшем собой комплекс многочисленных павильонов, разбросанных за глухой дворцовой стеной на возвышенностях европейского берега Босфора. Султан проводил ночи в разных павильонах, и никто не знал до самого последнего момента, который из них он выберет сегодня для ночлега[14]. Абдул-Хамид покидал дворец лишь в день традиционной пятничной молитвы в мечети, специально построенной напротив дворца.

Охрана его персоны не делала различий между сановниками, простолюдинами или военными. Интересный эпизод произошел с будущим лидером младотурок Энвер-беем в его бытность кадетом военной академии. Однажды Энвер и его дядя Халил (они были одногодки и учились на одном курсе) были вызваны к начальству и отправлены для допроса в Йылдыз-Киоск. Им вменялось в вину получение подарков от принца Абдул-Азиза, либерально настроенного

---

[12] Общую оценку режима Абдул-Хамида см.: *ZurcherE.J.* Op. cit. P. 83; *Shaw E.K. and Shaw S.J.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Reform, Revolution and Republic. The Rise of Modern Turkey 1808–1975. Vol. 2. Cambridge, 1977. P. 260. Указанные авторы считают режим Абдул-Хамида продолжением Танзимата в той или иной форме. Нам ближе точка зрения Х. Псилоса на основании его аргументации, приведенной выше.

[13] *Шпилькова В.И.* Младотурецкая революция 1908–1909 гг. М., 1977. С. 22.

[14] Его психологическое состояние можно признать вполне оправданным, учитывая обстоятельства его вступления на престол в 1876 г. Но запрет ввоза в Турцию электрического оборудования и проводов из опасения покушений с помощью «адских машин» следует признать преувеличением. См.: *Вейдемюллер К.* Пробуждение Турции // Современный мир. 1908. № 8. С. 107.

inslav

родственника султана, а также приглашение в дом их бабушки, расположенный рядом с дворцом, двух подозрительных иностранцев. Кадеты отвечали, что иностранцами были учитель немецкого языка принца и журналист, которые хотели всего лишь получше рассмотреть выход султана к пятничной молитве. По возвращении в училище братья были посажены под арест, и Энвер позже вспоминал, с какой горечью он думал о крахе своих надежд стать офицером и посвятить себя служению родине, возлагая вину за это на произвол и тиранию султана[15].

Султан особенно опасался покушений на свою жизнь со стороны военных моряков[16]. Поэтому флот располагался в заливе Золотой Рог, где, будучи огражденным от Босфора двумя мостами, благополучно ржавел. На каждом новом корабле по приказу султана немедленно проводился демонтаж ходового оборудования, после чего корабль отбуксировался на это «кладбище кораблей»[17]. Все это не могло не вызвать общий упадок флота. Когда султан вздумал отправить в Японию с официальным визитом, для вручения микадо высшего османского ордена, броненосец «Эртугрул», произошла катастрофа. Неопытная команда не справилась с управлением, и корабль затонул в шторм у японских берегов[18].

В стране действовал мощный аппарат сыска и шпионажа. Кроме полиции им занимались 30 тыс. дворцовых шпионов, личной тайной полиции султана. Внутренние паспорта в последние десятилетия XIX в. существовали в Европе только в трех странах: Турции, России и Румынии[19]. Полицией просматривалась вся частная переписка в империи. Интересно, что в перлюстрации, как таковой, не было необходимости, так как письма подавались на почту незапечатанными, в противном случае они сжигались[20]. Была введена предварительная цензура прессы, не существовавшая даже в России. Иногда целые полосы газет оставались белыми из-за снятых накануне статей. В своем усердии цензура доходила до курьеза. Так, в учебниках химии запрещалось приводить формулу воды H_2O из опасения, что она будет воспринята как сатирическая шарада против султана: «Абдул-Хамид II — это нуль (ничтожество)»[21].

---

[15] *Aydemir Ş. S.* Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Istanbul, 1970. Cilt 2. S. 383–385.

[16] На суше его надежно охраняла албанская гвардия, набираемая в Косово.

[17] *Ramsaur E.* The Young Turks: Prelude to the Revolution of 1908. Princeton, 1957. P. 116.

[18] *Giesl W.* Zwei Jahrzehnteim Nahen Orient. Berlin, 1927. S. 49–50.

[19] *Тойнби А. Дж.* Пережитое. Мои встречи. М., 2003. С. 30.

[20] *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972. С. 55.

[21] *Водовозов В.* Старый режим в Турции. Младотурки // Турецкий сборник. СПб., 1909. С. 91. Даже если это свидетельство видного тюрколога начала XX в. принять на веру, это не особенно влияло на уровень и качество образования, так как обучение велось по французским учебникам.

inslav

Против султана и правда неоднократно организовывались заговоры и готовились перевороты. Один из первых был задуман в 20-летие его правления в 1897 г. Заговор был раскрыт и последовали репрессии. Впрочем, вынесенные смертные приговоры не всегда приводились в исполнение. Чаще они были средством запугивания и психологического давления для побуждения сановников к отходу от оппозиции. Самым громким из политических преступлений султана было тайное убийство инициатора реформ 1870-х годов Мидхат-паши, обставленное с восточным лицемерием и восточной же жестокостью[22]. В целом же, в отношении мусульманских противников режима массовых казней, а особенно публичных, не применялось[23].

Наиболее распространенной мерой наказания была ссылка. В зависимости от тяжести преступления и статуса виновного ее место варьировалось: Принцевы острова, Родос или Триполи. Ссылка в Африку считалась самым тяжелым видом наказания, и она имела свою разновидность для высших сановников империи. Паша, впавший в немилость, назначался губернатором Триполи, и доставить его туда должна была султанская яхта. Однако опальный сановник не доплывал до места своего назначения, по пути свалившись за борт. Именно такого путешествия опасался Исмаил Кемали, конституционалист и будущий лидер албанского движения, когда решился просить вместе с сыновьями убежища на борту стационера британского посольства[24].

В этой связи Рэмсор отмечает, что «логику поведения султана в отношении его противников понять трудно. Несмотря на очевидные свидетельства измены и попытки свержения суверена, участники заговоров отделывались сравнительно легкими наказаниями: ссылками и переводами в отдаленные провинции»[25]. До сегодняшнего дня эта психологическая загадка личности «кровавого султана» осталась нераскрытой, и, по нашему мнению, на это обстоятельство должна быть скорректирована степень его «кровавости»[26]. Осужденные спокойно бежали из мест ссылки, оседая за границей, где формировали революционные организации, а те, кто оставался в стране, вели широкую антисултанскую пропаганду. «В общем и целом, — резюмирует Рэм-

---

[22] Впрочем, легенда о том, что голова Мидхат-паши была доставлена Абдул-Хамиду в полисандровой шкатулке с надписью: «Японские изделия из слоновой кости», так и осталась легендой.

[23] Нет подтверждений, что участники заговора 1897 г., которым был вынесен смертный приговор, были казнены на деле. Книга Феша, являясь ценным источником, все же носит памфлетный характер: *Fesch P.* Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid. Paris, 1907. Отечественная историография, однако, принимает эти сведения за чистую монету. См.: *Шпилькова В. И.* Указ. соч. С. 35.

[24] *Ismail Kemal Bey*. The Memoirs of Ismail Kemal Bey. Ed. by S. Story. London, 1920. P. 227.

[25] *Ramsaur E.* Op. cit. P. 31–34. Ср. с процессом Генералова-Ульянова в России о *намерении* совершить покушение на Александра III в 1887 г.

[26] Ср. с созданным революционной публицистикой образом Николая II как «Николая Кровавого».

inslav

сор, — такая политика султана, а вернее ее отсутствие, являлась фактором, подготовлявшим его падение»[27].

Однако хотя практика ссылок и неожиданных исчезновений людей, то есть их тайных убийств, и держала общество в страхе и напряжении, она не могла остановить роста оппозиционного движения, постепенно все более перераставшего в революционное.

Возрождение оппозиционного движения

Исходным пунктом этого периода истории Турции скорее следует признать не окончание русско-турецкой войны, а отмену принятой в 1876 г. османской конституции. Распуская в 1878 г. парламент в условиях острейшего военно-политического кризиса, когда русские войска двигались на столицу империи, Абдул-Хамид не встретил сопротивления своему перевороту. Либералы продемонстрировали готовность признать переворот ради спасения государства, «проявив себя более националистами, чем либералами» [28]. Но когда проявилась тенденция возврата режима к худшим временам османской политической традиции, оппозиционное движение вновь заявило о себе.

С конца 80-х годов XIX в. новое поколение молодых османских функционеров-бюрократов, в основном правительственных и административных чиновников, получивших современное, по преимуществу светское, образование в новых колледжах европейского типа, в значительном числе появившихся в империи, а также, что было совсем нередко, продолживших свое образование в Европе, стало проявлять растущее беспокойство в отношении очевидной неспособности верховной власти, которой они служили (и нет оснований думать, что служили формально, пассивно или неискренне), справиться с этими проблемами. Патриотизм не является монополией христианских и европейских наций, несмотря на появление именно среди них самого этого явления и термина. На протяжении длительного периода, с конца 80-х годов XIX в. и до начала Первой мировой войны, патриотизм как политическое течение в Османской империи представлял собой идеологию, являвшуюся средством противодействия вызовам балканских национальных движений и европейского империализма, угрожавшим самому существованию османского государства. В то же время, этот патриотизм был таким же империализмом по отношению к балканским народам и османским национализмом в отношении европейских государств. Каждый из этой триады был и патриотом, и националистом, и империалистом[29].

---

[27] *Ramsaur E.* Op. cit. P. 34.

[28] Ibid. P. 12. Подробности переворота см.: *Петросян Ю.А.* «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958. С. 144–149.

[29] Благодарю проф. К.В. Никифорова за это ценное уточнение.

inslav

Именно представители нового османского поколения, носители подобного мировоззрения стояли у истоков младотурецкого движения, начало которого вовсе не случайно можно отнести именно к 1889 г. — к столетнему юбилею Великой Французской революции. В тот год группа студентов военно-медицинской школы в Стамбуле создала революционную организацию, имевшую целью свержение Абдул-Хамида ради «лучшей доли для всех мусульман мира»[30]. Группу возглавлял Ибрагим Тэмо, студент-албанец, вошедший в историю как основатель собственно младотурецкого движения. Организация носила название «Союз единения и прогресса». При всех перипетиях младотурецкого движения: взлетах и падениях, приливах и откатах, единении и расколах, героизме и предательстве — есть все основания считать период от 1889 г. до 1908 г. сквозной линией его эволюции, хотя в организационном плане эстафету часто подхватывали совершенно разнородные организации.

Из стен военно-медицинской школы движение распространилось на другие военные и гражданские училища: Военную академию, ветеринарную школу, гражданский колледж, Морскую академию и артиллерийско-инженерную школу. Уже к 1892 г. благодаря шпионажу о существовании революционной организации стало известно Абдул-Хамиду[31]. Но к этому времени движение уже вышло за пределы военных училищ. К нему примкнули временно отошедшие в тень бывшие члены организации «Новые османы» эпохи Абдул-Азиза. Из локального движение грозило стать массовым, охватывая широкие круги османской интеллигенции и чиновничества.

К этому времени относится также начало эмиграции участников движения, как из опасения преследований, так и из-за стремления продолжить образование за границей. Основная колония эмигрантов старого поколения «новых османов» сложилась в Париже. В нее вливались эмигранты первого поколения младотурок. Двумя его наиболее яркими фигурами были Ахмед Риза и принц Сабахеддин.

Ахмед Риза, примкнувший к движению в 1889 г., был сыном османского либерала-англомана, получившего за свои пристрастия имя «Ингилиз Али-бей». Мать его была австрийской подданной, принявшей ислам[32]. Позже он стал лидером одной из фракций движения, определившей его своеобразие в период 1902–1906 гг.

---

[30] *Temo İ.* İttihad ve Terakki Cemiyeti'nin Teşekkülü ve Hidemât-i Vataniyye ve İnkılâb-ı Millîye Dair Hâtırâtım. Mecidiye (Romanya), 1939. S. 18.

[31] *Ramsaur E.* Op. cit. P. 14–15, 20.

[32] Нам уже случалось говорить о весьма курьезном восприятии некоторых лидеров младотурок европейской публицистикой и даже разведкой великих держав. Ахмед Риза представляет собой еще один пример такого рода, которому приписывали английское происхождение по отцу и венгерское по матери. См.: *Субаев Р.Р.* Роман Дж. Бакена «Зеленая мантия» как «источник» по истории младотурок // Славяноведение. 2015. № 6. С. 83, 85.

inslav

Принц-реформатор Сабахеддин[33], моральный и духовный лидер оппозиции как против хамидовского режима, так и против переродившегося в военно-полицейский режима младотурок, принадлежал к ближайшим родственникам султана. Его мать была дочерью султана Абдул-Азиза и сестрой Абдул-Хамида. Отец — Дамад Махмуд Джелаледдин, двоюродный брат султана, был сторонником конституционной монархии и сподвижником Мидхат-паши. Занимая пост министра юстиции, Дамад Махмуд настойчиво пытался убедить Абдул-Хамида восстановить конституцию 1876 г. Поняв безнадежность своих попыток, он решил бежать за границу.

В 1899 г. Дамад Махмуд эмигрировал во Францию, взяв с собой двоих сыновей: Мехмеда Сабахеддина и Ахмеда Лютфуллаха. Попытки султана добиться от французских властей ареста и выдачи беглецов не увенчались успехом. Позже послом султана по особым поручениям Мунир-пашой была организована кампания по их дискредитации во французской прессе. Мунир-паша заказал журналисту влиятельной парижской газеты «Фигаро» пасквильную статью, в которой, в частности, Дамад Махмуд назывался сыном высокопоставленного германского сановника, а все его успехи приписывались женитьбе на сестре султана[34]. Эффект пасквиля был минимальным, так как сам Мунир-паша к тому времени уже полностью дискредитировал себя перед европейским общественным мнением как агент-провокатор Абдул-Хамида. Ранее по этой причине ему было отказано в аккредитации при бельгийском королевском дворе в качестве дипломатического представителя[35].

Первый конгресс младотурок 1902 г. и раскол младотурецкого движения

Августейшее трио возглавило в Париже младотурецкую оппозицию и приняло активное участие в организации Первого конгресса младотурок. Сыновья Дамада Махмуда в брошюре «Обращение ко всем османам» призвали оппозиционные организации объединиться против тирании султана и провести общий конгресс. В феврале 1902 г. такой конгресс собрался в Париже. По требованию Абдул-Хамида французский министр внутренних дел запретил проведение официального мероприятия, и было решено собраться частным образом в доме сторонника младотурок М. Лефевра-Понтали. Вскоре запрет удалось снять в судебном порядке, но из уважения к Лефев-

[33] Я полагаю передержкой оценку Сабахеддина Ю.А. Петросяном — «принц-радикал». См.: *Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Османская империя. Реформа и реформаторы (конец XVIII — начало XX в.). М., 1993. С. 140.

[34] *Michelin R.* La véridique histoire de Machmoud-pacha // Le Figaro. 17 mars 1902. P. 2.

[35] Munir bey et la Belgique // Le Matin. 6 février 1902. P. 3.

inslav

ру-Понтали первое заседание прошло в его доме. Последующие уже проходили в доме принца Сабахеддина[36]. Среди 47 делегатов были турки, арабы, греки, курды, албанцы, черкесы, евреи. Конгресс открыл принц Сабахеддин, который был избран его председателем.

На Первом конгрессе эмигрантское движение младотурок раскололось на «большинство» Сабахеддина и «меньшинство» Ахмеда Ризы по вопросу о возможном участии европейских стран в борьбе с султанской диктатурой и в проведении реформ. В дальнейшем этот вопрос напрямую влиял на политику македонских реформ и в более общем виде на последующую структуру движения. Меньшинство Ахмеда Ризы взяло себе имя первой организации младотурок Ибрагима Тэмо — «Комитет единения и прогресса» (КЕП), а большинство оформилось в «Лигу децентрализации и частных инициатив», созданную принцем Сабахеддином.

Оппозиционное движение в армии и полиции

Несмотря на то, что антихамидовское движение зародилось в армии, вплоть до 1906 г. о нем вряд ли можно было говорить как о движении младотурецком. Скорее его можно было бы назвать самостоятельным конституционным и патриотическим движением. К 1902 г. относится дело о заговоре Фуад-паши, ставшее поводом для разгрома революционного движения среди молодых офицеров. В марте 1902 г. тайная полиция султана арестовала генерала Назим-пашу[37] и многих кадетов академии Генерального штаба по подозрению в заговоре против режима. Позже в дело был вовлечен маршал Фуад-паша в качестве необходимого следствию громкого имени.

По приговору военного суда Фуад-паша был сослан в Дамаск, Назим-паша — в Багдад, офицеры и кадеты — в различные отдаленные гарнизоны, главным образом в Триполи. Любопытно, что кадет академии лейтенант Энвер-бей, будущий герой революции и лидер младотурок, не участвовал в то время в революционном движении, но этот случай серьезно повлиял на формирование его взглядов[38]. После разгрома заговора Фуада и Назима пашей революционное движение в армии на несколько лет затихло.

К одному из самых неожиданных эпизодов в истории младотурецкого движения относится участие в нем бывшего начальника

---

[36] Les libéraux ottomans // Le XIXe siècle. 12 Février 1902. P. 2.

[37] Генерал Хюсейн Назим-паша, выпускник французской военной академии Сен-Сир, преподавал стратегию и тактику в академии Генерального штаба. С восстановлением конституции в 1908 г. принимал активное участие в политической жизни. Противник Комитета «Единение и прогресс». См. о нем в главе «Младотурки у власти. 1908–1914 гг. От торжества свободы к новой диктатуре».

[38] *Aydemir Ş. S.* Op. cit. S. 385–387.

inslav

разведывательной службы империи Ахмеда Джелаледдин-паши. По своей должности он принимал активное участие в секретных операциях против младотурок, в частности способствовал разложению и распаду их женевской организации. Но неисповедимы пути аллаха, и Джелаледдин-паша вступил на путь соперничества и вражды с Иззет-беем, одним из секретарей и самым доверенным из фаворитов султана, что не прошло для него бесследно. Поводом к опале послужил отказ Джелаледдин-паши организовать покушение на жизнь Дамада Махмуд-паши, отца принца Сабахеддина и лидера эмиграции. Шеф османской разведки был вызван и допрошен Иззет-беем, и, получив по своим каналам информацию о своем скором аресте, бежал на корабле-стационере французского посольства в Египет.

Сторонники Ахмеда Джелаледдина распространили в Константинополе манифест от его имени, обвинявший султанский режим в тирании и требовавший децентрализации Османской империи[39]. В Каире Джелаледдин-паша, опираясь на свое знание государственных секретов и финансовые возможности своей жены, племянницы хедива, принял активное участие в деятельности местной младотурецкой организации.

Сближение младотурок и оппозиционных военных началось в 1903 г. в период очередного острого балканского кризиса, вызванного Илинденским восстанием и миротворческим вмешательством держав, инициировавших начало македонских реформ. Когда эти два движения слились в 1906 г. воедино, оно стало непобедимым.

План переворота 1903 г. при поддержке Англии

В 1903 г. режим Абдул-Хамида подвергся серьезному испытанию. Параллельно с двумя восстаниями болгаро-македонского населения в Македонии осенью 1902 г. и летом 1903 г. (Горноджумайским и Илинденским), приведшим державы к идее македонских реформ, возник план переворота, разработанный младотурками с участием военных, находившихся в оппозиции султану. Ключевым звеном в увязке этих процессов был принц Сабахеддин.

По завершении Первого конгресса принц Сабахеддин понял, что шанс возглавить младотурецкое движение в целом у него невелик. Это привело его, с одной стороны, к углубленным занятиям социальными науками[40], а с другой — к заключению политического

[39] Turkish Reform Memorandum // The Times. 7 April 1904. P. 5.

[40] Мировоззрение принца Сабахеддина сформировалось под влиянием французской школы социальной философии, согласно взглядам которой, общественный прогресс и счастье человечества зависят не столько от совершенства форм общественного управления, сколько от всестороннего развития индивидуума. В основу социальной концепции принца легли идеи,

inslav

союза с влиятельным лидером албанской фракции оппозиционного движения Исмаилом Кемали[41]. Под знаком союза этих двух лидеров оппозиции прошла подготовка неудавшейся попытки восстания и государственного переворота 1903 г. Данный вопрос до сих пор окончательно не прояснен в историографии, и, более того, отечественные авторы явно избегают затрагивать его вообще. Между тем, по нашему мнению, он является одной из наиболее важных точек сопряжения проблем национальных движений в Румелии (болгарского и албанского), в частности, Илинденского восстания и албанских мятежей в Косово 1903 г.; австро-русских «умеренных» схем македонских реформ 1902–1903 гг. и настойчивых попыток Англии расшатать австро-русскую умеренную схему и заменить ее своим радикальным вариантом реформ, а также попыток Порты провести свой собственный вариант реформ, так называемую программу Саид-паши 1902 г.

План восстания 1903 г. в значительной степени опирался на албанцев. Главным действующим лицом должен был стать маршал Реджеб-паша, губернатор и командующий войсками в Триполи, по национальности албанец. По плану заговорщиков, Реджеб-паша должен был вывести большую часть гарнизона Триполи на маневры, на пустынном берегу Африки посадить войска на греческие корабли, специально зафрахтованные для этой цели, и высадить их либо в Салониках, либо на стратегически важном полуострове Галлиполи. В первом случае, расчет был на поддержку албанских повстанцев, увлекаемых авторитетом Реджеб-паши и Исмаила Кемали, во втором — на поддержку держав, прежде всего Англии. Обеспечив себе контроль над Дарданеллами, заговорщики планировали потребовать отречения Абдул-Хамида. Для обеспечения английской поддержки Исмаил Кемали провел встречи с послом Англии в Париже Э. Монсо-

высказанные его другом Э. Демоленом в книге «В чем кроется причина превосходства англосаксов?». По мнению Демолена, важнейшими факторами преобладания Великобритании в конце XIX в. были индивидуализм, чувство собственного достоинства и инициативность. Эти качества формировались у англичан с детства путем воспитания и образования.

Сабахеддин полагал, что есть два типа организации общества: «коммунальный» и «партикуляристский». Народы, живущие в условиях «коммунального» типа, лишены потенциала общественного прогресса, так как полагаются не на свои собственные силы, а исключительно на государство. Сабахеддин утверждал, что «коммунальные» народы даже при наличии самых свободных законов не могут развить свободу личности. Такие народы проживают в Азии, Африке, Латинской Америке и отчасти в Европе. К последним Сабахеддин относил население Турции и России. Народы «партикуляристского» типа, напротив, «создают общества, отличающиеся высокими возможностями, инициативой и независимостью», упрочивая общественную свободу развитием личной инициативы.

Основанная принцем Сабахеддином «Лига децентрализации и частных инициатив» намеревалась распространять подобные взгляды среди населения Османской империи.

Несомненно, что принц Сабахеддин значительно опережал свое время и во многом заслужил упреки в идеализме и утопизме, что, однако, никак не влияет на благородство его характера и гуманизм личности.

[41] *Ismail Kemal Bey*. Op. cit. P. 308.

inslav

ном, а также с руководством Форин офис в Лондоне и с британским верховным комиссаром Египта лордом Кроумером[42].

Англия заявила, что она будет воздерживаться от каких бы то ни было публичных действий до завершения переворота, считая войска, расположенные в Триполи, самыми слабыми в турецкой армии и явно недостаточным для успеха участие в нем только одного из высших генералов империи — Реджеб-паши[43]. Но в интересах обеспечения операции она согласилась провести военно-морские маневры в Эгейском море для прикрытия высадки. Заговор провалился из-за отсутствия подготовленных кораблей в Афинах, в чем организаторы обвиняли друг друга. Реджеб-паша не мог более откладывать проведение плановых маневров вне связи с переворотом, и благоприятный момент был упущен.

Чрезвычайно важным, на наш взгляд, обстоятельством, увязывающим проблему заговора 1903 г. с македонскими реформами и ролью Англии в обоих вопросах, является сообщаемый А. Уларом и Э. Инсобато в книге 1909 г. «Погасший полумесяц. Турецкие разоблачения» факт, что принцу Сабахеддину было обещано англичанами назначение генерал-губернатором автономной Македонии[44].

Это вопрос так и остался не проясненным до конца вплоть до настоящего времени, однако от него нельзя просто отмахнуться. Пост губернатора Македонии был весьма важной ставкой в политической игре держав и соседних балканских государств[45]. Так, политика болгарского князя Фердинанда Кобурга в части его сдержанного отношения к проблеме македонской автономии не в последнюю очередь определялась опасениями, что ее результатом может оказаться не «болгаризация Македонии», а напротив, — «македонизация Болгарии» и угроза потери им трона в случае утверждения там кандидатуры сына или брата покойного князя Александра Баттенберга, память о котором была жива в Княжестве[46]. Англия же никогда не скрывала своего намерения видеть во главе автономной Македонии христианского губернатора, швейцарца, бельгийца или датчанина, и лишь под влиянием Австро-Венгрии, России и Германии соглашалась на му-

---

[42] *Ismail Kemal Bey*. Op. cit. P. 310–311. Кемали встречался в Лондоне с постоянным парламентским заместителем министра иностранных дел лордом Сандерлендом, который прочел ему письмо министра лорда Лэнсдауна о поддержке его замыслов.

[43] *Hanioĝlu M. Ş.* Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902–1908. New York, 2001. P. 16–24. Впрочем, сам Ханиоглу считает поддержку Англией младотурок средством ее политического давления на султана. Idem. P. 24.

[44] *Ular A., Insobato E.* Der Erlöschende Halbmond: Türkische Enthüllungen. Frankfurt am Main, 1909. S. 173–177.

[45] *Инсаров Х. Г.* Турция и Македония // Вестник Европы. 1903. № 4. С. 677; *Schopoff A.* La Macedoine et la vilayet d'Adrianople (1893–1903). Mémoire de l'organisation intérieure. (Б/м). 1904. P. 34–35.

[46] Такую точку зрения, в частности, высказывает видный американский болгарист Р. Крэмптон: *Crampton R. J.* Bulgaria. New York, 2007. P. 164.

inslav

сульманскую кандидатуру, но при непременном назначении помощников из христиан[47]. Этот принцип и лег в основу венской и мюрцштегской схем 1903 г.

В вопросе македонских реформ к началу XX в. сфокусировались причины и последствия таких факторов, как новые нарастающие финансовые трудности Турции, во многом под влиянием роста военных расходов; противоречия европейской дипломатии, обусловленные не только соперничеством держав, но и конфессиональными, идеологическими и морально-гуманитарными аспектами их внешней политики; раскол младотурецкого движения по вопросу вовлечения держав в борьбу за реформы. В центре этих тенденций в какой-то период оказалась фигура принца Сабахеддина.

Личность и взгляды принца Сабахеддина соответствовали многим ожиданиям главных участников большой игры. Он разделял (можно сказать, даже исповедовал) западные либеральные ценности, особенно в их англо-саксонском варианте. Он отстаивал идею привлечения в оппозиционно-реформистское движение представителей всех народов, населявших империю и видел ее будущее в качестве федеративного государства. Наконец, принц Сабахеддин и его сторонники выступали за активное участие европейских держав в процессах реформирования Османской империи. Симпатии Англии, безусловно, находились на стороне принца Сабахеддина. Его сопернику Ахмеду Ризе британским послом в Париже была дана такая оценка: «Очень подозрительная личность, недостойная доверия»[48].

Из сказанного вытекают и два важных последствия в отношении будущей политической роли принца. Во-первых, принц Сабахеддин после 1908 г. оказался вне главного течения движения, определяемого македонской младотурецкой организацией, и, во-вторых, именно в силу этого он стал если не политическим, то моральным лидером либеральной оппозиции этой организации.

Деятельность фракции Ахмеда Ризы (коалиции КЕП и активистов)

С раскола 1902 г. и до самого краха режима в 1918 г. младотурецкое движение оставалось разобщенным, а в отдельные периоды и враждующим. Его основные фракции составляли «большинство»

---

[47] *Brailsford H.N.* Macedonia: Its Races and Their Future. London, 1906. P. 292, 324; *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960. С. 213–215.

[48] Berty to Grey. Paris, 28 February 1907 // F.O. 371/346/6890. Что не помешало, впрочем, Грею после победы революции написать Ахмеду Ризе, что «его репутация как великого либерального реформатора хорошо ему известна» // Grey to Ahmed Riza (prepared and signed by Louis Mallet, Head of the Eastern Section in the Foreign Office). 20 August 1908 // F.O. 371/545/28993.

inslav

принца Сабахеддина и «меньшинство» Ахмеда Ризы. Последнее вскоре привлекло на свою сторону несколько организаций, нелегально действовавших в империи, так называемых активистов, и составило с ними коалицию. Под именем «коалиция» эта фракция и утвердилась в истории. Но кроме них в период 1902–1905 гг. и в империи, и за границей, главным образом в Египте и на Балканах, действовало большое число мелких групп, которые так и не присоединились ни к одному из главных течений, ни к большинству, ни к коалиции.

После неудачи плана переворота, задуманного большинством в 1903 г., КЕП имел возможность захватить лидерство в движении. Но группа Ахмеда Ризы придерживалась бескомпромиссной турецко-националистической идеологии, что не могло привлечь к ней организации национальных меньшинств и сторонников федерализма. Да она к этому и не стремилась. Турецкий национализм группы Ахмеда Ризы выходил за пределы границ империи. Она проявляла повышенный интерес к мусульманам Российской империи, большинство которых было тюрками. Весьма активна была деятельность КЕП в Боснии и Герцеговине, где в 1907 г. она призывала свои отделения распространять турецкий язык среди местных мусульман[49].

Другой характерной чертой старого КЕП был политический пацифизм. Э. Цюрхер полагает, что «в течение первых пятнадцати лет своего существования новое поколение младотурецкого движения в основном занималось организацией митингов, написанием политических памфлетов и распространением нелегальных периодических изданий»[50]. Но не все младотурецкие организации были настроены пацифистски. Среди них заслуживает упоминания новая женевская организация, восстановленная после ее разгрома султанской агентурой. Сама история ее возрождения и нового распада в 1903–1905 гг. показательна для нравов эпохи и практики политических противников.

В Вене с 1899 г. в качестве посольского врача служил доктор Абдулла Джевдет, один из участников первой младотурецкой организации 1889 г. Ибрагима Тэмо, занимаясь более медицинской, нежели политической деятельностью. Османскому послу Махмуду Недим-паше Джевдет, однако, казался подозрительным, и он подверг врача допросу относительно его связей со старыми друзьями. Результат оказался несколько неожиданным и вызвал международный скандал — взбешенный Абдулла Джевдет отвесил послу несколько затрещин. Об этом происшествии был даже сделан депутат-

[49] *Bayur Y.H.* Op. cit. P. 341–351, 369.

[50] *Zurcher E.J.* Young Turks, Ottoman muslims and Turkish nationalists: identity politics 1908–1938 // *Kemal H. Karpat* (ed.) Ottoman Past and Today's Turkey. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000. P. 151–152. Данная оценка справедлива только в отношении КЕП, так как Лига принца Сабахеддина, как известно, готовила переворот 1903 г. и принимала участие в организации восстаний в Восточной Анатолии в 1905–1907 гг. совместно с армянскими революционерами.

inslav

ский запрос в австрийском рейхстаге и несколько недель писала вся европейская пресса[51].

Инцидент вынудил Абдуллу Джевдета бежать в Женеву и резко оживил его революционную активность. В Женеве на средства египетского хедива и Джелаледдин-паши, бывшего главы османской секретной службы, Джевдет возобновил издание пришедшей в упадок младотурецкой газеты «Османлы» и придал ей новое направление[52].

Новая «Османлы» отстаивала программу решительных действий в противовес миротворческой тактике группы Ахмеда Ризы. Абдулла Джевдет установил связи с армянскими боевиками-дашнаками и русскими революционерами-эсерами. С их помощью была организована попытка покушения на султана в 1905 г. с использованием динамита. Фактически в Женеве сформировалась боевая террористическая организация младотурок во главе с Абдуллой Джевдетом и Эдхемом Рухи.

Для борьбы с ней султанская полиция прибегла к очередной провокации. Был завербован журналист-попутчик, передавший в «Османлы» статью с оскорбительными высказываниями в адрес султана, которая по легкомыслию Джевдета была напечатана. Статья послужила основанием для возбуждения османскими дипломатами судебного преследования, в результате которого газета была закрыта, а Абдулла Джевдет выслан из Швейцарии. Он перебрался в Египет и стал работать в каирской организации младотурок. Женевская организация вскоре вновь прекратила свое существование. Оставшиеся без твердого руководства многие активисты приняли предложения турецких властей прекратить революционную деятельность в обмен на амнистию и вернулись в Турцию[53].

2. Экономическое положение Османской империи в 1878–1908 гг.

Финансовая сфера

Вопрос о месте Турции в системе мировых экономических отношений и в силу этого ее политического статуса так и не получил в историографии однозначного решения. О Турции говорят либо как о

---

[51] Scene at a Turkish Embassy // The Times. 9 September 1903. P. 5.

[52] Финансовая помощь хедива младотуркам, помимо его общего самоощущения как независимого короля под британским протекторатом, объясняется еще его затяжным конфликтом с султаном из-за острова Фасос, принадлежавшего семье хедива со времен Мухаммеда-Али и секвестированного в казну.

[53] *Hanioğlu M.Ş.* Preparation for a Revolution: The Young Turks, 1902–1908. New York, 2001. P. 58. Шпилькова, опираясь на неудовлетворительные выводы Желтякова, считает жесткую и грубую антисултанскую пропаганду стилем «Османлы». На самом деле, это была ее лебединая песня. См.: *Шпилькова В.И.* Указ. соч. С. 39–40; *Желтяков А.Д.* Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. М., 1972. С. 261. Часть материалов «Османлы» см.: Osmanli. Journalbi-mensuel. Organe de la Jeune Turquie. 1897–1904.

inslav

полуколонии западных стран, либо как о стране архаичной экономической модели, сумевшей все же занять свою нишу в системе мирохозяйственных связей конца XIX в.[54]. Ключевым фактором для правильного понимания реального места и статуса Турции является вопрос финансового положения страны и ее интеграции в международные финансовые отношения конца XIX в.

Финансовое положение Османской империи накануне Восточного кризиса 1870-х годов было незавидным. К моменту вступления Абдул-Хамида на престол в 1876 г. сумма внешнего долга составляла 252 млн фунтов стерлингов. Ежегодные доходы казначейства составляли лишь около 9 % этой суммы[55]. В итоге, в 1876 г. Турция объявила дефолт по своим внешним обязательствам. Само банкротство во многом было вызвано началом «Великой депрессии 1873–1896 гг.», явления, хотя и внешнего по отношению к османской экономике, но прервавшего приток капиталов в Турцию, необходимого для обслуживания текущего долга и резко понизившего спрос на продукцию турецкого сельского хозяйства, являвшегося основой экспортных и налоговых поступлений[56].

К 1878 г. состояние финансов оставалось крайне тяжелым, будучи дополненным разорительной русско-турецкой войной и необходимостью уплаты контрибуции[57]. На повестку дня открыто встал вопрос иностранного контроля над турецкими финансами. Эта идея впервые была выдвинута на Берлинском конгрессе. Коллективное обращение держав к Порте от 11 июля 1878 г. гласило: «Державы, представленные на конгрессе, считают необходимым рекомендовать Блистательной Порте учреждение в Константинополе финансовой комиссии, состоящей из специалистов, назначенных соответствующими правительствами; эта комиссия должна будет изучить претензии держателей облигаций оттоманского долга и выработать на-

---

[54] Основные работы по данной теме: *Issawi C.* The Economic History of Turkey, 1800–1914. Chicago, 1980; *Fariqhi S., McGrown B., Quataert D. and Pamuk Ş.* An Economic and Social History of the Ottoman Empire. Vol. II. 1600–1914. Cambridge, 1994; *Kasaba R.* The Ottoman Empire and the World Economy: The Nineteenth Century. Albany, 1988; *Pamuk Ş.* The Ottoman Empire and European capitalism, 1820–1913: trade, investment and production. New York, 1987; *Quataert D.* Ottoman manufacturing in the age of Industrial revolution. Cambridge, 1993; *İnalcik H.* The Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire: Essays on Economy and Society. Bloomington, 1993; *Инджикян О.Г.* Буржуазия Османской империи. Ереван, 1997; *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2005.

[55] *Birdal M.* The Political economy of Ottoman Public Debt. New York, 2010. P. 54.

[56] Среди других факторов следует указать чудовищный неурожай в Малой Азии в 1875 г., приведший к сокращению населения в отдельных районах на 50 %, и восстание в Герцеговине в том же году, инициировавшее Восточный кризис 1870-х годов и вызвавшее рост военных расходов. См.: *Pamuk Ş.* The Ottoman Empire in the “Great Depression” of 1873–1896 // Journal of Economic History. Vol. 44. № 1. 1984. P. 107–118.

[57] Военное вознаграждение 802 млн франков и возмещение ущерба 26,75 млн франков // Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952. С. 208.

inslav

иболее эффективные меры для их удовлетворения в соответствии с финансовыми возможностями Порты»[58].

Турция пыталась саботировать решения конгресса, но уже в октябре 1879 г. ее главная политическая защитница Англия провела у турецких берегов военно-морскую демонстрацию. Результатом была смена правительства. В ноябре новый кабинет подписал с Оттоманским банком и консорциумом банков Галаты соглашение, по которому банки получали в аренду на 10 лет доходы от важнейших косвенных налогов для погашения долгов им, а в оставшемся объеме — внешнего долга Османской империи. Сборы и расчеты должна была осуществлять специально созданная организация — Управление шестью косвенными налогами, послужившая прообразом созданной позже Администрации османского публичного долга.

20 декабря 1881 г. султанский указ, вошедший в историю под именем Мухарремского, зафиксировал достигнутый с державами компромисс в вопросе османского внешнего долга. Согласно указу, весь османский государственный долг был консолидирован[59]. По консолидированному долгу устанавливалась единая процентная ставка 4 %[60], а сумма ежегодных выплат кредиторам не должна была превышать 1 % от остатка задолженности. Сама задолженность пересчитывалась не по номинальной, а по реальной полученной Турцией сумме и составила 142 вместо 237 млн турецких лир. Таким образом, ежегодная сумма выплат кредиторам снижалась с 1,1 млн до 590 тыс. турецких лир[61].

С позиций сегодняшнего дня Мухарремский декрет следует признать выдающимся достижением османской дипломатии. Для обслуживания долга была учреждена Администрация османского публичного долга (АОПД), возглавляемая представителями иностранных держателей турецких облигаций. Фактически она являлась параллельным османским казначейством. Поэтому если Мухарремский декрет можно считать разовой мерой шоковой терапии, то создание АОПД — средством длительного лечения турецких финансов[62].

---

[58] В «Сборнике договоров России с другими государствами» отсутствует по очевидной причине российской незаинтересованности в вопросе. Цит. по: *Blaisdell D. C.* European Financial Control in the Ottoman Empire. New York, 1929. P. 85.

[59] Кроме займов 1854, 1855, 1871, 1877 гг., источником погашения которых была установлена дань с Египта.

[60] Что было ниже ставок по внешним займам развивающихся стран (6–12 %), равно доходности инвестиций в Британской империи (4–5 %) и немного выше доходности облигаций английского государственного долга, знаменитых «консолей Форсайтов» — 3 %. Напомним, что доходность инвестиций находится в обратном отношении к риску по ним.

[61] *Иванов С. М.* Указ. соч. С. 82–83.

[62] О значении иностранного контроля для управления финансами балканских стран см.: *Субаев Р. Р.* Балканская модернизация 1878–1914: цели и результаты // Славяноведение. 2015. № 5. С. 13–14.

inslav

Совет АОПД непосредственно управлял рядом государственных доходов, переданных ему для обслуживания платежей по госдолгу. К ним относились поступления по основным косвенным налогам: доходы от соляной монополии, почтовые сборы, акцизы на алкоголь, налог на рыбную ловлю близ Стамбула и десятина с дохода от шелководства некоторых районов. К ним были также добавлены выплаты дани некоторых провинций. Первоначально АОПД собирала также налог на производство табака, но в 1883 г. он был передан на откуп компании «Режи де табак» за фиксированные годовые суммы и участие в прибыли. Позднее в управление АОПД передавались и другие виды доходов с целью обеспечить обслуживание новых иностранных займов, а также предоставить финансовые (так называемые километрические) гарантии иностранным железнодорожным концессионерам.

Современная отечественная тюркология склонна в значительной мере отойти от крайностей традиционных оценок роли и значения АОПД: «Главная отличительная черта деятельности АОПД по сравнению с османским государственным аппаратом заключалась в том, что для нее было характерно стремление не только упорядочить взимание налогов, но и расширить саму по себе материальную, производительную базу налогообложения в Османской империи»[63]. Усилия АОПД по развитию шелководства, виноградарства, табаководства, тех отраслей сельского хозяйства, доходность которых непосредственно влияла на финансовое положение Администрации и на своевременность платежей по внешнему долгу, а также по содействию расширению сети железных дорог привели к значительному росту собираемости налогов. С 1887 г. (первый год, за который имеются статистические наблюдения) по 1911 г. государственные доходы возросли с 15 до почти 30 млн турецких лир[64].

В 1903 г. был принят второй важный шаг после Мухарремского декрета по оздоровлению османских финансов. Он предусматривал разделение в пропорции 75:25 превышения дохода АОПД над суммой ежегодных выплат кредиторам между АОПД и османским казначейством. Положительный эффект этой меры для османских финансов не замедлил сказаться. Темпы прироста государственных доходов резко возросли именно после 1903 г.[65]. В обмен на эту уступку иностранных кредиторов османское правительство приняло обязательство усилить меры противодействия подрыву государственных

[63] *Иванов С. М.* Указ. соч. С. 90.

[64] *Pamuk Ş.* The Ottoman Empire and European capitalism, 1820–1913: Trade, investment, and production. Cambridge, 1994. P. 238. Турецкая лира этого периода составляла 0,91 фунта стерлингов.

[65] Ibidem.

inslav

монополий, главным образом соляной, путем контрабанды. АОПД стала контролировать борьбу с ней. До этого правительственные меры были неэффективны и дорогостоящи, что было обусловлено процветающей коррупцией[66].

Еще одной важной мерой, согласованной АОПД с Портой, был перевод османской финансовой системы в 1881 г. с биметаллического на золотой стандарт. Это позволило избежать резкого и значительного роста финансового бремени Турции из-за понижения в конце XIX в. стоимости серебра, притом что турецкий долг был деноминирован в золоте.

Учреждение АОПД представляло собой водораздел в финансовой истории Турции до и после банкротства 1876 г. и ликвидации его последствий. В первый период 1881–1901 гг. были достигнуты впечатляющие результаты. Несмотря на то, что чистый отток капитала в национальном доходе превышал приток, Турция смогла восстановить свой доступ на рынки капитала, привлекать иностранные займы на гораздо более льготных условиях, чем до Мухарремского декрета, и в целом сбалансировать свой бюджет[67]. Однако начиная с 1902 г., бюджетный дефицит снова стал расти, главным образом, за счет роста военных расходов, что, в свою очередь, было вызвано новым обострением македонского вопроса и значительным усилением турецкой военной группировки в Македонии.

В современной экономической литературе роль и значение АОПД продолжают оставаться дискуссионными проблемами. Тем не менее, не подлежит сомнению ее в целом положительная роль для экономического развития Турции конца XIX — начала XX вв.

К числу безусловных достижений АОПД современные экономисты причисляют: 1) значительный рост собираемости налогов и соответствующий прирост доходов бюджета; 2) общую санацию и модернизацию османской финансовой системы до такой степени, что она смогла послужить основой проведения масштабной модернизации и развития предпринимательства в последующий кемалистский период[68]; 3) значительное повышение кредитоспособности страны, не только обеспечившее ей хорошие условия доступа на рынки капитала, но и создавшее возможности для прямых иностранных инвестиций в Турции, прежде всего в проекты транспортной инфраструк-

---

[66] *Morawitz C*. Les Finances de la Turquie. Paris, 1902. P. 273–275.

[67] Краткую историю османских финансов данного периода и характеристику новых займов см.: *Servet*. Etudes Financières, *M. Dardèche*. Causerie Financière // La Jeune Turquie. 2 Avril 1910. P. 3.

[68] *Owen R*. The Middle East in the World Economy, 1800–1914. London, 2002. P. 105; *Birdal M.* Op. cit. P. 8–9. Среди финансовых нововведений АОПД Бирдал, в частности, отмечает введение практики двойной бухгалтерской записи в систему государственных счетов, что позднее было утверждено османским правительством в качестве стандартного бухгалтерского принципа.

inslav

туры (железные дороги и порты) для улучшения условий внешней торговли, также способствующих повышению доходов бюджета[69].

Прямые иностранные инвестиции, являющиеся во все времена главным показателем признания финансово-экономического здоровья государства мировым рынком, выросли в рассматриваемый период более чем втрое. Если в 1881 г. их доля составляла лишь 6,4 % сумм, вложенных во внешние займы Порты, то к 1914 г. размеры прямых иностранных капиталовложений повысились до 21,6 % по отношению к ее внешнему долгу (притом, что долг тоже продолжал расти). Если темпы роста прямых иностранных инвестиций в османскую экономику в 1881–1914 гг. составили 590 %, то темпы роста вложений во внешние займы Османской империи за то же время — 108 %[70]. Данная тенденция разительно отличалась от ситуации в балканских странах в пользу Турции[71].

Но оборотной стороной медали явилось проявление, по мере оздоровления финансов, нового искушения султанской администрации привлечения заемных средств для покрытия новых бюджетных дефицитов, вызванных главным образом ростом военных расходов после 1903 г.[72]. Таким образом, и Мухарремский декрет 1881 г., и Илинденское восстание 1903 г., и новое ухудшение финансового положения Турции являлись звеньями одной цепи.

Военные расходы

Война 1877–1878 гг. тяжело отразилась на османской экономике и финансах. Были утрачены производительные территории, нанесен огромный ущерб хозяйству оставшихся районов, погибло около 260 тыс. населения, стали беженцами около 1 млн, из которых примерно половина, не пожелавших вернуться назад, были расселены в Румелии и Анатолии[73]. На финансы империи тяжким бременем легли контрибуция и возмещение военных расходов России. Но и дальнейшее состояние османской экономики и финансов тоже определялось итогами этой войны. Империя вступила в полосу повы-

---

[69] Согласно расчетам Р. Оуэна, из номинальной суммы займов в 241,9 млн лир, полученных Турцией в 1854–1874 гг., реально поступило в казначейство только 127,57 млн. В период же 1881–1914 гг. из номинальной суммы займов 166 млн лир правительство получило 147 млн. Таким образом, курс эмиссии вырос для Турции во втором периоде с 53 % до 89 %. См.: *Owen R*. Op. cit. P. 104, 194.

[70] *Thobie J*. Interets et imperialisme français dans l'Empire Ottoman 1881–1914 // Etudes balkaniques. 1976. № 2. P. 41.

[71] Библиографию по этому вопросу см.: *Субаев Р.Р.* Балканская модернизация 1878–1914 гг.: цели и результаты // Славяноведение. 2015. № 5. С. 3–16.

[72] *Ecchia S*. The Economic Policy of the Ottoman Empire (1876–1922). Munich, 2012. P. 11.

[73] *Topal A. E.* The Effects of German Military Commission and the Balkan Wars on the Reorganization and Modernization of the Ottoman Army. Monterey (CA), 2013. P.10.

inslav

шенных военных расходов, из которой уже не выходила до самого своего краха[74].

Дополнительную сложность создавали уменьшение поступлений доходов и рост дефицита бюджета. Если в 1886 г. соотношение военных расходов и доходов бюджета составляло 48 % (8,9 млн лир к 18,5 млн лир), то в 1894 г. уже 58 % (10,3 млн лир к 17,9 млн лир)[75]. Османскому правительству приходилось снова прибегать к иностранным займам на цели покрытия бюджетного дефицита и текущих бюджетных, в основном военных, расходов. Снова запускалась порочная спираль: займы — расходы — дефицит — новые займы — рост платежей по госдолгу — очередные займы.

Особенностью исполнения османского бюджета в начале XX в. было то, что казначейство не консолидировало государственные доходы и не расписывало расходы. Вместо этого министерства получали в свое распоряжение *расписания доходов*, которые они сами должны были истребовать путем прямого обращения к провинциальным казначеям — дефтердарам[76]. Местные бюджеты, таким образом, явно превалировали над центральным в формировании доходной части бюджета, и это обстоятельство напрямую отразилось на проблемах проведения македонских реформ и попытках дополнить их реформами финансовыми.

Очередной всплеск военных расходов, связанных с закупками вооружений и размещением в Македонии новых контингентов, был вызван Румелийским кризисом 1885 г. Порта по запросу военного министерства была вынуждена занять у Оттоманского банка 150 тыс. лир для уплаты жалования армии и флоту к месяцу рамадану. В 1888 г. Турция не сумела изыскать 25 тыс. лир на оплату контрактов германских инструкторов и не смогла оплатить заказы на артиллерию для укреплений Стамбула[77]. Задержки жалованья вызвали ряд волнений среди военных в разных частях империи. Финансовые трудности заставили Абдул-Хамида заказать германским советникам специальное исследование о возможности сокращения османской армии мирного времени с 250 до 130 тыс. чел.[78]. Но в начале XX в., под влиянием обострения македонского вопроса, произошли новая милитаризация империи и новый рост военных расходов. В 1906 г. расходы на содержание войск, расквартированных в Маке-

---

[74] *Griffiths M.A.* The Reorganization of the Ottoman Army under Abdulhamid II, 1880–1897. Ann Ardor (MI). 1966, P. 86–87; *Türk F.* Die Deutsche Rüstungsindustrie in ihren Türkeigeschäften zwischen 1871 und 1914: Die Firma Krupp, die Waffenfabrik Mauser und die Deutschen Waffen- und Munitionfabriken. Berlin, 2006. S. 168.

[75] *Topal A.E.* Op. cit. P. 29.

[76] *Новичев А.Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.–Л., 1937. С. 191.

[77] *Topal A.E.* Op. cit. P.28.

[78] Ibidem.

inslav

донии, составляли 1,25 млн пиастров в месяц (то есть, около 150 тыс. лир в год. — *Р. С.*)[79].

Первый этап реформ в Македонии (только на основе контроля и упорядочения расходов) не привел к позитивным результатам в части финансов. Дефицит бюджета трех вилайетов не только не исчез, но и продолжал расти. И причиной был не только и даже далеко не столько рост военных, сколько гражданских расходов, непосильным бременем ложившихся на местные бюджеты: содержание иностранных гражданских агентов и их аппарата, военных инструкторов и самой новой жандармерии. Европейские чиновники и офицеры получали европейское жалование в стране, едва сводившей концы с концами. Если в 1906 г. темп роста гражданских расходов опережал военные в 5,3 раза, то в 1907 г. — уже в 12,5 раз. Европа не желала поступаться своим комфортом и сытостью даже в реформируемой стране — явление, которое позже будет многократно воспроизведено. Реформы должны были кормить сами себя, и — горе реформируемым!

Ведомство генерального инспектора Македонии Хильми-паши (как бы не шельмовала его европейская публицистика и печать[80]) пыталось делать, что могло. За три года, с 1905 по 1907 гг., темпы роста дефицита снизились с 20,3 % до 5,6 %. Но этого было недостаточно.

Консолидированный бюджет трех македонских вилайетов 1905–1907 гг.

(тур. лиры)

Параметры бюджета	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Гражданские расходы	1 033 548	1 199 788	1 291 263
Военные расходы	1 433 476	1 479 159	1 488 183
Всего расходов	2 467 024	2 678 974	2 779 446
Всего доходов	1 783 118	1 856 391	1 911 218
Дефицит бюджета	683 906	822 556	868 228

Источник: *Sowards S.* Austria's Policy of Macedonian Reform. Boulder, 1989. P. 112.

Первым идею финансовых реформ в Македонии выдвинула сама Порта, понимавшая, что нарастающий дефицит местных бюджетов должен быть как-то сбалансирован. В меморандуме, направленном державам еще в мае 1905 г., было предложено повысить импортные тамо-

[79] Military Attaché Colonel Surtees' "Military Report on Turkey for the year of 1906" // F.O. 195/2226.

[80] От чего не удержался даже такой умный, честный и доброжелательный наблюдатель, как Х. Брейлсфорд. См.: *Brailsford H. N.* Op. cit. P. 300–304.

inslav

женные пошлины на 3 % с тем, чтобы часть дополнительных доходов центрального бюджета пошла на финансирование македонских реформ. Однако державы во главе с Англией отклонили такое решение и предложили «институализировать» процесс финансовых реформ в Македонии путем создания здесь Финансовой комиссии из иностранных представителей под номинальным председательствам Хильми-паши.

После отклонения Портой этих инициатив державы прибегли к привычной дипломатии канонерок — в ноябре 1905 г. в Эгейское море была направлена международная эскадра под командованием австрийского вице-адмирала Риппера[81]. Были высажены десанты на островах Митилена и Лемнос, которые заняли местные таможни и телеграфы. Турция была вынуждена согласиться на требования держав.

Однако и после создания Финансовой комиссии решение вопроса о повышении импортных пошлин с 8 до 11 % заняло два года. Камнями преткновения здесь были увязка этого вопроса с общей либерализацией турецких таможенного и горного (!) законодательств, требования держав направлять 25 % дополнительного дохода в Администрацию Оттоманского публичного долга, требования гарантий Оттоманского банка, что оставшиеся 75 % будут направляться в македонские бюджеты, и вопрос о продлении срока полномочий международных органов в Македонии до 12 июля 1914 г.[82].

Вопрос финансовых реформ воспринимался Портой гораздо болезненнее начатой ранее реформы жандармерии по политическим соображениям. Если иностранные офицеры-инструкторы формально и фактически находились на турецкой службе, что было довольно привычно для практики иностранных военных миссий, то финансовые агенты и Финансовая комиссия в целом рассматривались как непосредственное посягательство держав на османский суверенитет и прерогативы султана[83]. В глазах всех недовольных в Македонии фактически создавалось полунезависимое квазигосударство по критскому образцу. Для младотурецкой агитации это представляло не менее питательную почву, чем реформа жандармерии.

3. Македонские реформы и младотурецкое движение

Проблема македонских реформ

Главным недостатком освещения проблем македонских реформ в историографии является сознательное или неосознанное игнорирование фактов и обстоятельств, увязывающих их воедино. Адми-

---

[81] Направить свои корабли отказалась, как всегда, только Германия. См.: *Miller W.* Ottoman Empire 1901–1913. Cambridge, 1913. P. 447–448; *Sowards S.* Op. cit. P. 60–63.

[82] *Галкин И. С.* Указ. соч. С. 202–210.

83 *Tokay A.G.* The Macedonian Question and the Origin of the Young Turks Revolution, 1903–1908. London, 1994. P. 142.

inslav

нистративные и финансовые реформы, реформы жандармерии и попытка реформирования судебной системы, предпринимаемые по инициативе или под прямым давлением великих держав, рассматриваются вне реального политического и экономического контекста Балкан начала XX в., подобно сюжетному принципу *lupus in fabula*. Вследствие этого и разразившаяся в 1908 г. младотурецкая революция подается как фактор *deus ex machina*, разрешающий разом и вне всякой связи с предшествующими обстоятельствами османский политический кризис вместе с «перезревшим» македонским вопросом.

Реальная действительность была не просто сложнее, — она прежде всего была многофакторна. С точки зрения османского армянского историка Арама Андоняна, 23-я статья Берлинского трактата создала в Румелии автономный регион под контролем Европейской комиссии[84]. Хотя эта комиссия должна была заниматься обустройством Восточной Румелии, она же осуществляла контроль и за проведением реформ во всей Румелии в целом[85]. Это изначально вносило противоречия в схему преобразований и создавало административные трудности. После «объединения двух Болгарий» в 1885 г. комиссия была ликвидирована и процесс реформ в Румелии затормозился.

Выполняя формально решения 23-й статьи Берлинского трактата, османские власти разработали к 1880 г. проект Закона о европейских вилайетах и представили его для одобрения Европейской комиссии. Этот очень интересный и неоднозначный документ, к сожалению, не получил должного освещения в отечественной историографии.

К удивлению европейских дипломатов, Турция пошла в своем согласии на требуемые от нее реформы значительно дальше, чем от нее ожидали. Законопроект предусматривал значительную децентрализацию управления в Румелии и серьезные уступки в пользу христианского населения региона. В вилайетах создавались местные парламенты (меджлисы) — явление до сего времени абсолютно чуждое в административном устройстве Османской империи. Национальным меньшинствам были предоставлены широкие права в вопросах местного управления, образования и судопроизводства, а самим меджлисам — право ограниченной законодательной инициативы в вопросах их компетенции и более широкое в отношении контроля местных властей.

Меджлисы формировались на основе выборов, назначений и должностного статуса. Последнее относилось к руководству христианских миллетов. Вообще, предлагаемые меры, являясь комбинацией

---

[84] *Andonyan A.* Balkan Savaşı. İstanbul, 2002. S. 201–203. Первое издание на франц. Языке в 1913 г.: *Andonian A.* Histoire illustrée des guerres balkaniques. Constantinople, 1913.

[85] Османские власти не употребляли термин «Македония», называя регион Румелией. Балканские страны на основе своих исторических традиций называли его Македонией. Европейские дипломаты выработали для себя компромиссный вариант — «Европейская Турция». Ясно, что это понятие, как и «Румелия», значительно шире понятия «Македония».

inslav

старого и нового, создали бы чрезвычайную «рыхлость» и противоречивость структуры управления, что, несомненно, было одним из факторов задуманной турками мертворожденности проекта реформ. Но и европейская дипломатия постаралась на славу. Пораженные характером турецких предложений, во многом превосходящих проект устава, разработанный ими самими для Восточной Румелии, дипломаты основательно поработали над обоими.

Встречный проект децентрализации и либерализации Румелии, предложенный комиссией, оказался неприемлемым для турок. «Из 337 его статей (что само по себе было абсурдным. — *Р. С.*) Порта безусловно отвергла 21; относительно 28-ми настаивала на сохранении их в первоначальном виде, без поправок комиссии; относительно 95-ти воздерживалась от суждений и только 185 — из числа тех, которые были приняты европейцами в том виде, как их предложили турки, — соглашалась принять»[86]. Интересно оценивает проект закона современный турецкий историк А. Чавдар. С одной стороны, по ее мнению, это была уступка великим державам и христианским меньшинствам, с другой, — банальный дипломатический трюк, призванный выиграть время для разрешения ситуации в Румелии в более благоприятном ключе[87].

Политика децентрализации управления в Румелии противоречила планируемой в свете послевоенной модернизации административной реформе империи, проект которой султан поручил подготовить новому визирю Саид-паше на основе принципов жесткой централизации по французскому образцу. Это не могло не вызвать глубоких расхождений между ним и проектом Закона о румелийских вилайетах[88]. Кроме того, к тому времени, как пишет Милюков, в Европе охладели к Македонии, и, в конце концов, «Порта преблагополучно положила весь проект под сукно»[89].

После Румелийского кризиса 1885 г. пауза и в Восточном, и в македонском вопросах продлилась более 10 лет — до нового Восточного кризиса 1895–1897 гг., завершившегося фактической автономией Крита под управлением христианского (да еще и греческого) губернатора[90]. Это придало новый импульс македонскому вопросу. Пос-

---

[86] *Милюков П. Н.* Из поездки в Македонию. Македонский вопрос и европейская дипломатия // Вестник Европы. 1899. № 5. С. 78.

[87] *ÇavdarA.* Baptizing Territory: Reconstituting Rumeli after 1878. İstanbul, 2004. P. 23.

[88] Саид-паша первый раз стал визирем после английской военно-морской демонстрации 1879 г. Всего с 1879 по 1912 гг. был визирем восемь раз. О нем и о его проектах реформ см.: *Claireville F.* Le Réformateur // L'Orient. 15 février 1902 (Bruxelles), P. 5; Les changements politique à Constantinople. Said Pacha, Grand-Vizir // Le Temps. 26 juillet 1908. P. 2.

[89] *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 78. Милюков забывает добавить, что охлаждение Европы к Македонии было вызвано присоединением Восточной Румелии к Болгарии, одобренным державами вопреки нелепым протестам России, что, как и запрет на продвижение болгар в Македонию, изначально предусматривалось в «договоре трех императоров» 1883 г.

[90] См.: *Соколовская О. В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг.: К 100-летию присоединения Крита к Греции. М., 2013.

inslav

кольку формально действующая 23-я статья Берлинского трактата предусматривала проведение македонских реформ по образцу критских, критская автономия подняла планку македонского вопроса на новый уровень.

На возрождение идеи македонских реформ повлияла активность христианских революционных организаций, в первый период главным образом болгарских. В 1893 г. в Салониках была основана Временная революционная македонская организация (ВРМО). В 1895 г. в Софии, на основе возникших ранее военных македонско-одринских братств, был создан Верховный македонский комитет (ВМК). Первые четнические акции были проведены силами ВМК: Виницкое дело 1897 г. и Солунское дело 1901 г. В 1898 г. началось создание вооруженных чет ВРМО, после чего партизанское движение еще более усилилось. К 1899 г. в Македонии действовало более 20 чет, и в регионе была создана квазигосударственная подпольная структура на базе ВРМО[91].

В начале века инициатива вновь перешла в руки ВМК. Соперничество ВРМО и ВМК сменялось их тесным сотрудничеством в зависимости от того, кто приходил к власти в обеих организациях. Новое обострение отношений после прихода к руководству ВМК болгарского генерала И. Цончева привело к началу боевых действий между ВРМО и ВМК. Но в результате раскола ВМК возник «второй ВМК» Х. Станишева, стоявший на позициях ВРМО. В этих условиях генерал Цончев организовал свой знаменитый осенний рейд 1902 г., на который откликнулись македонские болгары каз Горный Джумай, Петрич, Мелник и Разлог. Всего восстало 17 деревень. На подавление восстания турки бросили 14 батальонов из состава 3-й армии. Было сожжено 28 деревень, больше чем число восставших. Курдские кавалеристы из частей «Хамидие» и малоазийские резервисты-мусульмане не делали различий между правыми и виноватыми. Число жертв исчислялось сотнями. Три тысячи жителей покинули свои дома.

Горноджумайское восстание 1902 г. стало непосредственным поводом к возобновлению македонских реформ. Жесткая реакция Европы на эти события заставила Порту вернуться к идее их проведения[92].

---

[91] *Ямбаев М.Л.* Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг.; *Лабаури Д.О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: Идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008; *Силянов Х.* Освободителните борби на Македония. Том 1–2. София, 1933, 1943; *Петров Т.* Нелегалната армия на ВРМО в Македония и Одринско (1899–1908). София, 1993; *Елдъров С.* Тайните офицерски братства в освободителните борби на Македония и Одринско (1897–1912). София, 2002; *Perry D.* The Politics of Terror: The Macedonian Liberation Movements, 1893–1903. Durham, 1988.

[92] *Brailsford H.M.* Op. cit. P. 290–291; *Savich C.* International Intervention in Kosovo and Macedonia, 1902–1903. Serbian Plight in Kosovo and the Vienna Plan // Serbianna, October 6, 2007. Serbianna.com/columns/savich/093.shtml (13.11.2009).

inslav

В процессе македонских реформ взаимодействовали и боролись друг с другом несколько вариантов: ВРМО-ВМК, принятый 3-м Македонским конгрессом в Софии в 1896 г.; османский Саид-паши, разработанный в конце 1902 г.; французский 1902 г. генерального консула в Салониках М. Стига, выдвинутый в развитие османского; австро-русский Ламздорфа-Голуховского, принятый в Вене в начале 1903 г.; и, наконец, английский, наиболее радикальный из всех, предлагаемых державами, и максимально близкий к требованиям болгаро-македонского движения.

Рамки главы не позволяют нам детально остановиться на рассмотрении всех этих вариантов. Отметим только, что в борьбе европейской дипломатии за влияние на ход македонских реформ особенно выделялось соперничество английского и австро-русского проектов. Именно между ними развернулась главная борьба в 1902–1908 гг., сопровождаемая напором и отступлениями участников. Нельзя однозначно считать первый период реформ (Венскую и Мюрцштегскую схемы) чисто австро-русским, поскольку сама инициатива реформ была выдвинута Англией и австро-русский проект был с нею согласован. В дальнейшем Англия сохраняла самый пристальный контроль за ходом реформ и неоднократно выступала с предложениями их углубления (особенно после прихода к власти либералов в 1905 г.). Что касается французского проекта Стига, то несмотря на весь его радикализм, официальная Франция поддерживала в этом вопросе своего союзника Россию и фактически солидаризировалась с Германией, формально устранившейся от процесса реформ, но на деле закулисно поддерживавшей своего союзника Австро-Венгрию.

Османские вооруженные силы в Македонии. Революционизация 3-й армии

После Румелийского кризиса 1885 г. группировка османских войск, размещенных в Македонии, увеличилась. С началом активизации здесь во второй половине 90-х годов партизанских действий, совпавшей с получением автономии Критом и провозглашением программы реформ в «шести армянских вилайетах», она увеличилась еще более. И военные, и гражданские власти были крайне раздражены уступками, навязанными Турции державами в пользу христианских меньшинств. В то же время, реальная эффективность противодействия деятельности четников со стороны османской армии и жандармерии была крайне низка. Это часто вынуждало привлекать для борьбы с четами иррегулярные подразделения башибузуков и курдской кавалерии «Хамидие», а также албанские и турецкие мусульманские банды, что вело не столько к успехам в борьбе с

inslav

христианскими бандами, сколько к эскалации насилия в отношении мирного населения и еще более усугубляло ситуацию.

3-я армия, сформированная еще в 1843 г., к началу XX в. являлась основой османских вооруженных сил на Балканах, предназначенных для обороны Македонии от возможного нападения балканских стран. После нескольких кризисов, сопровождавшихся очередными потерями территории или ослаблением суверенитета империи в европейских провинциях, 3-я армия получала все большее усиление, и ее содержание ложилось все более тяжелым бременем на бюджет[93]. Перед армией стояла двуединая задача: оборона внешних границ империи и борьба с проникающими на ее территорию партизанскими формированиями соседних христианских государств, паравоенными четами и просто бандами, которые часто было трудно отличить друг от друга. В борьбе с христианскими партизанами 3-й армии помогали жандармерия, полиция и сельская охрана, состоявшие главным образом из мусульман.

К началу периода реформ регулярные турецкие войска в Европе насчитывали 241 батальон, 100 эскадронов и 164 батареи. Из них более половины (158 батальонов, 37 эскадронов и 74 батареи) приходились на 3-ю армию, а остальные силы — на 1-ю и 2-ю армии. Всего в Европейской Турции было размещено около 200 тыс. солдат и офицеров[94]. Развертывание 3-й армии также определялось постоянной партизанской войной в регионе — ее большая часть размещалась в районах боевых действий, меньшая — прикрывала границы.

Политическая и моральная ситуация в 3-й армии поначалу не очень отличалась от положения дел в других армиях (1-й и 2-й), также развернутых в европейских провинциях, и, наверное, не отличалась бы и далее, если бы не навязанная державами Порте реформа македонской жандармерии. Она напрямую повлияла на отношения между офицерским составом 3-й армии, реформируемой жандармерией и новой младотурецкой организацией, возникшей в 1906 г. в Салониках. Реформа и та активная роль, которую играли в ней представители европейских держав, привели к глубокому конфликту между офицерами 3-й армии и жандармерии на фоне все шире развертывавшейся партизанской войны в Македонии. Это способствовало все большему восприятию офицерами 3-й армии младотурецкой агитации — армия стала превращаться из военного в политический фактор.

Несмотря на высокий уровень образования и теоретической подготовки офицеров 3-й армии[95], они не имели опыта ведения контр-

---

[93] Report by Military Attaché lieutenant colonel Maunsell “Changes in the Turkish Army during 1902” // F.O. 195/2150, Constantinople. 13 January. 1903.

[94] *Tokay A. G.* Op. cit. P. 148. Note 7.

[95] В массе своей они были выпускниками Военной академии и 3-х летних курсов офицеров Генерального штаба.

inslav

партизанских боевых действий, в то время как христианские четы такой опыт накопили. Четы возглавлялись армейскими офицерами своих стран, находившимися на нелегальном положении и также имевшими большой опыт таких операций. Поэтому на первом этапе подразделения 3-й армии терпели постоянные неудачи. Это вызывало растущее недовольство и деморализацию личного состава, сформированного из малоазиатских мусульман, и вело к требованиям перемен со стороны офицеров и к эксцессам в отношении христиан со стороны солдат.

Помимо недостатков в боевой подготовке и оснащении организация командования 3-й армии также была неудовлетворительной. Штаб-квартира ее командующего, мушира, находилась в Салониках, ее штаб — в Монастире. Для целей борьбы с христианскими четами в 3-й армии было создано пять зон командования: Салоники, Косово, Монастир, Серрес и Кастория[96]. Недостаточная координация действий между командованием зон и армии приводила к тому, что часто инициатива проведения боевых операций принадлежала капитанам и лейтенантам. Командиры полков и бригад часто не знали, где и с какими задачами находятся их подразделения, не говоря уже о высшем командовании. Это вело к повышению инициативности и ответственности младшего офицерства и к росту его авторитета среди солдат, а среди самих офицеров, благодаря низкому контролю со стороны командования, все большее распространение получала младотурецкая пропаганда.

Основными факторами революционизации офицеров 3-й армии были: 1) неудачи в боях с христианскими партизанскими формированиями, вызывавшие раздражение и желание проведения военных реформ; 2) создание в Македонии привилегированной военной силы — новой жандармерии, хорошо и регулярно оплачиваемой, хорошо снабжаемой и обмундированной, находившейся под контролем иностранных офицеров, что вызывало чувства ревности, зависти и недовольства; 3) все более активное вмешательство иностранцев, офицеров и гражданских чиновников в дела македонской администрации, вызывавшее подозрения в стремлении держав создать автономную Македонию по образцу Крита, внутренней вооруженной силой в которой, как подозревалось, должна была стать новая жандармерия.

Британский военный инспектор полковник Фэйрхолм доносил об этом посольству в Константинополе: «Младшие турецкие армейские офицеры за ничтожным исключением держатся в стороне (от реформ. — *Р.С.*), и наблюдается вполне очевидная сильная ревность

[96] За небольшим исключением (Драма вместо Кастории) данная схема позже легла в основу создания секторов ответственности жандармерии и иностранных инструкторов.

inslav

с их стороны, вызываемая главным образом высокой и регулярно осуществляемой оплатой офицеров новой жандармерии, их превосходной униформой и вообще тем вниманием, которое обращено на них, но отчасти несомненно происходящая от вполне естественного недовольства иностранным вмешательством»[97].

Чем дальше продвигались державы по пути македонских реформ, жандармерии и финансов, тем более серьезного противника они создавали себе в лице младших офицеров 3-й армии, все более проникавшихся младотурецкой пропагандой. Эта затянувшаяся игра с огнем не могла не закончиться взрывом. Он и грянул летом 1908 г.

4. На путях к революции

Младотурецкое движение накануне революции

Главными событиями в истории младотурецкого движения, непосредственно предшествовавшими революции, были: 1) создание в Салониках принципиально новой младотурецкой организации «Общество османской свободы»; 2) радикальное преобразование парижского «Комитета единения и прогресса» в результате деятельности двух активистов: Бахеддина Шакира и доктора Назима; 3) объединение двух этих организаций в 1907 г.

В июне 1905 г. газета «Шура-и уммет», выходившая в Каире, объявила о получении ею суммы в 2,2 тыс. франков от лица, «сочетающего в своей душе патриотизм и возвышенность чувств». Вскоре она объявила об арестах в окружении Изеддина-паши, второго по очередности права наследования принца в османской линии престолонаследия. Среди арестованных был доктор Бахеддин Шакир[98].

После окончания медицинского колледжа Бахеддин Шакир стал личным врачом принца Изеддина. Оставаясь им много лет, он являлся связующим звеном между принцем, одной из альтернативных кандидатур на трон османов[99], и Ахмедом Джелаледдин-пашой, бывшим руководителем секретной службы Абдул-Хамида и одним из главных спонсоров младотурок. В силу этого он был весьма важным посредником между оппозиционными структурами двора (и начинавшей по-

---

[97] Fairholme to O'Conor, Drama, 11 May 1905 // F.O. 195/2197.

[98] Бахеддин Шакир, один из членов тайного конклава младотурок, в отличие от Энвера, Талаата и др., долгие годы оставался в тени истории. Тем не менее, и он, и доктор Назим являлись одними из главных членов «узкого круга» младотурецкого руководства, не уступавшими по своему реальному влиянию лидерам движения, представленным на поверхности политической жизни. Хотя Бахеддин Шакир и доктор Назим были выпускниками медицинского колледжа и, следовательно, «докторами», в историографии за ними закрепились именно такие имена.

[99] Остававшейся таковой еще в ходе кризиса апреля 1909 г. и вплоть до своей загадочной смерти в 1916 г. Как полагали, принц Изеддин был устранен группировкой Энвер-паши из-за несогласия с ее прогерманским курсом, ведущим страну к катастрофе.

inslav

тихоньку сдавать свои позиции камарильи) и кружками младотурок. За статью, восхваляющую принца Изеддина, Бахеддин Шакир был сослан в Восточную Анатолию, но вскоре с помощью одной из ячеек коалиции бежал из Трапезунда на греческом корабле в Марсель. В сентябре 1905 г. он прибыл в Париж.

Бахеддин Шакир был именно тем человеком, который требовался для преобразования политически мягкой, но националистически жесткой организации Ахмеда Ризы в боевую организацию. Прибытие в Париж Бахеддина Шакира ознаменовало начало нового и последнего этапа существования старого парижского КЕП. Прекратились его двусмысленные афронты македонским и другим организациям младотурок (в отличие от эмигрантов, находившихся в реальной опасности репрессий в случае их разоблачения султанским аппаратом слежки). Был взят курс на интеграцию движения, положение в котором в 1905–1906 гг. характеризовали интриги руководителей парижской, каирской, румелийских и балканских организаций ради занятия руководящего места в движении. В стороне от этих интриг оставалась Лига принца Сабахеддина, которая при этом отнюдь не была пассивной, подготовив и осуществив несколько антисултанских восстаний в Восточной Анатолии[100].

Вторым активистом младотурок, способствовавшим трансформации их парижской организации из пацифистской в боевую, был доктор Назим. Долгое время он являлся самым доверенным учеником Ахмеда Ризы, но решающим для эволюции его взглядов оказалось пребывание в Кембридже в течение всего одного семестра в 1905 г. в качестве преподавателя турецкого языка. Преклонение либерально настроенных английских студентов перед романтически воспринятым ими борцом с тиранией, этаким «пламенным коротышкой-младотурком»[101], помогло последнему преодолеть комплекс преклонения перед учителем и стать на сторону нового «бунтаря» в партии Бахеддина Шакира.

Амбиции Ахмеда Ризы, который продолжал считать себя естественным лидером движения, должны были, наконец, уступить совместному натиску оппонентов. В КЕП произошел внутренний переворот — «забронзовевший» патриарх Ахмед Риза был бесцеремонно отодвинут с поста бесспорного лидера движения усилиями Бахеддина Шакира, лидеров активистов и «прозревшего» ученика Ахмеда Ризы — доктора Назима.

---

[100] Читатель без труда усмотрит в этих событиях явное сходство с внутренней борьбой в российской социал-демократической эмиграции между фракциями Г.В. Плеханова и В.И. Ульянова-Ленина при отстраненном положении партии эсеров, ведущих реальную борьбу с самодержавием.

[101] *Toye F.* For What We Have Received: An Autobiography. New York, 1948. P. 70.

inslav

Но нужно было еще навести мосты с влиятельной Лигой децентрализации принца Сабахеддина и отсиживавшейся под крылышком египетского хедива каирской фракцией движения, руководимой бывшим шефом османской разведки Джелаледдин-пашой. Авторитет Ахмеда Ризы, все еще неоспоримый в Каире, и финансовые возможности Джелаледдин-паши делали необходимым для Бахеддина Шакира привлечение на свою сторону этой организации. К этому времени Гази Ахмед Мухтар-паша[102], представитель султана при хедиве Египта, а более — при верховном комиссаре Великобритании лорде Кроумере, сделал последнему жесткую рекламацию относительно непозволительно резких форм антисултанской пропаганды младотурок в Египте. В результате редактор «Шура-и уммет» Ахмед Саид был арестован, а сама газета закрыта на несколько месяцев.

Отдав через несколько дней приказ об освобождении Ахмеда Саида, лорд Кроумер взял с него «слово офицера», что он не будет впредь пользоваться в отношении султана «оскорбительной лексикой и уничижительными фразами». Позже заявление Ахмеда Саида Ахмеду Ризе, требовавшему возобновления пропаганды, что он не нарушит данного слова, послужило поводом для конфликта активистов и стоявшего за ними Бахеддина Шакира с Ахмедом Ризой, закончившегося отстранением последнего[103]. Отныне Ахмед Риза был только декоративным «зиц-председателем» комитета.

Но из создания широкой коалиции ничего не вышло. Требования Джелаледдин-паши оказались неприемлемыми, как и его претензии на лидерство. И хотя Бахеддин Шакир, принц Сабахеддин и Джелаледдин-паша порознь были связаны с армянскими революционерами и вовлечены в попытку покушения на Абдул-Хамида[104], с идеей широкой коалиции пришлось расстаться. Отныне целью Бахеддина Шакира стало преобразование комитета «Единение и прогресс» в боевую революционную организацию. Естественным шагом на этом пути было объединение двух главных организаций младотурок, парижской и салоникской, нацеленных на реальную борьбу с тиранией Абдул-Хамида. Это и произошло в 1907 г.

В последние дни уходящего 1907 года, 27–29 декабря, в Париже прошел 2-й конгресс младотурок под общим председательством Ахмеда Ризы и принца Сабахеддина[105]. Однако, несмотря на объединительные резолюции, принятые конгрессом, к 1907 г. расхождения

---

[102] Герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., будущий великий визирь в 1912 г.

[103] *Hanioğlu M.Ş.* Op. cit. P. 131–132.

[104] 21 июля 1905 г. члены Армянской революционной федерации предприняли попытку покушения на Абдул-Хамида, поставив экипаж с ящиками динамита и часовым взрывателем перед дворцовой мечетью. Из-за непредвиденной задержки с выходом султана он не пострадал, но было убито 26 и ранено 58 человек из числа собравшихся возле мечети.

[105] *Ramsaur E.* Op. cit. P. 124.

inslav

между сторонниками Ахмеда Ризы и принца Сабахеддина стали настолько велики, что примирение между ними было невозможно. Этот факт имеет самое большое значение для понимания процессов, происшедших после революции.

Для иллюстрации этих тенденций показательно письмо, направленное Бахеддином Шакиром своему корреспонденту, в котором он отвечал на вопрос, почему КЕП столь яростно нападает на Сабахеддина. Бахеддин Шакир пишет, что Сабахеддин и его отец «бежали из Стамбула для того, чтобы разграбить народное достояние и запродать страну иностранцам». Далее принц обвинялся в том, что он «снюхался» с дашнаками и хочет создать армянское государство в пределах Османской империи[106]. Последнее до некоторой степени соответствовало действительности — Лига принца Сабахеддина действительно заключила политический союз с партией Дашнакцутюн. Если КЕП, особенно после его слияния с ООС в 1907 г., в качестве главной зоны действия избрал Македонию, то Лига в союзе с дашнаками действовала в основном в Восточной Анатолии. Именно она организовала выступления в воинских частях в Малой Азии и восстания в Армении и на черноморском побережье в 1906–1907 гг. Ее роль в революционном движении была ничуть не ниже КЕП[107].

Создание принципиально новой организации младотурок в Македонии — «Общество османской свободы»

Вывод Рэмсора о том, что «“Общество османской свободы” (ООС), которое с помощью 3-й армии осуществило революцию 1908 г., с самого своего основания ни в малейшей степени не было ответвлением какой-либо эмигрантской организации младотурок в Европе и ни в коей мере не было также прямым потомком какой-либо из ранних младотурецких групп в Османской империи», — остается признанным до сегодняшнего дня[108]. Единственное дополнение, которое мы можем сделать к этому выводу на основе данных, накопленных турецкой историографией, это то, что связь ООС и 3-й армии была не только главным рычагом революции. Само создание ООС явилось производной от политических процессов, проходивших в 3-й армии,

---

[106] Цит. по: *Kuran A. B.* İnkılâp Tarihimiz ve İttihad ve Terakki. İstanbul, 1948. S. 228–229. И Куран, и Рэмсор считают обвинения принца Сабахеддина в продажности ложью, свидетельствующей лишь о глубине противоречий между двумя фракциями.

[107] Заслуга Шпильковой в том, что она акцентировала младотурецкую активность в Восточной Анатолии, но при этом она не сумела вскрыть в ней роль принца Сабахеддина и его организации, что нашло отражение в удручающем выводе: «В историографии младотурецкой революции остается до сих пор спорным вопрос о роли Сабахеддина в революции… Нет единого мнения о роли Сабахеддина и среди советских историков». // *Шпилькова В. И.* Указ. соч. С. 39. По нашему же мнению, принц Сабахеддин — один из главных героев революции.

[108] *Ramsaur E.* Op. cit. P. 94.

inslav

и их следствием. О них обоих образно можно сказать: «ООС и 3-я армия — близнецы-братья».

Только с третьей попытки в Салониках возник мощный революционный центр, способный возглавить движение, считая первыми попытку Мустафы Кемаля завязать контакт с салоникской группой младотурок еще в 1902 г. и попытку в том же году членов эдирнской организации Талаата и Казима Карабекира создать в Салониках отделение парижского КЕП. Будущий «отец нации» Ататюрк действительно посетил Салоники с заговорщицкими целями, но вступил в контакт лишь с местной ячейкой, действовавшей самостоятельно[109]. Что касается группы из Эдирне, то Ахмед Риза отказал ей в выдаче «франшизы» и посоветовал «работать независимо на османской почве», о чем с горечью писал Казим Карабекир в своих мемуарах[110].

Создание в Салониках 22 июля 1906 г. новой организации «Общество османской свободы» стало важнейшим рубежом в истории младотурецкого движения. Его«отцов-основателей» по праву можно было назвать «сливками исламского македонского общества», военного и гражданского: майор Буршали Мехмед Тахир, начальник Салоникского военного училища; майор Наки-бей, преподаватель французского языка этого же училища; Мустафа Рахми, предприниматель из известной салоникской семьи; Мидхат Шукру, директор городской больницы Салоник; капитан Эдиб Шервет, османский адъютант начальника иностранных инструкторов жандармерии итальянского генерала Де Джиорджиса; капитан Казим Нами, адъютант командующего 3-й армией маршала (мушира) Хайри-паши,[111] и лейтенанты Хакки Баха, Омер Наджи и Измаил Джанболад[112].

Серьезным вопросом, до конца не проясненным в историографии, остается роль Талаата в возникновения ООС. О его ведущей роли говорят историки Рэмсор и Тунайя, а также мемуаристы Энвер и Казим Карабекир[113]. Однако наиболее авторитетный в этом вопро-

---

[109] Претензии Мустафы Кемаля Ататюрка на ведущую роль в создании этой организации, возглавившей движение и приведшей его к победе революции, следует отвергнуть как политическую конъюнктуру, хотя этой версии сполна отдали дань некоторые отечественные историки, например, Алиев: *Алиев Г.З.* Указ. соч. С. 85–86. Шпилькова занимает в этом вопросе более сдержанную позицию: *Шпилькова В.И.* Указ. соч. С. 78.

[110] *Karabekir K.* İttihat ve Terakki Cemiyeti: Neden Kuruldu, Nasıl Kuruldu, Nasıl Irade Olundu. İstanbul, 1982. S. 158. О К. Карабекире см.: *Субаев Р.Р.* Измаил Энвер-паша и его модификация турецкой национальной идеи // До и после Версаля. М., 2009. С. 244–245.

[111] В османской военной структуре начала XX в. термин «мушир» (*Müşir*) означал и должность командующего армией, и звание маршала. В современном турецком языке, согласно закону сингармонизма, «маршал» будет *müşür*, а «командующий армией» — *ordukomutanı* или *ordukumandanı*. Хайри-паша умер в 1907 г., его сменил Эссад-паша, будущий «герой» обороны Шкодера и активный албанский протурецкий политик в 1913–1914 гг.

[112] Впоследствии в «узкий круг» руководства младотурок вошли только Мустафа Рахми и Мидхат Шукру.

[113] *Karabekir K.* Op. cit. S. 177.

inslav

се турецкий историк Ханиоглу ничего не пишет о руководящей роли Талаата и не включает его в состав девяти основателей общества, в отличие от Токай, которая делает это, расширяя список основателей до десяти[114].

Как бы там ни было, Талаат вскоре стал членом центрального комитета ООС и многолетним бессменным лидером как македонского, так и младотурецкого движения в целом. С нашей точки зрения, определяющими должны быть признаны следующие факты: переход влиятельной младотурецкой организации в Эдирне, возглавляемой Талаатом и Казимом Карабекиром, на идейно-организационную платформу македонской ветви движения и вступление Карабекира, уже бывшего активистом сильной организации во Фракии, в младотурецкий комитет Монастира, куда он был принят лично Энвером, одним из руководителей организации. Все это говорит об авторитете и совершенно особой природе новой организации ООС, проявившейся в результате переплетения усилий македонских активистов и офицеров 3-й армии под влиянием именно македонских событий. Двухчленная структура организации — два центральных комитета в Салониках и Монастире — отражала особенности организационной структуры 3-й армии — наличие штаб-квартиры командующего (мушира) в Салониках и штаба армии в Монастире.

Со времени основания ООС не прекращаются также дискуссии о роли масонов и евреев в создании новой организации и в истории младотурецкого движения в целом, их связях с организациями, возникшими ранее, и о преемственности зарубежной масонско-карбонарской и младотурецкой революционной традиций. Связи между ведущими организациями масонов и младотурок действительно существовали на личном уровне[115], обе стороны использовали их для решения конспиративных и представительских задач, но бесспорна также принципиальная разница двух типов организаций[116].

27 сентября 1907 г. парижская и салоникская организации приняли решение о своем объединении под названием «Комитет единения и прогресса», что стало еще одним выдающимся достижением младотурецкого движения[117]. После объединения КЕП и ООС обменялись двумя ведущими членами: Омер Наджи отправился в Париж, а док-

---

[114] *Hanioğlu M. Ş.* Op. cit. P. 212; *Tokay A. G.* Op. cit. P. 209.

[115] Ibid. P. 90.

[116] Исчерпывающий анализ связей младотурок и масонов проведен английским историком Э. Кедури. См.: *Kedourie E.* Young Turks, Freemasons and Jews // Middle Eastern Studies. 1971. Vol. 7. № 3. P. 89–104. После него рассуждения о масонских или еврейских корнях младотурок следует считать домыслами, не говоря уже о бульварной псевдоисторической греческой литературе и грудах «мусора» в многострадальном интернете, посвященных этой теме.

[117] Первоначально организация называлась «Комитет прогресса и единения», но позже название было изменено на обратное.

inslav

тор Назим прибыл в Салоники. Обе организации конституировались во внутренний и заграничный штабы Комитета соответственно, но ряд влиятельных комитетов, действовавших в Македонии, как, например, в Монастире и Охриде, имел право сноситься с заграничным центром напрямую. В результате такой трехчленной структуры сложился узкий круг руководителей движения, который практически постоянно входил в состав Центрального комитета: Бахеддин Шакир, Ахмед Риза и Омер Наджи от заграничного центра; Талаат, доктор Назим и Мидхат Шукру от салоникского; Энвер-бей от монастирского отделения и Эйюб Сабри от охридского.

Ф. Ахмад считает младотурок 1908 г. идеологическими наследниками «молодых османов» конца XIX в. Подобно этим своим предшественникам они были либералами в европейском духе, продолжателями традиции реформирования и обновления империи, восходящей к реформам Танзимата 1839, 1856 и 1876 гг. Он полагает движение гражданским по существу, в котором военные играли роль действующей силы, особенно активной в периоды кризисов, но не определяющей политику движения[118]. Однако он же справедливо указывает на формирование в Македонии в период правления Абдул-Хамида особой социальной группы, сыгравшей потом основную роль в революции. Это были представители новых социальных слоев, не связанные с османской бюрократией. В отличие от реформаторов прошлых времен, видевших в реформах средство сохранения своего элитарного статуса, представители новых слоев стремились к реформированию империи ради сохранения самой империи. «Модернизаторы по-японски» — так, пожалуй, можно было бы их назвать. Технократический образец реформ они видели в Японии, стремясь превратить Османскую империю в «Японию Ближнего Востока»[119].

Что необходимо добавить к характеристике македонской социальной группы — это ее исламский характер. Движение салоникской группы младотурок было движением исламских македонских националистов. В историографии утвердилась точка зрения, что главной целью младотурок было обеспечение сохранения и выживания империи в современном мире. Но не менее важной целью, возможно, не уступающей первой, было обеспечение выживания мусульманской общины в Румелии путем приобретения ею господствующего положения в империи в целом. Салоники против Стамбула, «новое против старого» — так можно сформулировать это направление политики младотурок. Оно означало также претензии нового слоя на руководящую роль в политике империи. Младотурки понимали, что

---

[118] *Ahmad F.* Great Britain's Relations with the Young Turks, 1908–1914 // Middle Eastern Studies. Vol. 2. № 4. 1966. P. 305.

[119] Ibid. P. 306.

inslav

без сохранения Румелии в составе империи, во-первых; без сохранения политического господства исламской общины в империи, во-вторых; и без отстранения иностранных государств, как европейских, так и балканских, от решения судьбы Румелии, в-третьих, их собственная политическая судьба будет предопределена. Стремление не допустить деисламизации Румелии и прежде всего Македонии лежало в основе политики македонских младотурок. Обновление и усиление империи должно было стать средством сохранения этой «малой родины» и своего места в ней. Македонско-исламская составляющая младотурецкого движения является одной из самых острых проблем в его изучении, и от исследователей требуется занятие принципиальной позиции в этом вопросе.

Э.-Я. Цюрхер наиболее последовательно из современных западных туркологов сформулировал концепцию «исламского национализма» младотурок. При некоторой политологической неординарности данного термина он имеет право на существование. При такой постановке вопроса и соответственного отхода от жесткой традиционной схемы, утвердившейся в отечественной историографии, согласно которой идеологией младотурок последовательно были османизм, пантуркизм и турецкий национализм с изрядной долей панисламизма, унаследованного от режима Абдул-Хамида, соотношение идеологии и реальной политики в деятельности младотурок приобретает свои истинные, а не искаженно-пропагандистские очертания. Остается добавить, что зоркий наблюдатель событий младотурецкой революции британский дипломат Дж. Янг определял еще 100 лет назад младотурецкое движение как не просто «исламско-националистическое», а именно как «исламско-македонское», то есть как проявление с опозданием на несколько лет того же балканского национализма, который терзал многострадальное население Македонии, но только теперь уже со стороны мусульманской общины Македонии, достаточно многочисленной, если и не составляющей большинство, для того, чтобы настаивать на выполнении своих требований[120].

Главной политической целью младотурок было сохранение Македонии за империей, восстановление суверенитета над нею и другими провинциями. Ради этой цели они выступали за смену режима, чтобы обновленное правительство дало отпор посягательствам как европейских держав, так и соседних балканских христианских государств.

К началу 1908 г. Йылдыз-Киоск начал смутно подозревать, что готовится нечто большее, нежели очередные локальные волнения, митинги, петиции и резолюции. Тот факт, что существование и структура КЕП оказались практически не раскрытыми до самого начала

[120] *Diplomatist (G. Young).* Nationalism and War in the Near East. London et al., 1915. P. 111–113.

inslav

революции, говорит о высоком уровне его конспирации, которой, кстати, младотурки научились именно у масонских и карбонарских организаций.

Начало революции

Вопреки широко распространенному мнению, непосредственным поводом к началу младотурецкой революции послужило не свидание его британского величества короля Эдуарда VII с императором всероссийским Николаем II в Ревеле 9–12 июня 1908 г., посвященное обсуждению новых британских инициатив углубления программы реформ в Македонии, а, как это часто бывает, проникновение властей в планы заговорщиков. Усилия начальника военной полиции вилайета Салоники полковника Назим-бея не пропали даром, и 12 июня он собирался отбыть в столицу с докладом о состоянии дел во вверенном ему военно-полицейском округе.

Но за день до окончания торжеств в Ревеле и отбытия Эдуарда VII домой, 11 июня, на жизнь Назим-бея было совершено покушение. В то время как салоникская публика, наслаждаясь чудесным летним вечером, собралась в городском парке послушать концерт на открытом воздухе, Назим-бей работал в своем доме с адъютантом, заканчивая доклад. Покушавшийся офицер скрытно проник в сад дома Назим-бея и дважды выстрелил в свою жертву через окно. Ощутив опасность, Назим-бей инстинктивно повернулся и отделался легким ранением. Террорист явно не отличался навыками стрельбы «по-македонски», потому что, выстрелив в адъютанта и солдата-охранника, он также промахнулся, но обладал завидной прытью и увертливостью, так как под ответным огнем обоих стрелков сумел благополучно ускользнуть.

Согласно своему первоначальному плану революция должна была начаться 1 сентября 1908 г., в 32-ю годовщину вступления на престол султана Абдул-Хамида, одновременно во всех крупных городах Македонии. В этот день воинские части младотурок и группы гражданских активистов должны были захватить местные центры администрации с политическими и религиозными руководителями, мусульманами и христианами, а также иностранными консулами, которые должны были прибыть для поздравления османских властей. Взяв этих лиц в заложники, младотурки намеревались телеграфировать султану требование восстановления конституции.

В результате изменения ситуации первыми адресатами, которых младотурецкие революционеры проинформировали о своих намерениях, по иронии судьбы стали сами европейские консулы в Салониках, Монастире и Ускюбе. В ночь на 12 июня 1908 г. младотурецкий комитет направил им свой меморандум, в котором говорилось,

inslav

что «македонский вопрос заслонил собой оттоманский вопрос», что «пришла пора оттоманам самим навести порядок в своем доме», что движение младотурок «направлено против дворцовой камарильи» и что «реформаторские усилия Европы, как бы хорошо они не были задуманы, не смогли искоренить македонское зло»[121]. Единственными, кто не получили меморандум, были консулы Российской империи[122]. Младотурки не считали нужным считаться с Россией в вопросе своей революции и вообще не желали иметь с ней ничего общего.

Консульства немедленно проинформировали свои посольства, а также, ввиду чрезвычайной важности информации, — напрямую центральные аппараты своих МИД. Однако никаких оперативных мер по горячим следам державами принято не было, несмотря на то, что парижский центр младотурок одновременно разослал подобный меморандум послам великих держав в Париже[123]. Складывалось впечатление, что Европа предоставила младотуркам, настроенным решительно воспрепятствовать дальнейшему иностранному вмешательству во внутренние дела страны, *carte blanche*. Державы выжидали дальнейшего развития событий.

Покушение на Назим-бея имело следствием направление в Салоники комиссии по расследованию положения дел в Македонии, снабженной грозными наказами и широкими полномочиями. По ее прибытии в центре событий оказался блестящий молодой офицер, подававший большие надежды и пользовавшийся большой популярностью в салоникском обществе и к тому же приходившийся несостоявшейся жертве шурином, — майор Генерального штаба Энвер-бей. Будущий герой революции впервые вступил на историческую сцену.

Энвер был первым человеком, обвиненным комиссией. Поначалу власти пытались действовать тонкими методами. Энвер получил приглашение от султана в выражениях, должных польстить его самолюбию, прибыть в Стамбул и лично проинформировать его величество о реальном положении дел в Македонии. К приглашению было добавлено обещание повышения по службе.

В офицерской среде 3-й армии, состоящей в основном из выпускников столичных военных училищ европейского образца, были широко известны истории о молодых офицерах, членах революционных кружков и комитетов, которые, получив подобное приглашение, входили в ворота дворца Йылдыз-Киоск, после чего бесследно исчезали

---

[121] Correspondence Respecting the Constitutional Movement in Turkey, 1908. London, H.M. S.O. 1909. P. 9–10.

[122] *Ичйер А*. Сербия и Турция в годы младотурецкой революции (в печати). С. 2.

[123] Ни одна из ведущих парижских газет не упомянула об этом даже в строке новостей, но уже через три недели новости из Македонии заняли первые полосы этих газет.

inslav

навсегда. Поэтому от Энвера не требовалось особой проницательности при принятии решения. Да и решать, в сущности, было нечего. События уже стали необратимыми.

3 июля 1908 г. в ходе традиционной пятничной молитвы майор Ниази-бей, командир батальона, расквартированного в городе Ресна вилайета Монастир, вместе с капитаном Эюбом Шабри-беем подняли и увели в Ресненские горы 200 солдат своего батальона. Покидая город, Ниази-бей телеграфировал султану требование восстановить конституцию ради избежания гражданской войны. Манифест, выпущенный тайным комитетом, с аналогичными требованиями к султану, был расклеен на улицах Монастира.

В ответ на такие действия в Монастир была послана военная экспедиция во главе с генералом Шемси-пашой. Однако по вступлении отряда в город генерал был застрелен прямо на улице одним из своих офицеров, участником революционного движения. Совершив убийство, офицер-террорист хладнокровно удалился с места покушения, и никто не сделал попытки задержать его — солдаты были полностью на стороне повстанцев. Одновременно, в заранее установленный день и час, несколько генералов и старших офицеров из числа приверженцев султана были убиты при сходных обстоятельствах в гарнизонах других городов. Гражданская война началась…

Абдул-Хамид, еще не осознав, что армия выходит из повиновения, предпринял новую попытку взять ситуацию под контроль. Вместо незадачливого Шемси-паши на подавление восстания был послан маршал Осман-паша, командующий армейской зоной Косово[124]. Султан возлагал особые надежды на его миссию, но этим надеждам не суждено было сбыться — их разрушили дерзкие и инициативные действия Ниази-бея. Уже по вступлении в Монастир и после выпуска прокламации с угрозами штаб Осман-паши был обстрелян. В ближайшую же ночь Ниази-бей с группой бойцов проник в город, который он знал как свои пять пальцев, и, воспользовавшись небрежно организованной караульной службой, умыкнул маршала прямо из постели под носом его стражей и, перекинув через луку седла подобно похищаемой невесте, галопом умчал в Ресненские горы.

Энвер-бей отправился туда же на соединение с отрядом Ниази-бея в сопровождении распропагандированного им отряда солдат гарнизона городка Теквеш, которым он командовал до назначения в штаб 3-й армии. Отряды действовали в окрестностях Монастира из своих лесных лагерей, ликвидируя враждебных представителей султанской администрации и просултанские банды башибузуков и ал-

[124] Не следует путать, как это часто происходит в историографии революции 1908 г., с культовой фигурой турецкой армии, победителем сербов в 1876 г. и греков в 1897 г., героем обороны Плевны против русских в 1877 г., маршалом Гази Осман-пашой, скончавшимся в 1904 г.

inslav

банцев. Финансовая сторона ведения революционных действий была также обеспечена Ниази-беем, который, отправляясь в горы, захватил кассу своего батальона.

Отряды революционеров вступали в турецкие и болгарские села, освобождали жителей от повинностей в пользу султана (но облагали в пользу комитета «Единение и прогресс»), вербовали своих сторонников и назначали новую комитетскую администрацию. За короткий срок численность революционных отрядов значительно возросла. Войска, посланные против восставших из Малой Азии, отказались в них стрелять и перешли на сторону революции[125]. Одновременно Ниази-бей занял жесткую позицию в отношении христианских банд, призвав их прекратить террор и приступить к сотрудничеству или покинуть страну. Он пригрозил, что «повесит без всякой жалости любого, кто не подчинится этому призыву»[126].

В эти же дни важные события произошли в Албании в Феризовиче, маленьком городке в Косово, где группа племенных вождей, собрав 15 июля 1908 г. до 10 тысяч приверженцев, недовольных предоставлением Австро-Венгрии концессии на проведение железной дороги через их территорию, также потребовала от султана восстановления конституции. В современной турецкой историографии доказано, что действия албанских племенных вождей и комитета «Единение и прогресс» были заранее скоординированы.

Бои с болгарскими четниками, бывшие основной задачей подразделений 3-й армии на протяжении нескольких лет, с началом революции прекратились. Руководители болгарских чет, в частности Яне Санданский, объявили, что они прекращают борьбу с противниками султанского деспотизма[127]. Дорога к трогательному единению вчерашних врагов, потрясшему воображение современников и вызвавшему слезы умиления по всей Европе, была открыта. В болгарских семьях в эти дни родители нарекали своих новорожденных дочерей именем Надежда; в мусульманских было свое поветрие — новорожденным мальчикам по всей империи давали имя Энвер[128].

Начиная с 21 июля, в различных македонских городах на митингах явочным порядком провозглашалось восстановление кон-

---

[125] La révolution en Macédoine // Le Temps. 25 juillet 1908. P. 1; Le Sultan et la Constitution // Le Temps. 26 juillet 1908. P. 1.

[126] Le mouvement jeune-turc en Macédoine // Le Temps. 24 juillet 1908. P. 2.

[127] С греческими бандами бои продолжались. Дворцом была даже сделана попытка использовать их для ареста или физического уничтожения Ниази-бея и его сподвижников // *Knight E.F.* The Awaking of Turkey. The Turkish revolution of 1908. Boston and Tokyo, 1910. P. 179, 181–182.

[128] Некоторые из этих мальчиков впоследствии тоже стали видными политическими лидерами, среди них — Энвер Ходжа в Албании и Анвар Садат в Египте. // *MacDermott M.* For Freedom and Perfection. The Life of Yane Sandansky. London, 1988. P. 340; *Suhnaz Y.* An Ottoman Warrior Abroad: Enver Pasa as an Expatriate // Middle Eastern Studies.Vol. 35. № 4. 1999. P. 48.

inslav

ституции[129]. Султан наконец сдался и согласился с требованиями восставших — 24 июля, в пятницу, был издан указ, восстанавливавший ее действие. В тот же день в ходе пятничной молитвы муллы огласили его во всех мечетях Румелии. В Монастире оглашение указа сопровождалось пением «Марсельезы». То же было в Салониках — 300 офицеров собрались в городском саду и заставили военный оркестр играть гимн революции[130]. Население империи восторженно праздновало победу, вчерашние враги устраивали братания и застолья с песнями и танцами.

Революция 1908 г. в Османской империи всего за три недели увенчалась неожиданно быстрым и полным успехом, став символом ветра перемен, пронесшегося, наконец, над Балканами и развеявшего душную атмосферу вражды, ненависти и террора. Для характеристики этого периода историки и мемуаристы по большей части употребляют термины «заря», «весна», «возрождение», «медовый месяц». Смутно ощущалось, что скоро этой невиданной волне эмоций суждено будет расплескаться и погаснуть, обнажив на дне опасные, никуда не девшиеся мели и рифы. Сказывались непреходящие факторы — вековые исторические противоречия и конфликты. Скоро должны были возобновиться споры и распри, погромы и убийства, возродиться страх, ненависть и жажда мести...

Начиналось же все действительно прекрасно и необычно. «Никогда ранее в истории представительской системы правления, — пишет английский историк Мерсия Макдермот, — провозглашение столь скудной, бедной реальным содержанием конституции не вызывало такого эффекта, сравнимого с катаклизмом. Мало кто из разобщенных подданных султана имел хотя бы малейшее представление о том, что́ конституция действительно влечет за собой, но их психологическое состояние было таковым, что они принимали свечу за солнце и приветствовали конституцию как чудесное свершение всех их надежд, как панацею от всех своих бед. Все они, христиане и мусульмане, называли чудо, которое свершилось… турецким словом “хюрриет” — свобода»[131].

---

[129] *Viator.* La Turquie constitutionnelle // Le Figaro. 27 juillet 1908. P. 2.

[130] *Viator.* La Constitution de demain // Le Figaro. 25 juillet 1908. P. 2.

[131] *MacDermott M.* Op. cit. P. 339. Стоит ли напоминать ученой даме, что дело не в абстрактном «содержании» конституции, а в ее соответствии общественным отношениям? Родина миссис Макдермот вообще обходится без писаной конституции, а сталинско-бухаринская конституция 1936 г. по духу и букве была вполне демократичной. Что же касается «представления» османского населения о конституции, то оно, вероятно, было сродни таковому солдат, выведенных декабристами на Сенатскую площадь в 1825 г., которые кричали: «Константин и Конституция!» — полагая, что Конституция — это жена Константина, о которой было известно, что она полька.

inslav

Часть вторая

ЭПОХА БАЛКАНСКИХ ВОЙН

inslav

Долгий путь к рождению Антанты

В начале века на Балканах еще больше проявились претензии Австро-Венгрии на хозяйничанье в регионе, стремление присвоить оккупированную ранее провинцию Османской империи Боснию и Герцеговину. А Германия бросила открытый вызов морскому могуществу Великобритании. В ответ владычица морей проявила инициативу к сближению противников немецкого доминирования. Активную роль в этом процессе сыграл не кто-нибудь, а король Эдуард VII, который взвалил на себя техническую часть рождения Тройственного союза, нареченного Антантой, Сердечным согласием[1].

Эдуард появился в Париже в мае 1903 г. с ветвью дружбы в руках. Встретили его с приветом и с желанием договориться. Сторонам удалось достичь согласия по всем вопросам. Министр иностранных дел Т. Делькассе сообщал в Петербург: «Мы вправе приветствовать визит короля Эдуарда и надеяться, что он не был бесполезен». Далее следовал вопрос о реакции Петербурга. Ответ поступил немедленно: полное одобрение.

Глава французского кабинета и министр иностранных дел отправились в Лондон. Их ждал торжественный прием. На официальном обеде в Букингемском дворце король заявил: «Франция и Англия, бывшие некогда врагами, ныне являются друзьями и союзниками». 8 апреля 1904 г. состоялось подписание соглашения о Сердечном согласии, положившее начало образованию Антанты. Хотя оно и было направлено против Германии, об этой стране в его тексте не упоминалось ни словом, о подготовке к войне тем более. Предусматривался раздел сфер влияния в Африке, Англии предназначался Египет, Франции — Марокко, генеральные штабы двух стран приступили к регулярным контактам, британскому флоту поручалась забота об общих интересах в Северном и Балтийском морях, французскому — в Средиземном. В 1911 г. французские войска оккупировали Марокко, его самостоятельное существование прекратилось. Д. Ллойд Джордж,

[1] Мировые войны XX века. Кн. 1. М., 2003. С. 46.

inslav

явно с целью воспрепятствовать ответным действиям Германии, заявил, что Франции, в случае нужды, будет оказана поддержка, не исключая военной.

В конце XIX в. Россия, как тогда выражались, удалилась из Европы и занялась дальневосточными делами. Итог не радовал — поражение в войне с Японией в 1904–1905 гг. и революция в стране. Самодержавию пришлось заняться ее подавлением. Все это отсрочило заключение соглашения с Англией.

Оба российских партнера отнеслись к дальневосточным устремлениям царизма критически. Англия даже заключила договор о союзе с Японией (различные варианты его — от 1902 г. до 1905 г.), однако взаимопомощь предполагалась лишь в случае присоединения к войне против России еще одной страны, на что не имелось и проблеска надежды, так что особой угрозы для самодержавия он не представлял. Французское правительство с тревогой отнеслось к военным действиям российской армии далеко на востоке, тогда как ей следовало сковывать германские вооруженные силы в Европе. Российское министерство иностранных дел в отчете за 1904 год сочло нужным отметить, что правительство Франции делало и продолжает делать все совместимое с нейтралитетом для облегчения положения России как воюющей стороны. В Париже с чувством удовлетворения отмечали доблесть российских войск даже в неудачной войне. Подобные выводы делались и в Генеральном штабе Германского рейха. Его начальник, генерал фон Шлиффен, считал русского солдата одним из лучших в мире. Его выдержка и презрение к смерти были общеизвестны. Парижский денежный рынок не скупился, в 1906 г. самодержавие получило немалый заем — 2,25 млн франков.

Англо-российское соглашение о союзе было подписано 31 августа 1907 г. На сей раз визит короля Эдуарда не предшествовал акту заключения, а последовал за ним. Встреча монархов состоялась в Ревеле (Таллине). Все споры и разногласия в троице меркли и отступали на второй план перед опасностью агрессии Второго рейха, его рывка к господству в Европе. Стороны разделили Иран на три зоны. Северную участники сделки сочли российской зоной влияния, юго-восточную — британской, центральная признавалась нейтральной, партнеры обязывались не мешать в ней друг другу. Афганистан вошел в сферу влияния Англии, договаривающиеся обязывались не вмешиваться во внутренние дела Тибета, сохранять его территориальную целостность и вести с ним сношения только через китайское правительство. Кайзер Вильгельм реагировал на встречу царя со своим дядей королем Эдуардом в свойственной ему манере, обозвав их мерзавцами. Он понимал, сколь далеко идущими и неутешительными для рейха последствиями встреча чревата, хотя ни о войне, ни о Гер-

inslav

мании в этом документе не упоминалось. Однако гарантией осуществления взаимопомощи, включая военную, служила угроза нападения войск ненасытного рейха.

Так был сколочен военно-политический блок трех держав, нареченный Антантой. Европа разделилась на два лагеря, война между ними становилась неотвратимой. Возвышение одной державы над всеми прочими до степени установления гегемонии на континенте всегда вызывало отпор обиженных, и происходили великие войны: Тридцатилетняя 1618–1648 гг. против Священной Римской империи германской нации, серия войн Великой французской революции и Наполеона Бонапарта. А предстояли еще две — Первая мировая против рванувшегося к европейскому господству блока держав во главе с рейхом и Вторая мировая — против человеконенавистнического нацистского режима в Германии, центральное место в которой принадлежит Великой Отечественной войне Советского Союза.

Дипломатия на Балканах, превратившихся в «пороховой погреб Европы», претерпела крутые перемены. Каждая держава теперь сносилась с балканскими странами порознь, исходя из своих интересов и намерений. Самодержавие отстаивало все права, связанные с приобретением независимости Сербией, Черногорией и Румынией, и выступало за расширение привилегий земель, оставшихся в зависимости, а, значит, и под гнетом османов. Таких оставалось немного. В столкновении двух курсов, российского, имевшего целью освобождение балканских народов, и британского, направленного на сохранение власти и влияния Высокой Порты на Балканах, решительную победу в войне 1877–1878 гг. одержал первый.

Новорожденная Антанта прилагала немалые усилия для привлечения на свою сторону балканских стран. Обстоятельства тому благоприятствовали. Оккупация Боснии и Герцеговины свидетельствовала о захватнических стремлениях Габсбургской монархии в регионе. Антанта постепенно обзаводилась козырными картами для дипломатической игры. Она предприняла немалые усилия для того, чтобы перетянуть на свою сторону Румынию, являвшуюся союзницей Германии.

В 1881 г. Румыния официально обрела статус королевства. Процедура оформления сопровождалась показательным инцидентом. Сенатор Петре Грэдиштяну предложил титуловать Карла королем не Румынии, а румын, по французскому образцу, ибо оба Наполеона именовались императорами французов. Осуществить замысел Грэдиштяну не удалось — он вызвал резкое недовольство в Вене, ведь во владениях кайзера Франца Иосифа, и прежде всего в Трансильвании и Банате, проживали миллионы румын. Пришлось бить отбой. Румы-

inslav

ны Трансильвании выступали за предоставление им национальных прав, а сие, при численном преобладании в крае румынского населения, означало переход власти в руки его представителей. Мадьярское дворянство, заправлявшее всеми делами в провинции, горой стояло против, что делало невозможным примирение сторон. И в плане международном в XX столетии началось сближение Румынии с Россией, а, значит, и с блоком Антанты, ибо только с ее помощью можно было достигнуть желанной цели: объединения с Трансильванией. Трансильванскому соблазну противный блок не мог противопоставить ничего, полагал проницательный посланник Габсбургов в Бухаресте граф О. Чернин.

Еще напряженнее складывались отношения Сербии с Австро-Венгрией, в которой проживало немало сербов. После войны 1877–1878 гг. Габсбургская монархия оккупировала своими войсками Боснию и Герцеговину. Вена явно собиралась превратить оккупацию в аннексию, то есть официально превратить провинцию в свое владение. Надежды Сербии и Черногории на присоединение этих земель не осуществились, рухнули былые мечты на объединение вокруг Белграда всех сербских земель Османской империи и превращение Княжества в балканский Пьемонт. В 1903 г. закончилось правление династии Обреновичей, ее последние представители стали жертвой жестокой расправы. Их трупы были выброшены из окон дворца на улицу. На престол вступил Петр Карагеоргиевич, и страна вернулась к традиционному пророссийскому курсу.

Еще раньше прекратилось несуразное состояние разрыва дипломатических отношений между Болгарией и Россией. В 1896 г. они были восстановлены при императоре Николае II.

Россия явно «возвращалась» на Балканы. Неудача в войне с Японией замедлила этот процесс. Лишь в 1907 г. самодержавию удалось одолеть революцию. Оба выдающихся государственных деятеля, сменявших друг друга во главе правительства, С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, считали жизненной необходимостью для страны обеспечить внешнее спокойствие на 20–25 лет для внутреннего устроения и восстановления военного потенциала. Иную внешнюю политику, кроме оборонительной, Столыпин считал бредовой.

Аннексионистские замыслы Вены тайны не составляли. Не сила, а слабость побуждала габсбургскую дипломатию идти ва-банк. По периметру владений Австро-Венгрии располагались земли, населенные сербами, хорватами, румынами, служившие центрами притяжения для их проживавших в австро-венгерских краях соотечественников. Начальник Генерального штаба армии Ф. Конрад фон Гетцендорф полагал, что укрепление соседей грозит в будущем «захватом» австро-венгерских земель и что только на путях продви-

inslav

жения «вовне» можно эту опасность предотвратить[2]. А глава внешнеполитического ведомства А. Эренталь готовил акт об аннексии Боснии и Герцеговины.

В провинции располагались австро-венгерские войска, и предотвратить акцию дипломатическим путем у российского МИД не было никакой возможности. Министр А.П. Извольский решил добиваться компенсации за эту уступку, установив более благоприятный для России режим проливов Босфор и Дарданеллы, разрешив российским военным кораблям свободный проход в Средиземное море. В.М. Хвостов подверг резкой критике этот замысел: Эренталю давали синицу в руки в виде согласия на обладание Боснией и Герцеговиной в обмен на журавля в небе, на платоническую и ни к чему не обязывающую декларацию, австрийцы обещали лишь отнестись в будущем с симпатией к российским поползновениям (!!) насчет Проливов. На том и закончилась встреча министров в замке Бухлау (Бухловице в Моравии) 15–16 сентября 1908 г. А 6 октября кайзер Франц Иосиф объявил об аннексии Боснии и Герцеговины.

Осознав, что допущен провал, Извольский бросился в Париж и Лондон за поддержкой. Ни тут, ни там он не встретил понимания. Коллеги в правительстве разделять с ним ответственность не пожелали. Извольский подал заявление об отставке. Обошлись с ним мягко, перемещаться в места отдаленные ему не пришлось, он обосновался в месте весьма приятном, будучи назначен послом в Париж.

Блок держав Центра пожелал увенчать свой успех еще одним унизительным для России условием, потребовав, чтобы она смирилась со сделкой и «посоветовала» Сербии отказаться от территориальных компенсаций. Сербия подчинилась, но не забыла и не простила нанесенного оскорбления.

Вена торжествовала победу. Рано. Она посеяла зерна гнева, давшие всходы непреходящей ненависти на Балканах. Последовали две Балканские войны, в корне изменившие стратегическую обстановку на полуострове в пользу Антанты.

Кайзер Вильгельм продолжал клясться в дружбе самодержавию, но соглашался сдерживать своего венского протеже лишь в случае разрыва англо-русско-французской Антанты. По сути дела Петербургу предлагали предать забвению европейское равновесие, присутствовать при расправе над Францией, сползти с позиции великой державы и превратиться во вторую пристяжную в германской военной колеснице.

Общественность даже союзной с Центральными державами Румынии пребывала в негодовании от учиненного Австро-Венгрией произвола. Митинги протеста не прекращались, происходил бойкот

[2] *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. 2-е изд. М., 1974. С. 174, 213.

inslav

австро-венгерских товаров, резкой критике подвергался прогерманский курс «немца на престоле». Но и в отношениях правительства с Берлином и Веной появились трещины. Болгарский царь Фердинанд пользовался благоволением Берлина и Вены. Бухарестский кабинет министров грозил выступить против Болгарии в случае ее территориального расширения независимо от позиции великих держав. То были тревожные признаки, предвещавшие раскол между странами региона[3]. Начальник Генерального штаба Крэйничану заявил российскому военному атташе Занкевичу, что Румыния не поддержит австрийского насилия над Сербией, ибо это будет означать окружение Румынии австрийским кольцом.

Отечественная дипломатия обрела опору в страстном стремлении Сербии, Болгарии, Черногории и Греции освободить еще находившиеся под османским владычеством христианские земли и разделить их между собой. Успех ей сопутствовал. Новый министр иностранных дел С.Д. Сазонов явился сотворцом Балканского союза 1912 г. Первая Балканская война принесла триумф коалиции четырех стран. В течение месяца их вооруженные силы наголову разгромили турецкую армию. Такое не грезилось отцам и дедам даже в сладких сновидениях... Болгары заняли Адрианополь и остановились в 40 верстах от Стамбула, сербы взяли Скопье и Монастир, черногорцы вышли к Адриатике, грекам удалось освободить Салоники. Солдаты сражались с воодушевлением, освобождая земли с родственным населением.

А дальше начались раздоры в связи с разделом македонских территорий. Решений третейского судьи, царя Николая II, никто не принимал. С претензиями на земельную компенсацию выступили румынские правители, в войне не участвовавшие. В ночь на 30 июня 1913 г. болгарские войска по приказу царя Фердинанда напали на сербские и греческие позиции. Внезапность не принесла им успеха в боях с превосходящими силами вчерашних союзников. На стороне последних выступила и Румыния. Вторая Балканская война справедливо считается междоусобной. Мир, подписанный в Бухаресте уже в августе, явился продуктом балканской самодеятельности. Побежденная Болгария лишилась большей части предназначавшихся ей ранее македонских земель. Такой расправы с нею Россия никогда бы не допустила. С.Д. Сазонов уподобил мир «пластырю, налепленному на незалеченные балканские язвы»[4].

В Болгарии в день подписания мира был объявлен траур, царь Фердинанд в приказе по войскам призвал свернуть знамена до луч-

---

[3] *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969.

[4] Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 288.

inslav

ших времен, что предвещало участие страны в Первой мировой войне на стороне противников Антанты. В Сербии тайная офицерская организация «Объединение или смерть», известная также под названием «Черная рука», пропагандировала объединение всех сербов, включая и проживавших в Австро-Венгрии. В Афинах была отлита медаль, на которой король Георг был изображен вместе с византийским императором Василием II, прозванным Болгаробойцей, ибо по его приказу в начале XI в. были ослеплены тысячи болгарских военнопленных.

Надвигалась война, вошедшая в историю под именем Первой мировой. Произошло размежевание балканских сил с решительным перевесом в пользу Антанты. К ней примкнули Сербия, Черногория, Румыния и Греция, к австро-германской группировке — единственно Болгария. Габсбургской монархии пришлось расплачиваться за многие свои грехи на Балканах, в том числе и за аннексию Боснии и Герцеговины.

inslav

Румынские маневры: 1900–1914 гг.

В грозовой XX век Румыния вступила после относительно благополучного поступательного развития на протяжении нескольких предшествующих десятилетий. Политическая система страны, сложившаяся в результате объединения Дунайских княжеств и принятия конституции 1866 г. и окончательно оформившаяся с приобретением независимости и статуса королевства, обеспечивала внутреннюю стабильность и создавала необходимые условия для модернизации по европейскому образцу основных государственных институтов. Международное положение и военная безопасность Румынии в 1880–1890-е годы были обеспечены союзом с лагерем Центральных держав и Италии — самым сильным альянсом на европейском континенте в тот период.

В начале нового века, как и во второй половине XIX столетия, в Румынии продолжался бурный демографический рост. Если в 1899 г. население Королевства насчитывало 5 956 690 человек, то в 1914 г., с учетом 286 тыс. жителей присоединенной Южной Добруджи, численность населения страны выросла до 7 771 341 человек, то есть естественный прирост составил примерно четверть за 15 лет[1]. Для сравнения, в соседних Сербии и Болгарии численность населения после Балканских войн 1912–1913 гг. составляла около 4,5 млн человек в каждой[2]. По своей территории, природным ресурсам, экономическому и мобилизационному потенциалу Румыния превосходила другие молодые национальные государства Балканского полуострова и исподволь готовилась к роли региональной державы-арбитра, о чем и заявила открыто во время Балканских войн.

Внешние признаки экономического и социального прогресса Румынии были налицо. В стране активно строились шоссейные и железные дороги, мосты, портовая инфраструктура в Констанце и дунайских портах, бурно развивалась нефтяная промышленность в долине реки Прахова и сопредельных районах. Росла грамотность: к

---

[1] Anuarul statistic al României 1915–1916. Bucureşti, 1919. P. 15.

[2] Report of the International Commission to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars / Carnegie Endowment for International Peace. Washington DC, 1914. Appendix.

inslav

1909 г. численность грамотных составила 39,4 % жителей страны старше семи лет (в 1899 г. — только 22 %)[3]. Вызванный засухой, неурожаем и неблагоприятной мировой финансовой ситуацией экономический кризис 1899–1901 гг. в Румынии был не без труда, но преодолен правительством страны.

И все же собственные внутренние ресурсы и возможности Румынии оставались весьма ограниченны и недостаточны для проведения своими силами успешной европейской модернизации. Несмотря на ускорение развития национальной промышленности и все более широкое проникновение иностранного капитала, в начале XX в. Румыния по-прежнему была аграрной страной. Около 80 % ее населения составляли крестьяне. Промышленность Румынии к 1914 г. давала только 22 % валового внутреннего продукта и 14 % валового национального дохода[4]. Города и урбанистический уклад жизни в Румынии были развиты слабо. Лишь столица страны Бухарест к 1914 г. имела 345 тыс. жителей, тогда как в других крупных городах страны (Яссы, Галац, Брэила, Плоешти и Крайова) численность населения составляла от 50 до 70 тыс. человек[5].

Земельный голод и нефтяная лихорадка

В сельском хозяйстве Румынии сохранялась ярко выраженная система латифундиального помещичьего землевладения, прямым следствием которой было острое малоземелье основной массы крестьянского населения. В этом заключалось фундаментальное отличие социально-экономического уклада Румынии от соседних балканских государств.

Если после аграрной реформы 1864 г. крестьянам принадлежало 30 % сельскохозяйственных земель Румынии, а помещикам и государству 70 %, то в начале XX в. это соотношение составляло 39:61[6]. Таким образом, за пореформенные десятилетия произошло лишь незначительное перераспределение земли в пользу крестьянства, преимущественно за счет распродажи государственных земель. К началу XX в. государственный земельный фонд, образованный в основном из конфискованных господарем А.И. Кузой монастырских земель, практически был исчерпан [7]. В аграрном законотворчестве Румынии на рубеже веков наблюдалось затишье [8].

---

[3] *Bulei I.* Viața în vremea lui Carol I. București, 2005. P. 44.

[4] *Мадиевский С.А.* Румынское общество от буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. до 1918 г. Высшие и средние классы и слои. Кишинев, 1996. С. 3.

[5] *Гринвальд К.К.* Румыния (Экономический очерк). Пг., 1917. С. 1.

[6] *Мадиевский С.А.* Румынское общество… С. 4.

[7] *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года в Румынии. М., 1958. С. 86.

[8] Там же. С. 90.

inslav

При общей площади территории Румынии в 131 353 км^2, к сельскохозяйственным и лесным угодьям относились 76 %. Из общей площади сельскохозяйственных земель в 7,8 млн га, крупная частная собственность составляла 31 %, государственная и выморочная земля — 21 %, крестьянская собственность — 48 %. Немногим более 3,15 млн га принадлежало крестьянам с наделами до 10 га и еще около 700 тыс. га — зажиточным крестьянам с участками по 10–50 га. В то же время 2071 хозяев латифундий размером от 500 га и выше владели 38 % всей обрабатываемой земли [9].

По подсчетам румынских экономистов, для удовлетворения своих минимальных потребностей крестьянская семья должна была обрабатывать участок не менее 5 га. Наделы в 5–10 га имели лишь 176 тыс. крестьянских семей, тогда как 745 тыс. семей испытывали постоянную нужду в земле. Полностью безземельными являлись около 500 тыс. крестьян-мужчин. В общей сложности, в Румынии начала XX в. 85 % крестьян мужского пола были безземельными или малоземельными и были вынуждены арендовать помещичью землю или искать стороннего заработка [10]. Бурный демографический рост вел к аграрной перенаселенности и обострял земельный голод.

В селе сохранялась полуфеодальная по сути отработочная система оплаты арендуемой крестьянами помещичьей земли. Основная масса румынских бояр жила в городах и вела паразитический образ жизни за счет присвоения земельной ренты. В этих условиях процветали и расширяли свою деятельность арендаторские тресты. На 1905 г. крупнейшее в Румынии объединение братьев Фишер арендовало у 76 землевладельцев около 237 тыс. га земли, следующее за ним — братьев Юстер — 30 тыс. га, и т.д. Более всего деятельностью крупных арендаторов была охвачена Молдавия. В начале XX в. арендаторские объединения контролировали 68 % обрабатываемых земель в Ботошанском жудеце (уезде), 67 % — в Ясском, 63 % — в жудеце Путна, 59 % — в жудеце Роман и т.д. [11].

Несмотря на тяжелые условия жизни крестьянства и низкий уровень агрокультуры в Румынии, страна занимала видное место на мировом рынке зерна. Из 7,8 млн га сельскохозяйственных земель Румынии свыше 5 млн га запахивались под зерновые [12]. В 1906 г. объем румынского экспорта составил 105,4 млн пудов пшеницы и 85 млн пудов кукурузы; суммарно по вывозу двух этих культур Ру-

---

[9] Marea răscoală a țăranilor din 1907. București, 1967. P. 37–39. В 1905 г. 23,9 % крестьянских семей были безземельными (в 1913 г. — 26,2 %); 23,2 % имело до 2 га (в 1913 г. — 31,2 %); 36 % — от 2 до 5 га (в 1913 г. — 28,9 %); 14 % — от 5 до 10 га (в 1913 г. — 10,5 %); 2,9 % — от 10 до 50 га (в 1913 г. — 3,2 %). — См.: *Мадиевский С.А.* Политическая система Румынии… С. 39.

[10] *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 25–26.

[11] *Мадиевский С.А.* Румынское общество… С. 66–67.

[12] *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 22.

inslav

мыния занимала третье место в мире после России и США[13]. На европейские рынки румынский хлеб экспортировался как по железным дорогам, так и морем; но в первую очередь именно морские перевозки делали его конкурентоспособным. Значительные объемы зерна из Румынии (около 50 % всего экспорта пшеницы) на кораблях через Босфор и Дарданеллы вывозились в бельгийский Антверпен, а оттуда в Германию[14].

Одним из последствий экономического кризиса 1900–1901 гг. в Румынии стало ускорение процесса формирования монополий, в первую очередь в форме сбытовых соглашений промышленников (картелей) в мукомольной, спиртоводочной, сахарной, бумажной, нефтяной, стекольной, цементной отраслях[15]. В 1902 г. 8,4 % предприятий, относимых к крупным (каждое с капиталом не менее 1 млн лей), владели более чем 60 % постоянного капитала крупной или поощряемой государством промышленности[16]. Увеличивалось число акционерных обществ. В 1890 г. в промышленности их было всего 4, в 1902 г. — 25, а в 1914 г. — 182. Капитал этих обществ с 1902 по 1914 гг. вырос на 343 %. Основными районами концентрации промышленного производства были Бухарест, нефтеносная долина р. Прахова, а также дунайские порты Галац, Брэила и Джурджиу.

В начале XX г. в Румынии быстро развивались коммерческие банки и кредитно-сберегательные товарищества. К 1914 г. их число достигло 197, из них 9 крупных (с капиталом более 5 млн лей). Четыре из них (Сельскохозяйственный, Крайовский торговый, Учетный и Румынский) были созданы местными акционерами; еще четыре («Бэнк оф Ромэния», Румынский общий, Румынского кредита и Румынский коммерческий) — иностранными акционерами. Наконец, банк «Мармарош, Бланк и К°» имел смешанный капитал с преобладанием иностранного [17].

Из-за нестабильности поступлений от зернового экспорта бюджет Румынии не мог быть уравновешен без регулярных внешних займов. Основным кредитором Румынии на рубеже XIX–XX вв. оставались германские банки, которые сохраняли полученный ими в начале 1880-х годов почти монопольный контроль над внешними финансовыми операциями румынского правительства. Оставалось в силе обязательство властей Румынии не вести переговоров с другими кредиторами и не производить новых государственных эмиссий румынских фондов без ведома и согласия германского консорциу-

[13] *Виноградов В. Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 40–41.
[14] Там же. С. 44.
[15] *Мадиевский С. А.* Румынское общество… С. 79.
[16] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии… С. 47.
[17] Там же. С. 69.

inslav

ма банков во главе с «Дисконто-Гезельшафт» и «С. Блейхредер». Как следствие, с начала 1880-х годов и вплоть до начала Первой мировой войны ни один внешний заем Румынии не реализовывался без участия или посредничества германских банковских кругов. Французский капитал допускался до государственных займов Румынии лишь с согласия германских банков, а получаемые от Франции средства в значительной мере шли на обслуживание румынских долговых обязательств перед германскими фирмами и на оплату военных заказов Румынии на заводах Германии[18]. В начале XX в. общий долг Румынии составлял около 1,5 млрд лей и был образован в основном за счет внешних займов, набранных кабинетами Консервативной партии в 1890-е годы[19]. В 1895 г. доля германских банков во внешних займах Румынии составляла 64,4 %.

Несмотря на все ограничения и препятствия в виде навязанного германского посредничества, французские банки все более активно включались в борьбу за позиции в Румынии. С 1905 г. одну треть в румынских займах уже составлял французский капитал. В начале 1914 г. государственный долг Румынии достигал 1867 млн лей, из них 1652 млн лей — долг внешний. В 1901–1916 гг. на погашение займов и выплату процентов по ним уходило в среднем 25 % доходной части бюджета (от 83 до 116 млн лей ежегодно)[20]. Накануне Первой мировой войны из Румынии вывозилось ежегодно 50–60 млн лей золотом в качестве прибыли и процентов по иностранным капиталовложениям[21].

К 1916 г. только 20 % акционерного капитала промышленности в Румынии принадлежало местной буржуазии[22]. К 1914 г. доля немецкого капитала в общей сумме иностранных инвестиций в Румынии составляла 47 %, доля Франции — 32 %, доля Бельгии и Великобритании, вместе взятых, — 7 %. Кроме того, Германия была важнейшим торговым партнером Румынии. В 1912 г. импорт германских товаров в Румынию составил 240 млн лей (37,69 % от общего объема импорта), в 1913 г. — 237 млн лей (40,31 %)[23]. Это создавало прочные позиции для германской политики в Румынии.

Основная масса иностранного капитала в Румынии была инвестирована в ориентированные на экспорт отрасли промышленности — лесную и нефтяную. Именно бурно растущая нефтяная промышлен-

---

[18] *Савин Т.* Иностранный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.) / Пер. с рум. *М. М. Павлова*, предисловие *В. А. Карра*. М., 1950. С. 50–52.

[19] *Виноградов В. Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 79.

[20] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии… С. 50.

[21] *Савин Т.* Иностранный капитал в Румынии… С. 76.

[22] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии… С. 75.

[23] *Агаки А. С.* Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в. Кишинев, 1976. С. 84–85.

inslav

ность стала одним из главных локомотивов экономического развития Румынии в начале XX в.

В 1895 г. в Румынии был принят «Закон о рудниках», также называемый «законом Петре Карпа» — первый в истории страны законодательный акт, упорядочивавший вопросы добычи полезных минералов и эксплуатации их месторождений. Закон предусматривал особые льготы для нефтепромышленников. В отличие от месторождений других полезных ископаемых, подземные запасы нефти становились полной собственностью владельца или арендатора земли, который мог эксплуатировать их практически без контроля и вмешательства со стороны государства. «Закон Петре Карпа» стал мощным толчком к развитию нефтяной индустрии в Румынии и началом эры промышленной капиталистической эксплуатации нефтяных запасов страны [24].

В том же 1895 г. была учреждена самая крупная впоследствии нефтяная компания Румынии — акционерное общество «Стяуа Ромынэ» («Румынская звезда»), изначально принадлежавшее австро-венгерским компаниям и перешедшее с 1903 г. под контроль консорциума германских банков во главе с «Дойче Банк». «Стяуа Ромынэ» была основана с уставным капиталом в 50 млн франков, в 1913 г. эта сумма удвоилась. Накануне мировой войны «Стяуа Ромынэ» имела 4 тыс. рабочих, собственные хорошо оборудованные пристани в Констанце и на Дунае и пять пароходов-танкеров. Также компании принадлежал крупный нефтеочистительный завод в Кымпине.

На рубеже XIX–XX вв. живой интерес к румынским нефтяным запасам начал проявлять и могущественный американский трест «Стэндарт Ойл» Дж. Рокфеллера, рассматривавший возможность своего прихода в Румынию. Это означало неизбежность жестокой схватки с конкурентами из Германии. В 1900 г., в условиях экономического кризиса в стране и крупного бюджетного дефицита, премьер-министр П. Карп решил привлечь новые крупные инвестиции в нефтяную промышленность путем сдачи государственных нефтеносных земель в концессию, а также построить трубопровод от нефтяных полей в долине р. Прахова до порта Констанцы. Заинтересованность в приобретении и концессии, и контракта на строительство нефтепровода проявили как «Дисконто-Гезельшафт», так и его конкурент «Стэндарт Ойл». Американское предложение было более выгодным, так как предусматривало большую степень участия румынского государства в реализации проекта. Переговоры правительства П. Карпа с представителями обеих компаний состоялись в ноябре 1900 г. в условиях строгой секретности. Местные румынские промышленники, опасавшиеся поглощения со стороны треста Дж. Рок-

[24] *Buzatu Gh.* O istorie a petrolului românesc / Ed. a II-a, revăzută şi adăugită. Iaşi, 2009. P. 28–29.

inslav

феллера, организовали широкую кампанию против отдачи концессии американцам. Протесты возглавила оппозиционная в то время Национал-либеральная партия. В итоге конкурирующие компании в конце 1900 г. были вынуждены отозвать свои предложения. Расчеты правительства на привлечение инвестиций на сотни миллионов франков провалились, что поставило молодую нефтяную промышленность в тяжелое положение на следующие несколько лет, лишив необходимых средств для развития[25].

В 1903 г. в Румынии были законодательно введены гарантии для держателей концессий, что стало сильным стимулом для активизации деятельности иностранного капитала в нефтяной отрасли. Именно тогда крупнейшая нефтяная компания «Стяуа Ромынэ», дававшая в те годы около 1/3 всей нефтедобычи Румынии, перешла под контроль германских банков.

Все это время «Стэндарт Ойл» Дж. Рокфеллера пыталась обеспечить свой приход в нефтяную отрасль Румынии и вытеснение из нее германских конкурентов. Однако политические позиции германского финансового капитала в Румынии были исключительно прочны. Правительства Национал-либеральной партии в начале XX в. защищали интересы германских фирм, в том числе в их конкуренции со «Стэндарт Ойл». Это делалось под прикрытием риторики об угрозе доминирования американского нефтяного гиганта. Так, в 1904 г. премьер-министр Д. Стурдза заявил, что для Румынии нет большей опасности, чем трест «Стэндарт Ойл». В итоге румынский филиал фирмы Дж. Рокфеллера, компания «Сочиетатя Ромыно-Американэ» («Румынско-Американское Общество»), основанная в 1904 г. с капиталом 29 млн франков, к 1914 г. была лишь третьей по величине нефтяной компанией в Румынии.

Наконец, в 1910 г. в нефтяную отрасль Румынии уверенно и большими силами пришел британско-голландский трест «Роял Датч Шелл», образовавшийся в 1907 г. для противостояния гегемонизму Дж. Рокфеллера. В Румынии этот новый крупный игрок, также при участии германских банков, приобрел компанию «Астра Ромынэ», которая к 1914 г. заняла второе место по величине капитала и первое место по добыче сырой нефти в Румынии.

Практически с самого своего зарождения нефтяная промышленность Румынии на 9/10 находилась под контролем иностранного капитала. В 1907 г. на международном конгрессе по нефти в Бухаресте были озвучены данные, что из 166 млн лей (франков) капитала, вложенного в нефтяную промышленность Румынии, лишь 16 млн

[25] *Stanciu I.* Romania's first encounter with the large western investments, 1900–1910: from the great expectations to confrontation and stalemate in oil industry // Europe as viewed from the margins. Târgovişte, 2006. P. 11–32; *Савин Т.* Иностранный капитал в Румынии… С. 66–69.

inslav

лей (франков) принадлежало румынским подданным, а остальное — иностранцам. Из этой суммы около 125 млн составлял германский капитал. По данным австрийской консульской службы на 1905 г., иностранный капитал в нефтяной отрасли составлял 168 млн франков (из них 125 млн — германский капитал), и только 4,7 млн — капитал национальный [26]. К началу Первой мировой войны в инвестициях в нефтяную промышленность Румынии доля германского капитала составляла 35 %, английского — 25,2 %, голландского 13,1 %, американского и местного румынского — по 5,5 % [27].

Если в 1895 г. добыча сырой нефти в Румынии составила 80 тыс. тонн, то в 1900 г. она достигла объема в 250 тыс. тонн, в 1905 г. — 615 тыс. тонн, в 1910 г. — 1352 тыс. тонн, в 1913 г. — 1886 тыс. тонн. Накануне Первой мировой войны Румыния по добыче нефти занимала 4-е место в мире (после США, России и Мексики) [28]. Благодаря избытку собственной нефти Румыния еще в конце XIX в. переоборудовала паровозы своих железных дорог для использования в качестве топлива мазута вместо угля. Основной поток нефтяного экспорта из Румынии шел через порт Констанца, где в начале XX в. была построена специализированная инфраструктура — государственные и частные коммерческие резервуары для хранения нефти и нефтепродуктов общей емкостью в 200 тыс. тонн, трубопроводы, насосы, причальные молы. Накануне мировой войны через Констанцу проходило 91 % румынского экспорта нефти и нефтепродуктов (850 тыс. тонн в 1913 г.).

В полосе внутриполитической турбулентности

Партийно-политическая жизнь Румынии в 1900–1914 гг. развивалась по достаточно четким и простым правилам, установленным в последней четверти XIX в. Король Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген (1839–1914) оставался самой влиятельной фигурой своего государства. Дожив до почтенного возраста, он стал и политическим долгожителем с огромным для Румынии стажем. В 1906 г. страна торжественно и пышно отпраздновала 40-летие благополучного правления Кароля I (1866–1906 гг.). К тому времени один за другим сошли в могилу те государственные мужи, которые приглашали германского принца Карла в Румынию, возводили его на престол и давали первые уроки в деле управления страной. За прошедшие с той поры долгие годы Кароль I стал самым искушенным политиком своего государства, приобрел огромный личный авторитет у румынской элиты и популярность в народе.

---

[26] *Виноградов В. Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 64.
[27] *Buzatu Gh.* O istorie a petrolului românesc… P. 34.
[28] Ibid. P. 31.

inslav

Широкие конституционные полномочия, а также накопленный опыт и выработанные приемы взаимодействия с румынскими властными кругами делали личное влияние Кароля I на процесс государственного управления преобладающим. Патриархальная крестьянская масса населения Румынии привыкла к образу умудренного и пекущегося о ней седобородого короля, а для господствующего класса фигура Кароля I была залогом стабильности политической системы страны. Монарх продолжал играть роль верховного арбитра между основными политическими силами государства. Так оставалось вплоть до начала Первой мировой войны, когда личная прогерманская ориентация Кароля I вошла в неразрешимое противоречие с изменившимися внешнеполитическими интересами консолидированного правящего класса Румынии.

В управлении страной Кароль I по-прежнему использовал неформально введенный им с середины 1890-х годов принцип регулярной ротации у власти партийных правительств от двух основных политических лагерей Румынии. В период с начала XX в. до Первой мировой войны у государственного кормила поочередно находились Консервативная и Национал-либеральная партии, которые сменяли друг друга в среднем каждые четыре года. Чередование правительств в Румынии в этот период выглядело следующим образом (по имени премьер-министра и правящей партии):

1900–1901 — Петре Карп (Консервативная партия, КП);
1901–1904 — Димитрие Стурдза (Национал-либеральная партия, НЛП);
1904–1907 — князь Георге Григоре Кантакузино (КП);
1907–1908 — Д. Стурдза (НЛП);
1908–1910 — Ион И. К. Брэтиану-младший (НЛП);
1910–1912 — П. Карп (КП);
1912–1913 — Титу Ливиу Майореску (КП);
1914–1918 — И. И. К. Брэтиану-младший (НЛП).

Программно-идеологические платформы и основные социальные опоры национал-либерального и консервативного лагерей в целом оставались теми же, что и в последней четверти XIX в. Однако в силу естественных причин к началу нового столетия произошла смена поколений в высшем эшелоне обеих партий. В течение 1890-х годов ушли из этого мира корифеи румынской политики и столпы Национал-либеральной партии: И. К. Брэтиану-старший († 1891), его брат Димитрие Брэтиану († 1892), Михаил Когэлничану († 1891), а также многолетний бессменный лидер Консервативной партии Ласкэр Катарджиу († 1899).

inslav

Новым главой национал-либералов стал уже пожилой Димитрие Стурдза (1833–1914), один из немногих крупных помещиков в либеральном лагере, а также убежденный и пылкий германофил. При этом Стурдза был настроен антимадьярски из-за угнетения Будапештом трансильванских румын, но это не мешало ему в бытность главой правительства крепить союз Румынии с Центральными державами. Германофильство Д. Стурдзы и его семьи было столь глубоко, что впоследствии, в январе 1917 г., его родной сын полковник Александр Стурдза, получивший военное образование в Германии, даже совершил государственную измену, перейдя на сторону противника[29].

Однако к власти в Национал-либеральной партии стремилось молодое поколение семейства Брэтиану, сыновья некогда всемогущего «визиря» — Ион И.К. Брэтиану-младший, Винтилэ и Константин (Дину), тесно связанные с промышленными и финансовыми кругами и занимавшие руководящие посты в банковской системе. Фактически со времени основания Национал-либеральной партии она непрерывно находилась под контролем или значительным влиянием семейного клана Брэтиану, став своего рода фамильным политическим предприятием. Братья Брэтиану, получившие образование во Франции, были убежденными националистами, франкофилами и сторонниками переориентации Румынии на союз с Третьей Республикой. Рост их влияния в партии и политической жизни страны стал одним из факторов изменения внешнеполитического курса Бухареста.

Консервативную партию после смерти Л. Катарджиу возглавил богатейший помещик Румынии князь Г.Г. Кантакузино-«Набоб». Одновременно с этим усиливались позиции так называемой группы «жунимистов» (от названия культурного общества «Жунимя» — «Юность»), представители которой отличались сверхконсервативными и охранительскими взглядами. В 1880–1890-е годы группа «жунимистов» то сближалась, то расходилась с основным ядром Консервативной партии («старыми» консерваторами). Их окончательное объединение произошло только в 1907 г.[30]. Признанным лидером «жунимистов» являлся Петре Карп (1837–1919), убежденный сторонник союза Румынии с Германией и поклонник «прусского пути». Он был одним из ветеранов румынской политики, со стажем более 30 лет, и считался одним из самых авторитетных государственных мужей Румынии. Именно прогерманская ориентация П. Карпа и других лидеров Консервативной партии была причиной особого доверия и расположения к ней со стороны Кароля I, представителя германского владетельного рода.

---

[29] Подробнее см.: *Otu P., Georgescu M.* Radiografia unei trădări. Cazul colonelului Alexandru D. Sturdza. Bucureşti, 2011.

[30] *Bulei I.* Conservatori şi conservatorism în România. Bucureşti, 2000. P. 350–352.

inslav

При всех доктринальных разногласиях, сторонники обеих главных партий королевства Румыния разделяли идеалы великого национального объединения всех земель, населенных румынами. Однако приверженцы прогерманской Консервативной партии выступали за сохранение военно-политического союза с Центральными державами и ставили приоритетом присоединение российской Бессарабии, тогда как национал-либералы считали главной задачей освобождение и присоединение румын Трансильвании. Как следствие, по мере нарастания противоречий в отношениях между Румынией и Австро-Венгрией все больше укреплялись политические позиции национал-либералов, а поддержка обществом консерваторов, напротив, слабела.

Сформированное в 1899 г. правительство князя Г.Г. Кантакузино продержалось у власти совсем недолго. Разразился скандальный судебный процесс между румынским государством и французским предпринимателем-авантюристом Адриеном Галльером. В 1895 г. тогдашнее консервативное правительство заключило с ним контракт на сумму 19,7 млн лей (франков) на строительство портовых сооружений в Констанце. Выполнив лишь часть работ, А. Галльер получил основную сумму денег, а затем началась судебная тяжба между ним и правительством Румынии, по взаимным искам сторон друг к другу. Специально созданный трибунал с участием судей из-за границы в марте 1900 г. вынес решение в пользу А. Галльера, обязав румынское правительство выплатить ему 2,7 млн лей сверх изначальной суммы. Процесс вызвал взрыв возмущения в обществе Румынии, оппозиция организовала уличные протесты, и правительство Г.Г. Кантакузино подало в отставку[31].

Король решил сохранить у власти консерваторов, и в июле 1900 г. мандат на формирование нового кабинета получил Петре Карп, лидер «жунимистов» (в то время их называли также «карпистами»). Ему предстояло искать выходы из серьезнейшего бюджетно-финансового кризиса, в котором оказалось Королевство. П. Карп предложил ряд мер, таких как продажа германским банкам монополии на сигаретную бумагу, распродажа акций Национального банка, нефтеносных земель, торгового флота, введение нового налога на алкогольные напитки из фруктов и зерна («закон о цуйке»), строгие меры бюджетной экономии и пр.[32]. Однако предложения премьер-министра встретили активное противодействие в рядах его собственной Консервативной партии, где в то время усилилась группа сторонников молодого политика Таке Ионеску, амбициозного и яркого адвоката

[31] Об афере А. Галльера подробнее см.: *Iacob M.* Începuturile portului modern Constanța… Afacerea «Hallier» // Buletinul Cercurilor Ştiinţifice Studenţeşti. Arheologie — Istorie. Alba Iulia. 1996. № 2. P. 257–261.

[32] *Bulei I.* Conservatori şi conservatorism… P. 248–261.

inslav

и журналиста, имевшего харизму и таланты трибуна. Дисциплина в рядах румынских консерваторов была достаточно слабой. Вследствие внутрипартийных разногласий П. Карп, несмотря на поддержку со стороны германской и австро-венгерской дипломатии и банковских кругов, был вынужден в феврале 1901 г. подать в отставку.

14 февраля 1901 г. было сформировано очередное правительство Национал-либеральной партии во главе с Димитрие Стурдзой. Как результат обширных внешних займов прежних консервативных кабинетов, ему достались в наследство серьезно расстроенные государственные финансы. В отличие от предшественников-консерваторов, правительство Стурдзы смогло на практике проводить меры строгой экономии, и ему удалось в значительной степени оздоровить государственный бюджет и преодолеть последствия кризиса. В то же время внутри партии усилилась борьба за власть. На роль преемника Стурдзы претендовали Ион Брэтиану-младший и Василе Ласкэр (1853–1907); кандидатуру последнего поддерживал король[33]. В результате внутрипартийных раздоров Стурдза подал в отставку. «Вышло так, что либералы сами себя прикончили, почти без давления извне», — комментировал это событие русский военный агент в Румынии подполковник М.Н. Леонтьев[34]. Затем Кароль I по своему обыкновению вновь передал мандат на управление страной оппозиционной Консервативной партии.

Одним из главных дел нового кабинета Г.Г. Кантакузино стала организация в 1906 г. общенационального празднования 40-летия царствования Кароля I и 25-летия провозглашения Румынии королевством. Вся страна чествовала монарха, который находился в зените своего могущества и популярности. Проводились различные верноподданнические манифестации, выставки, культурные мероприятия. В обществе преобладали восторженные настроения[35]. Однако уже в следующем 1907 г. страну потряс крупнейший внутренний катаклизм в ее новой и новейшей истории — великое крестьянское восстание, которое стало серьезнейшим испытанием для политической системы и для государственности Румынии как таковой.

Крестьянские волнения начались 8 (21) февраля 1907 г. в селе Флэмынзь[36] в жудеце Ботошань на севере Молдавии. Земли в окрест-

---

[33] *Scurtu I.* Istoria românilor în timpul celor patru regi (1866–1947) / Ed. a IV-a, revăzută şi adăugită / Vol. 1. Carol I. Bucureşti, 2011. P. 188–189.

[34] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 30–33. М.Н. Леонтьев — В.П. Целебровскому. 27 декабря 1904 г. № 91.

[35] *Scurtu I.* Istoria românilor… Vol. 1. P. 190–195.

[36] Название села Флэмынзь (рум. *Flămânzi*) можно перевести как «Голодные», «Голодающие». В современной румынской историографии высказывается сомнение, что инцидент в этом селе действительно стал началом восстания 1907 г., так как село якобы было зажиточным, а подобные споры между крестьянами и арендаторскими фирмами о цене аренды вообще были традиционны для этого времени года, когда заключались новые договоры. Село

inslav

ностях этого села находились в управлении крупнейшего арендаторского треста братьев Фишер, австрийских подданных. Непосредственным поводом к началу мятежа послужило то, что братья Фишер, конкурируя с другой фирмой за право аренды угодий у князя Стурдзы и желая заручиться поддержкой местных крестьян, пообещали им достаточно льготные условия аренды (25 лей за фальчу, то есть за 1,43 га пашни). Впоследствии Фишеры отказались выполнять это обещание, что привело к началу стихийных протестов. Братья Фишер, как и многие другие арендаторы-посредники, были евреями, и это дало повод некоторым современникам, в том числе из правительственного лагеря, утверждать, что крестьянские беспорядки имели антисемитский характер. Однако, хотя в темной массе румынского крестьянства действительно были укоренены юдофобские настроения, великое восстание 1907 г. было глубоко обусловлено значительным аграрным перенаселением, крестьянским малоземельем, произволом помещиков и арендаторов.

В течение февраля 1907 г. в северных жудецах Молдавии распространилось петиционное движение крестьян. В первой декаде марта по старому стилю крестьянские волнения охватили всю Молдавию и перекинулись на часть Ольтении. В Добрудже, где проблема крестьянского малоземелья стояла гораздо менее остро, аграрные беспорядки широкого распространения не получили[37]. Крестьяне одного или нескольких сел объединялись в большие скопища, громили усадьбы помещиков и крупных арендаторов и шли в административные центры для подачи своих петиций. Все это быстро перерастало в столкновения с представителями власти. Главными лозунгами восставших стали слова «Врем пэмынт!» (рум. «Мы хотим земли!») и требование «25 лей за фальчу земли»[38]. Помещики и арендаторы бежали в крупные города, восставшие крестьяне шли за ними, и это выглядело как всеобщий поход села против города. В Европе подобное не наблюдалось с раннего Нового времени.

Центральные и местные власти Румынии были застигнуты врасплох и охвачены административным параличом. Консервативное правительство князя Г.Г. Кантакузино проявило нерешительность и неготовность к активным действиям, тем более что накануне восстания оно было ослаблено внутренним кризисом. В феврале 1907 г. умер министр иностранных дел Якоб Лаховари (1846–1907), после чего в правящей Консервативной партии разгорелся конфликт между «кантакузинистами» и «такистами» — сторонниками Таке Ионеску. Как

Флэмынзь стало фигурировать в литературе как начальный пункт восстания якобы благодаря своему красноречивому названию. См., например: *Otu P*. Mareşalul Alexandru Averescu: militarul, omul politic, legenda / Ed. a 2-a. Bucureşti, 2009. P. 48.

[37] *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 181–182.

[38] Там же. С. 185.

inslav

следствие, падение правительства консерваторов после начала восстания было предопределено.

В условиях общенационального кризиса король вручил мандат на правление страной Национал-либеральной партии. Обе главные партии Румынии договорились о сотрудничестве и о поддержке нового кабинета министров, который в тот момент воспринимался как правительство национального спасения. 12 (25) марта 1907 г. кабинет Национал-либеральной партии во главе с Димитрие Стурдзой принес присягу. Ключевые в условиях восстания посты министров внутренних дел и военного заняли соответственно Ион Брэтиану-младший и беспартийный бригадный генерал Александру Авереску (1859–1938), будущий маршал и премьер-министр, национальный герой и самый прославленный военный деятель Румынии своего времени. Как докладывал русский военный агент М.И. Занкевич, «этот выдающийся и стоящий вне политических партий генерал призван к управлению военным министерством ввиду трудности переживаемого страной момента, когда спасение ее находится всецело в руках армии»[39].

При предыдущем военном министре, престарелом генерале Г. Ману, власти в начале восстания ограничились призывом некоторого числа резервистов, многие из которых просто принесли в казармы дух крестьянского недовольства. Приказы предшественника Авереску запрещали войскам использовать против восставших боевые патроны; солдаты стреляли холостыми и действовали штыками, и это вело к потерям в их рядах. Имели место случаи, когда солдаты отказывались сопротивляться восставшим, в результате чего погибали или получали ранения офицеры[40]. В военном ведомстве наблюдались растерянность и анархия. Авереску железной рукой восстановил порядок и дисциплину и своими распоряжениями поощрял решительные и твердые действия подчиненных. В одном из приказов Авереску говорилось: «Восстание может быть подавлено только силой оружия, каждый офицер должен проникнуться чувством ответственности, так как, помимо серьезных последствий, поставлен на карту престиж армии»[41]. Приказы и директивы командования предписывали войскам действовать против восставших максимально решительно, в частности, применять оружие против мятежных групп без предупреждения.

Для подавления восстания была проведена мобилизация армии. За пять дней численность войск под знаменами выросла до 140 тыс. человек. Было мобилизовано 34 полка пехоты, 9 егерских батальонов,

---

[39] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 803. Л. 42–43 об. М.И. Занкевич — в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). 12 марта 1907 г. № 23.

[40] *Otu P.* Mareşalul Alexandru Averescu… P. 49–50.

[41] Цит. по: *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 262.

inslav

17 кавалерийских полков, различные другие части[42]. Среди призванных под знамена также произошли волнения[43]. Командование сомневалось, что части, укомплектованные уроженцами Молдавии, будут решительно действовать против восставших. Поэтому для действий в Молдавии были широко задействованы части из Валахии; они, в большинстве своем, стреляли в молдаван без особых колебаний[44]. В городах для защиты от восставших крестьян горожане брали оружие и формировали отряды гражданской гвардии. Бетонные форты вокруг Бухареста были приведены в боевую готовность и заняты гарнизонами[45].

По распоряжению Авереску территория страны была поделена на зоны ответственности дивизионных командиров. Была применена тактика использования мобильных отрядов из частей кавалерии с приданными артиллерийскими орудиями, которые действовали на упреждение, перехватывали скопища восставших крестьян, рассеивали и преследовали их. Для разгона мятежников и обстрела непокорных сел широко применялась артиллерия. Командир I армейского корпуса генерал П.Ш. Василиу-Нэстурель указывал своему подчиненному, начальнику 2-й пехотной дивизии генералу П. Джигырту, что, если войска прибывают в село после окончания действий восставших, это «не должно препятствовать части убить виновных, не должно препятствовать сжечь их дома»[46].

Почти безоружные крестьяне оказались не в состоянии сопротивляться мобилизованной армии; исход борьбы был предрешен. К концу марта по старому стилю восстание было подавлено. Уже 29 марта (11 апреля) 1907 г. король Кароль отдал приказ по армии, в котором благодарил войска за подавление восстания, которое, по его словам, «угрожало результатам полувекового труда»[47].

Восстановление порядка в государстве и подавление восстания сопровождались значительным кровопролитием. В газетах того времени фигурировала цифра в 11 тыс. человек убитых; позднее она получила наибольшее распространение в историографии, однако в настоящее время она оценивается как завышенная. А. Авереску полагал, что число погибших составляло 2000–2500 человек, однако эти данные были выведены лишь из анализа демографической статистики и не могут претендовать на достоверность. Точное число жертв великого крестьянского восстания 1907 г. вряд ли может быть установлено.

---

[42] *Otu P.* Mareşalul Alexandru Averescu… P. 53.

[43] *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 205.

[44] Там же. С. 204–205.

[45] Там же. С. 165.

[46] Marea răscoală a ţăranilor din 1907. Bucureşti, 1967. P. 529.

[47] Armata română şi Răscoala din 1907: documente / maior dr. Florin Şperlea, Lucian Drăghici, Manuel Stănescu. Bucureşti, 2007. P. 7.

inslav

Крупномасштабное кровопролитие при подавлении восстания потрясло румынское общество; вопрос об ответственности за это использовался в политической борьбе. После возвращения к власти консерваторов в 1912 г. они обнаружили, что около 30 дел пропали из архива министерства внутренних дел. Консерваторы развернули широкую агитацию против либералов, обвиняя их в сокрытии обличающих материалов о массовых убийствах. Дискуссия прекратилась лишь тогда, когда король Кароль I заявил, что досье хранятся у него самого. Шум утих, но люди продолжали считать, что монарх может использовать эти документы для шантажа влиятельных политических фигур[48].

В любом случае, общественное мнение Румынии и Европы восприняло крестьянское восстание 1907 г. и его подавление как кровавую катастрофу. Эти события стали самым серьезным потрясением для румынского государства с момента обретения независимости, шоком для его политического класса и интеллигенции. Был навсегда разрушен миф о «золотом веке» Румынии, благоденствующей под мудрым правлением Кароля I и при согласии всех сословий.

На парламентских выборах в июне 1907 г. национал-либералы получили 105 из 120 мест в сенате и 160 из 174 мест в палате депутатов, что позволило приступить к экстренно необходимым аграрным реформам для снижения остроты земельного вопроса[49]. Однако любые реформаторские начинания Национал-либеральной партии были обречены иметь паллиативный характер, так как в тот момент ни одна группа правящего класса Румынии не была готова покуситься на отчуждение значительной части помещичьих земель. Как писал русский военный агент в Румынии М.И. Занкевич, «радикальное разрешение аграрного вопроса потребовало бы отчуждения частновладельческих земель — меры, связанной с ломкой всего почти феодального строя Румынии, строя, составляющего опору династии в стране»[50].

Главным достижением реформаторов стал запрет оплаты аренды земли в отработочной форме. Отныне платить за пользование землей можно было либо деньгами, либо исполу (долей урожая). Упразднение отработок стало одним из решающих ударов по наследию феодальных порядков в деревне. Были установлены максимальные ставки арендной платы за землю по уездам, а также минимальные размеры оплаты различных видов сельхозработ. Создавались общинные пастбища, однако это требовало добровольной уступки земель помещиками, на что те шли неохотно. За период с 1907 по 1911 гг.

---

[48] *Scurtu I.* Istoria românilor… Vol. 1. P. 204; *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 6.

[49] *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 290.

[50] Цит. по: *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 297.

inslav

478 643 крестьянина на основании закона 1907 г. взяли в аренду 770 тыс. га земли (в среднем — 1,61 га на арендатора); 342 тыс. крестьян заключили договоры о найме на сельскохозяйственные работы.

Также большие надежды возлагались на созданную в 1908 г. Сельскую кассу (рум. *Casa Rurală*; аналог Крестьянского поземельного банка в Российской империи) — учреждение, призванное скупать земли у помещиков и на льготных условиях небольшими наделами в кредит продавать их крестьянам. Однако в реальности из-за высокого первого взноса лишь немногие зажиточные крестьяне могли позволить себе приобрести землю с помощью услуг Сельской кассы. В 1908–1913 гг. Сельская касса скупила 76 369 га земли, а продала крестьянам лишь 6454 га[51].

Начатая в 1907 г. аграрная реформа позволила властям Румынии немного снизить остроту крестьянского вопроса, однако проблема малоземелья основной массы населения страны продолжала существовать.

Крестьянское восстание и вызванные им реформы существенно оживили и разогрели политическую жизнь Румынии, вывели на ее авансцену новых лидеров. В 1908 г. 75-летний и тяжело больной Димитрие Стурдза подал в отставку с поста премьер-министра и главы Национал-либеральной партии. В январе 1909 г. новым председателем партии был избран Ион И.К. Брэтиану-младший, сын старого «визиря», восходящая звезда либерального лагеря и румынской политики. В июне 1910 г. Брэтиану провозгласил подготовку крупномасштабных земельной и электоральной реформ, что предполагало внесение изменений в Конституцию. Однако для реализации своей амбициозной программы лидер Национал-либеральной партии на тот момент не имел ни разработанного плана действий, ни полной поддержки однопартийцев, а главное — не успел заручиться согласием короля. В итоге 28 декабря 1910 г. (10 января 1911 г.) Брэтиану был вынужден подать в отставку с поста премьер-министра, отложив реализацию своих замыслов на более позднее время[52]. Власть в Румынии на следующие три года вновь перешла в руки Консервативной партии, а проведение в жизнь полномасштабных реформ стало возможно уже только после перерыва, вызванного Первой мировой войной.

В последние дни 1910 г. колесо двухпартийной системы повернулось еще раз, и король вновь доверил управление Румынией Консервативной партии, вручив мандат на формирование кабинета ветерану румынской политики П. Карпу. Восстание 1907 г. и потеря власти еще больше ослабили Консервативную партию, и без того

[51] Цит. по: *Виноградов В.Н.* Крестьянское восстание 1907 года. С. 294.

[52] *Iordache A.* Ion I. C. Brătianu: un corifeu al democraţiei şi al liberalismului românesc / Ed. a II-a, revăzută şi adăugită. Bucureşti, 2007. P. 173–194.

inslav

раздираемую внутренними противоречиями. В ее руководстве усилились трения между сторонниками старого лидера П. Карпа («карпистами») и набиравшим силу Таке Ионеску. В итоге это привело к глубокому расколу партии и выходу из нее Т. Ионеску и его приверженцев-«такистов». 3 (16) февраля 1908 г. они объявили о создании новой Консервативно-демократической партии, которая быстро завоевала поддержку значительной части избирателей и фактически превратилась в третью крупную политическую силу Румынии[53]. Однако король Кароль испытывал недоверие и неприязнь к Таке Ионеску из-за франкофильских и англофильских взглядов последнего и, в частности, высказывал опасения, что Т. Ионеску мог стать инструментом в руках американца Дж. Рокфеллера[54]. И действительно, этот политик выступал активным лоббистом коммерческих интересов треста «Стэндарт Ойл» в Румынии[55]. Помимо этого, Т. Ионеску входил в правление банка «Мармарош, Бланк и К°», защищал интересы картеля сахарозаводчиков и т. п.; его приверженцы пользовались репутацией наиболее коррумпированных людей в консервативном лагере[56]. Как следствие, при жизни монарха Таке Ионеску не мог рассчитывать на пост главы правительства. Вплоть до Первой мировой войны Консервативно-демократической партии так и не удалось самостоятельно прийти к власти, однако она достаточно успешно играла роль третьей силы и, выступая поочередно то против Национал-либеральной, то против Консервативной партии, оказывала заметное влияние на политическую жизнь Румынии.

После формирования правительства П. Карпа в феврале 1911 г. были проведены парламентские выборы, на которых, по прочно установившейся традиции, уверенную победу одержала правящая партия. «Жунимистов», которых называли «блестящим генштабом без армии», поддержала основная масса староконсерваторов, и сторонники Консервативной партии получили большинство в обеих палатах парламента, тогда как оставшуюся, меньшую часть мандатов почти поровну поделили национал-либералы И. И. К. Брэтиану и консерваторы-демократы Т. Ионеску[57].

После прихода к власти лидеры консерваторов премьер-министр П. Карп и министр внутренних дел А. Маргиломан, желая морально разгромить и дискредитировать руководство Национал-либеральной партии и в первую очередь клан Брэтиану, инициировали расследование так называемой «Трамвайной аферы», суть которой заключа-

[53] *Bulei I.* Conservatori şi conservatorism… P. 349–365.
[54] *Iordache A.* Viaţa politică în România 1910–1914. Bucureşti, 1972. P. 19.
[55] См.: *Stanciu I.* Romania's first encounter with the large western investments…
[56] *Madievschi S. A.* Elita politică a României (1866–1918). Chişinău, 1993. P. 61, 83.
[57] *Iordache A.* Viaţa politică în România 1910–1914. P. 45–46.

inslav

лась в следующем. В 1909 г. правящая Национал-либеральная партия добилась принятия закона о создании в Бухаресте Коммунального трамвайного общества, с долевым участием частных акционеров и городского совета. В руководство последнего входил Винтилэ Брэтиану, который по совместительству стал и одним из главных акционеров компании. Устав общества был составлен с нарушением закона, что стало поводом для расследования[58]. Карп и Маргиломан попытались придать данному случаю общий характер дела о коррупции высших представителей политического класса Румынии. В парламенте разгорелись ожесточенные дебаты по вопросам политической морали и партийного меркантилизма. Помимо Трамвайного общества, нападкам подвергались другие учреждения, связанные с Национал-либеральной партией, и в первую очередь Национальный банк. На сторону либералов в этом конфликте встал и Т. Ионеску со своими сторонниками. Полемика приобрела такой размах и накал, что это стало вызывать недовольство самого короля. Борьба на два фронта одновременно и с либералами, и с «такистами» оказалась большой ошибкой П. Карпа и его сторонников, что имело самые пагубные последствия для Консервативной партии[59].

В декабре 1911 г. А. Маргиломан добился принятия закона о роспуске старого и учреждении нового Трамвайного общества, однако в начале февраля 1912 г. трибунал столичного жудеца Ильфов признал закон неконституционным. Это стало сильнейшим ударом по позициям правительства Консервативной партии. В то время, начиная с зимы 1912 г., объединенная оппозиция (национал-либералы и «такисты») вела мощную атаку на правительство с целью его отставки; в Бухаресте и других городах проводились шумные уличные манифестации, иногда выливавшиеся в столкновения с войсками и жандармерией и сопряженные с человеческими жертвами. При этом либералы продолжали настаивать на внесении изменений в Конституцию для реформы избирательной системы[60].

В свою очередь, правительственный лагерь организовывал манифестации своих сторонников, в поддержку кабинета и против братьев Брэтиану. Помимо прочего, консерваторы обвиняли либералов в преступлениях при подавлении великого крестьянского восстания 1907 г.; начались острые дискуссии о том, у кого находятся документы по этому вопросу. Для завершения этой опасной полемики королю пришлось заявить, что все дела находятся непосредственно у него[61].

---

[58] *Madievschi S. A.* Elita politică a României… P. 84–86.
[59] *Iordache A.* Viața politică în România… P. 94–102.
[60] Ibid. P. 102–106.
[61] Ibid. P. 112.

inslav

Позиции кабинета П. Карпа слабели еще и потому, что сам премьер-министр, будучи давним и убежденным германофилом, неизменно оставался сторонником ориентации Румынии на союз с Центральными державами и противником помощи румынскому национальному движению в Трансильвании. В общественных кругах Румынии в тот период особенно усиливались антивенгерские настроения и ирредентистские устремления в отношении Трансильвании, Баната и австрийской Буковины.

Но более всего позиции кабинета П. Карпа оказались подорваны именно в результате борьбы по поводу «трамвайной аферы». В конце концов, П. Карп, А. Маргиломан и Н. Филипеску, как лица, персонально ответственные за развязанную политическую войну против либералов, были вынуждены покинуть правительство[62]. Король Кароль принял решение поддержать создание нового кабинета Консервативной партии, «правительства разрядки», и доверил его формирование Титу Ливиу Майореску (1840–1917), крупному ученому, историку, философу и писателю, одному из признанных лидеров консерваторов-«жунимистов». Отставка стала концом долгой активной политической карьеры П. Карпа, ультраконсерватора и германофила. Вскоре после отставки, в 1913 г., он уступил Т. Майореску и пост председателя Консервативной партии.

28 марта 1912 г. король подписал декрет о назначении главой правительства Т. Майореску. Его кабинету изначально не хватало поддержки в консервативном лагере, так как наиболее влиятельные деятели партии — П. Карп, Г.Г. Кантакузино, А. Маргиломан, Н. Филипеску — находились вне власти. В итоге, по рекомендации и при посредничестве короля, после долгих и непростых переговоров в октябре 1912 г. было достигнуто соглашение о формировании обновленного кабинета Т. Майореску, в состав которого вошли «такисты» — сторонники Таке Ионеску и его Консервативно-демократической партии[63]. Правительство было сформировано 15 октября 1912 г. Сам Т. Ионеску получил портфель министра внутренних дел. Кроме того, он, по воле короля, должен был заниматься и внешней политикой, совместно с премьер-министром и главой МИД Т. Майореску[64].

Это правительство объединенных консерваторов было создано практически одновременно с началом Первой Балканской войны, поэтому внешнеполитическая тематика должна была всецело преобладать в его рабочей повестке. Т. Майореску и его кабинет проявили высокую эффективность в ходе дипломатической подготовки к бес-

---

[62] *Iordache A.* Viața politică în România… P. 112; *Bulei I.* Conservatori şi conservatorism… P. 396–400.

[63] *Iordache A.* Viața politică în România… P. 132–146.

[64] Ibid. P. 147.

inslav

кровному походу румынской армии за Дунай летом 1913 г. в ходе Второй Балканской войны, а затем во время Бухарестской мирной конференции, результатом чего стало присоединение Южной Добруджи (подробнее см. ниже). Однако после заключения триумфального для Румынии Бухарестского мира дипломатические навыки Майореску и его сторонников оказались не столь востребованы, а в области внутренней политики Консервативная партия давно не могла предложить жизнеспособной альтернативы обширной реформаторской программе Национал-либеральной партии. Навязанная королем коалиция с партией Таке Ионеску также не прибавила внутренней прочности кабинету Т. Майореску. В свою очередь, Национал-либеральная партия, консолидированная вокруг фигуры И.И.К. Брэтиану, вновь предлагала широкие реформы, что склонило на сторону либералов симпатии общества и короля. Кроме того, в ходе Балканских войн резко обострились политические противоречия между Румынией и Австро-Венгрией, и из-за своей ориентации на Центральные державы кабинет Т. Майореску потерял поддержку в румынском обществе.

31 декабря 1913 г. Т. Майореску подал королю прошение об отставке правительства, которое, по его словам, было сформировано в начале Балканского кризиса и теперь «исполнило свою миссию»[65]. Король удовлетворил эту просьбу, и 4 января 1914 г. передал мандат на формирование следующего кабинета лидеру Национал-либеральной партии И.И.К. Брэтиану-младшему — самому выдающемуся политическому деятелю Румынии той эпохи.

Возглавив в первые дни 1914 г. кабинет министров, Брэтиану энергично приступил к подготовке давно обещанных его партией аграрной и электоральной реформ. Замыслы национал-либералов были масштабны и амбициозны: они предполагали отчуждение частновладельческих земель и создание единой избирательной курии, а значит — требовали внесения изменений в Конституцию Румынии. С этой целью был распущен парламент и в мае 1914 г. проведены выборы в Конституционное собрание. Правительственный лагерь получил большинство в обеих палатах будущего парламента, которому предстояло внести изменения в Основной закон страны. Сессия Конституанты открылась 5 июня 1914 г.; основная законодательная работа намечалась на осень[66]. Однако уже через два месяца началась европейская война, которая полностью нарушила эти планы, отложила их реализацию на неопределенный срок и заставила Брэтиану и его соратников направить все свои усилия на дипломатические маневры и деятельные военные приготовления в рамках политики вооруженного нейтралитета.

---

[65] *Iordache A.* Viața politică în România… P. 262–263.
[66] Ibid. P. 292–293.

inslav

«Следующий победоносный поход — на Будапешт»

Именно при правительстве И. Брэтиану-младшего в августе 1916 г. Румынии было суждено вступить в мировую войну на стороне лагеря Антанты и ожесточенно сражаться против недавних союзников — Австро-Венгрии и Германии. В первые годы XX в. такая перемена внешнеполитического фронта Румынии могла показаться чем-то невероятным и фантастическим. Однако затем произошел ряд событий и процессов, существенно изменивших положение и ориентацию Румынии на международной арене.

К рубежу XX века Румыния подошла с достаточно прочным и обеспеченным международным положением. Казалось, что стабильность в Балканском регионе обеспечена на долгие годы вперед. Внимание европейских держав было приковано к империалистическому разделу сфер влияния и прямым колониальным захватам в Китае. По итогам встречи в Петербурге императоров Николая II и Франца Иосифа I их министры иностранных дел М.Н. Муравьев и Агенор Голуховский в мае 1897 г. заключили тайный договор (в форме обмена письмами) о сохранении политического status quo на Балканах[67]. Распад Османской империи временно приостановился, а русско-австрийское соглашение 1897 г. надело «стеклянный колпак» на дела Балканского полуострова.

В начавшийся XX век Румыния вступила, оставаясь связанной узами тайного военно-политического союза с Германией и Австро-Венгрией. В 1880–1890-е годы этот альянс с самым могущественным на тот момент блоком в Европе был для Румынии вполне оправдан. Однако к началу 1900-х годов в румынском обществе уменьшились опасения по поводу экспансии России на Балканы, а также начали усиливаться антиавстрийские настроения, в первую очередь из-за подъема румынского национального движения в Трансильвании и репрессивных действий венгерских властей. В самой Румынии в политических кругах и в образованном обществе почти зарубцевалась рана, нанесенная утратой Южной Бессарабии в пользу России в 1878 г. Румынские фобии в отношении мнимых захватнических замыслов Петербурга на Балканах оказались лишены подпитки и постепенно утихали. В этих условиях вполне логично усиливались сомнения в целесообразности и пользе союза Румынии с Австро-Венгрией, военно-политическая ориентация на которую имела своей оборотной стороной экономическую дискриминацию и стеснение молодой румынской промышленности.

[67] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 303–308.

inslav

Впрочем, как уже было показано, германский финансовый капитал безоговорочно преобладал в экономике Румынии. Мощь вооруженных сил Второго рейха не ставилась под сомнение никем в Европе. Поэтому правящие круги Румынии осуществляли корректировку внешнеполитического курса королевства очень тихо и осторожно, не разрывая прежних связей с Тройственным союзом, но исподволь готовя почву для сближения с лагерем Антанты.

На рубеже веков угроза прямого вооруженного столкновения между великими державами в Европе снизилась, как и риск вовлечения в него Румынии. Однако новый очаг военно-политической напряженности возник в отношениях между Румынией и ее южным соседом Болгарией. 1 февраля 1900 г. в Бухаресте македонскими революционерами был убит Кирил Фитовски, представитель Верховного македоно-одринского комитета (ВМОК), штаб-квартира которого находилась в Софии. Убитый был ранее послан в Румынию для покупки оружия, однако товарищи заподозрили его в шпионаже в пользу турецкого правительства, вынесли и привели в исполнение смертный приговор. Это событие вызвало волну возмущения в румынском обществе, но худшее было впереди.

В ночь с 22 на 23 июля 1900 г. на улице в центре Бухареста 18-летним македонским болгарином Стояном Димитровым по приказу ВМОК был убит профессор Штефан Михэйляну (1859–1900), куцовлах (представитель родственного румынам этноса Македонии), издатель журнала «Пенинсула Балканика» («Балканский полуостров»), в котором остро критиковалась деятельность болгарских революционных организаций в Македонии. Убийство Михэйляну спровоцировало острый кризис в отношениях между Румынией и Болгарией. Румынские власти обвинили правительство Болгарии в причастности к этому террористическому акту. Обе страны провели частичную мобилизацию вооруженных сил и стали сосредотачивать войска вдоль границы по Дунаю и в Добрудже. Некоторое время начало войны между двумя государствами казалось вполне реальным и даже неизбежным. И все же столкновения в последний момент удалось избежать. Правительство Болгарии, не желая настроить против себя общественное мнение Европы, обещало принять меры против организаторов убийства Михайляну и некоторое время спустя даже арестовало ненадолго ряд македонских лидеров[68].

Однако румынско-болгарская военная тревога 1900 г. имела далеко идущие последствия. В Румынии начали сомневаться, что русско-австрийское соглашение 1897 г. является достаточно надежной гарантией сохранения status quo на Балканах. Опасения правящих кругов

[68] Подробнее о кризисе 1900 г. см.: *Cain D.* Diplomați si diplomație in sud-estul european: Relațiile româno-bulgare la 1900. București, 2012.

inslav

Бухареста, что столкновение с Болгарией может привести Румынию к конфронтации с Россией, заставляли их искать укрепления военного союза с Центральными державами, в том числе с Австро-Венгрией. В начале 1901 г. премьер-министр П. Карп и глава МИД А. Маргиломан совершили поездку в Вену и Берлин, в ходе которой старались заручиться военной поддержкой австрийцев на случай столкновения Румынии с Россией, которое могло произойти из-за готовности Румынии активно действовать к югу от Дуная в случае вторжения Болгарии в Македонию. Одновременно был поднят вопрос о возможности корректировки границы в Добрудже в пользу Румынии, в случае территориального приращения Болгарии за счет османских владений[69]. Эта идея поддержания «равновесия» на Балканах путем изменения границы в Добрудже стала руководящей для всей политики Румынии вплоть до Балканских войн и, в конце концов, привела к захвату Южной Добруджи летом 1913 г. и жестокой мести со стороны Болгарии осенью 1916 г.

Информация об австро-румынских контактах, поступавшая в Петербург по каналам дипломатии и военной разведки, трактовалась там как фактическое нарушение Веной если не буквы, то духа соглашения 1897 г. И это неизбежно влекло за собой ответные военно-политические приготовления России. Перед русской военной разведкой была поставлена задача выяснить, насколько далеко зашло сближение Румынии с Австро-Венгрией в военной сфере и насколько реальны были появившиеся слухи о новой военной конвенции двух стран. Осенью 1901 г. русская военная разведка в Вене получила агентурным путем копию текста прелиминарного соглашения к военной конвенции между Румынией и Австро-Венгрией, которая предусматривала совместные действия армий двух стран против России и Болгарии, а также возможность территориальных приращений за их счет в случае победы. Кроме того, целый ряд иных конкретных признаков указывал на активное сотрудничество Вены и Бухареста в военной сфере[70]. Совокупность собранных разведывательных данных побудила руководство Российской империи ускорить оформление военно-политического союза с Болгарией[71].

Румынская историография отрицает факт заключения румынско-австрийской военной конвенции в 1900 г. и наличие каких-либо договоренностей об аннексиях. Как писал историк социалистической

---

[69] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă la începutul secolului al XX-lea, 1900–1914. Bucureşti, 1977. P. 30–31.

[70] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 6541. Л. 13–14 об. Я. Г. Жилинский, В. П. Целебровский. Доклад по Главному штабу. 20 октября 1901 г.

[71] Подробнее см.: *Kaşirin V. B.* Circumstanţele pregătirii convenţiei militare ruso-bulgare, din 1902, în contextul planificării strategice a Rusiei // In memoriam Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credinţă / îngrijire de ed. *Laurenţiu Constantiniu*. Bucureşti, 2013. P. 340–370

inslav

Румынии Шербан Рэдулеску-Зонер, вся «путаница» произошла из-за того, что в 1900 г. шли переговоры между военными представителями Румынии и Австро-Венгрии по поводу включения дополнительного протокола в военную конвенцию между двумя государствами, подписанную в 1896 г. Но все переговоры, как и сам проект протокола, якобы «имели чисто технический и оборонительный характер». Никакого официального документа, по словам румынского историка, подписано не было, а протокол 1896 г. утратил силу. В 1912 г. Франц Фердинанд писал главе МИД, что между Австро-Венгрией и Румынией в прошлом существовали лишь «устные договоренности» насчет возможного военного сотрудничества[72].

Тем не менее, в России, а вслед за тем и в Болгарии исходили из информации о том, что австро-румынская военная конвенция существует. 4 (17) апреля 1902 г. правительство Румынии в очередной раз продлило действие секретного договора с державами Тройственного союза[73]. А 31 мая 1902 г. в Петергофе была подписана русско-болгарская военная конвенция, которая предполагала совместные действия двух стран против Австро-Венгрии и Румынии в случае общеевропейской или региональной войны[74].

В свою очередь, после того как начавшееся в 1903 г. Охридско-Дебарское восстание в Македонии вновь сильно «разогрело» Восточный вопрос, в общении с руководством Центральных держав король Кароль I и главы правительства Румынии неоднократно подчеркивали, что в случае попыток Болгарии решить в свою пользу македонский вопрос Румыния оставляет за собой право искать компенсаций к югу от Дуная, т. е. в Добрудже[75].

События русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. в России разрушили прежний хрупкий баланс сил и интересов Российской империи и Габсбургской монархии на Балканах. Ослабленная и занятая внутренними проблемами Россия была вынуждена на годы отказаться от активной внешней и военной политики на черноморско-балканском направлении. Австро-Венгрия не преминула воспользоваться этим для укрепления своих позиций на

---

[72] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 34–35.

[73] Ibid. P. 22.

[74] Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. № 2. Пг., 1917. С. 39–42; *Валентинов Н.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. Вып. 2. М., 1919. С. 94–128; *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. М., 1926. С. 84; *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 270–285; *Попов Ж.* Към предисторията и сключването на българско-руската военна конвенция от 1902 година // Военноисторически сборник. 1992. № 6. С. 54–65; *Палангурски М.* България в балканската политика на Русия (1899–1903). Велико Търново, 2005.

[75] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 36.

inslav

полуострове, что не могло не тревожить Румынию и побуждало ее к пересмотру своей внешнеполитической ориентации.

После прихода к власти в Болгарии в 1903 г. правительства русофобской стамбуловистской партии в руководстве Австро-Венгрии начали все более склоняться к идее сближения с Софией и поддержки ее гегемонистских устремлений на Балканах, что вскоре стало одной из важных причин охлаждения в отношениях Румынии с Тройственным союзом и ее постепенного дрейфа в сторону Антанты. В этих условиях Румыния в 1907 г. даже предприняла попытку политического сближения с Османской империей как державой, более всех других заинтересованной в сохранении status quo на Балканах. Однако связывать себя с Портой какими-либо формальными союзническими обязательствами, направленными против Болгарии, Румыния не пожелала[76].

Осенью 1908 г. разразился Боснийский аннексионный кризис, вызванный экспансионистскими устремлениями Австро-Венгрии и ее желанием продемонстрировать свою силу и влияние на Балканах и попутно поставить заслон процессу сербского национального объединения. В результате переговоров Вены и Софии акт аннексии Боснии и Герцеговины был синхронизирован с провозглашением независимости Болгарии. Оба этих шага были встречены в Румынии с недовольством, разочарованием и новыми опасениями. Берлинский status quo на Балканах оказался существенно подорван, фактически — разрушен. Балльхаусплатц открыто поддержал Болгарию в ее стремлении к провозглашению независимости и отказал Румынии в надеждах на приобретение тех или иных компенсаций за счет ее южного соседа. Политическое сближение и сотрудничество Австро-Венгрии и Болгарии не вызывали сомнения.

В январе 1909 г. престарелый приверженец Германии Д. Стурдза ушел с постов премьер-министра и лидера Национал-либеральной партии. На обоих постах его сменил молодой и пылкий франкофил Ион Брэтиану-младший. Это стало серьезным ударом по политическим позициям Вены и Берлина в Румынии и способствовало дальнейшему постепенному изменению внешнеполитического вектора Румынии. Весной 1909 г. в Бухаресте состоялись уличные манифестации враждебного Австро-Венгрии характера.

В этих условиях Вена пошла на компромисс. 10 (23) апреля 1909 г. была заключена новая торговая конвенция между Румынией и Австро-Венгрией, которая отразила политически мотивированные уступки Вены и Будапешта в отношении экспортеров животноводческой продукции из Румынии. По этому документу австро-венгерские власти соглашались на экспорт определенного количества туш скота

[76] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 40–41.

inslav

из Румынии и на минимальные тарифы для румынских злаков, в обмен на соответствующие преференции для экспорта промышленной продукции из Дунайской монархии. Со своей стороны, румынская сторона отказалась от желания поставлять в Австро-Венгрию живой скот. Торговая конвенция на время урегулировала экономические отношения сторон и отсрочила окончательный разрыв между ними. В целом, именно Боснийский кризис 1908–1909 гг. был ознаменован первым открытым проявлением румынско-австрийских политических противоречий, что положило начало охлаждению отношений между Румынией и Центральными державами и дрейфу официального Бухареста от союза с ними[77].

В апреле 1909 г. для поздравления короля Кароля с его 70-летием в Бухарест прибыл германский кронпринц Вильгельм. Он вручил румынскому королю жезл генерал-фельдмаршала Германской империи, что было важным символическим жестом, означавшим сохранение Румынии в военном лагере Тройственного союза. Однако в результате этого визита наследник германского престола пришел к неутешительному выводу, что при возникновении европейской войны Румыния не выполнит союзнических обязательств и, в лучшем для Германии случае, останется нейтральной, а в худшем — примкнет к противоположному лагерю. По его оценке, единственным искренним сторонником союза с Германией оставался сам Кароль I[78]. Румынский монарх был недоволен целями балканской политики Австро-Венгрии и накануне Балканских войн старался максимально укрепить связи Румынии с Германией, чтобы тем самым противодействовать активности Габсбургской монархии в составе Тройственного союза.

После Боснийского кризиса в политической элите Румынии усилились споры по поводу внешнеполитического курса государства. Король и лидеры консерваторов П. Карп, Т. Майореску и А. Маргиломан выступали за сохранение альянса с лагерем Тройственного союза. Закоренелый германофил и русофоб Карп хотел сделать этот курс максимально явным и показным. Однако даже король Кароль, бывший офицер прусской армии и представитель дома Гогенцоллерн, считал такой подход чересчур опасным. К тому времени Т. Ионеску окончательно определился с выбором в пользу ориентации на Антанту. Стало вероятным объединение национал-либералов и «такистов» на почве совпадения внешнеполитических взглядов, что беспокоило короля[79].

---

[77] *Агаки А. С.* Русско-румынские межгосударственные отношения… С. 52–60; *Кросс Б. Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой. Очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики, 1908–1914 гг. Псков, 1996. С. 40–52.

[78] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 72–73.

[79] *Агаки А. С.* Русско-румынские межгосударственные отношения… С. 62–63.

inslav

Но главным фактором, влиявшим на изменение внешнеполитического курса Бухареста накануне Первой мировой войны, был рост недовольства румынского общества по поводу репрессивной политики венгерских властей в отношении румын в Трансильвании. В 1910 г. с помощью различных электоральных махинаций властям земель Короны Св. Стефана удалось существенно снизить число избранных депутатов-румын в венгерском парламенте (5 человек, вместо 16 румын в предыдущем созыве)[80]. В королевстве Румыния в поддержку трансильванских румын проводились различные мероприятия, манифестации, театральные представления, собрания. Румынская пресса, в том числе официозная, атаковала власти Двуединой монархии. Правительство Румынии негласно поддерживало и эти акции, и деятельность Румынской Национальной партии в землях Венгерской короны. При этом Бухарест делал ставку на создание единого и умеренного политического лагеря трансильванских румын, без экстремизма. Укрепления позиций этого лагеря предполагалось достигать постепенно, в том числе путем сотрудничества с Веной в противовес Будапешту.

В конце 1910 г. к власти в Румынии вновь пришла Консервативная партия, глава правительства которой П. Карп безоговорочно подтвердил курс на союз с Центральными державами и отмежевался от поддержки трансильванских румын[81]. После Боснийского кризиса, серьезно увеличившего угрозу войны в Европе, австрийское военное руководство активизировало работу по получению конкретных обязательств от своих союзников. В 1910 г. начальник румынского Генерального штаба генерал Григоре Крэйничану заверил своего австрийского коллегу Ф. Конрада фон Гетцендорфа, что в случае войны с Россией румынские войска окажут содействие австро-германским наступательным операциям на Восточном фронте, нанося удар со стороны Молдавии[82].

Во время итало-турецкой войны 1911–1912 гг. румынская дипломатия предпринимала активные посреднические усилия с целью способствовать миру[83]. В Румынии опасались, что начавшаяся в Киренаике война может распространиться и на Балканы, вовлечь страны полуострова и полностью разрушить остатки прежнего баланса сил в регионе. Кроме того, закрытие Портой Дарданелл наносило серьезный удар по румынской торговле — до 1914 г. 95 % экспорта вывозилось морским путем, и только 5 % по суше.

Затем последовало образование Балканского союза христианских государств полуострова, который осенью 1912 г. развязал вой-

[80] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 91.
[81] *Агаки А. С.* Русско-румынские межгосударственные отношения… С. 68–69.
[82] *Stone N.* The Eastern Front 1914–1917. London, 1998. P. 231.
[83] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 97.

inslav

ну против Османской империи. В начале кризиса австро-венгерская дипломатия уверяла Румынию, что поддержит ее притязания, и уговаривала воздерживаться от вооруженного вмешательства. В свою очередь, либеральная оппозиция во главе с И. Брэтиану яростно атаковала правительство Т. Майореску за его осторожно-выжидательную позицию[84].

Начав войну с Турцией, Болгария сообщила властям Румынии, что ее действия преследуют лишь цель заставить Порту выполнять 23-ю статью Берлинского трактата. Румыния отвечала, что будет соблюдать строгий нейтралитет до тех пор, пока на повестке дня не стоит вопрос о территориальных изменениях на Балканах[85]. Уже 16 октября 1912 г., через два дня после формирования нового правительства, его лидеры Т. Майореску и Т. Ионеску представили королю Каролю план действий в условиях кризиса на Балканах — начать переговоры с Болгарией об изменении линии границы в Добрудже и, в случае отказа, обратиться за посредничеством великих держав[86]. Вскоре после этого Румыния публично заявила притязания на исправление границы в Добрудже до линии Туртукай–Балчик, а также потребовала гарантий защиты прав родственных куцовлахов в Македонии[87]. Вначале Бухарест попытался добиться желаемого через прямые переговоры, но власти Болгарии категорически отказались пойти на уступки в Добрудже[88]. Однако Румыния быстро сумела заручиться поддержкой дипломатии европейских держав.

В конце 1912 г., в разгар сербо-австрийского кризиса по вопросу о выходе Сербии к Адриатике через албанские земли и в условиях военной тревоги с Россией, правящие круги Австро-Венгрии решили укрепить альянс с Румынией. С этой целью в Бухарест с письмом от императора Франца Иосифа I к королю Каролю был отправлен один из ключевых деятелей военного ведомства, инспектор армии генерал Ф. Конрад фон Гетцендорф, начальник Генерального штаба Габсбургской монархии в 1906–1911 и в 1912–1917 гг. В ходе визита ему удалось добиться важных конкретных договоренностей с румынским союзником о совместных операциях в случае войны против России. 25 ноября 1912 г. Конрад фон Гетцендорф и начальник Генштаба Румынии генерал А. Авереску подписали меморандум, в котором было зафиксировано, что в случае начала войны основные силы румынс-

---

[84] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 103–104.

[85] *Iordache A.* Viaţa politică în România… P. 157, 163; *Агаки А. С.* Русско-румынские межгосударственные отношения… С. 82.

[86] *Iordache A.* Viaţa politică în România… P. 158.

[87] *Garoescu G. G.* Războaiele balcanice 1912–1913 şi Campania română din Bulgaria / Ed. a II-a. Bucureşti, 1935.P. 108.

[88] *Кросс Б. Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой… С. 57–58.

inslav

кой армии будут сосредоточены в центральной части Молдавии, откуда поведут наступление в Бессарабию в общем направлении на Кишинев. IV Ясский корпус должен был оказывать содействие австро-венгерским войскам. Рошиорская дивизия — стратегическая конница румынской армии — должна была быть брошена в глубокий рейд[89].

Посвященные лица трактовали данное соглашение как блестящий успех австро-венгерской политики и военной стратегии, однако в действительности плоды этого триумфа оказались скоропортящимися. Российская сторона приняла ответные меры. Каролю I был присвоен чин генерал-фельдмаршала русской армии (это было последнее по времени производство в этот высший военный чин дореволюционной России). 28 ноября (10 декабря) 1913 г., в день 35-летия падения Плевны, в Бухарест для вручения королю фельдмаршальского жезла прибыл великий князь Николай Михайлович. Этот символический акт стал важным шагом к дальнейшему улучшению русско-румынских отношений[90].

5 февраля 1913 г. правительство Т. Майореску в очередной и последний раз продлило действие политического союзного договора с Австро-Венгрией, а 26 и 27 февраля — с двумя другими державами Тройственного союза. В тот момент власти Румынии еще не хотели и не собирались решительно рвать с прежней линией своей внешней политики, ориентированной на Центральные державы.

После неудачи румыно-болгарских переговоров в Лондоне более активную посредническую роль в разрешении спора о границе в Добрудже стала играть русская дипломатия. В апреле 1913 г. в Петербурге состоялась конференция послов великих держав: Англии (Дж. Бьюкенен), Франции (Т. Делькассе), Германии (Ф. Пурталес), Австро-Венгрии (Д. Турн) и Италии (А. Карлотти), а также главы МИД Российской империи С.Д. Сазонова. По итогам работы конференции 26 апреля (9 мая) 1913 г. был подписан Петербургский протокол, согласно которому Болгария уступала Румынии г. Силистрию с примыкающей территорией радиусом 3 км, считая от края города[91]. По итогам Петербургской конференции Бухарест заявил, что соглашается с результатами европейского арбитража, однако оставляет за собой право действовать, если война на Балканах продолжится и последуют новые изменения в балансе сил на полуострове[92]. Силистрия — давнее яблоко раздора на румынско-болгарской границе —

---

[89] *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Bd. 2. Wien; Leipzig; München, 1922. S. 363–364.

[90] *Iordache A.* Viața politică în România… P. 179–180.

[91] *Iordache A.* Criza politică din România şi războaiele balcanice 1911–1913. Bucureşti, 1998. P. 228.

[92] *Garoescu G. G.* Războaiele balcanice 1912–1913 şi Campania română din Bulgaria / Ed. a II-a. Bucureşti, 1935. P. 108.

inslav

переходила в собственность Бухареста. Однако к югу от Дуная назревали гораздо более серьезные события, которые давали Румынии основания надеяться, что она сумеет еще больше увеличить размеры своей прибыли.

Комиссия по разграничению под Силистрией вела работы на местности, когда в ночь с 16 на 17 (с 29 на 30 июня) 1913 г. болгарская армия внезапно атаковала своих вчерашних союзников, и это стало началом Второй Балканской войны. Получив от атакованных Сербии и Греции сообщение о произошедшем, Румыния прекратила работы комиссии по разграничению. 20 июня в Бухаресте состоялась четырехчасовая манифестация, участники которой требовали вступления Румынии в войну; присутствовали и лозунги «Долой Австро-Венгрию!»[93]. В тот же день 20 июня король Кароль I подписал декрет о мобилизации румынской армии, которая официально начиналась с полуночи 23 июня. 27 июня Румыния объявила, что находится в состоянии войны с Болгарией. Одновременно Бухарест обратился ко всем европейским державам с нотой о том, что не стремится к территориальным приращениям, а хочет лишь помешать установлению гегемонии Болгарии на Балканах и обеспечить для себя стратегически обеспеченную линию границы в Добрудже[94].

Разведка российского Одесского военного округа отмечала, что румынской прессой, интеллигенцией и большинством городского населения Румынии мобилизация против Болгарии была встречена с огромным энтузиазмом. На улицах проходили патриотические манифестации, на которых среди прочих лозунгов звучало: «Долой Болгарию и Австрию», «Нам надоела Австрия», «Да здравствует Россия»[95]. Таким образом, предстоящий поход против Болгарии воспринимался политическим классом Румынии как антиавстрийское действие.

В общей сложности под знамена было призвано 568 800 чел., из которых, по данным русской военной разведки, реально явилось почти 400 тыс. человек. Из-за погрешностей в мобилизационном планировании румынских военных властей, число явившихся резервистов оказалось значительно больше, чем требовалось для укомплектования частей армии военного времени. В итоге около 100 тыс. призванных было распущено по домам. А вот укомплектование армии конским составом вызвало большие затруднения, из-за нехватки в стране лошадей нужного качества. Общая сила мобилизованной полевой армии Румынии летом 1913 г. составляла 223 батальона, 83 эскадрона,

---

[93] *Кросс Б. Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой… С. 74.

[94] *Iordache A.* Viața politică în România… P. 226.

[95] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3123. Л. 16–35. «Отчет о мобилизации, перевозках, переправе и общем состоянии румынской армии в Балканскую войну 1913 года (По негласным сведениям, полученным Разведывательным отделением штаба Одесского военного округа в Румынии)».

inslav

528 полевых, 6 конных и 16 горных скорострельных орудий, 60 полевых и 8 тяжелых скорострельных гаубиц, 38 рот инженерных войск; в общей сложности около 250 000 штыков, 13 000 сабель и 636 орудий[96]. Считая резервные и тыловые части, мобилизованная армия насчитывала 11 500 офицеров и около 400 тыс. нижних чинов[97].

Переправа румынских войск через Дунай началась 2 июля; к 11 июля переправились все четыре корпуса, предназначенные для действий в Северной Болгарии[98]. На неприятельской территории румыны не встретили никакого сопротивления, так как вся болгарская армия в это время вела тяжелые бои на сербском и греческом фронтах. В Северной Болгарии румынские войска чувствовали себя в полной безопасности. Дивизии и целые корпуса румынской армии могли двигаться по одной дороге длинной растянутой колонной со скоростью 20–25 км в день. Единственный боевой успех румынской армии во Вторую Балканскую войну был одержан 1-й кавалерийской дивизией генерала Георгия Богдана, которая 5 июля под Фердинандовом окружила и практически без сопротивления взяла в плен два полка и артиллерийский дивизион 9-й болгарской дивизии, отступавшей из пределов Сербии от Белоградчика. О направлении движения болгар румынское командование было оповещено сербами.

Для румынских войск операции против Болгарии приобрели характер военной прогулки. Военный корреспондент петербургской газеты «Новое время» Генштаба полковник В.Н. фон Дрейер в своей книге называл действия румынской армии в 1913 г. «опереточной войной» и «царским маневром»[99]. Один смелый подпоручик из кавалерийского 5-го рошиорского полка вместе со своим ординарцем по собственной инициативе побывал в совершенно беззащитной Варне и потребовал у местных властей сдачи этого города и Евксинограда, летней резиденции болгарского царя. В ответ префект Варны, чтобы хоть как-то исправить нелепость ситуации, просил его прибыть хотя бы со взводом солдат. В итоге румынский офицер за свою самодеятельность получил взыскание от начальства, в планы которого в тот момент не входило занятие Варны[100]. На софийском направлении румынские войска продвигались стремительно и также добивались бескровных успехов. К 15 июля пехота уже прочно занимала линию балканских перевалов Враца–Орхание–Этрополь–Златица; кавалерийские разъез-

[96] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3123. Л. 16–35. «Отчет о мобилизации, перевозках, переправе и общем состоянии румынской армии в Балканскую войну 1913 года (По негласным сведениям, полученным Разведывательным отделением штаба Одесского военного округа в Румынии)».

[97] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3124. Л. 25 об.

[98] Там же. Л. 6.

[99] *Дрейер В.Н., фон.* Разгром Болгарии. Вторая балканская война. 1913 г. СПб., 1914. С. 151.

[100] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3124. Л. 8.

inslav

ды находились в 15–20 км от Софии. Болгария оказалась лишена возможности к дальнейшему сопротивлению и запросила мира.

Все операции румынской армии, связанные с ее балканским походом, длились чуть больше двух месяцев: демобилизация была начата 31 июля; с 5 по 16 августа румынские части переправились из-за Дуная; к 1 сентября все они вернулись в свои гарнизоны. По наблюдениям русского военного агента Е. А. Искрицкого, войска возвращались с войны без особого энтузиазма, так как не одержали никаких побед. Людские потери составили около 2 тыс. человек, павших жертвами холеры. В финансовом отношении победоносный поход, который некоторые скептики называли «холерной экспедицией», стоил Румынии немногим более 100 млн лей. «Таким образом, конечный политический результат, достигнутый румынами, несомненно блестящий», — докладывал Искрицкий[101].

Фактически, в результате событий лета 1913 г. Румыния без крови завоевала статус арбитра и жандарма всего Балканского полуострова. Косвенно это проявилось и в выборе места для проведения мирной конференции. Она начала работу 17 июля 1913 г. в Бухаресте, председателем был избран глава правительства Румынии Т. Майореску. Дипломатическая деятельность последнего на Бухарестской конференции была расценена большинством в правящей элите Румынии как несомненный успех. Однако его партнер по коалиции Т. Ионеску остался недоволен, так как он считал задачей политики Румынии не просто заключение мира, но образование союза балканских государств для защиты положений мирного договора. Это внесло рознь в ряды коалиционного правительства[102].

28 июля (10) августа 1913 г. был подписан Бухарестский мирный договор, завершивший Вторую Балканскую войну. Судьба Южной Добруджи определялась 2-й статьей этого трактата, которая гласила: «Между Царством Болгария и Королевством Румыния старая граница между Дунаем и Черным морем исправляется, согласно протоколу № 5 от 22 июля (4 августа) 1913 года Бухарестской конференции, следующим образом: новая граница идет от Дуная, выше Туртукая по течению реки, и достигает Черного моря, к югу от Экрене. […] Особо оговорено, что Болгария в срок не более двух лет уничтожит существующие фортификационные сооружения и не будет строить новых в Рущуке, в Шумле, в промежуточной между ними области и в двадцатикилометровой зоне около Балчика»[103].

---

[101] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3124. Л. 18 об.

[102] *Iordache A.* Criza politică din România şi războaiele balcanice 1911–1913. P. 250–251.

[103] Букурещки договор за мир. 28 юли / 10 август 1913 г. // История на българите 1878–1944 в документи. Т. 2. Периодът на войните 1912–1918 / Съст. *В. Георгиев*, *Ст. Трифонов*. София, 1997. С. 215–218.

inslav

Таким образом, по Бухарестскому миру Румыния приобрела территорию болгарской Южной Добруджи общей площадью 7609 км^2, с городами Туртукай, Силистрия, Добрич и Балчик. Для обозначения приобретенных земель румынская печать стала использовать выражения «Новая Добруджа» или «Кадрилатер» (т. е. «Четырехугольник»). В административном отношении присоединенные территории образовали два новых жудеца (уезда) королевства Румыния — Дуростор (с центром в Силистрии) и Калиакра (с центром в Базарджике/Добриче)[104]. По данным болгарской статистики, к моменту аннексии из 286 тыс. жителей области только 6348 были румынами. Современная румынская научная литература даже не пытается оспаривать тот факт, что Румыния не имела ни малейших этнографических прав на владение данной территорией. Со стороны Бухареста этот захват был актом неприкрытого военно-политического хищничества, «империализма квадратных километров», за который рано или поздно предстояло заплатить по счету.

В результате Второй Балканской войны и Бухарестского мира 1913 г. Румыния фактически стала арбитром стран полуострова и гарантом сохранения сложившейся по итогам войн 1912–1913 гг. новой расстановки сил в регионе. По сути дела, Румыния вошла в неформальный блок государств-победителей, своего рода «Бухарестскую антанту», целью которой было не допустить реванша Болгарии или Турции. Румыния ясно заявляла, что будет препятствовать любым попыткам изменения сложившегося после Балканских войн положения на полуострове[105]. Общность интересов сближала Румынию с Сербией и, следовательно, все больше углубляла пропасть между Бухарестом и Веной.

Балканские войны стали временем крутого поворота во внешней и военной политике Румынии, союз которой с Центральными державами фактически прекратил существовать. Летом 1913 г. русский военный агент полковник Е. А. Искрицкий видел множество воинских эшелонов возвращающихся с войны румынских частей, вагоны которых, в основном офицерские, были украшены надписями мелом, примерно такого содержания: «N-артиллерийский полк со славой возвращается из балканского похода в город N. Следующий победоносный поход — на Будапешт»[106].

В декабре 1913 г. был смещен с поста начальника румынского Генерального штаба генерал А. Авереску. По словам Ф. Конрада фон

---

[104] *Иширков А.* Физическа география // Научна експедиция в Добруджа, 1917 г. Доклади на университетски и други учени / Съставител и редактор проф. *Петър Петров* /Дял втори. Статии от сборник „Добруджа". География, история, етнография, стопанско и държавно-политическо значение (Издание на Съюза на българските учени, писатели и художници. София, 1918). София, б.г. [1994]. С. 71.

[105] *Rădulescu-Zoner Ş.* România şi Tripla Alianţă… P. 133.

[106] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3124. Л. 35 об.

inslav

Гетцендорфа, полученное известие об этой отставке стало для него «новым ударом»[107]. Эта отставка означала уход в небытие достигнутых в 1912 г. конкретных договоренностей о совместных операциях австро-венгерской и румынской армий. В декабре 1913 г. Генштаб Австро-Венгрии уже приступил к разработке планов военных действий на случай возможной войны против Румынии.

Начиная с февраля 1914 г. в разных городах Румынии регулярно проходили антиавстрийские манифестации, в которых участвовали представители всех слоев общества. Митинги и демонстрации проводились в поддержку угнетаемых трансильванских румын. В обществе усиливалось ожидание скорого освободительного похода румынской армии за Карпаты. Представители австрийской и германской дипломатии уже в начале 1914 г. пришли к убеждению, что в случае войны Румыния не выступит на стороне Центральных держав.

Главным политико-дипломатическим событием первой половины 1914 г. для Румынии стал визит императора Николая II в Констанцу 1 (14) июня и его встреча там с Каролем I. Этот однодневный визит явился первым посещением российским монархом территории Румынии в мирное время. Прибывший в Констанцу из Ливадии на яхте «Штандарт» Николай II со своим семейством был пышно встречен королевской фамилией Румынии в полном составе; оба монарха посетили корабли русского Черноморского флота и наблюдали парад румынских войск на набережной. На торжественном обеде император и король поднимали тосты за дружбу своих государств.

После визита Николая II глава МИД России С.Д. Сазонов отправился из Констанцы в Бухарест, где провел ряд переговоров с румынским руководством. В докладе на имя императора он, по итогам общения с И. Брэтиану, писал: «Общий вывод, вынесенный мною из этого разговора, что Румыния не связана такими обязательствами, которые могли бы заставить ее выступить вместе с Австрией против нас при всяких обстоятельствах, но что на деле, в случае войны между нами и Австро-Венгрией, Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды»[108].

Всего через две недели после визита Николая II в Констанцу произошло Сараевское убийство. В ходе предвоенного кризиса дипломатия Центральных держав упорно пыталась заручиться поддержкой Румынии, однако румынское руководство отвечало уклончиво и отказывалось подтвердить, что намерено исполнить союзнические обя-

---

[107] *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Bd. 3. S. 494.

[108] С.Д. Сазонов — Николаю II. 11 июня 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. III. 1914–1917 гг. Т. 3. М.; Л., 1933. С. 384–392.

inslav

зательства в случае войны. Позиция Румынии заключалась в том, что она выступит на стороне своих союзников лишь в том случае, если они подвергнутся нападению. А так как определение страны-агрессора оставляло большой простор для разных толкований, фактически Бухарест сохранял свободу рук.

Вечером 21 июля (3 августа) 1914 г., спустя неделю после начала боевых действий между Австро-Венгрией и Сербией и на третий день после начала войны общеевропейской, в замке Пелеш в Синайе, летней резиденции короля, состоялось знаменитое заседание Коронного совета. Председательствовал на нем король; участие в заседании приняли наследный принц Фердинанд, члены действующего национал-либерального правительства во главе с И. Брэтиану, председатель Палаты депутатов, все бывшие председатели правительства, некоторые видные деятели Консервативной и Консервативно-демократической партий. Иными словами, на Совете присутствовали все лидеры как правящего, так и оппозиционного лагеря Румынии, подлинные вершители политических судеб страны. До сих пор Коронный совет собирался лишь в чрезвычайных случаях, для решения судьбоносных вопросов жизни страны. Но никогда прежде не приходилось совету делать столь важный выбор — о действиях Румынии в условиях начавшейся европейской войны.

В начале заседания Кароль I торжественно огласил текст союзного договора 1883 г., до того формально считавшегося секретным, и призвал к исполнению Румынией союзнических обязательств по отношению к Центральным державам и немедленному вступлению в войну на их стороне. Однако при начавшемся обсуждении Кароль I, к своему глубокому удивлению, оказался почти в полном одиночестве. Члены правительства во главе с И. Брэтиану открыто пошли против воли монарха и высказались за вооруженный нейтралитет Румынии. Позицию короля поддержал лишь бывший премьер-министр П. Карп, престарелый поклонник Германии и закоренелый русофоб. Однако новый лидер Консервативной партии А. Маргиломан, за которым стояла основная масса консерваторов, высказался за выжидание. Подавляющим большинством голосов членов совета было принято решение не вступать в европейскую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии и принять меры по защите границ Румынии[109]. В ближайшие дни после этого в румынской армии начались скрытые мобилизационные мероприятия[110].

---

[109] Подробнее о Коронном совете в Синайе см.: *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 40–48.

[110] См.: *Каширин В.Б.* На пути к сотворению «Великой Румынии»: политическая и военная стратегия Бухареста в начальный период Первой мировой войны (по документам русской военной разведки) // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX — начало XXI вв.): сб. докл. междунар. науч. конф. / ред. *В.Б. Каширин*. М., 2011. С. 49–84.

inslav

За долгие десятилетия своего правления Кароль I привык считать политическую элиту Румынии послушной его воле, и потому теперь ее отказ подчиниться стал для монарха серьезным потрясением. Этот внезапный поворот омрачил последние дни царствования и, по мнению многих, подорвал здоровье Кароля I, непосредственно ускорив его смерть. Видный австрийский дипломат граф Оттокар фон Чернин, посланник в Румынии в 1913–1916 гг., вспоминал: «Война убила короля… Мне было вменено в обязанность испытать все средства, чтобы добиться немедленного выступления Румынии, в согласии с связующим ее союзом, и мне приходилось заходить так далеко, чтобы напоминать ему, "что договор есть договор и что его честь обязывает его вынуть оружие из ножен". Я помню воистину потрясающую сцену, когда старый король упал с громким плачем, бросился в кресло и дрожащими руками пытался сорвать с шеи орден "Pour le merite" (высший военный орден Германии. — *В.К.*), который он обыкновенно никогда не снимал» [111].

Осознание своего бессилия выполнить союзнический долг перед родной ему Германией, несомненно, вызывало сильные переживания Кароля I. Помимо этого, в августе–сентябре 1914 г. он подвергся немыслимой прежде травле со стороны румынского образованного общества и прессы. Русские представители в Румынии отмечали целый ряд конкретных примеров этого: на королевском дворце вывешивались таблички «отдается внаем»; местные газеты называли своего короля не Каролем Румынским, но Карлом Гогенцоллерном, тем самым подчеркивая его немецкое происхождение и чуждость коренным интересам Румынии.

В 6 часов утра 27 сентября (10 октября) 1914 г. 75-летний король Румынии Кароль I, правивший страной в течение 48 лет, скончался в своей резиденции в замке Пелеш в г. Синайя. Причиной его смерти был назван артериосклероз (патологическое состояние артерий). До конца своих дней монарх оставался убежденным и последовательным сторонником союза с Германией, и потому его смерть нанесла жестокий удар по связанным с Румынией надеждам Центральных держав и еще больше укрепила позиции сторонников благоприятного для Антанты нейтралитета. На престоле старого короля сменил его племянник Фердинанд I, с самого начала пообещавший править «как добрый румын». Приняв решение о выжидательном нейтралитете и расторгнув 30-летний союз с Центральными державами, правящая элита Румынии в тот момент без сожаления отказалась от наследия своего первого короля в области внешней политики. До вступления страны в мировую войну оставалось еще два года вооруженного ней-

[111] *Чернин О.* В дни мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 103.

inslav

тралитета и усиленной подготовки к испытанию огнем, к которому Румынии все равно было суждено оказаться трагически неподготовленной.

* * *

Уход из жизни Кароля I стал концом целой эпохи в истории Румынии. Если верно утверждение, что «долгий XIX век» завершился для Европы с началом Первой мировой войны, то для Румынии это столетие закончилось со смертью старого короля. В исторической памяти современной Румынии король Кароль I является высоко чтимой фигурой. За полвека его правления страна проделала долгий путь развития от номинально подвластного Османской империи княжества до суверенного европейского королевства, участника влиятельных международных союзов. При Кароле I Румыния переступила исторический рубеж между старым феодальным и новым капиталистическим обществом, пусть и сохранив многие архаичные черты в аграрных отношениях и в структуре правящего класса и населения. Наконец, именно при Кароле I сформировалась в культурном и политическом отношении современная румынская нация, со своими ценностями, великодержавными идеалами и экспансионистскими устремлениями.

В ту эпоху Румыния оставалась отсталым аграрным государством, экономический потенциал и архаичная социальная структура которого мало соответствовали национальным амбициям политического класса, а накопившиеся внутренние противоречия угрожали не только реализации внешнеполитических целей, но и стабильности самой страны. Как и в поздней Российской империи, с которой у Румынии было много общего в укладе экономики, элита Румынского королевства осознавала необходимость реформ для модернизации страны, но не находила достаточных сил для преодоления слишком большой социально-экономической инерции.

В сравнении с предшествующим периодом партийно-политическая жизнь в Румынии в первые полтора десятилетия XX в. была отмечена достаточно высокой турбулентностью и активной конкуренцией основных партий в борьбе за власть. Новое столетие началось для Румынии с экономического кризиса 1899–1901 гг., затем случилась катастрофа великого крестьянского восстания 1907 г., а накануне мировой войны страна оказалась втянута в кризис на Балканах 1912–1913 гг. В его ходе Румыния открыто выразила свои притязания на региональную гегемонию и добилась успеха, присоединив Южную Добруджу и став, пусть и ненадолго, гарантом сложившейся в результате Бухарестского мира системы.

inslav

При всем этом Румыния оставалась малой страной в сравнении с двумя соседними многонациональными империями — Австро-Венгрией и Россией, к каждой из которых у нее были ирредентистские притязания. Практически полное отсутствие тяжелой индустрии и военной промышленности ставило Румынию в критическую зависимость от заказов на зарубежных заводах. Финансовые возможности страны были сильно ограничены и не вполне соответствовали задачам по подготовке к будущей войне для реализации великодержавных национальных идеалов.

Крупное даже по мировым масштабам производство зерна и растущая нефтедобыча повышали ценность Румынии как союзника в глазах Антанты и Центральных держав. Однако в случае войны это богатство стратегическим сырьем угрожало превратить Румынию в заманчивую и достаточно легкую добычу для одного из враждующих империалистических лагерей. Институты румынского государства, его транспортная сеть, система связи и пр. были недостаточно современны, а подготовка вооруженных сил к войне — полна глубоких недочетов. Все это привело к трагическим поражениям румынской армии в ходе кампании 1916 г., которые показали негодность чисто военных средств для построения Великой Румынии.

Однако в чем Румыния эпохи Кароля I действительно преуспела — так это в естественной селекции национальной политической элиты. В условиях многолетнего доминирования короны и фиктивного парламентаризма в Румынии выросло и возмужало новое поколение политиков, государственных деятелей, дипломатов и военных — энергичное, изворотливое, циничное, способное приспосабливаться к обстоятельствам, но все же добиваться выгод лично для себя, для своих партий и для общерумынского проекта национального объединения.

Именно эти люди провели Румынию через военную катастрофу 1916 г., революционные потрясения 1917 г., вынужденный и унизительный сепаратный Бухарестский мир 1918 г. с Четверным союзом, но затем сумели сосредоточиться и, выждав благоприятного момента, совершить большой прыжок к достижению желанного великодержавного национального идеала на развалинах соседних империй. Однако летом 1914 г. все это было скрыто за пеленой неведомого будущего, за клаузевицевским «туманом войны». В то время правящие круги Румынии вкрадчиво готовились к предстоящим испытаниям и к извлечению максимальной пользы для своей страны из начавшегося всемирного военного катаклизма.

inslav

Болгария: от независимости к Балканским войнам

Прежний, во многом фиктивный, болгарский конституционализм постепенно уходил в прошлое. В стране множились политические партии. В начале XX в. в Болгарии действовали народно-либеральная, прогрессивно-либеральная, народная, демократическая, радикально-демократическая, земледельческая партии, две просто либеральные партии, несколько социалистических партий и пр. В большинстве случаев в их программах не было существенных различий, что во многом объяснялось общностью задач, стоявших перед страной во внешней и внутренней политике. По мнению русского корреспондента «Вестника Европы» А. Деренталя, в Болгарии «вообще нет партий в европейском смысле слова, за исключением разве одних демократов да не перестающих грызться между собой "широких" и "узких" социалистов. Остальные все, в сущности, только группы людей, желающих добиться власти и связанных с нею "неограниченных возможностей" всякого рода»[1].

В то же время было бы ошибочным утверждать, что партийные лидеры, приходя к власти с помощью князя, проводили одинаковую политику, являясь заложниками воли монарха. Скорее надо говорить об умелом чередовании князем длинного и короткого поводков, на которых он держал своих министров. И такая политика, основанная и нацеленная во внешней политике на разрешение македонского вопроса, вместе с достижением действительной независимости, а во внутренней — принципов парламентаризма в сочетании с социально-экономическим реформированием страны, безусловно, давала свои плоды.

Характерным примером может послужить политика кабинета К. Стоилова, в народную партию которого входил Ив. Вазов, К. Величков. Почти забытый ныне Д. Благоев в своей книжке «Экономическое развитие Болгарии» писал: «Справедливости ради надо признать, что г. Гешев за три года своей деятельности в качестве ми-

[1] *Дерениталь А.* Письмо из Софии // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 367.

inslav

нистра в Стоиловом кабинете в экономическом отношении сделал столько, сколько не сделали все министры, взятые вместе, от Освобождения до настоящего времени»[2].

Здесь же можно вспомнить и демократов с их шефом с 1902 г. А. Малиновым — в активе этой партии были и учреждение пропорциональной избирательной системы, и попытки улучшения народного хозяйства, да и само провозглашение независимости в 1908 г. произошло во время их нахождения у власти (с 16 января 1908 г. по 16 марта 1911 г.)[3]. Именно демократами были преданы суду члены бывшего стамболовистского кабинета министров за многочисленные финансовые злоупотребления.

Хотя, конечно, в стране во время княжения Фердинанда были и министерский волюнтаризм, и нарушения законов, и кровавые столкновения с полицией. Но замечу, в Болгарии, в отличие от соседней Сербии, не было государственных переворотов. Фердинанд, как верно подметил один из современников, «пускал корни», работая над их укреплением в болгарской почве. В то же время, как писал русский дипломат Г. Н. Трубецкой, «народ Фердинанд не любил. Он не стеснялся презрительно отзываться о нем»[4]. Однако любое серьезное недовольство правительством, его политикой Фердинанд стремился вовремя и искусно погасить, не допуская ни расшатывания страны, ни ослабления власти своего имени.

Здесь можно привести пример с умеренно-русофильским кабинетом Стоилова с его «сомнительной» финансовой сделкой по кредиту для Болгарии. Когда движение против «разорительного» договора приняло тревожный характер, «благоразумный» «князь решил расстаться со своим давнишним фаворитом и, чтобы выгородить свою личность от всякого обвинения в соучастии с ним, тотчас же и возможно более демонстративно привел это решение в исполнение. Стоилову и его товарищам без всяких излишних церемоний было в 1899 г. предложено подать в отставку»[5]. Более того, заем не состоялся только потому, что, как писал П. Н. Милюков, его не санкционировал султан по «конфиденциальной просьбе самого князя»[6].

Можно добавить, что болгарский монарх не только умел «подкармливать» своих политиков, но и «приручать» их, как, например, стамболовцев, «сидевших» в народно-либеральной партии, пошедших на сотрудничество с ним и занимавших министерские посты на протя-

---

[2] Цит. по: *Бербенко К. Д.* Политические партии в Болгарии (“Народняки”) // Славянские известия. СПб., 1910. № 2. С. 139

[3] *Дерентал А.* Письмо из Софии. С. 365.

[4] Цит. по: *Айрапетов О. Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 196.

[5] *И–въ.* // Русское богатство. СПб., 1900. № 4. С. 84.

[6] *Милюков П. Н.* Болгарская конституция. С. 63.

inslav

жении ряда лет. Тут же следует вспомнить и демократов (властвовали в 1909 г.), которые воспротивились требованию, раздававшемуся в стенах Народного собрания, о пропорциональном представительстве на законодательных выборах, лишавшему князя свободы «составлять из каких угодно лиц правительство», которое могло «подтасовывать выборы и составлять себе угодное большинство в парламенте»[7].

В своем письменном столе князь хранил досье с «нехорошими материалами» на многих из своих министров и тем самым «держал их в кулаке»[8]. Вероятнее всего в них шла речь о тривиальном залезании в госказну. Морис Палеолог, представлявший Францию в Софии, на одном из вечеров сказал, что стать в Болгарии министром может только тот, кто умеет летать (на французском глаголы «летать» и «красть» суть синонимы[9]). Безусловно, речи французского дипломата нельзя абсолютизировать, но «дыма без огня не бывает».

Однако, повторю еще раз, не следует представлять себе, что министры были только марионетками в руках Фердинанда. У них было много общего прежде всего в стремлении европеизировать страну. Так, в 1899 г. один из видных политических деятелей, входивший в прогрессивно-либеральную партию, Ст. Данев в одном из своих выступлений подчеркивал, что народный суверенитет и в дальнейшем будет фундаментом будущего экономического и политического развития. При коалиционном правительстве прогрессиста Данева и демократа Каравелова были отменены стеснявшие свободу печати законы, был введен закон, по которому зависимость чиновничества от смены правящих партий ослаблялась[10].

Данев был убежден, что только благодаря России Болгария «в один прекрасный день получит свои естественные границы». Наступление этого дня и решение македонского вопроса Данев связывал с политикой великих держав и выступал против засылки чет в Македонию[11]. Видимо, такая позиция премьер-министра Данева, возглавлявшего правительства в 1902-1903 и в 1903 гг., и его «бесплодные» переговоры с Петербургом по обеспечению «слепой» поддержки России в деле «национального объединения» вызвали неудовольствие Фердинанда.

Прогрессивно-либеральная партия была заменена народно-либеральной, правившей с 1903 по 1908 гг. Ее руководители, одним из которых был Д. Петков, участник сербско-турецкой и русско-турец-

---

[7] *Бербенко К.* Балканский полуостров. С. 126.

[8] *Штрандман В.* Балканске успомене. Књига. 1. Београд, 2009. С. 41.

[9] Там же. С. 119.

[10] *Бербенко К.* Политические партии в Болгарии. Прогрессивно-либеральная партия // Славянские известия. 1910. № 3. С. 225.

[11] Там же. С. 222.

inslav

кой войн 1870-х годов, заявили, что будут вести смелую и активную политику в македонском вопросе — политику «развязанных рук», не оглядываясь на Россию[12]. И они с усердием выполняли свое обещание, помогая словом и делом македонским революционерам. Да и сам Фердинанд поддерживал членов Верховного македонского комитета, созданного в 1894 г., возможно, не только из-за стремления воссоздать Великую Болгарию, но из страха быть убитым теми же македонцами за пассивность в деле освобождения «стонущих братьев» под османским игом, которых могли «перехватить» сербы и греки — эти болгарские соперники в борьбе за души и земли тех, которых они считали «своими».

Однако не всё удавалось князю с его «самовластием». Так, княжеская попытка в 1907 г. назначить премьер-министром своего бывшего секретаря Д. Станчова вызвала бурю обвинений в «личном режиме». В итоге князь был вынужден уступить, назначив в марте того же года главой правительства редактора стамболовской газеты, представителя парламентского большинства, председателя Народного собрания П. Гудева[13].

Касаясь восприятия официальной Россией и ее дипломатами болгарского князя, а потом царя, Фердинанда, сразу следует отметить, что после 1896 г. Петербург проявлял редкостную терпеливость и доброжелательность к нему, выступая неким «главноуговаривающим» в македонском вопросе. В декабре 1902 г. министр иностранных дел В. Н. Ламздорф в личной беседе с «его королевским высочеством», как назвал князя Николай II, и главой правительства С. Даневым предупредил их, чтобы болгары «не обостряли обстановку на Балканах, поскольку в течение ближайших нескольких лет Россия ... не сможет принять активного участия в этих событиях, а без участия России интересы Болгарии будут ущемлены». При этом высокопоставленный русский дипломат исключал любую возможность добиваться улучшения положения «народа Македонии» революционными методами[14].

В заключенной в том же году русско-болгарской военной конвенции говорилось только о том, что Россия обещает «всеми своими силами содействовать сохранению целостности и неприкосновенности территории Болгарии». Но не было ни слова о сохранении династии Кобургов, о поддержке Софии в случае вторжения Австро-Венгрии в Македонию или вследствие начала той же болгаро-турецкой войны по освобождению македонских братьев[15].

---

[12] *Бербенко К. Д.* Политические партии в Болгарии // Славянские известия. 1910. № 1. С. 53.

[13] *Цветков П. С.* Кобургите в Белгия и в България (някои предварителни бележки) // История. София, 1996. № 1. С. 14.

[14] *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев, 1974. С. 19.

[15] *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. С. 285.

inslav

Но в целом русская дипломатия поддерживала болгарского монарха. Русский дипломатический представитель в Софии Г.П. Бахметев все время «демонстративно выказывал высокое благоволение “единственному фактору в Болгарии” князю Фердинанду»[16]. Ответ на вопрос о причинах такового отношения довольно прост: вместе с императорами меняется и политика, но политические расчеты остаются, не забываются и мечты. Болгария была нужна России, русский царь не мог не питать надежд на водружение креста над Святой Софией. Оглядывание князя на Вену, дистанцирование Болгарии от России — все это предопределяло осторожность Северной Пальмиры в болгарских делах. Сам Фердинанд, друг великого князя Владимира Александровича (жена которого великая княгиня Мария Павловна была в близких отношениях с матерью болгарского князя), достаточно умело строил и свои отношения с Петербургом. Князь был хорошо известен в среде русского офицерства, не преминувшего ввести в оборот фразу о «Фердинандовом укреплении», выдвинутом впереди боевых позиций, имея в виду длинный нос князя[17].

Ему «прощалось» многое, даже провозглашение независимости, предварительное известие о котором было встречено русским дипломатическим представителем в Софии весьма неодобрительно. Однако все его уговоры отложить задуманное «до более удобного времени» и обещания «полного содействия России» закончились крахом[18]. (Замечу, что история учила Фердинанда: он знал, что если бы болгары следовали этим советам «ожидания дядо Ивана», то известное воссоединение Южной и Северной Болгарий могло совершиться гораздо позднее и на других условиях.)

Кстати, по словам болгарского премьера А. Малинова, женатого на русской и считавшегося другом России, Сан-Стефанская Болгария была только минимумом, а максимум он охарактеризовал следующими словами: «На Балканском полуострове Болгария должна занимать территорию в форме креста с выходом на четыре моря: на Черное, Мраморное, Эгейское и Адриатическое»[19].

Рисуя на страницах «Славянских известий» историю с провозглашением 5 октября 1908 г. в древней болгарской столице Тырново Третьего Болгарского царства, ее автор в весьма в ироническом тоне писал, что после прочтения Фердинандом манифеста председатель Народного собрания Н.С. Славейков провозгласил его «царем независимого Болгарского царства» от «имени болгарского народа», ничего не знавшего о совершавшемся историческом акте, добавляя, что

---

[16] *Бербенко К.Д.* Политические партии в Болгарии // Славянские известия. 1910. № 1. С. 54.
[17] Сумские гусары: 1651–1951. Буэнос-Айрес, 1954. С. 242.
[18] *К. Д. Б.* Болгарское царство // Славянские известия. 1909. № 2. С. 214.
[19] *Штрандман В*. Указ. соч. С. 47.

inslav

в патриотических демонстрациях приняли участие только гимназисты и младшеклассники[20].

Однако в дипломатии не обращали внимания на эмоционально-иронические всхлипы в прессе. Петербург, молча «проглотивший» аннексию Боснии и Герцеговины Веной, Петербург, сделавший первый шаг в 1896 г., должен был сделать второй в 1908 г., пойдя на признание независимости Болгарии и царского титула Фердинанда. Примеру России не замедлили последовать бывший сюзерен Болгарии и Европа. Думается, что новый царь был польщен и тем приемом, который устроил бывшему вассалу султан, явившийся на вокзал встречать своего гостя, что было первым случаем в истории Оттоманского царства[21].

Название Третьего Болгарского царства обязывало ко многому: прежде всего к великим делам, к воссозданию Великой Болгарии, к делу «национального объединения», к решению македонского вопроса.

Говорят, что время лечит раны. Может быть, это и справедливо по отношению к отдельному человеку. Однако в истории все гораздо сложнее. Непростая, кровавая история балканских народов в борьбе за свое освобождение, за свою землю, за единоплеменников свидетельствует, что время здесь не может выступать лекарем. Оно лишь может притушить жар, но не погасить.

Ярчайшим подтверждением этого служит македонский вопрос. Ему посвящены сотни и тысячи трудов, однако он таковым и остается. Согласия в нем можно достигнуть лишь внешне, слишком много македонский вопрос таит сложнейших препятствий, воздвигнутых и воздвигаемых балканскими государствами, для каждого из которых Македония — «своя земля», где живет «свой народ».

Младотурецкая революция 1908 г. только приблизила войну с Османской империей за македонское наследство. Безропотность, с какой Константинополь уступил все права на Боснию и Герцеговину Австро-Венгрии, согласие Турции на независимость вассальной Болгарии (признание суверенитета было в значительной степени облегчено Россией, списавшей с Порты долги за кампанию 1877–1878 гг.) — все это не могло не внушать Софии и Белграду, что Стамбул будет принужден уступить и Македонию — этот лакомый кусок, столь необходимый для «собирания» Великой Болгарии или Великой Сербии.

Россия, этот «балканский опекун», с установлением независимости Болгарии, провозгласившей себя царством, считала свою задачу по освобождению христианских народов в основном выполненной.

---

[20] *К. Д. Б.* Болгарское царство. С. 214–215.

[21] *Бербенко К.* Политическое обозрение // Славянские известия. 1910. № 2. С. 161.

inslav

Завершение этой работы, как подчеркивал С. Д. Сазонов, «могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов». Фраза «Балканы — для балканских народов» была той формулой, как указывал в своих воспоминаниях русский министр иностранных дел, в которую «вмещались стремления и цели русской политики и которая исключала возможность политического преобладания, а тем более господства, на Балканах враждебной балканскому славянству и России иноземной власти» [22].

В 1912 г. Россия поддержала союз между Сербией и Болгарией, заключенный для защиты своих интересов и оказания взаимной помощи в случае нарушения status quo, нападения третьей державы на одну из сторон-участниц договора. В сущности, эти высокие слова были лишь ширмой: в секретных протоколах к договору речь шла о войне с Османской империей и разделе ее европейских владений.

В Петербурге надеялись, что соединенными усилиями этих государств будет, естественно, легче вести будущие военные действия «ради вскрытия македонского нарыва, а, может быть, и против Австро-Венгрии, — в случае всегда возможном, — дальнейших попыток ее продвижения на Балканах» [23].

Тучи над балканскими землями сгущались. Султанская власть в Македонии должна была быть разрушена.

Сама русская дипломатия практически подталкивала к войне. Здесь наблюдалась старая картина двойной игры: для публики — призывы к осторожности, на деле — подготовка сил на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, одним из предварительных этапов которой были формирование Балканского союза и война с Турцией с целью создания прочного антиавстрийского бастиона.

Решающую роль в формировании Балканского союза сыграли переговоры между Сербией и Болгарией о заключении союзного договора, который был подписан 13 марта 1912 г. Этот документ о «дружбе и союзе» предусматривал в своем секретном приложении вооруженное выступление этих стран против Турции с последующим дележом Македонии. Сербия признавала за Болгарией права на территорию к востоку от Родоп и р. Струмы, Сербия же получала права на земли к северу и западу от Шар-Планины. Разрешение спорных вопросов возлагалось на российского императора.

Осенью 1911 г. начались болгаро-греческие переговоры, и 29 мая 1912 г. состоялось подписание союзного оборонительного договора. И в сентябре 1912 г. было заключено вербальное соглашение между Болгарией и Черногорией о совместных действиях против Турции.

---

[22] *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 58–59.
[23] Там же. С. 64.

inslav

По часто цитируемым воспоминаниям Сазонова, «достигшие полного объединения в военном отношении, балканские союзники горели желанием помериться силами с исконным врагом и свести с ним окончательные счеты за вековое и безжалостное угнетение»[24].

8 октября 1912 г. в 10 часов утра Черногория первой из балканских государств объявила войну Турции.

Схема театра военных действий описывалась неоднократно в исторической литературе, например, П. А. Искендеровым в коллективном труде «В "пороховом погребе Европы". 1878–1914 гг.» (М., 2003). В блестяще написанном разделе, посвященном Балканским войнам, он рисовал следующую картину. Болгарская армия развивала наступательные операции в направлении Фракии и Константинополя, греческие войска сконцентрировали свои усилия на занятии территорий в Македонии и Эпире, а интересы Сербии и Черногории распространялись на Ново-Пазарский санджак, Албанию и Македонию. Согласно плану, разработанному сербским Генеральным штабом, Первая сербская армия под командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича начала продвижение в направлении Куманово и Скопье; операции Второй армии под командованием генерала С. Степановича велись в направлении Кюстендила. Третья армия Б. Янковича двигалась на Косово, а части так называемой Ибарской армии вступили в Ново-Пазарский санджак, для соединения с черногорскими войсками[25].

Священник Иван Дочев писал в своих воспоминаниях, что для него наступившая война — право «расплатиться» за 500-летнее рабство, обязанность выполнить свой долг и вернуться к своей семье и к тихой, спокойной жизни[26]. Война для него — это не только святая борьба за освобождение болгарского народа, но и ужас, безумие, неразбериха, страдания. Не забыты у него и великие державы с их политикой вовлечения в войну небольших государств. Но придет день, пишет о. Иван, когда и великие державы постигнет это зло[27]. Для болгар, подчеркивает священник, важен не Царьград, пусть он остается Европе, для автора главное — «дать «свободу порабощенным братьям… из Македонии и Одринско» (Одринский вилайет)[28].

На страницах дневника И. Дочева можно встретить и скупые сведения о «Русской больнице», действовавшей, как пишет автор, в армии с ноября 1912 г. под руководством доктора Гинтилова (Гин-

---

[24] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 64.

[25] Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 483.

[26] *Дочев И.* Сага за балканската война. Дневник на свещеник Иван Дочев. София, 2012. С. 24.

[27] Там же. С. 101.

[28] Там же. С. 153.

inslav

тило)[29]. Не мог обойти автор и «коварства» своих союзников, сербов и греков, оккупировавших местности, ранее оставленные болгарами[30]. Впрочем, сама история балканских взаимоотношений, вернее «квартирного вопроса», была характерна на «сюрпризы» среди балканских единоверцев, действовавших по принципу «нам чужого не надо, но и свое не отдадим». Причем, под «своим» «пряталась» одна и та же территория — македонская.

За «свое» сражался почти один миллион человек, одетых в солдатские шинели. Бои шли ожесточенные, но «чаша весов» склонялась в пользу стран Балканского союза. В октябре 1912 г. сербские войска нанесли поражение туркам у Куманово, затем последовательно заняли Скопье, Призрен, Дьяково.

Болгарская армия, действовавшая во Фракии, после ряда побед начала движение по направлению к заветной цели христиан — Константинополю. Действия греческих частей также были успешны. В частности, в начале ноября были заняты Салоники. Поражения принудили Турцию обратиться в итоге к посредничеству великих держав для заключения столь необходимого для нее мира.

Но мир намечался в будущем, и воинственный Белград стремился выйти на Адриатику. 18 ноября 1912 г. сербские части, преодолевая сопротивление албанцев, вышли к желанному морю.

Предвестником победы стал акт от 3 декабря 1912 г. о перемирии, по которому турецкая сторона признала территориальные изменения, ставшие следствием победоносных действий стран Балканского союза.

Однако произошедший 23 января 1913 г. государственный переворот в Турции прервал было начавшиеся переговоры о мире, которые были вскоре возобновлены по просьбе турецкой стороны после ее военных неудач.

Мирный договор был подписан, но мир так и не наступил вследствие раздора в сфере дележа новых территорий. Для Болгарии — македонских земель, на которые претендовали те же сербы с греками.

Петербург был поставлен в весьма затруднительное положение: кого следует поддерживать, на кого делать ставку? Если посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг был решительным защитником сербских интересов, считая, что именно Сербия является надежным оплотом России на Балканах, то его коллега в Софии Н.А. Неклюдов с не меньшим жаром выступал за укрепление связей с Болгарией. Возможную гарантию по предотвращению надвигавшейся межсоюзнической войны он видел в браке болгарского престолонаследника Бориса с

[29] *Дочев И.* Сага за балканската война. Дневник на свещеник Иван Дочев. С. 125, 139.
[30] Там же. С. 212–213.

inslav

одной из русских великих княжон[31]. Подобный брак, по мнению дипломата, уменьшил бы, если не нейтрализовал, опасность новой войны. Однако в Петербурге этот несомненно удачный ход не получил одобрения. В столице уже делали ставку на Сербию, все решительнее поворачивавшуюся к России, нежели на Болгарию с ее подозрительным заигрыванием с Веной.

Первая победоносная Балканская война привела к фактическому расколу балканского мира, к взаимной вражде между недавними союзниками в вопросе, повторяю, дележа территорий.

В этой нелегкой ситуации первый шаг к разрешению вопроса «национального объединения» сделала София, начав военные действия против сербов.

Скажу от себя, что национализм на Балканах всегда связан с войнами, со стремлением «исправить» историю.

Стоит добавить, что выход Болгарии из Балканского союза был воспринят резко отрицательно экзархом Иосифом, получившим информацию о подготовке союза с Центральными державами и Турцией[32].

29 июня 1913 г. болгарские войска осуществили нападение на сербские позиции на реке Брегалница. На стороне Сербии выступили Черногория, Греция, Румыния, а также Турция. Военные силы оказались слишком неравными, и поражение Болгарии было предопределено.

Турецкие войска вновь заняли Адрианополь и часть Фракии.

Румынская армия двигалась на софийском направлении, угрожая болгарской столице.

Сербские части одержали победу над болгарами на реке Брегалница. 20 июля София запросила перемирия, которое не было отвергнуто победителями во многом благодаря советам России[33].

Впереди был «злосчастный» для болгар Бухарест.

Если же говорить о самих картинах быта военного времени, там были и «захватчики», и «освободители», действовавшие по принципу — «нам чужого не надо, но и свое не отдадим». И недавний освободитель становился хозяином на новых землях. Так, судя по болгарским документам, на новых территориях, «освоенных» сербами, шли грабежи, притеснения, оскорбления, репрессалия, убийства, аресты и заключения в тюрьмы как болгарского духовенства, так и самого болгарского населения, прежде всего учительства, именитых граждан. Цель Белграда состояла в проведении политики «сербизации» (в частности, менять окончание болгарских фамилий на сербское

[31] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1351. Л. 62.
[32] Екзарх Стефан I Български. Документален сборник. София, 2003. С. 15–16.
[33] Подробнее см.: *Искендеров П. А.* Балканские войны. С. 498–499.

inslav

«ич»)[34], в признании главенства сербской церкви, то есть в очередном «освоении» несчастной Македонии, где новорожденным было приказано давать сербские имена[35]. Однако, и в наш, уже XXI век, болгаро-сербские отношения так и остались «отношениями», не поднявшись на другую, высокую ступень родства славянских народов. «Славянство есть, — писал его жестокий критик К.Н. Леонтьев, — славизма нет». Впрочем, о каком славизме могла идти речь, когда можно было услышать от какого-либо «грубого» серба такие слова, обращенные к болгарскому священнику: «Среден ти пут, попе, … ти материна»[36]. («Счастливо тебе пути, поп», далее идет ненормативная лексика).

Впрочем, эти слова могли бы принадлежать и «грубому» болгарину при иных обстоятельствах, когда хозяином положения был он.

В этой войне «отличались» и эллины, которые как и болгары, проводили агитацию по «возвращению» болгар в греков. Бывало, они угрожали им, в случае неподчинения, записать болгар в цыгане[37]. И при греках болгары сидели в салоникской тюрьме, «единственная вина которых была в том, что они родились болгарами и хотели такими и умирать»[38]. Судя по документам, греки действовали с не меньшей жестокостью по отношению к болгарам, проявлявшим самую малейшую степень самостоятельности, даже и без таковой. Здесь также хватало насилия: духовное лицо чистило арестантские нужники[39], девицы были, как обыкновенно в истории происходит на протяжении тысячелетий, насилованы, около пяти с половиной тысяч болгар были помещены в концентрационный лагерь на о. Трикери[40].

Впрочем, и болгары чинили насилия над греческим духовенством, например, в Сересе[41], держали в плену греческих владык[42]. Отсюда и можно вывести ту ненависть к болгарам. Собственно говоря, здесь действовало ветхозаветное правило: «око за око, зуб за зуб».

Болгарская история сохранила благодарную память о русских дипломатах, в частности, о консуле в Салониках Беляеве, благодаря помощи которого владыка Иларион и ряд других были отпущены на свободу[43].

---

[34] Последните български владици в Македония. Съставител Лизбет Любенова. София, 2012. С. 64.
[35] Там же. С. 33.
[36] Там же. С. 27.
[37] Там же. С. 75, 76.
[38] Там же. С. 78.
[39] Там же. С. 87.
[40] Там же. С. 92–99.
[41] Там же. С. 123.
[42] Там же. С. 124.
[43] Там же. С. 125.

inslav

Тут же надо упомянуть консула в Одрине С. А. Клименко, много сделавшего для облегчения участи болгар при осаде города[44].

Одним из интересных документов того времени является письмо от 18 июля 1913 г. македонских болгар, проживавших в Константинополе, экзарху Иосифу I. Излагая в нем все несчастия, обрушившиеся на их братьев в Македонии и подчеркивая равнодушие к происходящему императора православной России, авторы письма просили экзарха сделать всё, что возможно, для сохранения целостности и неразделенности болгарского народа. В случае же неудачи, подчеркивали они, «можно смело сказать, что славянство и православие — два суетных слова», и можно со «спокойной совестью» переходить в унию, которая защитит народ, язык, училища, церкви[45].

Последующие события, связанные с революционными событиями и обретением русскими беженцами «второго дома» в Болгарии, показали, что «славянство и православие» не были списаны в архив истории.

Возвращаясь в Бухарест, «основным камнем преткновения в ходе переговоров стало определение направления сербо-болгарской границы в том, что касалось территорий, лежавших на левом берегу реки Вардар с городами Штип, Кочаны и Струмица, а также греко-болгарского разграничения во Фракии. В конечном итоге Болгарии (при поддержке Петербурга, не желавшего чрезмерного ее ослабления) удалось отстоять Струмицу»[46].

Мирный договор был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 г. Болгария, можно сказать, должна была платить «по счетам». Достаточно сказать, что к Румынии «ушла» Южная Добруджа, из македонских земель Болгарии «достался» лишь Пиринский край, в то время как к Греции отошла Эгейская Македония с портами Салоники и Кавалла, Сербия, в свою очередь, захватила Вардарскую Македонию.

29 сентября 1913 г. между Болгарией и Турцией был заключен Константинопольский мирный договор, согласно которому от славянской Болгарии отходила Восточная Фракия. София могла довольствоваться лишь частью Западной Фракии с поселками Дедеагач и Порто-Лагос на берегу Эгейского моря.

Балканские войны нанесли серьезный удар по экономике всех участвовавших в них государств. По оценкам австро-венгерских финансовых экспертов, обе войны обошлись балканским странам в общей сложности в 3 млрд франков, причем на долю Болгарии пришлось 670 млн франков[47].

---

[44] Последните български владици в Македония. С. 160–161.
[45] Там же. С. 327–330.
[46] *Искендеров П. А.* Балканские войны. С. 499.
[47] Там же. С. 502.

inslav

Потерпев поражение, болгарские правящие круги не замедлили обвинить в нем Россию. Апофеозом русофобских настроений стало стихотворение, каждая строфа которого заканчивалась проклятием на голову «братской России»[48]. И хотя номер газеты «Дневник», где оно было помещено, подвергся конфискации и правительство выразило свое сожаление Неклюдову, тем не менее, эти зарифмованные проклятия можно было считать первыми горькими плодами настроений в славянстве, результатом «игры на качелях», уже принесшей немало бед в русско-болгарских отношениях в прошлом.

Прежние клятвы в «вечной благодарности» России были забыты. Слишком свежи были воспоминания о позорном Бухарестском мире, по которому Болгария из обширных македонских земель сохранила лишь Пиринскую Македонию, а Южная Добруджа была присоединена к Румынии. Как вспоминал Сазонов, «Бухарестский мир был только пластырем, налепленным на незалеченные балканские язвы, которым было суждено снова вскрыться не далее как через год... Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов Албании и до Мраморного моря. Горечь обманутых надежд и затаенная злоба против тех, кого они считали виновниками испытанных ими разочарований, поставили судьбы болгарской политики в тесную связь с венским кабинетом, как это наглядно доказала мировая война 1914 года»[49].

И если говорить о болгарских националистах, то их неприязнь к России, ее политике могла бы быть сконцентрирована в следующих фразах:

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.
2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.
3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.
4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?
5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?
6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?
7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.
8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.
9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда “меньший брат” для нее.

---

[48] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1914. Оп. 470. Д. 159. Л. 123 об.

[49] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. С. 120–121.

inslav

Итак, Россия, как считали болгарские национал-патриоты, стала ответчицей за их неудачи, забывая, что Россия не всемогуща и не могла позволить себе ссору с державами, поддерживавшими болгарских оппонентов. Ревизия договора была явно России не под силу, как и сохранение подобия равновесия на Балканах.

Болгарское правительство начинает открытую политику сближения с Германией и Австро-Венгрией. Наглядным свидетельством этого курса было заключение займа в Германии, чего так упорно не хотела допускать русская дипломатия. Предлагаемое ею посредничество по получению кредита во Франции было отвергнуто. В разговоре с русским посланником А. А. Савинским (июль 1914 г.) болгарский премьер-министр В. Радославов подчеркнул, что «народ уже не так верит России, что он чувствует себя оставленным, и оставленным всеми: теперь мы восстановили против себя Россию, в лице Австрии и Германии мы имеем только врагов славянства, с соседями мы со всеми в ссоре; мы не славяне — мы монголы, и ничего у нас нет общего ни с сербами, ни с русскими»[50].

Ясно было одно: болгарское правительство готово к заключению союза даже с неприятелями России, лишь бы добиться реванша в македонском вопросе.

В непростой ситуации, сложившейся в результате Балканских войн, для Фердинанда было два варианта дальнейшей политики: отречение от престола или продолжение борьбы за дело «национального объединения» в ходе грядущей войны. По мнению экзарха Иосифа, он должен был покинуть престол. Убеждение экзарха в необходимости отречения Фердинанда, сеющего только зло в Болгарии, было подкреплено информацией о готовящейся царем церковной унии с Римом и о подготовке союза с Центральными державами и Турцией[51]. Экзарх, глубоко переживавший болгарскую драму, прямо заявил потерявшему, по его мнению, все моральные права оставаться на троне Фердинанду: «Если Вы любите Болгарию, если Вы дорожите династией, Вы должны отречься от престола». Однако Фердинанд не собирался уходить на покой. Он готовился к реваншу. Сам же экзарх умер со словами: «Болгарский престол занят иностранцем. Он покинет несчастную Болгарию после того, как опозорит и погубит болгарские чаяния и идеалы... Храните Болгарию, которая находится на страшном распутье»[52].

«Чаяния и идеалы» были присущи и Фердинанду, и пришедшему к власти летом 1913 г. правительству «либеральной концентрации», в котором руководящая роль принадлежала авторам извест-

---

[50] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. С. 120–121.

[51] Екзарх Стефан I Български. Документален сборник. С. 15–16.

[52] Там же. С. 19–20.

inslav

ного «письма от 23 июля», отправленного царю Фердинанду. В этом письме, полном неприятных и резких высказываний в адрес русской политики в Болгарии, настойчиво «рекомендовалась единственно спасительная политика сближения с Австрией». Письмо было написано «в момент, когда сам Данев, шеф болгарских русофилов, признал свою русофильскую политику "обанкротившеюся"; когда все в Болгарии винили Россию и в отказе Сербии от договора... Авторы письма лишь придали, — как подчеркивал русский корреспондент в Болгарии, — положительно австрофильскую форму этому отрицательному русофильскому настроению и сделали они это не столько потому, что повиновались глубокому внутреннему убеждению, сколько потому, что такое выступление сулило им власть»[53]. Одно замечание: эта «власть» давала им возможность «поправить» курс болгарской политики.

Конечно, в России знали о царящих настроениях в Болгарии, равно как и признавали желательность привлечения Болгарии на свою сторону. Так, в июле 1914 г. А. В. Неклюдов, как он писал позднее в своих воспоминаниях, подал записку на имя Сазонова о высадке мощного десанта в Варне или в Бургасе с одновременным изданием «прокламации, обращенной к местному населению и убеждающей его, что целью прихода русских войск является возвращение Адрианополя и потерянной во Второй Балканской войне территории, а также защита от турок». «Все это, — по мнению Неклюдова, — могло поставить на русскую сторону и народ, и армию, а в конечном счете, и Фердинанда»[54]. Однако это предложение не прошло. Достаточно сказать, что против выступил начальник штаба Ставки М. В. Алексеев, считавший, что Россия не обладает необходимыми силами для организации десанта[55].

Начиналась Первая мировая война.

---

[53] *Калина И.* Из Болгарии (Болгарский нейтралитет) // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 299.

[54] Цит. по: *Айрапетов О. Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 204.

[55] Там же.

inslav

Балканский «пасьянс» Белграда (1903–1914 гг.)

Переворот 1903 г. и смена правящей династии в Сербии повлекли за собой серьезные изменения на внутриполитической и международной сцене. Ситуация стала стремительно меняться к худшему, в первую очередь, для Австро-Венгрии. Пожилой король Петр Карагеоргиевич, в первую очередь озабоченный тем, чтобы не повторить судьбу своего предшественника, фактически переложил все властные функции на руководство Радикальной партии и военную верхушку, одинаково антиавстрийски ориентированные. По воспоминаниям одного из будущих лидеров межвоенной Хорватии, В. Мачека, «новая антиавстрийская политика Королевства Сербия начала оказывать сильное влияние не только на сербов в Хорватии и Боснии, но и на многих хорватских интеллектуалов, ориентированных прославянски и антиавстрийски. Так как и венгерская оппозиция воспринимала Австрию в штыки, то последней — так называемым кошутовцам — было несложно добиться согласия всех сербских партий в Хорватии, а также части хорватских партий, например, Партии права и прогрессистов, объединить с ними свои усилия в этой антиавстрийской борьбе»[1].

Уже 1 сентября 1903 г. австро-венгерский посол в Белграде граф Константин Теодор Думба сообщил в Вену о том, что ситуация в сербо-австрийских отношениях является «настолько плохой, насколько это может быть… Вся наша работа и добрая воля (в том, что касается переворота) оказались потраченными впустую»[2].

Особая роль в этом принадлежала газетной войне между двумя странами, вспыхнувшей вскоре после переворота в Сербии 1903 г., — во многом по инициативе австро-венгерской печати. При этом ключевая роль в антисербской кампании принадлежала руководителю соответствующего департамента на Бальхаусплатце барону Э. Эттелю фон Эттернаху, который подчеркивал необходимость придерживаться более «гуманистической» точки зрения в оценке июньских

---

[1] *Macek V*. Memoari. Hrvatska seljacka stranka. Zagreb, 1992. S. 33.

[2] Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. Aehrenthal MSS. Karton 1.

inslav

событий в Сербии по сравнению со сдержанной позицией министра иностранных дел Габсбургской монархии Голуховского. В ноябре 1903 г. начальник отдела министерства иностранных дел Дунайской монархии граф К. Мерей фон Капош-Мерей отмечал: «Король представляет собой пустое место…, во главе всего находятся люди 11 июня (дата переворота. — *П. И.*)»[3].

Сложившаяся кризисная ситуация в отношениях между Веной и Белградом была сполна использована Санкт-Петербургом. Российские дипломатические представители убеждали сербское правительство в том, что основной сферой жизненных интересов Королевства являются территории, лежащие к западу от него и, в первую очередь, — на адриатическом побережье, а в том, что касается политики Сербии в отношении Вены, настоятельно советовали ему не заключать с Австро-Венгрией даже торгового соглашения и экспортировать сельскохозяйственную продукцию на германский рынок.

Ответ Бальхаусплатца не заставил себя долго ждать, однако его характер объективно исключал возможность рассчитывать на укрепление позиций Дунайской монархии в Сербии: Вена возобновила бойкот сербского королевского двора под предлогом тех же обвинений морального свойства, которые уже звучали сразу же после июньского переворота. Напрасно Мерей убеждал австро-венгерское руководство в бессмысленности самого по себе морального осуждения спустя полгода после осуждаемых событий и в опасности новой смены правящего режима в Белграде, ибо в результате к власти там могли прийти еще более нежелательные и опасные для интересов Австро-Венгрии силы. И император Франц-Иосиф, и министр иностранных дел Голуховский, и даже барон Алоиз Лекса фон Эренталь — посол монархии в России и будущий преемник Голуховского на посту главы внешнеполитического ведомства — были убеждены в необходимости подобного давления на сербское руководство. Однако давление оказывалось тем более бесперспективным, что возможности самой Австро-Венгрии предпринять более жесткие меры против Белграда были в значительной степени ограничены ее же стремлением не ставить под угрозу поступательно развивавшиеся австро-российские отношения.

Очередным звеном в сотрудничестве великих держав по балканским вопросам явилось подписанное 3 октября 1903 г. в Мюрцштеге (Австро-Венгрия) соглашение о проекте реформ в трех вилайетах Европейской Турции, явившееся непосредственной реакцией на события в Македонии, вошедшие в историю как Илинденское восстание против османского гнета. Данное соглашение, оформленное в виде

[3] Цит.по: *Bridge F. R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. New York; Oxford; Munchen, 1990. P. 248–249.

inslav

инструкции российскому и австро-венгерскому послам в Османской империи, предусматривало совместное предъявление комплекса требований Порте и включало в себя следующие пункты: назначение при турецком главном инспекторе особых гражданских представителей России и Австро-Венгрии для наблюдения за проведением реформ; реорганизация турецкой жандармерии; изменение территориального разграничения административных единиц с учетом интересов христианского населения; преобразование административных и судебных учреждений; создание в административных центрах смешанных комиссий, состоящих из равного числа христианских и мусульманских делегатов для разбора политических и уголовных дел при участии консульских представителей России и Австро-Венгрии; временное освобождение сожженных турецкими войсками христианских сел от уплаты налогов[4].

На развитие отношений Сербии с Австро-Венгрией и Россией в экономической области серьезное влияние оказывали также взаимоотношения монархии Габсбургов с Германией. После того как германское правительство в 1902 г. повысило импортные пошлины на сельскохозяйственную продукцию, Вена стала скептически оценивать перспективы экономического сотрудничества между двумя странами и возможность заключения выгодного для интересов Австро-Венгрии торгового договора. Более того, в октябре 1904 г. австро-венгерский посланник в Белграде Думба недвусмысленно предупредил своего германского коллегу о том, что возможный срыв заключения между Веной и Берлином торгового договора поставит под угрозу само существование австро-германского военно-политического союза. Посол Германии в Австро-Венгрии обратился за разъяснениями и желательным дезавуированием данного заявления к министру иностранных дел монархии Габсбургов. Однако Голуховский присоединился к словам своего подчиненного, отметив, что Австро-Венгрия придает серьезное значение австро-германским экономическим отношениям и с подозрением наблюдает за стремлением Берлина завоевать балканские рынки (в том числе сербский) в обход Австро-Венгрии[5].

Досталось в этом конфликте и сербам. Думба предупредил Белград, что заключение Сербией торгового договора с Германией в первоочередном порядке по сравнению с аналогичным документом между Королевством и монархией Габсбургов неминуемо повлечет за собой ответные жесткие действия Вены, в частности, закрытие транзитного сообщения между Сербией и Германией через территорию Австро-Венгрии.

---

[4] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 329–332.

[5] В конечном итоге австро-германский торговый договор был подписан в 1906 г.

inslav

Тем временем 1903–1906 годы явились «звездным часом» австро-российской «Антанты» (как в историографии часто именуется сближение двух государств по балканским делам, имевшее место во второй половине 1890-х — 1900-х годах). К этому времени обе великие державы столкнулись со сходными проблемами, в той или иной мере связанными с внешнеполитической изоляцией: Австро-Венгрия — с проблемой устойчивости союзнических обязательств ее международных партнеров (в первую очередь, Италии, но также и Германии), Россия — по причине войны с Японией, начавшейся в феврале 1904 г.

Австро-российское сближение получило свое дальнейшее воплощение в подписанной 15 октября 1904 г. в Санкт-Петербурге двусторонней тайной декларации о взаимном нейтралитете. Принятием данной декларации, закреплявшей основные положения Мюрцштегского соглашения, российское правительство стремилось в условиях русско-японской войны зафиксировать сложившееся соотношение сил на Балканах и избежать возможных осложнений в этом регионе. Согласно документу, в основу которого был положен принцип соблюдения статус-кво, обе великие державы обязались соблюдать нейтралитет в случае войны Австро-Венгрии или России с третьим государством. Однако, если дело касалось балканских стран, договоренность о нейтралитете теряла свою силу. В этом случае стороны должны были особо координировать свои действия. Декларация также предусматривала, что принятые обязательства остаются в силе до тех пор, пока державы «будут следовать согласованной политике в делах Турции»[6].

В конце 1905 г. австро-венгерское правительство оказалось застигнутым врасплох известием о том, что Сербия и Болгария заключили секретный таможенный союз. Оно ясно увидело в этом факте два негативных момента для собственных интересов на Балканах. Во-первых, оба государства тем самым получили взаимную поддержку в ходе их будущих торговых переговоров с монархией Габсбургов, что позволяло им занять более жесткую и независимую позицию, а во-вторых — с более важной в данном случае политической точки зрения таможенный союз Белграда и Софии являлся ничем иным, как первым шагом к образованию Балканского союза. А он был способен нанести сокрушительный удар по главному принципу политики Вены на Балканах, заключавшемуся в поддержании состояния равновесия и скрытого соперничества между балканскими странами, и поставить под угрозу внутреннюю стабильность и территориальную целостность самой Австро-Венгрии.

[6] Сборник договоров России с другими государствами… С. 333–334.

inslav

В начале 1906 г. этот вопрос явился предметом специальных обсуждений на уровне правительства Австро-Венгрии, в результате которых было принято решение отказаться от каких-либо решительных шагов в Белграде и Софии, способных лишь побудить их к еще большему сближению друг с другом. Как неоднократно указывал Голуховский в ходе развернувшихся дебатов, «в политике законы логики не всегда превалируют»[7].

Однако в вопросе об отношении Австро-Венгрии к вышеуказанному соглашению и необходимой корректировке ее политики в монархии Габсбургов сохранялись серьезные разногласия. Как в австрийском, так и в венгерском правительствах существовало твердое убеждение в необходимости оказания жесткого давления на Софию (действия которой в том, что касалось характера сербо-болгарского соглашения, находились в явном противоречии с положениями Берлинского трактата) и продолжения конструктивного диалога с Белградом. Тем не менее, сам министр иностранных дел указывал, что монархия располагает гораздо более эффективными средствами давления как раз на Сербию, нежели на ее балканскую соседку. Сербский экспорт в Австро-Венгрию намного превосходил по своим объемам импорт, в то время как ситуация с Болгарией являлась прямо противоположной, и в случае возможной болгаро-австрийской таможенной войны именно Вена оказалась бы в проигрыше. По мнению министра, Болгария являлась наиболее перспективным балканским государством с точки зрения будущей силы и влияния, и в интересах монархии было включить ее в орбиту своего политического влияния. Кроме того, она (в отличие от Сербии и Румынии) объективно не могла явиться причиной возникновения каких-либо внутриполитических осложнений ирредентистского характера: на территории Дунайской монархии болгары не составляли этнической общности. Поэтому, как отмечал Голуховский, «хорошие отношения с Болгарией в любом случае должны быть более предпочтительными по сравнению с Сербией, которая вот уже несколько лет непрерывно плетет интриги против Монархии, подстрекая сербо-хорватское население и агитируя против Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине»[8].

В итоге главе внешнеполитического ведомства монархии Габсбургов удалось добиться согласия на реализацию своей политики, и переговоры с Болгарией получили свое конструктивное развитие. Что же касается Сербии, то ее правительство было предупреждено о возможности распространения на сербские экспортные товары жесткого ветеринарного регулирования (тяжесть которого сербы уже имели возможность ощутить на себе).

---

[7] Цит. по: *Bridge F. R.* The Habsburg Monarchy… P. 261.
[8] Ibid. P. 261–262.

inslav

Это произвело соответствующее впечатление на Белград, и уже в марте 1906 г. правительство Королевства стало смягчать свою позицию, отодвигая на второй план нормы таможенного союза с Болгарией и стимулируя переговорный процесс с Веной по вопросу заключения между двумя сторонами торгового договора.

Однако в этот ключевой для сербо-австрийских отношений момент новое обстоятельство серьезно осложнило ситуацию. Белград разместил крупный заказ на приобретение вооружений во французской фирме «Шнайдер-Крезо», а не в «Шкоде» (Чехия), как это происходило ранее. Торговые переговоры между двумя странами вновь оказались прерванными, и Вена распорядилась о закрытии границы для сербского скота, поставлявшегося в монархию Габсбургов.

Так называемая «свиная война» между Сербией и Австро-Венгрией продолжалась в течение четырех лет — с 1906 по 1910 гг. Она привела к значительному укреплению как экономических, так и политических позиций Белграда, которому удалось с лихвой компенсировать потерю австро-венгерского рынка аналогичными приобретениями в России, Турции, Египте и даже Германии. Сербия в значительной степени освободилась от прежней экономической зависимости от Австро-Венгрии, куда она теперь вывозила всего 30 % своей экспортной продукции — в отличие от 80–90 %, характерных для сербского внешнеторгового оборота «предвоенного образца».

Тем временем относительно благоприятный период в развитии австро-российских отношений также стремительно клонился к закату. Правда, 28 сентября 1907 г. в Вене министрами иностранных дел двух стран А.П. Извольским и А. Эренталем было подписано дополнительное соглашение, предусматривавшее дальнейшее осуществление программы, содержавшейся в Мюрцштегском соглашении на период до 1914 г. В связи с этим Османской империи предлагалось продлить полномочия военных и гражданских чинов европейской администрации в трех вилайетах Европейской Турции еще на 7 лет[9].

Однако фактически данный документ и связанный с ним принцип поддержания статус-кво на Балканах утратили свою силу уже в следующем году — после заключения австро-турецкого соглашения о строительстве Австро-Венгрией железнодорожной линии от Сараево через Ново-Пазарский санджак с выходом на Салоники. Уже в начале 1908 г. «отход Австро-Венгрии от политики „совместных действий" с Россией на Балканах стал очевиден». Дело в том, что Вена отказалась поддержать уже согласованный с Россией проект судебных реформ в Македонии именно в ответ на получение от Константинополя одно-

[9] Россия. 1907. 1 октября.

inslav

сторонних преимуществ в трансбалканском железнодорожном строительстве[10].

Тем не менее, заключительная веха австро-российского сотрудничества была еще впереди. Этим событием стало подписание предварительного секретного соглашения по балканским вопросам, достигнутое 15 сентября 1908 г. во время встречи Эренталя и Извольского в замке Бухлау (Чехия). Соглашение предусматривало, что Австро-Венгрия не будет препятствовать изменению международного режима Черноморских проливов с предоставлением России права проводить через них свои военные суда, а Россия, со своей стороны, даст согласие на осуществление Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины, оккупированных ею на основании Берлинского трактата 1878 г. Министры договорились также об эвакуации австро-венгерских войск из Ново-Пазарского санджака, о согласии на провозглашение Болгарии независимым королевством, о передаче Греции острова Крит и о допуске Сербии и Болгарии в Дунайскую комиссию прибрежных держав[11]. Однако для окончательного разрешения возникающих проблем Россия считала необходимым созвать общеевропейскую конференцию. Извольский, кроме того, поставил вопрос о территориальных компенсациях в пользу Сербии и частичном пересмотре в пользу Черногории ограничительных положений Берлинского трактата.

Аннексия Боснии и Герцеговины, объявленная австро-венгерским правительством 7 октября 1908 г. и повлекшая за собой отказ российского правительства от достигнутых в Бухлау договоренностей, фактически поставила крест на продолжавшемся более 10 лет австро-российском сотрудничестве по балканским вопросам. Кроме того, произошло закономерное резкое обострение отношений между монархией Габсбургов и Сербией, которая рассматривала указанные области в качестве составной части будущего югославянского государства и поэтому видела в данном акте прямое нарушение своих национальных интересов. Она потребовала предоставления Боснии и Герцеговине автономии, а также осуществления раздела Ново-Пазарского санджака между Сербией и Черногорией в целях установления между двумя государствами общей границы и предупреждения дальнейшего продвижения Австро-Венгрии на юг. По всей стране прокатились митинги и демонстрации протеста; по инициативе учащейся молодежи создавались пункты по записи добровольцев, готовых с оружием в руках отправиться на защиту сербских интересов в Боснию и в саму Австро-Венгрию[12].

---

[10] История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 224–225.
[11] Исторический архив. 1962. № 5. С. 121–124.
[12] Rusija i aneksiona kriza 1908–1909. Knjiga 1. Titograd, 1984. S. 473–474.

inslav

О настроениях, господствовавших в тот период в сербском руководстве, красноречиво свидетельствует следующий отрывок из выступления на заседании Скупщины 2 января 1909 г. тогдашнего министра иностранных дел Сербии М. Миловановича, который заявил: «Для всех поборников балканской свободы, для всех, кто сегодня выдвигает в качестве основы для решения балканского вопроса принцип — “Балканы — балканским народам”, — ясно, что для этого принципа и данного решения не существует другой опасности, кроме Австро-Венгрии. Балканская проблема сегодня сводится к тому, чтобы балканские свободы и, вместе с балканскими свободами, интересы равновесия в Европе были защищены от Австро-Венгрии. Австро-Венгрии сегодня необходимо преградить путь к Эгейскому морю, между тем это может быть полностью достигнуто лишь в том случае, если Австро-Венгрия перестанет быть балканским государством. В противном случае, пока Австро-Венгрия будет оставаться балканским государством, она будет, в силу обстоятельств, фатально, и даже помимо своей воли, представлять опасность для всех балканских государств и народов, а в первую очередь, для своих непосредственных соседей»[13].

Именно после аннексии Боснии и Герцеговины сербские тайные общества и организации, действовавшие как в этих провинциях, так и собственно в Сербии, во главу своей деятельности стали ставить задачи по физическому устранению высших должностных лиц и функционеров монархии Габсбургов, что в конечном итоге результировалось в убийстве 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца-Фердинанда[14].

Антиавстрийские и просербские настроения распространялись и в России, что нашло свое отражение не только на страницах периодических изданий, но и в научных трудах. В частности, видный русский исследователь А.Л. Погодин подчеркивал, что судьба Боснии и Герцеговины должна была быть решена в ходе начавшейся Первой мировой войны, однако «справедливым решением было бы только присоединение их к Сербскому королевству»[15].

Сербия обратилась за содействием к России, которая поддержала ее требования и предложила обсудить ситуацию на конференции держав — участниц Берлинского конгресса, посоветовав при этом сербскому правительству не предпринимать никаких самостоятельных действий до окончания работы данного форума.

Однако вследствие противодействия со стороны Австро-Венгрии и Германии и отказа Франции оказать безусловную и действенную

---

[13] Рад Народне Скупштине сазване у редован сазив за 1908. годину. Стенографске белешке. Београд, 1909. Књига 1. С. 311.

[14] *Ferro M.* The Great War 1914–1918. London and New York, 1987. P. 17.

[15] *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 332.

inslav

поддержку России конференция не была созвана. Правительство Германии 14 марта 1909 г., принимая во внимание экономические трудности России и ее неподготовленность к войне, предложило Санкт-Петербургу санкционировать акцию Австро-Венгрии, а 21 марта 1909 г. предъявило ультимативное требование о немедленном ответе на данное предложение. Одновременно оно дало понять, что отрицательный ответ повлечет за собой вооруженное нападение Австро-Венгрии на Сербию при поддержке со стороны Германии. В результате Россия была вынуждена отказаться от своих первоначальных требований и посоветовать Сербии не противодействовать аннексии. Аналогичную позицию заняли и другие европейские государства[16].

В итоге, хотя боснийский кризис был разрешен мирным путем, он имел серьезные последствия для балканских народов. Резко обострились сербо-австрийские отношения вследствие того, что Сербия окончательно стала рассматривать Австро-Венгрию в качестве непосредственной угрозы для своего существования и территориальной целостности. В то же время Вена опасалась роста антиавстрийских выступлений в своих областях, населенных югославянскими народами. Это обусловило окончательный отказ сербского руководства от существовавшей в конце XIX в. внешнеполитической ориентации на монархию Габсбургов и переход к устойчивой и всесторонней ориентации на Россию.

Кроме того, к балканским сюжетам было теперь постоянно приковано внимание великих держав, стремившихся в условиях прогрессировавшего ослабления экономической и военно-политической мощи Турции, усилившейся политической борьбы в турецком руководстве (свидетельством которой явились младотурецкая революция 1908 г. и последовавшая вслед за этим вооруженная борьба за власть) и роста национально-освободительных выступлений в ее европейских областях — прежде всего, в Албании — укрепить свои экономические и политические позиции в отдельных государствах региона. Именно Балканам придавалась исключительная роль в стратегических планах обеих европейских группировок — Антанты и Тройственного союза.

В сложившихся условиях балканские государства приступили к подготовке создания собственного военно-политического союза, направленного против Турции и ставившего своей целью освобождение областей со славянским населением. Важную роль в процессе заключения данного союза сыграли государства Антанты, в первую очередь, Россия.

Переговоры между Сербией и Болгарией о заключении союзного договора начались непосредственно после начала итало-турецкой (Триполитанской) войны и проходили при активном участии

[16] Подробнее см.: *Извольский А. П.* Воспоминания. Пг.; М., 1924.

inslav

российской дипломатии. В результате 13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор о дружбе и союзе, к которому прилагалось секретное приложение, предусматривавшее совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии. Согласно утвержденной сторонами карте территориальных приращений, граница между двумя государствами в этой области должна была проходить по линии, начинающейся к северу от города Крива-Паланка и заканчивающейся у города Струга на Охридском озере, оставляя Сербии Скопье и одновременно доводя пределы Болгарии до албанских земель[17].

Болгария и Сербия гарантировали друг другу государственную независимость и территориальную целостность. Стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу максимальную поддержку в случае нападения на одну из них, а также в случае, если какая-либо третья держава попытается присоединить или оккупировать какую бы то ни было часть балканской территории, находящейся под турецким контролем, и если одна из сторон сочтет это посягательством на свои жизненные интересы. Сербия признавала за Болгарией права на территорию к востоку от Родопов и р. Струма, а Болгария за Сербией — права на территорию к северу и западу от Шар-Планины. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора. Вслед за договором между двумя государствами 12 мая 1912 г. была подписана военная конвенция, дополненная затем двумя соглашениями болгарского и сербского Генеральных штабов — от 2 августа и 28 сентября 1912 г.

Осенью 1911 г. начались аналогичные переговоры между Болгарией и Грецией, и 29 мая 1912 г. состоялось подписание союзного болгаро-греческого оборонительного договора. Стороны обязались в случае нападения Турции на одну из них оказывать соответствующее содействие всеми своими вооруженными силами и не заключать при этом сепаратного мира. Приложенная к договору декларация предусматривала, что статья о взаимопомощи не относится к случаю возникновения войны между Турцией и Грецией вследствие принятия в греческий парламент депутатов с о. Крит вопреки воле Константинополя. В данной ситуации Болгария брала на себя обязательство сохранять по отношению к Греции благожелательный нейтралитет. Наконец, 5 октября 1912 г. была подписана болгаро-греческая военная конвенция, а месяцем ранее — в сентябре 1912 г. — было заключено устное соглашение между Болгарией и Черногорией о совместных действиях против Турции.

[17] Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења. 1878–1918. Београд, 1983. С. 195.

inslav

В 10 часов утра 8 октября 1912 г. Черногория первой из балканских союзников объявила войну Турции. Спустя 10 дней боевые действия начали Болгария, Сербия и Греция. События развивались стремительно. Уже в середине ноября сербские и черногорские части соединились в районе албанского города Леш. На македонском направлении решающее значение имела победа сербской армии в продолжавшей 23–24 октября кровопролитной битве за Куманово. Спустя несколько дней сербские войска вошли в Скопье, Призрен и Джяковицу, а в середине ноября соединились с греческими подразделениями в районе города Флорина (современная Северо-Западная Греция). Одновременно сербские части через территорию Албании вышли на Адриатическое побережье севернее города Леш. Первая Балканская война для Сербии была фактически закончена.

И хотя начавшее свою работу Лондонское совещание послов великих держав не признало за Сербией право на сохранение выхода на Адриатику, а раздел земель в Македонии стал причиной кровопролитной межсоюзнической сербо-болгарской войны летом 1913 г., общий военный итог двух Балканских войн оказался для Сербии триумфальным. Ее территория увеличилась с 48,3 до 87,3 тыс. кв. км., а население — с 2.912 до 4.444 тыс. человек[18]. В ее состав по Бухарестскому мирному договору были включены важные в стратегическом отношении и выгодные с точки зрения хозяйственного использования земли в Македонии и Косово. Значительно вырос международный авторитет Сербии и особенно ее армии — прежде всего в глазах других югославянских народов.

Но нельзя недооценивать опасное политическое значение Балканских войн — особенно в контексте начавшегося менее чем через год общеевропейского военного пожара. Говоря словами российского балканиста В.Н. Виноградова, «Бухарестский договор, заключенный правителями балканских государств самостоятельно, без вмешательства великих держав, посеял зерна новых конфликтов на полуострове. Используя перекрещивающиеся претензии Бухареста, Белграда, Софии, Афин, Цетинье и Стамбула, дипломаты Антанты и Тройственного союза начали большую игру по заманиванию их в свой лагерь»[19].

По образному выражению британского исследователя Г. Мартела, ставшие предтечей Первой мировой войны две Балканские войны 1912–1913 гг. и их урегулирование оставили в регионе «угрожающее наследие. Победители, ставшие большими по территории и более

[18] История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 657; *Rotheit R.* Aus Albaniens Werdetagen. Berlin, 1914. S. 3. См. также: *Гусев Н.С.* Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5.

[19] Краткая история Румынии. М., 1987. С. 285.

inslav

мощными, остались неудовлетворенными: удвоившаяся в размерах Сербия все еще оставалась изолированной от моря и сделала явными свои симпатии к сербам Австро-Венгрии, которых она рассматривала как угнетаемых братьев; Греция, расширившаяся настолько, что включила в свой состав почти все территории, большинство населения которых говорило по-гречески, смотрела поверх своих границ на "великую Грецию", включающую Константинополь и существенные части Малой Азии. Австро-Венгрия и Турция имели веские основания считать, что новые опасности еще впереди. А Болгария, что неудивительно, была озлоблена катастрофами предыдущего года — она потеряла 25.000 человек и была поставлена на грань революции»; теперь же «ситуация предоставляла ей возможность пересмотреть вердикт 1913 г.»[20].

При этом Балканские войны легли тяжелым бременем на все стороны экономической и политической жизни победительницы Сербии. Ее потери в живой силе только за период Первой Балканской войны составили 22.000 человек убитыми. Финансовые резервы были опустошены. Только содержание 402-тысячной армии обошлось государственной казне в 250 млн динаров. Если же к этой внушительной сумме прибавить дополнительные расходы, составившие еще 120 млн, то общий итог составит 370 млн динаров — именно в такую сумму обошлись для Сербии Балканские войны[21]. Финансовые эксперты Австро-Венгрии, оценивая стоимость военных кампаний для экономики Сербии, назвали цифру в 450 млн франков[22]. Национальный доход страны, составлявший перед войной около одного миллиарда франков в год, уменьшился приблизительно в два раза. Государственный бюджет страны, составлявший 130 млн, остался непокрытым более чем на половину вследствие того, что экспорт фактически был прекращен, а стоимость ввозимых товаров увеличилась в два раза вследствие военных надбавок. При этом необходимо принять во внимание в целом недостаточно развитое промышленное производство и упадок сельского хозяйства вследствие значительных людских потерь, что делает понятным отсутствие в Сербии реальных условий для быстрого восстановления экономического потенциала страны[23].

В ходе Балканских войн в сербской промышленности «рабочий день у металлистов, деревообделочников, обувщиков, мукомолов,

---

[20] *Martel G.* The Origins of the First World War. London and New York, 1987. P. 63.

[21] Ibid. S. 52–53.

[22] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 159. Л. 3.

[23] Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. С. 196; *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd, 1985. S. 52–53.

inslav

портных и других увеличился на 1–8 часов». Причем особенно значительным указанный рост был в небольших сербских городах — Свиланац, Пирот, Лозница, Алексинац, Аранджеловац, Пожега. В последнем продолжительность рабочего дня для работников металлургической отрасли выросла с 10 до 18 часов[24].

Серьезные потери понесла и сербская армия. В беседе с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковским, состоявшейся 4 октября 1913 г. в Вене, глава сербского кабинета Н. Пашич следующим образом охарактеризовал первоочередные задачи своей страны в деле восстановления и укрепления вооруженных сил: численное увеличение армии до полумиллионного строевого состава, включающего в себя 400.000 человек пехоты и 100.000 человек, связанных с кавалерией, артиллерией и техническими войсками, помимо не включаемых в это число вспомогательных частей, а также служб охраны путей сообщения и поддержания общественного порядка в стране. Данные количественные показатели определялись Пашичем, исходя из поставленной им общей стратегической цели: сделать сербскую армию по всем основным показателям не уступающей по силе болгарской. При этом в мирное время предполагалось держать под ружьем 50–60 тыс. человек. Одновременно перед сербской армией встала задача восполнить убыль офицерского корпуса и повысить его численность пропорционально увеличению рядового состава. По свидетельству сербского посланника в Вене Й. Йовановича, убыль сербских офицеров во время войны, не признаваемая официально, составила около 10% от всего их числа. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что в сербской армии на 100 солдат приходился всего один офицер. Кроме того, следовало в кратчайшие сроки пополнить запасы боеприпасов и других военных материалов[25].

Неудивительно, что среди членов высшего политического и военного руководства Сербии преобладало представление о желательности для страны «мирной передышки» — в том числе и с точки зрения проведения более активной политики на «югославянском направлении». Многоопытный сербский премьер Н. Пашич отдавал себе отчет в неготовности страны к новой войне — в частности, для освобождения южнославянских областей монархии Габсбургов. «Сегодня в наших интересах, — утверждал он, — чтобы Австро-Венгрия существовала еще 25–30 лет, пока мы на юге не освоим все настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»[26]. А рос-

[24] *Упеник В.А.* Положение рабочего класса Сербии перед первой мировой империалистической войной // Ученые записки Института славяноведения. Том XI. М., 1955. С. 299.

[25] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2907. Л. 2.

[26] Споменица Николе П. Пашића 1845–1925. Београд, 1925. С.721.

inslav

сийский поверенный в делах в Белграде В. Н. Штрандтман на пороге Первой мировой войны отмечал, что «Сербия сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года, и то при активной помощи своих союзников»[27].

Правда, это мнение не было единодушным. Еще 27 июня 1913 г. на заседании парламентского клуба депутатов-радикалов министр финансов Сербии Лаза Пачу призвал не рассматривать присоединение к Королевству Старой Сербии и Вардарской Македонии в качестве полного выполнения сербской национальной задачи. По его словам, итоги Первой Балканской войны закономерно поставили в повестку дня достижение глобального объединения с югославянами Австро-Венгрии. Значительным в сербском обществе явился и морально-психологический эффект от сербских побед и воссоединения со Старой Сербией. Как отмечал в 1912 г. сербский писатель Миодраг Попович, крестьяне, «вдохновленные примером героев Косовского мифа и любимого народом богатыря Марко Кралевича, ожесточенно сражались с турками и завоевывали победы»[28].

Вместе с тем, и сам министр финансов, и Н. Пашич не могли не понимать, какие военные и хозяйственные потери понесла Сербия и каких средств потребует освоение вновь присоединенных областей. Общее население новых областей Сербии составляло свыше 1.600.000 человек (до войны на этих территориях проживало около 1.700.000 человек; уменьшение численности явилось следствием эмиграции), причем, по сведениям сербского правительства, 200.000 из них составляли албанцы. Правда, точность последнего показателя ставилась под сомнение независимыми наблюдателями в плане его искусственного занижения[29].

В соответствии с постановлениями Лондонской конференции, представители великих держав обратились к правительствам балканских государств с коллективной декларацией, в которой подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчеркнули факт продолжавшегося нахождения сербских войск на албанской территории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции. В ответ Пашич в циркулярной ноте, направленной европейским правительствам, а также в личных объяс-

---

[27] Цит. по: Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С.13.

[28] *Доронина Р.Ф.* Сербская литература в преддверии войны // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 75.

[29] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 3.

inslav

нениях по этому вопросу с их дипломатами указал на беспочвенность подобных требований по отношению к его стране, так как Сербия уважает все положения Берлинского трактата, касающиеся прав национальных меньшинств и вероисповедных групп[30], а кроме того, в стране действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, которая обеспечивает в полном объеме политические и иные права всех граждан несербской национальности, при условии соблюдения ими законов страны[31].

Нежелание Белграда полностью выполнить требования великих держав, установленный в присоединенных областях жесткий военно-полицейский режим вкупе с провокационной политикой держав Тройственного союза (в первую очередь, Австро-Венгрии) привели к новому обострению ситуации на албано-сербской границе.

Ссылаясь на соображения государственной безопасности и охраны общественного порядка, сербское правительство не признало возможным сразу распространить действие конституции на присоединенные к Сербии территории (это было сделано лишь в конце 1913 г.) и постановило регулировать их устройство особым «Наказом об организации освобожденных областей», утвержденным королевским указом от 31 августа 1913 г.

Согласно статье 82 данного документа, министр просвещения и церковных дел осуществлял надзор за деятельностью православной церкви в соответствии с принципами сербского законодательства и церковных канонов. Аналогичный надзор министр осуществлял и в отношении неправославных и нехристианских религиозных организаций, разрабатывая «предписания и инструкции, в целях обеспечения их устойчивого функционирования, в соответствии с основными принципами этих учреждений, а также с учетом государственных интересов»[32].

Согласно статье 92, данное предписание должно было действовать до тех пор, пока Сербская скупщина не присоединит предусмотренным законом путем освобожденные области к Сербскому королевству, что предполагалось осуществить на ее очередной сессии[33].

---

[30] Имелась в виду, в частности, статья XXXV, гласившая следующее: «В Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности. Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами» // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 197.

[31] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 3.

[32] Уредба о уређењу ослобођених области. Београд, 1913. С. 25.

[33] Там же. С. 27.

inslav

Подписали вышеуказанный документ король Сербии Петр, председатель Совета министров Н. Пашич, министр финансов Л. Пачу, министр внутренних дел С. Протич, министр строительства Й. Йованович (одновременно являвшийся заместителем министра народного хозяйства), министр просвещения и церковных дел Л. Йованович, министр юстиции М. Джуричич и военный министр генерал М. Божанович[34].

В ответ на сделанное 2 сентября 1913 г. представление великих держав об открытии для населения Албании свободного доступа в города Джяковица и Дебар и о выводе сербских войск со всей албанской территории, управляющий министерством иностранных дел М. Спалайкович первоначально дал вполне благоприятный ответ, заявив, что к допущению албанцев в указанные города сербское правительство не видит никаких препятствий — «при условии, конечно, соблюдения, согласно мнению совещания послов, местных таможенных и полицейских постановлений»[35].

Однако несколько дней спустя, во время своей встречи с поверенным в делах России в Сербии В.Н. Штрандтманом, Спалайкович сообщил, что председатель сербского правительства Пашич неодобрительно встретил его заявление, ибо сам он намеревался сделать свое заявление по тому же вопросу в другом смысле, поставив положительный ответ Сербии на представление европейских стран в зависимость от действий самих албанцев. Последних же он намеревался вынудить присоединиться к Сербии путем создания препятствий к переходу ими границы[36].

Еще более колебаний и непоследовательности было проявлено правительством в вопросе о выводе из Северной Албании остававшихся там сербских войск. На неоднократные благожелательные указания со стороны России сербское руководство отвечало уклончиво, оправдывая свои действия постоянными грабежами и другими насильственными акциями со стороны самих албанцев, подстрекаемых Австро-Венгрией, и невозможностью обеспечить полноценную защиту сербской территории вследствие включения в состав Албании на Лондонской конференции важных стратегических пунктов, прикрывающих горные проходы, ведущие в Сербию. Высказывавшиеся в ответ представителями России доводы о желательности, в интересах самого Белграда, избегать обострения отношений с Австро-Венгрией, встречали со стороны сербских официальных лиц указания на отсутствие в Королевстве всякого страха перед соседней монархией. А в ответ на напоминание о том, что зимой 1912 г. та не начала военные

[34] Уредба о уређењу ослобођених области. С. 28.
[35] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 355.
[36] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 334; там же. Д. 530. Л. 164.

inslav

действия против сербов в первую очередь благодаря позиции, занятой Россией, Спалайкович упорно утверждал, что и ныне Австро-Венгрия не предпримет никаких решительных действий, «упустив слишком много удобных случаев причинить серьезный вред Сербии во время Балканского кризиса»[37].

19 сентября 1913 г. сербское посольство в Санкт-Петербурге уведомило российский МИД о том, что «Сербия начала выводить войска из Албании, которые там остались только для того, чтобы лучше защитить сербскую территорию от нападений арнаутов, пока в Албании не будут организованы нужные власти для обеспечивания (так в тексте. — *П.И.*) порядка на границе. Между тем по всей линии границы царят самые большие беспорядки. Вооруженные арнауты массами нападают на сербские войска и сербские власти. Сербское правительство имеет также достоверное известие, что готовится организованное, серьезное нападение на нашу территорию и что в Албании пробуют призвать к этому нападению и арнаутов, находящихся на нашей территории и которые до сих пор были спокойны.

Сербское правительство не может терпеть эту анархию, распространяемую из Албании с каждым днем все больше.

Мы решили, с правом, запретить арнаутам всякое приближение к нашей границе и нашим рынкам, пока не восстановится нормальное положение и пока арнауты не перестанут враждебно относиться к нашим пограничным властям.

Кроме этого Сербия всякое новое вооруженное нападение силою остановит, и, эвентуально, если пограничные стычки примут большие размеры, сербские войска должны будут вновь оккупировать некоторые стратегические пункты на албанской территории, которые окажутся нужными для обеспечивания нашей границы.

Также потребуем уплату за те потери и расходы, которые будем иметь из-за таких беспорядков»[38].

В кабинете Пашича не сомневались, что албанские лидеры при поддержке монархии Габсбургов готовят широкомасштабное нападение на сербскую территорию с тем, чтобы вовлечь в орбиту антисербских выступлений, охвативших присоединенные к Сербии районы, и тех албанцев, которые до сих пор оставались спокойными. Однако и жесткие действия самих сербских военных властей в присоединенных областях мало способствовали нормализации обстановки. Как следствие — внутренний и внешний факторы сработали одновременно, и роль антисербского восстания в области Люма к юго-западу от Призрена была усилена вторжением извне в новые границы

[37] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 165.
[38] Там же. Д. 2091. Л. 20–21.

inslav

Сербии албанских отрядов. 20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды численностью до 10.000 человек пересекли намеченную Лондонскими соглашениями сербо-албанскую границу по трем направлениям. Военные действия охватили как районы собственно Албании, все еще находившиеся под контролем сербских войск, так и территории Западной Македонии и Старой Сербии, которые, согласно решениям Лондонского совещания послов великих держав, были присоединены к Сербии. В последнем случае главными целями албанцев стали города Джяковица и Призрен.

Во главе отрядов стояли известные албанские вожди Иса Болетинац, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Кьясим Лика. Они действовали по прямому распоряжению албанского правителя Исмаила Кемали, который заверил их в поддержке со стороны Австро-Венгрии и Италии и пообещал, что все занятые в результате наступления территории станут частью Албании. Непосредственное командование частями осуществляли офицеры болгарской армии.

Единственным из албанских лидеров, кто отказался примкнуть к военной коалиции, стал Эссад-паша Топтани, проинформировавший о развитии событий и своей собственной позиции власти Белграда[39].

Находившиеся на границе малочисленные и слабовооруженные сербские гарнизоны и несколько подразделений жандармов понесли серьезные потери и были вынуждены отступить. На южном направлении албанские отряды, ведомые болгарскими комитаджиями и четами Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), сумели занять Охрид и Стругу и продвинулись к Гостивару. 22 сентября Дебар — город с 15-тысячным населением — был занят 6-тысячным албанским отрядом, а сербские силы численностью в две роты отступили к Кичеву[40]. Сербские власти сразу же заявили о присутствии в албанских отрядах иностранных офицеров, что подтверждалось собранными ими дипломатическими и иными свидетельствами. В частности, говорилось о тесных связях албанских лидеров с ВМРО и, в частности, с Янетом Санданским, который в целях подготовки совместного антисербского наступления несколько месяцев провел в Албании в сопровождении других лидеров ВМРО[41].

На северном направлении отряды под командованием Исы Болетинаца, Байрама Цурри и Кьясима Лики заняли Люму, осадили Призрен и на короткое время овладели Джяковицей.

22 сентября Совет министров Сербии издал распоряжение о дополнительной мобилизации резервистов и направлении практически всех находившихся в Южной Сербии сербских войск к Дебару, а

[39] Документи о спољној политици Краљевине Србије. Том VI. Свеска 3. Београд, 1984. С. 347, 351, 359, 378, 379, 406, 418.

[40] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 254; Д. 531. Л. 346, 348.

[41] Документи… Том VI. Свеска 3. С. 537; там же. Том. VII. Свеска 1. С. 191–192, 335–336, 478.

inslav

также для занятия стратегических пунктов на албанской территории. Была мобилизована Моравская дивизия; два полка резервистов выдвинулись к границе с Албанией из Белграда и Крушеваца и составили сводную дивизию[42]. В общей сложности в боевую готовность были приведены части, насчитывавшие до 75.000 человек личного состава и имевшие на своем вооружении артиллерию[43].

В тот же день Австро-Венгрия через сербское дипломатическое представительство в Белграде довела до сведения правительства Сербии свое видение сложившейся опасной ситуации. Сербскому посланнику в Вене было заявлено, что причиной обострения обстановки в районе сербо-албанской границы стало восстание албанцев в новых границах Сербии: «эти мятежи и беспорядки вызвали албанцы»[44]. Однако их причиной стало то обстоятельство, что сербские войска «все еще удерживают некоторые области, которые принадлежат Албании»[45]. Кроме того, в вину сербским властям было поставлено закрытие рынков в приграничных с Албанией городах — в первую очередь, в Дебаре и Джяковице, которые албанцы «уже привыкли посещать и снабжаться на них тем, что им необходимо для жизни»[46]. Если бы сербские войска ранее были отозваны, не было бы нынешних беспорядков и инцидентов, утверждали руководители внешнеполитического ведомства Австро-Венгрии[47].

После занятия Дебара албанские отряды продолжили продвижение в глубь Сербии. 29 сентября в Люме произошло ожесточенное сражение передовых сербских постов 10-го полка с албанскими отрядами, в ходе которого сербы потеряли более 20 солдат и были вынуждены отойти к Бицану, а вслед за этим — к Люмска-Куле, так как отряды дебарско-малессийских албанцев обошли сербские части с фланга в районе Топояна и создали реальную угрозу их окружения.

Продвижение албанцев в глубь Сербии продолжилось. 1 октября, пройдя Топоян, они напали на роту сербов около Враничи, которой пришлось отступать с боем. Из Призрена в направлении Враничей были спешно отправлены три роты 18-го полка, а из Люмска-Кулы — три роты 10-го полка сербской армии. А 3 октября телеграф принес от российского вице-консула в Призрене Емельянова еще более пугающее сообщение: «Восстали момляне и хасняне. Все усилия албанцев направлены к захвату с. Журы, где находится полевая батарея и пехо-

---

[42] *Батаковић Д.* Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. С. 305.

[43] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 370; Ф. Канцелярия. 1913. Оп. 470. Д. 113. Л. 370, 371.

[44] Документи… Том VI. Свеска 3. С. 356.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Там же.

inslav

та, защищающие подступ к Призрену. Артиллерийская стрельба не прекращается все время. В случае захвата с. Журы Призрену грозит серьезная опасность. Войск для защиты города недостаточно»[48].

В Вене сообщения о военных успехах албанцев вызвали неподдельную радость. Местная пресса восхваляла героизм албанских отрядов и требовала пересмотреть выработанную в Лондоне пограничную линию в соответствии с изменившейся военной ситуацией. Австро-венгерские дипломаты настаивали на том, что никакого вторжения извне не было, вооруженное выступление против сербских властей вспыхнуло в границах Сербии, и уже потом было поддержано албанцами с территории собственно Албании[49].

Воодушевленный подобной поддержкой Исмаил Кемали потребовал исключить занятые албанцами земли из состава Сербского королевства и даже предложил провести по этому вопросу референдум среди населения приграничных районов. В качестве гарантов его законности и демократичности он предложил использовать самих вооруженных албанцев.

Однако плебисциту на штыках не суждено было осуществиться. В начале октября две сербские дивизии выступили из Скопье. Они остановили албанские отряды у с. Маврово и вытеснили их за пределы Королевства. Вслед за этим сербские войска пересекли «лондонскую» сербо-албанскую границу в целях их преследования[50].

Тем не менее, потери сербской армии оказались значительными, вследствие высокой технической оснащенности албанских отрядов, имевших на своем вооружении артиллерию и пулеметы и, по сведениям сербских официальных лиц, подчинявшихся командованию иностранных офицеров, под руководством которых и были достигнуты первоначальные успехи. По мнению сербского правительства, в подготовке вооруженных албанских выступлений принимали участие представители ряда иностранных государств, в первую очередь, Австро-Венгрии и Болгарии, о чем свидетельствовали перехваченные сербскими представителями шифрованные телеграммы, направлявшиеся болгарскими офицерами, находившимися в Албании (в частности, в Дурресе) через Каттаро, Сараево, Будапешт и Бухарест в Софию. По сообщению сербского поверенного в делах в Риме, итальянское правительство также не отрицало присутствия среди албанцев иностранных офицеров. Что же касается косвенных данных о причастности к этим событиям итальянской стороны, то сербский кабинет решил не придавать им особого значения, несмотря на

[48] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 380.

[49] Документи о спољној политици Краљевине Србије. Том VI. Свеска 3. № 407, 408, 409.

[50] *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 52–64.

inslav

полученное от митрополита Дурреса Якова сообщение об уступке Австро-Венгрией и Италией центральному албанскому правительству артиллерийских орудий и другого вооружения, захваченного итальянскими войсками в Триполи в ходе итало-турецкой войны[51].

Одновременно на сербское правительство произвело весьма благожелательное впечатление доверительно сообщенное маркизом А. ди Сан-Джулиано сербскому поверенному в делах в Риме пожелание его правительства, чтобы Сербия обнародовала заявление об отсутствии у Королевства каких-либо агрессивных намерений в отношении Албании. По мнению итальянского министра иностранных дел, подобное заявление, с одной стороны, предоставило бы великим державам возможность успокаивающим образом воздействовать на правительство Австро-Венгрии, а с другой — облегчило бы для самой Сербии занятие тех районов Албании, которые она считала жизненно важными для обеспечения безопасности своей границы. Сербское правительство последовало данному совету, и 2 октября 1913 г. было опубликовано его заявление в указанном смысле[52].

Разгромив вторгшиеся на территорию Сербии албанские отряды, королевское правительство распорядилось о закрытии для албанцев рынков в приграничных сербских городах — в первую очередь, в Дебаре и Джяковице. Как сообщал из Белграда Штрандтман, сербское правительство «считает эту меру необходимой не только для действий против албанцев, но и ввиду брожения среди сербских мусульман»[53]. По словам военного министра М. Божановича, имевшего встречу со Штрандтманом, обстановка в районе боевых действий сложилась весьма серьезная, и она может потребовать новой крупномасштабной экспедиции в Северную Албанию. Он, также как и ранее Спалайкович, выразил уверенность в том, что Австро-Венгрия воздержится от каких-либо враждебных в отношении Сербии шагов. Одновременно министр иностранных дел Сербии попросил Штрандтмана довести до сведения российского внешнеполитического ведомства, «что Моравская дивизия, двинутая против албанцев, по мере возможности не переступит линии Черного Дрина. Остальные мобилизованные войска предназначаются для охраны порядка в стране»[54].

Озабоченный сложившейся ситуацией, а также судьбой оказавшегося под угрозой сербского займа, министр финансов Сербии Л. Пачу, временно исполнявший обязанности председателя Совета министров, призвал находившегося в отпуске Пашича немедленно

[51] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 386.
[52] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 168–170; там же. Д. 531. Л. 367.
[53] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л.371.
[54] Там же. Л. 378.

inslav

вернуться к исполнению своих обязанностей в надежде, что он найдет выход из создавшегося положения и сумеет избежать нежелательных в данный момент политических осложнений[55].

В самой Сербии, в связи с вышеуказанными событиями, общественное мнение и политические круги призвали правительство предпринять самые решительные меры против албанцев, что привело к возникновению серьезного внутриполитического кризиса. Оппозиционные депутаты в скупщине потребовали от кабинета Пашича представить всесторонний отчет о своей деятельности и наказать тех должностных лиц, по вине которых безопасность государства была поставлена под угрозу. Реальная возможность отставки нависла над военным министром Божановичем и министром финансов Пачу, не пожелавшим в свое время ассигновать необходимые кредиты на содержание дополнительных воинских контингентов в южных областях Сербии. Правительство нашло, однако, возможность возложить всю ответственность за кризис на бывшего ближайшего помощника начальника Генерального штаба сербской армии воеводы Р. Путника генерала Ж. Мишича, подготовившего, по мнению правительственных кругов, непродуманный план размещения сербских гарнизонов вдоль сербо-албанской границы, имевшей протяженность около 500 км[56]. Король Петр издал указ о его увольнении. Это, в свою очередь, вызвало новую волну протестов и нападок на кабинет Пашича, положение которого, в свете предстоящего открытия заседаний скупщины и готовившихся оппозиционными партиями целого ряда запросов по вопросам внутренней и внешней политики, потеряло прежнюю устойчивость[57].

В сербском правительстве существовали два взгляда на стоящие перед страной насущные задачи. С одной стороны, присутствовало понимание необходимости использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, пограничную и иные службы в присоединенных к Сербии областях, наладить деятельность судебных

---

[55] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 167. Заключенный правительством Сербии с консорциумом французских банков контракт на пятипроцентный заем в 250.000.000 франков сроком на 50 лет был подписан 8 сентября 1913 г. Согласно данному документу, размер немедленного аванса составил 20.000.000 франков, причем 8.000.000 франков должны были быть выплачены уже 9 сентября. С сербской стороны заем был гарантирован доходами сербских государственных монополий, дававших в течение предыдущих лет до 13.700.000 франков чистого свободного остатка, который и должен был послужить основой для покрытия годовых взносов по заключенному займу, предусмотренных в размере 12.500.000 франков по процентам и 1.200.000 франков по платежам (АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 153). Однако сам процесс котировки займа затянулся до начала 1914 г., в первую очередь, вследствие осложнения внешнеполитического положения Сербии из-за ее политики в албанском вопросе // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 467.

[56] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 171, 180а.

[57] Там же. Л. 163.

inslav

властей, а с другой стороны, — и этот взгляд превалировал, — среди членов правительства существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку водвориться в Албании, и что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношениях, границы»[58].

Тем временем, итальянский поверенный в делах в Сербии, по поручению маркиза А. ди Сан-Джулиано, передал сербскому правительству еще одно настоятельное указание итальянского кабинета соблюдать крайнюю осмотрительность в албанских делах, ибо военная партия в Австро-Венгрии, по словам дипломата, оказывала энергичное давление на свое правительство с целью побудить его предпринять решительные действия против Сербии. В ответ Спалайкович отметил, что Сербия вынуждена предпринимать решительные действия ввиду угрожающей ей со стороны Албании опасности, и добавил, что отношение Австро-Венгрии к этому вопросу ему безразлично, ибо венское правительство, по его мнению, не решится на активные выступления. Одновременно сербское правительство получило аналогичные советы и от Германии. Германский канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег заявил сербскому поверенному в делах в этой стране, что Австро-Венгрия ищет удобный повод для вмешательства в балканские дела и что Россия в данных условиях не окажет поддержку сербским «устремлениям»[59].

Вопрос о ситуации на сербо-албанской границе обсуждался и во время встречи министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Л. Берхтольда с председателем совета министров Сербии Н. Пашичем, находившимся проездом в Вене. Инициатива в приглашении Пашича посетить австрийскую столицу и провести консультации с руководителем внешнеполитического ведомства страны с целью обсуждения всего комплекса вопросов, представлявших взаимный интерес, особенно ввиду происшедших после Балканских войн коренных изменений в политическом положении Сербии, исходила со стороны австро-венгерского кабинета. На желательность этого, в частности, неоднократно указывал частным и доверительным образом австро-венгерский посланник в Сербии С. Угрон.

Первоначально Пашич довольно прохладно отнесся к данному предложению, однако в дальнейшем, опасаясь возникновения каких-либо нежелательных толкований его позиции, дал обещание Угрону посетить Вену на обратном пути из Мариенбада, куда он собирался отправиться на лечение[60]. По информации российского поверенного

[58] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 350.
[59] Там же. Л. 352.
[60] Там же. Д. 530. Л. 175.

inslav

в делах, Берхтольд «еще до выезда Пашича из Белграда справлялся через австрийского представителя, не остановится ли Пашич в Вене, и Пашич тогда же обещал остановиться на обратном пути».

Этот визит состоялся в начале октября 1913 г. Пашичу был оказан радушный прием со стороны официальных лиц Австро-Венгрии, однако сама встреча с Берхтольдом, состоявшаяся 3 октября 1913 г., в перерыве заседания Совета министров Австро-Венгрии, хотя и прошла в исключительно корректной атмосфере, не привела к каким-либо конкретным результатам[61]. Стороны ограничились лишь изложением своих позиций по интересовавшим их вопросам и выражением обоюдного желания развивать добрососедские отношения между двумя государствами. Одним из основных сюжетов, затронутых в ходе переговоров, явился албанский вопрос. Берхтольд высказал Пашичу озабоченность своего кабинета положением национальных меньшинств, проживающих на перешедших под юрисдикцию Сербии территориях. В ответ Пашич в очередной раз подчеркнул, что их политические права и экономические интересы защищены сербской конституцией, являющейся одной из самых либеральных в мире, при условии неукоснительного соблюдения ими законов Королевства.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии высказал также свою озабоченность ситуацией, сложившейся на сербо-албанской границе. Пашич сослался на обстоятельства, побудившие его правительство занять ряд стратегических пунктов в тех местностях, где намеченная Лондонской конференцией пограничная линия еще подлежала утверждению Международной разграничительной комиссией. Он указал на несправедливость по отношению к Сербии и несостоятельность с точки зрения топографических условий выработанной в Лондоне сербо-албанской пограничной линии, отступающей от естественных горных преград и облегчающей для албанских отрядов проникновение на сербскую территорию. Тем не менее, Пашич заверил министра иностранных дел Австро-Венгрии в том, что Сербия «не питает никаких агрессивных замыслов и ожидает для своего внутреннего спокойствия установления Европой правильного режима в автономной албанской провинции»[62]. Он заявил, что его правительство не имеет намерения нарушать постановления конференции, и подчеркнул, что «состоявшееся ныне занятие сербскими гарнизонами некоторых стратегических позиций является временной мерой самозащиты впредь до установления в Албании порядка, который обеспечивал бы Сербию от повторения разбойничьих нашествий албанцев»[63].

---

[61] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3392. Л. 31.
[62] Там же. Д. 530. Л. 177.
[63] Там же. Л. 181.

inslav

Заявление главы белградского кабинета по поводу занятия Сербией стратегических пунктов на албанской территории произвело неблагоприятное впечатление на Берхтольда. Однако он в ответ не высказал в этом плане никаких возражений, выразив лишь пожелание, чтобы Сербия согласовывала свои действия с решениями Лондонского совещания послов великих держав по вопросу территориального размежевания[64].

В итоге, практически единственным конкретным результатом сербо-австрийских переговоров, в ходе которых были также затронуты проблемы будущего статуса Восточной железной дороги, необходимости изменения боснийско-сербской границы, а также другие вопросы, связанные с дальнейшим развитием сербо-австрийских экономических и политических отношений, явилось изложение сторонами своих позиций и общей заинтересованности в поступательном развитии взаимоотношений двух государств[65].

Это дало основание венской газете «Цайт» в статье под красноречивым заголовком «С пустыми руками» дать своеобразную, но вполне справедливую оценку встрече Пашича и Берхтольда. По ее словам, «гр. Берхтольду стало известно, какой у г. Пашича вид, как он разговаривал и, наконец, как он ест и пьет. Г. Пашич также обогатил свой умственный багаж познанием этих индивидуальных особенностей гр. Берхтольда; весьма возможно, что сербский премьер покидает наш город с полным сознанием того, что гр. Берхтольд стоит впереди него в этой области». Тем не менее, по мнению газеты, никаких новых конкретных предложений председатель Совета министров и министр иностранных дел Сербии в Вену не привез[66].

С неменьшим вниманием, чем на «прекрасном голубом Дунае», следили за развитием сербско-албанских коллизий в «вечном городе». Российский посол в Риме Крупенский сообщал 7 октября 1913 г. о настроениях, охвативших Италию в связи с последними событиями на сербско-албанской границе: «С точки зрения международных интересов едва ли не самым важным событием данной минуты являются кровавые столкновения между албанцами и сербскими войсками.

В Италии, более чем где-либо, они возбудили самые серьезные опасения, не столько из-за симпатий к Албании или из-за желания оградить ее от сербского завладения, сколько из боязни австрийского активного вмешательства. Поэтому, признавая неотъемлемое право Сербии защищать свои границы от албанского захвата, римский кабинет, как мне сказал маркиз ди Сан-Джулиано, неоднократ-

[64] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 181–182.
[65] Там же. Д. 531. Л. 370.
[66] Zeit. 5. Okt. 1913.

inslav

но давал в Белграде советы умеренности и благоразумия. Впрочем, в последние дни, благодаря успехам сербского оружия, опасность осложнений уменьшилась. Белградский кабинет, как везде, так и в Риме дал самые успокоительные заверения, что он и не помышляет выйти из пределов постановлений Лондонской конференции относительно сербско-албанской границы, но что он сочтет, однако, необходимым занять временно (provisoirement) некоторые стратегические пункты, необходимые для ограждения Сербии от новых албанских нашествий. Такому занятию австрийское правительство противилось, но маркизу ди Сан-Джулиано, — как он мне это доверительно сообщил, — удалось убедить венский кабинет не делать Сербии затруднений, лишь бы оккупация означенных стратегических пунктов была действительно временной и была признана нужной»[67].

Как подчеркивал в этой связи Крупенский, «не только в Албании, созданию которой так энергично, едва ли не во вред себе самой, содействовала Италия, но и в других пунктах Балканского полуострова призрак Австрии тревожит Италию»[68].

Одновременно сербское правительство опубликовало официальное сообщение, переданное циркулярными телеграммами сербским дипломатическим представителям при европейских державах, в котором говорилось, что Сербия окончательно подавила албанское восстание, но для ограждения своей территории от албанских вторжений вынуждена была временно занять стратегические пункты на албанской территории, которые будут ею незамедлительно оставлены, как только в Албании усилиями великих держав будет установлен конституционный порядок[69].

Тем не менее, австро-венгерский поверенный в делах в Белграде сделал сербскому правительству в дружеской форме новое представление о необходимости вывода сербских войск с албанской территории. Посетив позднее в тот же день российскую миссию, фон Сторк поинтересовался у Н.Г. Гартвига, оставит ли Сербия занятые позиции после того, как необходимость ее военного присутствия в Албании отпадет. Российский посланник ответил, что ни минуты в этом не сомневается, ибо Сербия была вынуждена прибегнуть к этой мере, требующей от нее значительных финансовых расходов, по не зависящим от нее обстоятельствам.

Вслед за Сторком, с Гартвигом имел беседу и итальянский поверенный в делах в Белграде Ринелла, который имел поручение правительства поддержать выступление своего австро-венгерско-

[67] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 75. Л. 176а–176б.
[68] Там же. Л. 176б.
[69] Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 182; Д. 531. Л. 373.

inslav

го коллеги. Ринелла начал беседу с выражения своего недовольства действиями австро-венгерского руководства, которое, постоянно предъявляя требования Сербии, создает тем самым серьезные затруднения для Италии, вынужденной действовать с ним заодно из опасения единоличных выступлений венского кабинета, а также в силу существующих между двумя странами союзнических обязательств. Между тем, продолжал итальянский представитель, подобная позиция его страны вызывает недовольство Сербии, которая отказывается верить в дружеское расположение по отношению к ней итальянского правительства.

Гартвиг подтвердил факт значительного снижения авторитета Италии в сербских правящих кругах и общественном мнении страны, указав, что римский кабинет подозревают даже в подготовке и поощрении недавнего албанского вооруженного выступления. Ринелла горячо запротестовал, заявив, что эта информация исходит из Вены, и убедительно просил российского дипломата развеять данные подозрения в своих беседах с сербскими государственными деятелями. В ответ Гартвиг подчеркнул, что разубедить сербов может только более доброжелательная по отношению к ним политика итальянского правительства.

На следующий день, 17 октября 1913 г., совместное австро-итальянское представление было подкреплено посланником Германии Ю. Гризингером, который доверительно сообщил Пашичу, что его правительство в целом вполне удовлетворено циркулярной нотой сербского руководства, и объяснил настоящий шаг настоятельной просьбой союзных по отношению к Германии государств — Австро-Венгрии и Италии. Барон Ю. Гризингер также добавил, что в самом ближайшем будущем, по его сведениям, следует ожидать со стороны Австро-Венгрии нового, составленного в более решительном тоне, заявления, если Сербия предварительно не выведет свои войска из Албании[70].

Одновременно товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов сообщил в Белград, что с ним имел беседу итальянский поверенный в делах в России, который подчеркнул солидарность Италии с Австро-Венгрией относительно сохранения в силе решений Лондонской конференции. Он, а также представитель Австро-Венгрии, кроме того, обвинили Пашича в неискренности, сославшись на его заявления о нежелательности для Сербии считаться с постановлениями конференции, сделанные на заседании Старорадикального клуба. В связи с этим Нератов дал указание главе российской дипломатической миссии в Белграде категорически заявить сербскому пра-

[70] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 182–183.

inslav

вительству, что «оно отнюдь не может рассчитывать на сочувствие России сопротивлению принятым уже решениям»[71].

В данных обстоятельствах российский поверенный в делах, получивший, кроме того, секретную телеграмму российского посла в Париже А.П. Извольского, в которой сообщалось о переданных сербскому представителю в этой стране М. Весничу министрами иностранных дел России и Франции С.Д. Сазоновым и С. Пишоном настоятельных советах выполнить требования держав Тройственного союза, немедленно связался с главой сербского кабинета Пашичем. Ему было рекомендовано изыскать какой-либо иной способ защиты сербской территории от албанских вторжений, без занятия стратегических пунктов. Пашич с пониманием встретил указание российского представителя и пообещал обсудить этот вопрос с воеводой Путником. Но прежде чем Пашич успел сообщить о данной беседе другим членам сербского руководства, поверенный в делах Австро-Венгрии в Белграде вручил 18 октября главе сербского кабинета ультиматум своего правительства, в котором Сербии предлагалось в 8-дневный срок очистить албанскую территорию, под угрозой принятия Австро-Венгрией более решительных мер в случае неудовлетворительного ответа[72].

Вслед за этим министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд пригласил к себе сербского посланника в Вене и категорически заявил ему, что монархия Габсбургов предпримет самые решительные действия против Сербии «в случае оставления хотя бы одного сербского солдата вне определенной конференцией границы»[73].

Ультиматум вызвал ожесточенные дискуссии в правительственных кругах Сербии. Ряд членов кабинета высказались за категорическое отклонение требований Австро-Венгрии. Однако в итоге возобладала более умеренная позиция главы правительства. Посетив российскую миссию сразу после заседания Совета министров, Пашич сообщил, что кабинет принял решение вывести из Албании сербские гарнизоны, подчиняясь в данном случае не угрозам со стороны монархии Габсбургов, а исключительно благожелательным советам России. При этом Пашич пояснил, что гарнизоны будут переведены на сербскую сторону пограничной линии и размещены с таким расчетом, чтобы при первом же появлении с албанской стороны во-

---

[71] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 375. Позднее сам Пашич, коснувшись ссылок итальянского и австро-венгерского представителей в Санкт-Петербурге на указанные заявления, подчеркнул, что заседание Старорадикального клуба было закрытым, и поэтому никто из иностранных представителей не может иметь информации о происходивших на нем дебатах. Он подчеркнул, что сербское правительство действительно намерено обратить внимание великих держав на неудобства, создаваемые для Сербии установленной на совещании в Лондоне сербско-албанской пограничной линией, но оно, тем не менее, подчинится тому решению, которое будет принято державами по указанному вопросу // Там же. Л. 380.

[72] Там же. Д. 530. Л. 183–184.

[73] Там же. Д. 531. Л. 385.

inslav

оруженных отрядов последние могли бы быть подвергнуты массированному удару сербских войск. Одновременно председатель Совета министров сообщил, что его правительство решило в самое ближайшее время обратиться к европейским державам с настоятельной просьбой о скорейшем создании в Албании международной полиции и жандармерии, которые явятся существенной гарантией спокойствия на сербско-албанской границе[74].

Согласно извещению сербского верховного военного командования, к 10 часам утра 25 октября 1913 г. — то есть на 24 часа ранее установленного ультиматумом срока — сербские войска полностью покинули албанскую территорию[75].

Однако сербско-албанские отношения продолжали оказывать дестабилизирующее влияние на ситуацию на Балканах — в том числе в контексте формирования албанской государственности, происходившего под международным контролем[76].

Внешнеполитические осложнения закономерно влияли и на внутриполитическую ситуацию в Сербии. В конце 1913 г. в стране разразился острый парламентский кризис. Оппозиционные партии, выступавшие против введения в действие в новых сербских областях положений отдельного «Наказа» вместо распространения на них действия Конституции, устроили 26 декабря 1913 г. антиправительственную обструкцию на заседании Скупщины, обсуждавшей ряд статей государственного бюджета. В этой связи работа высшего законодательного органа страны была прервана до 29 декабря[77].

Другим важным пунктом, по которому оппозиционные партии подвергли критике кабинет Пашича, был вопрос о Восточной железной дороге. Они, а также некоторые министры в самом правительстве, находили более отвечающим экономическим и политическим интересам Сербии приобретение в собственность того участка линии, который проходил по сербской территории. Однако сам Пашич и его ближайшие советники считали подобный путь в сложившихся политических условиях трудноосуществимым и в связи с этим согласились на выдвинутое группой французских финансистов предложение об интернационализации дороги[78].

В принципе, правительство Пашича, используя голоса депутатов-старорадикалов, могло получить необходимый для работы кворум и добиться принятия данного законопроекта без участия в заседании депутатов от оппозиционных партий. Тем не менее, кабинет Пашича

---

[74] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 184.

[75] Там же. Л. 187; Д. 531. Л. 385.

[76] Подробнее см.: *Искендеров П. А.* Становление албанской государственности // Вопросы истории. 2016. № 2.

[77] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 458.

[78] Там же. Д. 2912. Л. 12.

inslav

принял решение уйти в отставку, будучи уверенным, что ни одна из оппозиционных партий не сумеет образовать работоспособное правительство, а на новых выборах старорадикалы получат подавляющее большинство голосов избирателей[79].

Сразу после объявления перерыва в работе Скупщины Пашич посетил посланника России в Белграде Гартвига и изложил ему свои соображения относительно будущего возглавляемого им кабинета. На замечание российского дипломата о серьезной опасности осуществления вышеуказанной комбинации, в условиях отсутствия политической стабильности в стране и на Балканах в целом, Пашич, в принципе согласившись с подобными опасениями, подчеркнул, что, принимая решение об отставке, его правительство руководствовалось следующими соображениями. Во-первых, с точки зрения интересов Сербии, сознательное допущение внутриполитических осложнений именно в данное время представляется более безопасным шагом, нежели осуществление этого плана весной будущего года, когда резко возрастет вероятность разного рода внешнеполитических осложнений. Во-вторых, новый кабинет, если он будет сформирован усилиями оппозиции, в первую очередь, младорадикалов и напредняков, будет, по его мнению, неукоснительно следовать нынешнему внешнеполитическому курсу Сербии. По словам Пашича, решение о необходимости отставки будет принято после всестороннего обсуждения данного вопроса в Совете министров, а непосредственным предлогом должно послужить прошение об отставке, поданное военным министром генералом М. Божановичем, ввиду отказа правительства утвердить представленную им смету военных расходов[80].

На заседании Скупщины 29 декабря 1913 г., несмотря на демонстративное отсутствие всех депутатов от оппозиционного блока, правительству Пашича удалось собрать необходимый кворум и провести через парламент законопроект о государственном бюджете, который получил одобрение 85 депутатов при одном голосе «против»[81]. Однако после окончания заседания представители трех оппозиционных партий (Либеральной, Младорадикальной и Напредняцкой) имели беседу с Пашичем, в ходе которой поставили его в известность, что они будут неукоснительно придерживаться избранной ими тактики обструкций, направленной на срыв нормальной работы законодательного органа[82].

---

[79] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 458.

[80] Там же. Л. 461. Генерал Божанович, отличившийся в качестве командира Дунайской дивизии в бою под Куманово, был назначен военным министром Сербии в январе 1913 г. после отставки с этого поста, вследствие разногласий с воеводой Путником, его предшественника полковника П. Бойовича.

[81] Там же. Л. 462.

[82] Там же.

inslav

В этих условиях, на следующий день, 30 декабря, утром, старорадикальный кабинет подал королю прошение об отставке. Сразу вслед за этим шагом Пашич побывал в российской дипломатической миссии, где сообщил Гартвигу о принятом решении[83]. К этому моменту российский посланник уже имел на руках секретную телеграмму Сазонова, датированную 29 декабря, в которой министр иностранных дел России аргументировал позицию российского правительства, считавшего желательным сохранение у власти кабинета Пашича. Сазонов отмечал, что в МИД России полностью разделяют опасения самого Гартвига относительно оставления Пашичем своего поста при далеко еще не выяснившейся внешнеполитической обстановке. По его словам, существовала реальная опасность возникновения на Балканах новых осложнений, которые могли потребовать использования политического опыта и выдержки главы Старорадикальной партии, которые сыграли свою позитивную роль в событиях осени 1913 г., связанных с ультиматумом Австро-Венгрии, и не позволили произойти непоправимым для самой Сербии событиям[84].

Пашич был глубоко тронут высокой оценкой его деятельности на посту главы сербского правительства, однако твердо заявил Гартвигу, что обязан подать в отставку в силу конституционного порядка, но что вопрос о власти тем не менее еще не решен, ибо окончательное заключение будет зависеть от короля. Пашич процитировал российскому посланнику текст представленной им монарху докладной записки, в которой намечался оптимальный, с его точки зрения, выход их создавшегося положения: «В случае желания его величества оставить у власти правительство, пользующееся доверием большинства народных представителей, представлялось бы необходимым распустить Скупщину и назначить новые выборы»[85]. Со своей стороны, Гартвиг рекомендовал Пашичу довести содержание вышеуказанной телеграммы Сазонова до сведения короля, с которым у него была назначена аудиенция на 4 часа в тот же день[86].

В ходе данной аудиенции король Петр заявил Пашичу, что лично он испытывает по отношению к нему доверие и желает оставить у власти его кабинет. Тем не менее, согласно Конституции, он должен обсудить вопрос о сформировании нового правительства с лидерами оппозиционных партий[87].

В результате переговоров король, на основании сделанного им вывода о невозможности для оппозиции образовать работоспособ-

[83] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 460, 462.
[84] Там же. Л. 462.
[85] Там же.
[86] Там же. Л. 464.
[87] Там же. Л. 462; Д. 2912. Л. 13.

inslav

ный кабинет, поручил Пашичу продолжать исполнять обязанности председателя Совета министров. Король также предоставил ему право ходатайствовать о роспуске данного состава Скупщины, если оппозиция не изменит своей тактики после возобновления парламентской сессии. Встретившись затем с российским посланником в Белграде, Пашич настоятельно просил его передать Сазонову искреннюю признательность за высокую оценку своей деятельности[88].

3 января 1914 г. кабинет Пашича, после обсуждения вопроса в Старорадикальном клубе и на заседании Совета министров, принял окончательное решение продолжать функционировать в своем полном составе, за исключением военного министра, вопрос о преемнике которого должен был быть решен дополнительно[89].

На заседании Скупщины 4 января, несмотря на продолжавшееся отсутствие депутатов от оппозиции, 88 голосами против 1 был утвержден предложенный правительством законопроект об ассигнованиях, необходимых ему на обустройство новых областей. Вслед за этим в работе высшего законодательного органа страны был объявлен перерыв до 4 февраля 1914 г.[90].

Еще одно обострение политической обстановки в Сербии произошло в мае 1914 г., когда отношения между правительством Пашича и оппозиционными партиями вновь осложнились по причине обострения ситуации в присоединенных областях. Пашич вновь заявил о своем намерении подать в отставку, но на некоторое время воздержался от осуществления данного шага, во многом под влиянием неоднократных консультаций с российским посланником. Гартвиг указывал ему на то неблагоприятное впечатление, которое произведет на российское правительство его уход в отставку до окончательного разрешения важных вопросов, связанных с международным положением Сербии[91].

Тем временем ситуация в Скупщине еще более накалилась. Резкие взаимные обвинения, которыми в ходе заседаний обменивались депутаты, представлявшие различные политические партии, привели к оформлению оппозиционного блока (ядро которого составили младорадикалы, сплотившие вокруг себя представителей других групп), решившего продолжать бороться с правительством испытанным методом обструкций, покидая зал при открытии каждого заседания, начиная с 22 мая 1914 г. Формально у правительства имелся достаточный для работы кворум, но его незначительность создавала угрозу срыва работы парламента в любой момент.

---

[88] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 13.
[89] Там же. Д. 531. Л. 464.
[90] Там же. Л. 465.
[91] Там же. Л. 20.

inslav

Потерпев неудачу в своих попытках 22–23 мая добиться компромиссного решения с руководителями оппозиционных фракций, Пашич принял решение предложить королю распустить Скупщину и назначить новые парламентские выборы, предоставив королю право решать, какое правительство будет функционировать в стране на период выборов — нынешнее во главе с Пашичем или коалиционный кабинет, образованный оппозиционным блоком. Однако, в любом случае, проведение выборов в этот период встретило бы серьезные затруднения чисто практического свойства: в аграрной Сербии наступил сезон полевых работ[92].

В последующие дни оппозиционные партии продолжали прибегать к обструкциям, блокировавшим нормальную деятельность Скупщины. В результате этого после неоднократных попыток организовать работу парламента с имевшимся у правительства большинством в два голоса Пашич вынужден был прекратить свои усилия. 2 июня 1914 г. он подал королю письменное прошение об отставке всего кабинета[93].

Переговоры короля с лидерами парламентских фракций продолжались более недели. Первым на аудиенцию был приглашен председатель Скупщины, член Старорадикальной партии А. Николич, который категорически отказался от формирования кабинета из членов своей партии и указал королю на желательность призвания к власти оппозиционного блока как на лучший выход из создавшегося затруднительного положения. Аналогичные заявления в смысле отказа от создания правительства были сделаны также лидерами Напредняцкой и Либеральной партий. Иную позицию заняли младорадикалы. Они выразили готовность силами своей партии образовать новый кабинет, тем самым непроизвольно нарушив планы оппозиционного блока создать коалиционное правительство. Король согласился предоставить право образования нового правительства Сербии младорадикалам, но поручил их лидеру Л. Давидовичу предварительно представить на его рассмотрение политическую программу будущего кабинета.

В ходе рассмотрения данной программы король нашел ее несостоятельной и в результате принял решение вновь призвать к власти Пашича, который, восстановив свой кабинет в прежнем составе, получил одновременно согласие на роспуск Скупщины и проведение досрочных парламентских выборов[94]. В течение нескольких дней Скупщине удалось, в условиях продолжающейся обструкции, используя голоса депутатов-старорадикалов, присутствовавших в полном соста-

[92] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 20, 24.
[93] Там же. Л. 21, 24.
[94] Там же. Л. 24.

inslav

ве, принять ряд не терпящих отлагательства законопроектов, в том числе закон о дополнительных кредитах на военные нужды, без которых военное министерство оказалось бы в крайне затруднительном положении[95].

На последнем заседании парламента, состоявшемся 24 июня 1914 г., был зачитан указ короля о роспуске Скупщины, о назначении новых парламентских выборов на 14 августа и о созыве чрезвычайной сессии нового состава высшего законодательного органа Сербии 23 сентября 1914 г.[96]. Однако этим выборам уже не суждено было состояться из-за начавшейся Первой мировой войны.

[95] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 24, 31.
[96] Там же. Л. 27, 31.

inslav

Черногория в начале XX в.

Новые тенденции в социально-экономическом развитии Черногории в начале XX в. В начале века аграрная отрасль осталась полунатуральной, низкоурожайной, не оснащенной техникой. Сельское население значительно превышало городское. В 1909 г. в Черногории проживало около 222 тыс. жителей, из них только 15,57 % — в городах[1]. Голод случался в Черногории столь же часто, как и прежде, — в 1900, 1903, 1904, 1911, 1913 гг.[2]. Княжеское правительство, желая помочь народу, снова и снова заключало займы за границей, пыталось вести общественные работы для того, чтобы дать возможность заработать голодающим. Эти меры приносили кратковременное облегчение, но не меняли экономическую ситуацию в принципе.

Попытки интенсификации сельского хозяйства в начале XX в. были очень скромными. В 1909 г. сдвинулось с мертвой точки дело строительства мелиоративных сооружений в окрестностях Скадарского озера, начатое еще в конце XIX в.[3]. Работой руководил российский военный инженер Болотов. Ему пришлось приложить максимум усилий, чтобы преодолеть и сопротивление турецких пограничных властей, и непонимание со стороны черногорских чиновников, не столько помогавших, сколько мешавших ходу строительства.

В другой аграрной отрасли, скотоводстве, также наблюдался застой. Традиционно черногорцы торговали скотом с соседями — турками и австрийцами из приграничных областей. На эту торговлю продолжала «давить» политическая ситуация, нередко австрийские и реже турецкие чиновники чинили помехи старинным хозяйственным связям, давая понять княжескому правительству, насколько всё зависит от их расположения. Некоторому оживлению внутренней торговли способствовало дальнейшее развитие транспортной сети. К началу XX в. было построено 464 км дорог. Однако, к сожалению, так и не удалось преодолеть предубеждение черногорцев против занятий торговлей.

---

[1] *Булајић Ж.* Аграрни односи у Црној Гори (1878–1912). Титоград, 1959. С. 16.

[2] Архивско одељење Народног музеја Црне Горе (далее — АОНМЦГ). Ф. Књаза и Краља Николе. Ф. Приновљени рукописи; Архивска грађа Историјског института Црне Горе.

[3] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3371. Л. 29 об.

inslav

В 1907 г. было основано крупное по меркам Черногории акционерное торговое общество в Никшиче, обороты которого ежегодно возрастали. Также энергично, как в последней трети XIX в., власти продолжили заключать торговые договоры с зарубежными партнерами, но большей частью эти соглашения оставались на бумаге. Установленные по иностранным образцам тарифы не столько поощряли, сколько стесняли черногорских купцов. К тому же тарифы постоянно росли, что провоцировало рост внутренних цен. Покупательская способность простых черногорцев, напротив, почти не увеличивалась. Население было вынуждено нарушать предписания правительства, прибегая к услугам контрабандистов[4].

Торговая и таможенная политика были неразрывно связаны со становлением собственного денежного обращения. Еще в конце XIX в. в стране ходили иностранные, в основном австрийские деньги. Долгое время Австро-Венгрия мешала черногорцам узаконить собственную валюту, но князь Никола проявил настойчивость и добился заключения в 1911 г. монетарной конвенции, по которой австрийцы признали право использовать черногорские перперы на рынках империи[5]. Правда, австрийские власти пытались подорвать их курс, скупая черногорские золотые монеты и переливая их в собственные деньги. Но эта недружественная политика не имела особого успеха. Введение в оборот национальной валюты способствовало возникновению небольших банков и сберегательных обществ в Цетинье, Подгорице, Никшиче и других городах.

В то же время задача улучшения финансового положения страны и избавления от огромного внешнего долга оказалась неразрешимой для черногорского правительства. К началу XX в. положение в финансовой сфере стало безнадежным. Российский министр-резидент К. А. Губастов доносил в Петербург: «Все решительно, начиная с княжеской семьи и до последнего писаря, живут в долг, не платя ни одного, даже самого ничтожного счета…»[6]. Российское министерство финансов, много лет выплачивавшее субсидии и погашавшее черногорские долги, командировало в Черногорию чиновника по особым поручениям Миллера. Он прибыл в Цетинье в январе 1900 г., чтобы на месте разобраться в причинах нарастающих финансовых трудностей. Выводы, сделанные инспектором, сводились к тому, что в княжестве не было бюджета, единой кассы и эффективного контроля над денежными тратами. Министерство финансов Черногории, в

[4] *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. СПб., 1915. С. 84–86.

[5] Монетарна конвенција између Црне Горе и Аустро-Угарске са изјавом, Цетиње 13/26. септембар 1911 // *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878—1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992. С. 654–661.

[6] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3350. Л. 2.

inslav

сущности, не управляло этой сферой, а просто выполняло приказы князя Николы, который расходовал гораздо больше, чем позволяли доходы страны.

По настоянию России в 1901 г. началась финансовая реформа, был издан закон о государственном бюджете, в котором говорилось не только о принципах расходования народных средств, но и об условиях получения кредитов. Также был принят закон о Главном государственном контроле, обязанностью которого было наблюдение за исполнением бюджета. Однако практика осталась прежней, княжеское семейство продолжало тратить казну бесконтрольно и слишком широко. Так, в 1903 г., по утверждению тогдашнего министра финансов Черногории Л. Миюшковича, четверть всех государственных средств ушла на содержание двора[7].

У руководителей российской миссии в Цетинье уже не было сомнений, что оздоровление черногорской казны не удалось. Такие мысли иногда посещали и ближайшее окружение Николы. Например, престолонаследник Данило заявил министру-резиденту Щеглову: «…Щедрая помощь, бесконтрольно оказываемая Россией княжеству, действует развращающим образом на советников князя Николая, так как она приучает их к мысли, что можно безнаказанно направлять дела вкривь и вкось, ибо все равно великая покровительница Черногории поможет ей в критическую минуту»[8].

Ремесло и промышленность развивались крайне медленно. Небольшие предприятия, основанные в начале XX в., не могли обеспечить страну нужным ассортиментом товаров и не располагали достаточным количеством рабочих мест. П. А. Ровинский писал: «Вследствие такого отсутствия всякого подспорья сельскому хозяйству является поголовная задолженность, а после и окончательная несостоятельность, и каждый номер официального «Гласа Черногорца» полон объявлений о продаже земельных участков с аукциона. Замечается быстрое обеднение многих и возникновение пролетариата…»[9].

Единственным близким соседом, проявившим готовность инвестировать в то время средства в экономику княжества, оказалась Италия. В начале XX в. итальянские предприниматели (Дж. Вольпи и др.) выразили желание построить железную дорогу от Вирпазара до Бара. Одновременно началось строительство порта в самом Баре. К 1906 г. было налажено регулярное морское сообщение между Италией и Черногорией[10].

---

[7] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3350. Л. 193 об.
[8] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. 1903. Фас. LIA.
[9] *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. С. 68–89.
[10] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3370. Л. 223.

inslav

Примечательно, что российские дипломаты, боявшиеся распространения итальянского влияния среди югославян, не хотели признавать успехов совместных итало-черногорских начинаний. В своих донесениях сотрудники российской миссии в Цетинье отмечали неудовлетворительное качество транспортных услуг, предоставляемых итальянскими компаниями. Однако именно благодаря Италии в Черногории появилась первая железная дорога, имевшая важное хозяйственное значение.

За свои услуги итальянские предприниматели попросили у князя Николы передать им концессию на производство и реализацию всего черногорского табака. Князю было обещано, что вскоре будет выстроена табачная фабрика, на которой найдут работу бедняки и которая обеспечит стабильные поступления в княжескую казну. Синдикат Дж. Вольпи получил право монопольно устанавливать цены на продукцию, обеспечив себе тем самым весьма высокие прибыли. Однако рядовые черногорцы серьезно пострадали от этой монополии. Цены, назначенные синдикатом, были разорительными для производителей. Нередко в знак протеста сельчане уничтожали выращенный табак, показывая тем самым, какие убытки они несут. Единственным человеком, который по условиям концессионного договора мог вмешаться в дела синдиката, был княжеский министр финансов Л. Миюшкович. Итальянские владельцы компании предусмотрительно ввели его в административный совет своего предприятия и не сомневались, что чиновник будет на их стороне.

Так же ловко были «нейтрализованы» местные власти. Секретарь российской миссии П.А. Лобачев писал, что «дельцы-итальянцы…, покупая табак у какого-нибудь главаря, оплачивают его гораздо выше, чем табак, получаемый от простого черногорца»[11]. Следствием такой ценовой политики было редкостное рвение местной администрации, встававшей на защиту интересов синдиката. Были созданы специальные полицейские отряды, следившие за земляками. Они должны были пресекать любые попытки самостоятельно выращивать или реализовывать табак. Возмущение рядовых производителей сырья для табачной фабрики просто игнорировали. Иногда дело доходило до насилия. П.А. Ровинский писал: «Народ протестовал, были побоища, совершилось и одно убийство; тюрьмы стали наполняться нарушителями закона о монополии»[12].

Прошло несколько лет после заключения договора с итальянской компанией, и князь Никола стал чувствовать себя обманутым. Время шло, а обещанных прибылей в казну не поступало. К тому же оказалось, что от итальянских партнеров не так легко отделаться. Ми-

[11] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3370. Л. 128 об.
[12] *Ровинский П.А.* Черногория… Т. III. С. 81–82.

inslav

нистр Г. Вукович с возмущением отмечал, что концессия была дана на 15 лет, незаметно ее продлили до 25-ти, а итальянцы вели дело так, что не было надежды избавиться от нее и через 30 лет[13]. Черногорский монарх стал намекать русским дипломатам в Цетинье, что нуждается в их поддержке, чтобы отказаться от невыгодного договора. Но российские кураторы заняли позицию невмешательства, часто напоминая, как предостерегали черногорский двор от необдуманных соглашений[14]. Было очевидно, что первый концессионный договор, заключенный черногорским правительством, себя не оправдал.

Народ ответил на неспособность правительства обеспечить экономический подъем единственным возможным тогда способом — началась массовая эмиграция черногорцев в Америку. Министр-резидент П.М. Власов сообщал в Петербург: «В последнее время замечается значительное усиление эмиграционного движения среди черногорцев. Княжеское министерство иностранных дел завалено просьбами о выдаче паспортов, но выдает таковые, не стесняя просителей формальностями, из чего следует заключить, что если оно не поощряет прямо этого движения, то, тем не менее, и не имеет ничего против оного, вероятно, в целях как избавиться от недовольного элемента и опасного пролетариата, так и возможности приобрести за бесценок их земли и другое недвижимое имущество…»[15].

В 1905 г. поверенный в делах Ю.Я. Соловьев доносил: «Уходят обыкновенно молодые люди, и тем редеют ряды защитников родины в случае войны, а народное хозяйство лишается стольких же рабочих сил. По подсчетам г. Миюшковича, за последние годы ушло свыше 10 000 человек; почти треть всего числа в Черногории молодых людей от 20–25 лет»[16]. В 1906 г. поверенный в делах в Цетинье Е.Ф. Штейн прямо назвал массовую эмиграцию особой формой протеста[17]. В 1907 г. министр-резидент П.В. Максимов высказался еще категоричнее: «Этот массовый побег стал походить как бы на политическую забастовку». Максимов утверждал, что за границей уже около 20 тыс. человек: «Мне лично приходилось беседовать с переселенцами, — писал он, — о причинах их ухода, и все они прямо заявляли, что правительство с них берет только непосильные подати, а взамен ничего народу не возвращает»[18].

Отсутствие стратегии экономического развития и квалифицированных управленческих кадров, жизнь в долг, постоянно грозившее

---

[13] *Вуковић Г.* Мемоари. Из дипломатских односа Црне Горе. Ч. 3. Цетиње-Титоград, б/г. С. 118.
[14] АВПРИ.Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3370. Л. 130.
[15] АОНМЦГ. Ф. Принов. рукописи. 1902. Фас. L.
[16] Там же. 1905. Фас. LIV.
[17] Там же. 1906. Фас. LIVБ.
[18] Там же. 1907. Фас. LVIX.

inslav

банкротство загнали Черногорию в такой тупик, из которого не видели выхода ни правящие слои, ни их российские покровители, ни сам народ. Молодежь уезжала из страны, будущее которой виделось все мрачнее.

* * *

Попытки реформировать органы управления в начале XX в. Конституция 1905 г. и становление черногорского парламентаризма. В 1901–1903 гг. была предпринята попытка качественно изменить работу государственного аппарата Черногории. Князь Никола собрал в своем дворце крупных чиновников, племенных старейшин, представителей иностранных государств и торжественно объявил о начале структурных реформ, цель которых заключалась в том, чтобы создать новые центральные и местные органы власти, соответствовавшие тогдашним европейским стандартам. После этого были приняты законы о Государственном совете, Совете министров, Великом суде, порядке престолонаследия, государственной службе, налогах и сборах, о государственном бюджете, Главном государственном контроле и др.

Перестройка госучреждений сверху вниз пошла полным ходом. Особенно важной была административная реформа, призванная искоренить остатки племенного сепаратизма. Вместо старых племенных порядков вводилась новая система управления на местах, в ее основе лежало разделение страны на области и округа, в которые входили города и села. Во главе области стоял губернатор, округ возглавлял окружной начальник — капитан. Во главе городской администрации назначался градоначальник, в селах выбирались общинные советы.

По мнению П. А. Ровинского, реформы 1901–1903 гг. не создали новую государственную машину, а отрегулировали работу прежней, произошло уточнение функций и полномочий всех органов власти. Высшее чиновничество заметно «помолодело», племенные вожаки уходили с политической сцены. Однако власть, как считал Ровинский, не стала ближе к народу, который все больше «превращается в слепое орудие правительства»[19]. Российские дипломаты, работавшие в Цетинье, тоже скептически отзывались о нововведениях и о качестве работы черногорских государственных органов.

Административные нововведения сочетались с попыткой судебной реформы. Новое законодательство вводило на местах окружные и областные суды, высшей инстанцией по-прежнему был столичный Великий суд, последним звеном в цепи судопроизводства остался князь Никола. Он не отказался от привычки вмешиваться в дела суда, тем самым перечеркивал свое же начинание.

[19] АОНМЦГ. Ф. Принов. рукописи. 1907. Фас. LVIX. Т. III. С. 79.

inslav

Один за другим руководители российской миссии в Цетинье доводили до сведения своих министров, что не стоит рассчитывать на последовательность черногорской элиты. К. А. Губастов писал о князе Николе: «Он мало способен к усидчивому труду; не может сосредоточить своего внимания при продолжительном обсуждении новых законов, положений и пр.»[20]. По мнению П. М. Власова, за всякое новое дело (например, за проведение реформ) черногорские руководители брались с горячностью и энтузиазмом, искренне веря в быстрый успех. Но при первых же затруднениях теряли интерес к затеянным мероприятиям и увлекались новыми планами. Неусидчивость и поверхностность в характере черногорцев отметил и П. А. Ровинский.

Не успела Черногория привыкнуть к новым органам власти и управления, как был сделан еще один шаг вперед. 18 октября 1905 г., на следующий день после того, как русский царь Николай II опубликовал Манифест об усовершенствовании государственного порядка, князь Никола тоже обратился к своим подданным с заявлением. Он обещал собрать в Цетинье народных представителей «в целях лучшего устройства государственных дел». Никола отметил, что в течение 45 лет правления он взращивал новое поколение, которому можно будет предоставить право участвовать в народных делах и управлении, как это делают передовые народы. По словам господаря, и для патриархальной Черногории настало время обратиться к такому опыту[21].

Отношение к конституционным планам в народе было сложное. Большинство сельского населения, далекого от политики, вело себя пассивно, почти равнодушно, о чем писал П. А. Ровинский. Не приветствовали нововведений люди старшего поколения, составлявшие племенную верхушку. При дворе, напротив, были силы, подталкивавшие господаря ввести конституционный строй — это был старший сын князя Данило, которого поддерживали влиятельный политик Л. Миюшкович и другие представители элиты, возможно, считавшие, что страна должна как можно скорее пройти «процедуру» европеизации. Мотивы этой группы руководителей трудно оценить по сохранившимся архивным материалам.

Заметную роль в демократизации общественной и политической жизни страны сыграло черногорское студенчество, получавшее образование за границей. Его политические предпочтения были очевидны. Особую заинтересованность в переменах выражали студенты из Белграда, которые часто критиковали авторитарные порядки на родине и настаивали на политических реформах.

---

[20] *Хлебникова В. Б.* Российский дипломат К. А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900» // Славяноведение. 1997. № 5. С. 49.

[21] *Никола I Петровић Његош.* Говори. Цетиње, 1969.

inslav

В декабре 1905 г. монарх опубликовал Избирательный закон и собрал своего рода Учредительное собрание — особую Скупщину, которая должна была одобрить дарованную им Конституцию. Выборы в учредительную Скупщину прошли в ноябре 1905 г., в начале декабря она открылась. Законодательным это собрание не было, однако его состав заслуживает интереса: 22 офицера, 12 окружных начальников, 11 штатских чиновников, 1 инженер, 1 учитель, 1 пенсионер (бывший начальник полиции), 4 православных священника и 1 католический, 11 человек из торговой и других сфер экономики. То есть, среди народных избранников явно преобладали военные и гражданские чиновники. Собирая их, князь не сомневался в полном послушании и был несколько удивлен тем, что депутаты проявили особое внимание к положениям Конституции, в которых речь шла о его праве досрочно распускать будущие парламенты. Тем не менее, в целом дарование Устава прошло гладко, споров о содержании Конституции власть не допустила.

Октроированная Конституция вступила в силу 6 декабря 1905 г. Она объявила Черногорию наследственной конституционной монархией. Князь обладал высшей властью, неприкосновенностью, никому не подчинялся и не должен был давать отчета о своих действиях (ст. 2). Законодательную власть князь делил с парламентом — Скупщиной, из которой законы поступали на утверждение к монарху, ему принадлежало право промульгации законов. Князь собирал и распускал Скупщину, которую предстояло выбирать каждые 4 года (ст. 17, 42, 43). Князь мог отложить созыв Скупщины, но не больше, чем на три месяца; мог досрочно распустить парламент; лично принять решение, имеющее силу закона, если Скупщина распущена или еще не собралась. Полномочия Скупщины сводились, главным образом, к вопросам формирования бюджета и налогообложения (ст. 75, 77)[22].

Исполнительная власть принадлежала монарху в полном объеме. По Конституции князь объявлялся верховным главнокомандующим (ст. 5) и главой дипломатии (ст. 7), назначал и смещал всех должностных лиц (ст. 8), жаловал чины, награды, титулы, имел право амнистии (ст. 9–13). Еще несколько статей Конституции регламентировали правовой статус членов княжеской семьи. Также уточнялось уже сложившееся административное устройство Черногории (ст. 36, 37), регламентировалась государственная символика (ст. 38). Конституция закрепила прямые выборы, к которым допускалось все мужское население без имущественного ценза (ст. 48). В ней были положения о свободе всех вероисповеданий и защите всех религий в княжестве (ст. 6). Вводилась презумпция невиновности и состязательный суд

[22] Устав за Књажевину Црну Гору. Цетиње, 1905.

inslav

(ст. 200, 201). Смертная казнь отменялась, исключение делалось только для военных преступников и для тех, кто станет покушаться на жизнь монарха и членов его семьи. В Конституции говорилось о неприкосновенности жилища, свободе слова и отмене цензуры, тайне переписки, праве на проведение собраний и создание общественных организаций, праве подавать петиции.

Содержание названных статей позволяет говорить о либеральном характере Конституции Черногории. Она была составлена вполне в духе того времени и напоминала многие октроированные конституции Европы. Например, ее можно сравнивать с Основными государственными законами Российской империи 1906 г., которые приблизительно также трактовали соотношение различных ветвей власти.

В начале 1906 г. началась подготовка к выборам в первую полноценную законодательную Скупщину. В стране еще не было политических партий, которые могли бы предложить избирателям предвыборные программы. Поэтому окружение князя стало издавать газету «Уставност» («Конституционность»), на страницах которой разъяснялись основы конституционного порядка. «Уж и наскучила же она всем своими поучениями!» — так оценил трехмесячную работу газеты П. А. Ровинский[23].

Одновременно в сентябре 1906 г. в Никшиче представители немногочисленной черногорской интеллигенции стали выпускать газету «Народна мисао» («Народная мысль»). Редколлегия газеты обращала внимание читателей не только на просчеты и упущения властей, но и на то, что, не дождавшись открытия парламента, правительство наспех приняло несколько законов (например, о деятельности итальянских компаний), серьезно затрагивавших интересы населения. По мнению редколлегии, такие важные вопросы должны были решать те, кого выберет и уполномочит сам черногорский народ.

Современники, сравнивавшие два издания, считали, что интереснее и содержательнее выглядела «Народна мисао». По словам российского дипломата Е. Ф. Штейна, «Уставност» «рекламировала все казенные мероприятия, восхваляя мудрость Господаря», а «Народна мисао» выпустила несколько весьма интересных номеров, в которых «приступила к просвещению своих читателей о положении разнообразнейших отраслей народной жизни и хозяйства с попутной критикой правительственных по ним распоряжений и упущений»[24].

Никола сразу уловил опасные для себя тенденции и серьезно встревожился из-за того, что далеко не все одобряли его политический курс. Он совершил поездку в Никшич и соседние населенные

---

[23] *Ровинский П. А.* Черногория… Т. III. С. 104.

[24] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. Фасц. LIVБ. 1906. Донесение № 52 от 20 сентября 1906 г.

inslav

пункты, выступил перед народом и призвал «не поддаваться наущениям недовольных; пуще всего остерегаться школьных учителей, литераторов и журналистов, и горячо советовал производить выборы из сословия чиновного — блюстителя законности и порядка, и военного — носителя боевой славы страны и оплота ее безопасности»[25].

Начало работы первого полноценного черногорского парламента совпало по времени с судебным разбирательством о клевете, которое затеяло правительство против черногорских студентов, обучавшихся в Сербии. Молодые люди в брошюрах от 8 ноября 1905 г. и 7 апреля 1906 г. позволили себе такие серьезные обвинения в коррупции и злоупотреблениях в адрес высшей власти, что оставить их без ответа было невозможно. Обвиняемые специально приехали из Белграда, чтобы публично защищать свою точку зрения. Слушанья состоялись 11 октября 1906 г., они шли в здании окружного суда. Зал и коридоры были переполнены публикой, интерес к делу был так велик, что еще до начала процесса князь занял примирительную позицию.

Суду пришлось ограничиться формальным выговором и отпустить обвиняемых. Их встретила толпа сочувствовавших, устроивших вечером манифестацию под окнами княжеского дворца. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Да здравствует правосудие!», «Да здравствует князь!». Никола заранее отдал приказ не разгонять демонстрантов, а когда толпа собралась под его окнами, он вышел к народу и провозгласил: «Да здравствует молодежь!»[26]. Такое внешне доброжелательное поведение Николы пошло на пользу властям. Студентам пришлось благодарить князя и даже принять от него небольшую денежную помощь. Этот эпизод, с одной стороны, показал, до какой степени накалились политические страсти в стране еще до того, как Скупщина приступила к обсуждению животрепещущих проблем. С другой стороны, он характеризует князя Николу как опытного и хитроумного политика, умевшего даже поражение делать своей победой.

Выборы в Скупщину прошли в сентябре 1906 г., их результат оказался таким: 22 чиновника, из них — 9 юристов и 2 врача, 4 православных священника и 1 мусульманский, 14 пенсионеров — бывших госслужащих, 17 человек из других сфер. Кроме того по Конституции в работе Скупщины участвовали главы трех религиозных общин (митрополит, архиепископ и муфтий), члены Госсовета, председатели Великого суда и Государственного контроля, а также три назначенных князем военачальника. Эти «парламентарии по служебному положению» являлись противовесом выбранным депутатам, составляли фактически не предусмотренную Конституцией верхнюю палату парламента.

---

[25] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. Донесение Е. Ф. Штейна № 49 от 10 сентября 1906 г.

[26] *Ровинский П. А.* Черногория… Т. III.С. 111–117.

inslav

В октябре 1906 г. работа Скупщины началась торжественной тронной речью монарха, выразившего надежду на успех своих нововведений. Однако даже однородный состав депутатов не смог обеспечить двору их полного послушания. Скупщина сразу же обнаружила, по меткому замечанию Е. Ф. Штейна, «задорный характер». Будучи неискушенными в вопросах политической тактики, представители народа сначала вели себя так же прямолинейно, как на племенном собрании: отважно критиковали правительство, устраивали обструкции непопулярным министрам, требовали провести ревизию государственных финансов и т. д. «Среди неистового шума по адресу министерства слышались крики: воры, мошенники, кровопийцы; одни кричали, чтобы их немедленно вытолкали в шею, другие, чтобы они предварительно дали в своих действиях полный отчет и уже после этого убирались подобру-поздорову.

Министры пробовали что-то возражать, но их голоса были заглушены такой отборной руганью, что председатель счел своевременным положить конец начинавшемуся скандалу, объявив перерыв, после которого заседание в этот день возобновлено не было», — описывал Е. Ф. Штейн первые рабочие дни черногорского парламента[27]. Чрезмерную эмоциональность выступлений депутатов отметил и П. А. Ровинский, регулярно посещавший заседания Скупщины. Вместе с тем ученый наблюдал, как народные избранники без труда овладевали новыми для них парламентскими протоколом, регламентом, процедурами. Он считал, что на помощь пришли старинные обычаи: «Внешнюю сторону парламентаризма черногорская скупщина усвоила себе очень легко, может быть, благодаря тому, что у черногорцев исстари существовали скупщины, на которых всегда был порядок и совершенно свободные отношения между ее членами без различия, были то главари или простые черногорцы»[28].

Сначала князь Никола демонстрировал готовность прислушиваться к мнению парламента. В отставку было отправлено правительство Л. Миюшковича, обвиненное в некомпетентности и злоупотреблениях. Был сформирован кабинет М. Радуловича, пользовавшийся доверием депутатов, но не встретивший поддержки своих инициатив у монарха. В январе 1907 г. этот кабинет подал в отставку, снова было сформировано правительство, поддержанное большинством депутатов, во главе которого встал А. Радович. Оно продержалось у власти только два месяца, главным образом потому, что двор не стремился к конструктивному сотрудничеству с министрами, кандидатуры которых выдвинула оппозиционно настроенная Скупщина.

---

[27] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. Донесение Е. Ф. Штейна № 69 от 10 ноября 1906 г.

[28] *Ровинский П. А.* Черногория… Т. III. С. 132.

inslav

* * *

Появление политических партий в Черногории и обострение политической борьбы. К марту 1907 г. практически сформировались две политические партии. Одна из них стала называться Народная партия, она представляла большинство в Скупщине первого созыва. Эта партия основала первый в истории Черногории политический клуб, поэтому ее сторонников в народе называли «клубаши». Состав партии был причудливым, в нем четко выделились два разнородных компонента. Во-первых, это были высокопоставленные в прошлом государственные фигуры, которые находились в опале по двум причинам: либо они не справились со служебными обязанностями, либо, что случалось гораздо чаще, навлекли на себя гнев князя Николы неосторожными поступками и высказываниями. В качестве примера можно назвать родственника черногорского правителя воеводу Ш. Петровича, крупнейшего землевладельца Черногории, бывшего воеводу Л. Сочицу, отставного министра иностранных дел Г. Вуковича. Такие члены партии позволяли себе критиковать действующее правительство за то, что сами делали или допускали, будучи во власти. В их критике было много личного и субъективного. По наблюдениям российского министра-резидента П. В. Максимова, они были похожи на тех, кто умышленно разжигает страсти, а не на тех, кто защищает своих избирателей. Став членами Народной партии, эти люди пошли по проторенному пути политических спекуляций, обмана, фальши. В частности, распространялись слухи, что Россия не станет выплачивать никаких субсидий до тех пор, пока они не станут министрами[29]. Такие деятели скорее нанесли урон авторитету своей партии, чем помогли ей набрать силу и опыт.

Второй составляющей Народной партии стали более-менее молодые люди, не имевшие в прошлом никакого отношения к правительству. Их репутация не была запятнана политическими скандалами и сомнительными методами борьбы. По профессии это были те самые «учителя, литераторы и журналисты», сторониться которых призывал князь Никола. Политическую карьеру они начинали обычно как сотрудники редколлегии газеты «Народна мисао». Самые типичные примеры — секретарь окружного суда С. Пилетич или учитель Я. Тошкович. Оба оставили мемуары о времени, когда их партия появилась и была разгромлена властями[30], оба позже подвергались

[29] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. Фасц. LVA. 1907 (I). Донесение П. В. Максимова № 52 от 10 ноября 1907 г.

[30] Прибиљешке о Црној Гори. Рад Спасоја Пилетића // Историјски институт Црне Горе. Архивска грађа. Фасц. 266; *Тошковић Ј.* Мемоари. Биљешка из уставне владавине краља Николе и њеног трагичног свршетка од 1905 до 1918. Цетиње, 1971.

inslav

политическим репрессиям. Отличительной чертой молодого поколения Народной партии была искренняя вера в возможность демократического развития Черногории. Они слишком серьезно отнеслись к октроированной Конституции и поверили в возможности парламентаризма. К тому же они явно недооценивали властолюбия и жестокости черногорского монарха. Их политическая неопытность, вообще свойственная молодости, сделала их почти беззащитными перед правительством и позже подтолкнула к роковым ошибкам, вроде увлечения политическим террором.

Под влиянием молодых политиков Народная партия сформулировала основные положения своей программы, главным пунктом которой стал вопрос об ответственном кабинете. Конечно, неискушенные руководители «народников» не сформулировали этого тезиса четко и ясно. Но они твердо настаивали на парламентском расследовании деятельности предыдущего правительства (это расследование тогда называли «анкетой»), на наказании тех чиновников, которые нарушили закон, и на том, чтобы впредь к власти допускались люди, репутация которых не будет вызывать сомнения у народных представителей.

Другие требования Народной партии касались хозяйства и экономического развития страны. В первую очередь, «народники» предлагали поднимать аграрную отрасль и реформировать финансовую систему. Много внимания было уделено самоуправлению общин. Еще одна актуальная задача — развитие народного просвещения, ликвидация неграмотности, создание профессиональных учебных заведений. Позже Народная партия обратила особое внимание на массовую эмиграцию черногорцев, вынужденных ехать за границу в поисках заработка. Были названы и другие наболевшие вопросы, затрагивавшие интересы широких слоев населения. Во внешней политике партия выступила за прочную дружбу с Россией и Сербией. «Народники» высказались против лавирования и попыток играть на балканских противоречиях великих держав.

Вторая политическая партия, появившаяся в Черногории после введения Конституции, стала называть себя Истинная народная партия. В народе ее называли «вирилцы», видимо, потому, что она состояла из официальных лиц, пользовавшихся доверием монарха и заседавших в парламенте в силу своего служебного положения. Ее душой и строителем был лично князь, который оказался самым опытным из всех черногорцев политиком. Появление активной оппозиции заставило Николу действовать стремительно и жестко. Он сделал опорой своей партии тех, кто заседал в Скупщине «по положению». Так как это были чиновники высшего ранга, они без колебаний встали на сторону двора, понимая, что критика депутатов в первую очередь адресована именно им.

inslav

Также князь провел серьезную «организационную» работу среди оппозиции. Люди, не имевшие твердых убеждений, подверглись настоящей политической атаке со стороны правителя. Он переманивал, запугивал, подкупал тех, кто, по его мнению, составлял колеблющуюся часть зарождавшейся Народной партии, особенно депутатов, стремившихся к карьерному росту. Никола «очень умело, отчасти увещеваниями, а отчасти угрозами, не более как в три недели перевел из рядов Народной партии все недостаточно сплотившиеся с нею элементы на сторону вирильцев, так что Скупщина явилась разделенною на два почти равных лагеря», — доносил в Петербург П. В. Максимов[31].

После проведенных маневров оставалось только дезорганизовать работу Скупщины настолько, чтобы ее роспуск стал неизбежным. Так и случилось в скором времени. Еще не сформулировав никаких программных положений и не определив лица своей партии, депутаты из придворного лагеря стали бойкотировать заседания парламента, лишив его кворума. Уже в апреле 1907 г. князь приостановил работу Скупщины на три месяца. В те же дни сторонниками властей была разгромлена типография газеты «Народна мисао» в Никшиче. Вскоре парламент был распущен окончательно, на октябрь 1907 г. были назначены новые выборы.

Из предвыборных заявлений Истинной народной партии трудно было понять ее внутриполитические задачи, но ясно высветилась внешнеполитическая часть: князь и «вирилцы» заявляли, что Народная партия выполняет задание Белграда — будучи подкуплена сербским королем Петром, она добивается уничтожения династии Петровичей[32]. Поэтому себя члены Истинной народной партии считали спасителями отечества. Такие утверждения и восхваление властей заменили им политическую программу. С этого момента «сербский след» станет едва ли не главным козырем придворного окружения. Буквально каждый шаг оппозиции близкие к Николе политики станут объяснять происками Белграда.

В 1907 г. политическая борьба в княжестве вышла далеко за рамки парламентских методов. С. Пилетич описал в своих мемуарах весьма непростую обстановку в стране накануне выборов, утверждая, что на «клубашей» велась «настоящая охота»[33]. Из сел вербовали крестьян, которые составляли вооруженные отряды, патрулировали улицы городов и угрожали физической расправой членам Народной партии. В столице ее члены стали получать письма с угрозами поджога до-

[31] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. Фасц. LVIX. 1907. Донесение П. В. Максимова № 17 от 31 марта 1907 г.

[32] Там же.

[33] Прибиљешке о Црној Гори. Рад С. Пилетића. С. 68–71.

inslav

мов. Были уволены с государственной службы многие депутаты распущенной Скупщины, поддержавшие «народников». Случалось, что кандидаты Народной партии подвергались аресту в тот момент, когда шла регистрация лиц, решивших баллотироваться в парламент. То есть, некоторые политики не имели физической возможности подать соответствующие документы окружным властям. К тому же многие члены Народной партии не отвечали цензам (владение определенным имуществом или доходом в виде жалования), предусмотренным статьей 63 Закона о выборах. Напротив, кандидаты Истинной народной партии беспрепятственно занимались предвыборной агитацией, совершая частые поездки по стране. Казалось, у Народной партии не осталось шансов на то, чтобы попасть в Скупщину второго созыва.

В этот переломный момент проявился специфический фактор черногорской политической жизни, сделавший партийное строительство в княжестве непохожим на другие страны Балканского полуострова. Речь идет о племенной солидарности. Кандидат Народной партии С. Пилетич в своих мемуарах подробно рассказал, как ему удалось принять участие в выборах 1907 г. По словам автора, его племя (Пиперы), как и другие, не проявило особого интереса к нововведениям князя Николы в 1905–1906 гг. Народ не очень понимал, что такое Конституция и парламент, мало реагировал на рассуждения о преимуществах конституционной монархии, не слишком активно участвовал в первых выборах. Но после роспуска Скупщины отношение к новым политическим институтам стало меняться буквально на глазах. Племена не понимали, почему в предвыборной гонке их земляки поставлены в неравные условия по сравнению с другими кандидатами, и усмотрели в этом политическую и племенную дискриминацию.

И Пиперы решили устранить все препятствия на пути С. Пилетича в парламент. Они подарили ему участок земли с небольшим домиком и стадо овец, обеспечив таким образом «своему» политику необходимый по закону имущественный ценз. Они сами провели процедуру регистрации кандидата в депутаты, когда тот был арестован и не имел физической возможности вовремя подать документы. С. Пилетич был убежден, что поддержка, которую оказали ему земляки, свидетельствовала о пробуждении политического сознания народа и о стремлении черногорцев защитить свою политическую свободу. Можно согласиться с этим мнением с одной только оговоркой. Гражданское равенство жители Черногории приравнивали к равенству племен, соединяя старые общественные ценности (приоритет своего племени и своих сородичей) с новыми идеалами (свобода слова, мнений, выборов).

Анализируя предвыборную кампанию 1907 г., стоит обратить внимание на то, что лозунги противоборствующих сторон мало на-

inslav

поминали политическую борьбу в классическом понимании. В поведении князя и двора был налет личной обиды, оскорбленного самолюбия, задетого чувства собственного достоинства. Монарх был раздосадован критикой оппозиции не как глава государства, несущий ответственность за свой народ, а как обиженный отец большой семьи. Он был в ярости от одной мысли, что кто-то посмел осудить его действия, что есть люди, не считающие его мудрым руководителем. Для господаря это были не политические, а личные враги, и поэтому никто из них не должен был попасть в новый парламент.

Приблизительно так же выглядела и обида оппозиционеров на власть, нашедшая отражение в многочисленных мемуарах и исследованиях. Обрушившийся на них шквал оскорблений и позже физического насилия был воспринят так, как и следовало ожидать от представителя патриархального общества: за несправедливую обиду следует отомстить. Противники режима не замечали, как князь Никола старался не допустить кровопролития в столице, страшась межплеменной розни и цепи убийств по мотивам кровной мести[34]. Между тем, если бы не эта осторожность мстительного, но трезво мыслящего правителя, исход мог бы быть куда более трагичным, стране грозил бы братоубийственный затяжной конфликт.

На примере избирательной кампании 1907 г. ясно видно, как мучительно шла ломка патриархального сознания в Черногории, как с трудом формировалось представление о том, что государство — величина абстрактная, не связанная с той или иной личностью. Черногорцы в начале XX в. политическую борьбу вели так, как когда-то боролись с турками, — не на жизнь, а на смерть. Внеся в избирательную кампанию всю страстность и бескомпромиссность, которая была свойственна племенному сознанию, они обрекли себя на иррациональное политическое поведение.

* * *

Влияние политического террора на общественную жизнь Черногории. Острые конфликты, имевшие место во время предвыборной кампании и в ходе выборов в Скупщину, повлекли за собой серьезные последствия и наложили тяжелый отпечаток на дальнейшее развитие черногорской государственности. Вместо общественного согласия и ускоренной модернизации конституционные нововведения привнесли в политическую жизнь Черногории новое явление — террористические методы борьбы, к которым прибегли и правительство, и оппозиция.

---

[34] *Шкеровић Н.* Црна Гора… С. 169–250.

inslav

Не смирившись с изгнанием Народной партии из парламента, черногорские студенты, учившиеся в Белграде, решили ответить на притеснения властей силой. Были приобретены бомбы, которые доставил в Черногорию провокатор, заявивший о заговоре против князя. Полиция быстро обнаружила бомбы и арестовала несостоявшихся террористов. Следствие и судебное разбирательство показали, что и власть, и оппозиция зашли в тупик. Молодые люди, имевшие отношение к покупке и доставке бомб, не успели решить, что станут с ними делать, кто, где и когда будет объектом покушения. Показания основного свидетеля Дж. Настича были противоречивыми и неоднократно менялись в ходе допросов. Следователи и судьи не могли четко сформулировать обвинения, к делу привлекли несовершеннолетних гимназистов, что выглядело совсем нелепо. Не удалось доказать, что руководил заговором бывший руководитель правительства А. Радович, живший в изгнании. Почти все обвинительные материалы выглядели сомнительно.

Тем не менее, решение суда было предельно суровым. В мае 1908 г. суд вынес 6 смертных приговоров, остальные участники заговора были приговорены к каторжным работам, тюремному заключению и т. п.[35]. Расправа над участниками заговора, который не успел созреть, свидетельствовала, что черногорский правитель больше не верил в тактику уступок и лавирования. Однако жестокость, которую проявило правительство, больно ударила по его авторитету, число недовольных режимом заметно выросло. Даже смягчение приговоров и отмена смертной казни не остудили накала страстей. Политическая элита Черногории шла путем колебаний от репрессий к уступкам и наоборот, но делала это неуклюже, непродуманно, импульсивно, с прямотой племенных вождей. Своим непрофессионализмом двор еще больше дестабилизировал ситуацию в стране.

«Процесс о бомбах» не только вызвал усиление преследований по политическим мотивам в Черногории, но и привел к крупным международным осложнениям. Черногорский двор обвинил в подготовке покушения на жизнь Николы официальные круги Сербии; отношения двух славянских государств были разорваны. Российские дипломаты прикладывали невероятные усилия, чтобы погасить скандал и примирить два двора, связанных родством, но разделенных ненавистью и соперничеством[36]. Только разразившийся в октябре 1908 г. Аннексионный кризис положил, по крайней мере, формально, конец этой распре двух династий.

---

[35] *Шкеровић Н.* Црна Гора… С. 269–298.

[36] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3363 («Сербо-черногорский конфликт по поводу заговора против князя Николая 1908 г. и обострение сербо-черногорских отношений в связи с заговором в Колашине в 1909 г.»).

inslav

Боснийский кризис 1908 г. отвлек внимание черногорской общественности от внутриполитических проблем. Князь Никола, не справившийся с внутренними противоречиями, умело сыграл на национальных чувствах своих подданных.

Тем не менее, решительно настроенные противники режима создали во второй половине 1908 г. (по мемуарам Я. Тошковича в начале 1909 г. — *В. Х.*)[37] подпольную организацию в Подгорице, Центральный комитет которой разработал настоящий план вооруженного восстания. Он предусматривал захват коммуникаций и путей сообщения, а также правительственных зданий, арест правительства и обращение к народу с манифестом, в котором предполагалось объявить о свержении Николы, провозгласить правителем Черногории старшего сына князя — Данилу, освободить политзаключенных и т. д.

Несколько членов организации на свой страх и риск, не поставив в известность остальных, сделали попытку захватить военный арсенал недалеко от городка Колашин, но потерпели неудачу. Полиция и военные власти смогли арестовать большинство участников выступления, немногим удалось бежать за границу. «Колашинская афера» спровоцировала новый виток правительственного террора осенью 1909 г.[38]. Пока шло следствие, десятки подозреваемых сидели в тюрьмах в невыносимых условиях, многие были закованы в кандалы; членам их семей угрожали физической расправой. Судил преступников военный трибунал. 11 человек были приговорены к смертной казни, шестеро из них заочно. В ноябре 1909 г. пятерых участников покушения расстреляли. Десятки обвиняемых были осуждены на длительные сроки каторжных работ (20, 15, 10 лет).

Довольно быстро стало понятно, что суровая расправа с заговорщиками принесла монархии больше вреда, чем пользы. Противостояние двора и значительной части общества тяготило Николу Петровича, который считал себя отцом народа. Чтобы укрепить пошатнувшийся авторитет, черногорский монарх затеял грандиозные и непозволительные с точки зрения княжеских финансов юбилейные торжества в честь 50-летия своего правления в августе 1910 г., во время которых провозгласил себя королем. Внешне празднества прошли красиво, в них приняли участие представители разных династий, в том числе Романовы, и дипломаты великих держав. Однако коронационные мероприятия не улучшили политического климата новоявленного Королевства.

Стремясь вернуть расположение подданных и успокоить их, новоиспеченный король назначил председателем правительства Л. То-

---

[37] *Тошковић Ј.* Мемоари… С. 66–68.

[38] Там же. С. 72–89; Историјски институт Црне Горе. Архивска грађа. Фасц. 81; *Вуковић Д.* Један мој одговор јаранима Мире Колине (Мира Митровић. — *В. Х.*).

inslav

мановича. Этот образованный и интеллигентный человек много лет занимал незначительные должности в госаппарате, никогда не принимая участия в политических распрях. «Более скромной, бесцветной и, если можно так выразиться, безличной личности, чем г. Томанович, мне редко приходилось встречать, хотя присущее ему миролюбие и спокойствие сделали здесь больше в смысле успокоения здешних страстей во время недавней борьбы правительства со Скупщиной, чем могла сделать вся деятельность предшествовавших ему министров», — сообщал в Петербург российский поверенный в делах[39]. Л. Томанович довольно долго был во главе правительства, хотя архивные документы свидетельствуют о его постоянном желании сложить с себя тягостные полномочия. Его толерантность нужна была обеим сторонам конфликта. Возможно, окружение монарха осознало, наконец, необходимость политического компромисса.

К этому времени выборы в Скупщину стали проводить по системе «официальных кандидатов», когда в бюллетени безальтернативно вносились фамилии правительственных кандидатов. Такая практика применялась на выборах в черногорский парламент в 1911 и 1913 гг. Понятно, что благодаря этой системе состав Скупщины был таким, каким хотел его видеть черногорский правитель. Этот парламент был лоялен и послушно одобрял распоряжения исполнительной власти. Но даже при таком тотальном давлении на избирателей, монархия не смогла добиться абсолютного послушания[40].

Тщательно контролируемая система официальных кандидатов дала сбой уже в 1913 г. Экономическая и политическая ситуация в стране была настолько тяжелой, а участие в войнах 1912–1913 гг. до такой степени ухудшило материальное положение черногорцев, что невозможно было избежать проявлений недовольства и критики в адрес короля Николы. Неожиданно в роли оппозиционера выступил представитель Истинной народной партии, официальный кандидат, член Государственного совета воевода Й. Пламенац. Именно он, верный слуга престола, сурово расправлялся с теми, кто принимал участие в заговорах 1908–1909 гг. Некоторые современники считали его спасителем монархии[41]. И вдруг в декабре 1913 г. Й. Пламенац обратился к черногорцам с избирательной программой, которая почти полностью повторяла идеи Народной партии. В ней говорилось о необходимости внести поправки в Конституцию и расширить полномочия парламента, предлагалось разработать продуманную стратегию социально-экономического, в первую очередь, аграрного развития Черногории. Также ставилась задача добиться уменьшения

[39] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3363. Л. 128–128 об.
[40] *Тошковић Ј.* Мемоари… С. 93.
[41] Историјски институт Црне Горе. Архивска грађа. Фасц. 81.

inslav

эмиграции в Америку, подчеркивалась необходимость снизить налоги, улучшить работу судов и администрации, поднималась проблема упадка системы народного образования и т. д.

Реакция двора была незамедлительной. Председатель правительства потребовал немедленной отставки Й. Пламенаца с государственной службы[42]. Уже отпечатанное обращение к избирателям было конфисковано. Казалось бы, возрождавшаяся оппозиция была задушена в зачатке. Состав последней Скупщины формально был таким, каким его хотел король: 44 чиновника, 12 пенсионеров, 3 крестьянина, 3 торговца. Однако фактически последний черногорский парламент снова оказался оппозиционным. Из 62 депутатов только 16 человек были представителями придворной камарильи («вирилцами»). 25 парламентариев считали себя сторонниками Народной партии. 17 человек были членами Истинной народной партии, которая теперь выступала с теми же программными требованиями, что и Народная партия. 5 депутатов заявили, что являются участниками молодежного движения («Омладина») и были готовы повторить те обвинения в адрес властей, которые когда-то содержались в студенческой брошюре 1907 г.[43].

Депутаты снова демонстрировали желание проводить реформы и модернизировать государство. Но время, отпущенное Черногории самой историей, было упущено. Первая мировая война помешала этой работе и поставила точку в истории самостоятельной черногорской монархии, которая быстро погибала под ударами австрийской армии.

* * *

Попытки модернизации вооруженных сил Черногорского княжества. Перестройка черногорской армии велась сразу в нескольких направлениях, одним из которых была подготовка обученного современному военному искусству офицерского состава. В этих целях часто и охотно военные заведения России принимали черногорских юношей в ряды учащихся. По окончании учебы черногорцы целый год проходили службу в русских полках, а по необходимости срок такой стажировки продлевался еще на два года. Российский военный агент в Черногории Н.М. Потапов считал, что «из числа черногорских офицеров, получивших военное образование вне своего отечества, а именно — в России, Италии, Франции, Турции, Болгарии, Сербии и даже Австрии, особенно хорошей подготовкой отличаются наши рус-

[42] Историјски институт Црне Горе. Архивска грађа. Фасц. 81.

[43] *Јовановић Ј.* Стварање Црногорске државе и развој црногорске националности // Историја Црне Горе од почетка VIII в. до 1918. Цетиње, 1948. С. 407.

inslav

ские воспитанники»[44]. Глава русской миссии в Цетинье С. В. Арсеньев отмечал, что выпускники русских военных школ успешно продвигались по службе на родине (в Черногории. – *В. Х.*), занимая должности от начальников штабов дивизий до военного министра[45].

Но все же таких кадров было слишком мало, чтобы возглавить все воинские подразделения страны. Кроме того, офицеры, окончившие учебные заведения в разных странах, открыто соперничали друг с другом, нередко между ними складывались неприязненные отношения. Эта враждебность накладывалась на племенные различия и предрассудки, мешала эффективному управлению войсками. Стало ясно, что лучшим выходом из неприятной ситуации было создание военных училищ внутри страны. К началу XX в. появились Цетинская пехотная школа, артиллерийские курсы в Никшиче и Подгорицкая школа унтер-офицеров. Они, по мере возможностей, готовили военных специалистов, но развивались медленно из-за слабого финансирования, характерного для всей системы образования Черногории.

В 1895 г. черногорские власти взялись за массовую подготовку молодых людей к службе в армии. Было решено создать пехотный и артиллерийский учебные батальоны (последний называли полубатареей), в которых юноши должны были проходить ускоренную военную подготовку в течение 4–6 месяцев. За год планировалось пропускать через эти части 3–4 смены, и через несколько лет вся молодежь призывного возраста прошла бы такое обучение. Так как собственных средств на реализацию этого проекта не было, за помощью обратились к России. По распоряжению царя были выделены 57 тыс. рублей для постройки батальонных казарм и приобретения оснащения. С января 1896 г. началась ежегодная выплата 82 тыс. рублей на содержание учебных батальонов. Контроль за расходованием средств и работой батальонов был поручен полковнику Н. С. Сумарокову[46]. Но с самого начала дело не заладилось. Российские дипломаты подозревали, что деньги идут не по назначению, а Н.С. Сумароков жаловался начальству, что его не информируют должным образом[47]. К 1901 г. обучение совсем разладилось, а к 1902 г. батальоны уже практически бездействовали.

В том же самом 1902 году князь Никола посетил Петербург, чтобы уговорить Николая II увеличить субсидию Княжеству до 500 тыс. рублей. Российская дипломатическая миссия в Цетинье уже начала получать деньги на проведение новой армейской реформы, между тем никаких мероприятий не проводилось. С трудом удалось россий-

[44] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 836. Л. 116.
[45] АВПРИ. Ф. Личный архив С. В. Арсеньева. Оп. 854. Д. 3. Л. 25–27.
[46] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 1–37.
[47] РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 82. Л. 3.

inslav

ским представителям в Цетинье настоять на том, чтобы был создан резервный фонд, в котором бы хранились средства, выделенные на военные цели. Фонд был в руках князя. Упорно ходили слухи, что он уже опустел[48].

В 1903 г. в Цетинье выехал подполковник Генштаба Н.М. Потапов, назначенный постоянным военным агентом России, ответственным за проведение реформы. Он с воодушевлением взялся за реорганизацию вооруженных сил Княжества. Ему пришлось заниматься буквально всем: составлять смету расходов, готовить план создания медико-санитарной части, руководить постройкой казарм для нового учебного батальона и даже по поручению черногорского двора разрабатывать законопроект реорганизации военного министерства[49]. Причем, Н.М. Потапов испытывал смущение всякий раз, когда вступал в тесные контакты с черногорским руководством. От своего начальства он, в частности, не стал скрывать удивления по поводу «неспособности здешнего военного министра»[50].

Чтобы проверить результаты реформы, осенью 1904 г. были проведены невиданные по размаху военные учения. В маневрах приняли участие 12 батальонов народного войска и 3 батареи артиллерии. Рапорт, составленный Н.М. Потаповым после окончания учений, лег на стол самого Николая II. Содержание рапорта было двойственным. В нем были отмечены отличные боевые качества черногорцев. Однако пришлось признать: «Наиболее крупные проблемы, обнаруженные во время проведения маневров, заключаются в слабой тактической подготовке офицеров и в неудовлетворительной организации и слабом несении службы отдельных штабов, выразившемся 1) в несвоевременной и неумелой передаче войскам приказаний, 2) в неумелой организации разведок и службы связи и 3) в полном игнорировании тыла, как в смысле сообщения туда необходимых распоряжений, так и в отношении его обеспечения»[51]. Год спустя прошли учения 15 батальонов народного войска, закончившиеся с тем же итогом[52].

Выводы Потапова свидетельствуют, что попытка заменить «народную войну» европейскими правилами привела к определенному снижению боевых качеств черногорцев. Они не усвоили основных правил современного боя, растеряв при том боевые навыки прошлого. Если прежде каждый воин в чете сам принимал решение в бою, сам отвечал за свою безопасность и за жизнь своих земляков, то те-

[48] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 831. Л. 63–63 об.; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 132.

[49] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. Фасц. LIA. 1903; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 836. Л. 20.

[50] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 1. Д. 831. Л. 76.

[51] Там же. Д. 841. Л. 26.

[52] Там же. Л. 40–46 об.

inslav

перь это должны были делать командиры. Однако многие из представителей офицерского корпуса не только не проявляли творческого подхода к службе, но зачастую откровенно ею тяготились.

Российские дипломаты забили тревогу. Старший советник МИД России Д. А. Капнист предупреждал в 1904 г.: лучше создать лишнюю русскую дивизию, чем тратить деньги «на содержание целого черногорского корпуса». В пользу своей точки зрения он привел два аргумента — военный и политический. Военный сводился к тому, что Черногория всегда вела партизанскую войну, к отпору профессиональной армии она вряд ли готова. Политический довод был еще убедительнее — давая маленькому государству в руки оружие, Россия дает ему возможность торговаться с великими державами, лавировать между ними. Д. А. Капнист напоминал опыт Болгарии: «Одной будущности еще предстоит доказать, не придется ли нам самим считаться при ограждении наших собственных интересов на Балканском полуострове с нами самими созданной болгарскою армией». Так же может произойти и с Черногорией, монарх которой готов «стакнуться с Австрией или Италией в ущерб России»[53].

Опасения российских политиков оказались справедливыми. В 1905 г. случилось происшествие, подорвавшее доверие российских военных к семье князя Николы. Наследник черногорского престола Данила позволил себе в присутствии иностранного дипломатического корпуса поднять тост за здоровье японского адмирала Того, уничтожившего русский флот в Цусимском бою. Правда, позже черногорский двор категорически отрицал этот факт. Тем не менее, российский представитель Ю. Я. Соловьев бурно протестовал против подобного поведения княжича, за что был удален из Черногории.

Тогда впервые российские официальные круги стали подсчитывать свои издержки и подводить итоги. Оказалось, что за 1895–1906 гг. Россия израсходовала на военные нужды Черногории 2 150 тыс. рублей, не считая стоимости подаренных крупных партий оружия (60 тыс. ружей, 25 тыс. револьверов, 26 млн патронов и т. д.). Между тем, всеми имевшими отношение к вооруженным силам княжества официальными лицами признавалось одно и то же: «слабая подготовка административного и командного состава», «внизу — неспособность толково выполнить даже простейшие задачи». Пришлось констатировать, что «после одиннадцати лет непрерывного и щедрого субсидирования <…> черногорской армии, ценность последней с точки зрения современных требований представляется ничтожной»[54].

[53] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. Фасц. LIIA. 1904.
[54] Там же. Фасц. LIVБ. 1906.

inslav

В 1906 г., воспользовавшись сроком истечения субсидии, руководство МИД обратилось к правительству России с предложением ужесточить условия, на которых давались деньги на военные нужды: выдавать субсидию по частям, полностью контролировать расход средств, продлевать субсидию ежегодно и увязывать ее выплату с внешнеполитическим курсом Княжества. Военная субсидия превращалась в политическую — она должна была отныне играть роль регулятора российско-черногорских официальных отношений. Черногорскому двору пришлось согласиться на такие перемены. Но когда настало время первой выдачи денег по новым правилам, произошел серьезный конфликт. В начале 1907 г. Н.М. Потапов, до того тщетно настаивавший на составлении военного бюджета Черногории, предложил руководству российской дипломатической миссии выдать только ту часть субсидии, которая покрывала уже произведенные расходы (то есть оплатить представленные черногорцами счета). Князь Никола оскорбился и заявил, что если субсидия не будет выплачена сразу и без условий, он вообще ничего не примет. Пришлось министру-резиденту П.В. Максимову нанести визит князю. В начале беседы «его королевское высочество, сильно приподняв голос, объявил», что его посетитель «не имел права входить в какие-либо рассуждения, касающиеся военного бюджета, а должен немедленно передавать получаемые суммы полностью». П.В. Максимов отвечал, что «господарь напрасно повышает голос на русского представителя, который наверно не поступает без надлежащих указаний». После долгих препирательств и колебаний между самостоятельностью и получением денег, черногорский монарх выбрал второе[55].

Значительный урон вооруженным силам Черногории наносила массовая эмиграция черногорцев в Америку. Проверка, проведенная в начале лета 1906 г., показала, что в большинстве воинских подразделений осталось только две трети наличного состава, а в некоторых — половина. Поверенный в делах Е.Ф. Штейн доносил в Петербург: «За последние три года <…> выбыло из Черногории около 10.000 самого энергичного, здорового, сильного и молодого элемента, около 2/3 которого приходится на войников, прошедших курс подготовки в содержимых на счет нашей субсидии учебных батальонах и батареях»[56]. Учитывая все это, Штейн считал своевременным сократить военную субсидию на треть, поскольку у Княжества не было тех людских ресурсов, на которые рассчитывал российский Генштаб[57].

Депутаты первого в истории Черногории парламента начали финансовую проверку использования военной субсидии. В армии шло

[55] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. Фасц. LVA. 1907.
[56] Там же. Фасц. LIVБ. 1906.
[57] Там же.

inslav

брожение. Н.М. Потапов писал: «Вкусившие в последнее время политической свободы офицеры, позабыв дисциплину, не перестают засыпать Радовича (и.о. военного министра. — *В.Х.*) требованиями о выполнении разного рода обещаний, данных им когда-то князем Николаем, никогда, впрочем, не исполняющим никаких обещаний. Дисциплина забыта до того, что упомянутые офицеры назначают военному министру срок, в течение коего на их требования должен последовать положительный ответ». Причиной такого возбуждения российский военный агент считал «невиданный переход из патриархального быта в парламентский», справедливо полагая, что сознание черногорцев не успевало меняться так быстро, как менялись формы организации вооруженных сил[58].

В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, спровоцировав тем самым международный кризис. Черногорский монарх спешно мобилизовал часть своей армии, надеясь в случае военного столкновения отнять у Австро-Венгрии часть побережья Адриатики. Оснований для таких радужных надежд не было. Военный агент Потапов еле-еле убедил черногорский двор, «что армия вообще не снабжена техническими средствами, игравшими в современной войне столь важную роль»[59]. Тогда князь Никола заявил о намерении «немедленно приступить к коренному преобразованию своей армии», как будто забыв, что он несколько лет назад уже просил деньги на эти цели. Господарь обратился к России с настойчивой просьбой увеличить военную субсидию.

По этому поводу 7 августа 1909 г. проводилось совещание российского правительства, на котором были выражены сомнения в целесообразности такого увеличения. Между тем, поверенный в делах Н.Н. Дьяченко доносил из Цетинье: «Число войск, размещенных в Боснии и Герцеговине, увеличено <…> вдвое, и фортификационные работы австрийцев вдоль всей черногорской границы ведутся с необычайной энергией и поспешностью». В этом донесении, с которым ознакомился сам Николай II, говорилось о необходимости поддержать черногорцев. Царь согласился.

Военная субсидия Черногории была увеличена и составила 600 тыс. рублей. В страну были командированы русские офицеры-инструкторы для подготовки на месте необходимых военных специалистов. И главное — за оказанные услуги от Королевства потребовали подписания двустороннего договора, который должен был обеспечить использование черногорских войск в интересах России[60]. Было очевидно, что на слово Николе уже не верили, от него требовали твердых гарантий.

---

[58] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 2. Д. 3180. Л. 2 об.
[59] Там же. Т. 1. Д. 842. Л. 56.
[60] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3356. Л. 26–33.

inslav

Однако даже в самый разгар этой военной лихорадки Н. М. Потапов сообщал своему начальству, что черногорское правительство проявило «крайнюю медлительность в осуществлении предположенного переустройства своей армии и до настоящего времени не приступало даже к подготовительным в сем направлении работам. Обстоятельство это дает основания предполагать, что в первое, по крайней мере, время названное правительство имеет намерение использовать средства увеличенной субсидии не на развитие боеспособности черногорской армии, а на покрытие значительного дефицита в <…> казне…»[61].

1910–1915 гг. — последний этап в деле превращения черногорской армии в современное войско. Королевство смогло проверить готовность своих вооруженных сил к боевым операциям во время Балканских и Первой мировой войн. Этим проверкам предшествовали такие начинания как новый военный закон 1911 г., перепись народного войска, перераспределение офицерского состава по новым категориям. Появились новые артиллерийские части, например, осадная батарея, вооруженная 240-миллиметровыми мортирами. По всей стране создавались артиллерийские склады. В военном министерстве появились новые подразделения, разрабатывались дисциплинарный, гарнизонный и другие военные уставы, готовилось открытие кадетского корпуса и т. д. Правда, наученное горьким предыдущим опытом, российское военное командование скептически оценивало усилия черногорцев: на полях одного из рапортов Н. М. Потапова написано: «Надо ожидать, что эта „Гора“ родит мышь»[62].

Немало усилий к тому, чтобы такого не случилось, приложили русские офицеры-инструкторы, жизнь которых в Королевстве была трудной: плохие бытовые условия, отсутствие квартир, расхлябанность подчиненных, неровные отношения с королевским двором. Понятны жалобы Н. М. Потапова: «Дать черногорскому офицеру какое-либо указание <…> еще недостаточно; надо лично и притом не один раз настоять на его исполнении <…>. Я не останавливаюсь уже на том, какое неослабное наблюдение приходится иметь постоянно, чтобы отпущенная нами материальная часть артиллерии и разного рода военные запасы содержались в порядке; чтобы суммы субсидии расходовались согласно бюджета, а не по внезапным капризам короля или военного министра; чтобы назначенные расписанием и рассчитанные по часам занятия не отменялись на несколько дней только из-за того, что господарь, отправляясь на охоту или в маленькое путешествие по Черногории, пожелал взять с собою из числа рекрут загонщиков или почетную охрану»[63].

---

[61] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3356. Л. 40–41.
[62] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 2. Д. 3187. Л. 230, 266–268.
[63] Там же. Л. 311, 390 об.

inslav

Сами того не заметив, русские военные превратились из инспекторов в опекунов и нянек черногорской армии. Излишним рвением и желанием насадить в черногорском войске современные порядки русские приучили своих славянских коллег к несамостоятельности и безответственности. На деле же, черногорские войска только внешне были похожи на вооруженные силы европейских стран. И рядовой состав, и офицеры продолжали ощущать себя народным ополчением, не принимавшим принципа единоначалия и воинской дисциплины.

* * *

Внешняя политика Черногории в начале XX в. Княжеское правительство продолжало заключать экономические, политические, военные, культурные соглашения с разными странами[64]. При этом черногорские руководители чрезмерно увлекались самим процессом подписания договоров, внешней юридической формой, но не всегда подкрепляли ее практическим содержанием. Приоритетными направлениями внешней политики оставались: российское, австрийское, турецкое и балканское.

Действия, предпринятые на этих направлениях, динамично менялись под влиянием международной обстановки. В первую очередь это относится к двусторонним связям Черногории и России. К сожалению, серьезные усилия россиян, направленные на решение черногорских проблем, и постоянно растущая денежная поддержка не приносили ожидаемых результатов. Черногория стремительно погружалась в глубочайший социально-экономический и финансовый кризис. Российская империя превратилась в постоянного «спасателя» князя Николы, причем, эта «служба спасения» обходилась весьма недешево.

Между тем, уже в 1901 г. министр-резидент П.М. Власов сообщал в Петербург, «что князь Николай стал постепенно уклоняться от откровенных объяснений <…> по таким делам, где голос русского представителя мог бы иметь <…> существенное значение»[65]. Дипломат изо всех сил старался предупредить свое руководство о грядущих осложнениях в российско-черногорском сотрудничестве. Тогда в МИД России сочли, что П.М. Власов проявил чрезмерную резкость в своих суждениях о положении дел в Княжестве и княжеском семействе. Российская элита не могла поверить, что господарь мог хоть на минуту забыть о многочисленных благодеяниях, оказанных ему Домом Романовых. На смену П.М. Власову прислали А.Н. Щеглова, снабдив его

[64] *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе. 1711–1918. Подгорица–Београд, 1996.
[65] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. 1901. Фасц. XLIX. Д. 1.

inslav

инструкциями, в которых настоятельно призывали облекать любые советы «в подобающую форму».

Однако во всех донесениях российской миссии начала XX в. отмечались прохладное и не очень дружелюбное отношение княжеского двора к представителям России и стремление князя «оказать всевозможные любезности» западным странам, в первую очередь Италии и Австро-Венгрии. Такое «кокетничание», по мнению российских политиков, было связано, во-первых, с тем, что правительство России попыталось поставить определенные границы, за которые русская денежная помощь Княжеству не должна выходить. Во-вторых, неудовольствие Николы вызвали попытки российских официальных лиц проверить, насколько эффективно расходуются средства, отпущенные из русской казны на вполне определенные цели государственного и военного строительства в Черногории. В-третьих, охлаждение пылкой любви черногорской камарильи «к матери–России» было связано с неудачами Российской империи в русско-японской войне, которые черногорский двор «был склонен преувеличивать»[66].

Лавирование и игра на противоречиях великих держав, которую черногорское правительство позволяло себе в начале XX в., говорит о новом качестве внешней политики Княжества. Небольшая балканская страна выросла из роли послушного ученика и стремилась быть самостоятельной во всем. Поскольку собственные возможности Черногории были минимальными, ее правители научились извлекать материальную выгоду из стремления ведущих европейских стран держать под своим контролем Балканский регион. Каждый визит черногорского монарха за границу приносил ему немалую пользу, независимо от того, посещал он Россию, Австро-Венгрию или Османскую империю. Во время этих поездок князь Никола почти всегда добивался помощи в тех или иных делах. Также успешно он использовал для достижения своих целей представителей великих держав, работавших в Цетинье. Приближая к себе то одного, то другого дипломата, давая понять, что именно этому человеку он готов доверить решение насущных черногорских проблем, Никола добивался того, что в Вену, Рим, Петербург или Париж шли депеши, в которых содержались развернутые планы помощи черногорцам.

Вместе с тем, ситуация на Балканах была такой напряженной, что никаких дипломатических талантов не хватило для того, чтобы положить конец аннексионным планам Австро-Венгрии в отношении балканских земель или убедить турецкие власти добровольно освободить Старую Сербию. Когда дело доходило до принципиальных вопросов балканской политики, интересы России и Черногории

[66] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. 1904. Фасц. LII–А.

inslav

объективно совпадали, были союзническими, две страны оказывались вместе в одном военно-политическом лагере, причем, Княжество играло роль застрельщика в борьбе за окончательное освобождение югославян, а Российская империя — роль главнокомандующего, решающего, когда проявить сдержанность и осторожность, а когда идти в бой.

Напротив, никакие ухищрения князя Николы не могли сделать Австро-Венгрию менее опасной соседкой для Черногории, треть территории которой граничила с монархией Габсбургов. До 1904 г. отношения двух стран были крайне напряженными, так как Австро-Венгрия требовала от черногорских властей выдать ей боснийцев и герцеговинцев, принявших участие в антиавстрийских выступлениях и укрывшихся на территории Княжества. Короткие периоды смягчения этой напряженности сменялись новыми конфликтами и угрозами со стороны австрийского правительства. Современные черногорские исследователи считают, что после начала русско-японской войны Австро-Венгрия начала концентрировать свои войска на границе со славянскими странами и что именно эти приготовления заставили князя Николу сделать несколько дружественных шагов навстречу Вене, например, пригласить в Цетинье начальника австрийского Генштаба барона Бека, совершавшего инспекционную поездку в Боку Которскую[67].

Аннексия Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г., казалось, свела на нет любую возможность улучшения отношений Черногории и Австро-Венгрии. Но уже в 1910 г. черногорский монарх возобновил дипломатические маневры. Накануне торжества в честь 50-летнего юбилея своего правления Никола организовал визит австрийского военно-морского флота в черногорский порт Бар. Провозгласив себя королем, он делал вид, что никак не может решить, Петербург или Вену он посетит вначале в новом качестве. Балканским монархам надоело быть «резервом», хотелось самим «творить историю» своих стран. Однако сочувствия «покровителей» и «защитников» в этом стремлении ни Никола, ни другие правители маленьких государств не нашли. Собственных же сил и опыта оказалось явно недостаточно.

Несколько неожиданным для России и Австро-Венгрии было укрепление черногорско-итальянского экономического и политического сотрудничества в начале XX в. Первые признаки беспокойства по поводу наметившегося роста итальянского влияния сотрудники русской миссии в Цетинье проявили уже в 1903 г., когда в одной из школ Подгорицы по желанию господаря стали преподавать итальянский язык. Тогда же вернувшийся из поездки по Черногории драго-

[67] *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе... С. 434.

inslav

ман миссии П. А. Ровинский сообщал, что «страна кишит итальянскими “изыскателями”»[68]. Вслед за экономическим сотрудничеством наметилось и сближение в военной области. В 1906 г. итальянский король подарил Черногории несколько пушек, а министр-резидент П. В. Максимов подозревал, что черногорский двор не скрывает от итальянцев подробности русских военных планов в Черногории.

Но экономическое и политическое сближение с Италией оказалось недолгим и не удовлетворило черногорское правительство. Итальянские концессии в Черногории обогатили самих итальянцев, но не принесли тех доходов в казну, на которые рассчитывал князь Никола. А политические контакты свелись к минимуму. В 1907 г. черногорско-итальянские отношения вообще разладились из-за семейного конфликта между старшим сыном князя Николы Данилой и итальянским двором[69].

Важное место во внешней политике Черногории продолжала занимать Сербия, связи с которой носили неоднозначный и иногда непредсказуемый характер. У двух небольших родственных государств были общие задачи и общие враги во внешней политике. Их население относилось друг к другу вполне дружественно, чего нельзя сказать о монархах. Отношения Николы Петровича к правителям из Дома Обреновичей было, мягко говоря, недоверчивым. Обе династии претендовали на югославянские земли, которые в конце XIX — начале XX вв. еще оставались под властью турецкого султана. В 1903 г., после политического переворота и убийства короля Александра Обреновича, у правителя Черногории появилась мечта: «Лица, близкие ко двору, доверительно сообщили мне, что князь Николай серьезно надеялся быть избранным на сербский престол. Те же надежды питал юный княжич Мирко», — сообщал в Петербург министр-резидент А. Н. Щеглов. В России эти планы не нашли отклика, господарю дали понять, «что у сербов есть своя старая династия Карагеоргиевичей»[70].

Казалось бы, у дома Петровичей-Негошей не было оснований «подсиживать» нового короля Петра Карагеоргиевича, который был женат на дочери Николы Зорке; внук черногорского князя был престолонаследником Сербии. И все-таки, несмотря на близкие родственные связи, дружба не складывалась, слишком острой была конкуренция за лидерство в югославянском мире. Петр Карагеоргиевич и Никола Петрович не скрывали подозрительного и даже враждебного отношения друг к другу. Особенно вызывало недовольство черногорского монарха то обстоятельство, что именно белградская пресса была самым рьяным его критиком. Конфликт двух династий достиг

[68] АОНМЦГ. Ф. Принов. рук. 1903. Фасц. LIA.
[69] Там же. 1907. Фасц. LVA (I).
[70] Там же. 1903. Фасц. LIA.

inslav

своего апогея в 1907–1909 гг., когда правительство Черногории обвинило сербские власти во вмешательстве в политическую борьбу в Княжестве и в покушении на жизнь черногорского монарха. Разгорелся дипломатический скандал, замять который российским дипломатам удалось нескоро и с большим трудом[71].

Конкуренция Петровичей-Негошей с Карагеоргиевичами имела не только политические, но и идеологические корни. В национальной психологии черногорцев начала XX в. имелась черта, которую замечали многие современники: им было свойственно несколько высокомерное отношение ко всем иностранцам, включая выходцев из югославянских земель. Такое надменное поведение представителей самой маленькой славянской общности было основано на исторических и политических мифах об исключительной роли черногорцев в борьбе против Османской империи. Завышенная самооценка была характерна и для элиты Княжества. Министр иностранных дел Черногории Г. Вукович, много рассуждавший о «сербстве» на страницах своих мемуаров, не стеснялся честно признаваться в том, что балканские народы рассматривались черногорским руководством в качестве средства достижения собственных целей[72].

Между тем, ситуация на Балканском полуострове требовала совместных усилий славянских стран в борьбе против реальной угрозы, исходившей от Австро-Венгрии. В 1908 г. после аннексии Боснии и Герцеговины Сербия и Черногория заключили союзный договор. Было решено вместе защищать свои права и интересы, если понадобится, то и вооруженными средствами[73]. Правда, в 1909 г. опять начались династические споры, снова во внутренних событиях черногорские власти увидели сербский след, а сербская периодика публиковала статьи, в которых описывала политический террор династии Петровичей в самом критическом духе. Провозглашение князя Николы королем в 1910 г. в Сербии оценили как удар по делу единения славян. Разногласия и взаимные обвинения пошли на спад только тогда, когда на Балканах в очередной раз обострилась политическая ситуация и встал вопрос о войне против Турции.

В 1912 г. был заключен Балканский союз, важной составной частью которого была сербско-черногорская военно-политическая конвенция. Начались Балканские войны, в ходе которых у Сербии и Черногории, наконец, появилась общая граница. К началу Первой мировой войны их отношения оставались союзническими.

---

[71] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3363 («Сербо-черногорский конфликт по поводу заговора против князя Николая 1908 г. и обострение сербо-черногорских отношений в связи с заговором в Колашине 1909 г.»).

[72] *Вуковић Г.* Указ. соч.

[73] Уговор између Србије и Црне Горе склопљен 24.10.1908. // *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе... С. 568.

inslav

Итог внешней политики, проводимой черногорским правительством в начале XX в., был неоднозначным. Княжество-Королевство смогло занять такое место в системе международных отношений, которое было явно непропорциональным его внутреннему потенциалу. Далеко не каждому маленькому государству удалось оставить столь заметный след в истории Европы того времени. Однако стремление добиваться цели не собственными силами, а за счет великих держав; неумение находить компромисс с другими балканскими правителями; эгоизм придворной камарильи, корыстные побуждения которой иногда брали верх над национальными интересами, — все это существенно снизило эффективность внешнеполитических усилий.

* * *

Военно-политическое сотрудничество России и Черногории в 1910–1912 гг. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией и последовавшие перемены в расстановке сил на Балканах, а также глубокий политический и экономический кризис, имевший место в Черногории, заставили короля Николу сделать еще один рывок вперед и постараться преодолеть негативные тенденции государственного развития. Это была его последняя попытка избавиться от внутренних противоречий и неустройств не путем реформ, а с помощью войны. Правители Черногории убедили себя в том, что расширение границ и присоединение новых территорий поможет справиться со всеми бедами и возродит былую боевую славу Королевства.

Уверовав в экспансию как в спасительное средство, Никола не питал никаких иллюзий в отношении ресурсов своей страны. Было очевидно, что только опираясь на внешнюю финансовую и политическую поддержку, можно мечтать о военных победах. Поэтому в 1910 г. был подписан секретный договор с Российской империей, по сути лишивший Черногорию военно-политической самостоятельности. Заключению договора предшествовала длительная и острая борьба в высших эшелонах российской власти. Глава императорского правительства и представители министерства финансов весьма скептически оценивали результаты и перспективы сотрудничества двух стран, полагая, что денежные вложения в Черногорию неоправданно велики. Дипломатическое и военное ведомства России смотрели на будущий военный союз более оптимистически, считая, что как партнер Черногорское королевство может быть полезно в случае войны на Балканах. Определенное влияние на российских чиновников оказал черногорский двор через дочерей короля Николы.

2 декабря 1910 г. в Петербурге было подписано «Военное между Россией и Черногорией соглашение». Содержание первой статьи договора показывает, что российское руководство решило продолжить

inslav

военное сотрудничество и, несмотря на сомнения и разногласия, готово оказать «деятельное содействие развитию и совершенствованию черногорской армии, с целью поддержания вооруженных сил королевства на высоте современных боевых требований». Для достижения этой цели российское правительство брало на себя обязательство «…оказывать королевскому правительству помощь в форме субсидии на военные нужды наличными деньгами и материалами». В статье 2 говорилось, что по необходимости российское военное министерство будет отправлять в Черногорию русских офицеров для обучения ее армии. А правительство Черногории взяло на себя обязательство «не приглашать военных инструкторов из состава армий какой-либо другой державы». Статья 3 гласила: «Королевское правительство обязуется предоставить по первому призыву его императорского величества все вооруженные силы королевства в распоряжение его императорского величества». Статья 5 предусматривала, что в случае войны начальником штаба черногорской армии будет русский офицер «по выбору и назначению его императорского величества».

Самой важной для России была статья 7 соглашения, где было записано: «Королевское правительство обязуется не предпринимать своей армией никаких наступательных операций без предварительного соглашения с императорским правительством и не заключать военных соглашений ни с каким другим государством без согласия его императорского величества». Статьи 8 и 9 определили соглашение как секретное и бессрочное. Завершала договор статья 10, которая также имела ключевой смысл: «В случае если одна из договаривающихся сторон усмотрит явное несоблюдение условий настоящего соглашения и особого акта, приложенного к нему, другой стороной, причем, этой последней не будет предоставлено своевременно удовлетворительных по сему поводу объяснений, то первая имеет право отказаться от соглашения во всякое время. Особый акт, о котором говорилось в статье 10, дополнял текст соглашения. В нем были четко определены условия, порядок выдачи и объем военной субсидии: ежегодно Россия должна была выплачивать «сумму в пределах до 600 000 р.» и присылать перечисленный в акте комплект боеприпасов и военной амуниции. Обязательными условиями были секретность и составление при участии российского военного агента в Черногории специального бюджета расходов черногорской армии, который должен был быть одобрен Генеральным штабом России (статья 4 акта)[74].

По мнению Р. Распоповича, соглашение выглядело «необычно с точки зрения военного командования», так как одна суверенная держава отдавала другой право руководить своими вооруженными сила-

[74] *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе… С. 624–628.

inslav

ми[75]. Но удивляться по поводу такого текста договора не приходится, его условия были разработаны на основе многолетнего, часто негативного опыта сотрудничества. Извлекая уроки из своих прежних ошибок и неудач, российские политики стремились разработать систему подстраховок, с помощью которых денежные вложения в вооруженные силы Черногории стали бы эффективным инструментом военной политики России, а не королевского двора. Соглашение 1910 г. по замыслу российских руководителей содержало в себе твердые гарантии того, что Черногория, получая российские деньги, будет поступать так, чтобы принести России пользу и не причинить вреда ее внешнеполитическим целям.

Складывается впечатление, что соглашение 1910 г. было подписано не в последнюю очередь и для того, чтобы сдерживать короля, заставить его отказаться от провокационных действий на турецкой границе. Результат оказался противоположным. Активность черногорского двора не снизилась, а, напротив, возросла. В марте 1911 г. началось восстание албанцев против Османской империи. Вскоре русскому военному агенту в Черногории Н. М. Потапову стали известны факты изъятия оружия с черногорских складов: «Хотя ружья эти присвоены обозным и резервным частям, однако наведенные мною точные справки показали, что названные части в них не нуждаются. Ни военный министр, ни министр-президент удовлетворительного объяснения дать мне не могли, что наводило на мысль о назначении этих ружей и патронов для тайной раздачи албанцам, которые до последних дней терпели неудачи из-за недостатка оружия и патронов, а со среды вновь перешли в наступление…». Н. М. Потапов оценил это поведение союзника как «вероломное»[76].

3 апреля 1911 г. С. В. Арсеньев отправил телеграмму: «Наш военный агент получил документальные доказательства… непрекращающегося до последних дней снабжения черногорскими властями албанских повстанцев оружием и боевыми припасами, несмотря на повторяющиеся официальные заявления о нейтралитете. Принимая во внимание, что такой образ действий черногорского правительства идет вразрез с нашими интересами и с условиями, на коих установлена выдача королевству нашей денежной и материальной помощи, а равно и то, что сделанное в прошлом ноябре от имени императорского правительства по тому же поводу предупреждение королю о возможности прекращения субсидий, цели не достигло, наш военный агент, с коим я вполне согласен, полагал бы своевременным объявить черногорскому правительству о приостановлении субсидии»[77].

---

[75] *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе… С. 518.

[76] *Потапов Н. М.* Русский военный агент в Черногории. Т. 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915. Подгорица–Москва, 2003. С. 491.

[77] АВПРИ. Ф. Личный архив С. В. Арсеньева. Д. LXXXVIII. Л. 93 об.

inslav

Однако смелые предложения посланника не были приняты, МИД России ограничился очередным предупреждением. Нерешительность Петербурга провоцировала короля на более активные действия.

Таким образом, еще до начала Первой Балканской войны черногорское правительство систематически нарушало взятые на себя обязательства не действовать без одобрения России. И уже в 1911 г. было очевидно, что российскому правительству не удается контролировать и сдерживать своего боевитого союзника. Король Никола мало внимания обращал на протесты и предупреждения, которые сыпались из Петербурга слишком часто и не пугали.

России пришлось приложить немало усилий в деле «принуждения к миру» Черногории. По настоянию Н.М. Потапова в апреле 1911 г. была задержана отправка из Одессы военных грузов, предназначенных черногорской армии. В июне-июле 1911 г. российский военный агент не позволил провести военные учения ополченцев недалеко от албанской границы. Свою позицию он объяснял тем, «что господарь за счет нашей субсидии желает лишь бряцать оружием и сосредоточивает рекрут в расстоянии получаса от албанской границы вовсе не для обучения, а для того, чтобы посылать их во всякое время и по всякому поводу на границу и тем беспокоить и смущать турок…»[78]. Тогда же по распоряжению МИД России С.В. Арсеньев приостановил выдачу субсидии «до полного окончания албанского восстания»[79]. На такое «принуждение» король Никола отвечал нервными сценами, адресованными Арсеньеву и Потапову (оба подробно описали их в своих донесениях). Довольно часто король повторял: «О, эта отвратительная статья 7-я соглашения: она связывает меня по рукам и ногам…»[80].

В январе–феврале 1912 г. король посетил Петербург, рассчитывая на поддержку России сразу в нескольких делах. Прежде всего он надеялся получить дополнительную материальную помощь, так как финансовое положение Черногории было отчаянным. Хотелось еще раз продемонстрировать, как важна Черногория в балканских делах. И, конечно, было необходимо убедить российских кураторов, что территориальные приращения за счет турецких владений — это вопрос жизни и смерти для маленькой страны, поэтому не стоит все время одергивать черногорское правительство. Никола верил, что сможет убедить Петербург в полезности контактов с албанскими повстанцами, вышедшими из повиновения султану. Однако ожидания черногорского монарха не оправдались. Россия в очередной раз постаралась склонить правителя Черногории к сдержанности и добилась

[78] *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории… Т. 1. С. 509.
[79] Там же. С. 516.
[80] Там же. С. 519.

inslav

от него относительной покорности в албанском вопросе. Вернувшись в Цетинье, Никола стал очень любезен со всеми русскими дипломатами и офицерами, хотя еще пару месяцев назад был резок с ними и без конца жаловался, что лишен свободы действий.

Вскоре стало понятно, что это было затишье перед бурей. Выдержки Николы хватило ненадолго. Уже в июле 1912 г. он снова начал делать резкие заявления в адрес Турции. В августе и сентябре были заключены соглашения с Болгарией и Сербией о взаимной помощи в борьбе с Османской империей. В августе произошло столкновение турок и черногорцев в районе Мойковаца. «Король сильно возмущен. У него все более зреет мысль о необходимости нападения на Скутари, Плаву и Гусинье», — телеграфировал начальству Н. М. Потапов[81]. Правда, по содержанию телеграмм Потапова можно судить, что летом 1912 г. инициатива по раздуванию пограничных стычек принадлежала не черногорцам, а туркам. Но боевой пыл охватил и черногорскую верхушку. В начале сентября Н. М. Потапов уже не сомневался, что черногорцы готовы ввязаться в войну, так как заручились поддержкой стран Балканского союза. Он предполагал, что «Черногория должна для открытия военных действий сыграть роль застрельщика — привлечь на себя возможно большее количество турецких сил… Черногорское правительство рассчитывает, что больше 4 или 5 тысяч человек оно в войне не потеряет, а выиграть может очень много»[82]. Российский военный агент этого оптимизма не разделял.

Таким образом, военно-политическое сотрудничество России и Черногории в 1910–1912 гг. дало те результаты, которых императорское правительство старалось избегать много лет. К ситуации того времени можно применить выражение: «Хвост вилял собакой». Вместо того, чтобы заставить маленького союзника действовать в соответствии с указаниями из Петербурга, российские покровители невольно еще больше вселили в черногорскую элиту надежду решить все наболевшие проблемы путем войны и территориальной экспансии.

* * *

Участие Черногорского королевства в войнах начала XX в. 9 октября 1912 г. началась Первая Балканская война. Военная субсидия из России была сразу же приостановлена на том основании, что нарушена статья 7 военного соглашения 1910 г. В первые дни боевых действий черногорские военачальники придерживались современных методов ведения войны и добивались успеха. Предваряя наступление пехоты

[81] *Потапов Н. М.* Русский военный агент в Черногории… Т. 1. С. 580.
[82] Там же. С. 590.

inslav

артиллерийской подготовкой, черногорцы смогли взять часть крепостных укреплений, защищавших дорогу на албанский город Скадар (Скутари).

Но вскоре положение на театре военных действий изменилось. «Благоразумия при ведении операции Северным и Средним отрядами, — доносил Н.М. Потапов, — хватило на два первых дня; подготовленное артиллерийским огнем успешное взятие Дечича вскружило головы и вернуло к старой тактике. Атака более слабого, чем Дечич, укрепления Шипчаник начата в четверг и продолжена вчера (12 октября 1912 г. — *В.Х.*) без надлежащей подготовки; в результате больше сотни убитых и 400 раненых, а укрепление это, открывающее путь на Скутари, еще не взято. <...> Потери Среднего отряда угнетающе подействовали на правительство и лиц, окружающих короля, которые горько жалуются на отсутствие умелого руководства операциями»[83].

Уже в начале Первой Балканской войны было ясно, что чрезмерные территориальные претензии короля Николы не подкрепляются военной силой. И дальнейшее развитие военных действий было совсем не таким легким, как надеялся черногорский монарх, армия Королевства несла слишком тяжелые людские потери. Судя по дневникам Н.М. Потапова, Никола во время военных действий постоянно требовал от старших по званию свести к минимуму жертвы среди личного состава армии, но добился только одного: воля офицеров была парализована, они не проявляли инициативу, чувствовали себя несвободными в разработке тактики боев. Досадной помехой, связавшей руки командирам, стала черногорская камарилья — «на решение дел влияли десятки окружавших короля совершенно неответственных лиц»; «добрых военных советов король от них получить не мог», — писал Н.М. Потапов. Война шла по придворному расписанию, король и его свита пренебрегали «элементом времени». «…Ежедневно военные действия начинались при полном свете дня, прерывались в часы трапезы и отдыха, а на ночь вовсе прекращались», — негодовал российский военный агент[84].

Сама армия проявила себя по-разному. Лучше всего воевали обученные в батальонах и военных училищах бойцы, например, артиллеристы и разведчики, хотя и к ним было много замечаний. Хуже всего дела шли в пехоте, куда явились и давно не годные к военной обязанности старики, и необученная молодежь. Это повлекло за собой неоправданную гибель бойцов: «Последствия от приема в строй стариков оказались в высшей степени пагубными для тех войсковых частей, в которых эти старики оказывались. Не имея понятия о

[83] *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории… Т. 1. С. 600.
[84] Там же. С. 654–655.

inslav

современных приемах наступления пехоты под огнем неприятеля и руководствуясь лишь своим боевым опытом, приобретенным 35–60 лет тому назад, они не признавали применения к местности, громко называя это трусостью. Вследствие этого даже обученная в казармах молодежь, боясь прослыть трусами, переставала применяться к местности и шла под выстрелами неприятеля открыто, чем и объясняются огромные потери черногорцев в первое время войны»[85]. Старые воеводы вмешивались в приказы молодых офицеров, отменяли толковые распоряжения и отдавали нелепые команды, из-за которых гибли люди.

Российского военного агента шокировало «варварское отношение» черногорцев к врагам («отрезывание носов у раненных турок») и «непрекращающиеся в течение всей войны грабежи домов и целых селений в дружественных черногорцам племенах албанцев-малисоров и даже в родственных черногорцам сербских племенах Ново-Базарского санджака»[86]. В итоге, черногорские батальоны так и не смогли взять Скадар ни штурмом, ни осадой.

Однако королевское окружение не отказалось от планов присоединения албанских земель. Оно стало использовать не военные, а политические средства. То, чего не добились черногорские войска, должна была за них сделать российская дипломатия. Узнав, что великие державы сошлись на необходимости создать нейтральную Албанию, а значит Скадар останется в этом новорожденном государстве, черногорское лобби стало требовать защиты королевских претензий.

Это красноречиво описано в мемуарах председателя Совета министров России В. Н. Коковцова. 24 декабря 1912 г. его посетила жена великого князя Петра Николаевича Милица Николаевна и продолжала в течение полутора часов настоятельно требовала передать Николаю II «пожелания ее родителя», изложенные письменно. Первое требование было таким: Россия не должна подписывать «никакого соглашения по ликвидации Балканского вопроса, если только Скутари не будет признано за Черногорией». «…Если это условие не будет принято, Черногория готова ринуться на Австрию и предпочитает погибнуть в неравном бою, лишь бы не лишиться плодов своих побед». Читатель сам может судить, могла ли черногорская элита ссылаться на военные победы. Второе требование черногорского двора выглядело не менее смело: «Северная граница Албании должна быть проведена так, чтобы Ипек и Дьяково отошли непременно к Черногории». Третье условие в известной мере перечеркивало смысл двух первых, ибо демонстрировало крайнюю слабость Королевства:

---

[85] *Потапов Н. М.* Русский военный агент в Черногории… Т. 1. С. 656.
[86] Там же. С. 661.

inslav

«Обещанная государем помощь мукою и кукурузою должна быть послана как можно скорее, иначе будет поздно, и население, лишенное продовольствия, вымрет от голода». Четвертое условие вызывало недоумение: «Черногорская артиллерия окончательно изношена, орудия более не пригодны к бою, патроны расстреляны, и необходимо также немедленно послать три батареи из 6 скорострельных пушек нового образца, каждая с 1000 снарядов на каждое орудие, а также выслать по 1000 снарядов на все старые орудия и 20 млн патронов для всех трехлинейных винтовок, предоставленных в свое время Черногории».

Сегодня эта дерзость черногорского двора на фоне ужасающей бедности и слабости Королевства выглядит несколько забавно. Но тогда В.Н. Коковцову было не до смеха. Милица Николаевна пользовалась расположением императрицы Александры Федоровны, которая, в свою очередь, сильно влияла на мнение Николая II. Ссора с Милицей могла стоить карьеры любому русскому министру. Первые же попытки объяснить княгине нелепость подобных требований были оборваны резким гневным тоном, «переходившим в запальчивость»: «Мой отец поручил мне прямо сказать здесь (т.е. передать государю)[87], что уложивши не менее 8 тыс. человек, он уверен, что в состоянии взять Скутари, и желает знать, обеспечит ли в таком случае Россия, что Скутари останется за ним?». На такую прямоту В.Н. Коковцов ответил прямым вопросом: черногорцы, готовясь действовать наперекор великим державам, могут спровоцировать Австрию на военные действия. Они ждут, что Россия начнет их защищать, давая повод к большой европейской войне? Милица была ошеломлена такой перспективой и несколько сбавила тон: «Ну, зачем же ставить вопрос так прямолинейно? Если Россия на самом деле заявит свое желание настойчиво, <…> то Австрия не посмеет угрожать войной, мы будем иметь то, что нам необходимо»[88].

Этот диалог хорошо показывает, как мало черногорский двор беспокоили возможные последствия его безудержного стремления расширяться. Дипломатические и военные осложнения вообще не рассматривались королем Николой, когда он настаивал на своем. Россия обязана помочь любой ценой, все остальное представлялось неважным. Такое понимание военного соглашения 1910 г. было диаметрально противоположным тому смыслу, который в него вложила российская сторона, ожидавшая от напарника ответственности, дисциплины и послушания. Описанная В.Н. Коковцовым сцена красноречиво свидетельствует о том, как трудно было договариваться с правящими кругами Черногории.

---

[87] Это уточнение самого В.Н. Коковцова. — *В.Х.*

[88] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 124–126.

inslav

Не преуспев в высших эшелонах власти, черногорское лобби стало воздействовать на общественное мнение России, главным образом, через прессу. Последовала серия статей в «Новом времени» и других русских изданиях, в которых резко критиковалась идея великих держав создать Албанию и еще более резко характеризовались действия российской дипломатии на Балканах. Подстрекательские публикации спровоцировали несколько демонстраций в Петербурге, но самодержавие быстро пресекло эти действия. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов успокоил европейских партнеров, заявив, что даже если бы черногорское войско смогло взять Скадар, российское правительство продолжало бы смотреть на эти территории «как на область, предназначенную войти в состав будущей независимой Албании»[89]. Попытки Черногории оказать давление на МИД России путем дворцовых интриг и националистической пропаганды в газетах не удались.

Зимой–весной 1913 г. наступило время подводить итог военных действий на Балканах. Король многократно заявлял российскому посланнику А.А. Гирсу, что не уступит Скадар ни в коем случае, ему вторили члены правительства. А.А. Гирс в ответ просил подумать о жертвах и о противодействии великих держав. Он доносил в Петербург: «Король и правительство не стесняются открыто высказывать полное пренебрежение к выступлению держав, чем крайне затрудняют не только наше положение вообще, но и нашу деятельность»[90].

В секретной телеграмме 19 марта (1 апреля) 1913 г. посланник сообщал о том, как вел себя черногорский правитель во время очередной аудиенции: «Речь зашла о начавшемся вчера штурме Скутари и дала повод его величеству на мое замечание об ответственности, которая всецело падает на него за отказ подчиниться требованиям держав, в недопустимых по резкости выражениях обрушиться на последние и заявить мне категорически, что он никакого внимания на них обращать не будет и продолжит штурм до конца. Я оказался вынужденным прервать беседу…»[91].

Дипломатические атаки короля поддержала приехавшая в Цетинье великая княгиня Милица Николаевна. Она рассказывала посланнику о массовых беспорядках, якобы имевших место в Петербурге из-за того, что русские дипломаты не в состоянии защитить Черногорию[92].

Не взяв с помощью войск Скадар и не получив от России желаемой поддержки своих территориальных претензий, король Никола в

---

[89] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 105.
[90] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 133. Л. 94.
[91] Там же. Л. 95.
[92] Там же. Л. 98.

inslav

начале апреля 1913 г. пошел на хитрость, чтобы добыть вожделенный североалбанский город. Между престолонаследником Данилой, находившимся на фронте, и комендантом крепости Эссад-пашой Топтани был заключен договор о том, что паша сдаст черногорцам город в обмен на обещание беспрепятственно выпустить с оружием и имуществом гарнизон и тех жителей, которые захотят уйти. Черногорское командование гарантировало, что крепость не будет разрушена, никто из албанцев, принявших участие в боевых действиях, не будет привлечен к ответственности[93]. Великие державы были потрясены, особенно после того, как стало известно о секретной части албанско-черногорских договоренностей. А. А. Гирс сообщал в МИД России: «Этот Эссад-паша хочет провозгласить себя королем Албании, а король Николай его тут же признает»[94]. Конечно, европейские политики кипели от гнева и постоянно писали о хитрости и коварстве балканских правителей.

Однако в сговоре местных руководителей было видно и их стремление проводить в регионе самостоятельную политику, не соотнося ее постоянно с планами европейских стран. По мнению местных элит, они лучше знали, как им договориться и разграничиться, что́ справедливо или несправедливо для местного населения. Допустить такой самостоятельности большая Европа не могла. Начались военные демонстрации против Черногории, которой ясно дали понять, что австрийская оккупация вполне возможна, если не будет проявлена сговорчивость. Противостоять главным европейским правительствам без поддержки России было не под силу даже такому упрямцу, как король Никола. Пришлось уступить. В секретной телеграмме А. А. Гирса от 27 апреля (10 мая) 1913 г. сообщалось: «Вчера вечером … подписан протокол о передаче Скутари международному отряду, которая состоится в среду 1 мая в 2 часа дня»[95].

Король Никола тяжело переживал провал своих замыслов и без колебаний переложил ответственность за неудачу на других. В эти дни он выступил перед Скупщиной с речью: «Наш всегдашний покровитель русский царь, сперва советами, а затем и строгими угрозами потребовал, чтобы мы покорились решению Европы»[96]. Выходило, что издержки Балканских войн лежат на России, а не на совести монарха и его двора, так и не сумевших сделать страну боеспособной, несмотря на щедрую материальную помощь. Более того, «единственный друг России» считал себя вправе снова добиваться возобновления военной субсидии, приостановленной в начале войны. Но рос-

[93] *Перазић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе… С. 686–687.
[94] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 133. Л. 134.
[95] Там же. Л. 177.
[96] Там же. Л. 180.

inslav

сийские дипломаты были решительно настроены на отказ. А. А. Гирс предлагал порвать союзнические отношения, считая, что едва ли подвернется еще раз такой удачный момент «прочно оградить себя от быстро возрождающихся осложнений»; «нельзя даже предугадать всех неизбежных и грозных последствий, если Черногория будет существовать для нас как фактор, с которым мы продолжали бы считаться»[97].

Российским политикам горько было осознавать, что их труды были напрасными. «Рассчитывать на то, что король Николай вперед иначе отнесется к своим обязательствам и к делу обучения своего войска, никаких оснований не имеется. Кроме того, я полагаю, что ввиду племенных особенностей сербов Черногории, образующих скорее клан, чем государство, мы вряд ли добьемся образования из них боевой единицы, отвечающей всем современным требованиям военной техники и нашим военно-политическим задачам», — писал своему начальству А. А. Гирс[98].

Итоги Балканских войн были для Королевства неоднозначными. В 1912–1913 гг. Черногория смогла присоединить новые земли, хотя и не такие обширные, как мечталось королю. Но плата за это была слишком высокой, имело место полное истощение и без того скромных экономических ресурсов Королевства. В Мировую войну оно вступило настолько ослабленным, что уже в самом ее начале было ясно — долго отражать атаки австрийской армии не удастся.

* * *

Начало XX в. стало временем суровых испытаний для народа Черногории. В социально-экономической сфере страна почти не сдвинулась с того уровня развития, которого с большим трудом достигла в конце XIX в. Выйдя из исторической изоляции, черногорцы увидели, как бедно они живут на фоне европейцев. Не имея опыта и необходимых ресурсов, торопясь получить результат любой ценой, правящий класс допускал одну экономическую ошибку за другой. Самой опасной из них была политика непродуманных займов, погасить которые страна не могла. Черногория превратилась в несостоятельного должника, которого постоянно выручала Россия.

В государственном развитии тоже видна торопливость и незрелость элиты. Правительство было охвачено административной лихорадкой, спешило с реформами, не задумываясь над тем, дали ли нововведения ожидаемые результаты. Одно начинание сменялось другим, несмотря на то, что общество их плохо понимало. Некогда

[97] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 133. Л. 155.
[98] Там же. Л. 199.

inslav

энергичный народ, выживавший в самых неблагоприятных исторических условиях, превратился в пассивную массу, задавленную авторитарным режимом. Апатия нации грозила деградацией государственности, добытой с таким трудом. Возможно, именно эта угроза заставила монарха пойти на смелый политический эксперимент и даровать своим подданным конституцию.

Однако для Николы Петровича это действие было только имитацией политической модернизации. Он не был готов к гражданской инициативе, общественному самоуправлению, наличию оппозиции. Как только эти ростки появились на черногорской почве, господарь стал их азартно выкорчевывать. Любую критику в свой адрес правитель воспринимал как покушение на государственную безопасность и сурово расправлялся с инакомыслием. Насилие элиты породило террор снизу, вместо политической борьбы начался период бесконечных политических дрязг. Особенно опасен был конфликт поколений, молодежь отказывалась принимать существующее положение дел.

Активная внешняя политика и стремление к территориальному расширению показались черногорскому двору выходом из тупика. Благодаря российской щедрости начались масштабные преобразования в армии. Никола Петрович верил, что обновленные вооруженные силы позволят компенсировать внутренние неудачи внешними успехами. Но и в военной реформе обнаружились те же поверхностность и некомпетентность. Войны, в которые ввязалась Черногория в начале XX в., окончательно разорили народ и подорвали силы государства. Престиж династии стремительно падал, все больше граждан склонялось к союзу с другими народами Балкан как к единственно верной исторической перспективе.

Отдельно стоит отметить неоднозначную роль России в политической жизни Черногории. Российский народ горячо сочувствовал черногорским братьям, правительство империи не скупилось на помощь. Однако чрезмерная заботливость превратилась в патернализм, в назойливую опеку и бесконечные подозрения, как бы черногорская верхушка не изменила с другими великими державами. Из-за своей неумеренной «любви» русские наставники шагу не давали ступить черногорским управленцам, постоянно контролируя любые, даже незначительные начинания. Казалось бы, очевидная выгода от дружбы с мощным союзником обернулась отсутствием права на выбор. История Черногории показала, что государственность — это внутренний продукт, ускорить ее развитие вмешательством извне или изменить ее качество с помощью финансовых или административных «подпорок» со стороны очень трудно или даже невозможно.

inslav

Боснийский узел

Решение Берлинского конгресса 1878 г. предоставить Австро-Венгрии право оккупировать две провинции Османской империи — Боснию и Герцеговину — создало на балканской земле один из сохраняющих свою актуальность и сегодня узлов межэтнических и межгосударственных конфликтов. Соответствующая XXV статья Берлинского трактата была сформулирована следующим образом: «Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией. Австро-венгерское правительство не желает принять на себя управление Новибазарским (Новопазарским. — *П.И.*) санджаком, простирающимся между Сербией и Черногорией, по направлению на юго-восток за Митровицу, оттоманское управление останется в нем в действии по-прежнему. Но для того, чтобы обеспечить существование нового политического строя, а также свободу и безопасность путей сообщения, Австро-Венгрия предоставляет себе право содержать гарнизоны, а также иметь дороги военные и торговые на всем протяжении этой части прежнего боснийского вилайета»[1].

Тогда даже самые отъявленные оптимисты в сфере национально-государственного строительства не могли отрицать отсутствия в обеих провинциях реальной государствообразующей базы. И связано это было в первую очередь с чрезвычайно пестрым даже по балканским меркам этно-конфессиональным составом населения. Созданная в июле 1879 г. параллельно с австрийским военным командованием гражданская администрация Боснии и Герцеговины начала свою деятельность с проведения переписи населения. Она дала следующие результаты: из общей численности населения Боснии и Герцеговины в 1 млн 140 тыс. человек 486 тыс. (42 %) назвали себя православными сербами, 442 тыс. (39,6 %) — мусульманами, 209 тыс. человек (17,5 %) — католиками-хорватами и 3 тыс. человек (2,5 %) — евреями[2]. Сразу же появившиеся комментарии объяснили преобладание сербского этнического элемента над мусульманским массовой эмиграцией мусульман в другие районы Османской империи, которая,

---

[1] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 193.
[2] АВПРИ. Фонд V-А2. Оп. 181. Д. 830. Л. 12.

inslav

по некоторым данным, за предшествующие несколько лет составила 300 тыс. человек[3].

Ключевых причин для эмиграции было две: общее состояние социально-экономической разрухи в обеих провинциях, которые во второй половине 1870-х годов пережили полномасштабные боевые действия, и введение новыми австро-венгерскими властями всеобщей воинской повинности, распространявшейся и на местных сербов и хорватов, и на мусульман. Выступая против данного распоряжения, сербы и хорваты ссылались на султанский фирман 1868 г., освободивший от воинской службы всех немусульман, а мусульмане — на собственные религиозные традиции, которые якобы не позволяли им служить в одних вооруженных отрядах с немусульманами. Кроме того, особое положение мусульманского населения Боснии и Герцеговины являлось следствием несомненного международно-правового дуализма в статусе обеих провинций, определявшегося не только положениями Берлинского трактата 1878 г., но и двусторонней Енипазарской (Новопазарской) конвенцией от апреля 1879 г., заключенной Османской империей и Австро-Венгрией. Данный документ подчеркивал временный характер оккупации Боснии и Герцеговины монархией Габсбургов, подтверждал верховный суверенитет османского султана над обеими провинциями и его статус духовного главы проживавших там мусульман-суннитов.

Впрочем, достоверные данные на предмет численности эмигрантов из Боснии и Герцеговины так или иначе отсутствуют.

Попытки властей Австро-Венгрии в лице действовавших параллельно гражданской и военной администраций навести в обеих провинциях определенный порядок наталкивались на сопротивление вооруженных отрядов, представлявших все три этнические группы. А в 1882 г. Герцеговину охватило новое восстание, которое подняли сербы и которое вскоре распространилось на Боснию. В этой связи стоит напомнить, что и сама предшествовавшая оккупация Боснии и Герцеговины сопровождалась потерями со стороны австрийской армии. Австро-Венгрия задействовала в операции в общей сложности пять армейских корпусов численностью 153 тыс. военнослужащих, притом, что им противостояли 79 тыс. повстанцев и 13800 военнослужащих регулярной турецкой армии. При этом общие потери австро-венгерской группировки составили около 5000 человек, из которых порядка 1000 человек погибшими.

Однако отсутствие серьезной поддержки со стороны мусульман — не желавших столь активно сотрудничать с православными, —

[3] *Вяземская Е. К.* Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX века // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 323.

inslav

а также жесткие действия созданного к тому времени оккупационными властями жандармского корпуса численностью свыше трех тысяч человек, привели к быстрому подавлению этого выступления. К тому же к этому времени властям удалось завершить кампанию по разоружению населения Боснии и Герцеговины, и хотя многие мусульмане все же примкнули к восставшим, подобное межэтническое объединение в борьбе против австро-венгерских властей носило скорее символическое значение как пример совместного выступления «сербских крестьян» и «мусульманских землевладельцев»[4].

Следует учесть также и общую неблагоприятную для восставших международную обстановку. Великие державы, подписав Берлинский трактат, сочли балканские проблемы (хотя бы на время) урегулированными. Что же касается Сербии, на поддержку которой рассчитывали в своей борьбе боснийские сербы, то, как справедливо отмечает российская исследовательница С.И. Данченко, «после Берлинского конгресса 1878 г. эта страна «начала переходить в сферу экономического и политического влияния Австро-Венгрии»[5].

При этом именно одобренная Берлинским конгрессом оккупация Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии стала водоразделом и в косовской политике Сербии, поставив воссоединение этих территорий во главу угла ее внешнеполитического курса. На международном уровне этот поворот был закреплен посредством секретного политического договора, заключенного 28 июня 1881 г. с Австро-Венгрией. Через этот документ Сербия заручилась поддержкой своих планов территориального расширения в южном направлении («в направлении долины Вардара»[6] — что охватывало как Косово, так и Македонию) взамен от своего отказа от претензий на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак.

Определенной стабилизации обстановки в Боснии и Герцеговине содействовало и решение вопроса о разграничении полномочий по ее управлению между Веной и Будапештом, который особенно беспокоил венгерскую сторону. В Венгрии («Транслейтании») не хотели ни брать Боснию и Герцеговину на собственный политический и финансовый баланс, опасаясь «разбавить» славянским и мусульманским населением собственный этнический баланс, ни передавать обе провинции под управление Австрии («Цислейтании») — дабы не дать усилиться австрийской половине монархии. В результате ожесточенных дискуссий искомое решение было выработано на финансовой основе. В феврале 1879 г. обе провинции были переданы в ведение

[4] *Ekmečić M.* Ustanak u Hercegovini 1882. Sarajevo, 1983. S. 14.

[5] *Данченко С.И.* Сербский вопрос в царствование Александра III // Императорский дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 211.

[6] *Petrovich M.B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. New York and London, 1976. P. 273.

inslav

министерства финансов Австро-Венгрии — одного из немногих совместных ведомств обеих половин монархии Габсбургов. В 1880 г. соответствующее решение было подтверждено на уровне парламентов Австрии и Венгрии, хотя и в последующие три десятилетия необходимость финансировать за свой счет Боснию и Герцеговину немало возмущала австрийское и венгерское общественное мнение[7].

Общественное — но не военное. Военное командование Австро-Венгрии вполне отдавало себе отчет в стратегической важности обеих провинций, и соответствующее положение нашло четкое выражение в рапорте, который направило эрцгерцогу Францу-Фердинанду командование имперской дивизии, расквартированной в городе Мостар: «Монархия должна быть готова принести также материальные жертвы в осознание того, что Босния и Герцеговина совершенно необходимы для поддержания австро-венгерской мощи на Балканах»[8].

В целях более эффективного управления обеими провинциями при объединенном министерстве финансов Австро-Венгрии было создано специальное Бюро по делам Боснии и Герцеговины, включавшее в свой состав департаменты, ведавшие, помимо решения собственно финансовых вопросов, также охраной правопорядка, лесными богатствами и горнорудным делом. Последнее обстоятельство отвечало интересам австрийского и венгерского крупного капитала, рассчитывавшего активно эксплуатировать природные богатства Боснии и Герцеговины. Функции местных властей исполняло Земельное правительство. Подобная структура в целом сохранилась вплоть до начала Первой мировой войны.

Что же касается этнического представительства во властных структурах, то ведущая роль здесь принадлежала славянам — 86 % к 1914 г. Однако, следуя традиционному принципу divido et empero, Вена и Будапешт озаботились тем, чтобы создать элементы межславянского антагонизма: более половины местных чиновников-славян представляли другие области монархии Габсбургов. На долю местных сербов пришлось 24 % должностей. Мусульмане контролировали еще меньше — 11,5 %. Параллельно шел процесс «разбухания» чиновничьего аппарата, являвшегося одной из важных опор оккупационного режима. Накануне Первой мировой войны численность государственного чиновничества в Боснии и Герцеговине составляла свыше 14 тыс. человек (в семь раз больше, чем в 1885 г.) — в подавляющем большинстве выходцев из других областей монархии Габсбургов.

---

[7] Подробнее см.: *Džaja S.* Bosnien-Herzegowina in der österreichisch-ungarischen Epoche (1878–1918). Die Intelligentsia zwischen Tradition und Ideologie // Südosteuropäische Arbeiten. Band 93. München, 1994.

[8] *Wesely K.* Die wirtschaftliche Entwicklung von Bosnien und Herzegowina // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 1973. Bd. 4. S. 545.

inslav

Именно в Боснии и Герцеговине в 1880–1900 гг. активно отрабатывались те модели регулирования этно-конфессионального баланса, которые в XX в. приобрели во многом определяющий характер в проведении национальной политики — в том числе в единой Югославии. На эту особенность рассматриваемого периода обратили особое внимание немецкие исследователи. В германской исторической науке в последнее время в противовес секуляристским концепциям набирает популярность теория о том, что XIX век стал новой конфессиональной эпохой. В частности, в трактовке Олафа Блашке это означало политизацию религии и религиозную подоплеку «многих политических решений»[9].

На тесную взаимосвязь конфессиональных и политических вопросов, особенно активно вызревавшую на протяжении всего XX в., указывают и современные эксперты. В частности, аналитики организации «Международная кризисная группа» подчеркивают, что все три этнических фактора исторически взаимно подпитывали собственный национализм даже в относительно спокойные периоды истории Боснии и Герцеговины, в частности, отвечая «усилением националистических лозунгов»[10].

Говоря об этническом факторе в истории Боснии и Герцеговины, следует отметить, что он не ограничивается местными сербами, хорватами и мусульманами. Уже в 1870-е годы заметную роль в обеих провинциях стали играть албанцы. В частности, среди собравшихся в 1878 г. в Призрене делегатов Албанской лиги были крупные албанские феодалы, лидеры влиятельных местных кланов и представители мусульманского духовенства не только из Косово, Албании, Болгарии, Македонии, но и из Новопазарского санджака и самой Боснии и Герцеговины.

С другой стороны, следует согласиться и с мнением российской исследовательницы С.И. Данченко, подчеркивающей, что в условиях, сложившихся в Османской империи к 1878 г., очень трудно было провести четкую грань как между отдельными этносами, так и между «национальным» и «великодержавным»[11].

Что же касается собственно великих держав, то их позиция (за исключением в определенной степени России) в пользу сохранения мандата Австро-Венгрии на управление Боснией и Герцеговиной не

---

[9] *Пал Ю.* Вероисповедание и политика в Трансильвании в середине XIX в. // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918. М.–СПб., 2016. С. 242.

[10] URL: https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/balkans/bosnia-and-herzegovina/bosnia-s-dangerous-tango-islam-and-nationalism

[11] *Данченко С.И.* Проблема «На пути к образованию Албанского государства» в послевоенной советской и российской историографии // Независимость Албании в общебалканском контексте. М, 2014. С. 71.

inslav

претерпела особых изменений даже на пике Аннексионного кризиса 1908–1909 гг., вызванного решением Вены и Будапешта аннексировать обе провинции. Суть подобного подхода весьма точно охарактеризовал уже после Первой мировой войны, выступая в британском парламенте в январе 1918 г., премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж: «В задачи английской политики не входит разрушение Австро-Венгрии»[12].

Аналогичная мысль прослеживается и в послевоенных мемуарах британского премьера: «Мы не имели в виду полного распада Австрийской монархии, а стремились скорее к тому, чтобы в ее границах было создано несколько свободных автономных государств по образцу Британской империи»[13].

Тем не менее, несмотря на несомненные успехи оккупационных властей в деле наведения порядка в бывших беспокойных османских провинциях, — значительная роль в чем принадлежала занимавшему пост министра финансов Австро-Венгрии в 1882–1903 гг. венгру Беньямину Каллаю — далеко не все в Боснии и Герцеговине были довольны существующим положением. Внутренние процессы «наложились» на тенденции в общественно-политической мысли, охватившие другие южнославянские области монархии Габсбургов, в том числе в контексте более общего процесса развития идей югославянства среди представителей других народов, которые позднее войдут в состав единой Югославии, в частности, словенцев. Среди последних в 1903–1914 гг. наблюдался «мощный прорыв идеи югославянства», когда «среди представителей всех идейно-политических лагерей — католического, либерального и социал-демократического, окончательно сформировалось представление о необходимости объединить национально-освободительное движение словенцев и других югославянских народов, стремиться к их национально-культурному сближению»[14].

Нельзя не отметить и роль Беньямина Каллаи в решении вопросов экономического развития Боснии и Герцеговины. Блестящий знаток запутанных и противоречивых отношений между Веной и Будапештом, он умело играл на противоречиях правящих австрийской и венгерской элит в целях обеспечения финансовых интересов провинций. Кредиты на нужды развития Боснии и Герцеговины исправно поступали из казны, позволив создать в отсталых османских областях

---

[12] Цит. по: *Трайнин И.* Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.–Л., 1947. С. 270.

[13] Цит. по: *Писарев Ю. А.* Нарастание революционной ситуации в Сербии, Хорватии и Словении // Ученые записки Института славяноведения. Том VII. М., 1953. С. 150.

[14] *Перовшек Ю.* Развитие национально-освободительных идей и концепций словенцев в 1848–1941 гг. // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2001. С. 13–14.

inslav

современную металлургическую промышленность, а также деревообрабатывающую индустрию. Разветвленная сеть железных дорог, телефонная и телеграфная связь, банковская система — все это стало результатом деятельности в Боснии и Герцеговине министра финансов Каллаи. Красноречивый показатель: к 1878 г. в Боснии существовала единственная железнодорожная линия протяженностью 194 км — да и та была сооружена на деньги частного австрийского, а не турецкого, капитала. А уже к 1914 г. протяженность железнодорожной сети увеличилась примерно в семь раз — до 1391 км[15]. Так что вполне стоит согласиться с мнением российской исследовательницы Е. К. Вязямской, отмечавшей, что, несмотря на наличие несомненной военно-политической составляющей, «в целом план индустриализации Каллая был ориентирован на решение экономической задачи освоения природных богатств страны»[16].

* * *

Аннексия Боснии и Герцеговины, объявленная указом императора Франца-Иосифа 5 октября 1908 г. (до этого обе провинции с согласия великих держав находились в составе кондоминиума монархии Габсбургов и Османской империи), стала еще одной важной вехой в развитии международных отношений в Европе в целом и на Балканах в особенности, содействовав в том числе радикализации настроений не только в Сербии, но даже и в Черногории. Формально черногорские власти не афишировали столь активно, как Сербия, своих интересов в Боснии и Герцеговине, однако отнюдь не прочь были использовать боснийскую карту в собственных планах территориальных разменов.

Особую активность в этом плане проявлял черногорский князь Никола, ближайшие сподвижники которого разработали с приближением Балканских войн далекоидущую программу действий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н. М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя, совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя

[15] *Hauptmann F.* Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Hercegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Gray, 1983. S. 227–233.

[16] *Вяземская Е. К.* Босния и Герцеговина: ее место… С. 334.

inslav

прилегающими частями Албании и Старой Сербии за потерю надежд на воприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»[17].

Как отмечал в своих донесениях в Петербург российский поверенный в делах в Черногории Н.С. Дьяченко, черногорское руководство рассчитывало в том числе на повторение боснийского сценария применительно к территориальным претензиям Цетинье: «Что касается до отношения великих держав к подобной авантюре и тех последствий, которые она может иметь для Черногории, то здешние скороспелые политики считают, что — по примеру Австро-Венгрии и Болгарии (речь идет об аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашении независимости Болгарии. – *П.И.*) — все сойдет им благополучно с рук, и Европа не только преклонится, по обыкновению, перед совершившимся нарушением статус-кво, но из боязни общего пожара на Балканах, сама поможет Княжеству уладить дело в желаемом для последнего смысле»[18].

Что же касается Сербии, то там накануне Первой мировой войны вполне отдавали себе отчет в иллюзорности надежд на скорое присоединение Боснии и Герцеговины и всячески пытались успокоить в данном плане Вену. В частности, показательной стала беседа, состоявшаяся в ноябре 1912 г. между сербским премьер-министром Пашичем и австрийским посланником в Белграде Угроном. Австрийский дипломат сделал Пашичу доверительное сообщение в следующем смысле: «Австрия дала немало доказательств своего благорасположения к Сербии. По объявлении балканской войны она отказалась от занятия Новопазарского санджака, чтобы не стеснять военных операций сербов. Она первая заявила, что не ищет никаких территориальных приращений на полуострове и готова на основании принципа “Балканы для балканских народов” содействовать удовлетворению законных притязаний 4-х союзников. Но именно в силу этого Австрия считает неосновательными стремления Сербии к Адриатическому побережью, где проживает особая балканская народность, имеющая такие же права на независимое существование, как и славяне. Албанцы остались сиротами и они естественно ищут защиты Австрии, у которой в этой области серьезные интересы. Она понесла громадные материальные жертвы, строила церкви, школы и призвана охранять католическое население»[19].

Вслед за этим между собеседниками развернулась оживленная дискуссия относительно того, каким именно образом Сербия должна добиваться получения жизненно необходимого ей естественного и беспрепятственного выхода на Адриатическое море. Пашич пря-

[17] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.
[18] Там же Л. 52.
[19] Там же. Д. 529. Л. 75.

inslav

мо назвал обретение «этой отдушины, без которой страна обращена на гибель» одной из ключевых целей настоящей войны — столь же важной, как и «освобождение своих братьев» в Османской империи[20]. На это его собеседник заметил, что «для этого сербам незачем идти в чужую землю, у них теперь будет свободный выход по Вардару к Эгейскому морю, и имеются пути чрез славянские земли к Спалато и Метковичу, или наконец по союзной территории к черногорским портам»[21]. В ответ Пашич заявил Угрону, что «Сербия стремится к экономической независимости, каковая не будет обеспечена ни выходом чрез принадлежащие Австрии Боснию и Герцеговину, ни чрез черногорскую территорию. Путь к Эгейскому морю далек и составляет сферу притязания других союзников. Естественно посему, что Сербия направила взоры к Адриатическому морю, где для нее вовсе не чужие земли, а искони принадлежавшие Сербскому государству, населенные албанцами, которые по крови те же сербы и могут, конечно, рассчитывать на всемерную защиту Сербии»[22]. Кроме того, по словам Пашича, поднятые австрийским посланником вопросы относятся к сфере совместных интересов всех балканских союзников и не могут потому быть решаемы единолично Белградом…

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией закономерным образом радикализировала и местную политическую жизнь. Это касалось, в частности, созданной в 1907 г. «Сербской народной организации», не говоря уже о возникшей на пике Аннексионного кризиса организации «Молодая Босния», которой было суждено сыграть свою важнейшую для судеб всей Европы роль уже в 1914 г. В 1907–1908 гг. сформировались и два течения в среде боснийских хорватов — более светская «Хорватская национальная общность» и конфессиональное «Хорватское католическое объединение» сараевского католического епископа Штадлера. Что же касается местных мусульман, то их политика в политической и культурно-национальной области в качестве своего ключевого элемента предусматривала укрепление связей с Константинополем и игру на противоречиях Австро-Венгрии и Османской империи с тем, чтобы обеспечить себе максимальную автономию от Вены и Будапешта. Особая роль в этом отношении принадлежала муфтию Мостара Али Фахми-эфенди Джабичу, поддерживавшему тесные контакты с османскими властями и фактически добившемуся согласия австрийской стороны на приоритетное право стамбульского шейх-уль-ислама в решении вопросов распределения должностей в мусульманской иерархии Боснии и Герцеговины.

---

[20] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 529. Л. 75.
[21] Там же.
[22] Там же.

inslav

Аннексионный кризис стал проявлением и одновременно новым импульсом в плане развития противоречий между Веной и Будапештом. Указанное противоречие проистекало уже из распределения высших управленческих должностей: за политические вопросы, как правило, отвечал назначавшийся австрийской стороной генерал, а за финансовую деятельность — министр финансов монархии Габсбургов (как правило — венгр). Кроме того, общественное мнение дуалистической империи отнюдь не приветствовало тот факт, что власти страны в целях обеспечения международной поддержки/нейтралитета в отношении своих планов в Боснии и Герцеговине были вынуждены отказаться от своих прав и претензий на Новопазарский санджак, прописанных в Берлинском трактате и Енипазарской конвенции 1879 г. Одновременно Вена вынуждена была согласиться на прямое подчинение лидеров мусульман Боснии и Герцеговины стамбульскому шейх-уль-исламу и неприкосновенность института мусульманского землевладения (вакуф). Соответствующие положения были прописаны в соглашении от 26 февраля 1909 г. «Об урегулировании между Австро-Венгрией и Османской империей».

Аннексия Боснии и Герцеговины, фактически подтвердившая существовавшее с 1878 г. положение вещей, не решила ключевую проблему обеих провинцией — обеспечение внутреннего единства и эффективно работающего статуса в системе дуализма. Следующим шагом сторонников аннексии (в том числе группировавшихся вокруг эрцгерцога Франца-Фердинанда) должно было стать преобразование дуалистической монархии в триалистическую посредством выделения в качестве третьего государствообразующего ядра славянских областей во главе с Хорватией и с Боснией и Герцеговиной в своем составе. Однако против этого солидарно выступали традиционные неприятели — венгры и сербы. А ряд лидеров боснийских мусульман предложили еще более сложную модель — переподчинение Боснии и Герцеговины напрямую Вене посредством присоединения обеих областей к Далмации. «Лишь в одном полностью совпадали желания трех боснийских народов: это в единодушном нежелании присоединиться к Венгрии», — констатировал в этой связи австрийский исследователь Хорт Хазельштайнер[23].

Однако уже совсем скоро боснийским сербам, хорватам и мусульманам придется решать совсем другие задачи собственного национального самоопределения…

[23] *Haselsteiner H.* Bosnien-Hercegowina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien–Köln–Weimar, 1996. S. 105.

inslav

Македония: балканское «яблоко раздора»

Берлинский конгресс 1878 г. и принятые на нем решения сыграли ключевую роль в развитии ситуации в Македонии и вокруг нее в последующие десятилетия. Не внеся существенных изменений в государственно-административное положение македонских земель в составе Османской империи, великие державы одновременно приняли два принципиальных решения, ставших катализатором дальнейшего обострения обстановки. Во-первых, оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией положила предел расчетам Сербии на территориальное расширение в направлении обеих турецких провинций и переориентировала вектор внешнеполитической активности Белграда в южном направлении — к Македонии, а также к Косово. Во-вторых, нерешенность проблемы обретения государственности и международно-признанных границ болгарского этноса стала важнейшим фактором роста национализма болгар, направленного в том числе и прежде всего на Македонию.

В этом отношении вполне можно согласиться с видным македонским историком Блаже Ристовским, указывающим, что Берлинский конгресс стал «просекой, разделившей две эпохи в балканской истории»[1].

К концу XIX в. сложность македонского вопроса уже была объективно понятна политикам, дипломатам, экспертам не только балканских стран, но и великих держав. Русский консул в Ускюбе В. Ф. Машков отмечал в январе 1900 г.: «Турецкое правительство после войны 1878 г. задалось целью переорганизовать западные и центральные вилайеты Балканского полуострова таким образом, чтобы административные границы ни одного из них не совпадали бы с этнографическими пределами населяющих их народностей. Этим, по-видимому, путем имелось в виду затруднить применение разных реформ и частичных автономий, а, может быть, и способствовать расселению ар-

[1] *Ристовски Б.* Македонија и Македонците од Берлин до Версај (1878–1919) // Првата световна војна на Балканот. Интересите на големите сили и регионалните конфликти (од Берлин 1878 година до Неј 1919/1920). Скопје, 2015. С. 25.

inslav

наутов (албанцев. — *П.И.*) и по таким местностям, где христианское население до сих пор оставалось более или менее сплошным»[2].

Впрочем, по свидетельству российского ученого Б.Н. Билунова, «в научной и публицистической сферах македонский вопрос ставился и ранее. Так, в соответствии с мнением П. Славейкова, редактора болгарской константинопольской газеты «Македония», македонский вопрос существовал подспудно в 1860-70-е годы, когда отдельные романтически настроенные македонцы, считавшие себя истинными потомками Александра Македонского, стали отличать себя от болгар»[3]. В целом само понятие «македонский вопрос» приобретало на разных исторических этапах различное содержание. В этой связи вряд ли следует согласиться с расширительными трактовками указанного понятия, которое зачастую можно встретить в трудах балканских и, в первую очередь, болгарских историков. В частности, болгарская исследовательница Н. Дюлгерова полагает, что «македонский вопрос» включает в себя «социальные конфликты, школьно-просветительскую пропаганду, церковные распри и борьбу местного населения за национальное освобождение, в сочетании с аппетитами балканских государств и планами великих держав». Кроме того, македонский вопрос она определяет как «болгарский национальный вопрос»[4].

В данной связи следует отметить, что схожие оценки высказываются и в российской историографии. В частности, Д.О. Лабаури в своей монографии «Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894-1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы» отмечает, что «болгарский национальный вопрос, возникший в конце XVIII в. и прошедший длительный путь своей трансформации от борьбы за развитие национального самосознания к борьбе за политическое самоуправление, в 1878 г. с возникновением Болгарского княжества был решен лишь частично. В конце XIX в. он заключался в освобождении и объединении с Болгарией еще остававшихся под турецким господством болгарских земель Фракии и Македонии»[5].

Что же касается европейской дипломатии, то она впервые затронула вопрос о судьбе Македонии в период Великого Восточного кризиса 1870-х годов. На Константинопольской конференции послов великих держав в 1876 г. был принят ряд решений, обращенных

---

[2] АВПРИ. Ф. 151. Д. 1472. Л. 8–9.

[3] *Билунов Б.Н.* К истории македонского вопроса // Болгария и Россия. Сборник трудов Б.Н. Билунова. М., 1996. С. 330.

[4] *Дюлгерова Н.* Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария. 1894–1903. София,1994. С. 4–7; она же. Руски щрихи към източния въпрос (1894–1904). София, 1997. С. 159, 239.

[5] *Лабаури Д.О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008. С. 68.

inslav

к Турции, которые носили рекомендательный характер. Одно из них — о создании двух автономных болгарских областей: восточной и западной. В состав последней должна была входить Македония. Но Турция проект отклонила.

Именно ко второй половине 1870-х годов и следует, на наш взгляд, отнести возникновение македонского вопроса как внешнеполитической проблемы в системе приоритетов великих держав. В европейских, а особенно балканских столицах македонские сюжеты стали занимать одно из ведущих мест. Но если державы рассматривали указанную проблему сквозь призму задач обеспечения региональной стабильности и сохранения на Балканах статус-кво, то балканские правительства, политики и эксперты углубились в актуальную для них и сегодня проблему этногенеза и национальной идентичности македонских славян. Одной из важнейших арен столкновений, как обычно, стала демография — этнические карты и материалы переписи населения, которые порой давали взаимоисключающие результаты — в зависимости от того, кто именно заказывал или проводил «полевые исследования».

Например, согласно данным болгарских источников за 1890-е годы, опубликованным в 1900 г., в Македонии на тот момент проживали почти 2 млн 300 тыс. жителей. Из них болгар — почти 1 млн 200 тыс. человек, турок — полмиллиона, греков — свыше 200 тысяч, албанцев — более 100 тысяч. Сербы при этом практически отсутствовали[6].

Однако сербские источники не оставались в долгу и указывали, что из 2 млн 870 тыс. населения Македонии в конце XIX в. свыше 2 млн человек были сербами и лишь немногим более 57 тысяч — болгарами. При этом данные по грекам и албанцам практически совпадали с болгарскими: греков — чуть более 200 тыс. человек, албанцев — 165 тыс. человек. А вот турок по сербским источникам было заметно меньше, чем по болгарским, — 231 тыс. жителей[7].

Греческая сторона значительно урезала само население Македонии — до 1 млн 725 тыс. человек. Но зато греков среди них было почти 653 тыс. человек, чуть меньше — турок (634 тыс.), а болгар — 332 тыс. человек. Что же касается сербов, то их греческие статистики (также как и болгарские) в Македонии практически не обнаружили[8].

На этом фоне этнической эквилибристики сотнями тысяч жителей донесения российских дипломатических представителей в Македонии на рубеже XIX–XX вв. по указанному вопросу отличались похвальной сдержанностью и осторожностью. Так, российский консул в

[6] Report of the International Commision to Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. 1914. № 4. P. 28.

[7] Ibid. P. 30.

[8] Ibidem.

inslav

Битоли А. А. Ростковский в предисловии к своей работе «Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году» предупредил, что он «не решился даже на попытку выяснения вопроса, к какой народности — сербской или болгарской — принадлежат македонские славяне, так как мне кажется, — писал дипломат, — что македонское наречие представляет переходную ступень от сербского к болгарскому языку, и потому я внес их под одну общую рубрику славян, разделив их только на патриархистов, экзархистов и мусульман. Что касается первых, то за исключением Кырчовской и Дебрской каз, где они сербофильствуют, остальные находятся под греческим влиянием и имеют в своих церквах богослужение на непонятном для них греческом языке, а также посылают детей в греческие школы, в коих учителя стараются, хотя и безуспешно, их выучить говорить по-гречески. Эти патриархисты известны у греков под именем „эллинов болгарофонов"»[9].

Другой видный представитель российской политической школы, А. В. Амфитеатров, сообщал о примечательном разговоре на данную тему с А. А. Ростковским: «Когда я, будучи в Битоли, спросил г. Ростковского, почему он держится такой осторожной классификации, он с полной откровенностью ответил, что, несмотря на свое семилетнее пребывание в Битоли, полное постоянного общения с местными славянами, он до сих пор не решается определить, где в последних проведена граница между болгарином и сербом». А. В. Амфитеатров отмечал, что того же мнения придерживался и Н. А. Иларионов — российский генконсул в Салониках, 30 лет знакомый с Балканским полуостровом[10].

Стоит привести и весьма объективное мнение военного корреспондента П. А. Риттиха, посетившего Македонию летом 1901 г. и сообщившего о том, что «деление скопийских (скоплянских. — *П. И.*) славян на сербов и болгар совершенно не выдерживает критики: это один и тот же народ, охваченный либо болгарской, либо сербской пропагандой. Т[ак] к[ак] болгарская пропаганда ведется болгарами издавна, т.е. в течение более 30 лет, а сербы начали тут работать лишь с 1886 г., то естественно, что в городе большинство славян охвачено болгарской пропагандой, но и сербы не дремлют и ежегодно охватывают не малую толику адептов от болгар, что явствует из того, что за последние годы число болгар в Скопии и ее епархии не увеличилось, а уменьшилось» [11].

В начале 70-х годов XIX в. уже упоминавшаяся выше газета «Македония» признавала, что «в Македонии, земле милой всякому болга-

[9] Живая старина. 1899. №1; там же. 1900. №4.

[10] *Амфитеатров А. В.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1903.

[11] *Риттих П. А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909. С. 143–144.

inslav

рину, чувства самосознания нет у большинства наших»[12]. А русский консул в Битоли сообщал в ноябре 1885 г. даже о том, что «македонские болгары никогда не делали разницы между болгарами и сербами»[13].

Причины подобного смешения крылись в том числе и в политике Османской империи, для которой при проведении налоговых и иных переписей приоритетным являлся вопрос вероисповедания (по нему сербы, болгары и греки не различались), а не этноса. Как подчеркивал П. А. Риттих, «турки не делят македонцев по национальности, а лишь по вероисповеданию, которое с точки зрения мусульманской гораздо важнее и существеннее. Последствием такого отношения турецкого правительства к славянскому элементу в Македонии явилось то, что македонцы в массе не имеют и по сию пору национального и политического самосознания»[14].

На это же указывал и А. В. Амфитеатров: «Турецкая власть вообще не считается с национальным делением своих народов, а признает лишь религиозное. Взамен статистики по национальностям, у нее имеются рекрутские списки, разделяющие мусульман, подлежащих воинской повинности (пуфуз), от христиан, платящих освободительный от воинской повинности налог (бедели-аскериэ). Для нее существуют православные, католики, иудеи, мусульмане, гебры (приверженцы зороастризма. — *П. И.*), но о народности православных, католиков, иудеев etc. турецкая власть говорит лишь тогда, когда эта народность и исповедуемая ею религия сливаются для нее в общий и нераздельный символ. Православная вера для турок — греческая вера. Вот почему и сыграл такую важную роль в истории болгарского возрождения и освобождения Экзархат, отделивший болгар от Вселенского патриархата в отдельную группу. Как народность болгары не выделялись в мнении турок из ряда других «рум-милети». Но когда туркам выяснилось, что болгары — не греческой веры, а своей собственной, болгарской, — они, хотя и с крайним неудовольствием, полные самых тяжелых предчувствий, принуждены были признать болгар новою, специальной народной единицей. Вот почему также каждый шаг пропаганды в Македонии для серба вдесятеро труднее, чем для болгарина, и вся сербская пропаганда бесплодна сравнительно с болгарской. Болгары несли македонскому народу плоды осязательные: славянское богослужение, славянскую школу и, главное, официально признанную национальность. Сербам же — что касается богослужения и школы — до сих пор приходится выпрашивать славянского

[12] *Косик В. И.* Македония — споры, соглашения, войны. // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С. 321.

[13] АВПРИ. Ф. 180. Д. 1437. Л. 202–203.

[14] *Риттих П. А.* По Балканам… С. 141.

inslav

языка, как милости, или отвоевывать силой и скандалами у греческих епископов, сплошь фанатиков-фанариотов»[15].

Правда, и достижения болгарской национальной пропаганды в Македонии не следует переоценивать — в том числе в силу объективных социально-экономических политических различий в положении болгарских и македонских земель. Как подчеркивала советская исследовательница К.Л. Струкова, «разрыв между Македонией с одной стороны и Болгарией и Фракией с другой в общественно-политическом отношении продолжал оставаться значительным, несмотря на все успехи культурно-просветительной и церковной борьбы»[16].

Но зато сами балканские страны не сомневались в необходимости максимально укреплять собственные позиции в Македонии, используя в том числе и демографические аргументы. Ведь под словами сербского премьер-министра Николы Пашича — «История показывает, что тот, кто имел Македонию, всегда был первым на Балканах» — могли подписаться в регионе очень многие политики, дипломаты и особенно военные[17].

Первыми на волне недовольства решениями Берлинского конгресса 1878 г. применительно к судьбам национальной болгарской государственности активизировались болгары. В Болгарии стали формироваться комитеты «Единство», выступавшие за пересмотр Берлинского трактата и, в частности, за освобождение Македонии из-под турецкой власти. Осенью 1878 г. послам великих держав в Константинополе депутацией болгарских государственных деятелей была вручена петиция от имени народа Болгарии с протестом против Берлинского договора.

Одновременно в Македонию хлынул поток мусульманских беженцев из Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины численностью в несколько десятков тысяч человек. Многие из них присоединялись к действовавшим в Македонии бандам, грабившим христианские села и усилившим теперь террор в отношении христианского населения. Только с июля до конца сентября 1878 г. в ходе подобных набегов было сожжено 12 сел в Битольском вилайете и 30 сел в пограничных с Болгарией районах.

Но и в самой Болгарии оставалось немало добровольцев из Македонии, воевавших на стороне русской армии во время войны 1877–1878 гг. Они активно включились в подготовку восстания в Македонии, проводимую комитетами «Единство». В его организации приняли участие видный македонский воевода Стоян Карастоилов

---

[15] *Амфитеатров А.В.* Страна раздора… С. 28–29.

[16] *Струкова К.Л.* Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-х гг. XIX в. М., 2004. С. 175.

[17] Споменица Николе П. Пашића 1845–1925. Београд, 1926. С. 721.

inslav

(Стоян-Воевода), два митрополита Болгарского экзархата — Натанаил Охридский и Кирилл Скопский (Ускюбский), представители интеллигенции (в том числе В. Диамандиев).

Уже в октябре 1878 г. отряды повстанцев во главе со Стояном-Воеводой, Атанасом-Воеводой и Д. Беровским перешли обозначенную в Берлине демаркационную линию. Отряд Стояна-Воеводы напал на турецкий гарнизон, расположенный в Кресненском ущелье. Повстанцы сломили сопротивление турок и захватили их позиции. Вдохновленные успехами, увлекая за собой местных жителей, восставшие за короткое время освободили ряд сел по течению реки Струмы. В начале ноября восстание охватило Банско-Разложскую котловину. Число освобожденных сел достигало 40.

Однако стала сказываться нехватка оружия. Относительно дальнейших действий у руководства восстанием проявились разногласия. Жертвой последних пал Стоян-Воевода, что нанесло невосполнимый урон восстанию. В декабре турецкие войска и башибузуки разбили повстанцев, проявив обычную в таких случаях жестокость по отношению к мирному населению. Восстание продолжало тлеть до апреля 1879 г. В Болгарию бежали 25 тыс. человек[18].

На юго-западе Македонии, в городе Охрид, также велась подготовка к восстанию, которое должно было охватить в 1880 г. окрестности Охрида, Ресена, Демир Хисара, Крушево и Прилепа. Костяк заговорщиков составляли участники Кресненского восстания. Однако из-за предательства заговор провалился. Его участники получили длительные сроки заключения, а немногие в составе чет ушли в горы.

Годы с 1880 по 1893 были временем относительного «спокойствия» в Македонии. Правда, весной 1886 г. снова были предприняты попытки засылки болгарских чет из Сербии и Болгарии, но только одной из них удалось проникнуть на территорию Македонии, где она и была уничтожена[19].

Районы Македонии, граничащие с районами расселения албанцев, или же населенные ими частично (в первую очередь, в Битольском вилайете), также подвергались бесконечным грабежам со стороны албанских отрядов. Христианские села в этих местах были обложены данью. Особенно страдало население Битольского вилайета. Попытки османских властей навести порядок имели лишь временный и ограниченный успех. К примеру, в 1887 г. битольский вали Халил Рифат объявил о создании своеобразной многонациональной народной милиции, состоявшей из представителей христианских народностей, так называемых «фарий». Их задача состояла в воору-

[18] *Куманов М.* Македония. Кратък исторически справочник. София, 1993. С. 131.

[19] Британски дипломатически документи по българския национален въпрос. Т. 1. София, 1993. С. 8.

inslav

женной защите населения от набегов албанцев. В течение двух лет в Битольском вилайете наблюдалось заметное спокойствие. Однако последующее смещение со своего поста самого Халила Рифата положило конец и его смелому начинанию.

Активность албанского фактора в Македонии неуклонно нарастала. Как сообщал в Петербург российский консул в Битоли А. А. Ростковский, «Турция постепенно теряет всякий престиж в глазах албанцев, которые, убедившись в полном бессилии правительства, стали на виду властей открыто разбойничать, забирать в плен проезжающих и требовать за них выкуп», а Порта опасается «вызвать мерами строгости восстание во всей Албании, подавить которое будет, пожалуй, невозможно»[20].

Албанцы наладили и неплохой бизнес. Они перепродавали оружие македонским четам, что затем не мешало им в составе отрядов башибузуков по распоряжению Порты преследовать эти же самые четы и разоружать их. Подробности одной из подобных операций находим в донесении Ростковского от 27 января 1902 г.: «Жандармский капитан Риза-бей, получив известие о собравшихся в одном из сел руководителях четников, отправился туда для их поимки. Остановившись в соседнем селе, он послал людей созывать из окрестных мусульманских деревень себе на помощь добровольцев — башибузуков. Последние не замедлили явиться «чуть ли не в числе 200 человек».

За это время руководители чет скрылись, а арестованы были ни в чем не повинные люди. «Этот созыв башибузуков на помощь войскам для поимки болгарских революционеров, — отметил Ростковский, — имел последствием то, что мусульмане вообразили себе, что они уполномочены правительством ловить и искоренять членов комитета»[21].

Однако и само османское правительство не отказывалось от своей доли в Македонии. В 1880-х годах значительно возросло налоговое бремя, в рамках которого десятина фактически возросла до трети урожая. И как результат — росла эмиграция трудоспособного населения в соседние балканские страны.

Противоречивые процессы происходили в Македонии и в церковной сфере. Султанский фирман от 1870 г. учредил Болгарский экзархат, в состав которого вошли две епархии не только с болгарским, но и с сербским населением (Пиротская и Нишская) и часть Македонии. Предусматривалось, что к Экзархату могут присоединиться и другие епархии, в которых две трети православного населения выступят за присоединение[22]. Уже через два года после этого к Экзархату при-

[20] АВПРИ. Ф. 180. Д. 1455. Л. 23–24.
[21] Там же.
[22] *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 188.

inslav

соединились Скопская и Охридская епархии, ряд сел в смешанных епархиях признали его власть.

Как справедливо заметил позднее видный российский дипломат, русский посланник в Сербии в 1914–1917 гг. Г. Н. Трубецкой, Сан-Стефанский договор «поставил ясную определенную цель перед Болгарией и освятил народный идеал высшим признанием его Россией-освободительницей. Для достижения этого идеала болгарский народ уже имел в своем распоряжении мощное орудие в лице такой организации, как Экзархия»[23].

Правда, в 1879–1880 гг. многие болгарские экзархийские церкви в Македонии были закрыты в отместку за поддержку местным славянским населением и духовенством России в войне с Турцией. Болгарские митрополиты в Ускюбе (Скопье) и Охриде покинули свои епархии. В этих условиях Экзархат всеми силами стремился добиться подтверждения султаном фирмана 1870 г. Это произошло в 1883 г., и вслед за этим стала стремительно расширяться сеть болгарских школ в Македонии, перед которыми ставились вполне конкретные задачи в области национальной пропаганды. Как указывал А. В. Амфитеатров, «лишь весьма незначительная часть болгарского духовенства и школьного персонала в Македонии остается нейтральной в деле освободительного движения. Большинство — либо верные слуги, либо полномочные агенты, либо даже вожаки и заправилы революции»[24]. Салоникское (Солунское) болгарское училище (школа) получило еще в 1881 г. статус гимназии. Солунская мужская гимназия «Святые Кирилл и Мефодий» сыграла важную роль как в культурно-просветительском, так и в национально-революционном движении в Македонии. Все основоположники Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) так или иначе были связаны с этим учебным заведением. В 1890 г. Порта выдала первые (после изгнания болгарских митрополитов по завершении русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) бераты Экзархату на Охридскую и Скопскую (Ускюбскую) епархии. В 1894 г. Экзархат получил бераты на Велесскую и Неврокопскую епархии, а в 1897 г. — на Битольскую, Струмицкую и Дебарскую.

Однако в деле церковной пропаганды Болгария встречала растущее сопротивление не только со стороны Сербии, но и Греции, имевшей в этом вопросе весьма прочные позиции. Еще в 1844 г. соответствующая «Мегали идеа» («Великая идея») была провозглашена официальной программой греческого национального движения тогдашним премьер-министром И. Колеттисом. В частности, он за-

[23] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 38–39.

[24] *Амфитеатров А. В.* Страна раздора… С. 25.

inslav

явил, что «греком является не только тот, кто живет в королевстве, … но и тот, кто населяет любое место, связанное с историей греческого племени». В Греции территорию Македонии условно делили на три зоны — Северную, Центральную и Южную. В Южной, как представляли в Греции, жили в большинстве греки, в Центральной население было смешанным — греко-славянским, в Северной — славянским. А после присоединения к Греции в 1881 г. Фессалии и округа Арта в Эпире македонский вопрос, наряду с критским, выходит на первый план в греческой внешней политике[25].

Сербия, со своей стороны, в 1868 г. создала специальный правительственный комитет для распространения сербского просвещения в Македонии и Косово, деятельность которого сосредоточилась в том числе и в северо-западных районах Македонии. Здесь были основаны десятки сербских школ. Турецкие власти практически не мешали сербской пропаганде, явно стремясь обеспечить некоторую систему сдержек и противовесов в этой сфере между Сербией, Болгарией и Грецией. Лишь с 1876 г., после начала войны между Сербией и Турцией, сербские школы в Македонии начали закрываться, а их персонал выселяться из страны.

Сербо-болгарские страсти вокруг притязаний на македонские земли не смогла охладить — а, наоборот, разогрела, — бессмысленная, с точки зрения зависимости развития ситуации от внешнего, европейского, фактора, короткая война между Сербией и Болгарией, вспыхнувшая в 1885 г., говоря словами македонского исследователя Блаже Ристовски, «как раз из-за Македонии»[26]. В 1886 г. в Сербии было учреждено «Общество Святого Савы», взявшее на себя функции «Комитета школ и учителей в Старой Сербии и Македонии». «Общество» издавало и распространяло в Македонии сербские учебники, занималось обучением находящихся в Сербии выходцев из Македонии. В 1887 г. в министерстве просвещения Сербии создается «Отделение школ и церквей вне Сербии», называемое также «Политико-просветительским отделением» при МИД, ставшее вскоре руководящим органом всей сербской пропаганды в Македонии. Главными ее проводниками были сербские консульства, открытые в 1887 г. в Ускюбе (Скопье) и в Салониках, а в 1888 г. в Битоле.

В 1889 г. премьер-министр Сербии Н. Пашич, во время своего визита в Болгарию, предложил болгарскому премьеру Станчеву идею балканского союза антитурецкой направленности на базе предварительного соглашения о разделе Македонии. Болгарское правительство отказалось вести переговоры на такой основе, исходя из того, что,

---

[25] *Амфитеатров А. В.* Страна раздора… С. 200–201.

[26] *Ристовски Б.* Петар Драганов за Македонија и Македонците // Петар Драганов и Македонија и Македонците. Скопје, 2009. С. 12.

inslav

с его точки зрения, Македония являлась безусловно болгарской землей, и не могло быть и речи о ее разделе. А в 1902 г. — незадолго до Илинденского восстания 1903 г. — в Сербии был создан Главный комитет четнической организации.

Так что следует согласиться с мнением македонского историка Христо Андонова-Полянски, который еще во времена социалистической Болгарии и на основе классовых понятий четко сформулировал справедливую мысль об идеологическом родстве великодержавных концепций Болгарии, Сербии и Греции применительно к Македонии: «Греция, следуя своей собственной мегаломанской политике, культивировала беспрецедентно широкие претензии на Фессалию и Эпир, а позднее также и на Македонию. Сербия была заинтересована в своих южносербских округах, а позднее тоже предъявила претензии на Македонию. Болгарская буржуазия не только не осталась индифферентной к этим претензиям, но и сама потребовала Македонию даже в тот период, когда болгарский народ боролся за свое освобождение»[27].

На этом фоне в самой Македонии и вокруг нее консолидировались собственные революционные организации. В октябре 1893 г. в Салониках были заложены основы ВМРО. На первом заседании присутствовали Д. Груев, Х. Татарчев, И. Хаджиниколов, П. Попарсов, А. Димитров, Х. Батанджиев. Председателем ЦК был избран Х. Татарчев, секретарем Д. Груев. В следующем году к организации присоединились Г. Делчев и П. Тошев. После долгих дискуссий целью организации было провозглашено «осуществление Берлинского договора», т.е. реализация его XXIII статьи — ключевой для тех областей, которые не получили в Берлине международно-признанной независимости:

«Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите Органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие»[28].

К этой же статье, к слову, апеллировали и лидеры албанского национального движения, объединившегося в конце 1870-х годов в

---

[27] *Andonov-Poljanski H.* Bulgaria and the Treaty of San Stefano // Macedonian Review. 1975. № 2. P. 146.

[28] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 192.

inslav

рамках Призренской лиги и рассматривавшего македонские земли в качестве сферы собственных территориальных притязаний[29]. В частности, столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения[30].

В 1894 г. задача ВМРО была конкретизирована — достижение автономии Македонии. Как объяснял позднее Х. Татарчев, основоположники ВМРО не могли провозгласить ее целью «непосредственное присоединение Македонии к Болгарии», так как осознавали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией, а если это станет недостижимым, то Македония «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов».

Существенным являлось признание основателями ВМРО и того факта, что непосредственным толчком к ее созданию стало усиление иностранной, особенно сербской, пропаганды в Македонии. Так, по воспоминаниям Д. Груева, еще когда в 1891 г. группа студентов из Македонии задумывала в Софии создать революционную организацию, она имела в виду необходимость противодействовать сербской пропаганде и поставить на повестку дня идею освобождения Македонии, «прежде чем сербская пропаганда усилится и раздробит народ»[31].

До 1896 г. созданная в Салониках организация носила название Внутренней македонской революционной организации, затем, до 1902 г., она называлась Болгарские македонско-одринские революционные комитеты (БМОРК), с 1902 г. по 1905 г. — Тайная македонско-одринская революционная организация (ТМОРО), а в 1905 г. она получила название Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО)[32].

Согласно первому из известных уставов революционной организации — Уставу БМОРК 1896 г. — ее членом мог стать «любой болгарин, ничем себя не скомпрометировавший, … который обещает быть полезным революционному освободительному движению». Позднее это узконациональное положение было изменено в том смысле, что

---

[29] Подробнее см.: *Искендеров П. А.* Албанская лига Призрена 1878–1881 гг. и Россия // Независимость Албании в общебалканском контексте. М., 2014.

[30] *Vickers M.* The Albanians. A Modern Hostory. London–New York, 1995. P. 33.

[31] *Пандев К.* Националноосвободителното движение в Македония и Одринско. 1878–1903. София, 1979. С. 67–70; *он же*. Националноосвободителни борби на българите в Македония и Одринско след Берлинския конгрес от 1878 // Борбите в Македония и Одринско. 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 9; *Силянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. 1. София, 1983. С. 39–40.

[32] *Пандев К.* Националноосвободителното движение… С. 77, 129, 204.

inslav

членом организации мог быть «любой македонец или одринец» (Устав ТМОРО 1902 г.), а затем — «любой живущий в Европейской Турции» (Устав ВМОРО 1905 г.)[33].

Вслед за созданием Салоникского комитета его руководители приступили к формированию местных революционных комитетов по всей Македонии. На съезде Организации 1896 г. Салоникский комитет был признан Центральным, а территория Македонии разделена на революционные округа. Было принято решение об учреждении Заграничного представительства организации в Софии для связи с международной общественностью и поставок в Македонию литературы, финансовых средств и оружия. Первыми заграничными представителями стали Г. Делчев и Г. Петров.

Таким образом, ВМРО изначально носила болгарский национальный характер. Ее политические цели отвечали интересам Болгарского княжества. Поэтому, в той или иной мере, она имела определенную поддержку, если не в целом болгарских властей, то отдельных министров. Как отмечал исследователь болгаро-македонского революционного движения К. Пандев: «В течение известного времени Внутренняя организация поддерживала связи с болгарским правительством. В данном случае обе стороны преследовали свои цели. Организация стремилась использовать материальную и моральную поддержку, которую ей могло оказать правительство. К.Стоилов (глава болгарского кабинета. — *П.И.*), со своей стороны, стремился оторвать организацию от Верховного Македонского Комитета, и в то же время показать, что не перестал... интересоваться освободительным делом». В своих отношениях с ВМОРО Стоилов использовал открытые в 1897 г. болгарские торговые агентства в Македонии. Через них он пытался установить прямой контакт с деятелями Организации. Поэтому секретарями в агентствах были назначены близкие к ней люди — Карайовов, Наумов и др. Кроме того, оказывая помощь, он старался навязать организации свое влияние, подчинить ее и воспрепятствовать ее активным действиям, которые могли бы вызвать осложнения. «Естественно, при таких условиях установленные связи не могли быть искренними и устойчивыми»[34].

В июне 1896 г. Г. Петров был принят К.Стоиловым и сообщил ему о положении дел в Македонии. (Стоилов записал в дневнике: «Георгий Петров из Прилепа, житель Македонии и агент военного министерства в Македонии».) Он утверждал, что в Македонии существует почва для революции, необходимо вооружить население провинции, для чего необходимо 5–10 тыс. ружей и около 100 тыс. левов. Он пред-

[33] *Пандев К.* Националноосвободителното движение… С. 11.
[34] Там же. С. 172–173.

inslav

ложил взять эти деньги «вместе с экзархийскими суммами, а Экзархату дать за них расписку». В июле 1896 г. Стоилов принял также видного деятеля Организации Х. Матова. Последний получил от Ускюбского экзархийского митрополита Синесия визитную карточку, представлявшую Матова как «доверенное лицо» митрополита (запись в дневнике К.Стоилова: «Матов, директор училища в Скопье: революционная идея очень распространена в Македонии; сербская пропаганда не опасна, …есть потребность в оружии» [35]).

Основное количество вооружения для Организации поступало из Болгарии. Это облегчалось тем, что четыре из шести революционных округов Организации — Ускюбский (Скопский), Струмицкий, Сересский и Одринский (Адрианопольский) — граничили с Болгарией. Оружие поставляли также греческие, албанские и турецкие контрабандисты. Большую помощь в вооружении чет оказывал Верховный Македонский Комитет в Софии (см. о нем ниже). Важным источником снабжения чет оружием и боеприпасами была и болгарская армия — их вынос из казарм и с армейских складов носил постоянный характер. Кроме того, болгарское правительство выделяло деньги для Организации. Еще летом 1896 г. Д. Груев встретился в Софии с видными деятелями Македонских комитетов Б. Сарафовым и А. Бозуковым, представившими его военному министру Р. Петрову. Груев попросил его помочь оружием для Организации. Министр обещал ему «под свою личную ответственность» 200 винтовок системы Мартини [36].

В 1899 г. ЦК Организации постановил, что во всех районах Македонии должны быть созданы небольшие четы из революционных деятелей, находящихся на нелегальном положении. В этот период в Македонии действовало более 20 чет под руководством революционных деятелей-нелегалов или под командованием бывших разбойников, перешедших на сторону Организации. От «деятельности» таких чет страдало, прежде всего, мирное сельское население — и христианское, и мусульманское, при этом четы избегали столкновений с регулярными частями турецкой армии и полиции. Кроме того, существенные противоречия существовали и внутри македонского революционного движения. Как справедливо отмечает македонская исследовательница Милка Марковска, «междоусобицы» уходили корнями в прошлые годы, однако «они вспыхнули в опасной форме летом 1901 года» — то есть с приближением решительных антитурецких выступлений [37].

---

[35] *Пандев К.* Националноосвободителното движение… С. 127.

[36] Там же.

[37] *Марковска М.* Яворов — активен деец, идеолог и историк на ВМОРО и най-близък другар и съратник на Гоце Делчев // Македонски преглед. 1999. № 2. С. 17.

inslav

Тем временем в конце XIX в. существенно изменилась международная ситуация в Европе применительно к Балканам в целом и Македонии в частности. Внешнеполитические приоритеты России на определенное время переместились на Дальний Восток, что послужило одной из ключевых причин провала так называемого проекта А. И. Нелидова от 1896 г. о захвате Россией Черноморских проливов[38]. Как писал министр иностранных дел России А. Б. Лобанов-Ростовский, занимавший этот пост в 1895–1896 гг., «нам надо бы поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами» [39]. Преемник Лобанова-Ростовского на посту главы российского внешнеполитического ведомства М. Н. Муравьев разделял в этом отношении его взгляды и вошел в историю как один из архитекторов комплекса русско-австрийских соглашений по Балканам, в центре которых лежало требование проведения в этой османской провинции реформ.

Радикальные лидеры ВМРО внимательно отслеживали изменения в международной повестке дня, к которым присоединились и подвижки по критскому вопросу. Лидеры вспыхнувшего в 1895 г. восстания греческого населения Крита сначала потребовали для острова автономии, а уже в начале 1896 г. провозгласили своей целью присоединение Крита к Греции, что было с воодушевлением встречено в Афинах.

Попытки великих держав погасить конфликт вылились в предъявление в марте 1897 г. греческому и турецкому правительствам требований о выводе греческих войск с Крита (для Греции) и о признании его автономии (для Турции). Стамбул согласился с нотой, но Афины потребовали от держав согласия на присоединение Крита к Греции.

Последовавший затем кратковременный, но ожесточенный греко-турецкий конфликт имел непосредственное отношение и к Македонии. Поводом к нему послужили действия греческих вооруженных отрядов, в апреле 1897 г. перешедших турецкую границу в Эпире и Македонии. Турция в ответ объявила войну. Греки оказались выбиты из Фессалии. 20 мая 1897 г. было подписано греко-турецкое соглашение о прекращении военных действий, а 18 сентября 1897 г. состоялось подписание мирного договора на основах довоенного статус-кво, за исключением небольшого территориального приращения Турции в Фессалии. Крит получил широкую автономию, а в 1898 г. принц Георг Греческий был назначен комиссаром острова с мандатом от четырех держав — Англии, России, Франции и Италии[40].

---

[38] Подробнее см.: *Широкорад А. Б.* Россия — Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003.
[39] Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 287–288.
[40] *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 346–347.

inslav

Эти события оказали существенное влияние на ситуацию вокруг Македонии. Уже с конца 1898 г. болгарские правящие круги пытались добиться разрешения македонского вопроса по примеру критского[41].

В конце 1902 г. Россия и Австро-Венгрия приступили к выработке соглашения о проведении в Македонии административных и судебных реформ. Одновременно в декабре 1902 г. султан издал собственный указ о проведении реформ в Македонии, который, правда, в целом так и не был реализован.

В начале 1903 г. Россия и Австро-Венгрия потребовали от Порты дать обещание, что назначенный ею генерал-инспектор европейских вилайетов будет возглавлять их администрацию в течение трех лет, имея право распоряжаться находящимися там войсками. Одновременно Турция должна была передать дело реорганизации местной жандармерии и полиции в руки иностранных офицеров. Предлагаемая финансовая реформа включала ежегодное составление бюджета для каждого вилайета, использование доходов на местные нужды, сбор налогов органами общинного самоуправления вместо существовавшей прежде откупной системы. Порте предъявлялись также требования принять меры против произвола отрядов башибузуков. Эта программа в виде идентичных нот была вручена российским послом в Константинополе И. А. Зиновьевым и его австрийским коллегой Г. Каличе 21 февраля 1903 г. великому визирю.

Однако султан не спешил выполнять требования, а лидеры ВМРО, со своей стороны, расценили соглашения России и Австро-Венгрии как согласие с их собственными требованиями и как сигнал к дальнейшему наращиванию вооруженной борьбы.

Уже в январе 1903 г. руководством ВМРО был провозглашен курс на всеобщее восстание в Македонии весной 1903 г., замененный позднее решением о восстании в одном — Битольском — революционном округе.

Русская дипломатия внимательно наблюдала за развитием ситуации в Македонии, однако воздерживалась от принятия на себя каких-либо далекоидущих обязательств. Процитируем показательное донесение российского посланника в Софии Ю. П. Бахметьева. В беседе с военным министром Болгарского княжества Р. Петровым он подчеркивал, что, как бы в России «ни соболезновали тем, которые действительно безвинно страдают», «своя рубашка ближе к телу», и «русский народ несравненно дороже государю, нежели все другие славянские, взятые вместе; что македонцы могут найти спасение только в терпении и восстанием они не только ничего не возьмут, а только испортят и затянут дело, и что надежды таких руководителей комитетов, как Михайловский, Ризов, Цончев, Сарафов, своей кровью, или скорее

[41] *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения… С. 270.

inslav

кровью своих братий, разжалобить цивилизованный мир есть только заблуждение и самообольщение»[42].

Вышеуказанный разговор произошел 2 августа 1903 г., в день начала Илинденского восстания. Одним из наиболее ярких проявлений повстанческого движения стала организация под руководством Н. Карева Крушевской республики. Она просуществовала 10 дней, по прошествии которых была разгромлена превосходящими турецкими силами — 350 тыс. турок против 25 тыс. повстанцев.

Тем не менее, Россия и другие великие державы уже были вынуждены принимать в расчет македонские дела. Осенью все того же 1903 г. Россия и Австро-Венгрия заключили Мюрцштегское соглашение, предусматривавшее проведение в Македонии ограниченных реформ, которое, однако не было соответствующим образом реализовано, но зато стало предметом тайных маневров в «заинтересованных» балканских столицах. В частности, в заключенном в 1904 г. тайном сербо-болгарском договоре стороны формально поддержали реформы в Македонии, но одновременно взяли на себя обязательство оказывать сопротивление любым акциям, направленным на раздел Македонии, явно стремясь сохранить в неприкосновенности те владения, на которые Белград и София сами претендовали.

Тогда же — в 1903 г., в период Илинденского восстания — тесные связи установились между албанскими и македонскими лидерами. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 г. В первую очередь это относилось к ВМРО и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Янетом Санданским и к левому крылу албанского национального клуба[43].

Подобные контакты полностью отвечали интересам Софии, где рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий[44] и в отношении Македонии, и начали оказывать содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания в 1910 г.[45].

Младотурецкая революция и приход к власти в Турции комитета «Единение и прогресс» ознаменовали собой новый этап не только в турецкой, но и в македонской истории. Уже к весне 1908 г. ряд членов комитета установили в Македонии непосредственные связи с некоторыми лидерами местных албанских революционных структур. В г. Дебар даже произошло их организационное объединение. А нахо-

---

[42] Цит. по: Македония: Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 14–15.

[43] Подробнее см.: Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења. 1878–1918. Београд, 1983. С. 165–166; Историја на македонскиот народ. II. Скопје, 1969. С. 326–327.

[44] Први Балкански рат. Београд, 1959. С. 83, 90.

[45] Там же. С. 79.

inslav

дившийся в Салониках один из идеологов албанского освободительного движения Мидхат Фрашери обратился к албанцам с непосредственным призывом поддержать революцию[46].

В это же время предстоящая перекройка балканских границ становилась все более очевидной, причем, по мнению ряда балканских горячих голов, она не должна была ограничиваться Македонией, а могла дойти и до Черноморских проливов. Во всяком случае, по свидетельству российского дипломата В.Н. Штрандтмана, «в Болгарии слышались голоса, под влиянием надежд царя Фердинанда, что Проливы должны быть переданы ей»…[47]

Две Балканские войны 1912–1913 гг. покончили с османским господством в Македонии, но они же еще сильнее затянули македонский узел во взаимоотношениях балканских союзников, которые во многом стали заложниками стремительности собственных военных успехов. Даже далекие от Балкан американские средства массовой информации не могли не отметить военные успехи Балканского союза именно в Македонии. К примеру, выходившая в Чикаго газета «The Day Book» сообщала 29 октября 1912 г. о том, что «турецкая армия в Македонии уже разгромлена сербами у Куманово. Сербы теперь маршируют одновременно на Велес и Монастырь (Битоли. — *П.И.*). Если они возьмут эти города, то сконцентрируются на Салониках»[48].

Стремление взять у Сербии реванш за Македонию стало одним из ключевых факторов вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне держав Тройственного союза. Территориальная трансформация Сербии, со своей стороны, пошла другим путем, нежели это виделось идеологам и практикам середины XIX в. Как справедливо подчеркивает российский исследователь К.В. Никифоров, «после получения Сербией независимости (1878 г.) процесс ее расширения или объединения освобожденных сербских земель вплоть до Первой мировой войны не достиг границ, предвиденных в «Начертании» И. Гарашанина. Вообще этот процесс пошел в другую сторону, а в состав сербского государства после Балканских войн вошли не Черногория и Босния и Герцеговина, а Косово и Вардарская Македония…»[49]

Собственные линии раскола существовали и в среде македонского национального движения. В частности, в самой ВМРО «крыло Я. Санданского не желало иметь ничего общего с официальной Болгарией и выступало за независимую Македонию в составе Балканской федерации»[50].

---

[46] *Poulton H., Vickers M.* The Kosovo Albanians: Ethnic Confrontation with the Slav State. P. 143.

[47] *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 117.

[48] The Day Book. 29 Oct. 1912.

[49] *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 232–233.

[50] *Ямбаев М.Л.* Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 319.

inslav

Эта идея, в свою очередь, непосредственно перекликалась с программными положениями сербских и болгарских социал-демократов. В частности, лидер Сербской социал-демократической партии (ССДП) Димитрие Туцович являлся «непримиримым противником раздела и аннексии Македонии, выступая за самое широкое право свободного демократического самоопределения и за особое положение и государственно-правовой статус Македонии как автономной единицы в рамках либо Балканской, либо Восточной федерации»[51]. По мнению Туцовича, высокий естественный прирост населения и недостаток продовольствия, связанный с горным характером территории, на которой они проживали, побудили албанцев начать продвижение в направлении плодородных котловин Старой Сербии и Македонии, куда их также влекли переместившиеся пути сообщения, в результате чего здешние города, снабжаемые товарами через Скопье, Битоль и Салоники, стали основными рынками даже для тех племен, которые жили глубоко в самой Албании. В этом состоят причины того продвижения албанцев на восток, которое и сегодня, утверждал Туцович, служит для шовинистической сербской пропаганды средством разжигания страха и ненависти к «диким албанцам» (ибо это проникновение затронуло сербское население в северо-западных областях Турции), замалчивая дикости, совершенные по отношению к ним сербской армией. В результате этого продвижения албанцы населили Косово, спустились в Македонию и вышли на Вардар, а с северо-запада опоясали Скопье. При этом, продолжал лидер ССДП, «даже если допустить, что сербский элемент был вытеснен албанским» — данный факт никак не является оправданием для национальной ненависти[52].

Что же касается албанского населения в рассматриваемый предвоенный период, в частности, Западной Македонии, то оно, со своей стороны, «предвкушало большую войну как повод, чтобы выйти из состава Сербии и Черногории»[53]. А в самой Македонии развивающееся на соответствующей платформе «антисербское сотрудничество албанских и болгарских комитетов» будет реанимировано в новых исторических условиях — уже после окончания Первой мировой войны[54].

---

[51] *Зографски Д.* Димитрије Туцовић о македонском националном питању // Српска социјалдемократска партија. Научни скуп посвећен педесетогодишњици смрти Димитрија Туцовића, одржан у Београду 18.19. и 20. новембра 1964. Београд, 1965. С. 123. См. также: *Зографски Д.* Југословенските социјалисти за македонското прашање. Скопје, 1962.

[52] *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 179.

[53] Подробнее см.: *Искендеров П. А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3.

[54] *Пурелку Х.* Противосръбското сътрудничество между албанските и българските комитети в Македония (1919–1924) // Македонски преглед. 2013. № 1. С. 89.

inslav

Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.)

Ситуация в Албании и вокруг нее кардинальным образом изменилась в конце первого десятилетия XX в. К лету 1908 г. относится начало нового этапа в развитии албанского национального движения, происходит его сближение с турецким революционным движением, возглавлявшимся комитетом «Единение и прогресс», получившим впоследствии название младотурецкого. Младотурки, выдвинувшие в качестве своих основных программных требований восстановление конституции, равенство и гражданские свободы для всех народов Османской империи, сумели привлечь на свою сторону значительную часть албанского населения, а один из признанных лидеров албанского движения Исмаил Кемали, находясь в эмиграции во Франции, принимал в 1902 г. непосредственное участие в состоявшемся в Париже младотурецком конгрессе[1].

Это обстоятельство сыграло существенную роль в победе младотурок в июле 1908 г., в результате которой в стране было восстановлено действие Конституции 1876 г. Следует отметить, что против султана Абдул-Хамида выступили даже албанцы Косовского вилайета, традиционно являвшиеся его опорой и служившие в дворцовой гвардии и отрядах башибузуков. Еще раз албанцы встали на защиту конституционного строя в апреле 1909 г., когда солдаты константинопольского гарнизона подняли мятеж с требованием отставки правительства. Широкие слои албанского населения не поддержали призывы придворных кругов, а также оппозиционной партии «Ахрар» («Либералы») оказать поддержку в восстановлении прежнего режима. Две недели спустя город заняли революционные войска, Абдул-Хамид был низложен, и с середины 1909 г. власть в стране полностью перешла в руки младотурок[2].

К этому же времени относится новая крупная веха в истории собственно албанского национального движения. На состоявшемся в ноябре 1908 г. в Битоле Всеалбанском конгрессе (формально посвя-

---

[1] *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 12.

[2] Подробнее см.: *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918). М., 1972.

inslav

щенном обсуждению вопроса о разработке и внедрении в Албании единого алфавита, что было чрезвычайно актуально для объединения усилий двух культурно-национальных общностей, существовавших в рамках единой албанской нации — гегов и тосков) была принята развернутая программа действий, включавшая в себя как положения о признании и использовании реформированного албанского языка в государственной и образовательной деятельности, так и требования выборности местных органов власти из числа представителей албанцев, стимулирования хозяйственного развития региона, развития торговой деятельности и т. д.

Однако революция не привела к существенному улучшению положения широких масс населения, а после подавления контрреволюционного мятежа младотурецкое руководство не только не пошло навстречу чаяниям албанцев, но и стало проводить репрессивную политику в отношении их национального движения. К лету 1909 г. относятся первые вооруженные выступления албанцев против нового режима, которые весной следующего года переросли в массовое вооруженное восстание албанцев Косовского вилайета, что вызвало ответные вооруженные действия Константинополя, направившего на борьбу с ними крупные соединения регулярной турецкой армии во главе с Шевкетом Торгут-пашой, и введение в конце лета осадного положения на всей территории Албании. Как указывал в своем донесении от 4 мая 1910 г. российский представитель в Призрене Разумовский, «албанское движение, начавшееся из-за неудачного по времени введения городского налога, приобрело за последнее время чисто принципиальный характер борьбы против младотурок»[3].

Одновременно положение турецких властей осложнялось тем, что, как справедливо отмечалось в обстоятельной статье «Значение албанского движения» в газете «Новое время» от 30 мая 1910 г., территориальные границы распространения албанского вопроса охватывали в той или иной мере все вилайеты Европейской Турции, и ареал восстания легко мог расшириться, вовлекая в свою орбиту многочисленные албанские племена как католического, так и мусульманского вероисповедания[4].

Еще более высоко оценивали масштабы и роль албанских выступлений западноевропейские и американские средства массовой информации. Газета «Вашингтон таймс» в октябре 1908 г. даже сообщила своим читателям о том, что Албания «сбросила иго» и «провозгласила независимость», добавив, что «эта гористая страна в Европейской Турции, омываемая Адриатикой», с населением «около 2.000.000 человек», «подверглась влиянию сецессионисткого духа в

[3] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 45.
[4] Новое время. 30 мая 1910 г.

inslav

период потрясений, предшествовавших провозглашению турецкой конституции»[5].

Изменилось и отношение к албанской проблеме со стороны европейских государств. Албанские сюжеты, взаимоотношения руководителей движения с представителями турецкой администрации в центре и на местах, а также влияние этих событий на внешнеполитическую обстановку на Балканском полуострове с начала 1910 г. стали занимать важное место в донесениях дипломатических представителей держав как в Турции, так и в столицах других балканских государств.

С одной стороны, опасения в Европе вызывало стремление ряда балканских политических деятелей использовать события в Албании в целях укрепления там своих политических позиций. Особую активность в этом плане проявлял черногорский князь Никола, ближайшие сподвижники которого разработали далеко идущую программу действий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н.М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и Старой Сербии за потерю надежд на воприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»[6].

По свидетельству российского поверенного в делах в Черногории Н.С. Дьяченко, расчеты Мартиновича строились следующим образом: «Арнауты (албанцы. — *П.И.*), теснимые младотурками, страшась введения всеобщей воинской повинности, охотно войдут, на известных условиях, в состав Черногории, население которой сохранило однородное с албанцами племенное устройство и поныне пользуется правом носить оружие.

Кроме того, немалые надежды возлагаются на родственные связи, сохранившиеся, будто бы, до сих пор между отдельными арнаутскими кланами и черногорскими племенами. Щедрая раздача оружия и денег должны довершить успех широкого плана, задуманного и разрабатываемого бригадиром Мартиновичем.

Что касается до отношения великих держав к подобной авантюре и тех последствий, которые она может иметь для Черногории, то здешние скороспелые политики считают, что — по примеру Австро-Венгрии и Болгарии (речь идет об аннексии Боснии и Герцеговины

[5] The Washington Times. 8 Oct. 1908.
[6] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.

inslav

и провозглашении независимости Болгарии. — *П.И.*) — все сойдет им благополучно с рук, и Европа не только преклонится, по обыкновению, перед совершившимся нарушением статус-кво, но из боязни общего пожара на Балканах, сама поможет Княжеству уладить дело в желаемом для последнего смысле»[7].

С другой стороны, сами великие державы, прежде всего Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в один военно-политический блок, укрепляя свои экономические позиции в Албании, стали отводить этой области все более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала 80-х годов XIX в. (а точнее — с оккупации Францией Туниса в апреле-мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и осознала свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность» своего статуса великой державы[8]). Тогда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства[9]. Основной смысл и содержание борьбы Австро-Венгрии и Италии за экономический и политический контроль над Албанией достаточно четко еще в 1904 г. раскрыл итальянский министр иностранных дел Т. Титтони: «Албания сама по себе не имеет никакой важности, все ее особое значение заключается в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволит ни Австрия — Италии, ни Италия — Австрии, и если одна стремится к этому, другая всеми силами должна этому сопротивляться»[10].

Эта характеристика непосредственно перекликалась с мнением австро-венгерского коллеги Титтони А. Голуховского, заявившего тогда: «Австрия не имеет никаких видов на эту провинцию, но не может допустить захвата ее другой державой. Адриатическое море должно остаться свободным»[11]. Градус австро-итальянских противоречий вокруг Албании периодически повышался, и даже мировая печать того времени всерьез рассматривала возможность военного конфликта между ними. Так, выходившая далеко от европейских просторов —

---

[7] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 52.

[8] Подробнее о Тунисском инциденте см.: *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте. М., 1983. С. 57–60.

[9] *San Giuliano A. di.* Briefe uber Albanien. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Theodor Weicher). Leipzig, 1913. S. 9.

[10] Цит. по: *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 125.

[11] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2081. Л. 21.

inslav

в американском городе Солт-Лейк-Сити — газета «Дезерет ивнинг ньюс» в декабре 1910 г. вынесла на свою полосу статью под броским заголовком «Находятся ли Австрия и Италия на пороге войны?», в которой подчеркнула, что «Австрия думает о марше на Салоники, а Италия — о захвате Албании»[12].

Что же касается России, то она, также руководствуясь в своей внешнеполитической деятельности собственными геополитическими интересами, рассматривала в качестве традиционных союзников на Балканах Сербию и Черногорию, в связи с чем с опасением относилась к развитию албанского национального движения, видя в нем угрозу как для стабильности общей ситуации на полуострове, так и для безопасности и территориальной целостности славянских государств. Одновременно она выступала с осуждением экспансионистских устремлений черногорского руководства, которые могли привести к резкому обострению отношений и даже военному конфликту между Черногорией и Турцией и коллективному вмешательству великих держав. В частности, в секретной телеграмме министра иностранных дел России А.П. Извольского российскому поверенному в делах в Цетинье от 13 мая 1910 г. подчеркивалась необходимость дать черногорскому королю Николе настоятельный совет отказаться от своих замыслов в отношении Албании и «прекратить всякие в этом направлении действия»[13].

Осмысление албанских проблем в международных кругах поднялось на новую ступень в 1911 г. Это было связано, во-первых, с тем, что новое албанское восстание, вспыхнувшее в марте, имело более широкий размах и к лету того же года распространилось на всю Албанию. Как отмечал в своем донесении российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, оно «видимо организовано опытной рукой и направляется с необычной тактической последовательностью»; кроме того, «несмотря на значительное сосредоточение правительственных войск, турки в борьбе с албанцами испытывают серьезные затруднения, осложняемые к тому же общим внутренним кризисом»[14]. Лидерам албанского национального движения удалось установить устойчивые контакты с различными общественно-политическими кругами и движениями в других государствах, в частности, в Италии, Болгарии и Черногории.

23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга». Он стал первой целостной программой борьбы за широкую территориально-административную и экономическую автономию

[12] The Deseret Evening News. 24 Dec. 1910.
[13] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 75.
[14] Там же. Д. 2084. Л. 152.

inslav

албанских земель и был доведен до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав.

Как указывал в своем донесении от 24 июля 1911 г. сербский консул в Приштине М. Ракич, «самой значительной отличительной чертой сегодняшнего движения является стремление к автономии»[15]. Одновременно, по мнению сербского консула, это объективно способствовало обострению сербо-албанских отношений в указанных областях, поскольку проживавшие там сербы были вынуждены занимать выжидательную и во многом нейтральную позицию, чтобы не давать повода для каких-либо репрессивных мер по отношению к себе как со стороны самих албанцев, так и со стороны турецких властей. К тому же, по его наблюдениям, значительная часть сербов прямо выступила против устремлений и требований албанцев, что находило свое выражение в проведении сербами митингов протеста против идеи автономии Албании и в сборе подписей под петициями и телеграммами протеста[16].

Во-вторых, более активной стала поддержка, оказывавшаяся албанцам оружием, деньгами и добровольцами со стороны Черногории, что привело к осложнению как черногорско-турецких отношений, так и общей международной ситуации на Балканах. Великие державы в этот период уже предполагали возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма временно управляющего МИД России А. А. Нератова от 27 июля 1911 г. российскому послу в Константинополе, в которой сообщение о беседе с представителем Австро-Венгрии в России графом Турном завершилось выводом: «Само собою разумеется, что вопрос об улажении Албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции»[17].

События в Албании стали принимать в расчет при разработке своих внешнеполитических курсов и балканские государства.

Двойственное отношение к ним Греции определялось тремя обстоятельствами. С одной стороны, как указывал в своем обстоятельном сообщении от 28 июля 1911 г. российский поверенный в делах в этой стране Татищев, «всякое внутреннее замешательство в Оттоманской империи встречается греками с чувством нескрываемого удовольствия. Это, впрочем, вполне понятно, ибо означенные смуты служат очевидным доказательством шаткости ненавистного грекам младотурецкого режима»[18]. С другой стороны, обострение вследствие

[15] *Ракић М.* Конзулска писма 1905–1911. Београд, 1985. С. 270.
[16] Там же. С. 271.
[17] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 231.
[18] Там же. Л. 232.

inslav

восстания в Албании турецко-черногорских отношений могло поставить под угрозу глобальный политический курс греческого правительства, рассчитанный на поддержание существующего положения на Балканах, по крайней мере до тех пор, пока не завершится начатая под руководством английских и французских инструкторов реорганизация греческой сухопутной армии и флота. Наконец, очень существенное, если не решающее, значение для Греции имело обострение ситуации в тех областях Южной Албании (Северный Эпир, по греческой терминологии), на которые Греция сама претендовала. Подъем албанского национального движения в этих областях мог помешать осуществлению планов Афин. Поэтому, сообщал Татищев, греческие правящие круги и общественное мнение предпочитали «продолжение нынешнего владычества турок в Эпире, нежели захват его албанской пропагандой», а правительство, «через своих агентов в Эпире, делает тамошнему греческому населению самые усиленные внушения относительно необходимости соблюдать полное спокойствие и строго воздерживаться от содействия, а тем паче от участия в революционном движении»[19].

Отличительная особенность позиции Румынии определялась двумя обстоятельствами. С одной стороны, румынское правительство не препятствовало деятельности существовавших здесь с конца XIX в. нескольких албанских обществ и клубов как культурно-просветительного, так и более радикального направления. Албанская колония в Бухаресте была достаточно многочисленной и поддерживала тесные контакты с национальным движением в самой Албании. В начале XX в. ведущая роль среди них принадлежала двух организациям — «Дрита» («Свет») и «Башким» («Союз»).

Первое из них было создано в 1887 г. на основе распавшегося за год до этого культурно-просветительного общества с аналогичным названием. В качестве цели своей деятельности его руководство во главе с преуспевающим торговцем хлебом и активным деятелем албанского национального движения уроженцем Горицы Николой Начо ставило развитие албанской культуры, а также содействие установлению автономии Албании мирными средствами. Одно время общество издавало собственную газету, однако к данному моменту оно переживало сложные времена. Второе, во главе которого встал крупный албанский фабрикант Тома Чама, было создано в 1908 г. В отличие от предыдущей организации, оно располагало значительными денежными средствами (его членом был, в частности, банкир Коста Евтимиу) и ставило перед собой более широкие задачи, выступая за независимость Албании в широких территориальных грани-

[19] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 233.

inslav

цах. «Башким» поддерживал через специальных эмиссаров тесные контакты с руководителями албанского восстания и оказывал им серьезную материальную поддержку[20].

Вместе с тем, Румыния не желала обострять отношения с другими балканскими государствами, рассчитывая, в случае будущих осложнений, получить для себя определенные компенсации, в том числе и территориальные, используя тот факт, что, как подчеркивал министр иностранных дел этой страны Т. Майореску в беседе с российским посланником М. Гирсом 25 июля 1911 г., Албания населена не только албанцами, сербами, болгарами, греками, «но и куцо-влахами»[21].

Вполне определенные планы существовали у Болгарии, которая стремилась использовать албанское национальное движение в интересах борьбы против Турции. Они, однако, не афишировались и не являлись предметом обсуждения внешнеполитических ведомств других стран. Так, в ходе продолжительной беседы с российским посланником в Софии А.В. Неклюдовым, состоявшейся 23 июля 1911 г., болгарский царь Фердинанд заверил российского представителя в том, что «Болгария останется совершенно спокойной в настоящем албанском кризисе и вообще по отношению к Турции, разве что там наступят исключительные события, чего он впрочем не ожидает в близком будущем»[22].

Что же касается политики Сербии, то она определялась ее негативным отношением к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»[23].

Подобный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории[24].

Рассматриваемое восстание — прежде всего вследствие нерешительной и соглашательской позиции крупных албанских феодалов, связанных экономическими интересами с турецкой властью (которым в целом по-прежнему принадлежала руководящая роль в ал-

[20] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2083. Л. 115.
[21] Там же. Д. 2084. Л. 219.
[22] Там же. Л. 211.
[23] Там же. Л. 353.
[24] Там же. Л. 247.

inslav

банском национальном движении), и политики невмешательства, проводившейся великими державами, также не увенчалось принципиальным успехом, приведя лишь к некоторым уступкам со стороны Турции: снижение налогов, сокращение сроков военной службы, открытие нескольких школ на албанском языке, а также амнистия для участников восстания. Тем не менее, оно свидетельствовало об определенном изменении характера борьбы и взглядов руководителей албанского освободительного движения.

К весне 1912 г. относится самое значительное албанское восстание рассматриваемого периода, начавшееся в условиях углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в Турции, возраставшего влияния оппозиционных сил, установивших контакты с некоторыми лидерами албанского национального движения, в частности, с Исмаилом Кемали и Хасаном Приштиной, а также неудачной для Турции Триполитанской войны.

В феврале 1912 г. в российском вице-консульстве в Шкодере (так же как и в дипломатических представительствах других великих держав в этом городе) было получено обращение за подписью 50 видных деятелей албанского племени малиссоров, в котором они «обвиняют турок в неисполнении данных малиссорам обещаний и слагают с себя ответственность за беспорядки, которые возникнут, если их требования не будут исполнены немедленно же»[25].

Одновременно с этим руководители албанского движения пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанских вилайетов. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие.

Сербский премьер-министр Никола Пашич отклонил эти предложения и, более того, направил специальных представителей в Албанию с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения»[26]. Однако эта миссия окончилась провалом.

Центром восстания вновь стал Косовский вилайет; позднее оно распространилось на центральные и южные районы Албании, причем, имели место многочисленные случаи отказа подразделений турецкой армии принимать участие в военных действиях против повстанцев[27].

16 июля 1912 г. в г. Влера состоялось собрание лидеров албанского движения, которое направило турецкому правительству требования

[25] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 326.

[26] Там же. Л. 366.

[27] Так, в ходе боевых действий в районе города Призрен пять турецких батальонов во главе с офицерами отказались вести боевые действия против осаждавших город албанских вооруженных отрядов // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 521.

inslav

восставших; причем, как указывал в своем донесении сербский генеральный консул в Салониках Ж. Балугджич, несмотря на то, что их «подписали албанские лидеры с юга», в разработке данной программы «принимали участие и делегаты из Старой Сербии»[28].

Наиболее важными из этих требований были следующие: признание законной силы за всеми старыми албанскими обычаями, которые не противоречат интересам государства и положениям Конституции и других законов; назначение в Албанию специального, периодически сменяемого турецкого посланника, который должен следить за деятельностью чиновников и поддержанием порядка; признание албанского языка в качестве официального в Албании, в том числе и в сношениях с правительством (фактически данные положения означали предоставление Албании автономии), а также закрепление за албанскими военнообязанными права служить в своих областях, в том числе в пограничных с соседними государствами районах, и возвращение населению отобранного оружия. В меморандуме, подписанном руководителями революционного комитета Влеры и направленном во внешнеполитические службы Англии, Франции и России, а также в ряд европейских средств массовой информации, содержалось обращение к турецким властям в кратчайшие сроки удовлетворить требования албанцев. В противном случае, указывали авторы документа, «мы предпочли бы скорее умереть в борьбе за защиту нашего достоинства и репутации, чем вести жизнь, пригодную для животных»[29].

В июле 1912 г. специальный корреспондент санкт-петербургской газеты «Речь» В. Викторов (выделявшийся среди своих коллег объективностью, интересом и познаниями в области албанских сюжетов) посетил штаб-квартиру одного из руководителей восстания Риза-бея, с которым имел беседу в присутствии других албанских лидеров, в частности, Байрам Цурри и Асан-бея. В ходе продолжительного разговора Риза-бей заявил: «Мы боремся за то, чтобы великий албанский народ получил принадлежащие ему права. Мы не мятежники. Мы желаем, чтобы во всей Оттоманской империи наступил мир. Мы желаем, чтобы наш падишах жил в согласии с Россией, потому что мы знаем только два великих народа: наш народ и русский народ (*Sic! — П.И.*)»[30]. «Наша теперешняя борьба, — продолжал он, — это только первый этап. Мы требуем особых прав для четырех вилайетов: Шкодринского, Янинского, Битольского и Косовского. Относительно пятого — Салоникского — мы еще не пришли к определенным выводам. В этом вилайете тоже живут албанцы. В этой борьбе весь ал-

[28] Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига V. Свеска 2. Београд, 1985. С. 179.

[29] АВПРИ. Ф. Консульство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 22. Л. 65.

[30] Речь. 28 июля 1912 г.

inslav

банский народ с нами. Это — борьба против издевательств комитета (младотурок. — *П.И.*) над нашими справедливыми и законными требованиями»[31].

7–8 августа 1912 г. на совещании руководителей восстания в Приштине были еще раз обсуждены и конкретизированы албанские требования. Они были переданы специальной комиссии, направленной в Албанию турецким правительством, для сообщения их в Константинополь.

В данных условиях турецкая оппозиция добилась отставки младотурецкого правительства и передачи власти новому кабинету во главе с Гази Мухтар-пашой, который, в свою очередь, распустил палату депутатов, имевшую младотурецкий состав, и тем самым удовлетворил основное требование Хасана Приштины — одного из руководителей албанского движения.

В итоге, несмотря на то, что ряд требований восставших не был принят, Хасан Приштина подписал в Скопье соглашение с правительством Мухтар-паши и добился прекращения восстания, которое в конечном счете не привело к завоеванию национальной автономии, но ослабило позиции Турции в Албании и на Балканском полуострове в целом.

Однако окончательно из внутритурецкого в межгосударственный албанский вопрос трансформировался в конце 1912 г., когда, в результате нового подъема освободительной борьбы албанского народа, 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость этой страны и на открывшейся 17 декабря того же года конференции дипломатических представителей великих держав в Лондоне началось всестороннее обсуждение вопроса об Албании.

В данной связи следует отметить, что хотя Англия и не являлась державой, имевшей непосредственные интересы в Балканском регионе, и тем более в самой Албании, лондонское правительство рассчитывало, что албанское движение ослабит Турцию и ее контроль над арабскими областями, представлявшими одно из основных направлений колониальной политики Великобритании. Оно высказывалось в поддержку требований повстанцев и неоднократно обращалось к другим европейским столицам с предложением совместно потребовать от турецкого правительства их выполнения. При этом на позицию Англии и, в частности, министра иностранных дел Э. Грея, оказывало влияние убеждение, что албано-турецкий спор может быть разрешен только военным путем — ввиду «невозможности для Черногории оставаться долгое время нейтральной»[32].

---

[31] Речь. 28 июля 1912 г.

[32] Цит. по: *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960. С. 149.

inslav

Российские дипломатические представители на Балканах подтверждали рост влияния албанского фактора и предупреждали об угрозе, которую он несет. Как сообщал в 1912 г. в Санкт-Петербург российский консул во Влере А. М. Петряев, «албанский народ, никогда не игравший политической роли, под турецким господством приобретает такую силу, что выходит из своей области, расширяя свои границы, поглощает другую народность, за которую стоит славное историческое прошлое»[33].

Собравшееся 28 ноября 1912 г. во Влере всеалбанское Национальное собрание стало ключевой вехой в истории албанского национального движения. Принятый его делегатами акт о провозглашении независимости Албании готовился с участием представителей ряда великих держав. Так, глава первого албанского правительства Исмаил Кемали предварительно побывал в Вене, где обсудил свои планы провозгласить Албанское государство и через местную прессу очертил его границы, включавшие в себя, помимо собственно албанских земель, также Битоли, Янину, Скопье, Приштину и Призрен.

И хотя открывшееся в декабре 1912 г. в Лондоне Совещание послов великих держав не признало акт о государственной независимости Албании и решило передать многие территории, на которые претендовали лидеры албанского движения, соседним балканским странам, главное было сделано: Албанское государство не просто было провозглашено, но стало реальным фактором балканской и общеевропейской политики. Документ подписал 41 албанский лидер, представлявшие Берат, Дебар, Дуррес, Эльбасан, Гирокастру, Печ, Крую, Люшню, Охрид, Стругу, Шияк, Тирану, Влеру, албанскую колонию в Бухаресте, а также находившиеся в окружении армий балканских союзников Корчу, Пермет и Шкодер. Представлять последний было доверено одному из влиятельных албанских лидеров и «одному из инициаторов данного собрания» — Луиджу Гуракучи. Соответствующее решение было единогласно поддержано собравшимися делегатами.

В своем выступлении перед делегатами всеалбанского Национального собрания Исмаил Кемали напомнил, что хотя албанцы всегда были верны Османской империи, они «никогда не забывали свои собственные язык и национальность, лучшим доказательством чего стали их стремления и восстания, имевшие место время от времени, в особенности в последние четыре года, в целях защиты их прав и обычаев». «Оттоманское правительство никогда не принимало во внимание их интересы и никогда не желало вознаградить албанцев за великую службу, которую они несли. Оно недавно продемонстрировало

[33] АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5296. Л. 52.

inslav

определенный интерес к тому, чтобы прийти к взаимопониманию с нашим народом, но не явило доказательств своей честности и не предприняло всех необходимых шагов для того, чтобы успокоить и удовлетворить албанцев. На Балканах недавно вспыхнула война с четырьмя странами, стремившимися к переменам и обеспечению прав для своих народов, объединенных этничностью и религией.

Позднее эти страны отбросили свои первоначальные цели и, поскольку война развивалась для них успешно, согласились разделить между собой империю, включая Албанию. Понимая, что турецкая армия разгромлена и империя не выживет, албанцы, игравшие намного большую роль в боях, нежели простые солдаты, поспешили предпринять требуемые шаги в своих собственных интересах как хозяева страны», — подчеркнул Исмаил Кемали, добавив, что, «поскольку больше не было надежды сохранить Албанию силой оружия, единственным путем к спасению стало отделить Албанию от Турции». По его словам, данная идея «была хорошо воспринята всеми великими державами, в особенности Австрией и Италией. Только Россия осталась в чем-то враждебной данной идее из-за славян, но она не отрицала существование Албании и албанского народа». В силу всего вышеизложенного, «самыми срочными мерами, которые албанская нация должна предпринять сегодня, — продолжал оратор, — являются следующие: Албания должна стать независимой под управлением временного правительства, для содействия и надзора за правительством должен быть избран совет старейшин, и в Европу должна быть направлена комиссия для того, чтобы защищать албанские интересы перед великими державами».

По свидетельству выходившей во Влере газеты «Перлиндь е Шчипнис», делегаты Национального собрания «единодушно согласились» со словами Исмаила Кемали о том, что «Албания с сегодняшнего дня должна стать самостоятельной, свободной и независимой под управлением временного правительства. Это решение было встречено нескончаемыми аплодисментами со всех сторон. Заседание было прервано до следующего дня, и делегаты вышли наружу и приветствовали флаг, который был поднят в пять тридцать пополудни»[34].

И хотя в выступлении Исмаила Кемали 28 ноября вопрос о Косово отдельно не рассматривался, было ясно, что именно вокруг этих земель вскоре разгорится самая непримиримая борьба. Не случайно покидая в гневе Лондонское совещание после отказа его участников присоединить Косово к Албании, один из лидеров албанского национального движения, Иса Болетини, в сердцах бросил: «Когда придет

[34] *Nosi L.* Dokumenta historike për t'i shërbye historiës tone kombëtare. Tirana, 2007. F. 176–179.

inslav

весна, мы удобрим равнины Косово телами сербов, от которых мы пострадали слишком много, чтобы это забыть».

Эмоции Исы Болетини были тесно связаны с начальными месяцами Первой Балканской войны, когда вместо возможного и обсуждавшегося в сербском руководстве сербо-албанского антитурецкого альянса армия Сербии стремительно заняла те районы Балкан, которые албанцы считали ядром своего будущего национального государства. История отвела косовским землям противоречивую и взрывоопасную роль: служить одновременно колыбелью национальной государственности двух народов. И тот факт, что по крайней мере часть косовско-албанского этноса имеет сербские и православные корни, сделал данное обстоятельство еще более драматическим. А своекорыстная и очень часто провокационная роль великих держав лишь усиливала сербо-албанские противоречия.

На следующий день после провозглашения албанской независимости Исмаил Кемали направил телеграммы правительствам ведущих европейских государств, а также Турции, в которых он проинформировал их о принятых во Влере решениях, а также заверил в том, что Албания будет строить свои взаимоотношения со всеми государствами на основе принципа мира, добрососедства и невмешательства. Однако великие державы проигнорировали это обращение, и ответ поступил лишь от турецкого правительства, но совсем не тот, на который втайне рассчитывали албанские патриоты. Уже 3 декабря греческий флот атаковал Влеру, однако Австро-Венгрия и Италия предупредили Афины о недопустимости захвата порта, явив таким образом очередное свидетельство сложного переплетения интересов великих держав и балканских стран вокруг Албании, где взаимодействие сменялось враждой и наоборот[35].

Следует особо отметить, что помимо противоречий между великими державами, к началу Первой Балканской войны в регионе отчетливо ощущался дефицит международно-правовых установлений. Положения Берлинского трактата 1878 г. уже мало соответствовали сложившимся реалиям, а Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор так и не вступил в силу, породив незаживающую рану в душе болгар — рану, которая отозвалась потоками крови в межсоюзнической войне 1913 г. и в постоянном стремлении Софии создать антисербский военный альянс с участием любых подходящих балканских сил, в том числе албанских отрядов. Да и албанцы в 1878 г. остались «за бортом» миротворческого процесса, удостоившись всего лишь формулировки «другая часть Европейской Турции»[36].

---

[35] *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. I. B.Tauris. London, New York, 1995. P. 69.

[36] Сборник договоров… С. 161–162.

inslav

Берлинский трактат, в целом подтвердивший сан-стефанские положения касательно Сербии и реформ в Европейской Турции, имел статью XXIII, к которой впоследствии активно апеллировали в Белграде и других балканских столицах, а также поборники албанского национального движения. Статья была следующего содержания:

«Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты.

Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии»[37].

Комментируя решения, принятые в Берлине, генеральный секретарь Коммунистической партии Албании Э. Ходжа как-то отметил, что «Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы Албании и албанского национального меньшинства в Косове... Они не согласились с таким решением вопроса и не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя... Их единственный идеал — это слияние с Албанией...»[38].

Но вернемся в 1912-й год. Понимая неизбежность войны с Турцией, сербский премьер Н. Пашич предложил албанским лидерам, по сути, «контракт на объединение сербов и этнических албанцев в Косовском вилайете» в рамках сербской государственной организации[39]. Это соглашение предусматривало, что сербские структуры (под юрисдикцию которых должен был перейти Косовский вилайет) гарантируют албанцам свободу вероисповедания, использование албанского языка в школах, в судах, а также в общинных и районных ад-

[37] Сборник договоров… С. 192.

[38] Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. Т. 2: 1949–1953. М. – Новосибирск, 1998. С. 206.

[39] *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // East Central European Society and the Balkan Wars. New York, 1987. P. 170.

inslav

министрациях, восстановление старых судебных обычаев и создание отдельной Ассамблеи, которая получала бы право принимать законы, касающиеся религиозных, образовательных и правовых вопросов[40]. Кроме того, в албанонаселенных общинах создавалась бы албанская администрация и соответствующие административные районы[41].

С секретной миссией в Косово были направлены два наиболее видных офицера секретной службы — будущий герой Салоникского процесса Драгутин Димитриевич-Апис и Божин Симич. Они должны были представить предложения Пашича Исе Болетини и Идризу Сеферу, а заодно добиться от них гарантий, что албанцы не примут участия в предстоящей войне[42]. Оба албанских лидера считались в Белграде потенциальными партнерами, поскольку во время предыдущих восстаний они установили с Сербией в целом дружественные отношения[43]. Кроме того, сербские власти адресовали албанцам специальные обращения, в которых говорилось, что «албанцы получат защиту и будут рассматриваться в качестве друзей, но только до тех пор, пока они будут заслуживать такого обращения»[44].

Однако албанцы отвергли инициативы Пашича. Сербскому правительству и албанским лидерам не удалось прийти к согласию также по военному и финансовому вопросам, хотя руководители албанского движения со своей стороны пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанонаселенных вилайетов Османской империи. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие. Главная причина колебаний и непоследовательности сербского премьера заключалась в его сомнениях относительно действительных планов и замыслов албанской стороны.

С началом Первой Балканской войны перед албанцами встал непростой выбор — учитывая кровавое подавление турецкими властями албанских восстаний 1910–1912 гг. и помощь оружием, которую они получали в эти годы от сербского правительства. Однако в итоге возобладал лозунг, выдвинутый в Косово Исой Болетини: «Ислам в опасности».

---

[40] *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // East Central European Society and the Balkan Wars. New York, 1987. P. 170.

[41] *Микић Ђ.* Албанци и Србија у балканским ратовима 1912–1913 // Историјски гласник. 1986. № 1–2. С. 60; *Станковић Д.* Никола Пашић и стварање балканске државе // Марксистичка мисао. 1985. № 3. С. 157–169.

[42] *Поповић Ч.* Рад организације «Уједињење или смрт» — Припреме за Балкански рат // Нова Европа. XVI. 1927. № 10–11. С. 313–315; *Jovanović M.Z.* Pukovnik Apis. Beograd, 1957. P. 649–651; Savremenici o Kosovu i Metohiji 1852–1912. P. 351–353, 381–383.

[43] *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 53–54; см. также: *Поповић Ч.* Рад организације «Уједињење или смрт».

[44] *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia… P. 171; см. также: Први Балкански рат. Београд, 1959. С. 294–296, 417, 432.

inslav

В том, что албанцы заняли сторону своих многовековых угнетателей, сыграли свою роль австрийская и турецкая пропаганда, а также боязнь лишиться своих привилегий, которые они уже успели «выбить» из Константинополя. Кроме того, албанские лидеры опасались, что переход вилайетов с албанским населением под контроль Сербии приведет к изменению их этнической картины, в связи с чем влиятельные беи лишатся военно-политического влияния и доходов[45].

Как заявил тогда Исмаил Кемали, «в момент опасности албанский вопрос перестает существовать»[46]. Собравшись 10 октября 1912 г. в Скопье, албанцы заявили, что будут сражаться за Турцию в том числе тем оружием, которое они ранее получили от Сербии. Они также направили петицию великим державам (за исключением России) с требованием объединения албанцев, проживающих в Скутарийском, Косовском и Янинском вилайетах[47].

Аналогичные собрания прошли в октябре в Дебаре и Приштине, на которых были поддержаны решения, принятые в Скопье, в том числе — защищать свое «Оттоманское отечество» с оружием в руках[48]. Не помогло сербам и назначение командующим Третьей сербской армии, которой предстояло вести военные действия в Косово, хорошо известного албанцам по предыдущим контактам генерала Божидара Янковича.

Узнав о решениях, принятых в Скопье, Дебаре и Приштине, турецкое правительство передало албанцам в Косово через Ису Болетини 63 000 ружей. Сам албанский лидер во всеуслышание пригрозил сжечь дома тех албанцев, которые откажутся защищать «турецкую землю». Не дремала и австрийская пропаганда, призывавшая албанских мусульман и католиков с оружием в руках выступить против сербских войск и обещавшая, что австрийская армия поддержит их с территории Боснии[49].

Однако, несмотря на все усилия турецких властей, лишь малая часть розданного оружия нашла своих обладателей. В ответ на объявленную турками мобилизацию лишь 16 000 албанцев собрались на границе с Сербией[50]. Как сообщал австрийский консул в Битоли, «во время мобилизации энтузиазм в пользу формирования отрядов башибузуков преобладал по всей Албании над стремлением получить статус батальонов редифа»[51].

---

[45] Први Балкански рат. С. 416.
[46] *Mikić Dj*. The Albanians and Serbia… P. 170.
[47] *Ђорђевић Д*. Излазак Србије… С. 84.
[48] *Микић Ђ*. Албанци и Србија… С. 60.
[49] Там же. С. 61; *Ratković B*. Prvi balkanski rat 1912–1913. Beograd, 1975. S. 246–247.
[50] Први Балкански рат… С. 417.
[51] *Mikić Dj*. The Albanians and Serbia… P. 171.

inslav

Сопротивление албанцев оказалось серьезным лишь в ходе первых вооруженных стычек. Сербская артиллерия успешно подавила эти очаги, и албанские лидеры хорошо поняли перспективу. После взятия сербскими войсками Скопье албанцы окончательно разуверились в военно-политической состоятельности Константинополя. Хорошо вооруженная и оснащенная сербская армия развивала свое наступление на волне беспрецедентных патриотических чувств о реализации «сербской заветной мечты». Аналогичные чувства испытывали и черногорцы, успешно продвигавшиеся в направлении городов Печ и Джяковица[52]. Смирившись с неизбежным, Байрам Цурри, Риза-бей и Иса Болетини покинули Косово и укрылись в горной албанской области Малиссия, а после взятия сербской армией 22 октября Приштины и победы 23–24 октября под Куманово Первая Балканская война для Косово и Македонии была закончена. 29 октября сербская и черногорская армия соединились в Метохии. Третья сербская армия в полном составе присутствовала на литургии в Грачанице в ознаменование освобождения Косово.

Сербские военные власти издали в Приштине и других освобожденных городах прокламации, в которых призвали албанцев сложить оружие. Часть албанцев сочла за благо укрыться в близлежащих горах, однако большинство населения приняло условия сербов. Последними разоружились албанцы Дреницы и Печа. Сербские власти в своей пропаганде подчеркивали, что война велась против Турции, а не против албанцев. На территории Косово были образованы три сербских округа — Лабский, Приштинский и Призренский, а также два черногорских — Печский и Джяковицкий. Однако к довоенной идее о заключении всеобъемлющего сербо-албанского соглашения по Косово Белград уже не вернулся, установив в этих землях жесткий военно-административный режим[53]. А дальнейшие военные действия сербов с целью получения выхода на Адриатическое море в районе города Дуррес окончательно похоронили предвоенные сценарии и комбинации.

Эта операция началась с форсирования реки Дрин, после чего сербские войска взяли города Леш, Круя и Тирана и 29 ноября вышли на Адриатику в районе Дурреса, установив контроль над самим портом. Сопротивление албанских войск было незначительным, несмотря на то, что они формально входили в состав турецкой армии. Великие державы были удивлены новыми военными успехами Сербии, однако в европейских столицах хорошо понимали, что судьбы балканского разграничения будут окончательно решаться за столом переговоров, а не на поле битвы. Британский дипломат Джордж Бью-

[52] *Tomić J.* Rat na Kosovu i Staroj Srbiji 1912. godine. Novi Sad, 1913.

[53] Први Балкански рат… С. 46–417, 464, 469, 496; *Микић Đ.* Албанци и Србија… С. 63.

inslav

кенен даже позволил себе саркастически заметить своему сербскому коллеге по поводу занятия «города Драч» (как в сербском языке и по сей день именуется Дуррес, известный Европе того времени как «Дураццо»): «О, у вас уже есть название для Дураццо!»[54].

Стремительные успехи сербской армии произвели тяжелое впечатление на албанских лидеров. По образному выражению албанского исследователя Ставро Скенди, «проблема, с которой должны были столкнуться албанские патриоты, оказалась очень зловещей: судьба их страны»[55]. Во время Первой Балканской войны албанцы в основном сражались на стороне Османской империи, поскольку «они верили, что, делая это, они лучше защитят свою собственную территорию»; теперь же они оказались свидетелями осады черногорцами Шкодера, оккупации сербами центральной части Албании и марша греческой армии на Янину — иными словами, «расчленения» их отечества[56]. Еще больше осложняли ситуацию отсутствие в стране дееспособной центральной власти и плачевное состояние инфраструктуры. Отныне судьба Албании и албанцев оказалась в значительной степени в руках международной дипломатии — в первую очередь, держав Тройственного союза. И не случайно один из лидеров и идеологов албанского национально-освободительного движения Сами Бей Фрашери именно в Вене и Лейпциге опубликовал в 1913 г. свое знаменитое сочинение[57].

Именно в период Первой Балканской войны в албанонаселенных районах Старой Сербии была сформирована та система сербского военно-гражданского управления, которая в целом сохранялась в 1913–1914 гг. и неоднократно служила предметом острых дебатов гражданских и военных властей страны. Это произошло сразу же после освобождения районов Старой Сербии от турецкой власти и выхода сербских войск на Адриатическое море в октябре–ноябре 1912 г. Был образован (20 октября) Лапский срез, позднее — Ново-Пазарский и Приштинский округа, куда вошли срезы Приштина, Вучитрн, Митровица, Гнилане, Феризович и Лаб. 29 ноября был создан Драчский округ, в который вошли 4 среза: Драч, Леш, Эльбасан и Тирана[58].

Однако в то же время происходил процесс конституирования Албанского государства, получивший дополнительный импульс как раз вследствие действий сербского правительства и неспособности

[54] Подробнее см.: *Dragnich A.*, *Todorovich S.* Prelude To World War I: Balkan Wars and Serbo-Albanian Relations // Kosovo. 1992.

[55] *Skendi S.* The Albanian National Awakening (1878–1912). Princeton, 1967. P. 451.

[56] Ibid. P. 452.

[57] *Frasheri Sami Bey*. Was war Albanien, was ist es, was wird es werden? Vienna – Leipzig, 1913.

[58] *Ђорђевић Д.* Излазак Србије… С. 55–56.

inslav

турецкой армии эффективно противостоять войскам балканских союзников.

После того, как сербские войска овладели Скопье, лидеры местных албанцев приняли решение разорвать связи с Константинополем и отправиться в Албанию и уже там вплотную заняться конституированием собственного государства, в чем, помимо албанских лидеров Старой Сербии и Македонии, должны были участвовать представители Северной и Центральной Албании. В этом они пользовались полной дипломатической поддержкой монархии Габсбургов в лице местных австрийских консулов[59].

Сербская и албанская делегации были отстранены от участия в дискуссиях в рамках Лондонского совещания послов великих держав. Посреднические и экспертные услуги албанским представителям оказывал член британского парламента от партии консерваторов Обри Герберт — дипломат, путешественник, офицер разведки и горячий сторонник идеи независимости Албании. Он посещал албанские земли в 1907, 1911 и 1913 гг., причем, во время последнего пребывания в Тиране сдружился с одним из главных героев нашего повествования — Эссад-пашой Топтани. О. Герберт с радостью согласился исполнять роль советника албанской делегации в Лондоне, черпая информацию о ситуации на Балканах в том числе из активной переписки с британской путешественницей и исследовательницей Эдит Дурхэм. О. Герберт пользовался настолько большим авторитетом среди албанцев, что они даже предложили ему стать монархом Албании. Британский парламентарий с интересом отнесся к предложению, однако был вынужден отказаться от заманчивой перспективы под давлением друга своей семьи — тогдашнего главы британского кабинета Герберта Эсквита.

Основная борьба на Лондонском совещании развернулась по вопросу о границах Албании. Сербия представила свою карту разграничения. Из нее следовало, что Белград настаивает на проведении пограничной линии по водоразделу к западу от Охридского озера и Черного Дрина, иными словами — между Дрином и Белым Дрином. Это означало включение в расширившиеся границы Сербского королевства Дечан, Джяковицы, Призрена, Дебара и Охрида. Свои карты раскрыла и Черногория, претендовавшая на Шкодер (Скадар), Сан-Джиованни ди Медуа и Леш. В Цетинье желали провести черногоро-албанскую границу по реке Мат и водоразделу Дрина и Фани.

Если же учесть, что южная соседка Албании Греция настаивала на включении в свои пределы всего «северного Эпира» (то есть Южной Албании), то в случае удовлетворения территориальных претензий членов победоносного Балканского союза на долю Албании

[59] *Ђорђевић Д.* Излазак Србије… С. 84–85.

inslav

пришелся бы лишь район Тираны, Дурреса, Эльбасана и Берата с населением 400.000 человек, располагающий бедным хозяйственным потенциалом и лишенный стратегической защиты.

В противовес требованиям Белграда, Цетинье и Афин главный апологет внушительной автономной Албании, монархия Габсбургов, выдвинула в пользу своих планов «этнографический элемент», иными словами — включение в албанские пределы всех территорий с преобладающим албанским населением. Это означало передачу Албании не только Джяковицы, Дебара, Корчи и Янины, но и Струги с Охридом. Кроме того, первоначальный австро-венгерский проект сербо-албанского разграничения настаивал на включении в состав Албании Печа и Призрена в качестве так называемых «компенсационных объектов». Что же касается Шкодера, то Вена отказывалась даже обсуждать возможность его присоединения к Черногории.

Италия занимала более мягкую позицию и, в частности, допускала возможность передачи черногорцам Шкодера. Главной задачей итальянской дипломатии в Лондоне было противодействие попыткам Греции включить в свои пределы Южную Албанию, так как эти районы являлись предметом политико-хозяйственных вожделений самой Италии.

Россия и Франция предлагали компромиссный вариант сербо-албанского и греко-албанского разграничения: граница должна была пройти по рекам Дрин и Черный Дрин до Охрида. Что же касается Южной Албании, то, по мнению Санкт-Петербурга и Парижа, Корча должна была перейти Греции, а Гирокастра остаться в Албании.

Албанская делегация, также прибывшая в Лондон, но не принимавшая участие в официальных дебатах, представила меморандум, который требовал создать «этническую» Албанию, включающую в ее пределы Печ, Митровицу, Приштину, Скопье и Битоли с прилегающими районами, а на юге — весь Эпир (Чамерию).

В конечном итоге компромисс вокруг границ нового европейского государства был достигнут путем, с одной стороны, сохранения за Албанией Шкодера, на которую претендовало черногорское руководство, а с другой — передачи Сербии и Черногории обширных территорий с преобладающим албанским населением, в том числе Косово и плато Дукагин с городами Призрен, Дебар, Печ и Джяковица (Сербии) и городов Плав и Гусинье (Черногории), что имело неоднозначные последствия для дальнейшего развития ситуации на Балканах и в Европе в целом[60].

---

[60] В целом, по примерным оценкам, в 1913 г. в состав Албании вошла в лучшем случае лишь половина собственно албанских земель, если рассматривать территории и албанское население, проживавшее в прежней Османской империи // *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 23; An Outline of the PSR of Albania. Tirana, 1978. P. 31; *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. München, 1982. S. 26.

inslav

Что же касается албано-греческой границы, то она после долгих дискуссий между странами Тройственного согласия и примкнувшей к ним Германией, с одной стороны, и Австро-Венгрией и Италией, с другой (Рим выступал против чрезмерного расширения территории Греции в северном направлении, которое могло привести к установлению Афинами своего контроля над проливом Корфу), была установлена Международной разграничительной комиссией, работавшей на месте в течение полутора месяцев, и зафиксирована во Флорентийском протоколе 17 декабря 1913 г. Согласно этому документу, за Албанией сохранялись Корча и Гирокастра, однако Янина и большая часть области Чамерия с преобладающим албанским населением закреплялись за Грецией. Одновременно в албанском округе Гирокастра «оказалось греческое меньшинство»[61]. Греческого контроля над Корфским проливом удалось избежать благодаря тому, что греко-албанская граница выходила на Адриатическое море в районе мыса Стилос как раз напротив Корфу[62].

Таким образом, территория Албанского государства составила 28 000 кв.км с населением приблизительно 800 000 человек. При этом стоит во многом согласиться с мнением сербского историка Д. Богдановича, который в своей «Книге о Косово» подчеркивает, что, хотя Сербия и Черногория держали под своим контролем албанонаселенные районы Старой Сербии почти три года — до осени 1915 г., «ни то, ни другое сербское государство не сумело предпринять какие-либо серьезные шаги в целях долгосрочного решения вопросов статуса и будущего албанского меньшинства». По его словам, «были предприняты определенные действия в плане аграрной реформы и колонизации, особенно в черногорской части Метохии, но они не имели большого эффекта, так как для этого не было ни времени, ни условий с учетом почти непрерывного военного положения. Албанское население Косово, Метохии и Западной Македонии со своей стороны предвкушало большую войну как повод, чтобы выйти из состава Сербии и Черногории»[63].

---

[61] За балканскими фронтами первой мировой войны. М., 2002. С. 51.
[62] *Constantopoulos D. S.* Zur Nationalitatenfrage Sudosteuropas. Aumuhle, 1940. S. 12.
[63] *Bogdanović D.* Knjiga o Kosovu. Beograd, 1986. S. 186–187.

inslav

Греция: становление европейского государства

В самом начале XX в. объектом приложения греческих национально-освободительных сил стала самая пестрая по своему этническому составу область Балканского полуострова — Македония, находившаяся под властью Османской империи. Отстаивавшие «Великую идею» греки еще с середины XIX в. начали создавать там свои организации, вести постоянную пропаганду, опираясь на школу и церковь, формировать у населения национальное греческое самосознание. Причем, церковь выступала как инструмент эллинизации даже инородцев. К концу XIX в. просветительская работа дополнилась созданием подпольных боевых организаций, особенно после Илинденского восстания 1903 г., когда возникла угроза включения Македонии в состав Болгарии.

Греция начала активную партизанскую войну, названную «Борьбой за Македонию 1904–1908 гг.», где большую роль играли кадровые греческие офицеры. Так, имя Павлоса Меласа после его гибели стало символом борьбы в Македонии и всколыхнуло все греческое общество. Церковь безоговорочно поддержала партизанскую борьбу греков, оказывая ей всяческое содействие. Турки сначала благоволили грекам, пока не поняли истинный смысл их борьбы с другими народностями Македонии и не увидели успехов, которых они добились к 1906 г. В Афинах был создан Македонский комитет, поддержанный правительством Теотокиса, которое сумело превратить греческие консульства в бастионы борьбы за Македонию.

Усилилась экономическая активность греков в Салониках. Они постепенно стали вытеснять славянские и даже еврейские фирмы, которые упорно сопротивлялись этому процессу. Борьба за Македонию на время младотурецкого переворота в Турции 1908 г. временно прекратилась, хотя никто из соперничавших балканских стран не сумел удовлетворить свои аппетиты. Британский историк-филэллин Д. Дейкин назвал «Борьбу за Македонию» третьей национально-освободительной борьбой греков, а второй являлась, по его мнению, борьба за Крит[1]. Война за Македонию, хотя и не столь остро, продолжалась

[1] *Dakin D*. The Greek Struggle in Macedonia. 1897–1913. Thessaloniki, 1966.

inslav

вплоть до 1913 г. Она принесла Греции небывалый успех, который подготовили годы упорной борьбы.

На Крите начало XX века прошло во все той же непрекращавшейся борьбе между сторонниками верховного комиссара четырех держав принца Георга Греческого и оппозицией во главе с Э. Венизелосом, который становился все более популярным благодаря открытым и постоянным заявлениям о необходимости присоединения острова к Греции. Принц Георг, стремясь повысить свой авторитет во время предвыборной кампании в мае 1903 г. и нанести удар по своим противникам, сам пытался изменить статус Крита с помощью великих держав. Однако его очередная поездка в Европу, где он вновь предложил вариант наподобие Боснии и Герцеговины, не имела успеха. Великие державы хотели от принца одного — чтобы он сдерживал устремления критян, а это становилось почти невозможно. Афины встретили приезд Георга манифестациями в поддержку присоединения острова к Греции. Прибывшие одновременно с ним вожди критской оппозиции через прессу заявили о своих взглядах и причинах разногласий с верховным комиссаром и получили поддержку широких кругов греческого общества. В эти дни афинская пресса бурно приветствовала желание критян присоединиться к Греции, но более трезвые и осторожные политики считали, что момент невыгоден для Греции, так как может осложнить греко-турецкие отношения, в том числе по македонскому вопросу. Официальные газеты призывали сохранять добрые отношения с Турцией[2].

После трехмесячной поездки в Европу в конце 1904 г., которая, как и предыдущие, не принесла особых плодов (а принц надеялся, что это будет настоящий прорыв), Георг вернулся в Канею. В своем воззвании к народу Крита он, тем не менее, дипломатично сообщил, что все чаяния критян доведены до сведения держав. «Ныне, — заканчивал свое воззвание принц, — я ожидаю решения держав по этому вопросу; по получении ответа от них, я немедленно созову Народное собрание на экстраординарную сессию, дабы довести означенное решение до сведения народных представителей»[3]. Расчет был на то, что он на время выбьет почву из-под ног своих врагов-оппозиционеров.

Критяне хорошо почувствовали изменение ситуации, связанное с ослаблением России в результате поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг., и посчитали момент благоприятным для начала новой кампании по присоединению острова к Греции. В 1905 г. вспыхнуло организованное либеральной буржуазией восстание на Крите, которым руководил министр иностранных дел и юстиции местного правительства Э. Венизелос. Оно закончилось изгнанием в 1906 г. с острова прин-

[2] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2540. Л. 25; АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1268. Л. 52.
[3] Там же. Д. 2540. Л. 11.

inslav

ца Георга, правившего автократически, и назначением на пост верховного комиссара буржуазно-демократического деятеля А. Заимиса.

Впоследствии историки назовут события 1905-1906 гг. «Восстанием в Териссо», хотя оно очень быстро охватило весь Крит, а к восставшим во многих городах примкнуло даже мусульманское население. Дело в том, что накануне выборов в Народное собрание, 10 (23) марта 1905 г., в горном монастыре возле селения Териссо состоялось собрание критских оппозиционеров во главе с Э. Венизелосом, которое и объявило о начале восстания. В декларации, обращенной прежде всего к великим державам-покровительницам, говорилось, что целью восстания является политическое объединение с Грецией в единое, свободное, конституционное государство, а также немедленная отставка принца Георга и его окружения, сосредоточивших в своих руках все финансы и нити управления островом[4]. Восставшие в Териссо не собирались воевать с международными отрядами, боясь, что державы примут против них ответные военные меры.

Принц Георг тайно попросил державы определиться и либо способствовать присоединению острова к Греции, либо как можно скорее подавить восстание. На совещании послов четырех великих держав, состоявшемся в Риме 12 (25) марта 1905 г., было принято решение командировать иностранные войска на помощь критской жандармерии — единственной местной военной силе — с целью усмирения восставших. Военные корабли великих держав, постоянно находившиеся вблизи критского побережья, должны были охладить пыл восставших, являя собой самый веский аргумент в пользу сохранения status quo в критском вопросе. Великобритания, Италия, Россия и Франция и их верховный комиссар пытались не дать разгореться восстанию в полную силу: все войсковые отряды великих держав, находившиеся в Канее, Кандии и Ретимно и их окрестностях, были приведены в боевую готовность, устанавливалось патрулирование улиц, в крайних случаях было разрешено применять оружие[5].

Тем временем оппозиция принца имела значительный успех на выборах в Народное собрание, прошедших в конце марта — начале апреля 1905 г.[6]. 2 (15) апреля на открытии Ассамблеи, экстраординарной сессии Народного собрания Крита, принц Георг произнес речь, в которой заявил, что является самым горячим сторонником присоединения острова к Элладе, о чем свидетельствовала его последняя поездка по Европе осенью 1904 г. «К несчастью, державы, при всем

---

[4] *Chester S.* Life of Venizelos. L., 1921. P. 95; *Σβολόπουλος Κ.* Η Κρητική Πολιτεία απο το 1899; Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Νεώτερος Ελληνισμός απο 1881–1913. Αθήνα, 1977. Τ. ΙΓ(13). ΣΣ. 199–215 και 280–282; *Μανουσάκης Γ.* Ένας κόσμος σε δυναμική πορέια. Η Κρήτη στις Αρχές του Αιώνα μας. Αθήνα, 1988. Σ. 11–14.

[5] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 225.

[6] Там же. Д. 2545. Л. 2–2 об.

inslav

благородном расположении своем к острову, — сказал он, — нашли, что при настоящих обстоятельствах они не в состоянии изменить его теперешнее политическое положение». «Прискорбным происшествием» он назвал восстание в Териссо. «Народ, выказавший столько благородства и обладающий таким умом, — сказал он в заключение, — не может не понять, что вооруженными действиями изгоняются лишь завоеватели, а не его благодетели, что совершенно иными мерами при единогласии и при уважении к закону критский народ может приобрести расположение держав и всего цивилизованного мира и достичь столь справедливых, столь священных своих вожделений»[7]. Принц, стараясь смягчить обстановку, объявил также «о некоторых реформах в либеральном духе» и о финансовых «облегчениях», предложенных державами для Крита[8].

В мае 1905 г. в Риме состоялось очередное совещание послов держав-покровительниц, которые выработали проект обращения к восставшим (инсургентам). Документ содержал мало нового, но было единодушно решено: 1) не допускать присоединения Крита к Греции; 2) приступить к финансовым и административным преобразованиям; 3) выразить поддержку принцу Георгу[9].

Однако восстание на острове только разрасталось, охватывая все новые районы, и вскоре переросло во всеобщее под лозунгом «присоединения к матери–Греции». Греческий король Георг I, выражая готовность послать на Крит греческие войска, пытался выяснить отношение к этой акции Европы, однако великие державы, и особенно Италия, посчитали, что это было бы равносильно присоединению острова к Греции, и вопрос сам собой отпал[10].

Державы достаточно согласованными действиями не допустили решения критского вопроса силовым методом. Через год инсургенты сдали оружие и были отпущены с миром; многие беспрепятственно выехали в Грецию. Главным условием будущего присоединения острова к Греции великие державы считали проведение серьезных административно-финансовых реформ по укреплению автономии. В то же время в записке Николаю II министр иностранных дел России В.Н. Ламздорф 17 (30) января 1906 г. изложил причины и условия передачи управления Критом Греции и предлагал, чтобы Россия выступила в этом деле инициатором. Ламздорф считал, что меры по подавлению недавнего восстания породили в среде христианского населения обиду и даже ожесточение. При этом вся тяжесть пала на русский и частично английский отряды.

---

[7] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2545. Л. 275.
[8] АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1258. Л. 43 об.
[9] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2542. Л. 138 об., 209, 229.
[10] Там же. Д. 2502. Л. 330, 199–200.

inslav

С конца октября 1905 г. на Крите работала международная комиссия, созданная для оценки ущерба более чем в 50 населенных пунктах, нанесенного восстанием. Одновременно великие державы предусмотрели создание постоянного органа надзора за введением и осуществлением реформ на Крите — Международной административно-финансовой комиссии. Великие державы решили также не возобновлять полномочия принца на острове, в очередной раз сформулировав свои взгляды по реформированию Крита в ноте от 1 (14) августа 1906 г. Вслед за тем державы немедленно приступили, совместно с критским правительством, к проведению обещанных реформ, выработанных Международной административно-финансовой комиссией. В связи с этим встал вопрос об увеличении числа европейских советников в муниципалитетах острова[11].

Полномочия принца как верховного комиссара держав прекращались. Греческое население, раздосадованное неудачами принца Георга в решении критского вопроса, встретило его возвращение более чем прохладно, по наблюдению российского посланника Ю.Н. Щербачева (1902–1910 гг.)[12]. Так закончился, как писал сам принц в своих воспоминаниях, его «несчастный режим» и начался новый период в истории автономного Крита. «Несчастным» этот режим оказался не только из-за личных неудач принца Георга, который был неопытным политиком и плохим дипломатом, но во многом из-за отсутствия четкой задачи, поставленной ему самими великими державами. А главное, задача, которую они стремились решить в этот период — умиротворение острова, — не совпадала с интересами христиан Крита. Кроме того, либеральная оппозиция во главе с Венизелосом не могла примириться с авторитарным стилем управления принца и его желанием передать лавры соединения острова с Грецией членам греческой королевской семьи, а, значит, и укрепить ее авторитет в глазах греков всего мира.

Новым верховным комиссаром Крита был единодушно назначен известный греческий политик А. Заимис, который уже дважды занимал пост премьер-министра Греции. Заимис, в отличие от принца Георга, был опытным человеком и «потомственным политиком». Эта кандидатура отвечала интересам как четырех держав-покровительниц, так и Греции и большинству мыслящих критских деятелей. По словам британского посланника в Афинах Ф. Эллиота, который в этот период стал задавать тон в критских делах, будучи умелым проводником тонкой политики нового министра иностранных дел Великобритании лорда Эдуарда Грея, «Заимис был молчалив, но быстр

[11] *Соколовская О.В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. С. 123–126.

[12] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2546. Л. 247–249, 257 об.

inslav

в решениях, при этом не был так активен, как принц», то есть был «умен, опытен и предсказуем»[13]. А. Заимис немедленно приступил к внедрению на острове реформ, выработанных ранее Международной административно-финансовой комиссией держав-покровительниц и изложенных ими в нотах от 10 (23) июля и 1 (14) августа 1906 г., которые позволили продолжить создание автономного управления на Крите, расширить конституцию и демократические начала управления островом.

Для успеха реформ, по мнению А. Заимиса и держав, необходимо было, прежде всего, разрешить всем зачинщикам восстания на Крите беспрепятственно покинуть остров, что и было сделано. Одновременно летом в Афинах великие державы договорились с Национальным банком об условиях займа для нужд острова. В конце ноября греческий МИД внес в афинскую палату депутатов законопроект о греческих офицерах, отправлявшихся на Крит, приравняв их к греческим офицерам, находящимся в отпуске. Оплата их службы на Крите была отнесена не к военному ведомству, а к МИД Греции, чтобы избежать нареканий Турции, обойдя, таким образом, условие великих держав о том, что они должны быть исключены из кадров греческой армии. Греческий закон от 30 ноября закрепил эти условия[14].

В декабре 1906 г. на остров Крит прибыли первые 8 греческих офицеров, и постепенно итальянская жандармерия начала заменяться критской с греческими офицерами во главе. Последние продолжали носить форму тех частей, к которым они принадлежали в Греции, и получали жалованье от греческого правительства[15]. Создание критской национальной жандармерии и затем милиции (обоснованное в ноте великих держав от 10 (23) июля 1906 г.) было дальновидным шагом как греков, так и держав, направленным к союзу Крита с Грецией. Заимис с видимым удовольствием говорил русскому посланнику в Афинах в марте 1908 г., после создания критской национальной милиции, «о господствующем спокойствии» в политической жизни Крита и заметных успехах, «достигнутых им по всем отраслям управления»[16].

Успешные реформы на Крите, проведенные под руководством верховного комиссара А. Заимиса, подготовили почву для ухода иностранных войск с острова, и вскоре договоренность с державами об эвакуации была достигнута.

Вывод международных войск происходил в соответствии с коллективной нотой великих держав от 1 (14) августа 1906 г.; он начал-

---

[13] *Holland R.* The Prince, the Powers and «The unfortunate regime». P. 42; *Miller W.* A History of the Greek People (1821–1921). London, P. 113.

[14] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1260. Л. 9, 1.

[15] Там же. Л. 3.

[16] Там же. Д. 2502. Л. 284, 290, 306.

inslav

ся в январе 1908 г. и завершился через год. В январе 1908 г. на Крите оставалось все еще более 1750 миротворцев; из них: 500 англичан (60 — в Канее, остальные — в Кандии); 500 французов — в Канее и Суде; 250 итальянцев — в Канее; 500 русских (в Ретимно — 1-я, 2-я, 6-я роты, в Канее — 4-я рота 13-го стрелкового полка)[17].

В обращении великих держав в апреле 1908 г. говорилось, что они дали Криту автономию в 1899 г., расширили ее в 1906 г., а теперь жизнь вошла в нормальную колею и европейские войска могут покинуть Крит. Четыре державы обещали отозвать поэтапно все свои войска с Крита до 1 (14) июля 1909 г. Консулы четырех держав поставили Заимису условие, что после их ухода критские власти завершат формирование национальной критской милиции и обеспечат на острове порядок[18].

Решение великих держав об окончательной эвакуации международных отрядов с Крита и замене их греческими силами[19] по времени практически совпало с младотурецкой революцией, произошедшей весной 1908 г. События в Османской империи оказали сильное влияние как на ситуацию на Балканах, так и на всем Ближнем Востоке. В конце сентября 1908 г. генеральный консул России на Крите Б. Пелехин сообщал, что в Канее состоялся 10-тысячный митинг, на котором была принята резолюция о присоединении острова к Греции. Текст резолюции был отослан европейским консулам и греческому королю. На титуле главной критской газеты появилась надпись: «Греческое государство».

Однако в конце марта 1909 г. Турция, обеспокоенная выводом международных войск с острова, что полностью развязывало руки грекам, отозвалась на решение держав нотой протеста, в которой требовала уважать турецкие флаги. Через посла в Лондоне Порта обратилась к державам с просьбой отложить эвакуацию войск с Крита, которая неизбежно приведет к нарушению status quo на острове и вызовет волну насилия над критскими мусульманами[20].

Греческая королева Ольга писала своему брату, великому князю Константину Константиновичу в Россию: «У нас теперь критский вопрос осложняется и, судя по газетам, обостряется; как будто Турция готовится к войне и слышать не хочет о присоединении Крита к Греции; бедный, многострадальный Крит! Что теперь сделают дер-

---

[17] *Соколовская О. В.* Россия на Крите. С. 140–142.

[18] *Chester S.* Life of Venizelos. P. 124.

[19] Из текста 13-го тома «Истории греческой нации» следует, что А. Заимису самому удалось «удалить» оккупационные войска великих держав // Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Νεώτερος Ελληνισμός απο 1881–1913. Σ. 213. См. также: *Галкин И. С.* Европейские державы и критский вопрос в 1908–1912 гг. // Вопросы истории. 1956. № 5. С. 126–140.

[20] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 116, 118 (Из донесения консула на Крите Н. В. Чарыкову от 25 мая 1909 г.).

inslav

жавы? Не отдавать же опять Крит Турции! Особенно после того, что магометане вырезали более 30 тысяч христиан в Малой Азии, в Адане и Мерсине». Офицеры «Терца»[21] писали, что они плавают среди трупов!!! Неужели можно было бы отдать этим фанатикам целый христианский остров? Это был бы позор!!! Но политика такая сплошная пошлость, что в сущности все возможно!»[22]

На последнем этапе пребывания иностранного военного контингента на Крите все-таки произошел политический переворот, который фактически был признан великими державами и сделал остров независимым от Турции. Во время переворота находившиеся на Крите международные войска бездействовали, а их руководители безмолвствовали. Великие державы объявили переворот незаконным, но дальше этого не пошли — никаких мер к возвращению прежнего порядка, в том числе власти верховного комиссара, принято не было. Когда через несколько дней критская палата закрыла свои заседания, поручив все управление островом, временно, до передачи его в руки эллинских чиновников, исполнительному комитету из пяти членов, представители держав в Канее получили разрешение взаимодействовать с ним, но исключительно по административным делам.

Отзыв последних отрядов с Крита был назначен на 27 июля 1909 г. Державы понимали, что критяне ответят отправкой депутатов в афинский парламент и советовали Греции воздержаться от их приема[23]. Резкое обострение критского вопроса чуть было не привело к новой греко-турецкой войне. Посол России в Турции Зиновьев сообщал, что в Стамбуле состоялся многолюдный митинг в знак протеста против возможной уступки Крита Греции.

Уходили международные сухопутные силы великих держав-покровительниц так же дружно, как и пришли. И как бы их ни называли, по традиции или «по горячим следам», — «оккупационные» и т.п., эти войска принесли на Крит мир, суверенитет и уверенность, что остров останется в лоне христианской церкви и в недалеком будущем обязательно станет неотъемлемой частью Греции.

Вывод всех европейских сил и замена их критской милицией и жандармерией, создание (при помощи держав-покровительниц) достаточно самостоятельной и прочной системы управления островом оставляли мало шансов для возврата исламского правления. Решимость греков бороться за присоединение острова к Греции была безграничной, и младотуркам не хватило бы никакой аргументации для организации соответствующего сопротивления стремлению греков.

---

[21] «Терец» — канонерская лодка, построенная в 1887 г., служила в составе Отдельного отряда судов Средиземного моря.

[22] ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 238. № 22. 27 мая (9 июня) 1909 г.

[23] АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1480. Л. 811.

inslav

Кроме того, Э. Венизелос, политический лидер Крита, заявил, что критское правительство всецело подчиняется решениям держав-покровительниц и что, во всяком случае, оно не имеет в виду действовать вызывающе по отношению к Турции[24].

Образование автономного Крита стало возможным в результате складывания предпосылок как внутри этнического сообщества греков-христиан, их героической и последовательной борьбы с исламизацией острова, так и ослабления Османской империи, не имевшей уже возможности контролировать социальные и политические процессы в «Кандийском вилайете». Становление автономии было результатом не только серьезных внутриполитических процессов в критском обществе, но и миротворческой акции держав-покровительниц и настойчивости российских дипломатов в Турции, их твердой и настойчивой защиты интересов критских греков в отношении султана. Турции ничего не оставалось, как отступить, сохраняя достоинство султана. Процесс создания автономии Крита, в конечном счете, привел к присоединению острова к Греции.

Сильное влияние на развитие событий в Греции и на Крите оказали русская революция 1905-1907 гг., младотурецкая революция 1908 г., провозглашение независимости Болгарского государства, а также аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, вызвавшая очередной балканский кризис.

Зимой 1909 г. Ю.Н. Щербачев писал из Афин министру иностранных дел России А.П. Извольскому, что со времени передачи греческому королю великими державами ноты, приблизившей присоединение острова к Греции, прошло три года. В международной политике Греция, как в отношении критского вопроса, так и в Македонии, вела себя безукоризненно и самым «чистосердечным образом» стремилась воздействовать на критян, чтобы те сохраняли спокойствие и благоразумие. Щербачев не раз в своих депешах в МИД России отмечал образцовое поведение греческого правительства, которое, несмотря на все разочарование, постигшее греков, «продолжало внушать как критянам, так и грекам терпение и благоразумие». В афинской печати также постоянно появлялись статьи успокоительного содержания и перепечатывались целые столбцы из европейских газет с благожелательными в отношении критского вопроса советами[25].

Однако консул Щербачев в 1909 г. отмечал также, что «в мелкобуржуазных слоях широко распространены и господствуют националистические настроения». Греческая буржуазия во главе с либералом Э. Венизелосом, боровшаяся за политическую власть в стране с помощью «Великой идеи», стремилась объединить вокруг себя всю

[24] АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1480. Л. 541.
[25] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 323. Л. 78 об.

inslav

нацию и предстать выразителем ее интересов. Все внутренние проблемы Греции — необходимость модернизации экономики, демократизация управления государством, проведение аграрной реформы и др. — объявлялись второстепенными по сравнению с «высшими национальными интересами»[26].

На Крите в 1910 г. была созвана Национальная учредительная ассамблея при 130 выборных депутатах: 114 христиан, 16 мусульман, пропорционально соотношению этносов. 21 апреля депутаты-христиане присягнули королю Греции, а мусульманские депутаты в знак протеста покинули Ассамблею. Однако вновь предложение об объединении острова с Грецией осталось без ответа. К этому времени Э. Венизелос стал уже наиболее авторитетной фигурой как на Крите, так и в Греции — к величайшему огорчению греческой королевской семьи и всех монархических и консервативных кругов, которые почувствовали, какая угроза для них исходила от этого человека. В августе 1910 г. Э. Венизелос вступил в афинский парламент как гражданин Греции, а уже в ноябре, благодаря своим способностям и связям, сделался членом кабинета министров Греции[27].

«Неудачу» с присоединением Крита греки прямо вменили в вину как принцу Георгу, так и королю Георгу I, «от которого ожидали “большей энергии и настойчивости… перед Европою в достижении заветной народной мечты”»[28]. В широких кругах греческого общества росло недовольство «вялостью» и зависимостью очередного афинского правительства Теотокиса от европейских держав и их крайней осторожностью в критском вопросе, который, вопреки всем ожиданиям, не получил желаемого полного разрешения, и правительство вскоре ушло в отставку. Недовольство охватило не только беднейшие слои населения, но также мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию и офицерство, все громче высказывавшихся за необходимость пересмотра конституции, реформ государственного управления, преобразований в армии и на флоте. Во главе оппозиции режиму встала буржуазия, стремившаяся к политическому руководству страной.

В начале XX в. Греция продолжала оставаться аграрной страной, в которой к тому же не были полностью изжиты феодальные пережитки; сохранялось помещичье землевладение, составлявшее 75 % полезных земель (в основном в Фессалии). Тяжелое экономическое и финансовое положение блокировали меры по дальнейшему перевооружению армии и флота, необходимость которых в существующей международной обстановке постоянно возрастала. Ни в экономичес-

[26] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 323. Л. 78 об.

[27] См.: *С.Т.* Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг. // Известия МИД. 1913. Кн. 4.

[28] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 326, 332 об.

inslav

ком, ни в военном отношении Греция не была способна защитить свои интересы, а ее дипломатия — отстоять позиции страны на международной арене, решить национальные задачи, в том числе критскую проблему.

Произвол придворных кругов, плохая организация государственной власти, полная дискредитация старых парламентских партий, отсутствие элементарных демократических свобод — все это вызывало недовольство широких слоев греческого общества. «Существующий в стране парламентский строй не удовлетворяет греков. Здешний народ относится отрицательно к палате и сменяющимся правительствам, приписывая все свои невзгоды их неумелости и недобросовестности», — констатировал Щербачев в телеграмме в МИД России 14 июля 1909 г. и делал вывод о возможности политического переворота[29]. «Неудача» (как считали и до сих пор считают греки и греческие историки), постигшая Грецию в критском вопросе, ее неспособность справиться с внутренними задачами, деморализация и разочарование в обществе стали причинами вспыхнувшего вскоре мятежа Военной лиги.

«Военная лига» — организация патриотически настроенной части младшего офицерства, в основном выходцев из мелкобуржуазной среды, была создана в начале 1909 г. Летом того же года младшие офицеры, недовольные политикой фаворитизма, проводимой распоряжавшимся в армии принцем Константином, потребовали его отставки, а также предложили королю отстранить принцев с командных постов в армии и провести реорганизацию военного и морского министерств.

Правительство Раллиса, сменившее кабинет Теотокиса, пыталось подавлять беспорядки в армии, отдав под дисциплинарный суд четырех видных членов Лиги. 27 августа 1909 г. руководство «Военной лиги» вручило премьеру меморандум с требованием отмены его распоряжения и проведения реформ. В ответ на неприятие этих требований начались волнения в войсках. На рассвете 28 августа поднялся афинский гарнизон и кавалерийский полк Кифиссии. Во главе объединенных сил общей численностью 5,5 тыс. чел. стоял полковник Н. Зорбас. Повстанцы угрожали двинуться на Афины, предъявив правительству ультиматум с требованиями амнистии репрессированных участников движения, обновления командного состава и удаления из армии и флота принцев и др. Король назначил новое правительство во главе с Мавромихалисом, принявшее требования Лиги и предложившее Н. Зорбасу пост военного министра. Зорбас отказался, подчеркивая, что Лига не ставит своей целью установление в стране

[29] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 326, 332 об.

inslav

военной диктатуры, а стремится к осуществлению реформ с участием короля, что она не хочет низложения династии и нарушения существующей Конституции[30].

25 сентября Лига от имени торговых гильдий Афин, чьей поддержкой она пользовалась, вручила королю резолюцию, которую он по совету посланников Великобритании и Франции принял, опасаясь повторения событий 1862 г., когда его предшественник король Оттон был вынужден отречься от престола. Все это вызвало недовольство демократических сил, выдвигавших радикальные требования о проведении аграрной реформы и демократических перемен в стране. В самой Лиге не было единства: одни требовали реформ в рамках монархии, другие — ликвидации монархической формы правления. Отсутствие в организации четкой программы переустройства страны усугубляло дело.

Осенью 1909 г. руководители Лиги увидели выход из положения в выдвижении на пост премьер-министра Греции Э. Венизелоса, уже завоевавшего широкую популярность своей деятельностью на Крите. Венизелос слыл независимым деятелем, не находившимся под влиянием старых партий. Он получил хорошее юридическое образование в Афинах и Париже, был прекрасным оратором и, главное, человеком решительным и обладавшим политической интуицией, что, по мнению общественности, было залогом его успешной карьеры государственного деятеля. Предложение Лиги совпало с намерениями самого Венизелоса, стремившегося сменить Кандию (Ханью) на Афины, что открывало перспективы окончательного решения критской проблемы.

Прибыв в Афины 5 сентября 1910 г., Венизелос выступил перед своими сторонниками и горожанами с речью, имевшей программный характер, обещая провести во главе либеральной партии радикальные реформы экономики, правосудия, финансов, образования, вооруженных сил. Он также заявил, что «возможности короны не были еще достаточно изучены..., что лично он верит в нее» и что поэтому Ассамблея не должна изменять Конституцию целиком. Венизелос поддержал идею «Военной лиги» о созыве Национальной ассамблеи для пересмотра устаревших статей Конституции, но отмежевался от идеи установления в стране военной диктатуры. Он даже заключил союз с руководителями партий большинства в парламенте Раллисом и Теотокисом на платформе роспуска Лиги в случае прихода к власти нового правительства.

Внутриполитическая ситуация в Греции, усилившееся народное движение, неустойчивость монархии и другие события вызывали оза-

[30] См.: *Никитина Т.В., Соколовская О.В.* Социально-политический кризис и «Великий бросок» в Греции в 1909–1912 гг. // Балканские исследования. Революции и реформы на Балканах. Вып. 12. М., 1994. С. 179–187.

inslav

боченность великих держав, прежде всего России и Англии, которые опасались, что в Греции может произойти республиканский переворот. В связи с этим они держали в греческих водах свои эскадры. Однако вскоре Великобритания и Россия убедились, что Э. Венизелос не покушался на их интересы и лояльно относился к королевской семье. Франция и Германия и раньше связывали с именем этого греческого лидера надежды на урегулирование политического кризиса. Они не возражали против роспуска «Военной лиги» и прихода к власти правительства национального единства, так как получили от Венизелоса заверения, что он не замышляет никакой военной авантюры. Великие державы пообещали Греции заем. Король Георг I, убедившись в умеренности и лояльности Венизелоса и поняв, что он является единственным человеком, к голосу которого могло прислушаться взбунтовавшееся офицерство, после соответствующих консультаций с лидерами политических партий и по совету английского посланника Ф. Эллиота дал согласие на созыв Национальной ассамблеи, которая должна была внести изменения в Конституцию.

«Военная лига» была распущена, а Э. Венизелос одержал полную победу на выборах в Национальную ассамблею, которая получила название «ревизионной», так как пересмотрела многие статьи Конституции и законы. В ходе предвыборной кампании либеральная партия Э. Венизелоса стала первой в истории греческого государства политической организацией с четкой программой и действенным аппаратом, начиная от центрального руководства и до разветвленной сети местных организаций, возникших во всех крупных городах. Социальная основа этой партии была более широкой, чем всех старых: в нее вошли как судовладельцы и представители крупного торгового капитала, так и средняя и мелкая буржуазия, служащие государственных учреждений и интеллигенция. Впоследствии в партию была привлечена даже часть крестьянства и пролетариата.

18 октября 1910 г. Венизелос был назначен Георгом I премьер-министром Греции. В новом правительстве, состоявшем из сторонников Венизелоса, он получил также портфели военного и морского министров. Новый премьер призвал военных вернуться к своим прямым обязанностям. Возглавив процесс реформирования страны, он не забыл и критян («новых людей» Греции), которые сыграли в этом процессе заметную роль. Венизелос сумел объединить весь греческий народ на основе эллинизма, сделав даже короля Георга I сторонником своих идей[31]. Для Греции и Крита начался новый исторический

[31] Объективно восстание «Военной лиги» было направлено не столько против короля, сколько против бездарного руководства его сыновей в армии и на флоте. См.: *Никитина Т.В., Соколовская О.В.* Социально-политический кризис и «Великий бросок» в Греции в 1909–1912 гг. С. 179–187.

inslav

период. В Греции к власти пришло поколение политиков-либералов, ориентировавшихся на Запад, западную модель развития и его ценности и потеснивших традиционные власти и греческую монархию.

На рассмотрение созванной 21 января 1911 г. Ассамблеи был представлен первоначальный вариант поправок к Конституции. Затем к работе приступила конституционная комиссия из 30 депутатов и шести видных государственных деятелей под председательством С. Драгумиса, распределившая между собой 111 статей Конституции 1864 г., предназначенных для изменений. Непосредственное участие в разработке новых положений принимал также король. Работа комиссии продолжалась полгода и завершилась в мае 1911 г.

В Конституцию были внесены 54 поправки, которые открыли простор для свободного развития капитализма. Конституционные изменения не посягали на королевскую власть и династию Глюксбургов, что давало возможность использовать монархические институты. Греческое государство провозглашалось конституционной монархией. В неприкосновенности остались статьи о форме государственной власти и праве на престолонаследие. Наиболее важные изменения касались дальнейшего разделения компетенций законодательной, исполнительной и судебной властей, уточнения функций короля, парламента и правительства.

Права и обязанности парламента, который ранее был подчинен королю и созывался по его указанию, расширялись и конкретизировались. Он превращался в высший постоянно действующий орган государственной власти. В ст. 54 указывалось, что парламент собирается ежегодно 1 октября на свою сессию, если только король не созовет его раньше. Право роспуска парламента королем ограничивалось одним разом в год. Полномочия парламента увеличивались: ни один законопроект не мог быть принят без его предварительного обсуждения и голосования. Кворум повышался с 1/2 до 2/3 депутатов, при этом ни один из них не мог отсутствовать без уважительной причины. Это должно было положить конец обструкционистской тактике и наладить дисциплину. Одной из основных функций законодательного органа, как указывалось в ст. 59, являлось утверждение государственного бюджета. Устанавливалось, что никакой налог не мог быть взыскан или наложен без специального закона, за исключением тех, что взимались с торговцев иностранными товарами в обычном порядке. Эта поправка полностью отвечала требованиям развивавшейся национальной промышленности.

В новом качестве консультативного органа восстанавливался Государственный совет. В его функции входило: рассмотрение законопроектов, передаваемых ему Советом министров (только после этого они могли утверждаться парламентом); разрешение спорных вопро-

inslav

сов, входящих в круг компетенции Госсовета в соответствии с законом; принятие апелляций по поводу злоупотребления властью. Государственный совет, состоявший из 20–25 человек, назначался королевским декретом по предложению Совета министров сроком на 10 лет. Однако решения Совета не были обязательны для правительства. Высшей судебной инстанцией наряду с Государственным советом был Ареопаг (Совет судей). Служащие этого учреждения — советники, королевские прокуроры и судьи — назначались пожизненно. Проверка правильности выборов в парламент в случае обжалования входила в компетенцию Ареопага, что сокращало межпартийные споры. Восстановление Государственного совета и улучшение работы судебных органов способствовали укреплению государственного аппарата, а в какой-то степени — и демократизации государственного строя.

Длительные прения в комиссии вызвала ст. 17, в которой говорилось, что «никто не может быть лишен своей собственности, кроме как в случае общественной пользы», а в дополнительном параграфе указывалось, что аграрный вопрос может быть решен только путем экспроприации крупных землевладений. Восторжествовала точка зрения Венизелоса, отстаивавшего необходимость принудительного отчуждения поместий в пользу государства с целью наделения землей крестьян. Он указывал, что феодальные отношения являются оковами для сельской экономики, в то время как создание, например, в Фессалии мелких фермерских хозяйств поднимет экономику на более высокую ступень развития. Было решено ликвидировать десятину, натуральную ренту и другие феодальные повинности.

Большое внимание уделялось расширению и укреплению административного аппарата: стабилизировалось положение чиновничества, которое, в частности, получало гарантии определенных сроков пребывания в должности. Устанавливалось всеобщее обязательное бесплатное начальное образование при сохранении частных школ, начальное образование передавалось из ведения местного управления центральному правительству. В 1910 г. неграмотные среди мужчин в Греции составляли 50 %, среди женщин — 80 %. Уступкой старым элитарным кругам и православной церкви было сохранение в качестве государственного языка «кафаревусы», на котором говорили греческая аристократия и церковные деятели. Большинство населения страны говорило на более простом наречии — «демотики», и передовая интеллигенция боролась за превращение его в государственный язык. Новый текст Конституции содержал статьи о праве греков создавать организации, о свободе слова, печати. В то же время сделанные дополнения расширяли права органов власти на аресты, запрещения публичных собраний во время политических кризисов[32].

[32] См.: Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957. Конституция Эллинского королевства (1 июня 1911 г.). С. 108–125.

inslav

В конце мая 1911 г. парламентская делегация во главе с Н. Стратосом вручила королю текст Конституции. Стратос и Георг I обменялись речами, основной смысл которых сводился к тому, что введение Конституции должно стать началом новой эры в жизни Эллады. 1 июня 1911 г. новый Основной закон был обнародован, а Ассамблея, сократив число своих депутатов вдвое, приступила в качестве обычного парламента к утверждению законов.

Одновременно с исправлением Конституции правительство осуществило ряд мер по стабилизации финансов: оно ввело подоходный и поземельный налоги, утвердило проект нового бюджета, отличавшегося от предыдущих тем, что расходы не превышали доходов. Законами 1911 и 1912 гг. была завершена ликвидация громадных фессалийских поместий, феодальных пережитков, создано министерство сельского хозяйства. Условия, на которых осуществлялся выкуп земель, были таковы, что ими могли воспользоваться в основном зажиточные крестьяне.

Проведение целого комплекса реформ потребовало значительного увеличения и централизации органов управления. Был создан новый государственный аппарат в центре и на местах, состоявший в основном из венизелистов. Реформы коснулись и судебной администрации, находившейся в состоянии полного развала: улучшались условия содержания заключенных в тюрьмах, уточнялись и пересматривались причины ареста и заключения. Действительно, парламентаризм в Греции при либералах был поднят на новый, современный уровень.

Правительство модернизировало военно-морской флот, используя финансовую помощь Франции и Англии, предоставивших Греции заем в 110 млн драхм. Укрепилась армия, куда были возвращены офицеры, отстраненные от своих постов «Военной лигой». Генерал-инспектором армии был назначен кронпринц Константин, ранее находившийся не у дел (тем самым Венизелос старался заслужить расположение кайзера Вильгельма II, сестра которого София была замужем за кронпринцем).

Всего за 1911–1912 гг. было издано около 400 новых законов. Все это способствовало росту популярности Венизелоса и его партии, что подтвердили новые всеобщие парламентские выборы в марте 1912 г., на которых венизелисты получили 145 мест из 181, а представители старых партий Теотокиса и Раллиса значительно меньше. К моменту выборов либеральная партия Венизелоса представляла собой массовую организацию, имевшую по всей стране разветвленную сеть ассоциаций — «клубов» по типу английских партий; централизованное руководство, в котором существовала строгая партийная дисциплина. Прочные позиции, занятые партией в парламенте, являлись гарантией полной поддержки политики правительства.

inslav

Греческие историки высоко оценивают деятельность Венизелоса, связав с его именем начало нового периода в истории страны. Так, Г. Склирос называет это время «периодом восстановления»; К. Папаригопулос — «временем превращения Греции в современное государство», С. Маркезинис — «периодом великого скачка вперед», когда «был наголову разбит старый политический строй»[33].

* * *

Балканские войны и Греция

Огромное влияние на национально-освободительное движение на Крите оказали революции начала XX в. в России и Турции. Критяне, чутко прислушиваясь к революционным событиям, извлекали большую пользу из вовлеченности империй в свои внутренние дела. Критяне-греки постоянно привлекали внимание всего мира к своей проблеме, и их активность была оправданна и, в конечном счете, привела к желаемому результату. В свою очередь критский вопрос оказал большое влияние на общебалканскую обстановку и усиление национально-освободительной борьбы против Турции.

Итало-турецкая война 1911 г. послужила неким толчком, выведшим из состояния неустойчивого равновесия внутреннюю и внешнюю жизнь Османской империи. На Балканах ускорилось сближение различных христианских национальностей на почве защиты своих церковно-политических и экономических интересов на случай нападения со стороны Турции или ее распада. Перемены, происшедшие в общественно-экономическом и политическом развитии на Балканах к началу XX в., поставили вопрос исторического значения: о пересмотре Берлинской системы 1878 г. и отмене принципа статус-кво. Освобождение все еще находившихся под властью турок территорий, которые по праву должны были принадлежать балканским государствам, облегчалось кризисом феодальной системы Османской империи. Балканские, в том числе и греческие, социалисты, выступили за решение назревших задач путем создания демократической федерации балканских стран. Однако развитие событий пошло по иному пути: оформился союз монархий, большую роль в создании которого сыграли Греция и лично Э. Венизелос.

Проделав титанический труд по модернизации Греции, премьер-министр все свое внимание сосредоточил на решении внешнеполитических задач, ставя во главу угла идею Балканского союза — сою-

[33] *Σκληρος Γ.* Εργα. Αθηναι, 1976; *Παπαρρηγοπολο Κ.* Ιστορια του Ελληνικου Εθνους. Τ. ΙΙ. Αθηναι, 1932. Σ. 360–371; *Μαρκεζινης Σ.* Πολιτικη Ιστορια της Νεωτερας Ελλαδος. 1828–1964. Τ. 3. Αθηναι, 1968. Σ. 81–82.

inslav

за Греции, Сербии, Черногории и Болгарии, направленного против Турции. Отдавая себе отчет в том, что Греция не может рассчитывать на успех в войне с Турцией в одиночку, Венизелос еще в 1910 г. заявил о намерении «повернуть штурвал» к созданию Балканского союза, чему благоприятствовала международная обстановка. За короткий срок были установлены тесные политические контакты и подписаны необходимые документы о союзе и военном сотрудничестве с Сербией, Болгарией, Румынией и Черногорией (территориальные претензии сторон были искусно обойдены молчанием), мобилизованы ресурсы и созданы боеспособные вооруженные силы для начала военных действий. В октябре 1912 г. Греция в составе сильной военно-политической коалиции балканских государств вступила в войну с Турцией. Началась Первая Балканская война.

Греческое королевство, как и его союзники, очень надеялось на мощную российскую поддержку. После многих сомнений Россия взяла на себя инициативу поддержки балканских государств и помогла им заключить в марте 1912 г. союз, который был направлен против Османской империи. Правда, Россия, «хлопоча о Балканском союзе», имела в виду мирную солидарность балканских государств. Другие великие европейские державы также опасались возникновения войны на Балканах и поддержали обращение России и Австро-Венгрии к балканским государствам, в котором они еще раз попытались удержать их от решительных действий, обещая заставить Турцию провести до конца все реформы в Македонии. Эти призывы, однако, не были услышаны, тем более, что за спиной Балканского союза стояла великая держава — Россия. Балканские элиты приступили к разделу оставшихся европейских провинций Турецкой империи. Декларация была оглашена 8 октября 1912 г. в день, когда Черногория объявила войну Турции. Через 10 дней к ней присоединились Болгария, Греция и Сербия.

Реакция российской дипломатии и ведущих политиков была почти единодушной: нужно оказать помощь, но избежать участия в конфликте. Российский посланник в Афинах Е.П. Демидов (1912–1924 гг.) назвал Первую Балканскую войну «каким-то несовременным крестовым походом против неверных». Он воздавал должное «удивительному чувству солидарности и патриотизма», проявленному греками в этой войне. Со всех концов земного шара в Афины ежедневно прибывало множество греков-добровольцев, «покинувших свои занятия и заработок для защиты отечества». Греческое правительство 17 (30) сентября 1912 г. объявило всеобщую мобилизацию. Уже 25 октября (7 ноября) 1912 г. греческая армия стояла у ворот Салоник — столицы Македонии, а после подписания Турцией капитуляции вошла в город[34].

[34] АВПРИ. Ф. Политархив. 1912. Д. 330. Л. 215.

inslav

Россия по мере сил способствовала сближению всех православных балканских народов для решения их национальных задач в годы Первой Балканской войны. В частности, она оказала значительную помощь Греции. Критское правительство также решило отправить на помощь воюющей Греции критскую милицию в составе 6 тыс. человек и 1 тыс. жандармов, а также содействовало отправке на фронт многочисленных добровольцев.

По мнению Е. П. Демидова, «развертывавшиеся события представляли собой бесподобный случай… для окончательного разрешения критской проблемы и присоединения острова к Греции». Генеральный консул А. Ф. Шебунин передавал из Канеи еще 4 (17) сентября 1912 г., когда 15 критских депутатов собирались в афинский парламент: «Со стороны Венизелоса на этот раз не будет препятствий к их допуску в афинскую палату депутатов»[35]. Шебунин писал, что простые критяне питают к Греции и к греческому флагу «религиозное чувство», а политические деятели мечтают о более широком поприще для применения своих способностей и о спасении Греции, а с нею и «Великой греческой идеи»[36].

Вскоре критские депутаты, все как один одевшиеся в темно-синие национальные костюмы, были допущены в качестве гостей в афинский парламент, а Венизелос приветствовал их появление при общем энтузиазме депутатов-греков[37]. В критских газетах появилась прокламация афинского кабинета о присоединении Крита к Греции и существовании теперь единого парламента[38]. Россия смолчала, оказав тем самым лучшую поддержку этой акции; она также всеми силами воспротивилась объявлению блокады Крита во время Балканских войн[39].

Великие державы в это время предпринимали дипломатические шаги для обеспечения безопасности мусульманского населения острова. Но с начала Первой Балканской войны по инициативе Великобритании они убрали с Крита свои корабли-стационеры, якобы «как выражение их протеста» против действий греков. Последней отбыла с острова русская канонерская лодка «Хивинец». Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов сразу согласился с предложением Англии, так как считал, что в этом случае России «не пришлось бы разрешать сложный правовой вопрос о Крите, считаясь с фактическим положением вещей». Кроме того, по его мнению, это отвлекло бы часть военно-морских сил Греции для защиты Крита от нападе-

[35] АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1258. Л. 68.
[36] Там же. Д. 1480. Л. 39.
[37] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 330. Л. 175.
[38] *С.Т.* Хроника дипломатической истории Крита… С. 217.
[39] АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 330. Л. 214.

inslav

ния турецкого флота, а тем самым отвлекло бы саму Грецию от идеи «возможного посягательства» на Проливы[40].

Сокрушительное поражение османской армии поставило на повестку дня вопрос о пересмотре Берлинского трактата 1878 г., в который были втянуты все подписавшие его в свое время страны. 8 декабря 1912 г. конференция послов великих европейских держав в Лондоне начала обсуждение балканского вопроса, которое длилось почти год. Лондонским договором завершилась Первая Балканская война, но не закончился балканский поединок в споре за османское наследство.

Король эллинов Георг I назначил генерал-губернатором Крита заслуженного греческого политика Стефаноса Драгумиса и принял все меры к полному объединению острова с Грецией. На Крит были направлены греческие войска, которые полностью заменили национальную милицию[41]. 1 (14) февраля 1913 г. при общем ликовании критян Драгумис лично поднял греческий флаг и выставил при нем караул. С острова был удален последний символ турецкой власти и поднят флаг единения острова с Грецией.

Таким образом, уже после Первой Балканской войны по Лондонскому договору от 30 мая (12 июня) 1913 г. Крит воссоединился с Грецией. Окончательное присоединение к Греции «Великого острова Средиземноморья» стало одним из крупнейших успехов Греции.

Он способствовал еще большему укреплению позиций греческой буржуазии, поднимавшей на щит «Великую идею», идеологом и вдохновителем которой был Э. Венизелос. Дележ добычи, начавшийся после разгрома Османской империи, вызвал вскоре распад союза и привел к междоусобной Второй Балканской войне 1913 г. Шовинистически настроенная буржуазия и милитаристские круги оказывали все большее влияние на политическую ситуацию на Балканах, превратившихся в «пороховой погреб Европы».

Уже через несколько месяцев, в июне 1913 г., желание Болгарии заручиться более благоприятным для себя стратегическим положением толкнуло ее на военные действия в Македонии, разрушив тем самым Балканский союз. Во Вторую Балканскую (межсоюзническую) войну теперь были вовлечены силы Болгарии, Сербии, Греции, Румынии, Черногории, а также Турции.

Россия оказала многостороннюю помощь воюющим балканским государствам, в том числе грекам. Но самой большой поддержкой была дипломатическая — согласие на передачу Греции островов Лемноса, Имброса, Тенедоса, Самофракии и многих других[42]. Во вре-

---

[40] АВПРИ. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1258. Л. 73–74.
[41] Там же. Л. 71.
[42] АВПРИ. Ф. Политархив. 1912 г. Д. 330. Л. 296.

inslav

мя Первой и Второй Балканских войн дипломатия России делала все, что было в ее силах, чтобы снять напряжение между балканскими странами, но эта политика не принесла желаемых результатов. Болгария надеялась заполучить почти всю Македонию и район Салоник, несмотря на то, что Греция уже захватила эти территории. Дипломатическая служба России пыталась урезонить болгар и греков и разрешить спорные вопросы мирным путем. В результате в Афинах лишь усилилось раздражение.

Тем временем греческие войска двинулись в бой и провели 19–21 июня первое победоносное сражение при Килкисе, ставшее началом вытеснения ими болгар из Македонии. 10 июля была оккупирована Кавала, еще через две недели — Александруполис и многие другие территории. В декларации греческого правительства говорилось: «Мы поставлены ныне перед необходимостью принять военный вызов, который состоялся без всякого предварительного объявления. Но мы имеем твердую веру в святость борьбы, в ее справедливость и неизбежность, ибо мы боремся не для того, чтобы завоевывать чужие территории, а для сохранения того, что нам принадлежит»[43].

Российское общественное мнение посчитало результаты двух Балканских войн поражением национальных интересов России и победой Центральных держав. Славянские государства теперь были разделены враждой; только Сербия и Черногория оставались друзьями России. Отношения с Грецией были испорчены, но в целом были лучше, чем со славянской Болгарией. Оплошность российской дипломатии была исправлена активным содействием в деле присоединения Крита к Греции в 1913 г.

Балканские войны сопровождались небывалым патриотическим подъемом в Греции, а командовавший греческой армией кронпринц Константин стал национальным героем. Греки получили почти полное удовлетворение своих вековых чаяний. Восторженная встреча в Афинах короля Константина, получившего престол после убийства его отца в Салониках в марте 1913 г., в день подписания Бухарестского мира, превратилась в национальный праздник.

Бухарестский мир 1913 г., который подвел итоги двух Балканских войн, стал для греков настоящим триумфом. Греция получила богатые земли Южной Македонии, включая «лучший европейский порт на Эгейском море» — Салоники, часть Западной Фракии с Кавалой, Драмой, Серре, Южным Эпиром с г. Янина и большинство островов в Эгейском море, а затем и вожделенный Крит. В состав Греческого королевства вошел фактически и полуостров Афон. Греция увеличи-

[43] АВПРИ. Ф. Политархив. 1912 г. Д. 332. Л. 303 об. См. также: *Соколовская О.В.* Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. С. 228–251.

inslav

ла свою территорию на 68 %, а население — на 78 %, выйдя по последнему показателю на первое место среди балканских государств, не считая Турции.

Балканские войны 1912–1913 гг. стали для греческого государства не менее значимыми, чем национальная война 1821–1829 гг., в результате которой было создано первое независимое государство на Балканах — Греция. Возросла ее политическая и стратегическая роль на Балканах и в Средиземноморье. Армия и дух нации находились на подъеме, и это еще больше разжигало стремление греков по всему миру к осуществлению их мечты о захвате Константинополя и возвращении выходящих к Эгейскому морю районов Малой Азии[44]. Сбывалось пророчество Е.П. Демидова о том, что скоро грекам понадобится не только луна, но и солнце. Венизелос в разговоре с друзьями, состоявшемся после подписания мира, воскликнул: «А теперь обратим наши взоры на Восток!».

[44] Греция собиралась также отвоевать Западную Фракию, претендовала на Северный Эпир, перешедший к Албании.

inslav

Младотурки у власти (1908–1914 гг.): от торжества свободы к новой диктатуре

«Весна революции» летом и осенью 1908 г. «Двоевластие» и его природа

а) Восстановление конституции 1876 г.

Обстоятельства объявления султаном Абдул-Хамидом II о восстановлении действия конституции были курьезными в столице и торжественными в провинции. Читатели стамбульских утренних газет, увидев 24 июля 1908 г. на одной из последних страниц небольшую заметку о восстановлении конституции, сочли это провокацией султанских шпионов[1]. Лишь на следующий день, убедившись, что газеты перестали носить следы цензуры (большие белые полосы снятых материалов) и что произошедшее — реальность, город начал ликовать, празднуя наступление «хюриета» (свободы). Салоники же и другие центры вилайетов, где накануне были оглашены султанские телеграммы, ликовали и праздновали уже второй день из трех объявленных всенародным торжеством[2]. Начался период «золотого века» младотурецкой революции, который продолжался несколько месяцев — до марта следующего, 1909 года.

Султанский хатт-гамаюн от 1 августа 1908 г., оформивший наступление Второй конституционной эры, в некоторых вопросах выходил за рамки просто восстановления конституции 1876 г. Искушенный интриган, «исламский Маккиавели», Абдул-Хамид II заранее закладывал под конституцию бомбу по типу своих прежних ходов в отношении европейской дипломатии в вопросе македонских реформ. Эта бомба, как мы увидим, взорвалась в апреле 1909 г. Однако политическая борьба как таковая вспыхнула буквально через несколько дней после победы революции по вопросу «силовых министерств». Ранее султан назначал только великого визиря и шейха-уль-ислам;

---

[1] *Sarrou A.* La jeune Turquie et la révolution. Paris, 1912. P. 28.

[2] Correspondence Respecting the Constitutional Movement in Turkey, 1908. H. M. S. O. London, 1909. P. 17.

inslav

состав же кабинета формировал сам визирь. Статья 10 хатт-гамаюна наделяла султана правом четырех назначений: к первым двум добавлялись еще военный и морской министры.

Комитет «Единение и прогресс» (КЕП) немедленно выступил против этого, и 5 августа великий визирь Саид-паша был вынужден уйти в отставку, уступив место 76-летнему Камиль-паше, представителю либеральной части старой элиты. Это был первый политический кризис младотурецкой революции.

Не подлежало сомнению, что основной вопрос каждой революции — вопрос о власти — будет решаться посредством установления контроля над армией. Камиль-паша назначил военным министром маршала Реджеб-пашу, генерал-губернатора Триполи, сторонника Комитета, а ранее — «новых османов», вынашивавшего еще в 1903 г. замысел военного переворота[3]. Но через три дня тот умер от сердечного приступа. Новым министром был назначен маршал Али Риза-паша, кандидатура которого также устраивала Комитет. Страсти на время затихли.

б) Парламентские выборы 1908 г.

Созыв именно *старого* османского парламента вкупе с *восстановлением* действия конституции знаменовали собой восстановление конституционного режима[4]. В палате депутатов до новых выборов заседали оставшиеся в живых депутаты 1876 г. Между тем, глубокие изменения, произошедшие за 30 лет эпохи «зулюма», требовали перемен. Были назначены и в октябре–ноябре 1908 г. проведены выборы в новый парламент.

В ноябре же произошла и первая проба сил между Комитетом и Дворцом. Комитет решил втихомолку ослабить вооруженные силы Дворца, раскассировав его главную силу — 2-ю гвардейскую дивизию, формируемую из косовских албанцев и преданных лично султану. Военный министр Риза-паша приказал нескольким батальонам, охранявшим дворец, готовиться к отправке в Хиджаз и Йемен. В результате в казармах произошли волнения, подавленные силой, для чего пришлось даже вызвать войска из Салоник. Успешное подавление бунта способствовало укреплению в столице авторитета младотурецкого Комитета. Закрепляя этот успех, младотурки поставили напротив дворца Йылдыз-Киоск несколько боевых кораблей, а на окрестных высотах разместили батареи[5].

---

[3] *Ramsaur E. E.* The Young Turks: Prelude to the Revolution of 1908. Princeton, 1957. P. 76.

[4] Ибо формально конституция не была отменена, а было лишь «временно приостановлено» ее действие. При этом ее текст регулярно публиковался в «Османском ежегодном альманахе» на французском языке.

[5] *Габидуллин Х. З.* Младотурецкая революция. Исторический очерк. М., 1936. С. 116–117.

inslav

Однако вопреки укоренившимся представлениям, Комитет «Единение и прогресс» далеко не располагал осенью 1908 г. всей полнотой власти[6]. Верным свидетельством этого явилось поражение, понесенное им от Порты в вопросе закона о выборах. Комитет считал, что старый парламент должен принять новый избирательный закон. Но кабинет Камиль-паши постановил применять закон 1876 г., несмотря на то, что в свое время он так и не был утвержден Сенатом. Выборы должны были быть, как и прежде, двухступенчатые: сначала в округах избирались коллегии выборщиков, затем из числа выдвинутых кандидатов они выбирали депутатов[7].

Этот первый, самый ранний конфликт Комитета и Порты породил два весьма серьезных последствия, оказавших влияние на весь период 1908–1913 гг. Во-первых, у балканских национальных движений сразу же возникли сомнения в реальной власти Комитета и его способности осуществить прогрессивные реформы, согласованные в ходе переговоров с этими движениями накануне и сразу после революции в июле–августе 1908 г.[8] А во-вторых, данное столкновение положило начало длительному конфликту между Комитетом и «старой элитой» из числа либерально настроенных, но консервативно действующих пашей Порты во главе с Камиль-пашой. Он сам на долгие годы стал главным политическим противником Комитета, окончательно побежденным им только в результате переворота 23 января 1913 г.

Кыбрыслы (то есть киприот) Мехмед Камиль-паша (1822–1913) свою служебную деятельность начал секретарем-драгоманом египетского паши Аббаса, затем занимал различные административные должности. В 1885 г., в момент кризиса, возникшего из-за Восточной Румелии, был назначен на пост великого визиря. После этого он еще три раза занимал этот пост (в 1895–1896, 1908–1909 и 1912–1913 гг.), каждый раз в периоды острых кризисов. Пользовался репутацией «кризисного управляющего» и в стенах Порты, и среди иностранных дипломатов. Во внешней политике ориентировался на Англию, которая, в свою очередь, несколько раз в критические моменты предоставляла ему политическое убежище.

---

[6] См.: *Штилькова В.И.* Младотурецкая революция 1908–1909 гг. М., 1977. С. 120, 127; *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972. С. 126; *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 150.

[7] *Първанова З.* Между неосъществения хюриет и неизбежната война. Националните движения в Европейска Турция и младотурският режим 1908–1912 г. (далее — Хюриет…). София, 2002. С. 159; *Parvanova Z.* Birth of the Conflict: The Young Turk regime and the National Movements in European Turkey. 1908–1910 // Études balkaniques. 2002. № 4. P. 27; *Devereux R.* The First Ottoman Constitutional Period. Baltimore, 1963. P. 200–203.

[8] См. сообщения болгарских консулов (до октября 1908 г. — торговых агентов) из Битолы (Монастира) и Скопье (Ускюба) и донесения посланника Гешова из Константинополя // *Първанова З.* Хюриет… С. 159.

inslav

Результаты выборов в парламент, как считает современный историк А. Кансу, «не были полным успехом Комитета, вопреки общему мнению историков. Выборы не принесли им того подавляющего большинства, на которое они надеялись»[9]. Но Комитет и не стремился к получению абсолютного большинства. В политической практике Османской империи еще с 1876 г. действовали два принципа национально-религиозного представительства: паритетный и пропорциональный. Первый осуществлялся на парламентском уровне, второй — на местном[10]. В новом парламенте из 288 избранных депутатов 147 составляли турки, 60 — арабы, 27 — албанцы, 26 — греки, 14 — армяне, 10 — славяне и 4 — евреи[11].

Несмотря на ощутимый перевес турок, превышавший их долю населения в империи, ни одна из национальных общин, кроме греков, не выражала недовольства результатами выборов. Греки считали выборы управляемыми и во многом были правы. Вселенский патриарх даже заявил по этому поводу протест Камиль-паше[12]. Однако сами младотурки считали, что если бы Комитет не вмешался в организацию выборов, в Стамбуле не прошло бы ни одного турецкого депутата, настолько организованны и опытны в избирательных вопросах были греки[13]. И все же принцип паритетного представительства мусульман и христиан был соблюден. Он оставался краеугольным камнем парламентской политики младотурок вплоть до 1912 г.

Торжественное открытие парламента состоялось 17 декабря 1908 г. Корреспондент «Таймс» так описал это событие: «В это утро Стамбул был переполнен празднично одетыми толпами народа и войсками в парадной форме, украшен коврами и арками. Тысячи красных и зеленых знамен с полумесяцем и звездой развевались над городом. Перекрестки охранялись кавалерией. Женщины, все еще в чадрах, теснились у окон и на крышах зданий. Для работы парламента, как и в 1876 г., было выделено здание медресе, примыкающее к мечети Святой Софии. Близ нее скопление народа было так велико, что пришлось вызвать кавалерию на подмогу расквартированной здесь албанской пехоте, чтобы оттеснить толпу»[14].

---

[9] *Kansu A.* The Revolution of 1908 in Turkey. Leiden, New York, Cologne, 1997. P. 237–241; *Kansu A*. Politics in Post-Revolutionary Turkey, 1908–1913. Boston, 2000. P. 24.

[10] *Kayali H.* Elections and the electoral process in the Ottoman Empire, 1876–1919 // International Journal of Middle East Studies. Vol. 27. № 3. August 1995. P. 268–270.

[11] *Ahmad F.* The Young Turks. The Committee of Union and Progress in Turkish Politics, 1908–1914 (далее — The Young Turks…). Oxford, 1969. P. 28.

[12] *Psilos Ch*. The Young Turk Revolution and the Macedonian Question. Leeds, 2000. P. 54.

[13] *Ahmad F.* The Young Turks… P. 28.

[14] Opening of Parliament by the Sultan: Scenes in Stambul // The Times. 18 December 1908. P. 5.

inslav

Мятеж 13 апреля 1909 г.

Контрреволюционный мятеж 13 апреля 1909 г. («инцидент 31 марта», согласно действовавшему тогда в Турции юлианскому календарю) получил в отечественной историографии крайне упрощенную оценку[15]. Он считается едва ли не кульминацией младотурецкой революции, определившей ее дальнейшее восходящее движение, причем, главным образом, в социально-экономическом аспекте. Мы же полагаем, что путч 1909 г. выходит далеко за рамки только борьбы за власть в младотурецкую эпоху. Выступления мусульманской реакции против режима Ататюрка в 1920–1930-е годы, а также наблюдаемые на наших глазах перемены в массовом общественном сознании Турции свидетельствуют, что, несмотря на значительные успехи младотурок и кемалистов в секуляризации общественной жизни Турции, массы по-прежнему подвержены воздействию традиционных религиозных ценностей. Эти глубокие традиции лежали и в основе попытки мятежа 1909 г.

«Инцидент 31 марта» должен быть переосмыслен и с точки зрения противостояния революции и контрреволюции в историческом плане. Сводить контрреволюционную активность противников младотурок только к выступлению клерикальной исламской реакции и дворцовой камарильи явно недостаточно. «Контрреволюций», противостоящих младотуркам, было, по меньшей мере, две, а то и три: 1) империалистская контрреволюция держав и балканских стран; 2) националистическая контрреволюция балканских национальных движений; 3) клерикальная исламско-традиционистская контрреволюция, представленная партией Мусульманский союз. Либеральному течению младотурецкого движения, которое отечественная историография полагает частью реакционного фронта, в этой схеме места нет. Либералы были такими же революционерами-реформаторами, как и сами младотурки (применяя этот термин в узком смысле к Комитету «Единение и прогресс»). Отметим, впрочем, что полной ясности в трактовке событий апреля 1909 г. нет и в турецкой историографии.

Мирные отношения Комитета и кабинета Камиль-паши, или так называемое «двоевластие», продолжались шесть месяцев — до февраля 1909 г. Комитет был готов терпеть руководство Камиль-паши, пока тот не попытался сконцентрировать всю полноту власти в своих руках. Сам же Камиль-паша видел в Комитете только эффективное средство борьбы с авторитаризмом султана, которого считал главной

[15] См.: *Шпилькова В.И.* Указ. соч. С. 207–258; *Алиев Г.З.* Указ. соч. С. 131–150, *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 151–153. При этом фактологический аспект событий в работах Шпильковой и Алиева освещен исчерпывающе.

inslav

угрозой в прошлом и будущем. Угрозы установления абсолютной власти Комитета Камиль-паша не допускал[16].

Кризис разразился меньше, чем через месяц. 10 февраля Камиль-паша назначил своих ставленников на посты военного и морского министров без консультаций с Комитетом и даже без одобрения палаты. На посту военного министра Риза-пашу сменил генерал Назим-паша, командующий 2-й армией в Эдирне[17].

В ответ 14 февраля палата подавляющим большинством голосов проголосовала за вотум недоверия правительству. Камиль-паша подал в отставку. Великим визирем был назначен Хуссейн Хильми-паша, бывший генеральный инспектор трех македонских вилайетов в 1903–1908 гг. Али Риза-паша вернулся на пост военного министра, а Назим-паша был отправлен губернатором в Багдад. «Камиль-паша пытался установить контроль над армией и флотом и поплатился за это, так как Комитет рассматривал его действия как заявку на личную власть», — считает современный турецкий историк Н.-А. Хандан[18].

С отставки кабинета Камиль-паши началась цепь событий, которая привела к контрреволюционному мятежу в Стамбуле в апреле 1909 г. По нашему мнению, он имеет два исторических измерения. Во-первых, это была попытка старой элиты Порты и Дворца переиграть ситуацию, сложившуюся после победы революции, и вновь вернуться к власти. Однако формы и методы этой попытки придавали ей особое своеобразие, в результате чего сам мятеж и получил наименование «контрреволюционного». К старой элите, которую можно охарактеризовать как смычку камарильи с «коррумпированной технократией», с обоих флангов примкнули союзники: с одной стороны, клерикальная исламская реакция (улема, религиозные ордена дервишей и неграмотное фанатичное население Анатолии, из которого формировался стамбульский пролетариат и люмпены), с другой — противники Комитета в лице формировавшегося либерального движения, главным образом, партии Ахрар (Либеральный союз). Во-вторых, в своем фактологическом проявлении, мятеж 1909 г. был порождением сложного и тугого клубка амбиций и противоречий, направленных на достижение личных карьерных целей, как в высших эшелонах постреволюционной османской администрации, так и среди широкого слоя «разочарованных попутчиков» Комитета, чьи ожидания доступа к доходным государственным должностям не

[16] *Kemal İ.* The Memoirs of İsmail Kemal Bey. London, 1920. P. 323.

[17] Будущий военный министр в либеральном правительстве 1912–1913 гг., победитель в битве при Чаталжде 17–18 ноября 1912 г. Убит в ходе младотурецкого переворота 23 января 1913 г.

[18] *Handan N.-A.* The Birth of Modern Turkey: The Ottoman Military and the March to World War I. New York, 2005. P. 89.

inslav

оправдались из-за его отказа принять на себя непосредственное политическое руководство страной.

Важную, но во многом, по нашему мнению, переоцененную роль сыграли реставрационные планы султана Абдул-Хамида. А. Кансу вообще считает целью путча «восстановление абсолютной монархии»[19]. Но абсолютной монархии в Османской империи фактически не существовало уже 70 лет, с издания хатт-гамаюна 1839 г. С 1876 г., после принятия конституции, ее не существовало и формально. То, что называлось режимом «зулюма», являлось автократическим режимом личной власти Абдул-Хамида II и доминированием аппарата Дворца над институтом Порты, эволюционировавшей к тому времени из ведомства великого визиря в кабинет министров. Режим был установлен силовыми методами в форме бессрочного роспуска парламента.

С победой революции произошла обычная после подобных переворотов «смена элит». Дворцовая камарилья и высшие администраторы, отлученные от власти и связанной с ней коррупции, составили политическое ядро оппозиции. Приобретя новых союзников, это ядро выступило весной 1909 г. против революции и конституции. Без этого, как указывает А. Кансу, нельзя понять подлинной природы попытки контрреволюционного переворота 1909 г.[20].

Окончательный толчок мятежу был дан неосмотрительным приказом, отданным вечером 12 апреля генералом Махмудом Мухтар-пашой, командующим 1-й армией, расквартированной в столице, — стрелять при необходимости по софтам[21] как агентам-провокаторам Мусульманского союза, а также и по гражданским лицам. Сам Махмуд Мухтар в своей книге, имеющей отчасти мемуарный характер, не упоминает об этом приказе, но говорит о той роли, которую он сам сыграл в истории мятежа[22].

Что касается участия в путче либералов, то оно было двойственным. Так, тот же Махмуд Мухтар-паша, будущий активный деятель либерального движения, противник Комитета, в конце концов, порвавший с ним и эмигрировавший в 1915 г. в Швейцарию, оставив пост посла в Берлине. В дни мятежа он сам был одним из тех младотурок, против которых и был направлен мятеж.

Символично, что утром 13 апреля взбунтовавшуюся толпу вели к площади Святой Софии, где располагался парламент, албанский капрал и курдский ходжа, представители двух исламских этнических групп, на поддержке которых основывалось турецкое господство

---

[19] *Kansu A*. Politics… P. 77.

[20] *Kansu A*. The Revolution… P. 116.

[21] Софты — учащиеся духовных училищ, в своем большинстве фанатичные клерикалы.

[22] Military Revolt in Turkey // The Times.14 April 1909. P. 5; *Mouhtar Pacha M.* La Turquie, l'Allemagne et l'Europe depuis le traité du Berlin jusqu'à la guerre mondiale. Paris, 1924. P. 97. Note 1.

inslav

в Европе и Азии[23]. Эти этносы, наиболее отсталые в социальном отношении, были и наиболее преданны режиму Абдул-Хамида, подкупавшему их вождей и массы всеми возможными способами, не последний из которых состоял в праве безнаказанного грабежа и насилий над христианским населением в Румелии и армянами в Восточной Анатолии. Албанская гвардия, софты и экзальтированные городские низы составляли главные силы мятежа.

Позиция самого султана и его окружения остается не до конца проясненной. Революционные события июля 1908 г. показали султану, что на этот раз он имеет дело с всеобщим недовольством в обществе административным произволом и коррупцией, «кризисом верхов» в высших эшелонах власти и мощной законспирированной организацией, охватывающей военные и гражданские круги. Попытка отмены конституции по образцу 1878 г. в 1909 г. не прошла бы ни при каких обстоятельствах. Абдул-Хамид понимал это лучше других и стремился лишь к относительному укреплению своей власти, которая грозила приобрести чисто номинальный характер, не посягая на основы конституционного строя[24].

Мятеж вспыхнул в ночь с 12 на 13 апреля. Солдаты гарнизона столицы, офицеры-алайлы, выдвиженцы из солдатских рядов, уволенные в большом количестве из армии, и улемы в зеленых тюрбанах собрались утром на площади перед мечетью Айя-София под лозунгами: «Мы хотим шариата! Да здравствует падишах!». Офицеры, пытавшиеся помешать путчистам, были убиты. Мятежники предъявили султану требования сменить великого визиря и военного министра, выслать из столицы активистов Комитета, восстановить в армии офицеров-алайлы и уволить или перевести в провинцию офицеров-мектебли (выпускников училищ). Правительство проявило полную растерянность и пассивность. Сам Абдул-Хамид писал в своих мемуарах, что «если бы правительство Хильми-паши искренне хотело, оно могло бы подавить это восстание за два часа»[25]. Так же полагает и Махмуд Мухтар-паша[26].

Большинство лидеров Комитета сумело бежать из столицы, оказавшейся в руках мятежников, и добраться до Салоник, где на базе 3-й Македонской армии готовился центр сопротивления мятежу. Командующий 3-й армией маршал Махмуд Шевкет-паша при активном участии офицеров-младотурок, включая Энвера и Кемаля, будущих

---

[23] *Kansu A.* Politics… P. 79.

[24] В свое время, будучи высказанной американским историком В. Свенсоном, эта точка зрения подверглась жесткой критике в советской литературе. Сегодня накопленная масса новых фактов требует снова вернуться к ее анализу. См.: *Svenson V.R.* The Military Rising in Istanbul in 1909 // Journal of Contemporary History. 1970. № 4. P. 172, 183. *Шпилькова В.И.* Указ. соч. С. 223.

[25] Tercüman. 9 ocağı 1975. Цит. по: *Шпилькова В.И.* Указ. соч. С. 220. Прим. 9.

[26] *Mouhtar Pacha M.* Op. cit. P. 97. Note 1.

inslav

лидеров страны, сформировал специальное соединение (так называемую «Армию действия») и двинул его на столицу. В этих условиях, а также столкнувшись с повсеместным выражением протеста, мятежники не сумели ни сохранить единый фронт против Комитета, ни организовать эффективный отпор. 24 апреля Стамбул, после вялого сопротивления мятежных частей, был взят, и конституционный порядок восстановлен.

Осознав, что игра окончена, Абдул-Хамид принял удар судьбы в традициях восточного фатализма. Незадолго до этих событий в Лондоне вышел очередной рассказ А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе «Чертежи Брюса-Партингтона». Рассказ, как обычно в таких случаях, был вскоре переведен пресс-бюро Дворца. Абдул-Хамид провел свой последний вечер в роли падишаха, лежа на диване, покуривая кальян и слушая рассказ о приключениях знаменитого сыщика, в то время как части «Армии действия» занимали позиции вокруг дворца Йылдыз-Киоск[27].

Зарю наступающего дня Абдул-Хамид встречал, в сущности, уже частным лицом, «гражданином» Османской империи, успев, однако, под конец изрядно досадить новому правительству задачей реализации своего немалого имущества и трудоустройства столь же обширного придворного штата и гарема. 27 апреля 1909 г. экстренный поезд доставил бывшего султана, двух его младших сыновей, оставшихся с ним 11 жен и немногих слуг в Салоники, где он был размещен сначала в Белой башне, укрепленной штаб-квартире младотурок, а позже на вилле бывшего губернатора. Еще одна страница истории младотурецкой революции была перевернута.

Важнейшая особенность подавления путча 1909 г., очень часто недооцениваемая историками, состояла в том, что это была победа Комитета не только над силами авторитарно-клерикальной реакции, но и во многом над либеральным течением «1876 года», поздним вариантом движения «новых османов». Как выяснилось уже через два года, победа неокончательная.

«Мягкая диктатура» маршала Махмуда Шевкет-паши. Комитет, армия и оппозиция в борьбе за институты власти. 1909–1911 гг.

«Революция замерзла…», — эта крылатая фраза Л. Сен-Жюста, одного из героев и одновременно могильщиков Великой Французской революции, по-прежнему применима в политологическом плане ко времени принципиального разворота процессов и тенденций в революционных движениях. Она позволяет выразить отношение к

[27] *Yeats-Brown F*. Golden Horn. London, 1932. P. 56.

inslav

изменившейся ситуации, к спаду революционной энергии масс, усталости и фрустрации, нарастанию внутреннего кризиса, переходу от парламентаризма к режиму, основанному на личной власти и репрессиях.

В младотурецкой революции такой поворот произошел в 1911–1912 гг., когда возобновление национальных войн в Албании и Македонии совпало с глубоким внутренним расколом младотурецкого движения, также принявшим характер гражданской войны. На пике этого внутреннего кризиса страна, уже находившаяся в состоянии войны с европейской державой — Италией, подверглась нападению коалиции балканских стран, заключивших союз с целью ликвидации и раздела Европейской Турции.

Отечественный историк А. Ф. Миллер в свое время писал: «…Примерно в 1911–1912 годах можно было… констатировать, что младотурецкая революция потерпела поражение. Убедительным свидетельством этого был тот факт, что когда против младотурок выступила оппозиционная феодально-компрадорская партия “Свобода и Согласие”, на время даже захватившая государственную власть (в 1912 г.), народные массы, в отличие от 1908 и 1909 годов, не проявили к младотуркам никакого сочувствия»[28]. Но младотурецкая революция не потерпела поражения в 1911–1912 гг. Она к этому времени «замерзла».

Кризис революции проявился одновременно в трех плоскостях: во внутренней политике, в отношениях с национальными движениями и в отношениях с иностранными государствами — как с балканскими соседями, так и великими державами.

Первые кризисы, с которыми сталкивались конституционное правительство и младотурецкое движение, происходили по поводу назначения военных министров, что показывает сохранявшуюся высокую роль армии в политике и после победы революции. Развязка этих кризисов наступила, пожалуй, с установлением «неформальной военной диктатуры» маршала Махмуда Шевкет-паши после подавления мятежа 1909 г.

Уже 18 мая Махмуд Шевкет-паша был назначен командующим (генеральным инспектором) сразу тремя армиями: 1-й в столице, 2-й во Фракии и 3-й в Македонии[29]. Сложилась ситуация, беспрецедентная в истории Османской империи — высший военачальник оказался вне контроля верховной власти султана, правительства, парламента и военного министерства (и самого Комитета), сосредоточив в своих руках огромную власть[30]. В сущности, это было результатом победы

[28] *Миллер А. Ф.* 50-летие младотурецкой революции. М., 1958. С. 45.

[29] Turkey: Armee Appointments // The Times. 19 May 1909. P. 5.

[30] Махмуд Шевкет-паша к этому времени уже был командующим 3-й армии. К этому своему посту он добавил еще два других.

inslav

3-й Македонской армии в скоротечной гражданской войне: и 1-я, побежденная, и 2-я, уклонившаяся от схватки, армии остались без своих командиров. Махмуд Шевкет-паша просто заполнил собой вакуум в военной структуре, но заполнил его чрезмерно.

Отношения Комитета и Махмуда Шевкет-паши были сложными, противоречивыми и не вполне выясненными историками, дающими им, подчас, полярное истолкование. Они были союзниками, но союзниками, с опаской поглядывавшими друг на друга и ревниво следившими за тем, чтобы ни один из них не приобрел зримого преимущества. 3 мая 1909 г. маршалом было заявлено в печати, что армия в Турции «абсолютно независима от любой политической партии»[31]. Формальной основой этого союза являлся режим военного положения, введенный в столице в ходе подавления мятежа и распространенный 11 августа 1909 г. на всю империю сроком до марта 1911 г.[32].

Задачами Комитета в этот период было: 1) отстранение от должности главы кабинета Тефик-паши, скомпрометировавшего себя в ходе путча, 2) введение практики назначения заместителей министров из числа членов парламента, принадлежавших к Комитету[33], и 3) занятие членами Комитета ключевых постов в составе самого кабинета. Первая цель Комитету удалась — Тефик-паша был отправлен в отставку. Великим визирем вновь стал Хильми-паша, если и не намного более расположенный к Комитету, то в гораздо большей степени управляемый им. Со второй задачей вышла неудача.

Для назначения заместителей министров из числа членов парламента нужно было изменить 67-ю статью конституции, запрещавшую депутатам исполнение других государственных должностей. Для этого требовалось большинство в две трети голосов палаты. Но внесение законопроекта вызвало столь острую реакцию со стороны депутатов, что он был отозван от имени Комитета. Это стало первым расхождением между Комитетом и прокомитетской, в сущности, палатой, вызванное антидемократическими действиями Комитета и его посягательствами на принцип разделения властей. В дальнейшем это расхождение во многом определит специфику политического ландшафта младотурецкой революции в 1910–1912 гг.

Политическая суть следующего этапа революции — от подавления мятежа в апреле 1909 г. до начала итало-турецкой войны 29 сентября 1911 г. — состоит в постепенном перенесении Комитетом центра тяжести своей политической работы из палаты в правительство по мере нарастания расслоения парламентской группы Комитета и

[31] The Turkish Outlook: The Army and Politics // The Times. 4 May 1909. P. 5.

[32] Султанский ираде цитируется в: Lowther to Grey. № 654 con. Therapia, 11 Aug. 1909. F.O. 371/779/30767.

[33] Британская политическая практика, сохранившаяся до наших дней.

inslav

выделения из нее все новых и новых оппозиционных фракций и партий.

После подавления путча и разгрома партии Ахрар организованной оппозиции Комитету на османской политической сцене какое-то время не существовало. Но уже в августе 1909 г. в палате начала складываться враждебная ему группа депутатов под названием «умеренные либералы». Ее организаторами были Лютфи Фикри-бей, Измаил Хакки-бей, доктор Рыза Нур и Дамад Ферид-паша[34]. С ними активно сотрудничал полковник Садык-бей, член Комитета, пользующийся влиянием в офицерских кругах. Большинство этих людей в дальнейшем возглавят объединенную оппозицию и поведут непримиримую борьбу против Комитета.

Программа «умеренных либералов» была довольно противоречивой. После долгих дискуссий в ее основу были положены старые идеи «Лиги децентрализации» принца Сабахеддина, но «трактуемые предельно прагматично и излишне широко»[35]. Целью умеренных либералов было собрать под своими знаменами всех противников Комитета разных оттенков.

Неудача в вопросе назначения заместителей министров побудила Комитет принять стратегию прямого включения в кабинет его активистов[36]. Первым в состав кабинета Хильми-паши вошел Джавид-бей, «финансовый гений» младотурок. Это назначение еще нельзя считать в полной мере политическим, скорее оно было технократическим, так как Джавид был гораздо компетентнее своих предшественников в финансовых вопросах. Но уже 5 августа другой лидер Комитета, Талаат, занял ключевой пост министра внутренних дел. Это назначение было очень важным шагом на пути продвижения Комитета к реальным рычагам власти[37].

В это же время выявилась главная слабость Комитета — недисциплинированность его парламентской фракции, и одной из главных задач стало преодоление диссидентства. В будущем этот фактор — расхождение между организационным ядром, состоящим из членов Комитета, и широким фронтом сочувствующих его взглядам и избираемых в палату по его спискам (дважды: в 1908 и в 1912 гг.) — продолжал самым серьезным образом ослаблять позиции Комитета. В конечном счете, именно из этого резервуара парламентской группы, противостоявшей ядру Комитета, черпала силы оппозиция самых разных оттенков.

---

[34] Титул «Дамад» означал в османскую эпоху «зять султана». Дамад Ферид-паша был ранее великим визирем и вновь им стал в марте 1919 г. после капитуляции Турции и краха младотурецкого режима.

[35] *Kansu A*. Politics… P. 161.

[36] Ibid. P. 150.

[37] The Turkish Cabinet: Resignation of Ferid Pasha // The Times. 7August 1909. P. 1.

inslav

В период 1909–1911 гг. произошел ряд серьезных кризисов, сопровождавшихся сменой кабинетов. Мы не можем полностью принять оценку этого периода, данную Г.З. Алиевым: «Всемогущий комитет «Иттихад ве теракки», не правя непосредственно страной, свергал и назначал по своему усмотрению министров»[38]. Все было сложнее. Первый из кризисов — уход в отставку великого визиря Хильми-паши 28 декабря 1909 г. — принято считать результатом интриг Комитета[39]. Комитет, действительно, не был доволен деятельностью Хильми-паши во время обоих его визиратов. В ходе путча в апреле 1909 г. он уступил давлению реакционеров, практически не оказав им сопротивления. После подавления мятежа, будучи восстановлен Махмудом Шевкет-пашой на своем посту, он до конца 1909 г. сохранял нейтралитет в скрытой борьбе между Комитетом и военными[40].

Причиной падения Хильми-паши было «дело Линча» — предоставление концессии британской судоходной компании на Евфрате при условии ее слияния с турецкой государственной компанией, также занимавшейся там судоходством, обросшее скандальными деталями. Новой власти тоже далеко не всегда удавалось преодолеть искушение «государственной кормушкой». Интриги Хильми-паши с целью удержаться у власти не увенчались успехом, и его отставка была принята султаном.

Вокруг личности его преемника, Ибрагима Хакки-паши, по сей день ведется оживленная дискуссия. В момент вступления в должность это был самый необычный великий визирь Османской империи. Современным языком его можно было бы назвать технократом. Выходец из среднего слоя чиновничества, выпускник школы гражданского управления, преподаватель права, много лет бывший юридическим советником Порты, в течение недолгого времени занимавший посты министра внутренних дел и образования в 1908–1909 гг. и посла в Риме в 1909–1910 гг., — таков был его послужной список. Модернизм и европейское образование Хакки-паши, казалось, делали его фигурой, наиболее приемлемой для младотурок. И сейчас, и раньше высказывались мнения, что он и был, в сущности, прямой креатурой Комитета[41].

---

[38] *Алиев Г.З.* Указ. соч. С. 151.

[39] Так, например, считает Ю. Байюр. См.: *Bayur Y.H.* Türk İnkılâbı Tarihi. Cilt I. Kısım II. S. 318.

[40] *Ahmad F.* The Young Turks… P. 65.

[41] См., например, разговор Титтони и Извольского после нападения Италии на африканские владения Турции. Кабинет Хакки-паши считался ими «младотурецким правительством», а его падение — «крахом младотурецкого режима». А ведь собеседники были весьма осведомленными фигурами. (*Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 75.) Для российского читателя личность Хакки-паши может представлять особый интерес в свете того факта, что он, будучи позже послом в Берлине, возглавлял турецкую делегацию на переговорах в Брест-Литовске в 1918 г. и подписал Брестский мирный договор от имени Турции.

inslav

Хакки-паша был озабочен двумя главными проблемами, тесно связанными одна с другой: введением в рамки конституционного поля того совершенно ненормального положения, которое занял после подавления мятежа маршал Махмуд Шевкет-паша, и отменой военного положения в стране. Для решения первого вопроса Хакки-паша ввел Махмуда Шевкет-пашу в состав кабинета в ранге военного министра. Он полагал, что необходимость подчиняться правительственной дисциплине покончит с режимом «мягкой диктатуры» маршала. На практике, однако, этого не произошло — тот чувствовал себя уверенно только в условиях военного положения[42]. Более того, присутствие Махмуда Шевкет-паши в составе кабинета только ослабило в нем реформистское крыло, особенно в вопросах финансовой реформы.

Комитет и далее продолжал испытывать угрозы раскола и отпочкования отдельных фракций. 20 февраля 1910 г. 8 депутатов, членов Комитета, во главе с Измаилом Хакки-беем, его бывшим вице-президентом, вышли из его состава и объявили о создании Народной партии[43]. Сам Хакки-бей еще год назад вошел в состав умеренных либералов, противостоявших Комитету. В состав Народной партии вошли 25–30 членов парламента[44]. В этот период КЕП мог опираться на поддержку 154–160 депутатов, так что прямой угрозы его позициям эта партия не представляла[45]. Однако очень скоро общественность начала понимать огромные отложенные последствия возникновения в политической жизни страны оппозиции Комитету, вышедшей из его собственных рядов.

Отношения Комитета с маршалом Махмудом Шевкет-пашой были по-прежнему двусмысленными. С одной стороны, обе стороны жестко выступали против возрождения любой реакционной и просто антиконституционной деятельности в стране, с другой — их продолжали разъединять внутренние противоречия по вопросу о роли армии в политике.

Летом 1910 г. в Париже эмигрантами-монархистами была основана Радикальная османская партия во главе с Шериф-пашой, бывшим послом Турции в Стокгольме. Новая партия была откровенно реакционного толка, и младотурки предприняли против ее сторонников жесткие меры, характерные для политических нравов эпохи. Уже через месяц после загадочного громкого убийства 9 июня оппозиционного журналиста Ахмеда Санина, редактора газеты «Седайи

---

[42] *Mouhtar Pacha M.* Op. cit. P. 98.

[43] Eine türkische Volkspartei // Osmanischer Lloyd. 22 Februar 1910. S. 1; The Turkish Chamber // The Times. 5 March 1910. P. 5.

[44] Der Austritt von Mitgliedern aus der Komiteepartei // Osmanischer Lloyd. 24 Februar 1910. S. 1.

[45] *Tunaya T. Z.* Türkiye desiyasî partiler. İstanbul, 1952. S. 297.

inslav

миллет»[46] (весьма напоминающего убийство журналиста Хасана Фехми накануне мятежа 1909 г., также оставшееся нераскрытым) власти объявили о раскрытии контрреволюционного заговора, нити которого якобы вели в Париж[47]. Когда британский военный атташе майор У. Тиррелл обратился к Махмуду Шевкет-паше с вопросом, верит ли тот в реальность реакционного заговора, «диктатор» ответил: «Нет, но если я не сокрушу этих людей сейчас, они могут в дальнейшем приобрести влияние»[48].

Но уже в октябре 1910 г. маршал демонстративно подал в отставку. Поводом послужила попытка расследования министерством финансов расходования средств военными в период оккупации ими султанского дворца в апреле 1909 г., а также бесконтрольного роста военных закупок. И хотя формальная причина кризиса состояла в требовании Джавида предоставлять финансовую отчетность военного министерства вновь созданному департаменту аудита министерства финансов, в сущности это была очередная проба сил между Комитетом и армией.

Делегация в составе трех видных членов «узкого круга» Комитета: Халила, Рахми и доктора Назима посетила Махмуда Шевкет-пашу в его резиденции. «Зачем вы явились ко мне в такую рань?» — недовольно спросил маршал. «Выпить чашечку утреннего кофе с Вами, паша», — вкрадчиво ответил Халил. «Халил-бей, я не могу больше работать с теми, кто стремится вонзить мне нож в спину», — выразил маршал свое отношение к происходящему[49]. Его поведение не очень напоминало поведение военного диктатора, хотя он и сохранял чувство превосходства и сознание собственной силы. Халилу все же удалось убедить Махмуда Шевкет-пашу, что им очень важно в интересах родины продолжать совместное сотрудничество. Компромисс был найден на основе того, что Джавид не будет применять закон об обязательном аудите к военному министерству. Это решение позже было одобрено палатой[50].

В декабре 1910 г. возникло дело о заговоре среди офицеров 2-й армии в Эдирне, по которому был арестован полковник Садык-бей. Официальное обвинение, однако, вменяло ему в вину не заговор, а алкоголизм с целью компрометации его как офицера и правоверного

---

[46] Любопытна ономастика названий турецких газет этой эпохи. «Седайи миллет» означает «Вымя (или сосцы) нации».

[47] The Anti-Government Plot in Turkey: The Committee for Fundamental Reforms // The Times. 29 July 1910. P. 5.

[48] Lowther to Grey. No. 507 con. Constantinople, 25 July 1910. F.O. 371/1010/27811.

[49] После введения в Турции в 1934 г. фамилий Халил-бей стал Ментеше (Крючок). Его мемуары публиковались в газете «Республика» с 13 октября по 11 декабря 1946 г. Данный пассаж см.: *Menteşe.* Cumhuriet. 18 Ekim 1946. Цит. по: *Ahmad F*. The Young Turks… P. 74. N. 1.

50 *Ahmad F*. The Young Turks… P. 74.

inslav

мусульманина[51]. Вопреки намерениям властей, это событие стало началом превращения полковника Садыка в значимую политическую фигуру. Уже весной следующего года в рядах парламентской группы Комитета сложилась группировка под названием Новая фракция во главе с полковником Садыком и Абдулазизом Меджи-беем[52]. Новая фракция возникла как реакция на авторитарное руководство парламентской группой «узким кругом» Комитета во главе с Талаатом. Непосредственным поводом ее создания явилось избрание главного редактора официоза Комитета «Танин» Хюсейна Джахида (Ялчына) представителем османских акционеров в Совете администрации Османского государственного долга, притом что он уже был к тому времени членом совета директоров Национального банка Турции[53]. Практицизм и коррумпированность лидеров Комитета, бывших идейных революционеров, слишком бросались в глаза и вызывали протесты и слева, и справа[54].

Новая фракция требовала отставки великого визиря Хакки-паши, снятия нескольких министров и отзыва нескольких видных депутатов, прежде всего Хюсейна Джахида, а также смещения Талаата с поста председателя парламентской группы Комитета и ссылки его в отдаленную провинцию[55]. Оппозиция выдвинула программу из 10 пунктов, интересный и неоднозначный документ. Фракционеры требовали возвращения к изначальной редакции конституции 1876 г. и отмены принятых парламентом летом 1909 г. ее новых (как и новых редакций старых) статей[56]. Главным поводом их недовольства было создание правительства, ответственного перед палатой, что было основой нового либерально-демократического режима, а не перед султаном, как в 1876 г. Новая фракция, считает Кансу, «добивалась восстановления абсолютистского монархического режима»[57]. С этой оценкой можно не соглашаться в частностях, но политический настрой фракции был, безусловно, промонархистским. Тем любопытнее, что к концу 1911 г. младотурки уже от своего имени осуществили ряд конституционных контрреформ в пользу усиления института монархии.

На этот раз ситуация для Комитета была опасной. Его руководство могло твердо рассчитывать на поддержку лишь от 50 до 55 депута-

---

[51] Lowther to Grey. No. 71 con. Constantinople, 3 January 1911. F.O. 371/1242/4280.

[52] Turkish Politics: Split in the Committee Party // The Times. 19 April 1911. P. 5.

[53] *Bank-ı Osman-i Şahane,* буквально «Османский Шахский банк», основан в 1863 г. (не путать с международным Оттоманским банком (*Bank-ı Osmani)*, основанным в 1856 г.).

[54] Hussein Dschahid Bej türkischer Vertreter bei der Dette Publique // Osmanischer Lloyd. 22 March 1911. S. 1.

[55] Turkish Politics: The Split in the Committee Party // The Times. 21 April 1911. P. 3.

[56] Turkish Politics: The Split in the Committee: Opposition Demands // The Times. 22 April 1911. P. 5; Die politische Krise // Osmanischer Lloyd. 22 April 1911. S. 1.

[57] *Kansu A*. Politics… P. 233.

inslav

тов[58]. В ходе переговоров 22 апреля руководство смогло использовать отсутствие у диссидентов четкой программы действий и внутреннего единства. Дебаты внутри парламентской группы Комитета завершились подписанием 170 членами партии документа, признававшего наличие разногласий между руководством и диссидентами, которые предстояло урегулировать на следующем конгрессе КЕП[59]. Но главным успехом руководства Комитета было согласие диссидентов с изменениями конституции 1909 г., ограничившими полномочия монарха[60].

Тем временем вновь обострились отношения в «треугольнике власти» — между Комитетом, Махмудом Шевкет-пашой и великим визирем Хакки-пашой. Поводом послужил вопрос сохранения чрезвычайного положения, при всех его противоречиях являвшегося основой соглашения между Комитетом и Махмудом Шевкет-пашой. Хакки-паша, со своей стороны, настаивал на его отмене и возвращении к нормальной конституционной практике. Факты свидетельствуют, что великий визирь не только не был креатурой Комитета, а, напротив, за время своего визирата сумел изменить политическую палитру империи, вернув Порте статус реального центра силы, утраченный ею при Хильми-паше.

4 февраля на встрече Махмуда Шевкет-паши и Талаата, как министров военного и внутренних дел, было решено продлить военное положение[61]. 7 февраля Хакки-паша согласился на его продление, но при условии перестановок в кабинете. Его главным требованием было удаление Талаата, которого опасались и оппозиция, и военные из организации полковника Садыка. Для достижения своей цели Хакки-паша, угрожая отставкой, прибег к давлению на руководство Комитета.

Для разрешения кризиса Комитет был вынужден пожертвовать Талаатом, одной из своих ключевых фигур. 11 февраля 1911 г. он подал в отставку с поста министра внутренних дел и был избран главой парламентской группы Комитета. На следующий день Хакки-паша провел совещание с военным и морским министрами: Махмудом Шевкет-пашой и Махмудом Мухтар-пашой о назначении Халил-бея министром внутренних дел вместо Талаата. Военные министры согласились на это при условии внесения изменения в конституцию, допускающего досрочный роспуск палаты, а также возвращения в

---

[58] Эти цифры приводит в своих мемуарах Джавид // *Mehmed Cavid.* Meşrutiyet Devrine ait Cavit Beyin Hatıraları // Tanin. Eylül 29. 1943. P. 2. Цит. по: *Kansu A*. Politics… P. 235.

[59] Eine wichtige Entscheidung: Die Beratung der Komiteepartie // Osmanischer Lloyd. 23 April 1911. S. 1.

[60] Turkish Politics: A New Party Programme // The Times. 24 April 1911. P. 5; Turkish Politics: Comment on the New Programme // The Times. 25 April 1911. P. 3.

[61] *Kansu A*. Politics… P. 217.

inslav

столицу бывшего военного министра, кумира либеральной оппозиции генерала Назим-паши, отправленного после подавления мятежа 1909 г. в почетную ссылку губернатором Багдада[62].

Руководители Комитета категорически отвергли идею внесения изменений в конституцию, позволявших правительству организовать досрочные выборы, поскольку КЕП не был к ним готов, но согласились на возвращение Назим-паши, ставшего председателем Военного совета при султане[63]. Назим-паша был, пожалуй, единственным человеком в турецкой политике до появления в ней Кемаля Ататюрка, который обладал качествами, необходимыми военному диктатору[64]. Новый виток судьбы, вернувший генерала на авансцену истории, готовил ему пост военного министра в либеральном кабинете, главнокомандование в Балканской войне, разгром турецкой армии и победу в сражении при Чаталдже, спасшую Стамбул и страну, и гибель от пуль путчистов Комитета 23 января 1913 г.

Все эти факты весьма далеки от устоявшегося в отечественной историографии представления о полном всевластии Комитета, управлявшего из-за кулис политическим процессом. Комитет сам испытывал большие трудности и опасался за свое положение. В этот период в стране нарастали противоречия в отношениях между Махмудом Шевкет-пашой, офицерами среднего звена, поддерживавшими оппозиционную Новую фракцию полковника Садык-бея и объединившимися в полулегальную организацию Военная лига, и Комитетом. Переживаемый же страной момент, напротив, требовал объединения усилий всех политических сил для подавления волнений в Албании, Македонии и Йемене. Европейские политики, дипломаты и журналисты задавали себе вопрос, сумеет ли Комитет выдержать давление военных, или оно будет нарастать и приведет в итоге к установлению открытой военной диктатуры Махмуда Шевкет-паши[65]. Правда, по мнению английского посла в Стамбуле Дж. Лоутера, «сам Махмуд Шевкет, подобно другим, также весьма напуган»[66]. Действительно, Махмуд Шевкет-паша не хотел принимать на себя роль диктатора, да и просто не годился для этой роли.

---

[62] Для нас важно, что первыми идею возможности досрочного роспуска палаты, позже вызвавшую ряд острых политических кризисов, выдвинул не Комитет, а военные.

[63] Disorders in Baghdad: Nazim Pasha's Recall // The Times. 27 March 1911. P. 5; Turkish Policy in Baghdad: Recall of Nazim Pasha // The Times. 10 April 1911. P. 5.

[64] Мы не считаем таковым Энвер-пашу, вопреки тенденции «демонизации» его личности в историографии, и солидарны с исследователями, называющими его, в сущности, авантюристом.

[65] The Situation in Turkey: Committee and Cabinet // The Times. 15 February 1911. P. 5; Turkish Politics: The Committee and the Ministry // The Times. 16 February 1911. P. 5; The Situation in Turkey: Cabinet // The Times. 18 February 1911. P. 5; The Situation in Turkey: The Grand Vizier and the Crisis // Ibidem.

[66] Lowther to Grey. 21 February 1911 // British Documents on the Origins of the War 1898–1914. Vol. IX. Part I. London, 1932. P. 255.

inslav

Отставка Талаата серьезно ослабила позиции младотурок. Ключевой политической фигурой по-прежнему оставался Махмуд Шевкет-паша, получивший возможность играть на противоречиях между двумя политическими группами. Когда Комитет для ослабления оппозиции попытался добиться удаления из столицы полковника Садыка и предания его суду, Махмуд Шевкет-паша наотрез отказался это сделать[67]. Его положение укрепилось после того, как палата продлила 13 марта военное положение на неопределенный срок, так как этим фактически продлевался его личный мандат на политический контроль в стране[68].

Но и Хакки-паша тоже не собирался складывать оружие. Получив 26 апреля вотум доверия палаты 145 голосами против 45, великий визирь также потребовал от султана высылки Садык-бея, угрожая отставкой всего кабинета. Пытаясь вернуть страну в конституционное поле, Хакки-паша стремился удалить самые сильные фигуры экстремистского толка: Талаата «слева» и полковника Садыка «справа». Султан под давлением визиря отдал Махмуду Шевкет-паше категорический приказ, и последний был вынужден, наконец, распорядиться о переводе неугомонного полковника в Салоники. По прибытии к месту назначения Садык-бей был восторженно встречен депутацией офицеров 3-й армии, которые с почетом проводили его на квартиру[69].

Однако министерский кризис и тлевшая под ним фракционная борьба внутри КЕП на этом не окончились. Оппозиция жаждала реванша. В этом ее поддерживал Махмуд Шевкет-паша, чувствовавший, что его престиж в «деле полковника Садыка» поколеблен. Кроме того, поддержание баланса сил между Комитетом и оппозицией стало главной задачей позднего этапа его «мягкой диктатуры». Под давлением оппозиции 9 мая ушли в отставку члены Комитета министр финансов Джавид и министр образования Бабанзаде Измаил Хакки. Оппозиция потребовала назначения новых министров, причем, не членов Комитета. Для удовлетворения ее требований новые министры были назначены из состава сената, что, несомненно, стало еще одним ее успехом[70].

Успехом, как вскоре выяснилось, не последним. В ходе продолжавшейся борьбы в парламентской группе Комитета Талаат был принужден Новой фракцией уйти с поста председателя партии. На его место 15 мая был избран Сейид-бей, «умеренный депутат от

---

[67] *Bayur Y.H.* Op. cit. Cilt I. Kısım II. S. 55.
[68] *Ahmad F*. The Young Turks… P. 90; *Kansu A*. Politics… P. 227.
[69] Die Kabinettkriese: Sadik Bej in Salonik // Osmanischer Lloyd. 7 May 1911. S. 1.
[70] Djavid Bey and the Cabinet: Grand Vizier in Difficulties // The Times. 8 May 1911. P. 5.

inslav

Измира»[71]. Руководство Комитета пыталось представить назначение Сейид-бея как достижение компромисса между лидерами обеих своих фракций[72]. Но, в действительности, никакого компромисса не было. Комитет получил от своих противников серию тяжелых ударов. 17 мая по решению военного суда после яростного обмена взаимными выпадами были закрыты оба главных печатных органа: «Танин» — Комитета и «Танзимат» — оппозиции. И хотя обе газеты скоро стали вновь выходить под другими названиями, сам факт того, что Комитет не смог противостоять решению военного суда, воспринимался как его безусловный проигрыш военным[73].

Все это говорило об утрате Комитетом полного контроля над палатой, в незыблемости которого никто не сомневался еще год назад, и об ослаблении его позиций в политической жизни страны в целом. При этом главной особенностью переживаемого момента было расслоение самого Комитета и формирование внутри него оппозиционного крыла, крайне неоднородного по составу. Это была смесь оппортунистического «болота» и честных депутатов–противников коррупции. В критические моменты голосования вотума доверия кабинету большинство депутатов подчинялось партийной дисциплине, но в другие периоды старалось всячески досадить руководству Комитета и его активистам. Самой же опасной тенденцией для Комитета было наметившееся формирование широкого фронта оппозиции в результате объединения противников внутри Комитета с другими его противниками в палате, включая представителей клерикальной реакции, а также с младшим и средним офицерством, ранее поддерживавшим Комитет, а теперь начавшим переходить на сторону оппозиции. Армия отходила от политической роли третьей силы, стоящей вне политики, и начинала активно в нее вмешиваться. В центре этих событий по-прежнему находился полковник Садык.

19 мая 1911 г. Садык-бей выступил с призывом сделать Комитет наднациональным органом, объединяющим всех османов без различия расы и веры[74]. Офицеры призывались не участвовать в политике и не становиться орудием в руках политиканов. В заключение Садык-бей выражал свое намерение уволиться из армии. В действительности, как отмечала стамбульская газета «Османишер Ллойд» (фактичес-

---

[71] Заметим, опять-таки не «македонец»! У нас накапливается все больше фактов для обоснования тезиса о противостоянии Комитета и оппозиции во многом как противостояние «Македонии» и «Азии». Впрочем, этот вопрос выходит далеко за рамки данной главы.

[72] Turkish Committee Party: New President Elected // The Times. 15 May 1911. P. 7.

[73] The Suspension of Turkish Newspapers: Two New Journals // The Times. 20 May 1911. P. 7.

[74] Данный призыв был вызван не столько интернационализмом Садык-бея, сколько его стремлением растворить Комитет в системе официальных институтов власти. Мандельштам, однако, считает его программу «столь же неясной и туманной, как и 10 пунктов диссидентов» // *Мандельштам А. Н.* Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. М., 1915. С. 24.

inslav

кий официоз германского посольства, издаваемый на его средства), целью полковника Садыка «было, как раз, обеспечить участие офицеров в политике, но только в соответствии с его собственными политическими взглядами»[75].

«Гарант конституции» Махмуд Шевкет-паша почувствовал, что маятник качнулся в другую сторону, и почва уходит из-под ног. 24 мая он издал приказ по офицерскому корпусу, категорически запрещавший офицерам участвовать в политике. «Прежнее активное участие армии в политике вызывалось необходимостью, — говорилось в нем. — Революция закончилась, конституционный режим укрепился, и это устраняет причины для вовлечения офицеров в политику». Приказ заканчивался угрозой суровых наказаний офицерам, продолжавшим заниматься политической деятельностью[76].

29 мая полковник Садык был вынужден подать рапорт об увольнении из армии[77]. Он немедленно вернулся из Салоник в Стамбул, где опять многочисленная депутация офицеров из военного министерства, включая одного из адъютантов министра, организовали ему торжественную встречу. Чествование Садык-бея резко отличалось от визита Талаата в Салоники, во встрече которого офицеры местного гарнизона демонстративно не участвовали. Симпатии армии перешли на сторону диссидентов внутри Комитета[78].

Завершение парламентской сессии 4 июня 1911 г. было сенсационным. Впервые парламент разошелся на каникулы, не приняв закона о бюджете и не урегулировав своих отношений с правительством, что произвело весьма тягостное впечатление в обществе[79]. Махмуду Шевкет-паше также не удалось добиться выделения военному министерству повышенных военных кредитов. Кризис нарастал по всему фронту экономических и политических проблем. Венская газета «Нойе Фрайе Пресс», имевшая широкое хождение в Стамбуле, выразила уверенность, что Камиль-паша в скором времени сменит Хакки-пашу на посту великого визиря. Содержание этой статьи было изложено в «Таймс» под заголовком «Грехи “Молодой Турции”»[80]. Над младотурецким режимом начинали сгущаться тучи, и тон европейской прессы становился все более враждебным в отношении КЕП.

В начале июля произошел первый контакт генерала Назим-паши с руководством Комитета. Назим-паша, по мнению Кансу, решил воспользоваться расхождениями между Махмудом Шевкет-пашой и

---

[75] Eine Erklärungdes Obersten Sadyk Bej // Osmanischer Lloyd. 21 Mai 1911. S. 1.
[76] The Turkey Army and Politics // The Times. 25 May 1911. P. 7.
[77] Sadyk Bej // Osmanischer Lloyd. 7 Juni 1911. S. 1.
[78] Turkish Politics: The Army and the Committee // The Times. 2 June 1911. P. 5.
[79] *Kansu A.* Politics… P. 245.
[80] The Sins of “Young Turkey” // The Times.7 July 1911. P. 5.

inslav

руководством Комитета, чтобы получить пост великого визиря или хотя бы военного министра. Комитет ничего не обещал, но заверил Назим-пашу, что не имеет предубеждений против него лично[81]. Возможно, что летом 1911 г. так оно и было.

В разгар политического кризиса, 28 сентября 1911 г., Турция неожиданно получила итальянский ультиматум со сроком в 24 часа об уступке африканских провинций. Ни один османский кабинет не мог пойти на это, не рискуя немедленно пасть. Проблема заключалась не только в имперском суверенитете в целом, но и в отношениях с арабскими провинциями, которые уже подвергались серьезным испытаниям[82]. Хакки-паша подал в отставку, и, после отказа Камиль-паши принять печать великого визиря, ее 30 сентября принял Мехмед Саид-паша по прозвищу «Малыш». Это был его восьмой визират[83]. Последний раз он занимал этот пост в первые месяцы революции. Один из лидеров либералов, Махмуд Мухтар-паша, в своих мемуарах писал, что Саид-паша «не вполне соответствовал требованиям, предъявляемым обстоятельствами»[84]. Тем не менее, он пробыл на своем посту без малого год, притом в весьма сложный период — от начала войны с Италией до кануна Балканских войн, когда полное несоответствие требованиям момента продемонстрировали именно либералы.

Кабинет, сформированный Саид-пашой, в Стамбуле называли «довольно бесцветным»[85], «состоящим из людей, о которых бытует мнение, что они не испытывают симпатий к экстремистам Комитета, а сам кабинет — это не более, чем “деловой кабинет”»[86]. Однако рассмотрев состав кабинета Саид-паши, мы вынуждены признать подобное сложившееся в историографии представление недоразумением[87]. Комитет контролировал ключевые посты кабинета, которые занимали либо его члены, либо достаточно лояльные к нему лица за исключением, как покажет будущее, морского министра Хуршид-паши.

---

[81] Кансу ссылается в данном случае на воспоминания Мехмеда Джавида (Ялчына). Необходимо, однако, иметь в виду, что свидетельства младотурок о Назим-паше — это свидетельства не просто его политических противников, а его убийц, пытающихся замести следы. Оценки самого Кансу: «политический оппортунист, монархист» — также требуют доказательств // *Kansu A.*Politics… P. 249. Ахмад, например, оценивает личность Назим-паши совершенно иначе // *Ahmad F.* The Young Turks… P. 175.

[82] *Ahmad F.* The Young Turks… P. 92–93.

[83] О Саид-паше см.: *Bayur Y.H.* Op. cit. Cilt II. Kısım I. S. 109; *Ahmad F.* The Young Turks… P. 95; *Kansu A.* Politics… P. 265. О его прошлой деятельности: *Claireville F.* Le Réformateur // L’Orient. 15 février 1902 (Bruxelles). P. 5; Les changements politique à Constantinople. Said Pacha, Grand-Vizir // Le Temps. 26 juillet 1908. P. 2.

[84] *Mouhtar Pacha M.* Op. cit. P. 139.

[85] *Bayur Y.H.* Op. cit. Cilt II. Kısım I. S.109.

[86] Lowther to Grey. No 224. Constantinople, October 1. 1911. F.O. 371/1251/38318. В современных терминах это следует понимать как «технический кабинет».

[87] Состав кабинета Саид-паши см.: Turkish Ministers and the Committee // The Times. 6 October 1911. P. 6.

inslav

Важной проблемой оставались отношения Комитета и Новой фракции. В условиях патриотического подъема, вызванного войной, лидеры диссидентов, не надеясь на принятие своих требований, согласились на компромисс. И хотя, по словам Б. Льюиса, «это была попытка заклеить трещину бумагой»[88], и значительное число диссидентов вышли из состава Комитета, все же война принесла ему и ощутимые выгоды. Ф. Ахмад оценивает их так: «В подобной политической ситуации можно только предполагать, что могло бы последовать, не объяви в конце сентября Италия войну Турции. Сколь бы губительна ни могла оказаться эта война для интересов империи, для Комитета она явилась божьей благодатью под личиной несчастья, и придала ему второе дыхание… Война предоставила Комитету шанс перейти в наступление на волне патриотизма и перехватить инициативу»[89].

Комитет перешел в наступление на оппозицию, радикально изменив свое отношение к статье 35-й конституции, регулировавшей порядок роспуска палаты. Эту статью Комитет считал «краеугольным камнем турецкого парламентаризма»[90]. Она отражала модель младотурецкого режима 1909–1910 гг. с его упором на законодательный орган власти, где Комитет имел большинство. Согласно старой конституции 1876 г., султан мог распускать палату при первом же вынесении ею вотума недоверия кабинету министров. Редакция 35-й статьи 1909 г. ограничила это его право ситуацией, когда палата дважды вступала в конфликт с двумя последовательно сформированными кабинетами и к тому же обусловливала роспуск палаты согласием сената. Теперь же проект очередного изменения 35-й статьи вновь давал султану право роспуска палаты в случае ее конфликта только с одним министерством, а рассмотрение вопроса сенатом вообще не было обязательным и передавалось на усмотрение монарха.

При внесении 13 декабря законопроекта в палату Комитет и Саид-паша действовали заодно, о чем свидетельствует ироническое замечание последнего, что «это соответствует теориям оппозиции»[91]. В самом деле, 9-й пункт апрельской программы оппозиции «10 пунктов» предусматривал «укрепление султаната и халифата», то есть верховной власти султана[92].

---

[88] *Lewis B*. The Emergence of Modern Turkey. London, 1961. P. 216. Отметим, что 31 мая 2016 г. одному из основоположников британской ориенталистики проф. Бернарду Льюису исполнилось 100 лет. Хороший повод выразить чувства признательности и восхищения выдающемуся ученому. Http://www.meforum.org/6058/bernard-lewis-at-100(05.06.2016).

[89] *Ahmad F.* The Young Turks… P. 91.

[90] *Мандельштам А. Н.* Указ. соч. С. 18.

[91] The Turkish Cabinet and the Constitution: Proposed Modifications // The Times. 14 December 1911. P. 5; *Мандельштам А. Н.* Указ. соч. С. 25.

[92] *Lewis B*. Op. cit. P. 216; *Ahmad F.* The Young Turks… P. 88.

inslav

Политический смысл этого маневра Комитета состоял в следующем: 1) в условиях ослабления своих позиций в палате в результате укрепления оппозиции, в том числе за счет расслоения в его собственных рядах, он пошел на перераспределение баланса сил от законодательной к исполнительной власти; 2) он также поступался частью своих фактических властных полномочий в пользу султана, к тому времени утратившего всякое значение, вновь придавая ему определенный вес. В силу этого, важными задачами Комитета оставалось сохранение контроля над кабинетом и укрепление своей внутренней дисциплины. Эта новая стратегия была принята на конгрессе Комитета в Салониках в 1911 г.[93].

Двумя другими факторами, влияющими на внутреннюю политику Комитета, были отношения с армией и национальными движениями. Столкнувшись с отходом младшего офицерства и перехода значительной его части на сторону оппозиции, Комитет снова приступил к созданию тайных организационных структур, на этот раз в основном гражданских, но включавших в себя и часть оставшегося ему верным офицерства. Не последним средством в их арсенале был возобновившийся террор. 10 июля 1911 г. в Стамбуле произошло очередное громкое заказное убийство оппозиционного журналиста Зеки-бея, противника Комитета и друга Измаила Кемали, лидера оппозиции и одной из фракций албанского движения[94].

В условиях все более открыто проявляющегося вооруженного противостояния с национальными движениями, Комитет не мог больше придерживаться принципа паритетного представительства и выделять национальным депутатам до половины мест в парламенте. Новые выборы должны были обеспечить Комитету абсолютное преобладание в палате. Комитет твердо нацелился на досрочный роспуск палаты, весьма обеспокоенный победой оппозиции на дополнительных выборах в Стамбуле 11 декабря 1911 г.

Эти выборы и их результаты явились проявлением сразу нескольких тенденций во внутриполитической жизни Турции того времени: 1) ослабления позиций Комитета, о чем свидетельствовало назначение министра иностранных дел Рауф-паши послом в Париж, вызвавшее необходимость проведения самих выборов; 2) окончательной консолидации оппозиции, выразившейся в образовании новой партии «Свобода и согласие», включившей в себя все политические партии, фракции и группировки, противостоящие Комитету; 3) ухудшения отношений Комитета и национальных движений, проявившегося в их поддержке его противников.

---

[93] Constantinople Letter // The Near East. 20 December 1911. P. 191.

[94] The Murder of Zeki Bey: A Third Arrest // The Times. 13 July 1911. P. 5; The Salonica Committee and the Crime // The Times. 13 July 1911. P. 5; The Murder of Zeki Bey: Responcibility for the Crime // The Times. 14 July 1911. P. 5.

inslav

Кандидатом Комитета был новый министр юстиции Мемдух-бей. Его противником — Тахир Хейреддин-бей, сын бывшего великого визиря Тунуслу Хейреддин-паши (визират 1878–1879 гг.), видного политического деятеля османского Туниса, одного из либералов и реформаторов первой волны. В коллегии выборщиков после проведения выборов первого этапа было 394 выборщика. Из них за Тахира Хейреддин-бея отдали голоса 196 человек, за Мемдух-бея — 195. Независимые кандидаты Сефик-бей и Семсиддин-бей получили два и один голоса соответственно. Таким образом, кандидат партии «Свобода и согласие» победил с перевесом всего лишь в один голос. Отличительной чертой выборов было то, что в ходе второго этапа выборов греческие и армянские выборщики практически единогласно, за единичными исключениями, проголосовали за кандидата партии «Свобода и согласие»[95].

Но внесением законопроекта 13 декабря Комитет взял реванш за поражение на выборах, хотя были серьезные сомнения, что поправки будут приняты депутатами и одобрены сенатом. Младотурки[96] не могли набрать двух третей голосов, поскольку либералы голосовали против, а «независимые» депутаты воздерживались от голосования. Либералы предлагали торг: поддержка кабинета Саид-паши за отмену поправки к 35-й статье. Они предлагали сохранить Саид-пашу во главе кабинета, но все остальные министры должны были быть заменены. Комитет отверг эти предложения, так как твердо решил добиться роспуска палаты любой ценой[97].

Либералы и их союзники: греки и албанцы, «независимые», а также армянские депутаты, не порывавшие своего союза с Комитетом, но и не участвующие в голосовании, не позволяли создать кворум. Для него требовалось наличие 140 депутатов, но в зале заседаний постоянно присутствовало не более 130. Остальные слонялись по коридорам, курили и пили кофе. Столкнувшись с обструкцией оппозиции, Саид-паша подал вечером 30 декабря прошение об отставке[98]. Но всем было ясно, что никакая другая кандидатура вместо него не пройдет.

В последний день уходящего года султан обратился с посланием к «независимым», объединившимся во фракцию, требуя прекращения парламентской обструкции. Вновь начались переговоры и торги между фракциями, не приведшие ни к какому результату. Все яс-

---

[95] A Constantinople Election: Success of the New Party // The Times. 13 December 1911. P. 6.

[96] С образованием партии «Свобода и Согласие» (Хурриет ве Иттиляф), противостоящей Комитету «Единение и Прогресс» (Иттихад ве Терркаи), стало возможным называть членов последнего младотурками в узком смысле, а их противников — либералами.

[97] Turkish Parties and the Grand Vizier: The Modification of the Constitution // The Times. 27 December 1911. P. 3.

[98] Parliamentary Crisis in Turkey: Statement by the Grand Vizier; Parliamentary Crisis in Turkey: Resignation of the Cabinet // The Times. 1 January 1912. P. 5.

inslav

нее становился неизбежный исход кризиса в виде роспуска палаты[99]. 2 января 1912 г. был сформирован новый кабинет Саид-паши[100]. Это был тот самый необходимый Комитету второй кабинет, конфликтующий с палатой, который требовался согласно действующей редакции 35-й статьи для ее роспуска. Сразу же после сформирования нового кабинета младотурки вынесли на рассмотрение палаты поправки к 35-й статье. «Очутившись перед дилеммой, или принять изменение 35-й статьи конституции (и быть устраненной в ближайшем будущем. — *Р. С.*), или быть устраненной путем немедленного роспуска, оппозиция выбрала последнее и отвергла правительственный законопроект»[101].

Голосование палаты состоялось 13 января. Как и ожидалось, оно закончилось поражением кабинета и Комитета, не набравших двух третей голосов: было подано 124 голоса «за» и 105 «против», но это было именно то, чего они добивались[102]. 15 января султан направил в сенат указ, извещавший о предстоящем роспуске палаты и запрашивающий его мнение. Создав комиссию и обсудив все за и против, сенат решил, что лучше распустить палату, чем бесконечно затягивать борьбу и противопоставлять сенат Комитету, великому визирю и султану, которые ясно высказались за роспуск. 17 января большинством в 39 голосов при 5 против и одном воздержавшемся сенат проголосовал за досрочный роспуск палаты[103].

18 января 1912 г., во второй раз в турецкой истории после 11 февраля 1878 г., османский парламент был досрочно распущен султанским указом[104].

Политический кризис 1912 г. и отстранение Комитета от власти

а) «Выборы большой дубинки» и «пронунсиаменто» 5 августа

Выборы весной 1912 г. вошли в историю Турции под названием «выборы большой дубинки»[105]. В сущности, это некритичная аллюзия названия, данного внешней политике президента США Т. Рузвельта в Латинской Америке. По-турецки же этот термин лучше переводить как «выборы из-под палки».

---

[99] The Political Deadlock in Turkey: A Government Proclamation // The Times. 2 January 1912. P. 3.

[100] New Turkish Cabinet // The Times. 4 January 1912. P. 3.

[101] *Мандельштам А. Н.* Указ. соч. С. 27.

[102] Rejection of the Government Measure // The Times. 15 January 1912. P. 5.

[103] Turkish Chamber to be Dissolved: Imperial Message to the Senate // The Times. 16 January 1912. P. 8; The Dissolution of the Turkish Chamber // The Times. 17 January 1912. P. 5.

[104] The Turkish Parliament: Expected Dissolution Today // The Times. 18 January 1912. P. 5; The Turkish Chamber: Work of the Past Session // The Times. 19 January 1912. P. 5.

[105] *Lewis B.* Op. cit. P. 218.

inslav

На самом деле, Комитет в ходе выборов использовал, конечно, не палку, а свой «административный ресурс». Еще в период избирательной кампании младотурки в полной мере обратили в свою пользу запретительные нормы Закона о печати и Закона о собраниях[106]. Либералы мало что могли им противопоставить. Их самым сильным козырем было письмо Камиль-паши султану из Египта от 11 декабря 1911 г., в котором тот, вдохновленный теплым приемом, оказанным ему новым британским королем Георгом V, обрушился с гневной критикой на политику Комитета. Но «пиар-эффект» от этой акции был крайне слаб, и младотурки легко отразили ее с присущим им политическим цинизмом. «Голос из могилы» — так называлась передовая «Танин», комментировавшая письмо Камиль-паши[107].

Сами выборы тоже были отрежиссированы. Из 284 мест в палате Либеральному согласию досталось лишь несколько. По поводу результатов выборов в вилайете Монастир, где из 10 мест 9 досталось младотуркам, британский вице-консул Морган докладывал: «Мне нет необходимости говорить, что все законные и незаконные средства были использованы, чтобы получить такой результат»[108]. Формально Комитет располагал в парламенте подавляющим большинством, однако вскоре оказалось, что это большинство обманчиво.

Новый парламент собрался 18 апреля 1912 г. В нем Комитет провел изменения в конституцию в желательном для себя толке, не подозревая, что и с ним в новой политической ситуации могут поступить таким же образом. 22 июня палата приняла изменения в 7-ю статью. Именно эта статья и сыграла свою злополучную роль в перевороте, который произошел ровно через месяц. 24 июня палата, наконец, одобрила и изменения в 35-ю статью[109]. Тем временем, на пост председателя палаты был «избран» Халил-бей, председатель парламентской фракции Комитета[110]. Пост министра финансов вновь занял Джавид. Другие перестановки в кабинете не имели принципиального характера, он оставался полностью прокомитетским[111].

Дело оппозиции казалось полностью проигранным. На конституционном поле, хотя и с нарушениями правил, Комитет полностью ее переиграл: в его руках были теперь и палата, и кабинет. У оппозиции оставался только один выход — поднять планку неконституцион-

---

[106] Lowther to Grey. No. 230 con. Constantinople, 20 Mar. 1912. F.O. 371/1493/12552; Same to same. No. 235 con. Constantinople, 20 Mar. 1912. F.O. 371/1493/12557.

[107] *Lewis B.* Op. cit. P. 217–218.

[108] Morgan to Lowther. Monastir, 18 May 1912 // Lowther to Grey. № 435 con. Constantinople, 24 May 1912. F.O. 371/1495/23463.

[109] *Bayur Y.H.* Op. cit. Cilt II. Kısım I. S. 244.

[110] Presidensy of the Turkish Chamber // The Times. 16 May 1912. P. 5.

[111] The Turkish Cabinet: Cause of the Finance Minister's Rasignation // The Times. 25 May 1912. P. 5; The Turkish Cabinet: Reported Differences // The Times. 31 May 1912. P. 3.

inslav

ных действий на еще более высокий уровень. И здесь на помощь ей пришло новое албанское восстание (а вернее, очередной всплеск старого)[112].

И все же главной ударной силой оппозиции были не албанские повстанцы, а армия. К этому времени аморфное образование Военная лига преобразовалась в боевую организацию «Офицеры-спасители Отечества»[113]. В ночь с 22 на 23 июня в армейских гарнизонах вокруг Монастира началось восстание. Капитан Таяр-бей Тетова, албанский офицер из Дибера, покинул казармы в Бистрице в трех милях от Монастира, уведя с собой несколько офицеров, около 70 солдат с пулеметами и прихватив кассу в сумме 1000 турецких лир. В составе его отряда были не только албанцы, но и турки, а также христиане из Дибера и Прилепа[114].

События до боли напоминали ситуацию четырехлетней давности — снова младшие офицеры-повстанцы со своими ротами и батальонами уходили в горы. Только на этот раз их противником был не авторитарный султанский режим, а Комитет, установивший в стране конституционное правление, но растерявший доверие и авторитет. В сущности, рейд Таяр-бея 1912 г. был полным повторением рейда Ниази-бея 1908 г., но история уделила им разные места на своих страницах: одному — роль героя и славу, другому — мятежника и забвение.

1 июля Махмуд Шевкет-паша внес в палату законопроект, предусматривавший суровые наказания офицерам за участие в политике, и произнес гневную речь. Но время было упущено. Нужно было не произносить речи, а во главе остававшихся верными частей подавить мятеж. Но и это уже было сделать непросто. Части Измирской армии Абдулла-паши отказались выполнять приказы правительства. Это опять напоминало события 1908 г.: и тогда практически вся армия была проникнута революционным духом и антисултанскими настроениями, и в 1912 г. корпоративная солидарность офицерского корпуса, преобладавшая над разногласиями внутри него, также не позволяла правительству принять жесткие меры по подавлению мятежа.

Двусмысленная и слабая политика Махмуда Шевкет-паши, не сумевшего удержать армию от участия в политике и предотвратить даже в условиях действия военного положения формирование консервативной оппозиции, положила конец негласному соглашению между ним и Комитетом[115] и временно свела на нет активную поли-

---

[112] О связях вождей албанских повстанцев с лидерами Либерального союза и с офицерами-мятежниками см.: *Kansu A.* Politics… P. 381–382.

[113] *Andonyan A.* Balkan Savaşı. İstanbul, 2002. S. 176; *Bayur Y.H.* Op. cit. Cilt II. Kısım I. S. 255–256.

[114] Monastir Mutiny: Politicaland Military Movement — Fighting with the Insurgents // The Times. 27 June 1912. P. 8.

[115] Как вскоре выяснится, не навсегда.

inslav

тическую роль «мягкого диктатора» и «гаранта конституции». Ночью 9 июля Махмуд Шевкет-паша подал в отставку. С этого события начался обвал позиций Комитета. Быстро найти замену Махмуду Шевкет-паше не удалось. Временно его должность исполнял морской министр Хуршид-паша, бывший адъютант султана и, как вскоре выяснилось, участник заговора оппозиции.

Великий визирь Саид-паша провел переговоры с Назим-пашой. Последний в качестве одного из условий потребовал для себя пост Верховного главнокомандующего. Это было очень необычным требованием для османской военной системы. Формально этот пост принадлежал падишаху. Занятие его Назим-пашой поставило бы его выше даже прежнего статуса Махмуда Шевкет-паши. Генералы явно рвались к власти, но что в действительности планировал для себя Назим-паша, так и осталось неизвестным. Бывший морской министр Махмуд Мухтар-паша тоже отклонил предложение занять должность, но было видно, что он продолжает колебаться. Кансу утверждает, что «паши определенно все это время действовали в сговоре, и их постоянные отказы поставили поддерживаемый младотурками кабинет Саид-паши в исключительно трудное положение»[116].

Развязка правительственного кризиса наступила 16 июля, когда неожиданно подал в отставку Хуршид-паша. В разгар войны с внешним врагом, внутреннего восстания и мятежа в армии правительство осталось без военного руководства. Считают, что уход Хуршид-паши был провокацией, призванной опередить возможное изменение решения Махмуда Мухтара и сохранение кабинета Саид-паши. Теперь это было уже невозможно.

17 июля кабинет Саид-паши подал в отставку в полном составе, всего через два дня после того, как получил подавляющим большинством голосов вотум доверия палаты. Но не палата уже определяла ход политических событий. Произошла очередная перестановка центров силы и источников реальной власти. На политическую арену открыто выступила армия.

18 июля Военная лига вручила свой ультиматум Хуршиду и Назиму пашам[117]. Хуршид-паша представил его на рассмотрение кабинета. Талаат и другие министры убеждали его применить силу против мятежников, но он отверг эти планы и рекомендовал представить ультиматум на рассмотрение султану. С этим согласился и Назим-паша, который отказался прибыть в Порту по этому поводу, будучи вызванным Саид-пашой. В период июльского кризиса 1912 г.

---

[116] *Kansu A.* Politics… P. 391; *Mouhtar Pacha M.* Op. cit. P. 158–159.

[117] Хуршид-паша уже подал в отставку // *Kansu A.* Politics… P. 393. Далее изложение событий у Кансу очень противоречиво в части дат и фактов, с опорой на спорные источники. Мы излагаем ход событий по корреспонденциям «Таймс».

inslav

протокольные и процедурные моменты играли важную политическую роль — за их внешней формой скрывались весьма существенные внутренние факторы.

Накануне падения младотурецкого режима расстановка политических сил и центры власти выглядели следующим образом: 1) армия, в которой большинство офицеров уже были сторонниками либералов; 2) Порта, в которой паши — представители старой элиты — все более набирали политический вес; 3) Комитет, напротив, стремительно его терявший и переходивший в оборону; 4) партия «Свобода и согласие», не составлявшая единого целого, не имевшая прочного внутреннего ядра и представлявшая собой полуширму-полурычаг для албанских сепаратистов; противников Комитета, жаждавших свести с ним счеты; пашей Порты и восходящей «сильной личности», генерала Назим-паши; 5) султан Мехмед V Решат, который, вопреки расхожему мнению, не только не был «политической куклой», но и проявил себя весьма достойно в критический момент истории страны.

В Турции фактически произошел *пронунсиаменто*. Хуршид-паша как бывший адъютант султана лично отправился во дворец и передал ультиматум мятежников. Султан потребовал, чтобы кабинет выпустил примирительное заявление, адресованное недовольным офицерам. Кабинет подготовил проект такого заявления и представил его султану для одобрения. Но той же ночью Назим и Хуршид паши удалили из одобренного султаном текста заявления все упоминания о наказаниях, которые ждут восставших офицеров. Власть ускользала из рук ее предержащих или сознательно из них выбивалась.

Султан поручил формирование кабинета Тефик-паше, послу в Лондоне, который уже занимал пост визиря в критические дни мятежа 1909 г. В заявлении султана говорилось, что на основании консультаций с обеими палатами он поручил сформировать кабинет Тефик-паше из числа опытных государственных мужей, и что этот кабинет будет свободен от любого внешнего влияния[118]. Конечно, это была иллюзия — власть переходила в руки либералов. Однако Тефик-паша отклонил предложение. Тогда на пост великого визиря был назначен Гази Ахмед Мухтар-паша[119].

Кабинет Гази Ахмеда Мухтар-паши был сформирован 21 июля 1912 г.[120]. В историю он вошел под разными именами. Либералы называли его «Великим кабинетом» на том основании, что в его состав вошли три бывших великих визиря: Дамад Ферид, Хильми и Камиль

[118] The Sultan and the Crisis: Said Pasha's Resignation // The Times. July 19 1912. P. 5.

[119] Культовая фигура русско-турецкой войны 1877–1878 гг., получивший вместе с Осман-пашой титул «Гази» – победоносный. Командовал войсками на Кавказском фронте, руководил обороной Карса.

[120] New Turkish Cabinet: Mukhtar Pasha Grand Vizier // The Times. July 22 1912. P. 5; The Turkish Cabinet: A Blow to the Extremists // The Times. July 23 1912. P. 5.

inslav

паши. Отстраненные от власти младотурки называли его «кабинетом мести»[121]. Политически нейтральные наблюдатели дали ему ироничное название «кабинета отца и сына» по причине присутствия в составе кабинета сына визиря Махмуда Мухтар-паши в качестве морского министра[122]. Но и современники, и историки высказывали мнение, что Ахмед Мухтар-паша был не более чем временной фигурой, предназначенной для открытия дороги к власти старому противнику Комитета Камиль-паше, который, по словам Байюра, и был его «духовным лидером»[123].

«Великий кабинет» с самого начала был очень нестабилен. С первых же дней его существования произошла целая серия отставок и перестановок министров[124]. Для всех было очевидно, что Комитет, обладая подавляющим большинством в новой палате, постарается предельно осложнить деятельность либерального кабинета, пришедшего к власти на волне угрозы военного путча. Однако этого не произошло, и новая палата продолжала вести себя в отношении и Комитета, и его противников столь же двусмысленно, как и распущенная старая. На вопрос, почему прокомитетская палата с порога не отвергла консервативный кабинет старых пашей, выразив ему вотум недоверия, есть только один ответ — депутаты сами устали от диктата и произвола Комитета не менее его противников, во-первых, и от нарастающей неопределенности: война, восстание, мятеж — во-вторых.

30 июля кабинет Ахмеда Мухтар-паши получил вотум доверия палаты 112 голосами против 44[125]. В какой-то степени депутаты находились под давлением военных[126]. Но в основном мы остаемся при своем мнении, высказанном выше. Процесс дезинтеграции прежде единого и представительного Комитета зашел слишком далеко. Борьба шла не только между партиями, но и между «верхами» и «низами» в самом Комитете. Недовольных же улавливали в свои сети либералы.

Так, параллельно с правой оппозицией в рядах Комитета сложилась левая «Фракция прогрессистов» или «обновленцев» под руководством Лютфи Фикри-бея, бывшего активиста Комитета, участника многих оппозиций[127]. Хотя «обновленцам»[128] не удалось обеспечить

---

[121] *Kansu A.* Politics… P. 398.

[122] *Lewis B.* Op. cit. P. 220. Note 43.

[123] *Bayur Y.H.* Op. cit. Cilt II. Kısım I. S. 289.

[124] The Turkish Crisis: Cabinet Changes and Appointments // The Times. 29 July 1912. P. 5.

[125] The Turkish Crisis: The Cabinet and the Chamber // The Times. 31 July 1912. P. 5.

[126] The Grand Vizir and the Public Order: Police Under Military Officers // The Times. 24 July 1912. P. 5; The Turkish Chamber: Threatening Letter from the Military League // The Times. 26 July 1912. P. 5.

[127] *Kohn H.* A History of the nationalism in the East. London, 1929. P. 235; *Tunaya T.Z.* Op. cit. S. 187. Кон относит ее возникновение к концу 1912 г., но это маловероятно. Тунайя говорит, что фракция «Хизби Теракки» сложилась в то же время, что и «Хизби Джедид» (Новая фракция), т. е. в начале 1911 г.

[128] Благодарю А. А. Леонтьеву за помощь в осмыслении термина «*Müceddidin*».

inslav

себе массовую поддержку и круг их сторонников ограничивался самой передовой частью турецкой интеллигенции, их программа являлась, пожалуй, высшим достижением либеральной политической мысли эпохи младотурецкой революции и в наибольшей степени ориентировала страну на развитие по современному европейскому пути.

Вот выдержка из преамбулы их программы: «Партия поддерживает принципы народного суверенитета и парламентского правления как его естественного воплощения. Партия считает своим патриотическим долгом обеспечение оттоманам и турецкой нации[129] полной возможности участвовать в материально-духовном прогрессе Европы с тем, чтобы отличия оттоман от других европейских наций в социальном плане были не больше различий между двумя любыми европейскими нациями. При выработке проектов любых законов, особенно уголовного, коммерческого и гражданского кодексов, законодательный орган должен пользоваться полной свободой. Он может заимствовать любые законы из любого источника, если сочтет их подходящими. В этом вопросе он обладает абсолютным правом, никакие традиции прошлого не должны его ограничивать. Единственной целью партии является установление в империи светского правления, которое обеспечит счастье и благополучие народа в пределах нынешних границ Турции и вернет стране молодость и силу на основе принципов свободы, мира и безопасности. В то же время партия твердо отвергает вредные теории национального или религиозного империализма и отказывается приносить им в жертву благосостояние страны и кровь ее народа»[130].

Вчитываясь в букву и проникаясь духом программы «обновленцев», начинаешь понимать, что кемализм 1920-х годов, действительно, возник не на пустом месте и являлся не просто национальной реакцией на иностранную интервенцию. Как идейное течение он был исподволь взращен в ходе многолетней политической борьбы эпохи младотурецкой революции, а как политическое течение связан с нею тысячью нитями.

Правительство либералов сменило руководство полиции и гарнизона столицы, а главное — отменило военное положение. Была также объявлена всеобщая политическая амнистия[131]. Но своей главной задачей либералы считали роспуск «незаконной» палаты и проведение новых выборов. В ответ на это македонские активисты Комитета завалили великого визиря телеграммами, в которых угрожали направ-

---

[129] Как видим, программе «обновленцев» тоже не удалось избежать противоречий в национальном вопросе.

[130] *Kohn H.* Op. cit. P. 235–236.

[131] The Turkish Cabinet: Marshal Law Suppressed // The Times. July 23 1912. P. 5.

inslav

лением в столицу десяти тысяч добровольцев, федаинов-смертников, если им будут предприняты шаги к роспуску палаты[132].

Либеральный кабинет решил воспользоваться для роспуска палаты не 35-й, как Комитет, а 7-й статьей конституции, изменив ее редакцию. Проект статьи разрешал султану распускать палату в случае чрезвычайных обстоятельств после консультаций с сенатом. Законопроект был внесен в палату и направлен в комиссию по пересмотру конституции[133]. Снова не был поставлен вопрос о вотуме недоверия правительству. Что-то явно было не так в отношениях Комитета и палаты, избранной по его прямому указанию.

Но правительство либералов, желая ускорить события, решило, как и младотурки полгода назад, действовать через посредство сената. 4 августа состоялось специальное закрытое заседание сената с участием правительства, на котором последнее утверждало, что 20 из 60 гарнизонов в Албании уже присоединились к повстанцам. Новый сенатор и бывший «гарант конституции» Махмуд Шевкет-паша протестовал, утверждая, что факты искажены. Но было уже поздно, маршал упустил свой шанс.

Сенат не прислушался к его доводам и приступил к созданию правовой основы нового переворота. Сначала была одобрена новая редакция статьи 7, а затем внесены изменения в статью 43, сократившие срок парламентской сессии до шести месяцев. После этого, создав легальные предпосылки, сенат перешел к действиям. Он принял постановление, что нынешний парламент является ничем иным как продолжением парламента 1908 г. и, следовательно, выборы 1912 г. считаются не имевшими силы. Далее на основании новой редакции статьи 43 было установлено, что палата значительно превысила сроки своей сессии и сенат поручает правительству распустить ее[134]. Игра была сыграна. Младотурки попались в свою же ловушку с произвольными изменениями статей конституции ради политической конъюнктуры. Вслед за военным путчем последовал конституционный переворот.

Председатель палаты Халил-бей отправился во дворец и буквально умолял султана не распускать палату. Но всё было напрасно, и в полночь был издан указ о ее роспуске. Только теперь палата, наконец, «очнулась» и наутро 5 августа вынесла вотум недоверия правительству. Но было уже поздно…

Однако уже в эти дни стихийно начала складываться новая ситуация, которая позже обернулась на руку Комитету. Либералы тоже

---

[132] The Turkish Cabinet and the Committee: Another Military Threat // The Times. July 27 1912. P. 5.

[133] Constantinople Letter // The New East. August 16 1912. P. 435.

[134] Против голосовали только пять сенаторов, включая бывшего лидера палаты Ахмеда Ризу и двух активистов Комитета: курце-влаха Бацарию и болгарина Тилкова. Махмуд Шевкет-паша воздержался. В этом был он весь // *Kansu A.* Politics… P. 406.

inslav

перегнули палку. В последней речи перед расходившимися депутатами Джавид заявил, что «на кону стоит нечто большее, чем только существование палаты, — это права всей нации»[135]. Тем же утром около 300 офицеров провели демонстрацию на Холме свободы, протестуя против роспуска палаты и требуя ареста и осуждения мятежников из Военной лиги[136]. Уже 9 августа 116 младших офицеров 3-й армии в Салониках подали совместную декларацию, призывавшую выступить на защиту конституции как в 1909 г. и осуждавшую тех офицеров, которые примкнули к албанскому восстанию во время войны с внешним врагом — Италией[137]. В армии снова начало складываться и укрепляться прокомитетское крыло, которое позднее станет рычагом его возвращения к власти[138].

Политическая борьба младотурок и либералов и средства, к которым прибегали обе стороны, неожиданно привели к восстановлению на короткий период власти султана, который вновь стал верховным политическим арбитром в сложной обстановке кризиса июля-августа 1912 г. Этому способствовали как откат конституционных реформ в виде повторного усиления полномочий исполнительной и верховной государственной власти, так и личность самого султана.

Следует признать, что, в отличие от своего российского *vis-à-vis* Николая II в 1905 и в 1917 гг., Мехмед V Решат оказался в 1912 г. на высоте своего положения и требований момента. Личность султана явно нуждается в переоценке относительно того карикатурного образа, который утвердился в отечественной историографии.

б) Балканская война и дальнейшее обострение внутреннего кризиса

С конца сентября на внутреннюю политику Турции в возрастающей степени стала оказывать влияние международная ситуация, а именно назревший Балканский кризис, чреватый войной. Державы вновь приступили к коллективному давлению на Турцию в вопросе реформ в Македонии, предъявив 30 сентября по этому поводу коллективную ноту[139]. Большой неожиданностью для либерального кабинета явилось то, что Англия выразила полное согласие с предлагаемой схемой реформ. Младотурки же заявили, что они рассматривают инициативу держав не только как нарушение суверените-

---

[135] *Andonyan A.* Op. cit. S. 178; *Bayur Y.H.* Op. cit. Cilt II. Kısım I. S. 296–300. Байюр, противник Комитета, критикует речь Джавида.

[136] *Uçarol R.* Gazi Ahmet Muhtar Paşa: Bir Osmanli Paşasive Dönemi. İstanbul, 1976. S. 334.

[137] *Kansu A.* Politics… P. 408.

[138] *Dyer G.* The origins of the “Nationalist” group of officers in Turkey 1908–18 // Journal of Contemporary History. 1973. Vol. 121. № 8. P. 128.

[139] Müşterek Nota // Tanin.13 Eylül 1328 / 30 Ekim 1912. S. 2.

inslav

та Турции, но и как возвращение в дореволюционную эпоху, когда державы просто предписывали режиму Абдул-Хамида, что делать в сфере реформ, а тот без сопротивления выполнял их указания. Ассоциация была пугающей, если не сказать зловещей.

1 октября в Стамбуле стало известно о начале мобилизации на Балканах[140]. 4 октября Комитет провел массовую демонстрацию в поддержку защиты национального суверенитета и против иностранного вмешательства. Из опасения, что почва уходит у них из-под ног, либералы 6 октября объявили о своем согласии провести реформы на основе проекта Закона о вилайетах 1880 г., одобренного в свое время Европейской комиссией по реформам, но так и не вступившего в силу.

Но 7 октября на площади перед зданием Порты произошла еще одна демонстрация, организованная Комитетом и состоявшая главным образом из софтов, студентов религиозного университета[141], под лозунгами: «Долой правительство!», «Не хотим реформ!», «Хотим войны!». Позже эта демонстрация послужила поводом к началу репрессий либералов против младотурок под предлогом якобы готовившегося последними путча. К толпе вышли великий визирь и его сын Махмуд. Махмуд Мухтар-паша произнес речь, в которой пытался доказать, что реформы в духе проекта 1880 г. — это не те реформы, которые навязывались Турции 23-й статьей Берлинского трактата, что проект отражает видение самой Турции, и что правительство «не даст себя запугать ни балканским государствам, ни буйным студентам»[142]. Великий визирь выступил в том же духе, а вскоре подоспевшие войска разогнали толпу. После этих событий и последовавших вечером беспорядков, а также с целью предвосхитить самое возможность выступления младотурок, правительство вновь ввело в столице военное положение.

На следующий день, 8 октября, Черногория, *agent provocateur* балканских стран, объявила Турции войну. Ход событий становился необратимым. 10 октября послы держав вручили Порте коллективную ноту с требованием немедленно приступить к обсуждению проекта реформ. Пытаясь выиграть время, Турция ответила, что она согласна на проект реформ от 1880 г. и в ближайшем будущем приступит к реформе управления в румелийских вилайетах. Но 13 октября правительства Болгарии, Сербии и Греции вручили султану[143] коллективную ноту.

---

[140] Передовая «Танин» 2 октября вышла под характерным заголовком: «Война?». Harb? // Tanin. Eylül 19, 1328 / Ekim 2, 1912. S. 1.

[141] Подобное единение софтов и младотурок, казалось бы, странное после событий 1909 г., должно еще раз предостеречь от упрощенных оценок политических процессов в Османской империи младотурецкой эпохи.

142 *Andonyan A.* Op. cit. S. 205–206.

[143] Именно султану, а не Порте, что являлось грубейшим нарушением дипломатического протокола и расчетливой провокацией.

inslav

К ней прилагался меморандум о принципах необходимых реформ. От Турции требовали полной автономии македонских провинций под управлением бельгийских или швейцарских губернаторов, введения пропорционального представительства всех национальностей в ее палате депутатов и создания независимой жандармерии. Для контроля над проведением реформ балканцы требовали создания особой комиссии, состоящей из равного числа христиан и мусульман и подчиненной не великому визирю, а послам великих держав и посланникам четырех балканских стран. Турция должна была ввести указанный режим в Македонии в течение 6 месяцев и отменить объявленную мобилизацию. Иначе балканские страны не ручались за последствия[144].

15 сентября Турция разорвала дипломатические отношения с тремя балканскими странами, а 17-го объявила войну Болгарии и Греции. В тот же день ей объявила войну Сербия.

Новый военный кризис, с которым столкнулась империя, невиданный по остроте со времен кризиса 1877 г., поначалу способствовал некоторому смягчению противоречий между младотурками и либералами. Турция вступила в войну, угрожавшую самому ее существованию, не имея ни парламента (распущенного 5 августа), ни работоспособного правительства, представляющего основные политические партии (младотурки были исключены из состава кабинета еще 21 июля). Кроме того, в самом либеральном кабинете 29 октября произошел правый консервативный переворот, приведший к образованию «либерального триумвирата»: великого визиря Камиль-паши, военного министра Назим-паши и министра иностранных дел Нурадунгяна-эфенди.

Уже через две недели после начала войны, Ахмеда Мухтар-пашу на посту великого визиря сменил старый противник младотурок, консерватор и англофил Камиль-паша. Это был его четвертый визират. Согласно некоторым источникам, Ахмед Мухтар-паша не собирался уходить в отставку, а был принужден к этому лидерами либералов[145]. Камиль-паша своим первым распоряжением отложил выборы на неопределенный срок, мотивируя это внешними и внутренними обстоятельствами. Но и без того вся полнота власти концентрировалась в его руках, поскольку Нурадунгян не был сильной фигурой, а все внимание военного министра Назим-паши было поглощено ситуацией на фронте.

Она же к концу октября стала катастрофической. После первого поражения на Фракийском фронте при Кырк-Килиссе 22–23 октября,

---

[144] *Dakin D.* The Diplomacy of the Great Powers and the Balkans states, 1908–1914 // Balkan Studies. 1962. № 3. P. 352.

[145] Sir Gerard Lowther to Sir Edward Grey. Constantinople, October 31, 1912. Correspondence Respecting the Turkish War. Part II. № 10263. London, 1913. P. 96.

inslav

грандиозное четырехдневное генеральное сражение при Люле-Бургасе — Бунар-Хиссаре 28–31 октября тоже закончилось поражением и отходом турецких войск. В ряде мест отступление носило беспорядочный характер и напоминало бегство.

3 ноября Порта поручила своим послам запросить у держав возможные условия прекращения военных действий. Ответ гласил — посредничество возможно, если Турция «полностью отдаст себя им в руки держав»[146]. 4 ноября кабинет согласился с этими условиями, но на арену вновь выступила армия. Камиль-паша собрал совещание генералов, на котором все высказались в пользу сопротивления до последней возможности[147]. Назим-паша отбыл к армии для подготовки к решающему сражению, которое должно было решить судьбу страны. Для Турции и для революции наступал момент истины.

В победу уже мало кто верил. 7 ноября, в отсутствие военного министра, перед Государственным советом был поставлен вопрос о перемирии. Было решено обратиться напрямую к болгарскому правительству с просьбой о перемирии, что и было сделано 12 ноября. Царь Фердинанд заявил в своей Главной квартире: «Камиль-паша обратился с предложением мира, но сама победа, одержанная нашей армией, препятствует началу переговоров»[148]. Именно такова была и формулировка ответа туркам. В опьянении от собственных успехов болгары даже не проинформировали о турецком предложении своих союзников. Вечером на приеме, устроенном в честь иностранных корреспондентов, заместитель главнокомандующего генерал М. Савов заявил: «Господа, через неделю Стамбул будет взят»[149].

16 ноября либеральный кабинет Камиль-паши начал кампанию арестов активистов Комитета[150]. Некоторым из его лидеров — Талаату, Джавиду и Джахиду (Ялчыну) — удалось скрыться. Поводом для арестов послужили слухи о якобы готовившемся Комитетом новом заговоре. Британское посольство, однако, докладывало Форинофис, что наиболее вероятная причина — это «стремление кабинета Камиля обеспечить себе свободу рук в ходе предстоящих мирных переговоров»[151]. Но уже 17–18 ноября произошло решающее сраже-

---

[146] F.O. 424/235. Sir G. Buchanan to Sir Edward Grey. St. Petersburg, November 4, 1912. Correspondence Respecting the Turkish War. Part II. № 10263. London, 1913. P. 68. Примечательно, что Д. Дейкин в своей монографической статье о дипломатии великих держав в период Балканских войн, вскользь говоря о запросе (причем, якобы о «перемирии»), вовсе не упоминает об ответе держав! Маститому филэллину стыдно? // См.: *Dakin D.* The Diplomacy of the Great Powers and the Balkan States // Balkan Studies. 1962. Vol. 3. № 2. P. 354.

[147] *Bayur Y.H.* Op. cit. Cilt II. Kısım II. S. 78–82.

148 www//httl:Balkansavasi.gen.tr/DoduOrdusuSavaslary/CatalcaSavasi.html (14.06.2003).

[149] Ibidem. Перевод с турецкого. Савов, скорее всего, называл город Константинополем или Царьградом.

[150] *Kansu A.* Politics… P. 428–429.

[151] F.O. 424/235. Sir Gerard Lowther to Sir Edward Grey. Constantinople, November 16, 1912. Correspondence Respecting the Turkish War. Part II. № 10263. London, 1913. P. 301.

inslav

ние при Чаталдже, в ходе которого болгарские атаки на укрепления, защищавшие столицу, были отражены, а на следующий день турецкие войска, перейдя в контрнаступление, отбили несколько деревень на южном фланге позиции. Турция устояла. О вступлении болгар в Стамбул речь более не шла; его интернационализация (по типу Шанхая), планы которой фактически начали осуществляться высадкой с иностранных кораблей отрядов морской пехоты, занявших ключевые посты в европейском квартале Пера[152], становилась невозможной. Внутренняя ситуация тоже начала разряжаться.

25 ноября военный суд приговорил часть арестованных к тюремному заключению за попытку путча, и аресты продолжались до начала декабря. Но в этот же день Назим-паша сменил состав суда[153], включив в него офицеров, пользовавшихся безупречной репутацией, и вскоре все арестованные были освобождены. Кансу говорит, что это было сделано под давлением оппозиции, но о каком давлении можно говорить, если все политическое поле было «зачищено», и либералы оставались полными хозяевами положения?[154] По нашему мнению, это было еще одним проявлением зарождавшейся тенденции, оборванной переворотом 23 января и убийством Назим-паши, — началом его соперничества с Камиль-пашой. Два медведя вряд ли могли ужиться в одной берлоге[155].

От Балканских войн к Мировой войне

а) Кризис либерального режима, младотурецкий переворот и установление диктатуры КЕП

Важной особенностью периода конца 1912 и 1913 гг. было тесное переплетение военных и политических проблем, с которыми столкнулась страна. Первые месяцы Балканской войны привели к краху турецкой армии и оккупации союзниками практически всей территории Европейской Турции. К декабрю 1912 г. турецкие войска продолжали удерживать только пять крепостей и укрепленных районов: Янину и Скутари в Албании, Адрианополь во Фракии и два плацдарма на побережье: на Чаталджийской позиции непосредственно перед Стамбулом и на Булаирском перешейке Галлиполийского полуострова.

---

[152] *Жогов П. В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912–1913 гг. М., 1969. С. 149–152; www//http:Balkansavasi.gen.tr/DoduOrdusuSavaslary/CatalcaSavasi.html (14.06.2003).

[153] Сформированного, кстати, еще Махмудом Шевкет-пашой, сторонником младотурок, в мае 1909 г.

[154] *Kansu A.* Politics… P. 431.

[155] В этой связи особый интерес представляет тот факт, что первые выстрелы 23 января 1913 г. произвел все-таки адъютант Камиль-паши Нафиз-бей. Не было ли это попыткой направить события в нужное русло? Ввиду отсутствия достоверных данных это остается пока только предположением.

inslav

В день начала войны с балканской коалицией Турция, наконец, заключила мир с Италией, уступив ей свои африканские владения. Турецкие офицеры-добровольцы, воевавшие в Африке, возвращались домой, где их ждал новый фронт. Они активно включались в боевые действия по защите оставшихся у турок плацдармов. Кемаль и Фатхи организовали оборону Булаирской позиции; Энвер стал начальником штаба Чаталджинской армии. Прибытие османских офицеров явилось не только военным, но и важным политическим фактором. Руководством младотурок уже был взят курс на возвращение к власти путем военного переворота. Прибытие офицеров-младотурок придало этим намерениям новую энергию[156].

Одной из главных особенностей этого периода младотурецкой революции было появление на ее шахматной доске новой сильной фигуры — Энвер-бея. Во все годы своего отсутствия в столице, сначала находясь в Берлине в качестве военного атташе, а затем в Африке, Энвер продолжал оставаться членом Центрального комитета младотурецкой партии. Теперь же наступал его поистине звездный час, который должен был вывести его на авансцену истории.

Перед Энвером стояло два вызова судьбы, как он их понимал: защита отечества от торжествующего врага и возвращение своей партии к власти, а себя — к активной политической жизни. Позднее в отчете британского военного атташе в Турции полковника Канлифф-Оуэна за 1913 г. отмечалось, что действия Энвера «были, вероятно, в равной степени внушены ему как тем, что он считал интересами страны, так и личными амбициями»[157]. Вернувшись из Киренаики, Энвер был преисполнен веры в свое высокое предназначение, в свою миссию спасения родины, в «свою звезду». В его характере в полной мере проявились черты «наполеоновского комплекса».

При всей катастрофичности развития для турок военной ситуации, определяющей для их перспектив была, однако, победа, одержанная ими при Чаталдже. Она вынудила балканские страны согласиться на заключение 12 декабря перемирия и передачу вопроса мирного урегулирования в руки Европы. Турки понимали, что Албания и Македония ими потеряны[158], но вопрос о Фракии еще оставался открытым. В январе 1913 г. главным пунктом переговоров в Лондоне между воюющими сторонами был вопрос принадлежности Адрианополя. Он занимал особое место в исторической традиции и в политической системе Османской империи. Город являлся ее второй официальной столицей, местом нахождения религиозных святынь —

[156] Подробнее см.: *Dyer G.* Op. cit. P. 128–129.

[157] Turkey, Annual Report, 1913, “Army”, Col. Cunliffe-Owen. F.O. 371/2137.

[158] К тому времени державами уже было принято решение о создании независимой Албании, не в последнюю очередь с целью помешать выходу Сербии, союзницы России, к морю.

inslav

могил первых султанов и знаменитой мечети архитектора Синана, шедевра исламской архитектуры. Значение города, однако, этим не исчерпывалось.

Адрианополь являлся важной крепостью на границе Болгарии и Восточной Фракии у слияния реки Марица с ее тремя притоками, окруженной поясом современных фортов. Будучи переданным болгарам, он обеспечивал развертывание болгарской армии непосредственно перед Стамбулом. Принимая в расчет сроки турецкой мобилизации в Малой Азии, захват турецкой столицы болгарами становился неизбежным. В случае принадлежности Адрианополя туркам они выигрывали время для завершения частичной мобилизации и встречи врага у Чаталджи. Адрианополь и Чаталджа являлись, таким образом, двумя неотъемлемыми элементами стратегической обороны Стамбула и сохранения формального европейского статуса османского государства.

Главным проявлением кризиса либерального режима было предпочтение им партийных интересов государственным. Либеральный кабинет Камиль-паши в период зимнего перемирия 1912–1913 гг. и переговоров в Лондоне допускал возможность уступки Македонии с Салониками, политическим центром младотурок, ради окончательного сокрушения Комитета единения и прогресса[159]. С началом войны против младотурок начались преследования, и партия фактически перешла на полулегальное положение. Но организационную силу и энергию, как и политическое коварство и жестокость младотурок, нельзя было недооценивать. Они активно готовились взять реванш.

В декабре 1912 г. и январе 1913 г. в Стамбуле на конспиративных квартирах проходили тайные совещания младотурок, посвященные планам военного переворота. Для участия в них Энвер часто отлучался с фронта Чаталджи в столицу, благо расстояние составляло всего 30 миль. На одном из заседаний членов Комитета, на котором Энвер отсутствовал, умеренная фракция, руководимая Кемалем и Фатхи, убедила остальных участников заговора отложить в условиях войны осуществление переворота, пока не будут исчерпаны все легальные возможности возвращения к власти. После этого Кемаль и Фатхи отбыли на фронт, полагая, что их точка зрения принята. Однако на следующем заседании прибывший в Стамбул Энвер внушил его членам твердую линию поведения. Вопрос о перевороте был решен. В этом Энвера активно поддержал Талаат, который еще в начале января отстаивал идею насильственного перехвата власти. С этого момента можно говорить о начале тесного союза Талаата и Энвера, который в дальнейшем стал основой политического руководства Комитета.

---

[159] *Ahmad F.* The Young Turks… P. 114.

inslav

23 января 1913 г. состоялось заседание правительства для выработки ответа на коллективную ноту держав по вопросу Адрианополя. Турки соглашались уступить западную часть города по правому берегу Марицы с тем, чтобы святые места и могилы султанов оставались в их распоряжении. Такое разделение города обесценивало бы и его стратегическое значение. К полудню ответ на ноту был подготовлен по-французски. С переводом для прессы, однако, возникли проблемы. Работа над ним затянулась, наступало время обеда. Решено было возобновить заседание после перерыва. Но этому заседанию суждено было быть прерванным еще раз.

В три часа дня около 40 офицеров и солдат во главе с Энвером и Талаатом, сопровождаемые толпой религиозных фанатиков, прибыли верхом к зданию Порты. Внешняя охрана, хорошо знавшая в лицо Энвера, «героя свободы», а теперь еще и героя Африканской войны, беспрепятственно пропустила его и группу военных, сделав «на караул». Вошедшие стали громко требовать свержения кабинета, планировавшего заключить «постыдный мир». Назим-паша, выйдя из зала заседаний на шум и увидев путчистов во главе с Энвером, возмущенно воскликнул: «Вы обманули меня! Разве это то, что вы обещали?..»[160]. В ответ зазвучали выстрелы, оборвавшие дальнейшее выяснение отношений, как и прояснение сути договоренностей для окружающих. Энвер позже говорил, что «министр стал жертвой переворота, о чем он лично сожалел»[161].

Таков был конец победителя при Чаталдже, человека, сохранившего за Турцией статус европейской державы. Либеральное правительство Камиль-паши было насильно отправлено в отставку. В новом кабинете, сформированном младотурками, великим визирем и военным министром стал маршал Махмуд Шевкет-паша, их давнишний сторонник. Главнокомандующим был назначен генерал Ахмет Иззет-паша, один из самых способных турецких военачальников. Энвер стал начальником его штаба.

Главной политической линией нового кабинета стало возобновление военных действий против союзников с целью сохранения Адрианополя. Младотурки откровенно спекулировали на национальных чувствах населения, поскольку никаких объективных предпосылок для перелома военной ситуации в пользу турок к февралю 1913 г. еще не наблюдалось. Тем не менее, начались активные операции с участием войск, прибывавших из Малой Азии. Была предпринята

---

[160] Эту фразу Назим-паши приводит Ф. Йетс-Браун, находившийся в годы войны в одной из стамбульских тюрем и имевший возможность общаться с непосредственными участниками событий. // *Yeats-Brown F.* Golden Horn. London, 1932. P. 92.

[161] Coup d'Etat, January 1913, Report of the British Military Attaché, Lt-Col. G.E. Tyrrel: First Report, 23 January; Second Report, 24 January. F.O. 195/2451/340.

inslav

попытка контрнаступления с плацдармов Булаира и Чаталджи, поддержанного двумя десантами во фланги болгарских войск на обоих перешейках, с целью деблокады Адрианополя. Но после ожесточенных боев все турецкие атаки были отбиты.

В марте 1913 г. Адрианополь пал. Турция была вынуждена подписать Лондонский мирный договор с балканскими странами, устанавливающий границу во Фракии по линии Энос — Мидие. Политическая авантюра младотурок, маскировавшая переворот 23 января в патриотические тона, казалось, потерпела полный крах, но тут внезапно изменилась внешнеполитическая ситуация — между балканскими победителями вспыхнула междоусобная война. Потерпев поражение в Македонии, болгары перебросили туда все войска из Фракии, практически оголив турецкий фронт.

Воспользовавшись ситуацией, турки вышли из-за укреплений Чаталджи и Булаира и двинулись на запад. Энвер во главе кавалерийского авангарда скакал всю ночь по опустевшей равнине Восточной Фракии и на рассвете 24 июля, в пятую годовщину революции, вступил в оставленный болгарами Адрианополь, который, таким образом, снова стал Эдирне. С разгромленной на всех фронтах Болгарией турки заключили отдельный Константинопольский мирный договор, согласно которому граница проходила по нижнему течению реки Марица со значительным плацдармом перед Адрианополем на ее правом берегу.

Переворот 23 января 1913 г., своего рода «18 брюмера» Энвербея, ввел его в число бесспорных лидеров младотурок, а возвращение Эдирне необычайно подняло престиж младотурецкого правительства и его лично, который к своим многочисленным героическим именам прибавил имя «освободителя Эдирне». Отныне Энвер перестал быть декоративно-представительской фигурой и не основывал свое влияние на функциях посредника между двумя группами элит благодаря своей женитьбе на племяннице султана. Теперь он властно представлял в политическом руководстве Комитета его военную фракцию.

Впрочем, и тогда, и в дальнейшем подлинным органом власти младотурок был и оставался тот самый «невидимый комитет», состоящий из примерно 40 членов, бывших и нынешних членов Центрального комитета, оказывающих непосредственное влияние на политику. Среди них находилось и несколько членов кабинета министров. «Подлинный характер взаимоотношений между этим органом и официальными органами власти был недостаточно ясным, но имеются некоторые свидетельства того, что решения Порты имели тенденцию отражать мнение большинства внутри комитета»[162].

[162] *Trumpener U.* Turkey's Entry into World War I: An Assessment of Responsibilities // The Journal of Modern History. Vol. 34. № 4. P. 371. Note 12.

inslav

Сам же переворот завершил эволюцию Комитета под влиянием как внешних факторов, так и заложенных в его природе внутренних стимулов развития от достаточно либеральной и демократичной организации революционеров-идеалистов, хотя и не лишенных прагматизма, в партию, проводящую жесткую националистическую политику методами государственного терроризма и не терпящую не только посягательств на монополию своей власти, но и какого-либо проявления плюрализма мнений.

б) На путях к Мировой войне

В начале 1914 г. после долгого перерыва состоялись новые выборы в парламент. Снова, как и в 1912 г., они проходили под жестким политическим контролем. Российская пресса отмечала, что «населением избираются только члены Комитета "Единение и прогресс"»[163].

Новый парламент после долгого перерыва начал заседания 14 мая. На открытии его первой сессии председатель палаты Халил-бей произнес свою знаменитую речь, которая, по словам драгомана британского посольства А. Райана, своей «ирридентской риторикой» произвела сильное впечатление на современников[164]. На самом деле, считать речь Халила «ирридентской» нет оснований, поскольку большая часть мусульман Македонии была изгнана или истреблена в ходе Балканских войн. Скорее прав А. Тошев, болгарский посланник в Софии, считая ее проявлением балканского реваншизма младотурок[165]. Халил-бей говорил: «С этой высокой трибуны я обращаюсь к нации, чтобы она не забывала; я увещеваю, чтобы она не забывала новых колыбелей свободы и конституции: дорогие Салоники, зеленый Монастир, Косово поле, Шкодру, Янию, всю прекрасную Румелию».

Целями геополитического переустройства Балкан в планах младотурок накануне Мировой войны были: 1) ревизия Бухарестского договора 1913 г. и создание автономной Македонии под сюзеренитетом султана; 2) ревизия Лондонского договора 1913 г. и восстановление османского суверенитета над Албанией; 3) соглашение с Болгарией о передаче ею Западной Фракии в обмен на контроль над Македонией; 4) возвращение Грецией Эгейских островов, прежде всего Митилены и Хиоса.

Последним значимым внутриполитическим событием 1914 г. в Турции перед июльским кризисом, приведшим к Первой мировой войне, было убийство Махмуда Шевкет-паши 11 июня 1914 г. Различные версии этого события до сих пор не получили однозначного

---

[163] Положение в Турции. Выборы // Биржевые ведомости. 20 февраля (5 марта) 1914 г. С. 3.
[164] *Ryan A*. The Last of the Dragomans. London, 1951. P. 89.
[165] *Тошев А*. Балканските войни. Том 2. Пловдив-София, 1931. С. 441.

inslav

толкования. Официальная версия Комитета, изложенная также в мемуарах Джемаль-паши, состоит в том, что убийству сопутствовала попытка либерального контрпереворота, направляемого Камиль-пашой и полковником Садыком[166] из Египта, а принцем Сабахеддином из столицы[167]. Помимо сигнала к путчу и попытки парализовать действия властей убийством визиря и военного министра либералы могли также мстить младотуркам за гибель своего кумира генерала Назим-паши.

Но есть и другие точки зрения. Американский посол в Стамбуле У. Рокхилл считал убийство Махмуда Шевкет-паши кульминацией яростной борьбы внутри Комитета по основным принципам внутренней и внешней политики. Большинство Комитета отвергало уступки оставшимся в империи национальным общинам и отстаивало жесткий централизм. Махмуд Шевкет-паша, напротив, допускал некоторую автономию армянских и арабских провинций, в частности, в финансовых вопросах. «Эти распри закончились его смертью»[168].

Еще одна версия основывается на том факте, что убийство Махмуда Шевкет-паши вполне очевидно открыло путь к вершинам власти Энверу, уже достигшему к тому времени необычайно высокой степени влияния. Впрочем, прямых улик причастности Энвера к убийству Махмуда Шевкет-паши историками пока не представлено. В издаваемой по горячим следам событий хронике Мировой войны Дж. Бакена, основанной на материалах британской разведки, говорилось, что младотурки «устранили наиболее способных военачальников, Назима и Махмуда Шевкета»[169].

---

[166] Поскольку полковник Садык здесь навсегда покидает наши страницы, долг историка требует сказать на прощание несколько слов об этом едва ли не самом твердом и последовательном участнике оппозиции младотуркам. Мехмед Садык-бей (1860–1940), выпускник и преподаватель военной академии, вступил в младотурецкую организацию в 1906 г. В 1907–1908 гг. возглавлял младотурецкий комитет Монастира. Активный участник революции, позже разошелся во взглядах с руководством Комитета и повел против него упорную борьбу. Участник большинства оппозиционных Комитету партий и организаций. Вице-президент Либерального союза в 1911 г. После переворота 23 января эмигрировал во Францию.

Вернулся на родину в 1919 г. В 1920 г. избран председателем Либерального союза. Находясь в оппозиции, а позже в конфликте с кемалистским режимом, был вынужден эмигрировать в Румынию. В 1923 г. был включен в представленный Лозаннской конференции список из 600 так называемых «нежелательных лиц», которым запрещался въезд в Турцию. Позже при заключении Лозаннского договора 1924 г. вошел в список из «ста пятидесяти». Международное признание этого списка, по мнению турок, должно было подтвердить отсутствие преемственности Османской империи и Турецкой республики в виде отсутствия преемственности элит. В 1938 г. конференцией в Лозанне список был сокращен до 6 чел., в котором продолжал оставаться Садык-бей. Лишь в 1940 г. президент Исмет Инёню позволил ему вернуться в Турцию. При сходе с корабля на пристань у Садык-бея случился сердечный приступ и ночью он умер в одной из стамбульских клиник. Сердце восьмидесятилетнего изгнанника не выдержало испытания встречи с родиной.

[167] *Djemal Pasha*. Memoirs of a Turkish Statesman 1913–1919. London, 1932. P. 23–24.

[168] *Weber F. G*. Eagles on the Crescent. Germany, Austria, and the Diplomacy of the Turkish Alliance 1914–1918. Ithaca, 1970. P. 27.

[169] *Buchan J.* Nelson's History of the War. London (etal.). (б/д). Vol. 3. P. 127.

inslav

Еще одна из причин устранения великого визиря могла заключаться в коренных расхождениях в выборе балканской или анатолийской политики между ним и Комитетом, захватившим власть. Махмуд Шевкет-паша был готов уступить державам, в частности, России и Германии, в вопросах армянских реформ и режима Проливов при условии, что Турция при их поддержке сумеет вернуть себе часть балканских владений[170]. Его особое внимание привлекала Албания. По вопросам перспектив «балканского реванша» у него были острые разногласия с военным министром Ахмедом Иззет-пашой, пожалуй, самым способным из турецких военачальников, но слабым политиком. Министр считал, что турецкая армия в ее тогдашнем состоянии была совершенно неспособна к активным операциям на Балканах.

Наконец, версия, которую выдвигает Байюр, состоит в стремлении Махмуда Шевкет-паши установить на этот раз настоящую «жесткую», а не прежнюю, «мягкую», диктатуру и править без оглядки на парламент[171]. Но расстановка сил в турецкой политике после переворота 23 января кардинально изменилась: либеральная оппозиция была разгромлена, а армия очищена от ее сторонников и сошла с политической арены в качестве «третьей силы».

После убийства Махмуда Шевкет-паши великим визирем был назначен египетский принц, племянник хедива Саид Халим, занимавший пост министра иностранных дел. Обладавший огромным состоянием, знанием языков и утонченными европейскими манерами Саид Халим был идеальной фигурой для представления младотурецкого режима на международной арене. Однако из этого факта делается далеко не всегда оправданный вывод о его полной политической несамостоятельности и управляемости. События кануна вступления Турции в Первую мировую войну показали, что это было не совсем так.

В период между окончанием Балканских войн и началом Первой мировой перед Турцией стояло несколько важнейших задач, от решения которых непосредственно зависело ее выживание как государства (пусть даже и ограниченного суверенитета). К ним относились: 1) необходимость заключения союза с какой-либо из великих держав ввиду совершенно явно выраженной тенденции к дальнейшему расчленению империи, включая раздел Малой Азии[172]; 2) необходимость заключения на европейском финансовом рынке крупного займа для спасения от неминуемого банкротства; 3) необходимость дальнейшего продолжения внутренних реформ и преобразований в духе мо-

[170] *Weber F. G.* Op. cit. P. 28.

[171] *Bayur Y. H.* Op. cit. Cilt II. Kısım III. S. 59–60.

[172] *Heller J.* Britain and the Armenian Question, 1912–1914: A Study in Realpolitik // Middle Eastern Studies. Vol. 16. № 1. January 1980. P. 3–26.

inslav

дернизации страны, прерванных острыми политическими кризисами 1911–1912 гг. и Балканскими войнами.

Вся первая половина 1914 г. была посвящена решению турками этих внутри- и внешнеполитических задач. Ими последовательно были предприняты попытки заключить союз с Англией, Францией, Россией, Германией. Все четыре попытки окончились безрезультатно[173]. Безрезультатными были также довоенные попытки Турции взять в Европе крупный заем и поставить вопрос об отмене режима капитуляций. Последний натолкнулся на решительное противодействие и европейских держав, и даже США. Единственной страной, которая относительно толерантно отнеслась к вопросу капитуляций, была Россия, что, конечно, было вызвано ее весьма слабыми позициями в экономике Турции и соответственно участием в правовом регулировании коммерческих и иных споров[174].

К задачам второго порядка относились: 1) разрешение греко-турецкого конфликта из-за Эгейских островов, захват которых Грецией не признавался Турцией. Близость этих островов к побережью Малой Азии, населенному греками, создавала опасность возобновления здесь «вооруженной пропаганды» по типу осуществлявшейся в Македонии в 1903–1912 гг.; 2) урегулирование с Россией и другими державами вопроса о проекте реформ в «шести армянских вилайетах», создававшего еще один «македонский» вариант поэтапного лишения Турции суверенитета и расчленения ее территории, на этот раз в Восточной Анатолии; 3) усиление флота, необходимого для разрешения греко-турецкого конфликта из-за островов, а также реорганизация армии; 4) заключение союза или договора о благожелательном нейтралитете с Болгарией; 5) укрепление связей в оставшейся части империи со вторым по своему значению мусульманским этносом — арабами, отношения с которыми дали трещину.

Греко-турецкий конфликт представлял собой наиболее острый дипломатический кризис в Европе. Считается, что не будь выстрелов в Сараево, они неминуемо прозвучали бы в Эгейском бассейне в июле или августе того же года со всеми шансами спровоцировать «Третью балканскую» или даже европейскую войну. Конфликт из-за островов являлся только надводной частью гораздо более глубокого

---

[173] О попытках турок заключить союз с Англией см.: *Ahmad F.* Great Britain's Relations with the Young Turks, 1908–1914 // Middle Eastern Studies. 1966. № 4. P. 321–324; *Ahmad F.* The Late Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 2005. P. 11–13; *Kent M.* Great Britain and the End of the Ottoman Empire 1900–23 // Ibid. P. 191; с Францией: *Djemal Pasha*. Memoirs of a Turkish Statesman 1913–1919. London, 1932. P. 106–113; с Германией: *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire, 1914–1918. Princeton, 1968. P. 15–19; с Россией: *Aksakal M.* The Ottoman Road to War in 1914. Cambridge, 2008. P. 45; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 160–165.

[174] Международные отношения эпохи империализма. Сер. 3. Т. 6. Ч. 2. М.–Л., 1935. С. 130–131.

inslav

греко-турецкого противостояния из-за господства в Эгейском бассейне, включая Проливы и сам Константинополь. Кроме того, он был тесно связан с внутренними проблемами страны — положением и судьбой национально-религиозных меньшинств и обустройством огромного числа беженцев из Македонии и Фракии, изгнанных оттуда по окончании Балканских войн.

Весьма важным фактором принятия решений в Стамбуле о вступлении в войну на стороне Германии оказался секвестр Англией двух турецких дредноутов, построенных на ее верфях. Этот вопрос достаточно освещен в литературе, включая отечественную. При этом в основных работах упоминается и то, что средства на постройку кораблей в нищей Турции были собраны путем всенародной подписки, причем, не только в самой стране, но и во всем исламском мире. Денежные переводы приходили даже из Индии и Марокко. Турецкие женщины остригали волосы, чтобы внести свой вклад в национальный морской фонд. Офицеры и чиновники жертвовали своим месячным жалованием, школьники вносили карманные деньги. Строительство дредноутов воспринималось не просто как средство усиления флота, но и как символ обновления и дальнейшей модернизации страны. Считать секвестр кораблей только удобным поводом для агитации младотурок против Антанты явно недостаточно. Это было глубоким потрясением нации, вновь осознавшей свое приниженное, неравноправное положение в современном мире.

До Июльского кризиса Германия не желала заключать союз с Турцией. Главными противниками этой идеи были германский посол в Стамбуле Вангенхейм и глава военной миссии генерал Лиман фон Сандерс, представлявшие Турцию абсолютно непригодной для такого союза и полагавшие, что по причине своей военной слабости она не только не свяжет русские силы на Кавказе, но и сама будет нуждаться там в поддержке германских войск.

Инициатива заключения союза с Турцией исходила от Австро-Венгрии и была выдвинута ее послом в Стамбуле маркизом Палавичини. Из Вены новый Балканский союз представлялся союзом Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, во-первых, против Сербии и лишь, во-вторых, против Греции как сербского союзника, да и то лишь по причине турецких интересов. Австро-Венгрия выступала за разгром Сербии, пересмотр Бухарестского мирного договора 1913 г. и создание автономной Македонии.

Турецкое видение Балканского союза было несколько иным. Турки добивались или наступательного союза с Болгарией, во-первых, против Греции и лишь во вторую очередь против Сербии, да и то, главным образом, по причинам болгарских и австрийских интересов, или же оборонительного союза с Румынией и с той же Грецией ради

inslav

сохранения нейтралитета под германским покровительством, направленного против России и Болгарии, в случае если последняя перейдет на сторону Антанты. Но турки не рассматривали союз с Австро-Венгрией как великой державой в стратегической перспективе, а только в региональном аспекте.

Для перспектив германо-турецкого союза решающим фактором оказалось изменение позиции Вильгельма II. При новых обстоятельствах кайзер полагал, что «каждое орудие на Балканах должно быть готово стрелять против славян за Австрию», и направил соответствующие указания министерству иностранных дел и германской военной миссии. Инициативная группа сторонников германского союза в руководстве младотурок (а в сущности, союза с великой державой), которая включала военного министра Энвера, великого визиря Саида Халима, министра внутренних дел Талаата и министра юстиции Халила, немедленно ухватилась за представившуюся возможность. Энвер и Талаат к 1 августа 1914 г. уже знали о конфискации Англией турецких дредноутов и использовали этот аргумент для преодоления сопротивления колебавшихся министров, главным образом, морского министра Джемаля и министра финансов Джавида.

Вполне очевидно, что секвестр Англией турецких дредноутов 31 июля и укрытие в Дарданеллах германских кораблей «Гебен» и «Бреслау» 10 августа оказались тесно связаны в политических расчетах турецкого руководства. Одновременно структура фракций младотурецкого руководства еще больше усложнилась. В то время как до 4 августа[175] Энвер предпочитал общеевропейскую войну, в которой, как он предполагал, Центральные державы одержат скорую победу, великий визирь Саид Халим больше склонялся к идее ограниченного балканского конфликта, в котором Турция и Болгария вместе выступили бы против Греции и Сербии. Поэтому для Саида Халима союз с Германией являлся гарантией территориальной целостности Османской империи от российского вторжения; Энверу же он давал возможность развернуть военные действия на Балканах вместе с призывом к джихаду в остальной части империи и за ее пределами. Это расхождение в целях отражалось и в сроках: в то время как Энвер желал вступить в войну немедленно, более осмотрительный Саид Халим был готов связать себя обязательством вступления в войну только после того, как победа Центральных держав окажется неизбежной. После вступления в войну Англии расхождения между Энвером и Саидом Халимом сузились, хотя и не исчезли совсем. Великого визиря поддерживали даже некоторые офицеры Генерального штаба из ближайшего окружения Энвера. Вопрос о сроках вступления в войну

[175] До вступления в войну Англии 4 августа 1914 г.

inslav

определял и выбор союзника — им должна была стать побеждающая сторона. В этом отношении позиция Турции ничем не отличалась от позиции Италии, Румынии и Болгарии.

Определяющим в принятии турецким руководством решения о вступлении в войну на стороне Германии было получение германского займа в 100 млн франков. Вопрос о режиме капитуляций к тому времени Турцией уже был решен в одностороннем порядке. Еще 9 сентября она направила державам ноту, в которой говорилось об односторонней отмене капитуляций без каких-либо условий и оговорок, вступавшей в силу с 1 октября. Однако позиция умеренной фракции министров и военных, желавших отложить вступление в войну, все еще не была безнадежной, ибо для того, чтобы втянуть, наконец, Турцию в войну, Энверу и адмиралу Сушону понадобилась провокация. 29 октября начались военные действия на море, и через несколько дней война была объявлена.

inslav

Заключение

Подобно тому, как рубеж XVIII и XIX вв. открыл Балканы Европе и миру, рубеж XIX и XX вв. окончательно сделал их «интегральной частью Европы». Великая Французская революция, по словам сербского историка М. Экмечича, стала своего рода «матрицей» для XIX в., а Первая мировая война — для XX в.[1].

Первая мировая война привела к исчезновению Восточного вопроса из повестки дня международной дипломатии, что произошло одновременно с распадом Османской империи. Россия, сорвавшись в революцию, так и не получила «ключи от своего дома» — контроль над Проливами и Константинополем.

Распад Османской и Австро-Венгерской империй после Первой мировой войны привел к образованию на их месте новых национальных государств в результате реализации модного и ставшего актуальным лозунга о праве наций на самоопределение. В то же время Версальская система договоров, основанная на этом праве, не привела к ликвидации множества национальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые. При этом все балканские страны оставались многонациональными.

Почти все балканские государства в начале XX в. столкнулись с национальными катастрофами. Потерю европейских владений, а затем и распад империи пережили турки. Горькое разочарование дважды ждало Болгарию — после Второй Балканской и Первой мировой войн. Свою Голгофу во время Первой мировой войны пережила Сербия. Осталась разделенной Македония. Уже после Первой мировой войны в связи с поражением в греко-турецкой войне 1919–1921 гг. «малоазийскую катастрофу» пережила Греция. Фактически исключение в этом ряду составляет только карпато-балканская Румыния.

Первая мировая война была тесно связана с процессами модернизации. И одновременно являлась при этом «своего рода ее двигателем, что и стало ее главной особенностью по сравнению с другими военными конфликтами». Действительно, «благодаря этому война существенно увеличила возможности реализации ранее возникших

---

[1] См.: *Екмечић М.* Огледи из историје. Београд, 1999. С. 163.

inslav

теоретических замыслов и идей»[2]. После Первой мировой войны модернизация была по-прежнему имитирующей и догоняющей, и, в конце концов, сократить отставание от развитых держав вновь не удалось. Хотя как раз «европейскими, в полном смысле этого слова, балканские страны стали только после 1918 г.»[3].

После Второй мировой войны во всех странах (кроме Греции) в очередной раз происходила догоняющая, но уже альтернативная модернизация, модернизация по социалистическому пути. В Югославии были попытки найти другую модель альтернативной модернизации. И вновь успехи в начальной стадии обернулись крахом в конце пути. Причем этот крах сопровождался ростом национализма во всех балканских странах, именно национализм стал тогда альтернативой коммунизма. Сейчас балканские страны вновь переживают этап догоняющей имитирующей модернизации.

Сегодня почти все балканские страны входят или стремятся войти в Европейский союз (осуществить новое «возвращение в Европу»). И вновь этому способствует глобализирующийся мир. Однако «объединенная Европа» сталкивается со многими трудностями, растет евроскептицизм. Актуальный европейский проект совсем не означает конца многочисленным балканским противоречиям. К тому же не до конца разрешенными остались, по крайней мере, сербский, македонский и албанский национальные вопросы. Остались и такие застарелые противоречия, как турецко-греческие. С объединительной евроатлантической идеей на Балканах конкурируют и некоторые другие, например, евразийская, ушедшая сегодня в тень славянская и, наоборот, набирающая силу идея Великого Турана.

Балканы остаются неспокойным и далеко не самым развитым регионом Европы. От этого больше всего страдают сами балканцы. Реализация их мечты о спокойной и зажиточной жизни нам видится все-таки не в новом, пусть и добровольном подчинении, на этот раз «европейской империи», а в реализации бытовавшего в конце XIX — начале XX вв. и актуального до сих пор лозунга «Балканы — балканским народам». Сегодня это выглядит подзабытым и несколько утопичным, но, кто знает, что будет завтра. Балканская история, несмотря ни на что, продолжается.

* * *

Старый порядок был окончательно уничтожен Великой Французской революцией. И в этом смысле в мировой истории Новое вре-

---

[2] *Грдина И.* Первая мировая война — кризис доверия и конфликт между модернизацией и реализацией проектов // SLOVENICA III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К 100-летию начала Первой мировой войны. М., 2014. С. 19.

[3] *Субаев Р.Р.* Балканская модернизация 1878–1914 годов: цели и результаты // Славяноведение. 2015. № 5. С. 15.

inslav

мя — это прежде всего XIX век. Причем историки любят говорить о «долгом XIX веке», который оказался дольше отмеренных ему календарных ста лет, поскольку он закончился только с началом Первой мировой войны. И в этом, конечно, есть свой смысл. Однако в историографической традиции последних десятилетий этот век предстает не только в удлиненном, но и в укороченном виде, не только «долгим», но и «коротким». Его начинают не только с 1789 г., но и с 1776 г., а то и с 1815 г. и даже с 1848 г.[4].

В последней дате есть свой резон и для Балкан, хотя события европейских революций 1848—1849 гг. не затронули, кроме Валахии, территории Европейской Турции. Однако процесс самой начальной, еще почти незаметной «европеизации» пошел на Балканах после революции быстрее. Есть резон и в такой важной дате, как 1856-й год — окончание Крымской войны, самого крупного военного конфликта в Европе в XIX в. После Парижского мира покровительство России над христианским населением Европейской Турции было заменено коллективным покровительством европейских держав. Для России «перестало действовать старое правило — решать споры с Турцией с глазу на глаз, без постороннего вмешательства. Восточный вопрос во всех его аспектах превратился в интернациональный»[5].

И все же рискнем заметить, что для балканских народов этот «короткий XIX век» можно начинать еще на 30 лет позже — с 1878 г. Подлинно Новая история для балканских народов как раз и началась после Берлинского конгресса. И она оказалась спрессованной в 36 лет — до Первой мировой войны. И за этот небольшой срок балканским государствам на ниве эмансипации и модернизации предстояло сделать чрезвычайно много. Об этом же пишет Р.Р. Субаев: «…1878–1914 гг. — принципиально новый период балканской истории, период ее, собственно, Новой истории. … Не менее важна иная его характеристика — "европеизация" истории Балкан начиная с 1878 г.»[6].

Общим для всего региона стало основное содержание этого периода: «прогресс вместо статистической модели Просвещения». В это время «всё приходит в движение, и желающим не отстать от прогресса предлагается "вскакивать на подножку"; парадигма "догнать" и "перегнать" вызывает фрустрацию от недостижимости этой цели». Одновременно «в последней трети XIX в. западная цивилизация расширяет не только свои пространственные границы, она меняет свою

---

[4] *Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени // Всемирная история. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 7.

[5] *Виноградов В.Н.* Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012. С. 422.

[6] *Субаев Р.Р.* Балканская модернизация 1878–1914 годов… С. 3.

inslav

сущность, осознавая себя как доминирующую культуру»[7]. А именно это и является главным идейным обоснованием модернизации или вестернизации.

Совсем не случайно этот балканский «короткий XIX век» привлек к себе в последнее время пристальное внимание отечественных историков. Мы имеем в виду не только наш том, завершивший серию, посвященную истории Балкан в Новое время, но выходившую также в Институте славяноведения РАН серию «Человек на Балканах»[8] и сразу несколько научно значимых изданий недавнего времени на русском языке[9]. Эти работы, несомненно, увеличили наше знание и наше понимание сложных процессов, протекавших на Балканах на рубеже XIX и XX вв. А интерес к Балканам в России никогда не угасал.

---

[7] *Мирзеханов В. С.* XIX век в мировой истории… С. 8, 15.

[8] Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX — начало XX в.). СПб., 2006; Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.). СПб., 2009; Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011; Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012; Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016; см. также: *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии. Конец XIX — начало XX в. М., 2008.

[9] Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары / сост. А. Л. Шемякин. СПб., 2006; Русские о Сербии и сербах. Т. II. Архивные свидетельства / сост. А. Л. Шемякин. М., 2014; *Тимофеев А. Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007; *Вишняков Я. В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012; *Искендеров П. А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013; *Хлебникова В. Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016.

inslav

Именной указатель

A

Abbot G.F. 181
Adăniloaie N. 29, 42
Artukovic M. 103, 104
Aydemir Ş.S. 184, 189

B

Berindei D. 29
Berl A. 181
Birdal M. 196, 199
Blaisdell D.C. 197
Bourne K. 13, 20
Brailsford H.N. 193, 202, 206
Bridge F.R. 91, 107, 286, 289
Buzatu Gh. 33, 236, 238

C

Cain D. 253
Carabott P. 175–177
Castellan G. 92, 101, 105, 139, 141, 154, 155, 391, 411
Căzan G.N. 47, 49
Ceobanu A.-B. 50
Charles K. 165
Chekrezi K. 153
Claireville F. 205, 456
Clark F.E. 181
Constantopoulos D.S. 412
Crampton R.J. 192
Cuşco A. 50

D

Damean S.L. 35, 46
Dardèche M. 199
Deak I. 27
Drăghici L. 245
Dyer G. 468, 473
Džaja S. 365

E

Ecchia S. 200

F

Faroqhi S. 196
Ferro M. 292
Fesch P. 185

G

Garoescu G.G. 259, 260
Georgescu M. 240
Gerasimos A. 176
Giesl W. 184
Glaise-Horstenau E. von. 105
Griffiths M.A. 201

H

Hanioĝlu M.Ş. 192, 195, 212, 215
Hauptmann F. 368
Heller J. 479
Holland R. 418

I

Iacob M. 241
İnalcik H. 196
Iordache A. 37, 38, 247–251, 259–261, 263
Issawi C. 196

J

Jeffersov M.S. 22

inslav

K

Karolou I.H. 175
Karpat Kemal H. 194
Kasaba R. 196
Kayali H. 438
Kedourie E. 215
Kohn H.A. 465, 466
Kuran A.B. 213

L

Langer W.L. 181
Louri H. 164
Lowther G.F. 445, 449, 450, 452, 456, 462, 470, 472

M

MacDermott M. 221, 222
Machenzie D. 16
Manea D.-L. 45
McGrown B. 196
Michelin R. 188
Miller F. 177
Miller W. 166, 171, 203, 418
Morawitz C. 199
Morrison K. 150
Myzyri H. 156

N

Norris H.T. 155
Nosi L. 403

O

Otu P. 240, 243–245
Owen R. 199, 200

P

Palmer A. 164, 167
Palotas E. 90
Pamuk Ş. 196, 198
Pătraşcu D.-V. 45
Peckham R.Sh. 142
Perry D. 207
Pollo S. 143
Popadopoulos G.S. 20
Poulton H. 389
Pribram A.F. 91
Psilos Ch. 182, 438
Puto A. 143

Q

Quataert D. 196

R

Rădulescu-Zoner Ş. 47, 49, 254–259, 264
Reti Gy. 155
Reuter J. 138–140, 411
Rotheit R. 295

S

Sarrou A. 435
Savich C. 207
Schopoff A. 192
Scurtu I. 36, 39, 42, 46, 53, 242, 246
Shaw E.K. 183
Shaw S.J. 183
Skakun M. 99, 296
Solomon F. 50
Sowards S. 202, 203
Stan C.I. 36
Stanciu I. 237, 248
Stănescu M. 245
Stavrianos L.S. 167
Stone N. 258
Suhnaz Y. 221

Ş

Şkundin G. 50
Şperle F. 245

T

Temo İ. 187
Thobie J. 200

inslav

Tokay A.G. 203, 208, 215
Topal A.E. 200, 201
Toye F. 211
Trumpener U. 476, 480
Tunaya T.Z. 448, 465
Türk F. 201

W

Weber F.G. 478, 479
Wesely K. 365

Z

Zurcher E.J. 182, 183, 194, 217

А

Аббас, египетский паша 437
Абдул-Азиз, султан 183, 187, 188
Абдул-Хамид II, султан 78, 82, 108, 133, 152, 179–188, 190, 191, 196, 201, 210, 212, 216–218, 220, 391, 435, 441–443, 469
Авакумович Й. 102
Авереску А. 244, 245, 259, 264
Агаки А.С. 50–52, 235, 257–259
Адамов Е.А. 45
Айрапетов О.Р. 271, 284
Аксакал М. 480
Аксаков И.С. 69
Александр Баттенберг, князь Болгарии 55–76, 79, 96–98, 100, 192
Александр Карагеоргиевич, князь Сербии 109
Александр Македонский 373
Александр Обренович 101–108, 136, 348
Александр I Карагеоргиевич, король Югославии 277
Александр I, император 5, 12, 106
Александр II, император 58, 77, 157, 180
Александр III, император 14, 15, 19, 23, 61, 67, 69, 72, 75, 80, 84, 85, 116, 185, 364
Александра Иосифовна, великая княгиня 157
Александра Фёдоровна (Алиса Гессенская), императрица 21, 357
Александра, принцесса Уэльская 22
Алексеев М.В. 284
Алиев Г.З. 184, 214, 291, 437, 439, 447
Альберт, принц 24, 78
Амфитеатров А.В. 84, 375–377, 380, 381
Анастасия Николаевна, великая княгиня 119
Андонов-Полянски Х. 382
Андонян А. 204, 462, 468, 469
Андраши Д. 17, 87
Андреев М.С. 32
Андреев П.П. 166
Арсеньев С.В. 339, 352, 353
Арш Г.Л. 145, 394
Асан-бей 400
Атанас-Воевода 378
Ататюрк, Мустафа Кемаль 213, 214, 438, 439, 442, 452, 473, 474
Ахмад Ф. 216, 438, 447, 449, 453, 456, 457, 474, 480
Ахмед Саид 211
Ахмед-Риза 187, 211, 212, 214, 216, 302

Б

Бабанзаде Измаил Хакки 453
Бажанович М. 300, 305, 306, 314
Байюр Юсуф Хикмет 179, 194, 279, 447, 453, 456, 461, 462, 465, 468, 471, 479

inslav

Бакен Дж. *187, 478*
Бакунин М.А. 64
Балугджич Ж. 400
Батакович Д. *303*
Батанджиев Х. 382
Бахеддин Шакир 210–213, 216
Бахметев Г.П. 274
Бахметьев Ю.П. 387
Бацария Н. 467
Бейст К. 17
Белимаркович Й. 101
Беляев А.К. 280
Бербенко К.Д. *271–275*
Беровский Д. 378
Берхтольд Л. 307–309
Бетман-Гольвег, Теобальд фон 307
Беттоло 172
Билунов Б.Н. *373*
Бисмарк О. 13, 17, 18, 47, 141
Благоев Д. 270
Блашке О. *366*
Бобриков Г.И. *32*
Бовыкин В.И. *16*
Богдан Г. 262
Богданов П.М. 75
Богданович Д. 412
Божанович М. 305, 306, 314
Бозуков А. 385
Болетинац (Болетини) И. 302, 403–408
Болховитинов Н.Н. *22*
Борис III, царь Болгарии 81–84, 278
Бриальмон А.-А. 50
Брэтиану В. 41, 240, 249
Брэтиану И.И.К. (младший) 239, 242, 244, 247–249, 251–252, 256, 259, 265, 266
Брэтиану И.К. (старший) 32, 40–43, 45, 47, 49–51, 53, 239, 240
Брэтиану К. (Дину) 41, 240
Булайич Ж. *319*
Булей И. *28, 31, 33, 42, 232, 240, 241, 248, 250*
Бурбоны, династия 79
Буршали (Бурсалы) Мехмед Тахир 214
Бычков Ю.Е. *87*
Бьюкенен Дж. 260, 408, 409
Бэлэчану И. 47
Бюлов Б.Э. 23

В

Ваддингтон В. 146
Вазов Ив. 270
Валентинов Н. *255*
Вангенхейм Г., фон 481
Василий II Болгаробойца, византийский император 230
Василиу-Нэстурель П.Ш. 245
Вассос Т. 165, 166, 168–172
Вачков Д. *55, 56*
Вейдемюллер К. *183*
Векилхарджи Н. 138
Величков К. 270
Венизелос Э. 160, 162, 177, 178, 414, 415, 417, 421, 422, 424, 425, 427, 428–432, 434
Веснич М. 312
Виккерс М. *140, 142, 143, 145, 383, 389, 404*
Виктор Эммануил III, король 120
Виктория, королева 21–24, 36, 78, 134
Викторов-Топоров В. (Викторов В.) 400
Вильгельм I, германский император 22, 35
Вильгельм II, германский император 20, 23, 47, 225, 228, 428, 482

inslav

Вильгельм Гогенцоллерн-Зигмаринген 36
Вильгельм, кронпринц Прусский 257
Вильямс Е.Е. 21
Виноградов В.Н. 5–7, 21, 28, 32, 33, 40, 43, 45, 47–49, 109, 229, 232–235, 238, 243–247, 266, 295, 486
Витте С.Ю. 116, 117, 174, 227
Вишняков Я.В. 481
Владимир Александрович, великий князь 274
Влангали А.А. 67
Власов П.М. 323, 325, 345
Влахов Д. 388
Водовозов В. 184
Войводич В. 14
Вольпи Дж. 321, 322
Вриони Мехмед Али 146
Вудхауз С. 168
Вукович Г. 133, 323, 330, 349
Вукович Д. 336
Вяземская Е.К. 363, 368

Г

Габидуллин Х.З. 436
Гази Осман-паша 220
Галкин И.С. 193, 203, 401, 419
Галльер А. 241
Ганчев Д. 79, 80, 83–85
Гарибальди Р. 171
Гаррисон Р. 166
Гартвиг Н.Г. 80, 278, 310, 311, 314–316, 395, 398
Гасратян М.А. 437, 439
Геннадис 165, 172
Георг I, греческий король 157, 159, 160, 164, 165, 168, 169, 171, 230, 416, 422, 425, 428, 432
Георг V, британский король 22, 461
Георг Греческий, принц 164, 170, 171, 173, 174, 414–417, 422
Георгиев В. 263
Георгий Лейхтербергский, князь Г.М. Романовский 119
Герберт О. 410
Гётцендорф, Конрад фон 227, 258, 259, 264, 265
Гешев 270
Гинке, фон 165
Гинтилов (Гинтило) 277–278
Гинцбург 60
Гирс А.А. 49, 358–360
Гирс М. 398
Гирс Н.К. 15, 19, 20, 50, 65–70, 81, 136
Гирш М. 80
Гладстон В. 72
Глюксбурги, династия 158, 426
Гогенцоллерн-Зигмаринген, династия 34, 35
Гогенцоллерны, династия 34–36
Голуховский А. 52, 103, 104, 107, 252, 286–289, 394
Гольц К., фон дер 21
Горчаков А.М. 17, 109
Горяинов С.М. 74, 75
Гошен Дж. 20, 151, 153
Грдина И. 485
Грей Э. 193, 401, 417, 445, 449, 450, 452, 456, 461, 470, 471
Гризингер Ю. 311
Гринвальд К.К. 29, 30, 232
Гришина Р.П. 487
Груев Д. 382, 383, 385
Груич, генерал 101
Грэдиштяну П. 226
Губастов К.А. 133, 136, 320, 325
Гудев П. 273

inslav

Гуракучи Л. 402
Гусев Н.С. 295

Д

Давидович Л. 317
Давыдов А.П. 56
Данев Ст. 272, 273, 284
Данила Петрович-Негош, князь Черногории 129, 130, 134, 321, 325, 336, 341, 348, 359
Данченко С.И. 88, 106, 364, 366
Де Джиорджис 214
Дейкин Д. 413, 470, 471
Делияннис И. 177
Делияннис Т. 160–164, 170, 172
Делчев Г. 382, 384, 385
Делькассе Т. 224, 260
Демидов Е.П. 430, 431, 434
Демолен Э. 191
Депретис А. 146,
Дервиш-паша 149, 153
Деренталь А. 270, 271
Джавид-бей, Мехмед (Ялчын) 446, 449, 451, 453, 456, 461, 468, 471, 482
Джалаледдин-паша, А. 190, 195, 210, 212
Джанболад, Измаил 214
Джахид, Хюссейн (Ялчын) 450, 471
Джевдет, Абдулла 194, 195
Джевдет, Недим-паша 194
Джемаль-паша 478, 480,
Джигырту П. 245
Джорджевич Д. 406, 407, 409, 410
Джоржевич В. 102, 104
Джуричич М. 300
Джурович М. 116
Диамандиев В. 378
Дибра, Ильяз-паша 142
Дизраэли Б. 141
Димитриевич-Апис Д. 108, 406
Димитров А. 372
Димитров С. 253
Диосеги И. 93, 94
Дмитриев Р. 74
Докич 102
Доронина Р.Ф. 298
Достоевский Ф.М. 9
Достян И.С. 5
Дочев И. 277, 278
Драга Обренович (Машин), королева-консорт Сербии 104, 105, 107, 108
Драгнич А. 409
Драгумис С. 426, 432
Дрейер В.Ф., фон 262
Дреч Й. 130
Думба К.Т. 285, 287
Дурхэм М.Э. 410
Дьяченко Н.Н. 343
Дьяченко Н.С. 369, 393
Дюлгерова Н. 373

Е

Евтимиу К. 397
Елавич Б. 16, 97
Елдаров С. 206
Елена Черногорская, королева Италии 120
Елизавета Нойвидская, королева Румынии 36
Елизавета Фёдоровна, великая княгиня 21

Ж

Желтяков А.Д. 195
Живкович Д. 130
Жилинский Я.Г. 254
Жогов П. В. 472

inslav

З

Заимис А. 160, 161, 171, 415, 417–419
Зайончковский А.М. 255
Занкевич М.И. 229, 244, 246
Зека Хаджи 155-156
Зеки-бей 457
Зиновьев И.А. 387, 420
Зографски Д. 390
Зорбас Н. 423
Зорка Карагеоргиевич, княгиня Сербии 94
Зорка Петрович Негош, черногорская княжна 136, 348

И

Иванов М. 55, 56
Иванов С.М. 180, 196–198
Иванова Ю.В. 145
Игельстром Г.В. 71, 75
Йетс-Браун Ф. 474, 443
Извольский А.П. 228, 290, 291, 293, 312, 395, 421, 447
Изеддин-паша 210, 211
Иззет-бей 190
Иззет-паша Ахмет 475, 479
Иларион Роганович, черногорский митрополит 126, 127
Иларион, владыка 280
Илларионов Н.А. 375
Инджикян О.Г. 196
Инёню И. 478
Инсаров Х.Г. 192
Инсобато Э. 192
Ионеску Т. 241, 243, 248–251, 257, 259, 263
Ионин А.С. 59, 63, 131
Иосиф I, экзарх болгарский 279, 281, 283
Иречек К. 79
Искендеров П.А. 88, 91, 138, 277, 279, 281, 313, 383, 390, 487
Искрицкий Е.А. 263, 264
Ичйер А. 219
Иширков А. 264

Й

Йованович Й. 297, 300, 338
Йованович Л. 300
Йованович М.З. 406
Йованович С. 93

К

Казим Нами 214
Калина И. 284
Каличе Г. 387
Каллаи Б. 92, 367, 368
Калчас Н. 158
Кальноки Г. 47, 48, 96, 98
Камиль-паша 68, 69, 436–440, 455, 456, 461, 464, 465, 470–472, 474, 475, 478
Каневаро Н. 166, 172
Кансу А. 438, 441, 442, 446, 450, 451, 453, 455, 456, 462, 463, 465, 467, 468, 471, 472
Кантакузин М.А. 66, 67
Кантакузино Г.Г. 44, 239–243, 250
Капетинги, династия 85
Капнист Д.А. 341
Каприви Л. 22
Карабекир К. 214, 215
Каравелов П. 58, 59, 64–67, 73, 75, 76, 272
Карагеоргиевичи, династия 107, 136, 348, 349
Карада Э. 41
Карайовов 384
Карастоилов С. (Стоян-Воевода) 377, 378
Карев Н. 388

inslav

Карл-Антон Гогенцоллерн-Зигмаринген 35
Карлотти А. 260
Кароль I, король Румынии 28, 31, 33–37, 39–43, 47, 53, 226, 232, 238–240, 242, 245, 246, 248, 250, 255, 257, 259–261, 265–269
Кароль II, король Румынии 36
Карп А. 41
Карп П. 39, 236, 239–242, 247–250, 254, 257, 258, 266
Карцов Ю.С. 69
Катарджиу Л. 32, 43, 239–240
Каульбарс А.В. 61, 63
Каульбарс Н.В. 76
Каширин В.Б. 254, 266
Кельнер 166
Кемали Исмаил 185, 191, 192, 302, 304, 391, 399, 402–404, 407, 458
Кент М. 480
Киняпина Н.С. 16
Киреев А.А. 171
Кирилл Скопский (Ускюбский), митрополит Болгарского экзархата 378, 385
Клементина Орлеанская 78
Клименко С.А. 281
Когэлничану М. 26, 29, 239
Козьменко И.В. 45
Коккинос Д. 159, 172
Коковцов В.Н. 356, 357
Колеттис И. 380
Конан Дойл А. 443
Констант С. 84
Константин XI, византийский император 159
Константин Константинович, великий князь 176, 418
Константин Николаевич, великий князь 157
Константин, кронпринц Греции 170, 171, 423, 428, 433
Кордатос Г. 173
Косик В.И. 3, 40, 57, 60, 65, 376
Костинеску Э. 41
Костич И. 130
Кояндер А.И. 64–67, 69, 70
Кралевич Марко 298
Криспи Ф. 155
Кросс Б.Б. 257, 259, 261
Кроумер Э. 192, 212
Крупенский А.Н. 309, 310
Крэйничану Г. 229, 258
Куза Александру Ион 29, 34, 40, 232
Куманов М. 378
Кымпиняну И. 41
Кюльдже С. 139, 144, 145

Л

Лабаури Д.О. 206, 373
Ламздорф В.Н. 15, 19, 84, 207, 273, 416
Ласкэр В. 242
Лаховари Я. 24
Ленин В.И. 211
Леонтович Е.А. 44
Леонтьев К.Н. 280
Леонтьев М.Н. 242
Леонтьева А.А. 465
Леопольд Гогенцоллерн-Зигмаринген 36
Лефевр-Понтали М. 188, 189
Лика Кьясим 302
Ллойд Джордж Д. 224, 367
Лобанов-Ростовский А.Б. 16, 386
Лобачев П.А. 322
Лорис-Меликов М.Т. 180
Луи Филлип I, король французов 79, 85
Льюис Б. 182, 457, 460, 461, 465
Лэнджер У.Л. 181
Любенова Л. 280

inslav

Людовик XVIII, король Франции 12
Лютфи Фикри-бей 446, 465
Лютфуллах Ахмед 188
Люшич Р. 6

М

Мавромихалис К. 423
Мадзини Дж. 40
Мадиевский С.А. 29–31, 34, 37–39, 41, 43, 232–235, 248, 249
Майкл, принц Кентский 164, 167, 170
Майореску Т.Л. 41, 239, 250, 251, 257, 259, 260, 263, 398
Макарова И.Ф. 182
Макмагон М.Э. 18, 19
Максимов П.В. 323, 330, 332, 342, 348
Малинов А. 271, 274
Мангачев П. 57, 59, 71
Мандельштам А.Н. 454, 457, 460
Ману Г. 43, 44, 48, 244
Манусакис Г. 165, 415
Маргиломан А. 248, 249, 250, 254, 257, 266
Маринов Д. 78, 83
Мария Александровна, императрица 55, 125
Мария Георгиевна, принцесса Греческая и Датская 171
Мария Луиза Пармская, княгиня Болгарии 83
Мария Павловна, великая княгиня 274
Мария Фёдоровна, императрица 22, 125
Мария Эдинбургская 36
Мария, принцесса Румынская 36
Маркезинис С. 429
Марковска М. 385
Маркс К. 13, 64
Мартел Г. 295, 296
Мартинович М. 368, 393
Мартыненко А.К. 85, 255, 273, 379, 387
Матавуль С. 118
Матов Х. 385
Махмуд Джелаледдин-паша-Дамад 188, 190
Мачек В. 285
Машков В.Ф. 372
Меджи-бей, Абдулазиз 450
Мелас П. 413
Мельников Р.М. 163
Мемдух-бей 459
Мерей, Капош-Мерей фон 286
Мертваго С.П. 125
Меттерних К. 12
Мехмед V Решат 464, 468
Мидхат-паша 184, 185
Микич Д. 405–408
Милан Обренович, король Сербии 14, 71, 87, 89–91, 93–96, 98–104
Миларов Св. 71
Милена Петрович Негош, королева Черногории 125
Милица Николаевна, великая княгиня 119, 356–358
Миллер 320
Миллер А.И. 8, 10
Миллер А.Ф. 444
Милованович М. 292
Милюков П.Н. 83, 205, 271
Милютин Д. 58
Мингрели Н.Д. 77–79
Мирзеханов В.С. 8, 486, 487
Митрович Мира (Мира Колина) 336
Михаил Йованович, сербский митрополит 95

inslav

Михайловский 387
Михэйляну Ш. 253
Мишич Ж. 306
Миюшкович Л. 321–323, 325, 329
Миятович Ч. 92
Монсон Э. 191–192
Морган (вице-консул Великобритании) 461
Мосолов А.А. 56
Мунир-паша 188
Муравьев М.Н. 103, 252, 386
Муткуров С. 74, 76
Мухтар-паша, Ахмед 148, 212, 401, 464, 465, 470
Мухтар-паша, Гази 401
Мухтар-паша, Махмуд 440–442, 448, 451, 456, 463, 465, 469
Мырквичка И. 79

Н

Назим, доктор 210, 211, 216, 449
Назим-бей 218, 219
Назим-паша, генерал 189, 440, 452, 455, 456, 463, 464, 470–472, 475, 478
Найт Э.Ф. 150, 151, 221
Наки-бей 214
Наполеон III, император Франции 19, 226
Наполеон Бонапарт, император французов 5, 12, 18, 226
Настич Дж. 335
Наталья Обренович, королева Сербии 99, 102, 104
Натанаил Охридский, митрополит Болгарского экзархата 378
Наумов 384
Нафиз-бей 472
Начо Н. 397
Начович Г. 83
Недельковиц С. 89
Неклюдов А.В. 284, 398
Неклюдов Н.А. 278, 282
Нелидов А.И. 15, 69, 72, 73, 81, 82, 386
Нератов А.А. 311, 396
Ниази-бей 220, 221
Никитина Т.В. 163, 164, 424, 425
Никифоров К.В. 105, 186, 389
Никола I Петрович-Негош, король Черногории 95, 109, 110, 112, 115, 117–120, 122, 125, 132, 133, 135, 136, 320–322, 324, 325, 327–330, 332, 334–336, 339, 342, 343, 345–350, 353–355, 358–361, 368, 393
Николай II, император 21, 53, 84, 173, 185, 218, 227, 252, 265, 273, 325, 339, 340, 343, 356, 357, 416, 468
Николай Михайлович, великий князь 260
Николай Николаевич, великий князь 119
Николич А. 317
Новакович С. 92, 103, 105
Новичев А.Д. 201
Нойман К. 181
Ноли Ф.С. 155
Ноэль 166, 172
Нур, Рыза 446
Нурадунгян-эфенди 470

О

Обреновичи, династия 94, 95, 106, 136, 227, 348
Обручев Н.Н. 21
Ольга Константиновна, королева Греции 157, 158, 164, 171, 175–177, 419
Омер Наджи 214–216
Ону М.К. 164, 171
Орешкова С.Ф. 437, 439

inslav

П

Павлович Й. 125
Павлович М. 108
Пал Ю. 366
Палавичини, маркиз 481
Палангурски М. 255
Палеолог М. 272
Паллис А. 176
Пандев К. 383–385
Папаригопулос К. 429
Пачу Л. 298, 300, 305, 306
Пашич Н. 96, 100–103, 297, 298, 300, 301, 305–309, 311–317, 369, 370, 377, 381, 399, 405, 406
Пелехин Б. 419
Пелисье 18
Перазич Г. 116, 128, 320, 349, 351, 359
Перовшек Ю. 367
Перуничич Б. 91, 154
Петков Д. 272
Петр Николаевич, великий князь 119, 356
Пётр I Карагеогиевич, король Сербии 93, 95, 107, 109, 136, 227, 285, 300, 306, 315, 332, 348
Петр I, император 45
Петров Г. 384
Петров П. 264
Петров Р. 385, 387
Петров Т. 206
Петрович Б. 113
Петрович М.Б. 91, 93, 101, 154, 364
Петрович Ш. 330
Петровичи-Негоши, династия 111, 119, 120, 332, 348, 349
Петросян И.Е. 188
Петросян Ю.А. 186, 188, 437, 439
Петрунина О.Е. 158
Петряев А.М. 402
Пилетич С. 330, 332, 333
Пирочанац М. 90, 92
Пирс Е. 81
Писарев Ю.А. 89, 93, 367
Пишон С. 312
Пламенац Й. 337, 338
Плеханов Г.В. 211
Погодин А.Л. 292
Пономарев В.Н. 22
Попарсов П. 382
Попов Ж. 255
Попов Ч. 93, 406
Попович М. 298
Попович Ч. 406
Потапов Н.М. 338, 340, 342–344, 352–356, 368, 393
Потье Эд. 166, 172
Пренк Биб Дода 149
Приштина Х. 399, 401
Прокопий, митрополит афинский 175
Протич К. 101, 102
Протич С. 300
Прудон П. 64
Пурелку Х. 390
Пурталес Ф. 260
Путник Р. 306, 312, 314
Пырванова З. 437

Р

Радев С. 66, 70, 73–76
Радкович Б. 407
Радович А. 329, 335, 343
Радославов В. 283
Радулович М. 329
Разумовский 392
Райан А. 477
Ракич М. 396
Ракочевич Н. 133
Раллис Д. 161, 170–172, 423, 424, 428

inslav

Распопович Р. *116, 128, 131, 133, 320, 345, 347, 349, 351, 352, 359*
Рауф-паша 458
Рахми, Мустафа 214, 449
Реджеб-паша 191, 192, 436
Риза-бей 304, 379, 400, 408
Риза-паша, Али 436, 440
Ризов Д. *81*
Ризов Р. 387
Ринелла 310, 311
Риппер 203
Ристич Й. 88–90, 101, 102
Ристовски Б. *372, 381*
Риттих П.А. 375–376
Ровинский П.А. 111, 113, 114, 118–123, 126–128, 130, 320–322, 324, 325, 327–329, 348
Розен Р.Р. 168, 177
Рокфеллер Дж. 236, 237, 248
Рокхилл У. 478
Росетти Т. 43
Ростковский А.А. 375, 379
Рузвельт Т. 460
Рухи Эфенди, шейх Мустафа 143
Рухи, Эдхем 195
Рэдулеску-Зонер Ш. 254–259, 264
Рэмсор Е. 184–187, 213, 214, 436

С

Сабахеддин, Мехмед, принц 187–194, 211–213, 446, 478
Сабри, Эйюб 216
Савин Т. *235, 237*
Савинский А.А. 283
Савов Н. 471
Садат, Анвар 221
Садык-бей, полковник 446, 449–455, 478
Сазонов С.Д. 229, 260, 265, 276, 277, 282–284, 312, 315, 316, 358, 431, 480
Саид Халим 479, 482
Саид-паша, Мехмед 191, 205, 207, 436, 456, 457, 459, 460, 463
Санданский Я. 221, 302, 388, 389
Сандерс, Л., фон 481
Сан-Джулиано, А., ди 305, 307, 309, 310, 394
Санин, Ахмед 448
Сарафов Б. 385, 387
Сватковский В. 297
Свенсон В. *442*
Свербеев С.С. 178
Сволопулос К. *415*
Сейид-бей 453, 454
Семсиддин-бей 459
Сен-Жюст Л. 443
Сенкевич И.Г. *394*
Серова О.В. *394*
Сефер И. 406
Сефик-паша 459
Силянов Х. *206, 383*
Симич Б. 406
Симпсон 18
Синан 474
Синесия, Ускюбский митрополит 385
Сказкин С.Д. *15, 228*
Скенди С. *141, 409*
Склирос Г. *429*
Скобелев М.Д. 17
Скрыдлов Н.И. 166, 172
Славейков Н.С. 274
Славейков П. 65, 373
Смирнова Н.Д. *394*
Соболев Л.Н. 61–63
Соколова Б. *138*
Соколовская О.В. *158, 164, 166, 170, 171, 173, 174, 205, 417, 419, 424, 425, 433*
Соколы Юсуф-ага 149
Соллогуб В.У. 44

inslav

Соловьев Ю.Я. 159, 323, 341
Солсбери Р. 13, 18, 20, 22, 87, 146
София Прусская, королева-консорт Греции 428
Сочица Л. 330
Спалайкович М. 300, 301, 305, 307
Стамболов С. 52, 64, 74–84
Станкович Д. 406
Станкович Т. 99
Станчов Д. 273
Степанович С. 277
Стефан I, экзарх болгарский 279, 283
Стиг М. 207
Стоилов К. 57–59, 61, 63, 64, 66, 67, 71, 81–83, 270, 271, 384, 385
Столыпин П.А. 227
Сторк, фон 310
Стоянов З. 68, 71
Стоянович Ч.Р. 141
Странской Г. 79
Стратос Н. 428
Струкова К.Л. 377
Стурдза А. 240
Стурдза Д. 43, 47, 52, 237, 239, 240, 242–244, 247, 256
Стэтеску Е. 41
Субаев Р.Р. 7, 9, 10, 187, 197, 200, 214, 485, 486
Сукнаров Н.К. 65
Сумароков Н.С. 339

Т

Талаат-паша, Мехмед 210, 214–216, 446, 450, 451, 453, 455, 463, 474, 475, 482
Татарчев Х. 382, 383
Татищев 396
Тациос Т. 159, 170
Таяр-бей Тетова 462
Теотокис Г. 161, 162, 171, 172, 174, 177, 413, 422–424, 428
Теплов В.А. 108
Терзич С. 92
Тефик-паша 445, 464
Тилков С. 467
Тимофеев А.Ю. 487
Тиррел У. 449
Титтони Т. 394, 447
Тодорова М. 5
Тодорова Цв. 55, 56
Тодорович С. 409
Тойнби А.Дж. 184
Томанович Л. 336, 337
Томич Й. 408
Топтани, Эссад-паша 214, 302, 303, 359, 410
Торгут-паша, Шевкет 392
Тотлебен Э.И. 15
Тошев А. 477
Тошев П. 382
Тошкович Я. 330, 336, 337
Трайнин И. 367
Трикупис Х. 160–162, 171, 177
Трифонов Ст. 263
Тройницкий Н.А. 28
Трубецкой Г.Н. 271, 380
Тунайя Т.З. 214, 448, 465
Туполев Б.М. 48
Турн Д. 260, 396
Туцович Д. 390
Тэмо И. 187, 189, 194

У

Угрон С. 307, 369, 370
Улар А. 192
Улунян Ар.А. 9, 142, 151
Ульянов М.К. 147
Ульянов, генерал 185
Упеник В.А. 297
Учарол Р. 468

inslav

Ф

Фатхи (бей) 473, 474
Фахми-эффенди, А. 370
Фердинанд I,
король Румынии 36, 53, 266, 267
Фердинанд I,
царь Болгарии 78–82, 84, 85, 192, 229, 271–274, 282–284, 389, 398, 471
Ферекиде М. 41
Ферид-паша, Дамад 446, 464
Фехми, Хассан 449
Филипеску Н. 250
Фитовски К. 253
Фишер (братья),
предприниматели 31, 233, 243
Флореску И.Э. 43
Франц Иосиф I,
глава Австро-Венгерской монархии 16, 47, 52, 96, 97, 107, 108, 133, 226, 228, 252, 259, 286, 368
Франц Фердинанд, эрцгерцог австрийский 255, 292, 365, 371
Фрашери А. 138, 139, 141, 146, 148, 152, 153
Фрашери К. 139, 144, 149, 154
Фрашери М. 389
Фрашери Н. 155
Фрашери С. 143, 155, 409
Фридрих III,
германский император 22
Фуад-паша 189
Фэйрхолм 209

Х

Хаджиниколов И. 382
Хазельштайнер Х. 371
Хаймерле Х. 91
Хайри-паша 214
Хакки, Баха 214
Хакки-бей, Измаил 446, 448
Хакки-паша, Ибрагим 447, 448, 450, 451, 453, 455, 456
Халил 183
Халил Рифат-паша 378, 379
Халил-бей (Ментеше) 451, 461, 467, 477, 482
Хандан Н.–А. 440
Харботл Т. 165
Хасани С. 144
Хвостов В.М. 228, 386
Хейреддин-бей, Тахир 459
Хейреддин-паша, Тунуслу 459
Хильми-паша, Хусейн 202, 203, 440, 442, 445–447, 451, 464
Хитрово М.А. 50, 59–60
Хлебникова В.Б. 325, 487
Ходжа Э. 221, 405
Храбак Б. 304
Христиани Г.Г. 27, 28
Христмас В. 159
Хуршид-паша 456, 463, 464

Ц

Цанков Д. 57–59, 63–67, 71, 75, 77
Цветков П.С. 273
Целебровский В.П. 242, 454
Цехмистренко С.П. 168
Цинцар-Маркович Д. 108
Цончев И. 206, 387
Цурри Б. 302, 400, 408

Ч

Чавдар А. 205
Чама Т. 397
Чарыков Н.В. 105, 419
Чемберлен Дж. 20
Чернин, Оттокар, фон 227, 267
Чернышевский Н.Г. 64
Честер С. 415, 419
Чуркина И.В. 171

inslav

Ш

Шабри-бей, Эюб 220
Шатохин Б. 74
Шебунин А.Ф. 431
Шевкет-паша, Махмуд 442–445, 447–449, 451–453, 455, 462, 463, 467, 472, 475, 477–479
Шемси-паша 220
Шемякин А.Л. 10, 487
Шервет, Эдиб 214
Шеремет В.И. 180
Шериф-паша 448
Шильдбах К. 170
Широкорад А.Б. 165, 386
Шкерович Н. 119–121, 334, 335
Шкодрани, Пашко Васа 138
Шлиффен, Альфред, фон 225
Шпейер А.Н. 136
Шпилькова В.И. 183, 185, 195, 213, 214, 437, 439, 442
Штадлер Й. 370
Штейн Е.Ф. 323, 327–329, 342
Штрандтман В.Н. 272, 274, 298, 300, 305, 389, 447
Шукру М. 214, 216
Шуман М. 51

Щ

Щеглов А.Н. 61, 321, 345, 348
Щербачев Ю.Н. 417, 421, 423

Э

Эдем-паша 170
Эдуард VII, король Великобритании 23, 24, 218, 224, 225
Экмечич М. 14, 364, 484
Элез Юсуф 302
Эллиот Ф. 417, 425
Энвер-паша 183, 184, 189, 210, 214–216, 219–221, 442, 452, 473–476, 478, 482, 483
Энгельс Ф. 13, 14
Эренталь, Алоиз, фон 104, 228, 286, 290, 291
Эрнрот Г.К. 57–59, 62, 71
Эсквит Г. 410
Эттель, фон Эттернах Э. 285

Я

Яворов П. 385
Яков, митрополит Дурреса 305
Ямбаев М.Л. 182, 206, 389
Янг Дж. 217,
Янкович Б. 277, 407

inslav

Для заметок

inslav

Научное издание

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

История Балкан.
На переломе эпох (1878–1914 гг.)

Ответственный редактор
К. В. Никифоров

Компьютерная верстка
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»

Подписано в печать 16.10.2017. Формат 70×100 1/16.
Гарнитура Book Antiqua. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 31,5 печ. л.

Заказ № 118.

Тираж 500 экз.

inslav